ISSN 2072-2087

№3(29)
Сентябрь 2016
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

The Bryansk State University Herald

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/ SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS / PEDAGOGICAL SCIENCE

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3 (29) (2016): исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки.
Брянск: РИО БГУ, 2016. 254 с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович - ректор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», доктор филологических наук, профессор.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна - доктор педагогических наук, профессор.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович - кандидат биологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Артамошин С.В.
ЛЕЙТЕНАНТ ШТУРМ И ГЕРОИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ Э. ЮНГЕРОМ 7
Антюхова Е.А.
ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ США КАК СЕГМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО 11
Блуменау С.Ф.
ТРАКТОВКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ Ф. МИНЬЕ И Л.-А. ТЬЕРА 15
Голикова С.Н.
ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ФРГ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ. 19
Джакишев А.У.
ВОССТАНИЕ 1916 Г. В КЫРГЫЗСТАНЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ 26
Книга М.Д.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX В.) 32
Колякина О. А.
ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И БОЕВАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 14-Й ОИПТАБр РВГК В БОЯХ НА ЮЖНОМ ФАСЕ КУРСКОГО ВЫСТУПА 5 ИЮЛЯ – 23 АВГУСТА 1943 Г 38
Ласкова Н. В.
КОЛОНИЗАЦИЯ ШОТЛАНДСКИХ ОКРАИН В XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ. 43
Нещеретов И.В.
КАЗАЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 47
Ромащенко В.А.
ГАЗЕТА «РУССКАЯ ПРАВДА» КАК ЖЕРТВА ЦЕНЗУРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ 1878–1880 ГГ. 50
Рыбаков С.В.
ДЕЙСТВИЯ И МОТИВАЦИИ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ 53
Рядных А.Ю.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х гг. XX в. 60
Сагимбаев А.В.
ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ «ЛИБЕРАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА» В ТВОРЧЕСТВЕ Х. ДЖ. МАККИНДЕРА. 66
Сазонов Д.И.
ПРОБЛЕМЫ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА В СЕРЕДИНЕ 60-Х - НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XX В. В СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ) 69
Тибет Абак
КУРДСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1908−1914 ГГ. 76

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Богуславский Михаил Викторович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией Института теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария;

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна – доктор филологических наук, доцент, доцент Отделения Русистики и Славистики Латвийского университета, Латвия;

Ланин Борис Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией литературы Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антюхов А.В., Шаравин А.В.
КОНЦЕПЦИЯ "СЛАВЯНСКОГО" И "РУССКОГО" В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. К. ТОЛСТОГО 82
Волга А.Н.
МОТИВ КРОВИ В ПОВЕСТИ А.К. ТОЛСТОГО «УПЫРЬ»..... 88
Мансков А.А.
АЛЛЮЗИИ НА «БОЖЕСТВЕННУЮ КОМЕДИЮ» ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ В НОВЕЛЛЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «ИТАНЕСИЭС»..... 91
Никитина И.Н.
ФОЛЬКЛОРНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЛИРИКЕ А.К.ТОЛСТОГО..... 96
Никитина И.Н., Савченкова Е.С.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДРОМАНТИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 99
Филиппова А.А.
УСАДЕБНЫЙ МИР ДЕТСТВА АЛЕКСАНДРА ШАХОВСКОГО: К БИОГРАФИИ ДРАМАТУРГА..... 101

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Алексеев А.В.
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА 107
Бурдина Е.А.
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРОНОТОПА В РАМКАХ ОБРАЗА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.К. ТОЛСТОГО..... 113
Гехтляр С.Я.
КОНТЕКСТ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА) 119
Гончарова Н.Ю., Храброва Е.С.
ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ КАРТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОНЦЕПТА «ВОДА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»..... 124
Захватова Е.А.
СЦЕНИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ И РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТОНАЦИИ 128
Кичигин К.В.
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАТРОНИМОВ В МИССИОНЕРСКОЙ ГРАММАТИКЕ ДОМИНГО ДЕ САНТО ТОМАСА (К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ АНТИЧНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО КАНОНА) 131
Колесова Н.В., Тимохина Л.Р.
АДАПТАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ В. АКСЕНОВА)..... 137
Кухтенкова А.А.
ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (ПО РОМАНУ Г.И.ГАЗДАНОВА «ЭВЕЛИНА И ЕЕ ДРУЗЬЯ») 141
Лаврентьева А.С.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКИХ АГИОАНТРОПОНИМОВ..... 148
Маханова Г.Е.
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СКУКА» 153
Никишина О.А.
ЛЕКСИКОН АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ДИСКУРСА..... 156
Песина С.А., Дружинин А.С.
КОГНИТИВНЫЙ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ КОММУНИКАЦИИ 161
Печёнкина О.Ю.
КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»..... 166
Рогозин А.Ю.
СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА..... 170
Салатова Л.М.
РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ МЕТАФОР В ТЕКСТАХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008 Г.) 173

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри, Люблин, Польша;

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Россихина Галина Николаевна – кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и социального образования ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

В данном выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.
Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России» - 40705 годовая

Салькаева А.Н.
ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА КАК КОГНИТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ 178
Соловьева А.А.
К ПОНИМАНИЮ НЕКОТОРЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СИТУАЦИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ И КОНТАКТА ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ КАТАЛОНИИ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ) 183
Трошина Н.В.
САМОБЫТНОСТЬ РОССИИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «САМОБЫТНОСТЬ» В ДИСКУРСЕ РУССКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА 189
Хапко Е.В.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СОН – ЯВЬ» В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА 194
Хованская Е.А.
ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВИЛА УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ 198

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воронин А.М., Самоторова О.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 201
Горбачев В.И.
ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРОВНЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 204
Егоров Г.В.
О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ И МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ ФИЗИКИ 212
Исаев Е.А.
ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ 217
Карташова В.Н.
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЗНАЧИМОСТИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ 221
Минина В.Ю.
О МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ МАТЕМАТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ 225
Мирошникова Е. А.
АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ 229
Селиванова Л.И.
РЕАЛИЗАЦИЯ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ 235
Топоркова О.В., Новоженина Е.В., Чечет Т.И.
СИСТЕМА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 242
Трубина Е.Н.
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ 247

© РИО БГУ, 2016

№3(29)

September 2016

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

The Bryansk State University Herald

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS / PEDAGOGICAL SCIENCE

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishingkey results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

ВЕСТНИК

Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ /
ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Chairman of editorial board:

Andrey Viktorovich Antyukhov,
Rector of Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University, Doctor of Philological Sciences, professor

Chief editor:
Tatyana Alexandrovna Stepchenko,
Doctor of Pedagogical Sciences, professor

Executive secretary:
Igor Vladimirovich Melnikov,
Candidate of Biological Sciences, associate professor

Редакционная коллегия:

S.V. Artamoshin - Doctor of Historical Sciences, Dean of the History and International Relations faculty, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);

N.A. Astashova – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Pedagogy department, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

I.A. Bikkulova – Candidate of Philological Sciences, Dean of the Philology faculty, Professor BSU (research area: science of literature);

M.Ya. Bloch – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department at MPGU (research area: linguistics);

S.F. Blumenau - Doctor of Historical Sciences, Head of the department of General History, International Relations and

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Artamoshin S.V.
LT. STURM AND GLORIFICATION OF THE GREAT WAR, E. JUNGER 7
Antyukhova E.A.
DIGITAL DIPLOMACY OF THE USA AS SEGMENT
OF THE NATO PUBLIC DIPLOMACY 11
Blumenau S.F.
INTERPRETATION OF THE FRENCH REVOLUTION IN THE WRITINGS
OF F. MEUNIER AND L.-A. THIERS 15
Golikova S.N.
SAFETY PROBLEM IN GERMANY IN THE CONDITIONS OF CONTINUOUS
MIGRATION AT THE BOUNDARY OF THE 20-21ST CENTURIES 19
Dzhakishev A.U.
THE REVOLT OF 1916 IN KYRGYZSTAN: CONTROVERSIAL ISSUES..... 26
Kniga M.D.
THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FIRST AGRICULTURAL
INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX CENTURY) 32
Kolyakina O.A.
THE STAGES OF CONSTRUCTION AND COMBAT EFFECTIVENESS 14TH
OIPTABR RVGK IN THE FIGHTING ON THE SOUTHERN FACE OF THE KURSK
SALIENT ON 5 JULY-23 AUGUST 1943..... 38
Laskova N.V.
THE COLONIZATION OF THE SCOTTISH OUTLYING DISTRICTS
IN THE XVI AND THE FIRST QUARTER OF THE XVII CENTURIES..... 43
Neshcheretov I.V.
THE COSSACK ECONOMY OF THE KUBAN AREA IN THE YEARS
OF WORLD WAR I 47
Romashchenko V.A.
NEWSPAPER "RUSSKAIA PRAVDA" AS A VICTIM OF CENSORSHIP
PENALTIES 1878–1880..... 50
Rybakov S.V.
ACTION AND MOTIVATION BRITISH DIPLONACY BETWEEN
THE TWO WORLD WARS 53
Ryadnih A.Yu.
THE ACTIVITIES OF THE SOVIET AUTHORITIES ON THE TERRITORY
OF KURSK GOVERNORATE IN THE FIRST HALF OF THE 20IES
OF THE XXTH CENTURY. 60
Sagimbaev A.V.
THE EVOLUTION OF THE DOCTRINE OF «LIBERAL IMPERIALISM»
IN THE WORKS OF H. J. MACKINDER. 66
Sazonov D.I.
PROBLEMS OF PARISH LIFE AS AN INDICATION OF THE RELIGIOUS
STATE OF IN THE MID-60'S - EARLY 80-IES. THE XXTH CENTURY
IN THE SOVIET UNION (CENTRAL RUSSIA) 69
Tibet Abak
KURDISH QUESTION IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS 1908–1914 76

International Law, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology);

M.V. Boguslavsky – Doctor of Pedagogical Professor, Head of the laboratory Institute of the theory and history of pedagogics, RJSC (research area: pedagogical science);

A.P. Vasilenko **-** Doctor of Philological Sciences, Head of the French Language department, Professor BSU (research area: linguistics);

S.Ya. Gekhtlyar - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);

L.V. Gribanova - Candidate of Philological Sciences, associate professor BSU (research area: linguistics);

T.E. Demidova **-** Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, Professor BSU (research area: pedagogical science)

I. Dzhambov - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);

A.M. Dubrovsky - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences a nd archaeology);

S.V. Evteev – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the department of German, MGIMO (research area: linguistics);

R.O. Kurpniyetsa – Doctor of Philological Sciences, Associate professor Rusistiki and Slavic philology of the Latvian university, Latvia (research area: linguistics);

B.A. Lanin – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature FGNU (research area: science of literature);

L. Mikrut - Doctor of Philological Sciences, university of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);

S.I. Mikhalchenko - Doctor of Historical Sciences, Professor BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);

M.V. Retivykh – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

SCIENCE OF LITERATURE

Antyukhov A.V., Sharavin A.V.
THE CONCEPT "SLAVIC" AND "RUSSIAN" IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF A.K. TOLSTOY 82
Volga A.N.
MOTIF OF BLOOD IN THE STORY OF A. K. TOLSTOY's «VAMPIRE» 88
Manskow A.A.
ALLUSIONS TO "THE DIVINE COMEDY" BY DANTE ALIGHIERI IN THE NOVEL OF S.D. KRZHIZHANOVSKY «ITUNESIS» 91
Nikitina I.N.
FOLKLORIC STYLIZATION AS A REFLECTION OF SLAVIC IDEOLOGY IN THE LYRIC POETRY OF A.K.TOLSTOY 96
Nikitina I.N., Savchenkova E.S.
HISTORICO-LITERARY BACKGROUND OF EMERGENCE OF PREROMANTICISM IN RUSSIAN LITERATURE 99
Filippova A.A.
MANOR ALEXANDER SHAKHOVSKY WORLD OF CHILDHOOD: THE BIOGRAPHY OF THE PLAYWRIGHT 101

LINGUISTICS

Alekseev A.V.
THE SYMBOLIC MEANING OF A WORD IN THE ETYMOLOGY AND HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE 107
Burdina E.A.
LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION CHRONOTOP WITHIN THE IMAGE SLAVIC WORLD IN NONFICTION TEXTS OF A.K. TOLSTOY 113
Gehtler S.Ya.
THE CONTEXT AS A REPRESENTANT OF THE CONTENT OF THE CONCEPT "NOBLE HOUSE" BASED ON THE WORKS BY I. A. BUNIN) 119
Goncharova N.Yu., Khrabrova E.S.
THE BASICS OF BUILDING A MAP OF A METAPHORICAL ACTIVITY, THE CONCEPT "WATER" IN THE WORK DZH.R.R.TOLKIEN'S "THE LORD OF THE RINGS" 124
Zakhvatova E. A.
THE STAGE MONOLOGUE AND THE RETHORIC FUNCTION OF INTONATION 128
Kichigin V.C.
INTERPRETATION OF PATRONIMIC IN MISSIONARY GRAMMAR OF DOMINGO DE SANTO TOMASA (TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF ANCIENT GRAMMATICAL CANON) 131
Kolesova N.V., Timokhina L.R.
WORD-BUILDING PECULIARITIES OF BORROWINGS (BASED ON THE TEXTS BY V. AKSYONOV) 137
Kukhtenkova A.A.
A LEXICAL-THEMATIC GRID OF THE ASSOCIATIVE-SEMANTIC MICROFIELD OF A LITERARY CHARACTER (FROM THE NOVEL BY G.I. GAZDANOV «EVELYN AND HER FRIENDS») 141
Lavrentev A.S.
STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF SPANISH AGIANNITOPOULOS 148
Makhanova G.E
EXISTENTIAL COMPONENT OF THE CONCEPT "BOREDOM" 153
Nikishina O.A.
THE LEXICON OF THE ENGLISH PENAL DISCOURSE 156
Pesina S.A., Druzhinin A.S.
COGNITIVE AND ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO COMMUNICATION PROCESS 161
Pechonkina O.Yu.
THE WORLD VIEW IN THE A.K.TOLSTOY'S NOVEL 'PRINCE SEREBRENNI' 166
Rogozin A.Yu.
SEMANTIC UNIVERSALS IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE IN THE ASPECT OF MULTICULTURALISM 170
Salatova L.M.
THE DEPLOYMENT OF GRAPHICAL METAPHORS IN THE TEXTS OF AMERICAN MASS MEDIA (ON THE EXAMPLE OF ECONOMIC CRISIS IN 2008) 173
Salkaeva A.N.
LANGUAGE PERSONALITY OF THE EPISTOLARY TEXT AS A COGNITIVE PHENOMENON 178
Soloviev A.A.
TO UNDERSTAND SOME SOCIOLINGUISTIC TERMS IN A SITUATION A LOT OF ASACIA AND CONTACT LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF ETIQUETTE FORMULAS OF CATALONIA AND NORTHERN INDIA) 183

G.N. Rossikhina - Candidate of Philological Sciences, Dean of the faculty of Foreign Langauges, Professor BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);

S.A. Chugunova - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: linguistics);

A.V. Sharavin - Doctor of Philological Sciences, Professor BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);

L.A. Yadvirshis - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor BSU (research area: pedagogical science)

Troshina N.V.
RUSSIAN IDENTITY: THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE CONCEPT «IDENTITY» IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN SLAVOPHILISM..... 189
Khapko E.V.
SEMANTIC OPPOSITION "SLEEP – REALITY" IN THE TYUTCHEV'S WORKS 194
Khovanskaya E.A.
TECHNOLOGY RESEARCH AND RULES OF LANGUAGE ACQUISITION IN CHILD SPEECH 198

PEDAGOGICAL SCIENCES

Voronin A.M., Samotorova O.A.
CURRENT PROBLEMS OF TECHNOLOGICAL EDUCATION..... 201
Gorbachev V.I.
THE THEORY OF FUNCTIONS IN THE METHODOLOGY OF THEORETICAL TYPE OF THINKING: CONTENT OF LEARNING ACTIVITY OF LEVEL OF GENERAL EDUCATION..... 204
Egorov G.V.
ABOUT THE PHENOMENOLOGICAL AND MICROSCOPIC THEORIES IN PHYSICS..... 212
Isaev E.A.
POLYCULTURAL APPROACH IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: METHDOLOGICAL ISSUES..... 217
Kartashova V.N.
WEST-EUROPEAN SCIENTISTS ABOUT THE IMPORTANCE OF LANGUAGE EDUCATION 221
Minina V.YU.
ABOUT THE MODEL OF TEACHER TRAINING IN THE DESIGN AND IMPLEMENTATION ELECTIVE COURSES MATHEMATICAL-ECONOMIC PROFILE 225
Miroshnikova E. A.
ADAPTATION OF THE TEXT EDUCATIONAL MATERIAL WITH DIFFERENTIATED LEARNING A FOREIGN LANGUAGE..... 229
Selivanova L.I.
THE ACTIVITIES OF PERSONAL SELF-DEVELOPMENT IN STUDENT RESEARCH LABORATORIES..... 235
Toporkova O.V., Novozenina E.V. Chechet T.I.
SYSTEM ASSESSMENT TOOLS IN THE FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF BACHELORS OF TECHNICAL SPECIALTIES..... 242
Trubina E. N.
MODELING OF FORMATION OF MORAL IDEAS BY MEANS OF MUSIC IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION..... 247

© BSU, 2016

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 943.085.2

ЛЕЙТЕНАНТ ШТУРМ И ГЕРОИЗАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ Э. ЮНГЕРОМ[1]

Артамошин С.В.

Статья посвящена формированию образа героя и восприятия героического в годы Первой мировой войны в германской общественной мысли на примере творчества Эрнста Юнгера. Анализируется восприятие войны поколением участников, ее воздействие на формирование мировоззрения «окопного братства». Показана трансформация героического в условиях нивелировки роли солдата в эпоху войны техники.
Ключевые слова: *Первая мировая война, образ героя, героизация войны, Э. Юнгер.*

LT. STURM AND GLORIFICATION OF THE GREAT WAR, E. JUNGER

Artamoshin S.V.

The article is devoted to the formation of the image of the hero and the heroic perception during the First World War in the German public opinion as an example of creativity Ernst Jünger. It analyzes the perception of the war generation of participants, its impact on the formation of the world "trench brotherhood." It is shown that the transformation of the heroic in a leveling of the role of a soldier in the era of the war machinery.
Keywords: *First World War, the image of the hero, the glorification of war, E. Junger.*

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие европейской культуры и трансформацию европейского общества послевоенного времени. Степень ее воздействия существенно превосходит катастрофичность Второй мировой войны. В первые послевоенные годы в германском обществе возникла потребность в осмыслении того, чем Великая война была для поколения ее участников, в чем состояла сущность и проявление героизма на полях сражений. В этом стремлении выражалось на только желание понять сущность военных переживаний, но и использовать их в текущей политической практике Веймарской республики [Подробнее см.: 1. С.54-69.].

Эрнст Юнгер был мыслителем, который смог проникнуть вглубь переживаний войны, будучи не только интеллектуалом, но и непосредственным активным участником Великой войны. Кавалер Рыцарского креста, Железного креста и в конце войны удостоенный награждения высшим прусским военным орденом Pour le Mérite, учрежденным Фридрихом Великим. Лейтенант Э. Юнгер закончил войну командиром штурмовой роты, на теле которого “стальные грозы” Западного фронта оставили четырнадцать отметин. “Именно война создала его как личность, и он отплатил ей благодарностью, ни разу не прокляв, ни осудив” [2. С.22]. В своей знаменитой книге “В стальных грозах” Э. Юнгер свое ощущение солдатских переживаний отправки на фронт, которые показывают насколько в них переплетался юношеский романтический азарт и патриотические чувства германского подданного. “Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, - возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней… Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!”[3. С.35]. На эту эмоциональность восприятия указывала М. Хитала: “Юношеское переживание войны было иррациональным, авантюрным опытом, связанным с сильным акцентом на душевные переживания”[5. S.43]. Фридрих Георг Юнгер в своей знаменитой статье “Война и воин”, писал, что “война была великим знаком. <…> Поэтому для каждого человека, погруженного в глубины войны и сильно ощущавшего себя как ее носителя, это было реальным выражением времени; его образ указывал на очистительное содержание во всей наличной ответственности борющейся жизни. Ему досталась последняя сила, открывающая огонь глубоко в зоне уничтожения творческого триумфа; это бессловесное одобрение жизни на равнине кровавых разрушений становится таким убедительным, что все негативное с него осыпается”[6. S.64-65]. Анализируя военные переживания современный германский исследователь Б. Циманн называет военные произведения Э. Юнгера “книгой героев”, рассматривая его как чрезвычайно здравого наблюдателя и хрониста телесного,

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках гранта №15-01-00399

душевного и психического разрушения человека посредством насилия войны[8. S.65].

Образ Великой войны увековечен Э. Юнгером в его бессмертном произведении “В стальных грозах”. Однако мы обратимся к анализу героического в другой его сочинении “Лейтенант Штурм”, к которой исследователи обращаются лишь эпизодически, так как тень военных “стальных гроз” затмевает все последующее, что было написано им о Великой войне. Вместе с тем, в этом произведении можно обнаружить созвучие как основных оценок сущности войны, так и обнаружить нюансировку проявления героических действий, роли героического в исторической памяти.

“В сущности, каждый переживает войну по-своему”, но “созерцание требует отдаления”[4. С.60, 69]. Это предопределило спустя годы стремление Э. Юнгера размышлять о том, что происходило с человеком под ударом вражеской артиллерии в окопах Первой мировой войны. В стремлении соединить размышления о природе войны, ее воздействие на перелом в мироощущении и ценностях солдат с необходимостью сохранить в памяти героические эпизоды войны, подталкивали Э. Юнгера к четкой прорисовке образа героя. Во многом лейтенант Штурм выступает самим Эрнстом Юнгером, мысли и ощущения которого настолько сильно срастаются с тем, как сам автор фиксирует в своих военных дневниках происходившие с ним эпизоды. Следует указать на выбор фамилии главного героя – Штурм, который позволяет подчеркнуть наступательный, действующий характер поведения лейтенанта пехоты. К тому же в последние годы войны сам Юнгер был командиром штурмовой роты, что еще раз свидетельствует в пользу того, автор передает пережитое им самим в этой войне. Не случайно и то, что лейтенант Штурм как и Юнгер тоже книжный человек, который в перерывах между боями стремится записать свои мысли и ощущения о происходящем, полагая, что когда-нибудь сможет написать “декамерон блиндажа” как книгу переживаний войны.

Великая война была торжеством техники. Это было противостояние государств, национальных экономик и технических достижений, которые нивелировали значение человеческой личности в процессе мирового противостояния. Сам военный конфликт превращался в подобие военного предприятия, на котором у каждого участника свое место и своя роль, где государство “ограничивает функции отдельного существования одной специализированной ячейкой”[4. С.43]. Это означает заменяемость человека в процессе выбывания из войны. Все подчиняется законам управления предприятием, где человек просто компонент технического и экономического противостояния. “Производство, технические достижения, химия, уровень школьного образования, сеть железных дорог – вот силы, невидимо противостоящие друг другу за дымовой завесой физического сражения” [4. С.44]. Героизм стирается объемом военной мощи, применяемой на определенном участке фронта. Э. Юнгер подчеркивает очень важную деталь трансформации героического, связанную с наступлением господства техники. Героическое сохраняет в себе часть проявления индивидуального поступка, действие конкретного человека, вместе с тем героическое растворяется в массовом участии солдат, где победа достигается массой, в которой растворяется поступок каждого отдельного солдата. “Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого негде скрыться, мощь стальных дальнобойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую массу титана. В смерть бросались, не помня себя, и она настигала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искушенного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах бóльшим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва”[4. С.45]. Таким образом, Великая война была сложным, многофакторным процессом, который следует воспринимать комплексно, как комбинацию всех элементов. Э. Юнгер отмечал ошибочность как катастрофической, так и возвышенной оценки войны. “Тот, кто усматривал в ней лишь грубое, варварское, вышелуживал одно лишь качество из гигантского комплекса, как и тот, кто видел в нем лишь патриотическую героику”[4. С.56].

Соединение индивидуального и массового находит свое отражение в том, что жизнь главного героя лейтенанта Штурма на войне не существует в отрыве от солдат его роты. Они спаяны единой судьбой. ”Рота была подобна закопавшемуся в песок животному, чьи мускулы продолжают играть, вибрируя при всей видимости внешнего спокойствия. Наступление было прыжком, приводившим в движение все силы, и только в обороне люди снова сосредотачивались друг на друге, осуществляя все оттенки общения. С человечеством их связывали тонкие нити, которые могли порваться в любую минуту, и подразделение было подобно деревне, изолированной в альпийской долине зимними заносами”[4. С.39]. Э. Юнгер обращает внимание на то, что даже в большом солдатском коллективе человек чувствует одиночество на войне, которое усиливается в момент артиллерийского обстрела. Именно тогда солдат чувствует близость неизвестного, таинственного, несущего смерть пространства

войны, в котором он всего лишь песчинка. “Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно. Но когда смерть грозовым облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества”[4. С.41]. Э. Юнгер подмечает, что в этом одиночестве человек склонен проявлять слабость, которую никто не видит, которая остается только с ним. Однако бой меняет ощущение одиночества, соединяя солдата с нечто большим, чем он сам – с его ротой, давая ему силы, чтобы проявить свою доблесть, так как “трудно оказаться трусом на глазах у других”[4. С.72].

Э. Юнгер отмечает, что в такой ситуации человек самого себя пробует на зуб. Люди подразделяются на две категории: на сильнейших и слабейших. Их сущность проявляется в момент крайнего напряжения, под огнем неприятеля. “Вражеская атака после бешеного обстрела. Как выпрыгивают тогда лучшие и сильнейшие из своих укрытий и как накладывает на лучших свое тавро последний железный бросок, в то время как внизу в своих норах дрожат слабейшие, оправдываясь известным изречением: «Лучше на пять минут струсить, чем умереть навсегда»” [4. С.43]. Бой является проявлением героического участия солдата в коллективном действии. “Да, суета в сражающихся группах избранных представителей наций, бесстрашно нападающий через насыпь, надрессированный, со свистком и коротким криком бросающийся на смерть. Встретившиеся две группы таких бойцов в коротких движениях раскаленной пустыни, как наскочившие вместе воплощения бесцеремонной воли двух народов. Это было вершиной войны, высшим пунктом, возвышающим все ужасы, что прежде разрывали нервы. Замерзшие секунды тишины, схваченные взглядом, идут вперед. Затем, доносящийся еще крик, обрывистый, дикий, кроваво-красный, обжигающий мозг, раскаленное, обжигающее клеймо. Этот крик срывает покров с сомнительного, непредвиденного мира чувств, он заставляет каждого, кто его слышит, быстро рвануться вперед, к «становлению» быть убитыми или убивающими”[7. S.28-29].

Один из главных вопросов, который ставит Э. Юнгер, что заставило молодых людей, окончивших университеты, оказаться на войне, что подталкивало их принять участие в великой битве современности. Он полагает, что ответом служит то, что война была в его крови, “как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений” [4. С.54]. Это наиболее выразительно присутствует у сослуживца Штурма лейтенанта фон Хорне, командира саперного взвода. “Он принадлежал к тем, для кого обхождение со взрывчатыми веществами было повседневностью, а ночная стычка с врагом сама собой разумелась; он был военный, и в другом качестве его нельзя было себе представить.<…> Когда вокруг все рушилось, он был в своей стихии. Штурма одолевал вопрос, что сталось бы с этим человеком, не начнись война. Очень просто, ему пришлось бы создать себе войну. Он отправился бы в Африку или в Китай или был бы убит на дуэли”[4. С.79-80].

Война для лейтенанта Штурма была очищением, поиском выхода из замкнутости довоенной жизни. Она позволяла участвовать в созидании нового мира. “Ибо интеллект надорвался в своем невероятном танце на канате между противоположностями, не позволяющими навести никакого моста. Рано или поздно он должен был разбиться, сорвавшись в пропасть сумасшедшего смеха. И тогда качнулся в другую сторону тот таинственный маятник, движущий все живое, тот непостижимый мировой разум, пытающийся ударом кулака, чудовищным взрывчатым воспламенением проделать брешь в кладке из плитняка, чтобы выбраться на новые пути. А волна в море, поколение назвало абсурдом то, что обрекало его на гибель”[4. С.54-55].

Существенной особенностью военного поколения в представлении Штурма было стремление к действию. Следует подчеркнуть, что готовность к действию и конкретная деятельность были отличительной чертой поколения войны. Акцентирование на этом внимания было характерно для националистического периода творчества Эрнста Юнгера, особенно применительно к военному периоду. “Сколько наших литераторов там (в Швейцарии – С.А.) сидит в данный момент! Но какое различие между ними и нами, когда они созерцают и пишут, в то время, как мы действуем! <…> В сущности не важно, кто под каким знаменем, очевидно одно: наша последняя пехтура или захудалый французский солдатик, стрелявший и заряжавший в битве на Марне, больше значит для мира, чем все книги, которые могут нагромоздить эти литераторы”[4. С. 68].

В фигуре лейтенанта Штурма объединяются характерные черты солдатского типа Великой войны, в основе которых лежат принципы чести и Отечества. Они определяли поступки настоящего солдата, каким был молодой лейтенант. “В бою он был храбр, но не от избыточного энтузиазма и не из принципа, а руководствуясь лишь утонченным чувством чести, когда малейший намек на трусость отторгается брезгливостью как нечто нечистое”[4. С.49]. Его героизм произрастал из этих принципов. И когда настал момент действовать, лейтенант Штурм поступил так, как велел ему долг.

В момент английской атаки, когда противник во-

рвался в окопы, он предпочел самоотверженную гибель возможности сдачи в плен, так как долг и чувство чести диктовали ему последнюю битву. “Пули проносились над воронкой, иногда задевая ее край. Хорна снова задела пуля, попав на этот раз в погон, так что повис большой, величиной с ладонь, кусок униформы. Противник, по-видимому, углубился в траншеи слева. Три боевых товарища вместе сидели на дне воронки, невозможно было поднять голову под жужжащим веером. Штурм смотрел то на одного, то на другого со странным чувством непричастности. Казалось, он на представлении чужой пьесы. Деринг был очень бледен, его кулак с легким дрожанием сжимал пистолет. Сапер был на удивление спокоен. Он отстегнул от пояса флягу, откупорил, выпил ее всю и отбросил прочь:

- Жалко, всего остального уже не выпьешь. –

События развивались очень быстро. Свистящий вихрь пуль налетел снова. Когда все трое поднялись, они увидели перед собой английскую штурмовую группу. «You are prisoners!»(Вы пленные! – англ.) – крикнул им голос. Штурм уставился в лицо сапера. Оно пылало белым пламенем. «No, sir» (Нет, сэр. – англ.) – раздался ответ, сопровождавшийся пистолетным выстрелом. Вместе с ружейным залпом громыхнули ручные гранаты. Человеческие фигуры исчезли в облаке из огня, взвившейся земли и белесого дыма. Когда оно рассеялось, Штурм еще стоял. Он поднял пистолет, но его ударило в левый бок, лишив зрения и слуха”[4. С.104]. Смерть, сохранившая честь, смерть за Отечество в бою – вот выбор, который принимает лейтенант Штурм. В этом Э. Юнгер видит вершину героического. Интересно заметить, что гибель трех друзей, трех лейтенантов роты является иллюстрацией не только следования долгу, но и товарищества. Три товарища Э. Юнгера были объединены не только общностью военной судьбы, но и единством героической смерти.

Героизация Великой войны Э. Юнгером находит свое выражение в героическом подвиге во имя Отечества и чести воина. Автор создает пример не только для понимания мотивации поступков на поле боя, но и для воспитания на примерах памяти героического подвига, что было актуального в расколотом веймарском обществе. Герой войны, в представлении Э. Юнгера, выполняет свой долг до конца, своим поступком оставаясь в памяти народа.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. – Брянск, 2011.
2. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа//Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли/Пер. с нем. А.В.Михайловского. СПб., 2000.
3. Юнгер Э. В стальных грозах/Пер. с нем. Н.О.Гучинской, В.Г.Ноткиной. СПб., 2000.
4. Юнгер Э. Лейтенант Штурм// Юнгер Э. Рискующее сердце/Пер. с нем. В.Б. Микушевича. СПб., 2010.
5. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn.1920-1933. Helsinki, 1975.
6. Jünger F. G. Krieg und Krieger// Krieg und Krieger, hrsg. v. E. Jünger. Berlin, 1930.
7. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922.
8. Ziemann B. Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Ű̈berleben-Verweigern. Essen, 2013.

Об авторе

Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *artamoshinsv@mail.ru*

УДК 327+341.1

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ США КАК СЕГМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НАТО[1]

Антюхова Е.А.

Статья посвящена цифровой дипломатии, являющейся составной частью публичной дипломатии. Анализируется использование возможностей информационно-коммуникационных технологий для решения задач по продвижению внешнеполитических интересов США и влиянию на массовое сознание посредством интернета, социальных сетей и блогов.
Ключевые слова: *мировая политика, цифровая дипломатия, социальные сети, публичная дипломатия, информационно-коммуникационные технологии, внешнеполитические интересы, общественное сознание, США, «арабская весна».*

DIGITAL DIPLOMACY OF THE USA AS SEGMENT OF THE NATO PUBLIC DIPLOMACY

Antyukhova E.A.

The article is devoted to the digital diplomacy which is a component of public diplomacy. The use of opportunities of information and communication technologies for solving the problems of the promotion of the USA foreign policy interests and influence on mass consciousness by means of the Internet, social networks and blogs is analyzed.
Keywords: *world politics, digital diplomacy, social networks, public diplomacy, information and communication technologies, foreign policy interests, public consciousness, the USA, «arabic spring».*

Публичная дипломатия всегда являлась важной составляющей внешней политики ведущих государств мира. Ускорение процессов глобализации, интенсивное развитие интернета как способа продвижения идей и их ретрансляции на общество способствовали превращению публичной дипломатии в один из важнейших инструментов мировой политики.

Как справедливо отмечает российский политолог М.М. Лебедева, «современный мир претерпевает трансформацию, обусловленную масштабной трансграничной активностью. Коммуникационные и информационные технологии делают взаимодействие доступным в финансовом и временном отношении для самого широкого круга людей, а распространение в XXI в. популярных социальных сетей обеспечивает быстрый мобилизационный эффект. Дипломатическая деятельность в этих условиях становится все сложнее и многообразнее; все строже очерчиваются два основных уровня воздействия на зарубежную аудиторию.

Первый связан с влиянием на официальные структуры (дипломатов и политиков), в то время как второй (публичная дипломатия) – на общественные организации, бизнес, население стран. Кроме того, в XXI в. публичная дипломатия приобретает такие черты, как ориентация на диалог с общественными структурами зарубежных стран, широкое привлечение негосударственных акторов»[1, с. 45].

Если традиционная публичная дипломатия как способ влияния на общественное мнение зарубежных стран включала в себя информационную пропаганду, осуществляемую в основном через радио, телевидение и кинопродукцию, то развитие интернета значительно расширило роль и возможности публичной дипломатии и создало новые способы взаимодействия не только между мировыми лидерами, но и с неправительственными организациями и отдельными гражданами.

Одна из авторов стратегии публичной дипломатии НАТО Стефани Бабст в своем интервью в октябре 2011г. так отметила значение интернета: «Всемирная паутина» играет в XXI веке примерно ту же роль, что форум для древних римлян. С той разницей, что наш «форум» глобален и виртуален. Сегодня он позволяет людям всей планеты общаться с друзьями, искать работу, заниматься продвижением собственного бизнеса или организацией ралли. Но это не все. Социальные медиа – Facebook, Twitter или видеохостинговый сайт YouTube – все в большей степени становятся инструментами влияния обычных людей, их пользователей на международную политику»[2].

Постоянно растущее число пользователей сети Интернет, обсуждающих важнейшие общественные и политические проблемы в социальных сетях, явилось причиной изменения сути современной публичной дипломатии. Программы публичной дипломатии западных стран переносятся в киберпространство, а ключевой целевой аудиторией становятся миллионы граждан, участвующие в 600 000 социальных сетей.

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках гранта № 15-37-11128

В последние годы сложился ряд способов для оказания влияния на зарубежное общество посредством сети Интернет.

В научной литературе существует несколько терминов, используемых для обозначения способа общения при помощи сети Интернет: публичная дипломатия Web 2.0. (public diplomacy Web 2.0.), цифровая дипломатия (digital diplomacy), интернет-дипломатия (Internet diplomacy), дипломатия социальных сетей (Twitter diplomacy).

Одна из ведущих отечественных специалистов в области публичной дипломатии Н.А. Цветкова определяет цифровую дипломатию как «механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио- и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о стране в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонифицированных страничек членов правительства и других официальных лиц в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны»[4, с. 427.].

Характеризуя основные постулаты современной цифровой дипломатии, Н.А. Цветкова отмечает:

«во-первых, источником цифровой дипломатии выступают неправительственные и сетевые организации, которые эффективнее охватывают своим влиянием определенную часть зарубежной аудитории;

во-вторых, платформой для цифровой дипломатии является сеть Интернет, куда переносятся новостные и музыкальные форматы радио- и телепрограмм, продвижение имиджа страны или организации и т. д.;

в-третьих, члены зарубежных неправительственных организаций, пользователи сети Интернет и молодежь становятся основными адресными группами цифровой дипломатии;

в-четвертых, вместо концепции «продвижение позитивного имиджа» страны используется новая концепция о «продвижении бренда» (branding), более конкретных символов, например, продвижение имиджа президента США (Obama's brand);

в-пятых, в цифровой дипломатии западных стран используются три стратегических концепции: мягкая сила (soft power), умная сила (smart power) концепция диалога (listening), что обеспечивает обратную связь, а затем и быструю реакцию на формирующееся общественное мнение пользователей Сети»[4, с.429].

Цифровая дипломатия активно используется государствами, входящими в Североатлантический альянс. Она рассматривается натовскими стратегами как важнейший элемент «мягкой» силы. Цифровая дипломатия стала своеобразной платформой для интерактивного диалога между государствами, входящими в Североатлантический союз и остальным миром.

У Североатлантического альянса широкие связи с прессой и другими средствами массовых коммуникаций. Организация успешно использует социальные медиа и коммуникационные инструменты. Корпоративный сайт www.nato.int хорошо организован, очень информативен, удобен и постоянно обновляется. Он содержит отдел новостей с пресс-релизами, новостями, выступлениями официальных лиц НАТО и аудио-визуальную библиотеку. Для желающих сайт предлагает бесплатную рассылку информационных бюллетеней на электронную почту. Кроме того, на сайте возможны просмотры вещания НАТО-TV.

Большое внимание уделяется социальным медиа и новым цифровым технологиям. Альянс поддерживает свою страницу в социальных сетях Facebook, Twitter, имеет аккаунт канал на YouTube, Google, Flickr и RSS, где публикует заявления для прессы, новости, фото, видео и другие мультимедийные материалы. НАТО также предлагает цифровое приложение для IPad. Кроме того, высшие должностные лица НАТО, такие как Генеральный секретарь НАТО и его помощники имеют собственные страницы в социальных сетях, чтобы поддерживать более тесную связь с целевой аудиторией.

США как государство, занимающее лидирующие позиции в НАТО, являющиеся неформальным лидером Североатлантического военно-политического блока, активно используют в своей практической деятельности цифровую дипломатию, применяя различные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы представить себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта.

Проводимая США политика во многом отражает подходы к цифровой дипломатии государств, входящих в структуру НАТО.

Отмечая авангардную роль США в использовании информационно-коммуникационных технологий для решения задач по продвижению своих внешнеполитических интересов, следует иметь в виду, что они в большей степени направлены на страны, находящиеся в зоне внимания Вашингтона.

Анализируя проекты, реализуемые США и ведущими странами НАТО, в рамках цифровой дипломатии большинство специалистов выделяют следующие основные направления:

1) организация протестного движения в зарубежных странах;

2) создание антицензурных компьютерных программ для диссидентов;

3) формирование диалога между представителями правительства западных стран и отдельными блоггерами в зарубежных странах;

4) борьба с терроризмом в сети интернет.

Значительное место в цифровой дипломатии занимает развитие блоггерства.

В рамках организации протестного движения в других странах специалистами США был осуществлен проект по созданию Союза молодежных движений (Alliance of youth movement) в сети Интернет. Американцы провели поиск групп или отдельных блоггеров критически относящихся к деятельности правительств своих стран или выступающих с различными общественными инициативами.

Госдепартаментом США была выдвинута инициатива, направленная на создание групп диссидентов в недемократических государствах при помощи Интернета. Осенью 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон запустила проект под названием Civil Societe 2.0 или TechCamps.

Следует отметить, что проект *TechCamps* является одним из самых эффективных проектов цифровой дипломатии США. Основными темами для обсуждения на семинарах в рамках данного проекта являются: передача знаний и технологий по использованию социальных сетей в социальной и политической жизни общества, способы получения доступа к сайтам, которые закрыты правительством, использование особых мобильных технологий, позволяющих нажатием одной кнопки предупредить всех друзей об опасности.

Другим инструментом обеспечения активистов и оппозиционеров доступа к Сети является создание функции на платформе Twitter, которая позволяет через местную мобильную связь передавать сообщения в данную социальную сеть в случае закрытия интернета в стране. Впервые данная функция была успешна апробирована в Египте в 2011 г. Сегодня она с успехом используется в Сирии.

С 2009 по 2011 г. правительство США потратило 76 млн. долларов на создание антицензурных программ для «активистов гражданского общества как на Ближнем Востоке, так и во всем мире»[4, с.448].

Цифровая дипломатия предполагает масштабное создание членами руководящих органов власти и другими официальными лицами правительственных и личных страничек в социальных сетях.

«Публичная дипломатия должна реагировать на вызовы 2.0 веб-мира. Чтобы быть эффективной, публичная дипломатия должна использовать весь инструментарий связи, начиная от дискуссий лицом к лицу через возможности принять участие в новых социальных он-лайн сетях», - отмечала Стефани Бабст[3].

Активное использование социальных сетей имеет ряд положительных моментов: во-первых, это позволяет управлять формированием мнений в социальных сетях и интернет-сообществах; во-вторых, таким образом дипломатия получает обратную связь, позволяющую ей координировать свою политику; и, в-третьих, это является возможностью напрямую доносить необходимую информацию до адресата, минуя лишние ступени информационного каскада.

В настоящее время более трех четвертей (77,7%) мировых лидеров имеют аккаунт в сети Twitter, который они используют для связи друг с другом, освещения своей повседневной деятельности, а также для ответов на комментарии и обращения граждан.

Так, компания Burson-Marsteller Twiplomacy, которая ведёт глобальное исследование активности мировых лидеров в сети Twitter. Ее сайт предлагает статистические данные и отчеты о деятельности мировых лидеров в социальных сетях, а также некоторых международных организаций, таких как МВФ, МОТ или G8.

По состоянию на конец 2012 г. правительство США имело 288 страничек на портале Facebook, 196 аккаунтов на платформе Twitter и 125 каналов на портале YouTube. В конце 2012 г. правительственные сайты США, расположенные на платформе Facebook, собрали вокруг себя более 12 млн. иностранных граждан, что превышает количество читателей десяти самых ведущих американских газет в мире. Через год, в конце 2013 г., число подписчиков стало более 22 млн., а количество сайтов осталось неизменным — 288. На портале Twitter правительственные аккаунты собирают около 2 млн. читателей по всему миру, а 125 правительственных каналов на портале YouTube собрали более 16 млн. просмотров[2].

Самыми популярными страницами или аккаунтами в 2013 г. являлись: страничка Госдепартамента на Facebook, посольства США в Китае, твиттер-лента Госдепартамента на арабском языке, твиттер-аккаунт посла США в России Макфола и др. Более того, страницы посольств США, известный журнал о США, а также специализированные сайты о технологиях и социальном активизме, расположенные на портале Facebook, собирали наибольшее число подписчиков — от 50 тыс. до 2 млн.

Цифровая дипломатия наглядно отражает стремление Вашингтона использовать свои технологии в том числе в сетевых операциях. Все это, разумеется, идет под знаком демократизации, обретения гражданских свобод, с опорой на несиловые методы воздействия. В этом плане наиболее показательно информационное вмешательство США в ход арабской весны с целью стимулирования протестных настроений молодежи против авторитарных политических режимов через социальные сети. Следует отметить, что арабская весна, являющаяся, по сути, неразрывным звеном в серии тщательно проработанных США

и НАТО и поддержанных внутриарабскими проводниками транзитной демократии комплексно-интегративных спецопераций по смене или дестабилизации правящих режимов в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, представляет собой новейшую технологию решения задач в интересах глобалистских транснациональных сил.

Учитывая, что в событиях арабской весны традиционные институты политической организации были невозможны, таким инструментом выступили интернет и система социальных сетей, прежде всего, Twitter и Facebook. Социальные сети, ранее использующиеся как средство общения, превратились в своеобразное организационное оружие в руках координаторов политических выступлений.

Как показала практика, в событиях арабской весны интернет выступил в качестве средства массовой манипуляции сознанием населения, искажения и мистификации реальной картины происходящего. Насыщенная сеть интернет-ресурсов ближневосточного и североафриканского регионов сыграла исключительно важную роль в формировании «позитивного общественного мнения» и «прозападных стереотипов» среди местного населения.

Главной и наиболее характерной особенностью информационно-сетевых операций США и НАТО является то, что они проводятся, как правило, без прямой опоры на военную силу, не вовлекаясь в непосредственную вооруженную конфронтацию с противником.

Сетецентрическая война как конгломерат «базовых эффектов» - это принципиально новый вид «невидимой» войны, подразумевающий установление абсолютного контроля над всеми действующими и потенциальными субъектами политического процесса, обеспечение управления ими во всевозможных вариантах и ситуациях. Этот постулат органично вытекает из новых доктриальных установок НАТО, сформулированных исходя их объективных реалий XXI века и реализуемых на практике стратегами военно-политического блока.

При этом следует учитывать то обстоятельство, что обратная сторона цифровой дипломатии состоит в появлении у США и их союзников по НАТО новых возможностей для вмешательства во внутренние дела других государств под предлогом продвижения демократии с опорой на «мягкую» силу.

Подводя некоторый итог, можно сделать определенный вывод, что глобальное развитие и использование возможностей информационно-коммуникационных технологий имеет важное значение для совершенствования и развития методов и приемов, используемых США и НАТО в публичной дипломатии. Создание отдельного направления – «цифровой дипломатии», его активное использование натовскими структурами, безусловно, способствует продвижению имиджа Североатлантического альянса.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов// Международные процессы, Том 13, №4, С.45-56

2. Stefanie Babst. Стратегия обеспечения безопасности 2.0. Ресурс: http://www.gazeta.ru/comments/2011/10/19_x_3805886.shtml (дата обращения:11.09.2016)

3. Stefanie Babst. Public Diplomacy – the Art of engaging and influencing.P.7 http://www.atlanticcommunity.org/app/webroot/files/articlepdf/Babst_Public_Diplomacy.pdf (дата обращения:11.09.2016)

4. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.15 / Цветкова Наталья Александровна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет"].- Санкт-Петербург, 2015, 552 с.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России.

УДК 944.041.1

ТРАКТОВКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ Ф. МИНЬЕ И Л.-А. ТЬЕРА

Блуменау С.Ф.

В статье дан сравнительный анализ взглядов Ф. Минье и Л.-А. Тьера на Французскую революцию. В ней доказывается, что интерпретация, данная исследователями её первого периода, вопреки сложившемуся в историографии мнению, определенно различалась.

Ключевые слова: *историография, Французская революция, Учредительное собрание, социальная интерпретация.*

INTERPRETATION OF THE FRENCH REVOLUTION IN THE WRITINGS OF F. MEUNIER AND L.-A. THIERS

Blumenau S.F.

The article presents a comparative analysis of the views of F. Mignet and L.-A. Thiers on the French revolution. It is proved that the interpretation given by the researchers of the first period, contrary to the prevailing historiography, the view was definitely different.

Keywords: *historiography, French Revolution, Constituent Assembly, social interpretation.*

Обычно соседство имен Ф.Минье и Л.-А. Тьера в исторической литературе никого не удивляет. Их близость была обусловлена самой жизнью: приятельскими отношениями, сотрудничеством в редакции газеты «Национаь», почти одинаковым возрастом. Оба создавали свои труды о Французской революции в одно и тоже время. Два исследователя придерживались схожих политических воззрений, находясь в оппозиции к возвратившимся, но мало чему научившимся Бурбонам. Они принадлежали к либеральной школе историков эпохи Реставрации. Вместе с О. Тьерри и Ф.Гизо их относили к адептам теории классовой борьбы [10, с.308; 8, с. 29-30]. Эта теория нашла отражение и в интерпретации Минье и Тьером Французской революции. Предполагалось также, что им было свойственно толкование революционного переворота, как предопределенного самим ходом истории. [1, с. V].

Но была ли это устоявшаяся в историографии версия правомерной и насколько? Ответ может дать сравнительный анализ текстов Минье и Тьера, посвященных Революции. В данной статье будет поднят материал, касающийся начального периода революционной истории – времени работы Учредительного собрания (с мая 1789 по сентябрь 1791 гг.).

Целью Минье было докопаться до глубинных оснований произошедшего. Каждую главу книги он завершал серьезными обобщениями, облегчавшими читателю понимание его логичной и стройной концепции. В выводах к первой - автор соединил такие судьбоносные даты, как 17 и 23 июня, 14 июля и 4 августа 1789 г. Под его пером они представали взаимосвязанными звеньями процесса революционных трансформаций. «17 июня исчезли государственные сословия и генеральные штаты преобразились в национальное собрание; 23 июня окончилось правительственное влияние монархии, перешедшее к национальному собранию; 14 июня погибла её материальная сила, перешедшая к народу; наконец, 4 августа увенчало эту первую революцию» [11, с.50].

«Ночь чудес» знаменовала собой решительные социальные перемены. «Она расчистила развалины феодализма; она избавила людей от остатков крепостного права, землю – от помещичьих притязаний, собственность простолюдина – от разорения дичью и десятичным налогом. … Она дала … возможность подготовить новое общественное и государственное устройство, уничтожив старое» [11, с.50]. Таким образом, Минье подчеркивал социальный характер революции. Это сделается основой «классической» интерпретации Французской революции, у истоков которой стоял великий историк. [17; 4, с.3-4].

Умение выделять главное в череде событий – народных выступлений и парламентских решений – не изменяло Минье. Внимание его было сфокусировано на комплексе преобразований, осуществленных Национальной Ассамблеей. Он обращался к административно - территориальным и судебным нововведениям, военному кодексу, но особенно подробно останавливался на реформах в церковно-религиозной сфере. А те постоянно углублялись, вызывая растущее сопротивление священнослужителей. Поначалу отменили десятину, затем провели секуляризацию церковных имуществ, после чего последовало гражданское устройство духовенства, от которого чуть позже потребовали присягнуть революционным вла-

стям. Подводя итог проделанному, историк необычайно высоко оценивал роль Собрания: « Оно совершило в два года, своими усилиями и неутомимой настойчивостью, величайшую революцию, которую когда-либо видело поколение смертных» [11, с.103].

Однако напрашивается вопрос: почему не удалось закрепить такой успех и довести революционное движение до спокойного и благополучного финала? Для дальнейшего неблагоприятного развития событий определённое значение имели промахи самой Ассамблеи. В целом, положительно характеризуя Конституцию 1791 г., автор все же отмечал, что в соответствии с ней «королевская власть была слишком подчинена власти народной» [11, с.105]. Позднее, в конце XIX в. выдающийся отечественный [3] исследователь М.М. Ковалевский сетовал на то, что по своему содержанию конституционный акт являлся, скорее, республиканским, чем монархическим [9, с.402].

От проницательного взгляда французского учёного не ускользнула роковая роль принятого парламентом декрета о том, что ни один из его депутатов не может быть переизбран в следующий законодательный корпус: «Главнейшая ошибка его (Собрания – С.Б.) заключалась в том, что оно не вверило продолжение революции лицам, её совершившим…» [11, с. 103]. Это привело к резкому обновлению политической элиты, что, в свою очередь, способствовало ускорению революционного процесса.

И всё же решающее значение для конечной неудачи конституционалистов имели не их собственные просчеты, а динамика самой революции. Рассуждая о ней, историк акцентировал внимание на ожесточенных усилиях контрреволюции, подстрекаемой дворянством и духовенством: «Несчастия этих двух классов произошли большей частью от них самих: подкапываясь под революцию сначала в собрании, они впоследствии напали на неё открыто, духовенство посредством внутренних возмущений, дворянство – восстановлением против неё Европы» [11, с.71]. Отсюда – дальнейшая радикализация революции: «Толпа не приобрела бы полновластия, если бы междоусобная война и иностранная коалиция не вызвали её вмешательства и помощи» [11, с.105].

В отличие от Минье Тьер практиковал иные подходы к историописанию. Он даже отчасти предвосхитил позитивистскую методологию. Главную задачу исследователь видел в выстраивании добытых путём анализа источников фактов в «единую цепь событий». Он излагал произошедшее скрупулёзно, во всех подробностях. Отсюда – впечатляющий объём сочинений Тьера. Для времени становления историографии революции он имел немало положительного.

Учёный в деталях описал «революционные дни», особенно 14 июля 1789 г., посвятив событиям вокруг него 18 страниц текста. Ещё подробней он проследил ход дебатов и переговоров о том, как работать депутатам: по сословным палатам или в рамках единого Собрания.

Другая особенность творческого почерка Тьера – неподдельный интерес к выдающимся деятелям Ассамблеи. Первое место он отводил Мирабо с его пылким темпераментом, ораторским даром, умением развязывать сложные политические узлы. Даже контакты графа с Двором историк извинял. После Мирабо по популярности у Тьера следовал Лафайет – благородный и бескорыстный блюститель законов. В мэре Парижа Байи автора подкупали скромность и простота [13, с.165-167, 159-160, 112, 120].

Современная историография, внимательная к ярким личностям, названным Тьером, все же отдаёт предпочтение депутатам – труженикам, формулировавшим судьбоносные декреты парламента и статьи Конституции. В конце XX в. выдающийся французский учёный Ф. Фюре вместе с Р. Алеви подчёркивал: «Мирабо, Сийес, Барнав, Лафайет… занимали авансцену, но основа законодательной работы выполнялась такими людьми, как Туре» [15, p. 1569]. Речь здесь зашла о лидере Конституционного комитета Собрания [16, p. 117] – формирования, которому Тьер уделил лишь несколько строк. По заключению учёника Фюре – П. Генифе, с осени 1790 г. «члены наиболее важных комитетов, особенно Конституционного, … образовали настоящее правительство Франции» [7, с. 104].

Погружённый в события Французской революции, уделявший много места её крупным фигурам, Тьер, порой «забывал» об обобщениях. Он не хотел навязывать читателям своё субъективное мнение, полагая, что факты сами говорят за себя. Поэтому выводы в его труде случались куда реже, чем у Минье.

Как и последний, Тьер следовал классовой теории. В многотомном сочинении о Революции он обозначил три класса общества той поры: высший, привилегированный – из дворян и духовенства; среднее сословие; народ или толпу. Касаясь хозяйственной деятельности, социальной роли и преуспеяния среднего сословия, автор доказывал правомерность его правовых и политических притязаний: «Промышленная буржуазия, будучи просвещённой и богатой, … обогащала государство своей промышленностью, прославляла его своими талантами, но не получала тех выгод и преимуществ, на которые имела полное право [13, с. 110].

Они завоёвывались в ходе революции. 17 и 23 июня 1789 г. «среднее сословие возвратило себе законо-

дательную власть», 14 июня ему удалось взять «общественные силы в свои руки», а в «ночь чудес» 4 августа и последовавшую за ней неделю «совершилась самая важная реформа революции» [13, с. 133, 157, 173]. В этих характеристиках общественных сдвигов Тьер приближался к Минье.

Но в другом его рассуждения меньше корреспондировали с интерпретацией коллеги. К тому же обнаруживались противоречия в конструкции Тьера, внимание на которых он сам не фиксировал. Терялось соответствие между социальной принадлежностью людей и их политическими устремлениями. Правда у высших классов такого расхождения не наблюдалось: «Члены… дворянства и духовенства выступали только партией» [13, с. 212]. Но иначе обстояло дело с буржуазией. «Собрание и Национальная гвардия составили средний класс нации», - подчёркивал автор [13, с. 283]. Но, обращаясь время от времени к «партийному» составу Конституанты, он писал о «народной партии», «народных депутатах», перечисляя уже названных и других деятелей либерального парламентского большинства. Получалось, что представители среднего сословия защищали интересы широких масс населения. Это вроде расходилось с версией историка, но не с исторической действительностью. Политика Собрания до бегства короля в Варенн удовлетворяла не только пожелания буржуа, но и чаяниям народных слоёв. Поэтому правомерна её оценка в недавней отечественной монографии не как либеральной, а как либерально-демократической [5, с. 15, 190].

Известный баланс между социальным положением и политическими взглядами установился к концу работы Национальной Ассамблеи в связи с вареннскими событиями. Произошла консолидация либеральных сил с целью укрепления конституционной монархии и сохранения Людовика XVI на троне. Тьер уловил этот процесс: «Все подразделения левой стороны (Конституанты – С.Б.), исключая людей, принявших совершенно новое тогда название республиканцев, примкнули к умеренным» [13, с. 279]. Но доказывать данное явление посредством источников и фактов не стал. В наше время вышеупомянутое сплочение проследили, в том числе, и отечественные исследователи [2; 12. с. 24-25]. Действительно, после Варенна левое большинство Собрания, сделавшееся умеренным и представлявшее «средний класс» повело борьбу на два фронта: и против аристократии, и против демократии [13, с.283].

В целом же, классовая интерпретация не проводилась Тьером ни последовательно, ни постоянно. Она уступала место другим объяснениям. По справедливому замечанию исследовательницы творчества учёного, политические причины Французской революции у него первенствовали над экономическими [14, с.14] и от себя добавим – над социальными.

Вопрос о преобладавшем истолковании революционной истории у Тьера возможно прояснить, обратившись к его раздумьям о противоречиях, вызвавших революцию, о Конституции и её роли для общества. Автор даже согласился с тем, что при Старом порядке уже существовала своеобразная конституция, но лишь такая, которой «могли похвалиться самые варварские народы». Она основывалась на деспотизме: «Король приказывал, подданные повиновались; министры произвольно заключали в тюрьму кого вздумается» [13, с. 137]. А вот подлинная Конституция 1791 г., разработанная Собранием, показала, «каким всеобщим и резко обнаружившим себя было во Франции желание свободы [13, с. 138]. Рассуждая далее о неизбежности революции, историк напоминал, что ей предшествовало «целое столетие злоупотреблений» [13, с. 111]. Таким образом, акцент на политических и правовых причинах революционного переворота ещё раз торжествовал над социальным истолкованием.

И, наконец, вопрос, ранее обращённый к Минье: почему с завершением работы Ассамблеи и одобрением Конституции общественно-политическая жизнь не вошла в мирное русло, а обострилась и события приняли трагический оборот? Тьер, как и его коллега по историческому цеху, также упоминал об отказе законодателей избираться в следующий парламент, но, по его мнению, это решение не имело «таких пагубных действий, как предполагали» [13, с. 285]. В современной же науке указанный декрет считают наряду с бегством короля и расстрелом на Марсовом поле 17 июля 1791 г. важной причиной радикализации революции [7, с. 106; 6, с. 244].

Тьер связывал эту радикализацию со спецификой Французской революции, которую относил к революциям у народов, «долго проявлявших покорность» [13, с. 290]. Такая революция «последовательно захватывает всё общество, до нижайших классов» [13, с.290]. Просвещенные классы… хотят остановиться, но аристократия, с одной стороны, народ – с другой, отвергают такую перспективу. И всё из-за того, что «в одних (привилегированных – С.Б) .засело сожаление об утраченном, в других (низах – С.Б.) – честолюбие; те хотят всё вернуть, а эти – всё отнять, и начинается борьба на истребление» [13, с. 290-291]. Так Тьер объяснял продолжение революции после 1791 г. и то, почему она обретала всё более ожесточённый характер.

Анализ взглядов двух авторов относительно Французской революции свидетельствует, что они далеко не так близки, как утверждалось в научной лите-

ратуре. Минье стремился к созданию логичной, внутренне непротиворечивой концепции и добился этого. Революция у него толковалась как социальная, а период Учредительного собрания как время общественных сдвигов в пользу среднего класса и народных слоёв в их противостоянии с привилегированными.

Что же касается Тьера, то изложение в его многотомнике первого периода Французской революции не лишено противоречий. Он назвал классы тогдашнего общества, обозначил их интересы. Но с попытками социальной интерпретации в его работе успешно конкурировали представления о революции как о борьбе за свободу, против деспотизма и юридического произвола. Обилие фактов, сведений, данных в капитальном труде Тьера, способствовало приращению знаний о Французской революции, но не сняло противоречий в истолковании последней.

Список литературы

1. Арсеньев К.К. Предисловие // Минье Ф. История Французской революции. СПб., 1901.
2. Блуменау С. Ф. Неудавшееся бегство Людовика XVI и позиция либерального большинства Учредительного собрания Франции // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 130-133.
3. Блуменау С.Ф. Отечественная историография Учредительного собрания Великой Французской революции // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 21-25.
4. Блуменау С.Ф. «Ревизионистское» направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII века. Брянск, 1992.
5. Блуменау С.Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789-1791 годах. Брянск, 2011.
6. Блуменау С.Ф., Салимон В.Ю. Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789-1791). «Левый центр». Брянск, 2016.
7. Генифе П. Политика революционного террора. 1789-1794. М., 2003.
8. Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981.
9. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т.2. СПб., 1895.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
11. Минье Ф. История Французской революции. СПб., 1901.
12. Тырсенко А.В. У истоков французского либерализма. М., 1999.
13. Тьер Л.А. История Французской революции. Т. 1. М., 2015.
14. Филиппова Т.П. Исторические взгляды Луи Адольфа Тьера (1797-1877). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 2011.
15. Furet F., Halevi R. Orateurs de la Révolution française. T.1. Les Constituants. P., 1989.
16. Furet F. et Richet D. La Révolution française. P., 1973.
17. Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française: Sur les controverses récentes // La Pénsée. 1974. № 177.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *blumenausf@mail.ru*

УДК 342.2:430

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ФРГ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННОЙ МИГРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Голикова С.Н.

В статье рассматриваются проблемы безопасности граждан Германии, порожденные нахождением в стране значительного числа иммигрантов. Спрогнозированы возможные негативные последствия сосуществования многонационального и многоконфессионального населения. Проанализированы правовые аспекты обеспечения безопасности и обозначены мероприятия, проводимые властями для решения возникающих проблем. Раскрыты основные точки зрения внутри немецкого общества и государства на возникающие проблемы, а также рассмотрены изменения в иммиграционной политике в связи с началом миграционного кризиса.

Ключевые слова: *иммиграция, безопасность, терроризм, ислам, правовое государство, интеграция, фундаментализм, ассимиляция, радикализм.*

SAFETY PROBLEM IN GERMANY IN THE CONDITIONS OF CONTINUOUS MIGRATION AT THE BOUNDARY OF THE 20-21ST CENTURIES

Golikova S.N.

In article the problems of safety of citizens of Germany generated by stay in the country of considerable number of immigrants are considered. Possible negative consequences of coexistence of the multinational and multi-religious population are predicted. Legal aspects of safety are analysed and the events held by the authorities for the solution of the arising problems are designated. The main points of view in the German society and the state on the arising problems, and also possible ways of their permission are opened. Changes in immigration policy in connection with the beginning of migratory crisis are considered.

Keywords: *immigration, safety, terrorism, Islam, constitutional state, integration, fundamentalism, assimilation, radicalism.*

События последних лет на Ближнем Востоке породили одну из важнейших проблем для современной Европы – проблему значительного наплыва беженцев, которые по своему менталитету, мировоззрению, системе ценностей кардинальным образом отличаются от местного населения. Среди стран ЕС, испытавших последствия этого масштабного миграционного потока, выделяется ФРГ. Канцлер Ангела Меркель в своих публичных выступлениях в течение 2015 г. демонстрировала дружественный курс в отношении беженцев: «Я рада, что Германия стала страной, с которой люди связывают свои надежды. Это очень ценно, если оглянуться на нашу историю» [22]. Однако не все немцы настроены также оптимистично как глава правительства. Согласно данным опроса ARD-Deutschland Trend только в течение сентября 2015 г. число тех, кто напуган увеличением числа соискателей политического убежища, возросло с 38 % до 51% [21].

Одной из ключевых проблем, волнующих простых немецких граждан, является вопрос обеспечения безопасности в условиях наплыва беженцев-мусульман. События начала 2016 г. в Кельне и других городах, связанные с агрессивным поведением беженцев привлекли внимание не только немецкой, но и мировой общественности к этой теме. Следует отметить, что определенный опыт регулирования сосуществования носителей разных культур уже накоплен в Германии. В течение второй половины XX в. иммиграционная составляющая постепенно росла в структуре населения, причем увеличивалось в первую очередь число мусульман. Согласно статистике, предки каждого 5 человека, зарегистрированного в ФРГ, не были немцами. Таковы официальные данные, опубликованные Федеральным статистическим ведомством в Висбадене [30]. Сосуществование двух конфессий – христианской и мусульманской – в границах одного государства неизбежно порождает проблему безопасности, особенно если учесть удельный вес радикальных течений в исламе. Главной опасностью в этой связи является перспектива масштабного конфликта между культурами, вызванного межнациональными и межконфессиональными различиями. Исходя из этого, цель данной статьи состоит в раскрытии механизмов обеспечения безопасности, а также поддержания межнационального и межконфессионального мира в условиях постоянных миграционных процессов в Германии. Для достижения этой цели необходимо: раскрыть правовые особенности положения религиозных групп в ФРГ; проанализировать отношение иммигрантов к принимающей стране и местного населения к мигрантам; выявить основные угрозы безопасности; рассмотреть действия

немецких властей в условиях миграционного кризиса.

До середины 90-х гг. XX в. власти ФРГ не стремились вести диалог с проживающими в стране последователями ислама. Однако рост террористических актов, обострение социальных настроений, существование параллельного «мусульманского мира», погромы во Франции, «карикатурный» скандал, постоянное увеличение числа мусульман заставили немецкое руководство изменить свое отношение к данной проблеме. В первое десятилетие XX в. были внесены серьезные изменения в немецкое миграционное законодательство. После принятия в 2005 г. Закона «Об иммиграции» в ФРГ были созданы государственные «курсы интеграции», ежегодные расходы на которые к 2010 г. составили около 186 млн долларов (в США в это же время на интеграцию приезжих тратилось в 10 раз меньше) [12]. Следует отметить, что через некоторое время определенными авторитетными организациями был проведен мониторинг качества интеграции. Согласно докладу Федерального ведомства по делам миграции и беженцев в 2010 г., а также исследованию Берлинского института народонаселения и развития в 2013 г. наибольшие проблемы с интеграцией испытывают последователи ислама, а именно представители турецкой общины в ФРГ [11]. Поэтому поиск оптимальных путей взаимодействия немецкого общества и государства с мусульманскими общинами является достаточно актуальной задачей.

Государство не может установить контроль за деятельностью религиозных организаций, поскольку это противоречило бы Основному закону ФРГ [23]. На практике же государство пытается достичь прочного сотрудничества с религиозными общинами в Германии. Оно поощряет деятельность этих организаций по поддержанию и распространению демократических стандартов в обществе, что воспринимается как метод сдерживания радикальных настроений в иммигрантской среде. При создании того или иного нормативно-правового акта федеральные власти и власти земель учитывают мнение католической и протестантской церквей по вопросам, касающимся клонирования, вопросам предоставления политического убежища и др.

В рамках конституционно-правового регулирования отношений государства и верующих (любых конфессий) в Германии существует такая дефиниция как «корпорация публичного права». Такой статус имеют католическая, протестантская церкви, иудаизм, новая апостольская церковь, греческая православная церковь. Право на получение данного статуса закреплено юридически в ст. 140 Основного закона ФРГ [23]. Следует отметить, что этот юридический статус применительно к религиозным объединениям использовался еще в Веймарской Конституции и стал достоянием современного Основного закона путем инкорпорации ее норм. Статус корпорации публичного права подразумевает наличия целого ряда прав, делающих его получение достаточно привлекательным для религиозных общин. Среди этих прав такие: право сбора налогов, льготное налогообложение, особое регулирование в области трудового и социального права и др.

Попытки исламских общин получить статус «корпораций публичного права» пока остаются безуспешными. Крупный немецкий социолог Г. Робберс отмечает, что основной причиной неудач является то, что данный статус предполагает создание структуры, идентичной той, которая существует у христианских общин. У исламских общин такая структура отсутствует. Он полагает, что со временем ситуация изменится, потому что число мусульман в ФРГ постоянно увеличивается. И для того, чтобы лучше интегрироваться в немецкое общество, им предстоит сделать свою структуру более совершенной [7, с. 355]. Т. Трауб в качестве препятствия для получения мусульманами статуса корпорации публичного права также видит вопросы, связанные со способами их объединения в организации. Поскольку сами организации в исламе не играют такой роли как, например, в христианских церквях, то и требования к личному членству достаточно размыты. В свою очередь конституционное право Германии дает определение дефиниции «религиозная община», и среди прочих ее признаков закрепляют необходимость такого членства [31].

Сегодня мусульманские общины могут участвовать в составлении расписания для школ по религиозным предметам, подготовке религиозных кадров, создании кладбищ и т.д. Но для получения признания в качестве корпорации публичного права, все религиозные мусульманские общины должны подчиняться одному представительному органу. Препятствием для этого является тот факт, что настоящее время в Германии множество общин формируется по этническому признаку. Этническая сторона возобладала над идеей исламского единства. В связи с этим создание сейчас некого единого представительного органа, выражающего интересы всех мусульманских общин ФРГ, невозможно. Подобное положение подтверждается социологическим исследованием Р. Нольден, в ходе которого выяснилось, что в мусульманской среде существуют определенные идеологические и национальные противоречия. Среди мусульман Германии представлены сунниты, алавиты, шииты, ахмадийцы, исмаилиты, различные суфийские группы. Отмеченная дифференциация усложняет для властей налаживание

диалога с мусульманской общиной страны. Государству легче было бы вести такой диалог с неким единым представительным органом, выражающим интересы мусульман Германии [1, с. 194].

Институционально мусульмане объединены в различные организации: «Лига мусульман Германии», «Европейское общество поддержки и строительства мечетей», Исламское объединение «Милли Герюш», «Турецкий исламский союз религиозных учреждений» и др. В середине 1990-х гг. власти организовали форум для создания единого консультационного совета, куда были приглашены представители различных мусульманских религиозных групп. Однако эта попытка была обречена изначально, поскольку лидеры некоторых исламских диаспор страны побоялись оказаться «в тени» многочисленных турецких общин и попасть под влияние «турецкого ислама».

Однако идея установления постоянных контактов между властью и мусульманскими общинами не была похоронена. В 2006 г. по инициативе главы МВД В. Шойбле была создана Исламская конференция, которая должна способствовать интеграции мусульман в религиозном и политико-правовом плане [9]. На втором заседании конференции в 2007г. был создан Координационный Совет мусульман Германии, который должен был стать представителем всех верующих во взаимоотношениях с властями [2]. Несмотря на определенный успех, эти начинания подверглись критике как со стороны немцев, так и со стороны мусульман. В частности, в адрес инициатора конференции В. Шойбле неоднократно высказывались упреки в том, что он пытается договориться с экстремистами. С другой стороны, определенная часть исповедующих ислам отказывают участвующим в конференции организациям в праве говорить от лица всех мусульман. Например, в ходе работы третьей конференции в 2008 г. из числа ее делегатов вышел продюсер Валид Накшбанди, назвав при этом всю эту затею фарсом [3].

По мнению исследователей, созданный совет не имеет четкой организационной структуры и в силу своего неустойчивого положения подвергается подозрениям в фундаменталистской направленности. Стать же официальным представителем всего мусульманского сообщества Германии этому органу не удалось. Конференция же подвергается критике за отсутствие реальных практических результатов – много до сих пор остается на уровне дискуссий.

На фоне отсутствия постоянного диалога между властью и мусульманами растет популярность экстремистских, фундаменталистких организаций, среди которых выделяется Союз мусульманских общин. Радикальные настроения членов этой организации выразились в призыве ее руководителя М. Каплана в 1998 г. к всеобщей борьбе за веру. В ноябре 2000 г. Верховный земельный суд Дюссельдорфа осудил Мухаммеда Метина Каплана на 4 года заключения за публичный призыв к расправе со своим оппонентом– берлинским халифом Ибрагимом Софу [6, с. 181].

Кроме того, на территории ФРГ находятся многие исламисты. Некоторые именуют себя специалистами по исламу, работают в мусульманских культурных центрах. Именно они призывают своих слушателей дистанцироваться от принявшего их общества, а не интегрироваться в него, отвергать европейскую культуру и систему ценностей, а не перенимать их привлекательные стороны. По приблизительным подсчетам спецслужб, в ФРГ пребывают 300 членов «ХАМАС», 900 – «Хизбаллы», 1200 – «Братьев-мусульман» [6, с. 183].

С другой стороны, доверие коренных жителей к приверженцам ислама также невелико. В конце 2003 г. был проведен социологический опрос среди различных групп населения, который показал, что у 91% респондентов ислам ассоциируется с притеснением женщин, 75% – всех исповедующих ислам называют фанатиками, 61% опрошенных жителей Германии считает, что христианство и ислам не смогут мирно сосуществовать, 46% опрошенных назвали ислам «отсталой религией»; 34% сказали, что не доверяют лицам, исповедующим ислам; 27% – «иммиграция мусульман в Германию должна быть запрещена» [30].

Рост радикальных воззрений в мусульманской среде, всплески антиисламских настроений в немецком обществе, а также реальность террористической угрозы заставляют власти делать определенные шаги в сторону укрепления безопасности, которые при этом не отличаются системностью, в некоторых аспектах противоречивы и спонтанны. Так, в рамках проводимой в Германии программы «Диалог между исламом и Западом» на конференции, инициированной МИД-ФРГ после террористических актов в Мадриде в 2004 г., обсуждались вопросы по противодействию терроризму. По сведениям предоставленным спецслужбами ФРГ, в стране идет подготовка терактов, которые затем совершаются в Европе и на Ближнем Востоке (150–200 случаев). Среди других целей проведения конференции необходимо отметить попытку сокращения того разрыва между исламской общиной и немецким обществом, который начал образовываться после 11 сентября 2001 г., и укрепление через крупных арабских, турецких, иранских бизнесменов связей с мусульманским миром [7, с. 357].

Наряду с подобными инициативами прослеживаются и противоположные тенденции. В течение

пяти месяцев после терактов 11 сентября 2001 г. в Германии были отмечены нападения на мусульман, угрозы, оскорбления в их адрес. Причем давление на последователей ислама оказывают не только простые граждане, но и представители власти. Например, во время очередного всплеска антиисламских настроений в Германии после терактов в Мадриде в марте 2004 г., более чем в 70 мечетях страны были проведены обыски. Следует отметить, что эти действия властей не всегда находятся в рамках закона. Так, в мае 2003 г. районный суд города Штутгарта вынес постановление, в котором говорится, что обыск в декабре 2002 г. в мечетях города был проведен незаконно, и у полиции не было необходимых на то документов [27].

Одновременно с попытками установить диалог с мусульманской общиной Германии власти создавали некоторые административные барьеры по вопросам открытия мест для отправления религиозных служб, включения в школьное расписание предметов по изучению исламской религии. Тем не менее в Берлине Исламской федерации удалось включить в 30 школах в расписание предмет по исламской религии в 2004 г. Осознание частью немецкой политической элиты того факта, что школьные предметы по исламу могут составить альтернативу проповедникам идей насилия в мусульманской среде, приводит к постепенному изменению позиции властей по данному вопросу. В частности, бывший министр внутренних дел ФРГ В. Шойбле, выступая на третьей исламской конференции, предложил преподавать основы мусульманского вероучения в школах страны (как альтернатива занятиям по христианской религии и этике) [3].

Как и в ряде других стран ЕС, в Германии широкое обсуждение получила тема ношения мусульманской одежды. В 2003 г. Федеральный конституционный суд вынес решение, согласно которому действия властей земли Баден-Вюртемберг, запретивших учительнице носить хиджаб, были признаны незаконными. Однако позже Федеральный конституционный суд вынес постановление, согласно которому такие вопросы относятся к компетенции местных властей. И уже в апреле 2004 г. власти земли Баден-Вюртемберг запретили выражать политические, религиозные и идеологические предпочтения путем ношения сопутствующих атрибутов.

Среди других мер правительства Баден-Вюртемберга следует отметить тест из 30 вопросов, цель которого – проверить лояльность претендующего на получение гражданства. Мусульмане подвергаются гораздо более строгому экзамену, чем остальные претенденты. Например, выходцев из стран-членов Организации Исламская конференция предполагается спрашивать об их личном отношении к событиям 11 сентября. Лидеры мусульманских общин считают подобную проверку дискриминационной «Мы не успокоимся до тех пор, пока правительство (земли Баден-Вюртемберг) не отменит этот тест», – заявил Мунир Аззауи из Центрального совета мусульман Германии. Недавно бундестаг отклонил законодательную инициативу Партии зеленых, которая предлагала федеральному правительству вмешаться и запретить землям вводить ограничения для мусульман.

С. В. Погорельская отмечает, что борьба с угрозами безопасности в современной Германии, в том числе связанными с иммигрантами, осложняется невозможностью решить вопрос, как укрепить безопасность внутри страны, не повреждая демократического общественного порядка [10, с. 74–75]. Противодействие западных демократий «внутренней опасности», как считают политики, неизбежно потребует отказа от некоторых принципов демократического правового государства. Так что призрак «полицейского государства», которым долгие годы пугали друг друга левые немецкие интеллектуалы, может стать реальностью. По мнению либеральных критиков, первые симптомы такого государства налицо. Последовательное наступление на демократическое правовое государство оправдывается необходимостью обеспечения существования этого государства. В ФРГ эти шаги обычно связываются с именем бывшего министра внутренних дел, ныне – министра финансов, Вольфганга Шойбле [10, с. 77]. По его инициативе в 2001–2009 гг. были введены биометрические документы, усилено видеонаблюдение в общественных местах, контроль электронных коммуникаций (в частности, электронной почты), проводились тайные обыски частных компьютеров (что впоследствии было признано незаконным), расширено прослушивание телефонных разговоров. В настоящее время в немецкой политике и в обществе продолжаются споры о том, как обезопасить себя от «внутренней угрозы», не поступаясь принципами политического либерализма, не нарушая основ правового государства и устоев образцовой немецкой демократии.

Однако ни попытки установить постоянный диалог с последователями ислама, ни жесткие меры принудительного характера не привели к окончательному решению проблемы безопасности в первое десятилетие XXI в. Наоборот этот период закончился новой общественно-политической дискуссией вокруг дальнейших перспектив миграционной политики ФРГ, спровоцированной изданием в 2010 г. книги Т. Саррацина «Германия: самоликвидация». Это исследование получило неоднозначную оценку немецкой общественности. Канцлер Ангела Меркель назвала выводы автора

«совершенно неприемлемыми», но уже через полтора месяца была вынуждена публично признать, что политика мультикультурализма потерпела неудачу в Германии. Следует отметить, что проводившиеся в 2010 г. опросы подтверждают слова канцлера. Согласно данным лондонского Института открытого общества 75 % мусульман не считали себя немцами [8]. Опрос же коренных жителей ФРГ через несколько месяце после выхода книги Т. Саррацина показал, что 36% немецких обывателей видят «засилье иностранцев»; 58 % убеждены, что четыре миллиона мусульман, проживающих в стране, должны «существенно урезать» отправление своих религиозных обрядов [12].

В условиях нерешенности иммиграционных проблем ФРГ в 2010-е гг. столкнулась с беспрецедентным потоком беженцев с Ближнего Востока, получившим название «Flüchtlingskrise» («кризис беженцев») или «миграционный кризис». Резкое увеличение численности иностранцев, ищущих убежище, происходит с 2013 г., когда число лиц, подавших прошение о предоставлении убежища достигло 127 023, что почти на 50 000 больше, чем в предыдущем году [17]. В 2014 г. количество заявок на убежище в Германии выросло на 60 % до 202 645 [32]. В 2015 г. в Германии, по данным Федерального агентства по делам миграции и беженцев (BAMF), было зарегистрировано уже 1 091 894 соискателя убежища [25]. Среди стран происхождения лиц, искавших убежища в ФРГ на первом месте, стоит Сирия, за ней следуют Албания, Косово, Ирак, Афганистан и др. В совокупности выходцы из мусульманских стран составили около 70 % [13].

Увеличение числа беженцев привело к обострению проблем безопасности. Прежде всего, немецкие власти столкнулись с недостаточностью учета иммигрантов. Отсутствие базы отпечатков пальцев, поддельные паспорта, ускоренная процедура предоставления убежища сирийцам не позволяют немецким властям объективно оценить состав беженцев. Среди нескольких сотен тысяч незарегистрированных иностранцев в Германии находятся члены таких террористических организаций как «Фронт ан-Нусра» и Исламское государство [28]. По данным спецслужб, поток беженцев используется ими для проникновения террористов в Европу [15]. В мае 2016 г. Федеральное ведомство уголовной полиции (ВКА) ФРГ заявило о возбуждении 40 дел о терроризме в отношении лиц, ищущих убежище [16].

Кроме того, немецкие власти отмечают риск пребывания в страну радикальных беженцев. Распространение салафитской идеологии формирует питательную среду для исламистской радикализации и почву для распространения идей джихада. Последствием этого процесса становится постепенное превращение Германии в страну, экспортирующую экстремизм. Согласно данным ВКА к концу июня 2015 г. страну покинуло 677 человек для участия в боевых действиях на территории Сирии и Ирака [16].

Следует отметить, что вопросы безопасности связаны также с нахождением беженцев в специальных лагерях, которые практически находятся вне действия немецких законов, что нередко создает напряженность внутри лагерей. Так, в ряде лагерей были отмечены кражи, нападения и изнасилования. Одинокие матери и гомосексуалисты особенно подвержены риску стать жертвой преступлений, как отметил уполномоченный по вопросам сексуального насилия над детьми Йоханнес-Вильгельм Рёриг [14].

С другой стороны, Федеральная служба защиты конституции отмечает рост страхов и негативного отношения многих граждан к наплыву беженцев и вызванным им социальным и экономическим последствиям. На этом фоне ведомство ожидает как дальнейшей «легальной» критики миграционной политики, так и усиления ультраправых партий и роста их численности. Рост числа нападений на жилища беженцев позволяет сделать вывод о далеко идущей радикализации политической дискуссии в отношении проблемы беженцев. Опросы, проводившиеся в конце 2015 – начале 2016 гг., подтверждают это положение. На вопрос, может ли Германия справиться с наплывом мигрантов, в середине октября 2015 г. 20% респондентов ответили положительно, а 71 % отрицательно. В ходе опроса центра ZDF-Politbarometer 23 октября 2015 г. 46 % опрошенных оценили работу Ангелы Меркель в области миграции как хорошую, 48 % – как плохую [19]. 13 ноября 2015 г. Центр провел повторный опрос. На те же вопросы в отношении канцлера в ее пользу высказались 43 %, против – 52 % [26]. Иными словами, большинство немцев против продолжения той политики, которую проводило Федеральное правительство в течение 2015 г.

Успешность разрешения миграционного кризиса в Германии во многом зависит от адекватности принимаемых властями мер. Еще до «Flüchtlingskrise» немецкие официальные лица выражали обеспокоенность вопросами увеличения нелегальной миграции. В 2012 г. министр внутренних дел Германии Ханс-Петер Фридрих высказался в пользу введения обязательного пограничного контроля внутри Шенгенской зоны, объяснив свое предложение необходимостью обеспечивать безопасность в условиях увеличения числа нелегалов из Северной Африки [5]. Однако тогда эта инициатива не была претворена в жизнь.

В течение 2015 – начала 2016 гг. Федеральное правительство реализовало некоторые меры по улучшению

обеспечения безопасности. 3 декабря 2015 г. на конференции министра внутренних дел в Кобленце было объявлено, что по соображениям безопасности необходимо с 1 января 2016 г. вернуть проверку на наличие преступлений, отмененную летом в рамках упрощения процедуры предоставления убежища, для беженцев из Сирии, Ирака, Афганистана и Эритреи [18]. С 13 сентября 2015 г. германское правительство ввело меры контроля потока беженцев в районах, прилегающих к границе с Австрией. Въезд на территорию Германии стал возможен только с действительными проездными документами. Шенгенское соглашение было, таким образом, частично отменено [20]. Федеральная полиция получила полномочия регулировать поток беженцев из Австрии в Германию на пяти пограничных пунктах. Изначально меры пограничного контроля были введены до 13 февраля 2016 г., а затем были продлены до 13 мая 2016 г. В конце февраля 2016 г. бундесагом был принят пакет поправок в миграционное законодательство – Asylpaket II, который затруднил воссоединение с семьей, а также ввел новые основания для депортации из страны [24]. Для противодействия террористической угрозе, порожденной миграционным кризисом, было принято решение об увеличении численности армии, о чем в мае 2016 г. заявила министр обороны Урсула фон дер Ляйен [4].

Подводя итог, необходимо отметить, что сегодня в Германии нет единого мнения о том, как обеспечить безопасность в рамках сосуществования коренного большинства и новых меньшинств. По этому вопросу есть, по крайней мере, две полярные точки зрения: одни выступают за далеко идущую ассимиляцию меньшинств, другие исходят из долговременного этнического разнообразия и принимают его. Вместе с этим события последних нескольких лет поставили вопрос о путях преодоления миграционного кризиса, приведшего в движение массы беженцев. Не имея возможностей воздействовать на причины этого переселения, федеральное правительство вынуждено маневрировать между сторонниками и противниками иммиграции. Главным доводом канцлера Ангелы Меркель являются гуманитарные обязательства Германии как члена ЕС и обусловленная демографией потребность германской экономики в рабочей силе. Однако противники правительственного курса набирают все большую популярность, даже сама правящая коалиция находится под угрозой. Противники иммиграции указывают на сомнительные перспективы интеграции беженцев в немецкое общество, укрепление «параллельных обществ», не подконтрольных правительству, опасность краха социального государства. Очевидно, что решение проблемы беженцев не произойдет сиюминутно и безболезненно. На сегодняшний день правящей коалиции удается сдерживать критику, однако немецкое общество радикализуется, и сложно предсказать, каким будет политический спектр Германии после очередных парламентских выборов и как он изменит государственную политику в отношении беженцев.

Список литературы

1. Абдулрахман Ф.М. Религиозная проблема адаптации мусульманских мигрантов в Германии // Историческая и социально-образовательная мысль. №4. 2012. С. 194-196.

2. Вторая исламская конференция в Берлине проходит на фоне новых споров // Deutsche Welle. 2007. 02 мая. URL: http://www.dw.com/ru/вторая-исламская-конференция-в-берлине-проходит-на-фоне-новых-споров/a-2463974.

3. В школах Германии могут ввести преподавание ислама // Deutsche Welle. 2008. 13 марта. URL: http: // www.dw.com/ru/в-школах-германии-могут-ввести-преподавание-ислама/a-3190830.

4. Германия впервые за 25 лет увеличит свою армию URL: //http://rueconomics.ru/172781-germaniya-vpervye-za-25-let-uvelichit-svoyu-armiyu.

5. Германия вслед за Францией выступила за погранконтроль внутри Шенгена // URL: http://m.newsru.com/world/05apr2012/germsheng.html.

6. Лапин А. А. Исламский экстремизм в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 1. С. 177-187.

7. Михалева А. В. Исламская конференция в германии: новые способы решения старых проблем // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук–№9. 2009. С. 355-376.

8. Мусульмане Германии не хотят быть немцами URL: //http://www.islamnews.ru/news-22405.html.

9. Первая исламская конференция в Германии под огнем критики // Deutsche Welle. 2006. 27 сентября. URL: http://www.dw.com/ru/первая-исламская-конференция-в-германии-под-огнем -критики/a-2186206.

10. Погорельская С. В. Иммиграция и проблемы безопасности: на примере Германии // Актуальные проблемы Европы. 2008. №4. С. 40 78.

11. Сохранит ли Германия свою привлекательность для мигрантов? URL: http://www.dw.com/ru/ сохранит-ли-германия-свою-привлекательность-для-мигрантов /a-17682522.

12. Якоби Т. Иммиграционная дилемма Германии URL: http://www.globalaffairs.ru/number/ Immigratcionnaya-dilemma-Germanii-15356.

13. Aktuelle Zahlen zu Asyl–Stand: Dezember 2015 // BAMF.

14. Alexander Sarovic: Sexuelle Gewalt in Flüchtlingsheimen: „Besonders gefährdet sind alleinstehende Mütter“ // Spiegel Online. 4. Oktober 2015.

15. Als Flüchtlinge getarnte IS-Kämpfer kommen nach Europa // Welt Online,10. Februar 2016.

16. Analyse der Radikalisierungshintergründe und -verläufe der Personen, die aus islamistischer Motivation in Richtung Syrien oder Irak ausgereist sind // Onlinepräsentation des Bundeskriminalamtes (BKA) Aktuelle Forschungsinitiativen/-projekte 2015, 19. Januar 2016.

17. Anzahl der Asylbewerber im Jahr 2013: Höchster Stand seit 14 Jahren // BAMF, Januar 2014.

18. Asylanträge von Syrern werden wieder einzeln geprüft // Deutsche Welle, 31. Dezember 2015.

19. Deutliche Mehrheit für Transitzonen // ZDF, 22. Oktober 2015.

20. Deutschland führt vorübergehend Grenzkontrollen ein // In: Spiegel Online. 13. September 2015.

21. Ehni E. Deutsche besorgt über Flüchtlinge // ARD-DeutschlandTrend. 2015. 01 октября. URL: https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend-405.html.

22. Flüchtlinge: Merkel und Gabriel fordern Kraftakt von den Deutschen // http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-merkel-und-gabriel-fordern-kraftakt-von-den-deutschen-a-1051761.html.

23. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: http://www.bundestag.de/bundestag/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgeset.

24. Kabinett beschließt verschärfte Flüchtlingsgesetze // Spiegel Online, 3. Februar 2016.

25. Mehr Asylanträge in Deutschland als jemals zuvor // Bundesministerium des Inneren, 2015, Pressemitteilung vom 6. Januar 2016; Hans Monath: 163.000 Flüchtlinge im September, 290.000 nicht registriert // Der Tagesspiegel, 1. Oktober 2015.

26. Politbarometer 13 // ZDF.de, November 2015.

27. Romhild R. Global Heimat Germany. Migrationand the Transnationalizationof the Nation-State // Migration, Culture, and the Nation-State, 2005, Vol.1, Issue 1.

28. Salafisten werben Flüchtlinge an // Süddeutsche Zeitung, 10. September 2015; Flüchtlinge interessieren Verfassungsschutz im Land // Badische Zeitung, 3. November 2015; Interview mit Herbert Landolin Müller // Report Mainz, 12.Mai 2011.

29. Statistisches Bundesamt (Destatis) // https://www.destatis.de/DE/Startseite.html.

30. Thilo Sarrazin Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen // http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/sachbuch/thilo-sarrazin-deutschland-schafft-sich-ab-so-wird-deutschland-dumm-1999085.html.

31. Traub T. Der Islam und das Grundgesetz // LTO: Legal Tribune Online. 2010. 08 октября. URL: http://www.lto.de/recht/hintergruende/h/diskussion-um-anerkennung-der-islam-und-das-grundgesetz.

32. Zahl der Asylbewerber in der EU im Jahr 2014 sprunghaft auf mehr als 625.000 gestiegen // Eurostat vom 20. März 2015.

Об авторе

Голикова Светлана Николаевна – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), *svetik330@rambler.ru*

УДК 94 (575.2)

ВОССТАНИЕ 1916 Г. В КЫРГЫЗСТАНЕ: НЕВЫУЧЕННЫЙ УРОК?

Джакишев А.У.

Рассмотрены мероприятия советской власти по оказанию помощи населению, пострадавшему в ходе подавления царизмом восстания 1916 г. в Кыргызстане, в рамках реализации ленинской национальной политики.
Ключевые слова: *Туркестан, колониальная политика царизма, национальный вопрос, восстание 1916 г., беженцы - кыргызы*

THE REVOLT OF 1916 IN KYRGYZSTAN: CONTROVERSIAL ISSUES

Dzhakishev A.U.

Considered actions of the Soviet authorities to assist the population affected during tsarist repression of the 1916 uprising in Kyrgyzstan in the framework of the implementation of the Leninist national policy
Keywords: *Turkestan, the colonial policy of tsarism, the national question, the uprising in 1916, refugees – Kyrgyz*

В 2016 году в Кыргызстане будет отмечаться 100-летняя годовщина восстания 1916 г. Президент страны А.Атамбаев подписал указ «О 100-летии трагических событий 1916 года». Власти республики планируют установить памятник, погибшим в ходе восстания, вызванного протестами против царского указа о мобилизации коренного населения Туркестанского края на военно-тыловые работы. Создана рабочая группа в составе ученых-историков и представителей других гуманитарных наук для выработки объективной исторической оценки событий 1916 года.

К сожалению, некоторые националистически настроенные политики в Кыргызстане используют тему восстания 1916 года в Туркестане для разжигания межнациональной розни, перекладывая вину царского режима на современную Россию и русский народ.

Дабы противостоять подобного рода националистическим инсинуациям, профессорско-преподавательский состав Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н.Ельцина работает над тем, чтобы донести до кыргызстанцев, всех жителей республики, объективную картину событий 1916 г. Представленная статья является скромным вкладом в решении общей задачи, а именно: не допустить использования трагических страниц в истории кыргызского народа в угоду интересам разного рода деструктивных политических сил.

Сегодня, время от времени, в средствах массовой информации идут дискуссии о причинах распада Советского Союза. Обращает на себя внимание попытки отдельных политиков и представителей экспертного сообщества подвергнуть сомнению основополагающие идеи В.Ленина касательно национального вопроса. По их мнению, предоставление в 20-х гг. XX в. бывшим народам царской России различных форм национальной государственности было ошибочным и якобы сыграло роль «замедленной мины» под здание Советского Союза. А в качестве правильного «образца» государственного устройства СССР называлось губернское административное устройство царской России.

Выдвигая подобные версии, политики и эксперты не берут во внимание складывающуюся ситуацию на тот исторический период, характеризующейся ухудшением положения народов окраин царской России, вследствие колониального гнета, бесправия и безысходности «туземного» населения, и как результат, набирающие силу центробежные настроения. «Национальный и аграрный вопросы, - писал накануне Октябрьской революции В.Ленин, - это – коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время» [2].

Только советская власть, благодаря проведению ленинской национальной политики смогла удержать и вновь объединить, но уже на добровольных началах, нации и народности бывшей царской Россиив рамках нового советского государства.

К сожалению, после кончины В.Ленина, его идея о «добровольном союзе свободных и равноправных народов», в последующие годы была подменена сталинским планом «автономизации» с директивным Центром и послушными республиками-сателлитами. Именно концентрация власти союзного Центра и бесправное положение национальных республик и иных национальных образований, забвение постулатов ленинской национальной политики, и стало той самой «миной», которая привела к развалу СССР в 1991 г.

Верность ленинского подхода в решении национального вопроса была в полной мере подтверждена на примере исторической судьбы кыргызского народа, подвергнувшемуся геноциду со стороны царских карателей в ходе восстания 1916 г. Однако и после свержения самодержавия Временное правительство, пришедшее к власти после Февральской революции 1917

г., ничего не сделало для отмены колониального и национального гнета.

Беженцы-кыргызы, узнав о революции в России, потянулись домой. В телеграмме, посланной ими 5 марта 1917 г. в Россию, сообщалось: «Получив известие о перемене правительства в дорогой нам родине, мы, брошенные волей судьбы в далекий Китай русские мусульмане, были безгранично обрадованы» [1 с. 65]. Однако и на родине беженцев ожидали те же невзгоды. Кулаки, захватившие их земли, не допускали их на места прежнего проживания, а тех, кто все же возвращался туда, встречали с оружием в руках. Царские законы, ущемляющие жизненные интересы народов Средней Азии, были оставлены в силе. 14 марта 1917 г. Временное правительство постановило: «Все акты верховного правления, состоявшиеся до 27 февраля считать законными».

Туркестанский комитет Временного правительства, заслушав 19 апреля 1917 г. доклад комиссара Тынышпаева о местах поселения возвращающихся кыргызов, постановил не допускать их в Пржевальский и Пишпекский уезды, а расселить в горных районах Нарына и в восточной части Джаркентского и Верненского уездов.

Запретительные директивы Временного правительства и Туркестанского правительства неуклонно исполнялась на местах. Так, в Горном Нарынском участке, где находились вернувшиеся в 1917 г. из Китая беженцы-кыргызы, Нарынский Совет солдатских депутатов, представленный партией эсеров, отказал просьбе дехкан. В мае 1917 г. делегация от 70 тыс. возвратившихся на родину беженцев-кыргызов обратилась к находившимся в Нарыне депутатам Ташкентского Совета с просьбой о разрешении вернуться на свои земли в Пржевальский уезд, но и эта просьба была отклонена.

Совершенно иным было отношение к кыргызскому народу русских рабочих и трудового крестьянства. Депутаты Ташкентского и Краевого Советов, побывавшие в мае-июне 1917 г. в Северном Кыргызстане и посетившие села Пишпекского уезда, сообщали о дружественных взаимоотношениях между русской и кыргызской беднотой. В сведениях по Карабулаку отмечалось, что крестьяне «с киргизами живут мирно». О селе Быстрореченском, населенное русской беднотой, депутаты писали: «Отношения с киргизами хорошее». В пример приводили также крестьян села Юрьевского: «Отношения крестьян Юрьевского селения с киргизами, особенно с букарой (беднотой), весьма дружелюбны».

Крестьяне этого села, несмотря на тяжелое положение, приняли в свое общество 200 юрт кыргызов. В другом источнике говорится, что, когда через село Покровку проходила партия беженцев-кыргызов, «русские и киргизские женщины, узнав друг друга, кинулись в объятия, плакали о погибших членах своих семей» [1. с.66]. Таких примеров было немало. Все это свидетельствовало о том, что бедноте была чужда национальная рознь, которую разжигала русская и кыргызская богатая верхушка.

Только после установления Советской власти ситуация коренным образом стала меняться. Упразднялись старые и создавались новые земельные органы, как правило, с участием представителей коренного населения. Земельные секции и земельно-водные комитеты наделяли безземельных дехкан пахотными землями, покосами и пастбищами, решали вопросы водопользования, что способствовало сближению бедноты разных национальностей. Например, в г. Пржевальске стала работать Земельная комиссия во главе с большевиком Н.С.Шокаревым, вставшая на защиту интересов кыргызской бедноты. Комиссия запретила распространенную в то время практику прежних местных властей сдавать в аренду земли кыргызов без их на то согласия. Данной Земельной комиссией только с апреля по июнь 1918 г. было отведено кыргызам (в основном вернувшимся из Китая) более 82 тыс. дес. земли.

Вместе с тем, предпринимаемые советской властью меры по восстановлению нарушенных прав кыргызского населения встречали упорное сопротивление. Так, в марте 1918 г. произошло столкновение между Пишпекским Советом и казаками станицы Кегетинской. Казаки, расположившись на землях кыргызов Шамсинской волости, нещадно грабили последних. В начале 1918 г. они угнали у шамсинцев стадо овец. После поступившей от кыргызов жалобы Пишпекский Совет направил своих представителей к казакам. Но казаки отказались подчиниться, заявив, что Советской власти не признают. Тогда в станицу был направлен красногвардейский отряд с тем, чтобы разоружить казаков и вернуть кыргызам скот. Решение Совета было выполнено. Дабы не допустить впредь подобных инцидентов в том же месяце 1918 г. комиссаром по регулированию «русско-туземных» отношений был издан приказ о предании военно-революционному трибуналу лиц, виновных в самовольном захвате земельных участков.

На юге Кыргызстана, несмотря на противодействие басмачей, в Андижанском, Скобелевском и Кокандском уездах Ферганской области было передано бедноте 15 тыс. дес. земли. Так, у кулаков Массинской волости Андижанского уезда было изъято 139, Наукатской – 189, Кугартской – 100 дес. поливных земель, поступивших в пользование кыргызов.

Обнищавшее в результате восстания 1916 г. кыргызское население получало материальную помощь и поддержку. Только в мае 1918 г. Туркестанская республика получила более миллиона пудов пшеницы и полмиллиона пудов кукурузы. Летом 1918 г. по указанию

В.Ленина из продовольственных фондов РСФСР для Туркестана было выделено 100 вагонов пшеницы и 15 вагонов ячменя. Оказывалась и денежная помощь. Центральная коллегия ТуркЦИКа по борьбе с голодом с начала ее деятельности до конца марта 1919 г. передала уездным комиссиям 42 млн. руб.

Эта помощь в первую очередь направлялась кыргызам, вернувшимся на родину из Китая. Так, Семиреченский облисполком выделил кыргызам Атекинской и Сарыбагышевской волостей, находившихся в наиболее тяжелых условиях, 25 тыс. руб. Кыргызам, указанных волостей, а также волостей Тынаевской, Шамсинской, Джанышевской, Борыкчинской поставлялись бесплатно юрты. Атекинские и сарыбагышевские кыргызы расселялились в Николаевской волости, где для этого имелись благоприятные условия.

Для борьбы с голодом широкое распространение получили питательные пункты и столовые. К марту 1918 г. в Семиреченской области было открыто 24 питательных пункта. В г. Оше работало 12 бесплатных столовых, в которых получали питание 16 тыс. голодающих.

Были приняты меры по организации детских приютов. 20 марта 1918 г. Пишпекский уездный Совдеп принял постановление, в котором ставилась задача: «Немедленно организовать для киргизских и вообще мусульманских детей приюты, чтобы спасти от гибели нацию». [1. с. 179] По решению Пржевальского исполкома от 26 августа 1918 г. в центре уезда был открыт мусульманский детский приют на 100 детей.

В целях организации сиротского приюта для кыргызских детей Совет народных депутатов Пишпекского уезда взыскал средства на его содержание с баев и манапов. При этом было оговорено, что в случае детской смертности от голода имущество баев и манапов будет конфисковано, а сами они будут выселены. Такие меры принимались и в отношении русского кулачества. Созданные детские дома и приюты спасли многих кыргызских детей-сирот от неминуемой смерти.

В последующие годы, советское государство не оставила без внимания кыргызских детей, пострадавших в годы восстания. Практически все они были охвачены системой ликбеза, наиболее способные из них стали известными людьми в республике такие как: писатели Т.Сыдыкбеков и Джусуп Турусбеков, поэт А.Токтомушев и А.Токомбаев, филологи К.Тыныстанов и К.Карасаев, президент Академии наук республики ученый-хирург И.Ахунбаев, композиторы К.Молдобасанов и А.Малдыбаев и многие другие, составив первое поколение национальной интеллигенции. [5]

Крайне тяжелым было положение беженцев-кыргызов в Китае. Один из советских уполномоченных, направленных в Китай для ознакомления с их положением и оказания содействия возвращения на родину, писал: «Положение проданных в рабство киргизов невыносимо, обращение с ними жестокое. Все взоры…обращены на Советскую Россию, которая освободила от царского гнета».

И действительно, Советская власть сразу же приняла срочные меры по их возвращению и устройству. 20 мая 1918 г. Семиреченский облисполком вынес решение оказать широкую помощь беженцам, возвратить их на места жительства, голодающих беженцев обеспечить продовольствием. Однако многие беженцы, попав в кабалу к китайским феодалам и ростовщикам, могли вернуться на родину лишь после уплаты долговых обязательств. Свирепствовал голод, болезни. И все же многим из них удалось вернуться на родину.

С целью содействия возвращению и устройству беженцев были созданы специальные комиссии (укомбежи). Они направляли своих представителей в Китай для ведения переговоров с китайскими властями, организовывали пункты приема беженцев, помогали им в хозяйственном устройстве, снабжали продовольствием. В помощь им комиссии проводили сбор одежды, обуви, кошм, скота, продуктов питания.

Так, например, 14 марта 1918 г. по поручению Семиреченского Совнаркома большевик Токаш Бокин провел собрание населения кыргызских волостей Токмакского уезда, на котором было принято решение реквизировать скот у баев и манапов и организовать сдачу скота населением в пользу голодающих с условием, что дехканами скот будет впоследствии возвращен за счет изъятого у баев поголовья. Собрание также решило провести сбор хлеба и денег в помощь голодающим. Каждая волость обязывалась открыть питательные пункты и оказать содействие беженцам в их устройстве на прежних местах. На пути следования беженцев было открыто 24 питательных и медицинских пункта.

Большое внимание уделялось обеспечению беженцев землей. Только кыргызам Кенсуйской, Аксуйской, Курментинской, Тюпской и Барскоонской волостей было возвращено 80 тыс. дес. земли. Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана в ноябре 1919 г. приняла решение о бесплатном обеспечении беженцев хлебом за счет изъятия его у кулаков.

С целью усиления помощи беженцам в организации их возвращения и устройства 2 февраля 1920 г. ЦИК Туркестанской АССР своим решением образовал Особую комиссию ТуркЦИКа по устройству беженцев Семиреченской области. Президиум ТуркЦИКа предложил Комиссариату земледелия, Центральному Совету Народного Хозяйства, Комиссариату продовольствия снабдить комиссию сельскохозяйственным инвентарем, продовольствием, одеждой для

оказания помощи беженцам.

Туркестанский ЦИК обязал все ревкомы и исполкомы, а также военные власти оказывать Особой комиссии самое широкое содействие и привлекать к суду лиц, сопротивляющихся выполнению стоящих перед ней задач. На комиссию были возложены следующие функции: через отдел внешних сношений вести переговоры с китайскими властями о свободном возвращении беженцев на Родину; выплачивать долговые обязательства беженцев, поскольку это служило препятствием к их возвращению; оказывать материальную помощь беженцам деньгами, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, строительными материалами; устраивать беженцев на прежних местах жительства; возвращать беженцам отобранные у них земли, постройки, живой и мертвый инвентарь и т.д.

Кроме того, комиссия должна была производить закупку сельскохозяйственного инвентаря, предметов домашнего обихода, лошадей, мануфактуры; вести заготовку и распределение среди беженцев семян и стройматериалов. Особая комиссия обязывалась проводить разъяснительную работу (беседы, митинги, собрания и т.п.), направленную на сплочение трудящихся всех национальностей. Для оказания помощи беженцам государство выделило 100 млн. рублей. Таким образом, был разработан широкий комплекс мероприятий по спасению беженцев, возвращению их в родные места и устройству. Эти решения должны были способствовать раскрепощению коренных народов и предоставление им возможности свободного и равноправного развития.

3 февраля 1920 г. ЦИК Советов Туркестанской АССР издал приказ о ликвидации последствий колониальной политики царизма и возвращении беженцев-кыргызов на их прежние места жительства. В нем, в частности, сказано: «Считать первейшей обязанностью рабоче-крестьянского правительства принять все меры к устранению вредных для киргизского народа последствий хищнической колониальной политики царского правительства, заключающейся в систематическом и беспощадном обезземеливании киргизского народа с целью передачи исконных киргизских земель его поработителям-эксплуататорам и достижения подобными варварскими средствами полного исчезновения киргизской национальности».

Важное значение в земельном устройстве беженцев имел декрет ЦИК Туркестанской АССР от 4 марта 1920 г. «О возвращении земель трудовым дехканам». В декрете указывалось, что «земли, конфискованными царским самодержавием как карательная мера за восстание в Самаркандской, Ферганской и других областях, подлежат немедленному возвращению прежним владельцам с оставлением переселенцам установленной трудовой нормы». [1. с.243]

23 марта 1920 г. Особая комиссия ТуркЦИКа по устройству беженцев Семиреченской области издала приказ, в котором предписывалось всем гражданам, захватившим земли и постройки кыргызов и казахов в 1916 г. «освободить таковые места, и с живым инвентарем, который был оставлен беженцами, и посевами, если такие произведены, в месячный срок со дня объявления приказа передать его законным владельцам». Всем беженцам-кыргызам, казахам и дунганам по истечении месячного срока предоставлялось право занять свои прежние жилища, земли, летовки и зимовки и потребовать возврата скота, ранее им принадлежавшего. Этим же приказом областному, уездным, волостным земельно-водным отделам предлагалось приступить у установлению точных границ землепользования между русскими крестьянами и дехканами, не допускать злоупотреблений в водопользовании, самовольного захвата арыков, сделанных кыргызами и находившиеся ранее в их пользовании. Возвратившихся беженцев надлежало в первую очередь снабжать инвентарем и семенами для посева. Наиболее важные спорные вопросы, касающиеся земли и водоснабжения между русским и коренным населением, должны были решаться в присутствии представителя Особой комиссии ТуркЦИКа и одинакового числа лиц от заинтересованных сторон.

В большинстве случаев землеустройство беженцев осуществлялось на основе добровольного соглашения между русскими трудовыми крестьянами и беженцами, за исключением кулаков, которые, как правило, не хотели добровольно возвращать захваченные земли и имущество. Как отмечалось в докладной записке Особой комиссии ЦИК Туркестанской АССР от 25 апреля 1920 г. русское трудовое население «в этом отношении шло навстречу, возвращая немедленно беженцам скот и имущество…». [1. с. 244] Таким образом, вопросы возвращения и устройства беженцев находились в центре внимания Компартии Туркестана и правительства Туркестанской республики.

Партийные и советские организации проводили большую работу по привлечению общественности к оказанию помощи беженцам. По инициативе Семиреченского обкома КПТ и областного Военревкома в Семиречье проводилась Неделя сбора добровольных пожертвований в пользу беженцев, которая дала существенные результаты. В Токмаке, например, уйгуры, дунгане, татары оказали большую помощь беженцам-кыргызам хлебом и семенами.

По данным Каракольского уездного земотдела от 20 ноября 1920 г. в ходе проведения в жизнь декрета ТуркЦИКа от 4 марта 1920 г., все земли были возвращены беженцам-кыргызам весной 1920 г. В распоряжение 10267 кыргызских хозяйств здесь поступило 123 879 дес. земли. Это был важный шаг по ликвидации

остатков колониализма в землепользовании. В Каракольском уезде вернувшимся беженцам был отпущен лес для строительства жилых домой и выделено 9800 овец. Организовывались столярные, кузнечные и другие мастерские. В течение 1920 г. Каракольская уездная комиссия по устройству беженцев выдала возвратившимся кыргызам 700 тыс. руб., 4300 аршин мануфактуры, 1300 кусков маты, 8 тыс. пудов пшеницы.

Несмотря на трудности, связанные с иностранной интервенцией и гражданской войной, нехваткой средств, ожесточенным сопротивлением кулацких элементов, не желающих расставаться с захваченными землями и имуществом, в 1918-1920 гг. была проделана огромная работа по возвращению и устройству беженцев, К июню 1921 г. на родину возвратилась значительная часть беженцев.

В результате проведения взвешенной национальной политики укреплялось стремление русских и кыргызов жить в добрососедстве. Об этом свидетельствовали многочисленные прошения о совместном расселении в той или иной местности. Так, в наказе крестьян села Военно-Антоновка Пишпекского уезда делегату, направляемому на съезд Советов (октябрь 1918 г.), говорилось: «Мы, граждане с. Военно-Антоновское Пишпекского уезда, требуем расселения мусульман наравне с крестьянами хлеборобами,… чтобы не было так, как проектировалось при старом режиме, так как одних селили на более удобные, водные места, других заселяли совсем на безводные поля, поэтому просим, чтобы всех граждан мусульман… расселить на одну линию с русскими, чтобы могли все пользоваться равноправным распределением орошения полей».

Кыргызы, видя, что простые русские помогают им освободится от нищеты и бесправия, стремились к сближению и сотрудничеству. Об этом, к примеру, свидетельствует решение дехкан аила Чалаказакского Пишпекского уезда от 4 февраля 1919 г.: «Присоединиться к обществу граждан селения Привокзально-Михайловского, потому что присоединится – значит объединится, а в объединении – сила. И наконец, присоединение наше к русскому обществу…, надеемся, принесет нам только пользу, как в духовном, так и материальном положении». [1. с.234]

1 июня 1921 г. в газете «Правда» сообщалось о фактах налаживания добрососедских отношений между кыргызской беднотой и русскими поселенцами. Так, 1 мая жители с. Сазоновка Каракольского уезда пожертвовали для кыргызской бедноте 100 голов скота и 125 шт. птицы. На субботнике 2 мая жители с. Григорьевское запахали и засеяли для кыргызской бедноты 62 десятины хлебных злаков. [4. С.88]

Мероприятия по восстановлению нарушенных прав коренного населения Туркестана находились под постоянным контролем В.Ленина. Так, 13 июня 1920 г. своих замечаниях на проект решения ЦК «О задачах РКП (б) в Туркестане» он отмечал, что основной задачей в Туркестане является «ликвидацию отношений, создавшихся между пришлым европейским населением и коренными народами в результате пятидесяти с лишним летней империалистической политики российского самодержавия».

В.Ленин был хорошо осведомлен об оказываемом противодействии политики большевиков со стороны представителей бывшей колониальной администрации, отдельных работников советских органов в Туркестане, «зараженных колониальной психологией», вследствие чего подобные действия представителей советской власти рассматриваются «порабощенным коренным населением как продолжение действий агентов старой царской власти и по существу являющимся таковыми». В этой связи, В.Ленин со всей категоричностью требовал «выслать из Туркестана в российские концентрационные лагеря всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, тех из царских чиновников, использование коих в Туркестане политически неприемлемо, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии».

22 июня Ленин вновь возвращается к тексту вышеуказанного проекта, внеся дополнительные пункты: «Утвердив тезисы и проект, в общем и основном, исправить и тезисы, и проект в том духе, чтобы (1) уравнять землевладение русских и приезжих с местными; (2) разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом». [3. С. 153]

В.Ленин в своем письме коммунистам Туркестана подчеркивал: «Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для РСФСР значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое». [1. С. 234] В.Ленин просил коммунистов Туркестана обратить на этот вопрос особое внимание, чтобы на примере, делом доказать, что Советская власть желает искоренить все следы великорусского империализма, утвердить братские отношения между народами.

Таким образом, проведенные Советской властью первые мероприятия по осуществлению ленинской национальной политики способствовали изжитию национального недоверия и вражды, нормализации национальных отношений укреплению единства всех наций и народностей. Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики по восстановлению нарушенных прав и жизненных интересов кыргызского народа, возвращения ему утраченных посевных земель, пастбищ и скота, выделение денежных и материальных средств для восстановления

хозяйства, организации бесплатного питания голодающим беженцам и оказанная безвозмездная помощь русского переселенческого трудового крестьянства по восстановлению кыргызских хозяйств, направило в позитивное русло характер взаимоотношений между кыргызским и русским народами.

Благодаря всемерной помощи советской власти, удалось наладить взаимоотношения между кыргызской и русской беднотой, открыть дорогу миру и добрососедству. Ленинская идея о союзе свободных и равноправных народов нашла свое воплощение в образовании СССР. Народы бывшей царской России создали свою государственность. Получила развитие национальная экономика, культура, наука, образование и многое другое.

Однако в последующие годы, руководствуясь сталинским планом «автономизации» во взглядах на государственное устройство, многие постулаты ленинской политики были забыты и отброшены, что, в конце концов, ослабило дружбу народов и стало одной из причин распада СССР в 1991 г.

Уроки восстания 1916 г., приведшее к гибели и слому судеб сотен тысяч людей, свидетельствуют о том, что безответственное отношение политиков к «национальному вопросу», игнорирование жизненных интересов всех этносов, живущих в одном государстве, приводит к плачевным последствиям.

К сожалению, и сегодня, пагубные последствия забвения уроков истории, выразившиеся в ущемлении национально-культурных интересов различных этносов со всей очевидностью проявились на Украине, где политика разделения граждан страны на «правильных и неправильных» привела к гражданской войне, в ходе которой, по данным ООН на 27 июля 2015 года, жертвами конфликта стали 6 832 человека (включая гражданское население, украинских силовиков, повстанцев и 298 пассажиров рейса MH17), ранения получили 17 087 человек, а число беженцев превысило 2,3 млн. человек. [6]

Со всей очевидностью наметились негативные симптомы и в Европейском Союзе в части несоблюдения баланса интересов среди национальных государств - членов ЕС, который до последнего времени позиционировавшийся как образец мультикультурализма и гармоничного сожительства народов 26 государств. Волюнтаристские действия крупных, ведущих государств (Германия, Франция), а также еврокомиссаров, зачастую принимающих решения, без соответствующих согласований и учета жизненных интересов «малых» членов-государств ЕС, все чаще вызывают отторжение таким подходом в принятии общеевропейских решений. Продолжение подобной практики грозит Европейскому Союзу наступить на те же «грабли», которые похоронили Советский Союз.

Список литературы

1. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах / АН Кирг. ССР, Ин-т истории: Гл. ред. Совет: С.И.Ильясов (пред.) и др. – Ф.: Кыргызстан, 1986. Т. III. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в Киргизии (1917-1937 гг.) / Редкол.: К.К. Каракеев (гл. ред.) и др., 1986. 652 с.

2. В. Ленин ПСС т. 34. С. 299. Удержат ли большевики государственную власть?

3. В. Ленин ПСС т. 41. С. 153 «Проект постановления Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о задачах РКП (б) в Туркестане» от 22 июня 1920 г.

4. Сборник документов. Советский Кыргызстан в документах 1918-1967 гг. Ф.1983 г. С.88

5. Самаганов Дж. Писатели Советского Кыргызстана. (Био-библиографический справочник). – Ф.: «Кыргызстан», 1969. 644 с.

6. ttps://ru.wikipedia.org/wiki/Вооружённый конфликт на востоке Украины

Об авторе

Джакишев Аскар Умаркулович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, *djakishev@gmail.com*

УДК 94(47):63

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX В.)

Книга М.Д.

В статье рассматривается исторический опыт деятельности первых сельскохозяйственных институтов в России: Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства, Горы-Горецкого земледельческого института и Петровской земледельческой и лесной академии. Анализируется учебная, научная и просветительная деятельность этих учебных заведений, ставшая важнейшим фактором становления системы высшего аграрного образования в Российской империи.
Ключевые слова: *сельскохозяйственное просвещение, сельскохозяйственные институты, аграрная наука*

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FIRST AGRICULTURAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX CENTURY)

Kniga M.D.

The article considers historical experience of activity of the first agrarian higher education institutions in Russia: Novoalexandriiskiy Institute of Agriculture and Forestry, Gori-Goretskiy Agricultural Institute and Petrovsky Agricultural and Forest Academy. The author analyzes educational, scientific and educational activity of the education institutions, which became the most important factor of development of system of the higher agrarian education in the Russian Empire.
Keywords*: agricultural education, agricultural institutes, agrarian science*

Мировой опыт показывает, что поступательное развитие сельского хозяйства обеспечивается, прежде всего, наличием эффективной системы подготовки квалифицированных кадров. Учитывая актуальность проблем, стоящих сегодня перед высшей школой, интересен исторический опыт деятельности первых аграрных вузов в контексте формирования системы высшего сельскохозяйственного образования. Долгое время в Российской империи власть не связывала решение проблем аграрного производства с развитием образования. В конце XVIII в. была сделана попытка в целях прогресса земледелия открыть первое учебное учреждение для распространения научных знаний – практическую школу земледелия близ Санкт-Петербурга. Данное начинание нельзя квалифицировать как удачное, но оно дало старт возникновению на всей территории империи сельскохозяйственных школ и училищ, готовящих работников низшего и среднего звена. Что касается подготовки кадров с высшим образованием, то на протяжении всего XIX в. будущие агрономы обучались в трех вузах - Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, Горы-Горецком земледельческом институте и Петровской земледельческой академии. Кроме того, можно было получить высшее сельскохозяйственное образование в Рижском, Киевском и Донском политехникумах. Система подготовки аграрных кадров высшей квалификации сложилась только в начале XX в.

До 90-х гг. XIX в. Россия не испытывала острой нужды в аграрном персонале/ Специалисты выпускались в достаточном количестве для занятий должностей в крупных хозяйствах, государственных и земских органах [9, с. 172]. Созданный в 1816 г. Маримонтский институт сельского хозяйства и лесоводства, переименованный в 1862 г. в связи с переездом в Новоалександрийский, был первым в рамках Российской империи. На первоначальном этапе развития институтом в нашем понимании его можно назвать с большой натяжкой: и требования к абитуриентам были невысокие, и срок обучения был меньше, чем в других высших заведениях, – всего три года. Много сделал для института, будучи директором, известный ученый В.В. Докучаев; он добился того, что в 1893 г. в вузе начались существенные изменения, повысившие уровень преподавания. Благодаря этим переменам институт был приравнен по статусу к университетам. Изменились требования к поступающим: стал обязателен аттестат зрелости (или свидетельство об окончании курса реального училища с дополнительным классом); произошел переход на четырехлетний срок обучения. Студенты стали изучать, помимо аграрных дисциплин, предметы естественно-научного и экономического циклов. С 1914 г. институт перешел на программы Московского сельскохозяйственного института, а до этого организация учебного процесса осуществлялась автономно. Преподавательский состав должен был самостоятельно разработать учебные планы и методическое сопровождение занятий. Студенты сельскохозяйственного отделения изучали частное земледелие, сельскохозяйственный химический анализ, общую и частную зоотехнию, физиологию животных, ветери-

нарию, сельскохозяйственную экономию, сельскохозяйственные орудия и машины, законоведение.

Институт имел один из лучших в России и Европе музей сельского хозяйства, 3 лаборатории, 20 кабинетов, ветеринарную клинику, метеорологическую станцию, опытные фермы, оранжереи, лесные питомники и библиотеку. В 1894 г. благодаря В.В. Докучаеву в институте была создана первая в мире кафедра почвоведения. Многие выдающиеся ученые, работавшие в Новоалександрийском институте, внесли большой вклад в развитие отечественной науки. Директорами института в разное время были, помимо В.В. Докучаева, ботаник-морфолог И.И. Беляев, специалист в области животноводства И.И. Калугин, др. Среди известных выпускников крупный растениевод П.Ф. Бараков, экономист А.И. Скворцов, статистик-экономист А.Ф. Фортунатов, агроном, экономист и историк народного хозяйства Б.Д. Бруцкус, др. В 1904 г. педагогический коллектив насчитывал 33 человека (из них 11 профессоров), которые обучали 324 студента [7, с. 67]. При всех научных и педагогических успехах первого аграрного вуза следует отметить, что его местоположение (Люблинская губерния, окраина Российской империи) не способствовало большому влиянию на сельское хозяйство основных земледельческих районов страны.

Особая роль в подготовке аграрных кадров и преподавателей для созданных впоследствии вузов принадлежала Горы-Горецкому институту (Могилевская губерния). Один из разрядов Горы-Горецкой земледельческой школы в 1842 г. приобрел статус высшего и стал развиваться как самостоятельное учебное заведение. Такое преобразование было осуществлено на основании указа Сената «О дополнительном постановлении к положению о Горыгорецкой земледельческой школе» [10, с. 96]. Указ устанавливал, что учениками могут быть только дети дворян, почетных граждан и купцов 1 и 2 гильдий, имевших достаточный уровень общего образования. В 1843 г. в этом разряде обучалось 39 человек [12, с. 5]. С 1848 г. высший разряд стал именоваться Земледельческим институтом, куда принимались дети всех свободных сословий, а выпускники получали звание агронома. Данное звание согласно § 30 Отд. IV указа приравнивалось к званию «университетского кандидата» и давало право поступать в магистратуру [11, с. 455, 458]. Профессор А.Ф. Фортунатов высоко оценивал вклад института в образование и науку. В 1901 г. он писал, что «вся русская агрономия последней четверти XIX века может быть выведена из стен Горы-Горецкого института и почти исключительно при посредстве А.В. Советова и И.А. Стебута» [Цит. по: 17, с. 30]. И А.В. Советов, и И.С. Стебут – выпускники Горы-Горецкого института, знаковые для российской науки фигуры. Советов известен как первый доктор сельскохозяйственных наук, Стебут – ученый-практик, поборник сельскохозяйственного образования, в том числе женского.

Первые преподаватели Горы-Горецкого института (И.Г. Целлинский, В. Краузе, Б.Г. Михельсон и др.) были выпускниками Дерптского университета, точнее Альткусгофского института сельского хозяйства при университете. Кроме того, часть педагогов прошла стажировку за границей. Например, управляющий учебной фермой и директор опытного поля в 1840-1860 гг. Б.Г. Михельсон прошел стажировку в Бельгии. В аграрном образовании происходили процессы, характерные для всей российской науки: «шел синтез достижений передовой западной науки и природной живости пытливого русского ума» [1]. Этот синтез оказался весьма плодотворен.

Одним из организаторов института был профессор агрономии Б.А. Целлинский. Ему и было поручено составить учебный план. План состоял из 13-ти предметов общеобразовательного цикла и 16-ти профессионального. В профессиональный цикл были включены растениеводство, скотоводство, садоводство, сельскохозяйственная технология, др. Со временем вводились дисциплины экономической направленности: домоустройство, хозяйственная география, финансы и кадастр, бухгалтерия и политическая статистика. Изучались так называемые камеральные науки, означавшие управление государственными имуществами. Студенты получали также знания в области правоведения, навыки в сфере правоприменительной практики. Учебный план утверждался Ученым комитетом МГИ.

Студенты выбирали специализацию из 4-х вариантов: земледелие, скотоводство, лесоводство, экономика. Вводились новые дисциплины: политэкономия и сельскохозяйственное планирование. Менялись и институтские правила: студентам была увеличена стипендия, разрешалось быть вольными слушателями и жить на частных квартирах. Профессора-основатели составили первые руководства для студентов: К.Д. Шмидт написал «Основания химии», Б.А. Целлинский – «Руководство для преподавателя земледелия», Э.Ф. Рего – «Руководство к изучению садоводства и огородничества», А.П. Людоговский – «Основы сельскохозяйственной экономии». Книга Ф.П. Королева «Отчет по делу машин и орудий на сельскохозяйственной выставке машин в Москве в 1864 г.» долгие годы служила учебником. Агрономические науки преподавались выдающимися учеными — А.В. Советовым, И.А. Стебутом, С.С. Коссовичем и другими, чьи имена составили золотой фонд мировой науки.

Одновременно с теоретическими занятиями учащиеся в течение учебного процесса должны были выполнять и практические работы. Практика предусматривала экскурсии по фольваркам школы, участие в посевах и уборке урожая, работу с сельскохозяйственными орудиями, уход за скотом, проведение анализа почвы и молока в химической лаборатории, отработку технологических навыков. Особое место в обучении уделялось упражнениям по «счетоводству и составлению хозяйственных проектов». Их цель состояла в том, чтобы приучить студентов к «порядочному ведению счетов, и чтобы такую же отчетность воспитанники школы впоследствии сумели бы ввести и в частных имениях» [Цит. по: 12, с. 5]. После каждого курса – летняя практика, ибо только практика позволяла студентам освоить дисциплину глубоко и осмысленно. Для расширения кругозора учащихся проводились «агрономические путешествия» в другие губернии.

Большую роль в подготовке будущего специалиста играла производственная практика на четвертом курсе, проходившая в помещичьих имениях. Такой порядок был введен в 1859 г. По окончании практики студент сдавал отчет, в котором должен был представить предложения по усовершенствованию либо одного из частных имений, либо одной из отраслей сельского хозяйства. Только после этого специальная комиссия решала вопрос о готовности выпускника к профессиональной деятельности. Те, кто защитил дипломную работу («рассуждение») и сдал на «отлично» все экзамены, получал звание «агроном», дающее право на поступление в магистратуру; наиболее одаренные награждались золотыми и серебряными медалями. Остальные получали звание «действительный студент агрономии». В итоге из стен института выходил аграрный специалист широкого профиля с навыками управленческой работы.

Горы-Горецкий институт интересен своими педагогическими находками. Профессора вуза А.В. Советов и И.С. Стебут впервые стали рассматривать проблемы аграрного производства через призму социально-экономической истории [3, с. 151]. Профессор И.С. Стебут в процессе обучения студентов стал применять эвристический метод, проводил «семинарии». К подготовке аграрных специалистов патриарх отечественной агрономии (так называли ученого современники) часто использовал термин «сельскохозяйственное воспитание». Под ним он понимал содействие «укреплению физического здоровья студентов, формированию у них сильной воли, точности до педантизма, спокойного характера, а также привычки к сельскохозяйственному труду и непритязательности в быту, которые способны поддерживать у него бодрость духа, энергию и свежесть мысли». Стебут полагал, что специалисты высшей квалификации должны быть всесторонне развитыми людьми, иметь «особое сельскохозяйственное зрение», обладать высокими профессиональными знаниями и нравственными достоинствами [5, с. 6]. Отметим важный момент – впервые в истории высшей аграрной школы именно здесь студентов стали обучать навыкам научно-исследовательской работы. За время существования учебного заведения (1848-1864) было подготовлено 499 агрономов – практиков и деятелей науки [12, с. 7]. Это были первые представители российской аграрной интеллигенции. Просуществовал вуз недолго – в 1864 г. он был переведен в Санкт-Петербург и стал называться Петербургским земледельческим институтом.

Выпускники Новоалександрийского и Горы-Горецкого института сформировали преподавательские кадры базового для Российской империи вуза – Петровской земледельческой и лесной академии (1865), реорганизованной в 1894 году в Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ, нынешняя «Тимирязевка»). В 1860 г. было принято официальное решение: «учредить в Петровском-Разумовском Агрономическую Академию», а также «ферму, механические заведения для делания агрономических орудий, химическую лабораторию и иные учреждения» [14, л. 197]. Академия была всесословным учебным учреждением. Постепенно создавалась материально-техническая база: оборудовались учебные корпуса, усилиями К.А. Тимирязева и И.А. Стебута в 1872 г. была создана образцовая теплица («вегетационный домик»), профессором С. И. Ростовцевым в 1895-1898 гг. заложен ботанический сад, в дальнейшем появилось опытное поле, которым заведовал профессор А.Г. Дояренко, селекционная станция под заведованием Д.Л. Рудзинского. ферма, которой управлял опытный агроном и животновод В.А. Харченко [16, л. 1-126об]. Руководство академии, а затем института создало в учебном учреждении творческую обстановку. А.Г. Дояренко, выпускник и впоследствии профессор Петровки отмечал хорошие условия для учебы и занятий, обеспеченность учебниками, богатейшую библиотеку, бесплатные билеты для досуга. Но, главное, что его приятно поразило – теплые отношения студентов и преподавателей. «Все население Петровского-Разумовского, - писал А.Г. Дояренко, - представляло довольно дружную семью с самыми разнообразными путями общения!» [Цит. по: 6, с. 20]. Студенты имели возможность напрямую общаться с крупнейшими учеными, разрабатывавшими актуальные научные проблемы. Такие дружеские отношения между педагогами и учениками напоминают современный подход, называемый педагогикой сотрудничества. В конце XIX в. в академии преподавали И.А. Стебут (земледелие), К.А. Тимирязев

(физиология растений), Э.Б. Шене (неорганическая химия), Г.Г. Густавсон (агрономическая и органическая химия), П.Н. Кулешов и П.Н. Чирвинский (зоотехния). По уставу 1863 г. женщины не имели права получать высшее образование. Академия заняла передовую для того времени позицию по этому вопросу. В 1869 г. Совет академии принял решение ходатайствовать о приеме женщин в академию, считая, что занятие сельским хозяйством «наиболее соответствует призванию женщин», однако министерство выступило «против».

Студенты обучались в течение двух полугодий: с 15 сентября по 15 декабря и с 15 января по 15 июля. С 1 мая по 15 июля они занимались практическими занятиями, которые проводились на дачах, в питомниках, опытных фермах, опытных полях, др. Не выполнив обязательные практические занятия, обучающиеся не допускались к экзаменам. Студенты выпускного курса, успешно выдержавшие испытания, с 1 апреля по 1 августа проходили практику в частных и государственных хозяйствах. Именно отчет о практике был показателем профессиональной подготовки выпускника.

Разработка учебного плана нередко вызывала дискуссии в преподавательской среде. Так, профессор Д.Н. Прянишников, рассуждая о положении агрономических кафедр, писал о том, что обучение студентов должно состоять из двух этапов: на первом этапе студент получает основное образование, на втором – агрономическое. Все предметы, по замыслу ученого, должны быть разделены на общеобразовательные, распределяемые на все четыре года, и на «секционные», относимые только на третий и четвертый год обучения. Кроме того, он обращал внимание на оптимальное количественное соотношение преподавателей и студентов, что не потеряло актуальности и сегодня. Профессор, рассуждал Прянишников, должен иметь возможность уделить внимание каждому студенту [2, л. 3].

Преподаватели небезосновательно полагали, что очень важно сформировать у студентов познавательную активность. Вот почему в центре образовательного процесса находилась научно-исследовательская работа, которую возглавляли крупнейшие ученые. Профессора института сами проводили изыскания, имеющие важнейшее значение для сельского хозяйства России, являя пример преданности науке. К.Д. Глинка производил исследование почв Воронежской губернии; руководили опытами по растениеводству И.В. Якушкин, по ботанике – Б.А. Келлер, по химии – А.В. Думанский, по физике и минералогии – А.А. Добиаш, по лесоводству – А.В. Тюрин и т.д.

В системе подготовки будущих практиков и исследователей большую роль играло опытное поле МСХИ. В рамках своего исследовательского проекта каждый студент получал полную свободу действий. Господствовал дух творчества, товарищества, студенческого задора. Руководитель поля А.Г. Дояренко сформулировал три группы вопросов в области растениеводства: во-первых, выяснить факторы произрастания растений; во-вторых, «изыскание способов удовлетворения этих потребностей»; в-третьих, выяснить факторы, «находящихся в минимуме в данных конкретных условиях» [16, л. 76об.]. Приведем для примера образцы исследовательских задач: «Образование, накопление и потребление нитратов, фосфатов и органических веществ при различных приемах культуры», «Водопроницаемость почвы», «Засоренность паров» и т.д. [16, л. 78об.]. Сам руководитель опытного поля, по воспоминаниям его ученика Н.В. Орловского, был прекрасным оратором. В академии не существовало требования обязательного посещения занятий, но на лекциях А.Г. Дояренко всегда был аншлаг. Студентов привлекали глубокое знание предмета, привлечение внимание слушателей оригинальной постановкой проблемы, доходчивая форма изложения. Профессор одним из первых стал использовать в процессе преподавания проекционный фонарь, кинопленку, плакаты и схемы [8, с. 26-27].

Известной фигурой в МСХИ был агроном и статистик А. Ф. Фортунатов. Сначала он трудился в Новоалександрийском институте. С 1899 г. состоял профессором на отделении сельского хозяйства по кафедре сельскохозяйственной экономии и статистики Киевского политехнического института. В дальнейшем всю жизнь проработал в МСХИ, совмещая эту работу с преподаванием на Высших женских (Голицынских) сельскохозяйственных курсах. А.Ф. Фортунатов полагал, что студенты должны понимать, - они идут в вуз не для того, чтобы их научили, а для того, чтобы учиться, т.е. самим активно участвовать в учебном процессе: «Студент идет в высшую школу учиться, иначе - учить себя». Главной задачей высшей школы Фортунатов считал формирование у студентов навыков научного исследования. Для этого первым делом студенту надо предоставить возможность выбирать. Студент должен, писал ученый, всегда иметь право отдавать предпочтение заинтересовавшим его предметам, преподавателям, лабораториям, темам научных работ. Важной формой обучения Фортунатов считал индивидуальные занятия. Предпочтительным видом текущего контроля, по его мнению, должны стать студенческие самостоятельные работы, которые нужно обязательно издавать [15, с. 14-16]. Профессор пропагандировал девиз: «Каждый студент должен что-нибудь открыть». Студентам предлагались две темы для «открытий»: «Влияние структуры почвы на динамику физико-химических процессов» и «Влияние различной обработки

почвы на качество урожая», а также 30 тем для индивидуальной работы. Итоги исследований обсуждались коллективно [8, с. 28].

Прорыв в прикладных аграрных исследованиях на рубеже XIX – XX вв. происходил при активном участии ученых – преподавателей высшей аграрной школы. В этот период сельскохозяйственная наука стала дифференцироваться: земледелие, растениеводство, агрохимия, агропочвоведение, мелиорация, защита растений, животноводство и ветеринария стали самостоятельными научными ответвлениями. Оформлялись и совершенно новые направления: учение о почвах и повышении их плодородия; селекция в растениеводстве и животноводстве; агробактериология и проч.

Задачи, решаемые учеными, зависели от проблем, стоящих перед российским сельским хозяйством. Рассмотрим одну из них. Преобладающей системой полеводства в пореформенный период продолжало оставаться трехполье – система ведения хозяйства, при котором пашня делилась на три участка, один из которых оставался «под паром». Такой подход позволял поддерживать на определенном уровне плодородие, но требовал проведения определенных технологических операций, которые не всегда могли быть осуществимы в крестьянском хозяйстве. Изучение практики использования такой системы показало, что трехполье истощало почву зерновыми культурами, не обеспечивало достаточной кормовой базой животноводство, исключало из оборота значительные площади. Как результат – экстенсивный характер земледелия, истощение почвы, сильная зависимость от погодных условий, низкая урожайность. Поэтому первейшей задачей отечественного сельского хозяйства в конце XIX в. стал переход к новым технологиям, позволяющий создать устойчивую систему земледелия. Над этим вопросом ломали головы лучшие представители науки: В.В. Докучаев, П.А. Костычев, Н.М. Сибирцев, АА. Измаильский, А.С. Ермолов и др.

Еще в середине XVIII в. начался всплеск интереса к почвоведению. Жаркие дискуссии велись по вопросу генезиса чернозёмов. Результатом наблюдений над почвой стали труды профессора Московского университета (и директора Московской земледельческой школы) М.Г. Павлова, профессора Петербургского университета С.М. Усова, директора учебного хутора при Московском обществе сельского хозяйства П.М. Преображенского и других представителей первой отечественной агрономической школы.

В.В. Докучаев предложил принципиально новый подход к предмету исследований: рассмотреть почву как самостоятельное природное тело, сложнейшее творение природы, живой ее организм, имеющий свою историю и свои закономерности развития. Он стал родоначальником нового научного направления - генетического почвоведения. Специальная экспедиция проверила правильность высказанных им теоретических положений. Исследователь разработал учение о природных и почвенных зонах, о факторах почвообразования, о классификации почв и др. Все это отразилось на высшей школе: появились новые учебные курсы, кафедры и лаборатории.

Помимо учебной и научной деятельности важнейшей сферой применения своих знаний для преподавателей высшей школы стала просветительская работа. Многие академические ученые активно популяризировали науку. Так, известный ученый В.В. Докучаев прочитал в Вольном экономическом обществе в Петербурге ряд лекций по почвоведению и по общим вопросам аграрного хозяйства (1897), лекции по циклу «Основы сельского хозяйства и средства борьбы с современными сельскохозяйственными невзгодами» (1898) [4]. Педагоги высшей школы выступали с лекциями в научных организациях: Вольном экономическом обществе, Московском обществе сельского хозяйства, Императорском Русском обществе акклиматизации животных и растений, Императорском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии и Русской ассоциации для развития наук. По инициативе В.В. Докучаева были созданы краеведческие музеи в Нижнем Новгороде и Полтаве, обоснована необходимость создания музеев при местных отделениях Петербургского общества естествоиспытателей. Преподаватели вузов были членами Ученого комитета Министерства земледелия, экспертами правительственных проектов.

Ученые считали своим долгом учить не только образованных студентов, но и не очень образованных крестьян. Стараясь донести до селян достижения современной науки, преподаватели и студенты Московского сельскохозяйственного института разработали план бесед, известили о нем агрономов Московской и смежных губерний. Занятия с крестьянами по земледелию проводились на опытном поле института. Консультации по молочному делу вел профессор И.Н. Чернопятов.

Ведущие ученые были авторами не только академических трудов, но и научно-популярных статей в известных для того времени изданиях. В XIX в. большой популярностью у землевладельцев пользовались книги «Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук» в 12-ти томах. Передовые для своего времени научные идеи пропагандировались в известной «Настольной книге для русских сельских хозяев». В этом классическом издании русской агрономической мысли участвовали И.А. Стебут, А.П. Людоговский, Д.И. Прянишников, В.Р. Вильямс, А.Ф. Фортунатов, К.А. Тимирязев, др. Для крестьян печатались доступные и доходчивые книги по земледелию.

Таким образом, первые высшие учебные заведения, возникшие в XIX в., сыграли важную роль в деле становления аграрного образования. Из стен этих вузов вышли профессиональные агрономы, выдающиеся ученые-аграрники, а также педагогические кадры для новых учреждений. Педагоги данных учебных заведений в короткий срок создали методики преподавания профессиональных дисциплин, составили первые учебные планы, написали учебники, разработали задания для студенческих исследовательских проектов, много сделали для сельскохозяйственного просвещения населения. Исторический опыт учебной, научной и просветительской деятельности первых сельскохозяйственных вузов стал одним из факторов возникновения и развития в дальнейшем системы высшего аграрного образования. Три вуза для огромной Российской империи в условиях пореформенного времени, а затем столыпинской реформы, было явно недостаточно. В контексте нынешних границ Российской Федерации можно вообще говорить только об одном – Московском сельскохозяйственном институте. Первые вузы дали старт появлению системы высшего аграрного образования. В 1912 г. было открыто важнейшее для Центрального Черноземья учебное заведение - Воронежский сельскохозяйственный институт, в 1911 г. - специализированный Вологодский молочнохозяйственный институт. Были созданы высшие аграрные курсы: Стебутовские (1904), Голицынские (1908), Новочеркасские (1916), Петроградские (1906), Саратовские (1913). Деятельность Новоалександрийского, Горы-Горецкого институтов и Петровской земледельческой академии стала началом большого пути в деле подготовки аграрных кадров высшей квалификации.

Список литературы

1. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII начало XX в.) Москва: РОССПЭН, 2007. 368 с.

2. Архив Российской академии наук. Ф. 632. Оп. 1. Д. 48.

3. Книга М.Д. Дореволюционная историография о сельскохозяйственном просвещении // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 1(31). С. 150-154.

4. Крупеников И. А. Василий Васильевич Докучаев. 1846-1903. Москва: Сельхозгиз, 1950. 288 с.

5. Курдеко А.П. 170 лет в числе ведущих вузов // Вестник Белорусской Государственной Сельскохозяйственной Академии. Юбилейный выпуск к 170-летию БСХА. 2010. С. 5-13.

6. Куренышев А.А. Он слышал музыку полей…. Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко, ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874-1958 гг. Москва: АИРО -XXI, 2011. 120 с.

7. Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства //Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т. 18. Москва: Советская энциклопедия, 1974. 632 с.

8. Орловский Н.В. Алексей Григорьевич Дояренко (1874-1958). Москва: Наука, 1980. 110 с.

9. Плаксин В.Н. Воронежский сельскохозяйственный институт: история его учреждения и вопросы приоритетов // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2011. № 2. С. 171-174.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVII. Ч. 1. С. 96.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIII. Ч. I. С. 455-463.

12. Саскевич С.А. Старейшина высшего аграрного образования 175 славных лет / С.А. Саскевич // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. Август. С. 3-11.

13. Сацыяльна-эканамічныя праекты ў працах беларускіх эканамістаў (2-я палова XIX - 1-я трэць XX ст.) / Аўтар-укладальнік У.А. Акуліч; пад рэд. П.Г. Нікіценкі. Мінск: Беларуская навука, 2007. 413 с.

14. Российский государственный архив. Ф. 398. Оп. 24. Д. 9276.

15. Фортунатов А.Ф. Зачем люди идут в высшую школу. Москва: Тип. т-ва Кушнерев и К°, 1910. 21 с.

16. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 228. Оп. 1. Д. 376.

17. Цыганов И.Р., Шелюто А.А. Исторические аспекты и современное состояние научных исследований по агрономии в БГСХА // Известия национальной академии наук Беларуси. Серия аграрных наук. 2010. № 4. С. 30-36.

Об авторе

Книга Марина Давидовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой общеобразовательных дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж), *marinakniga@mail.ru*

УДК 94(47).084.8=161.1(045)"+"(470.325)

ЭТАПЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И БОЕВАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ 14-Й ОИПТАБр РВГК В БОЯХ НА ЮЖНОМ ФАСЕ КУРСКОГО ВЫСТУПА 5 ИЮЛЯ – 23 АВГУСТА 1943 Г

Колякина О.А.

Исключительно большую роль в боях на Курской дуге 5 июля – 23 августа 1943 г. сыграла истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования (ИПА РВГК), которая приняла на себя основную тяжесть борьбы с массами немецких тяжелых и легких танков, пытавшихся пробить брешь в нашей обороне. 14-я отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская бригада Резерва Верховного Главнокомандования (далее 14-я ОИПТАБр РВГК) жарким июлем 1943 г. находилась «на острие главного удара» южного фаса Курского выступа. В результате грамотной организации командующего артиллерией по обеспечению боевых действий фронта 14-я ОИПТАБр РВГК изменила ход Курской битвы, остановив противника на высоте 254,5, на последнем рубеже по захвату противником Обоянского шоссе и захватом Курска по плану операции «Цитадель».
Ключевые слова: *Ставка Верховного Главнокомандования, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования, оборона, южный фас Курского выступа, переформирование, оперативное подчинение, высота 254,5, операция «Цитадель».*

THE STAGES OF CONSTRUCTION AND COMBAT EFFECTIVENESS 14TH OIPTABR RVGK IN THE FIGHTING ON THE SOUTHERN FACE OF THE KURSK SALIENT ON 5 JULY-23 AUGUST 1943

Kolyakina O.A.

Very big role in the battle of Kursk July 5 – August 23 1943, played fighter anti-tank artillery Reserve of the Supreme command (IPA RVGK), which took the brunt of the struggle with the masses of the German heavy and light tanks trying to make a dent in our defense. 14-th separate fighter anti-tank artillery brigade of the Reserve of the Supreme command (hereinafter 14 th of OIPTABr RVGK) hot month of July 1943 was "on the edge of the main impact" of the South front of Kursk salient. As a result of the competent organization of the commander of the artillery for combat support front 14 th of OIPTABr RVGK changed the course of the battle of Kursk, stopping the enemy at the height 254,5, on the last turn to capture the enemy Oboyan highway and the seizure of Kursk on the plan of the operation "Citadel".
Keywords: *Supreme command, destructive and anti-tank artillery Reserve of the Supreme command, defense, southern FAS Kursk salient, the reformation, operational control, height 254,5, operation "Citadel".*

Битва на Курской дуге 5 июля – 23 августа 1943 г. ознаменовала собой не только коренной перелом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., но и важный этап в развитии советского стратегического искусства. Особенно стоит выделить применение командованием Красной Армии крупных масс артиллерии в ходе оборонительной операции. Командование Красной Армии проявило умение глубоко и всесторонне оценивать обстановку, грамотно соотнести силы и на основе этого своевременно создать и применить новый вид артиллерии – истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования (далее ИПА РВГК).

Учитывая осведомленность Ставки Верховного Главнокомандования, о планах и замыслах Германии высокой оценки заслуживает ее деятельность по подготовке к предстоящему летнему наступлению противника на Курской дуге. Исследуя вопрос использования ИПА РВГК, как основной ударной силы, по достижению огневого преимущества в основе плана по отражению атак противника на Курской дуге можно также сказать и о том, что Командование Красной Армии обладало одним из редких тактических качеств - дальновидностью. Не только на Курской дуге, но и задолго до нее основной ударной силой противоборствующих сторон всегда были танки. На всех этапах боевых операций преимущества над противником можно было достигнуть лишь использованием нового вида артиллерии, способного не только остановить противника, но и, в конечном счете, нанести сокрушительный удар.

На первом этапе своего строительства ИПА РВГК не имели четкой организации, принципа действия на линии фронта, к тому же, такого четкого наименования они тоже не имели. Зато давали представления о том, в каких доработках нуждаются, чтобы стать тем достойным оружием и силой, на которую и делались первоначально ставки Командования Красной Армии.

На втором этапе строительства данный вид артиллерии проходил поиск путей по реализации, возложенной на нее задачи. Два периода строительства и развития ИПА РВГК методом проб и ошибок оправдали надежды Командования Красной Армии в боях на

Курской дуге. За год до решающего сражения, в середине 1942 г. были созданы основные формы организации ИПА РВГК, где были конкретно определены все ступени формирования, а также применения. Этот процесс был оформлен Приказом НКО № 0528 от 1 июля 1942 г. [8, с. 56]. Когда в конце 1942 г. действия нового вида артиллерии удовлетворили требования Командования и его цели, то основная роль в оборонительной операции на Курской дуге была отведена ИПА РВГК.

Это решение также было обосновано условиями военного времени. По донесениям разведки, количество которых к началу апреля 1943 г. стало увеличиваться, а информация из донесений уже не оставляла ни каких сомнений о том, что противник на Курской дуге будет наступать при помощи мощного танкового удара. Противостоять удару противника, в ходе летней компании (по замыслу Командования Красной Армии: измотать силы противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах) могла ИПА РВГК. Она отвлекала основной удар противника, изматывала его, держала оборону важных рубежей, тем самым давая возможность перегруппировать силы других соединений и в первую очередь сохранить танки. К тому же использование данного вида артиллерии обеспечило необходимые предпосылки к завоеванию огневого превосходства в крупном масштабе. Уже в ходе оборонительного сражения этот вид артиллерии выполнил поставленную в оборонительном сражении роль: обескровил и остановил основные ударные силы противника.

Ставка на данный вид артиллерии был сделана еще и потому, что данные соединения можно было сформировать в короткие сроки, не затрачивая много времени, они были более маневренными, и могли обеспечить усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же они выступали той силой, которая обеспечивала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями, как в материальной части, так в личном составе.

ИПА РВГК каждый раз, находясь «на острие главного удара», отвечала всем требованиям и полноценно выполняла поставленные перед ней задачи. Так, еще в период подготовки к предстоящим боям на Курской дуге, в состав Воронежского фронта планировалось включить около 16 истребительно-противотанковых артиллерийских полков РВГК и около 10 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад РВГК. Все они оперативно входили в подчинение командующих артиллерией армий, оборонявшихся на южном фасе Курского выступа. [1, л. 85. Подлинник].

При этом из всех истребительно-противотанковых артиллерийских бригад РВГК, одна бригада данного соединения не вошла в оперативное подчинение командующего артиллерий армии, а напрямую вошла только в оперативное подчинение Командующего артиллерией Воронежского фронта, генерал-лейтенанта С. С. Варянцова. Из всех бригад, включенных в состав Воронежского фронта, эта бригада имела более прочный состав, организационную структуру, а основной ее костяк сформировался задолго до боев на Курской дуге в отличие от других бригад.

Немало важным отличием от других бригад ИПА РВГК у этой бригады было и то, что весь личный состав уже имел опыт ведения огня, в особенности ведение огня прямой наводкой. Этот опыт приобретался ими при участии как минимум в трех операциях Великой Отечественной войны, при этом из трех опытов один был совместный с частями Воронежского фронта. За плечами командного, начальствующего и младшего начальствующего состава были не просто курсы артиллеристов, а специальное образование, полученное в артиллерийских училищах. Поэтому можно сделать вывод, почему именно 14-я отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская бригада Резерва Верховного Главнокомандования была задействована на танкоопасном участке обороны Красной Армии – Обоянском шоссе, высоте 254,5.

Свое начало бригада получила от 22-й легкой артиллерийской бригады, а днем ее официального формирования является 19 декабря 1942 г. в Гороховецких лагерях Горьковской области, ныне Нижегородской области. Стоит подчеркнуть, что Гороховецкие лагеря Горьковской области стали плацдармом для многих других истребительно-противотанковых артиллерийских соединений Резерва Верховного Главнокомандования. Здесь на этой территории далекой от основного театра боевых действий проходило формирование этой бригады. Первым командиром бригады был полковник А. И. Никитин. [4, лл. 3-4].

Задолго до появления в строю Красной Армии 22-й легкой артиллерийской бригады, в тех же Гороховецких лагерях Горьковской области 15 октября 1942 г. приказом Ставки Верховного Главнокомандования первоначально в составе 10-й артиллерийской дивизии были сформированы отдельные 1177-й, 1207-й и 1212-й истребительно-противотанковые полки, из которых позже была создана 22-я легкая артиллерийская бригада. Личный состав на пополнение поступал в основном по мобилизации Горьковской, Куйбышевской и Ивановской областей. [7, л. 12]

Примечателен тот факт: находясь на линии фронта, в пределах отведенной приказом армии, эта

бригада находилась всегда в оперативном подчинении Командующего артиллерией Воронежского фронта. По приказу того же Командующего артиллерией Воронежского фронта эта бригада после боев 1942-1943 гг. была выведена на переформирование в район Старого Оскола Курской области (ныне Белгородской области). Так в начале мая бригада была переименована в 14-ю отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду РВГК.

Уже в конце мая 1943 г. эта бригада вошла в состав Воронежского фронта, с единственным изменением, командиром бригады уже был назначен полковник В.И. Заботин. До вхождения в состав Воронежского фронта, в с. Лапыгино части бригады заканчивали свое формирование, при этом времени на совершение данного действия этой бригаде отводилось гораздо меньше чем другим. Пополнили личный состав за счет уже побывавших в боях солдат, сержантов и офицеров, а также вновь призванных (но с обязательным владением артиллерийских навыков). Здесь бригада получила новую боевую технику пушки ЗИС-3 и тягачи. Завершив ускоренный процесс переформирования, по приказу Командующего артиллерией Воронежского фронта 29 мая бригада совершала марш в район Прохоровки, где полки бригады заняли оборону по рубежу: х. Ямки, железнодорожное полотно Москва-Симферополь. [5, л. 2].

Здесь полки занимались боевой подготовкой, проводили стрельбы по движущимся мишеням, показные боевые стрельбы по «Тигру». Помимо оборудования основных огневых позиций части бригады создавали запасные огневые позиции. Эти позиции оборудовались в районе сел: Новенькое, Богатое, Погореловка. [3, л. 102].

«Работали только ночью, так как днем летала «рама» - разведчик. Расчеты учили борьбе с танками, знакомили с описанием новых немецких танков «Тигр», «Пантера», самоходного орудия «Фердинанд» уясняли их уязвимость. Всем было ясно, что немцы вот-вот пойдут на реванш за Сталинград, а расположение дуги от Белгорода до Орла четко подтверждало, где будет битва» - В. Березин ветеран 14 (7-й) отдельной (гвардейской) истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РВГК. [7, с. 25].

С началом одной из решающих битв Великой Отечественной войны – Курской битвы 5 июля 1943 г. противник наносил основной удар по Обоянскому шоссе. Рассчитывая захватить это направление и выполнить задуманную часть план операции «Цитадель». Пунктуальность и точность свойственная противнику еще раз доказывала правильное решение Ставки Верховного Главнокомандования на боевые действия в районе Курской дуги.

Уже 6 июля 1943 г. противник прорвал передний край обороны. В связи, с чем Командующий артиллерией Воронежского фронта отдал приказ о срочном выдвижении бригады в район с. Покровки и высоты 254,5 (сегодня это территория Мемориала «В честь героев Курской битвы») с целью остановить противника в продвижении на Обоянь любой ценой.

Тогда в дни битвы на Курской дуге эта высота (254,5) играла огромную роль. Во-первых, с данной высоты открывалась прямая дорога на Курск. Естественно потеря Курска неминуемо привела бы к потере Москвы. Во-вторых, овладевая этой высотой, ее «обладатель» получал огромное стратегическое преимущество. Это преимущество, прежде всего, заключалось в получении информации обо всех передвижениях противоборствующей стороны, что неизбежно вело к получению контроля над действиями противника. В-третьих, нахождение рядом с высотой развитых коммуникаций, в частности дороги – главного шоссе. Так, на первый взгляд не приметная высота стала частью важной битвы. Здесь части 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РВГК внесли особый вклад в разгром противника, они измотали основные движущие силы, обескровили противника на Обоянском направлении и отстояли высоту 254,5. Здесь же бригада получила в усиление 140-й, 141-й и 142-й отдельные батальоны ПТР.

Из воспоминаний рядового И. С. Богатского: «В ночь с 4 на 5 июля 1943 г. наш 141-й отдельный ПТР батальон, ночью в спешном порядке направлен оборонять шоссейную дорогу Москва-Симферополь. С рассвета перед нами с востока на запад пролетела (РАМА), и буквально через несколько минут появились с восточной стороны несколько десятков немецких самолетов. Буквально в один миг бомбовая атака смешала все наши окопы с землей. Воздушная атака продолжалась несколько минут. Когда рассеялся дым, мы увидели перед собой немецкие танки с пехотой. Пушка, которая установлена на Мемориале «Курская дуга» встречала противника первыми выстрелами. Мы находились от нее в 20 м. Мы отбивали первую атаку противника. Противник потерял на большом и малом расстоянии от нас около семи подбитых танков». [7, с. 31].

На 6 июля 1943 г. части бригады занимали следующие рубежи:

- 1212-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк майора Н. И. Ортынского занимал противотанковую оборону в районе Дубрава, иск. отм. 245,2. отм. 247,2 с задачей не допустить танки противника с направлений Бутово-Дубрава, с. Сырцево на Дубрава и по лощине с. Козьма-Демьяновка на север.

- 1207-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк майора И. А. Иванова занимал противотанковую оборону вдоль дороги западнее Погореловки с задачей не допустить танки противника вдоль шоссе Обоянь.

- 1177-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк майора А. А. Шалимова с приданными 141-м отдельным батальоном ПТР занимал противотанковую оборону в районе иск. 247,2 безымянная высота 2 км восточнее отметки 254,5, отм. 254,5 с задачей не допустить танки противника вдоль дороги Белгород-Обоянь. [2, л. 19].

Противник 6 июля 1943 г. двигался в направлении высоты 254,5, предварительно проводив обработку позиций частей 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РВГК с помощью авиации, группами 15-30 самолетов. Наступление противника поддерживалось танками до 200 единиц. Основную тяжесть удара противника при удержании высоты 254,5 принял 1177-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Полк майора А.А. Шалимова 7 июля 1943 г. на высоте 254,5 вел ожесточенные бои против дивизии СС «Адольф Гитлер». Противник проводил артиллерийскую обработку огневых позиций, занятых частями полка. Авиация противника группами самолетов по 30-40 «Юнкерсов» и «Мессершмиттов» подвергла интенсивной бомбардировке расположение батарей полка. [6, л. 112].

Против частей полка выступали танки противника большими группами в целом около 200 единиц, половина из них составляла танки «Тигр». За танками двигалась пехота. Танки стреляли с ходу, «Мессершмитты» снижались до 20-30 м, очередями из пулеметов старались вывести из строя расчеты. Несмотря на большие потери, танки противника продолжали продвигаться вплотную к позициям батарей. В это время противника встречала 5-я батарея старшего лейтенанта А. П. Лосева.

После упорных боев противник, не добившись успеха на данном направлении, отошел назад и открыл сильный огонь по огневым позициям 1-й и 2-й батарей. Несмотря на плотный огонь противника, батареи не отступали и не прекращали огня. Противник, неся большие потери, расчленил свои танки на три колонны, возобновил атаку одной колонной в лоб, а двумя с флангов. «Мессершмитты» расстреливали огневые позиции вдоль окопов и траншей. После второй атаки орудия 1-й и 2-й батарей были выведены из строя. [6, л. 119].

Отличительной чертой истребительно-противотанковых артиллерийских соединений РВГК всегда оставалось одна заповедь – «Ни шагу назад!», к тому же, те, кто попадали в данные соединения на пополнение, изначально при поступлении в полк или батарею пропитывались энергетикой, которая уже устоялась и утвердилась в соединениях данного вида. Ну и конечно, нельзя не отметить, что наряду с психологической установкой, внутренним настроем был и приказ стоят до последнего даже, если соединение будет полностью уничтожено.

Ярким примером служат боевые действия 5-й батареи старшего лейтенанта А.П. Лосева. После того, как 1-я и 2-я батареи были окончательно выведены из строя, 5-я батарея старшего лейтенанта А. П. Лосева продолжала вести неравный бой с двумя колоннами танков. Когда кончились снаряды артиллеристы 5-й батареи перешли на противотанковые ружья и продолжали сражаться с врагом. А когда не стало патронов для противотанковых ружей, артиллеристы пустили в ход «карманную артиллерию» - бутылки с горючей смесью. В этом бою артиллеристы 5-й батареи подбили 26 танков и штурмовое орудие «Фердинанд», несколько автомашин, уничтожили сотни солдат и офицеров противника.

Из донесения командиру 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РВГК от 9 июля 1943 г.: «Доношу, что 1177-й ИПТАПом в боях 6 и 7 июля 1943 г. по уточненным данным сжег и подбил 78 танков противника разных типов.

Подбито 1 самоходное орудие, рассеяно и частично уничтожено до 1000 офицеров и солдат. Из числа сожженных и побитых танков по батареям следующее количество: 1 батарея – 23; 2 батарея – 13; 3 батарея -13; 4 батарея – 3; 5 батарея – 26». [6, л. 136].

8 июля 1943 г. у высоты 254,5 (важнейшего стратегического пункта по достижению цели противника – овладению Курском) усилиями 1177-го ИПТАП РВГК противник был остановлен, после чего был вынужден изменить направление удара в сторону Прохоровки. Дав возможность основным силам Красной Армии произвести перегруппировку сил. В дальнейшем после успешно выполненных задач части бригады, составили подвижной противотанковый резерв Воронежского фронта на участке Обоянь – Белгород, где вели ожесточенные бои. Отражали массированные атаки немецких танков, маневрируя и прикрывая основные танкоопасные направления.

В октябре 1943 г., когда отгремели бои на Белгородском направлении, на высоте 254,5 была создана братская могила. В братской могиле были захоронены героические защитники Обоянского шоссе. Это не только артиллеристы, но и танкисты, саперы, минеры, пехотинцы. Но, все, же основанием для создания братской могилы стал бес-

примерный подвиг 1177-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка майора А.А. Шалимова. Первоначально, по приказу командующего артиллерией Воронежского фронта в память о погибших воинах на братской могиле были сооружены пирамиды из гильз, которые были собраны на поле боя (высота 254,5) и с берегов Днепра возвращена пушка ЗИС-3 (орудие расчета старшего сержанта П.Д. Азарова, командира орудия 1212-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, который сражался бок обок с 1177-й истребительно-противотанковым артиллерийским полком, ремонту оно уже не подлежало).

К моменту создания на месте боевой славы в 1973 г. Мемориала «В честь героев Курской битвы» братская могила была реконструирована. Пирамиды из гильз были разобраны, а орудие ЗИС-3 было установлено у огневой позиции 5-й батареи 1177-го ИПТАП РВГК. Позиции артиллеристов были восстановлены в том виде, в котором они были на высоте 254,5 в июле 1943 г. Восстановлены ниши артиллерийских снарядов, а также укрытия и ходы сообщения артиллерийского расчета. Одной из главных задач воинов Красной Армии в ходе подготовки к оборонительным сражениям было создание оборонительных сооружений, о которые разбилась лавина вражеских танков. Обороны такой глубины гитлеровские войска в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. еще не встречали и, как показали события, преодолеть оказались не в состоянии.

Пройдя тяжелый боевой путь под Сталинградом и на Курской дуге, 14-я ОИПТАБр РВГК изменила ход Курской битвы, остановила противника на высоте 254,5. Она стала щитом танковых соединений Красной Армии и оправдала свое создание перед историей Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. ЦАМО (Центральный Архив Министерства Обороны) РФ ф. 132-А, оп. 2642, д. 33. Подлинник.
2. ЦАМО РФ ф. 3, оп. 202065, д. 1.
3. ЦАМО РФ ф. 4, оп. 201863, д. 3.
4. ЦАМО РФ ф. 9694, оп. 1, д. 1.
5. ЦАМО РФ ф. 9699, оп. 1, д. 1.
6. ЦАМО РФ ф. 1177 ИПТАП, оп. 1, д. 8.
7. ФБГИКМ МКД (Филиал Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал Курская Дуга) ф. 2, оп. 1, д. 2.3.
8. Михин П. А., Драбкин А. В. Мы дрались с «Тиграми».– М. – 2010.

Об авторе

Колякина Ольга Александровна – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, *Olga-costickova@yandex.ru*

УДК 94(411).05 + 94(411).06

КОЛОНИЗАЦИЯ ШОТЛАНДСКИХ ОКРАИН В XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ.

Ласкова Н. В.

В статье освещены события, связанные с королевской политикой «умиротворения» горной и островной частей шотландского королевства в XVI – первой четверти XVII в. Рассматривается неисследованная в отечественной историографии деятельность шотландских предпринимателей и отдельных представителей королевской администрации, связанная с колонизацией и приобщением к цивилизации «диких» жителей окраин шотландского королевства. Обращено внимание на связь внутренней колонизации шотландской территории с перспективами развития колонизации Америки. Приведенные в статье факты расширяют представление об уровне и роли одного из видов внутренней миграции шотландского населения в период раннего Нового времени

Ключевые слова: *колонизация, политика умиротворения, Джеймс V Стюарт, Джеймс VI Стюарт, Гебриды, Оркнейские и Шетландские острова, Хайленд, п-ов Кинтайр*

THE COLONIZATION OF THE SCOTTISH OUTLYING DISTRICTS IN THE XVI AND THE FIRST QUARTER OF THE XVII CENTURIES

Laskova N.V.

The article highlights the events related to the royal policy of "appeasement" of the mountain and island parts of the Scottish kingdom in the XVI - first quarter of the XVII century. The insufficiently explored activities of Scottish adventures and some representatives of the Royal authority connected with the colonization and introduction to civilization "wild" residents of the suburbs of the Scottish Kingdom is considered. Attention is being paid to the connection of internal colonization Scottish territory with the prospects of development of the colonization of America. These facts in the article expand understanding of the level and the role of one of the types of internal migration of the Scottish population in the Early modern time

Keywords: *colonization, the policy of appeasement, James V Stewart, James VI Stewart, the Hebrides, the Orkney and Shetland Islands, Highland, Peninsula Kintyre*

В XVI столетии шотландцы активно эмигрировали на европейский континент, пополняя ряды наемников, торговцев, служащих и интеллектуалов в Нидерландах, Франции, Дании, Швеции, Польше, России [1; 2]. Они расселялись на огромной территории от Ботнического до Бискайского залива.

При этом соседняя Англия до Унии корон 1603 г., как и Америка, вплоть до XVIII в., обычно не рассматривались уроженцами Шотландии как области обретения новой благополучной жизни. Внутренняя же колонизация в основном проводилась «сверху», являясь частью государственной политики централизации, направленной, в том числе, на умиротворение и цивилизацию, якобы, «диких» жителей окраин шотландского королевства. Последнее было делом весьма непростым. По выражению одного из современников, хорошо знакомого с нравами островитян, "христианский мир не видел более варварского, более кровожадного, и более нецивилизованного народа" [15, p. 9].

Оркнейские и Шетландские острова (рис.1) вошли в состав шотландского королевства в последней трети XV в. в результате брака дочери Кристиана I Датского, Маргарет, с шотландским королем Джеймсом III Стюартом [4, p. 50].

Рис.1 Оркнейские и Шетландские острова

Но еще до этого «вхождения» шотландец граф Оркни, хотя и платил пошлину королю Норвегии, все же активно пытался привлекать туда шотландцев, предлагая им влиятельные должности. В рассматриваемый период жители Оркнейских островов нередко доставляли проблемы центральной власти. Ярким проявлением политики централизации здесь стали события, связанные с 1614 г. Тогда Джеймс Стюарт, четвертый лорд Охилтри, возглавил королевские войска при подавлении мятежа, поднятого графом Патриком Стюартом.

Имевший репутацию опытного военачальника, именно Охилтри в последующие семь лет контролировал сбор королевских налогов и рыбный промысел в акватории Оркнейских островов [11, p. 112]. Спустя еще семь лет эти его заслуги будут учтены при назначении на должность губернатора шотландской колонии на острове Кейп Бретон в Северной Америке [3, p. 80].

В первой четверти XVI в. одним из направлений внутренней политики шотландского монарха Джеймса V Стюарта было развитие рыбного промысла в районе Гебридских островов. Однако это благое намерение не было реализовано, столкнувшись с серьезным препятствием. Жители крупнейшего из т.н. Внешних Гебрид острова Льюис (рис. 2) всячески досаждали прибывавшим из Лоуленда (Равнинная Шотландия) рыбакам, не позволяя им вести промысел.

Рис. 2. Внешние Гебриды. Остров Льюис

В дальнейшем ситуация не менялась к лучшему. В документации шотландского Тайного совета от 1576 г. жители Льюиса упоминались как явные недруги верноподданных Его Величества, которые враждебно настроены против чужаков, а из-за их варварства и грубости торговля рыбой в этом районе сильно страдает. Тогда же под угрозой судебного преследования представитель влиятельного островного клана Рори Маклеод обещал Тайному Совету, что он и его люди будут вести себя миролюбиво в отношении лоулендерских рыбаков, ведущих торговлю с ведома короля на законных основаниях [13, p. 534].

В конце XVI в. уже Джеймс VI активно поддерживал проект заселения свободных территорий Горной (Хайленд) и островной Шотландии выходцами из Лоуленда [14, p. 455]. Планировавшиеся колонии рассматривались в качестве территорий, откуда чиновники смогли бы обеспечить последовательное проведение королевской политики и соблюдение законности. Новые поселения и города должны были стать двигателями прогресса, способствуя экономическому и социальному развитию шотландских окраин. В Лохабере – области, расположенной в западной части Хайленда, колонии англоговорящих лоулендеров-протестантов формировались таким образом, чтобы отделить говорящих на гэльском языке горцев друг от друга и от их родственников в Ирландии. Здесь ситуация оставалась проблемной еще в течение столетия, вплоть до возведения в 1690 г. крупного форта Уильяма.

Как и прежде, источником беспорядков оставался остров Льюис. Островитяне постоянно конфликтовали с прибывавшими рыбаками, нарушая тем самым закон и лишая королевскую казну доходов от рыбного промысла.

В 1598 г. Тайный Совет Шотландии одобрил королевскую хартию, уполномочившую группу лиц из двенадцати человек, так называемых «Предпринимателей из Файфшира», осуществлять «цивилизацию пока еще варварского острова Льюис и разработку тамошних богатых ресурсов на благо короля и общества» [5, p. 736]. В ноябре 1598 г. хорошо вооруженная экспедиция во главе с кузеном короля герцогом Ленноксом отправилась из Лейта, чтобы основать на острове колонию. Лица, финансирующие этот проект, рассматривали предприятие как возможность неплохо заработать, островитяне же видели в нем угрозу своему обычному образу жизни. Главными оппозиционерами для колонистов из Лоуленда стали представители местного клана братья Мэрдок и Нейл Маклауды, владения которых на Льюисе были конфискованы короной годом ранее. В течение нескольких лет они оказывали сопротивление попыткам пришлых шотландских авантюристов создать эффективное поселение вблизи современного г. Сторноуэй. При этом использовались разные способы – захват экипажа отправленного за провиантом корабля, разорение форта и убийство колонистов. В конечном итоге, проект файфских дворян не был реализован. В 1609 г. соседу и сопернику Маклеодов - Кеннету Маккензи, лорду Кинтайлу, удалось реализовать свое давнее намерение. Он получил санкционированные Джеймсом VI полномочия контроля над островом. Нейл Маклауд, обвиненный в мятеже, был обезглавлен в Эдинбурге [9, p. 165-170; 12].

В начале второго десятилетия XVII в. усмирение непокорных жителей Гебрид и приобщение их к христианским ценностям ассоциировалось с деятельностью Епископа островов Эндрю Нокса. Военная поддержка в этом непростом деле возлагалась на молодого английского капитана Джона Мейсона. В

1610-1611 гг. на основании специального королевского указа он не только возглавил, но и финансировал военно-морскую экспедицию к западному побережью Шотландии, потратив на это немалую сумму в более чем две тысячи фунтов стерлингов. Мейсон достойно справлялся с поставленной задачей. Но до окончательного «умиротворения» островитян было еще далеко. Через несколько лет служба на Гебридах сыграет решающую роль в назначении Мейсона губернатором английской колонии Cuper's Cove на Ньюфаундленде [8, p. 496].

Рис.3. Полуостров Кинтайр

Попытки заселить Внешние Гебриды лоулендерами не давали быстрого результата, и островитяне, как и прежде, продолжали вести свой обычный образ жизни.

Более успешной оказалась колонизация расположенного на западе Шотландии, между заливом Ферт-оф-Клайд и Северным проливом полуострова Кинтайр (рис. 3).

Проект начали осуществлять в 1607 г., когда король пожаловал там земли Арчибальду Гриму, седьмому графу Аргайллу. Аборигены из местного клана Макдоналдов были выселены и переместились в Ольстер и соседние территории Западного Хайленда. В 1609 г. граф Аргайлл получил налоговые льготы, поскольку было заявлено, что он «создает город, который будет заселен лоулендерами и торговцами в пределах Кинтайра» [10, p. 24; 6]. Создание колонии на этом полуострове имеет много общего с ситуацией, сложившейся вскоре в Ирландии, где говорящие на гэльском языке местные жители были насильственно выселены с их традиционных земель, а вместо них территорию заняли англоговорящие протестанты. В поселение, организованное Аргайллом в районе современного г. Кэмпбелтаун, переселенцы выезжали, в основном, из Эршира, Ренфрушира и соседних с ними шотландских графств – районов, откуда несколько лет спустя будут прибывать колонисты в Ольстер [7, p. 12].

Таким образом, в период раннего Нового времени характерным явлением шотландской действительности была не только внешняя, но и внутренняя миграция населения. Одним из проявлений последней стала колонизация отдаленных территорий, явившаяся частью внутренней централизаторской политики шотландских монархов.

Список литературы

1. Ласкова Н. В. Шотландцы в Дании XVI века //Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-на-Дону: РГУ, 1997. С. 29-36

2. Ласкова Н. В. Шотландские наемники в орбите польско-шведского соперничества в XVII в. //Британия: история, культура, образование. Ярославль: ЯГПУ, 2008. С. 106-108

3. Ласкова Н. В. Кейп Бретон в истории шотландской колонизации Северной Америки //Британия: история, культура, образование. Тезисы докладов международной научной коференции 24-25 сентября 2012 г. Вып. 2. Ярославль, ЯГПУ, 2012. С. 79-81

4. Ласкова Н. В., Магаков Г. Ю. Отношения между Шотландией и Данией в эпоху позднего Средневековья //Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60620 (дата обращения: 17.06.2016).

5. Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. V. London: Wodrow Society, 1848. 823 p.

6. Campbeltown Museum - Artefacts //URL:

https://www.argyll-bute.gov.uk/community-life-and-leisure/campbeltown-museum-artefacts (дата обращения 02.07.2016)

7. Dobson D. Scottish emigration to colonial America 1607-1785. Athens-London: University of Georgia Press, 2004. 266 p.

8. Gillian T. Mason John //Dictionary of Canadian Biography. Ed. by G.W. Brown. Vol. I. Toronto-Buffalo-London: University of Toronto Press, 1979. 681 p.

9. Matheson A. Scotland's Northwest Frontier: A Forgotten British Borderland. Leicester: Troubador Publishing Ltd, 2014. 576 p.

10. McKerral A. Kintyre in the Seventeenth Century. Edinburgh, Oliver and Boyd, 1948. 189 p.

11. Nicholls A. “The purpois is honorabill, and may conduce to the good of our service”: Lord Ochiltree and the Cape Breton Colony, 1629-1631 //Acadiensis, XXXIV, 2, Spring 2005. P. 109-123

12. Scotland’s History. Isle of Lewis, Fife Adventurers //URL: http://www.educationscotland.gov.uk/scotland-shistory/unioncrownsparliaments/isleoflewis (дата обращения 29.06.2016)

13. The Register of the Privy Council of Scotland. Vol. II. Ed. by J. Burton. Edinburgh: General Register House, 1878. 845 p.

14. The Register of the Privy Council of Scotland. Vol. V. Ed. by D. Masson. Edinburgh: General Register House, 1882. 966 p.

15. Tuttle Ch. Memoir of Captain Mason //Dean J. Capt. John Mason, the founder of New Hampshire : including his tract on Newfoundland, 1620, the American charters in which he was a grantee, with letters and other historical documents together with a memoir by Charles Wesley Tuttle. Boston: Prince Society, 1887. 492 p.

Об авторе

Ласкова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, *nvlaskova@sfedu.ru*

УДК 94 (470.62) «1914/1918»

КАЗАЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Нещеретов И.В.

В статье рассматриваются вопросы казачьего хозяйства Кубанской области в годы Первой мировой войны. Цель предлагаемых материалов, определяется необходимостью показать механизм функционирования казачьего хозяйства в условиях войны. Автор акцентирует свое внимание на быстро растущем населении Кубанской области, которому требовалось больше земли. В статье приводятся данные по земельной переписи в 1917 г., где рассматривается распределение обширных земель вместе с землями купленными общинами на развёрстание и неразвёрстание. В дальнейшем автор отмечает применение наёмного труда в казачьих хозяйствах. Приводятся данные использования труда военнопленных в хозяйствах казаков. В статье широко используются архивные документы, которые дают достоверную информацию данного периода времени. Первая мировая война нанесла серьезный ущерб казачьему хозяйству Кубанской области. Произошло резкое сокращение посевных площадей, значительно уменьшилась урожайность зерновых культур. По данной тематике опубликовано монографическое исследование Куценко И.Я., Ратушняк В.Н., а также статьи: Яхутль Ю.А., Скворцова С.А.
Ключевые слова: *Кубанская область, казачество, хозяйство, население, Первая Мировая война, армия, земля, станица.*

THE COSSACK ECONOMY OF THE KUBAN AREA IN THE YEARS OF WORLD WAR I

Neshcheretov I.V.

In current article issues of Kuban region household during the First World War are considered. The aim of materials suggested is to show the functioning of kuban household specified by war. The author turns his attention to the rapidly growing population of Kuban region that causes needs in land expansion. The data of 1917 year land census is provided in the article. The data considers the distribution of extensive lands together with lands bought by community for redistribution and keeping. Further the author notices the use of wage labor in cossack households as well as prisoners labor. Archive documents widely used in the articles provide reliable information of that time. The First World War caused serious damage to the Kuban region household. Due to the war acreage and productivity of cereal lands sharply decreased. Monographic study of Kutsenko I. Ya. and Ratushnyak V. N. on this topic was published as well as articles of Yakhutl Yu. A. and Skvortsova S. A.
Keywords: *Kuban oblast, the Cossacks, economy, population, World War one, army, earth, Cossack village.*

С началом Первой Мировой войны, Кубанской области была поставлена задача обеспечить армию продовольствием и промышленными товарами. Но решение этой задачи осложнялось значительным сокращением материально-технической базы сельскохозяйственного производства, а так же в ходе оттока трудоспособного населения в действующую армию. В данной ситуации произошло резкое сокращение мужского трудоспособного населения и соответственно дальнейшее возрастание роли женщины в сельскохозяйственном производстве.

Далее рассмотрим таблицу.

Таблица №1

Численность населения Северо-Западного Кавказа. [7, с. 26]

Административное образование	Год			
	1897 (чел.)	1914-1920 (чел.)	1989 (чел.)	2002 (чел.)
Кубанская область	1918881	3022700	-	-
Черноморская губерния Краснодарский край	-	-	5052900	5125221
Республика Адыгея	-	-	-	447109
Итого по региону	1976359	3181800	5052900	5572330

Из представленной таблицы мы видим, что в период с 1914 по 1920 гг. в Кубанской области проживало 3022700 млн. человек из этого числа к началу Первой Мировой войны около 1,37 млн. человек составляли казаки. В 1914 г. в Кубанской области на 100 мужчин приходилось 97 женщин. В связи с военными действиями происходило уменьшение мужчин трудоспособного возраста и дальнейшее вовлечение в сельское производства женщин, стариков и подростков. В некоторых казачьих хозяйствах оставались лишь старики, так как на фронт были призваны все трудоспособные мужчины. К 1914 г. земельные наделы казаков значительно превышали наделы крестьян в Европейской России.

В Кубанской области доминировала общинно-передельная форма землепользования. Вся земля, которая принадлежала казачьей общине, использовалась следующим образом, часть земли отводилась под постройки (школы, больницы, торговые лавки), пастбище для скота, хутора и т.д. В связи с растущим казачьим населением станиц, требовалось больше земли. Для этих целей атаманы имели резервный фонд земли, из которого выделялись паи для новых членов общины.

Из представленной таблицы №2 мы видим, что по данным земельной переписи за 1917 г., в Кубанской области были зафиксированы следующие цифры, казачьи земли: удобной земли 5272008 тыс. дес., разверстанной земли 2853347 тыс. дес., оставшейся земли в

общем пользовании 2345407 тыс. дес., а так же притчу и школам было отведено 73254 тыс. дес. земли. Возьмём для сравнения горские земли: удобной земли 278639 тыс. дес., разверстанной 157803 тыс. дес., оставшейся земли в общем пользовании 120516 тыс. дес. и притчу и школам было отведено 320 тыс. дес. Из представленных цифр мы видим, что казаки на 4993369 тыс. дес. удобной земли имели больше, развёрстанной земли на 2695544 тыс. дес., оставшейся земли в общем пользовании на 2224891 тыс. дес. и на притч и школы на 72934 тыс. дес.

Таблица №2

Распределение общинных надельных земель вместе с землями, купленными общинами на развёрстание и не развёрстание (данные поземельной переписи 1917 г.)

Название отделов 1917	Казачьи земли				Крестьянские земли				Горские земли				Все общинные земли			
	Всего удобной земли	Разверстано	Осталось в общ. пользован.	Определение школам и притчу	Всего удобной земли	Разверстано	Осталось в общ. пользован.	Определение школам и притчу	Всего удобной земли	Разверстано	Осталось в общ. пользован.	Определение школам и притчу	Всего удобной земли	Разверстано	Осталось в общ. пользован.	Определение школам и притчу
Баталпашинский	468676	193472	266561	8643	72042	27463	44189	390	117738	64337	53201	200	658456	285272	363951	9233
Ейский	1008852	683732	314600	10520	-	-	-	-	-	-	-	-	1008852	683732	314600	10520
Кавказский	958140	611994	334036	12110	2906	2104	802	-	-	-	-	-	961046	614098	334838	1210
Екатеринодарский	557856	265230	286815	5811	14134	6363	7708	63	91933	46814	45009	110	663923	318407	339532	5984
Лабинский	798859	424757	360994	13128	53299	41264	8946	3089	-	-	-	-	852158	446001	369960	16217
Майкопский	714195	241810	462741	9644	33657	17347	16112	198	67148	45420	21718	10	815000	304577	500571	9852
Таманский	765430	432372	319660	13398	3362	2418	894	50	1820	1232	588	-	770612	436022	321142	13448
По области	5272008	2853347	2345407	73254	179400	96959	78651	3790	278639	157803	120516	320	5730047	3108109	2544574	77364

Таким образом в Кубанской области основными владельцами земли являлись казаки, которые в значительной степени доминировали над горцами и крестьянами. «В 1917 г. на одного казака приходилось по 7,6 дес. удобной земли. Если в конце XIX в. общинные земли казаков подвергались переделу обычно через девять лет и более, то к 1917 г., на Кубани 14,7% станиц делили землю через год, 22,4 % через два – четыре года, 46,3 % - через пять – шесть лет.»[8,с. 46-49]

В Кубанской области наравне с пшеницей культивировались такие культуры как рожь, ячмень, овёс, гречиха, просо, полба, кукуруза, подсолнечник и др. Так сбор подсолнечника в 1914 г. составил 21 млн. пуд. [10, с.351]

Крупнейшим переработчиком подсолнечника на Кубани было акционерное общество южных маслобойных и химических заводов «Саломас». Данное общество активно сотрудничало с Военно-Промышленным Комитетом области. Рассмотрим телеграмму направленную в Екатеринодар 13 октября 1916 г. в адрес Кубанского Военно-Промышленного Комитета.

Милостивые Государи.

В отношении от 8 с/м за № 3759 имею честь подтвердить, что мы согласны отпустить Вам с нашего Армавирского завода три вагона подсолнечного масла в бочках, в замен имеющего поступить от Вас на наш Саломасный завод, здесь масло подсолнечного в таком-же количестве. Бочки мы будем считать по удешевленной цене по 12 рублей за штуку. На каждый вагон пойдет 25 – 26 бочек. С совершенным почтением Акц. О-во Южных Маслобойных и химических заводов «Саломас». [1, л.111]

На Кубани широко применялся наёмный труд, так в 1917 г. насчитывалось 22,4 тыс. хозяйств, в которых трудилось 47,6 тыс. наёмных рабочих. Помимо наёмных рабочих использовался труд военнопленных в основном это были австрийцы, турки и венгры. В том же году, по данным шести отделов, в Кубанской области использовался труд 3,5 тыс. военнопленных 3089 из них (88,3%) работали в хозяйствах казаков, в том числе 2 тыс. – в крупных казачьих хозяйствах Ейского отдела.[6,с.264]

Так на содержание одного военнопленного выделялось по 25 копеек в сутки. [2, л. 46 об].

Для сопровождения военнопленных на хозяйственные работы выделялись сопровождения. Рассмотрим следующий документ. «Удостоверение выданное 10 ноября 1917 г. солдату Дмитрию Молчанову, по которому он был прикомандирован к Отделу Фуража Кубанского Областного Продовольственного Комитета и настоящим командируется в Нивинномыскую для сопровождения шести человек военнопленных, по сдаче каковых означенный Молчанов подлежит немедленному возвращению в Екатеринодар. При солдате Молчанове находится винтовка с пятью патронами. Изложенное подписано и приложенное удостоверятся печатью.» [4, л. 32]

Из данного документа мы видим, что охрана военнопленных осуществляется очень плохо. Происходили частые побеги, организованные поиски не давали никаких результатов. Военнопленные также отказывались вы-

полнять работы, требуя тёплую одежду и хорошее питание. После подписание Брест-Литовского мирного договора, военнопленные возвращались к местам своего проживания. Крупнейшим закупщикам зерновых для нужд фронта, являлась Керченское агентство. Потоки собираемого зерна контролировались Акцизными контролерами.

В Государственном архиве Краснодарского края сохранился следующий документ. «Заместителю Уполномоченного Министерства Земледелия по закупки для армии на Северном Кавказе по Кубанской области № 5832 от 25 ноября 1916 г. Екатеринодар. Куб. обл. Николаевский пр. д. 130.»

Акцизному контролеру Н.Н. Маркову.

Прошу Вас взять на себя закупку для армии пшеницы, ячменя и овса на Таманском полуострове для чего уполномочиваю Вас заарендовать по Вашему выбору амбар на берегу большого или малого Кутов Азовского моря, куда и производить ссыпку закупаемого хлеба. За амбар можно платить 0,5 в месяц с пуда засыпного в амбар хлеба. Уполномочиваю Вас так же нанять приказчика и сторожа. Хлеб можно закупать как вагонами, так и меньшими партиями. Для оплаты как покупаемого Вами зерна, так и всех накладных расходов. За покупаемую пшеницу выдавайте продавцу до 80% стоимости, а затем пробу с указанием количества принятого хлеба препровождайте для анализа и таксировки в Керченское Агентство и по получении от него расчета производите полную оплату принятого хлеба.

Мешки для насыпного зерна будите получать так же от Керченского Агентства. О ходе закупки прошу ставить меня в известность, закупленное Вами зерно по моему распоряжению должно отправляться либо в Керчь, либо в Темрюк для дальнейшей отправки по Кубани в Екатеринодар. [3, л. 27 об]

Но не всегда заключенные договора с частными хозяйствами на поставку зерна, исполнялись в полном объёме. Были многочисленнее факты недопоставок зерна, приводившие к срыву военных поставок фронту. Одним из таких примеров, является договор Г.С. Босенко заключённый 6 июля 1916 г. на поставку 50 000 пудов ячменя урожая 1916 г. по ценам какие будут утверждены на этот урожай. В счёт этой поставки им было сдано: с 16-го сентября по 5-е ноября 1916 г., 28892 пуд. и с 11 апреля по 21 июля 1917 г., 11968 пуд., а всего 40860 пуд. Недопоставлено таким образом 9 140 пуд. в отношении потерь он просит аннулировать условия, ссылаясь на то, что впервые в данное время он поставляет хлеб на комиссионных началах и во-вторых, что он потерпел уже убыток, что поставки ячменя с 11-го апреля по 21-е июля 1917 г. ему посчитаны по старым ценам. т.е. 1-19 плюс гужевые, в то время, когда Временно Правительство с 1-го апреля 1917 г. установило новые твёрдые цены на хлеб. [5, л. 17 об]

Развал экономики, вызванный войной, привёл к продовольственным трудностям на Кубани и особенно положение ухудшилось в ходе не популярных мер правительства. Так в 1916 г. была введена принудительная хлебная разверстка. Данные действия Российского правительства лишь усугубили положение, казаки прятали хлеб, что-бы в последствии продать его по более высокой цене. Продовольственные трудности обострились так же с возникшим политическим кризисом, выражавшейся в деградации власти Российского правительства.

Первая Мировая война нанесла серьезный ущерб казачьему хозяйству Кубанской области. Произошло резкое сокращение посевных площадей, значительно уменьшилась урожайность зерновых культур.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края Ф. 424. (Кубанский областной Военно-промышленный комитет). Оп. 1. Д. 59/1.
2. ГАКК. Ф. 658. Оп. 1. Д. 127. л. 46 об.
3. ГАКК. Ф. 658. Оп. 1. Д. 127. л. 275 об.
4. ГАКК. Ф. 658. Оп. 1. Д. 160. л. 32 об.
5. ГАКК. Ф. 658. Оп. 1. Д. 185. л. 17 об.
6. Куценко И.Я. Кубанское казачество – 2-е изд., доп. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. 583 с.
7. Ратушняк В.Н., Кумпан В.А. Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики. (Очерки социально-экономичесого развития. Нач. и конец XX века). Краснодар: Традиция, 2007. с. 26
8. Ратушняк В.Н., Кумпан В.А. Северо-Западный Кавказ в условиях рыночной экономики. (Очерки социально-экономичесого развития. Нач. и конец XX века). Краснодар: Традиция, 2007. с. 46-49
9. Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани; Кубано-Черномор. обл. стат. бюро. Краснодар, 1925. с. 273
10. Яхутль Ю.А. Социально-экономическое положение Кубано-Черноморской обл. в конце Гражданской войны // Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалов международ. научно-практич. конф. Краснодар: изд-во Кубанькино, 2005 год. с. 351.

Об авторе

Нещеретов Иван Валерьевич – аспирант кафедры истории России Кубанского государственного университета, *neshheretivi@mail.ru*

УДК 070.13 + 342.732 + 351.751.5

ГАЗЕТА «РУССКАЯ ПРАВДА» КАК ЖЕРТВА ЦЕНЗУРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ 1878–1880 ГГ.

Ромащенко В.А.

В статье на примере газеты «Русская правда» показана проблема эффективности цензурных законов второй половины XIX в. Газета возникла осенью 1878 г., а уже в 1880 г. прекратила свое существование после 7 предостережений. В статье также рассматривается роль начальника Главного управления по делам печати в организации и руководстве цензурой прессы во второй половине 1870-х гг.

***Ключевые слова**: цензура, административные взыскания, цензурные учреждения, начальник главного управления по делам печати, министерство внутренних дел, история государственных учреждений, периодическая печать, публицистика, политический кризис.*

NEWSPAPER "RUSSKAIA PRAVDA" AS A VICTIM OF CENSORSHIP PENALTIES 1878–1880

Romashchenko V.A.

In this article discussed the problem of the effectiveness of censorship laws of the second half of the XIX century on the example of the newspaper "Russian Truth". The newspaper appeared in the autumn of 1878, and already in 1880, ceased to exist after 7 warnings. The article also examines the role of the head of the Central Department for the Press in organizing and supervising press censorship in the second half of the 1870s.

***Keywords:** censorship, official reprimands, censorial boards, head of the central department for the press, ministry of internal affairs, history of state bodies, periodical press, publicistics, political crisis.*

Новые пути развития, вызванные реформами Александра II, предопределили начало особого этапа в развитии отечественной периодической печати. Еще сохранялись преграды, которые препятствовали превращению ее в трибуну общественной гласности, но она уже проникала в сферы, которые прежде были для нее недоступны. Одновременно, в условиях политического кризиса, пресса осторожнее стала касаться вопросов, волновавших общественное мнение. Главным же было то, что российская печать активно изменяла свое положение в обществе, расширяя ту роль, которую она приобрела среди всеобщей безгласности в качестве единственного способа проявления общественной мысли.

В 1865 г. после длительного обсуждения и проволочек были утверждены «Временные правила о печати», ключевым нововведением которых являлось внедрение системы предостережений. Речь шла именно о нововведении, поскольку первоначальная попытка собрать воедино уже существовавшие цензурные законы натолкнулась на резонный аргумент, сводившийся к тому, что эти ограничения, существуя в прошлом, уже показали себя не вполне состоятельными: печать сумела к ним приспособиться, да и у власти возникли новые задачи и цели.

В рамках данной статьи мы попытаемся на примере одного российского периодического издания показать степень эффективности применяемых новых цензурных законов, определить возможности взаимоотношения печати, цензуры и общества в условиях политического кризиса конца 1870-х гг. Выяснить те новые тенденции, которые стали проявляться в деятельности периодических изданий.

Газета, которую мы возьмем в качестве определенного образца, называлась «Русская правда». Печаталась она в Петербурге с октября 1878 г. по 16 марта 1880 г. и успела получить за этот короткий срок семь предостережений. Дважды газета подвергалась после них приостановкам на четыре и пять месяцев. Редактором этого издания на всем протяжении его существования был литератор Дмитрий Константинович Гирс. Настойчивость редактора в проведении генеральной линии своего издания вызвала своеобразное удивление Александра II, которому регулярно докладывали о выдаваемых Главным управлением по делам печати предостережениях. Обычно император удостаивал полученный доклад короткой резолюцией: «Дельно» или «Совершенно дельно». В случае же с «Русской правдой» помимо традиционного «Дельно», последовал полный удивления вопрос: «Кто этот Гирс?» [1, л. 26].

Д. К. Гирс во время русско-турецкой войны был военным корреспондентом сначала от газеты «Голос», а затем от «С.-Петербургских ведомостей», подавал надежды как талантливый писатель, но эти надежды так и не оправдались, да и газета «Русская правда», издателем которой он являлся и где печатал фельетоны под псевдонимом «Добро-Глаголь», не пользовалась большой популярностью. Однако из-за многочисленных цензурных предостережений она заняла почетное место в истории российских периодических изданий.

По закону 6 апреля 1865 г. правом выхода без предварительной цензуры пользовались печатавшиеся в Санкт-Петербурге и Москве газеты и журналы, издатели которых получали соответствующее разрешение, все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов на русском, и не менее 20 на иностранных языках. Освобождались от предварительной цензуры и все издания правительственные, академий, университетов и научных обществ, публиковавшиеся на древних классических языках. В случае отклонения от требований закона, освобождаемые от предварительной цензуры издания подвергались судебному преследованию. Периодическая печать за «вредное направление» подлежала административным взысканиям по особым правилам.

В журнале заседаний Совета Главного управления 9 сентября 1865 г. было отмечено, что административные взыскания необходимо налагать в тех случаях, когда «не предвидится успеха в судебном направлении дела, по неопределительности и неуловимости нарушения закона» и когда наказание должно последовать немедленно [2, л. 73 об.-74].

«Популярность» издателя «Русской правды» явилась главным образом следствием несовершенства цензурного законодательства. Еще в процессе обсуждения мер, которые легли в основу закона от 6 апреля 1865 г., бывший министр народного просвещения А. В. Головнин, рассуждая о системе предостережений, замечал: «…при существующем порядке цензор не допускает появления в свет вредной статьи, и как действия цензора, так и статья, подвергнувшаяся запрещению, становятся известны лишь весьма ограниченному кружку лиц. При системе же взысканий административная кара постигает статью уже тогда, когда она проникла в публику; взыскание не ослабляет произведенного ею впечатления, – напротив, внимание публики еще более привлекается к ней, и она получает такое значение, на которое часто не имела никакого права. Публика становится в таких случаях как бы судьею между правительством и журналистикою и принимает почти всегда сторону последней» [3, с. 233-234].

Профессор-ориенталист Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьев, который в 1875–1880 г. являлся начальником Главного управления по делам печати, высказывал схожие мысли, хотя к тому времени система предостережений уже накопила пятнадцатилетний опыт реализации. «По характеру нашей публики, первое предостережение газете или журналу, обращая на них внимание этой публики, детски увлекающейся всем резким и запретным увеличивает только число подписчиков» [4, с. 257].

Газета «Русская правда» начала выходить с октября 1878 г. и уже 8 октября получила первое предостережение. Статья представлялf собой открытое письмо, написанное самим Д. К. Гирсом, под названием «Воскресные сказки». Послание было адресовано А. Р. Дрентельну, незадолго до этого назначенному шефом жандармов.

Под председательством Александра II 8 августа 1878 г. в Зимнем дворце прошло заседание Совета министров, обсуждавшего чрезвычайные меры для подавления революционного движения. После него император отбыл в Крым через Одессу, куда был вызван произведенный «за отличие по службе» 16 апреля 1878 г. в генералы от инфантерии Александр Романович Дрентельн. После состоявшейся 15 сентября 1878 г. встречи произошло назначение генерала шефом жандармов.

В своем обращении к вступающему в должность шефу жандармов редактор «Русской правды» высказывал серьезную озабоченность по поводу ситуации, сложившейся в России: «В последнее время тяжело живется, тяжело дышится русскому интеллигентному человеку. Это нужно признать вслух. И вы слышали это, знаете. Прискорбные события последних месяцев наводят на серьезные раздумья всех. Над этим глубоко приходится задумываться не одному правительству, но всякому мыслящему другу России, всякому верящему в ее будущность» [5]. Далее редактор газеты попытался представить происходившее в России не как закономерный итог развития страны, требовавший, по мнению властей, жестких мер противодействия, а в качестве исключительных, навеянных европейской цивилизацией явлений. «Каннибальские же приемы тыкания кинжалами и американскую манеру стреляния друг в друга при малейшем недоразумении или несходстве во мнении – мы считаем дикими и плохо оправдываемыми приемами. За властью все вполне признают право привлекать к суду и добиваться, чтобы закон – пока он написан и существует – был исполняем... Но мы вместе с обществом взываем к милосердию, к снисходительности и человеческому пониманию причин этих прискорбных, ныне повсеместных в Европе, явлений» [5].

Завершая свое обращение, Д. К. Гирс призывал нового шефа жандармов быть осторожным в применении карательных мер, различая тех, кто оказался случайно причастным к революционной деятельности. Забегая вперед, следует отметить, что 13 марта 1879 г. покушение было совершено на самого А. Р. Дрентельна: «Пусть понесут наказание, если это нужно, виновные; но пусть не переносится обвинение, со всеми его тяжелыми последствиями тюремных заключений, странствований по этапам, пребывания годами в мертвящих захолустьях – на тех, кто виновен лишь в слабохарактерности и увлечении. Да торжествует тут строгая законность, которая всегда различает важное преступление от маловажного, зрелого от юного, умного от действовавшего под влиянием других» [5].

Еще до вступления в должность нового шефа жандармов (13 октября 1878 г.) газета «Русская правда» получила 9 октября первое предостережение. В официальном сообщении от министра внутренних дел не были даны объяснения о его причинах, зато была указана статья, вызвавшая гнев цензурного ведомства.

Подобная практика широко использовалась Главным управлением по делам печати уже с первых лет существования закона. Исключением были первые предостережения, выданные после 1 сентября 1865 г., когда закон только вступил в силу. Тогда указывались даже отдельные строки статьи, вызвавшие недовольство цензоров. Вероятно, с одной стороны действовала прежняя привычка вычеркивания, оставшаяся от предварительной цензуры, а с другой – предостережений удостаивались журналы, в объемных статьях которых трудно было определить «нецензурные места». В целом же «комиссия, составлявшая проект нового закона, сознательно отказалась от определенной формулировки проступков, за которые могло последовать административное взыскание и в дальнейшем. Несмотря на попытки со стороны администрации внести существенные изменения в цензурное законодательство и даже принять новый устав, ничего лучшего вместо неопределенного "вредного направления" придумать не удалось» [6, с. 110].

Вслед за первым предостережением 21 января 1879 г. последовало второе. Официальным поводом послужила передовая статья в № 14 от 15 января. Министр внутренних дел в качестве обоснования наказания отмечал заявления газеты о необходимости для России внутренних реформ. При этом на первом месте стояла, по мнению «Русской правды», реформа финансовая [1, л. 6]. На самом деле вопрос в статье ставился гораздо шире: «…без усиления и развитие производительных народных сил, простое сокращение расходов – мера паллиативная, временная, не исчерпывающая вопроса. Усилить, развить производительные народные силы – вот задача, к который неизбежно, в конце концов, придет "высшая" комиссия, когда внимательно вникнет в суть своей задачи. Без общей работы дальше идти нельзя» [8, № 14, 15 января].

С момента получения второго предостережения «Русская правда» стала проявлять определенную осторожность. Однако опытные чиновники с особым вниманием следили за изданием. Начальник Главного управления по делам печати делился своими откровениями относительно системы предостережений: «…второе предостережение действительнее, заставляя издание быть более сдержанным в виду его приостановления сопряженного со следующим третьим; но сдержаннее лишь в известное время года – в самом начале его или в самом конце, когда идет подписка, и приостановление издания может, вследствие того, нанести издателю огромный убыток и даже совсем убить журнал или газету» [4, с. 257]. Именно так обстояло дело с «Русской правдой», которая уже в феврале 1819 г. получила третье предостережение и была приостановлена на четыре месяца.

Доклад начальника Главного управления по делам печати Александру II удостоился подписи «Совершенно дельно». В нем говорилось о том, что после второго предостережения редакция прекратила проведение «вредных» тенденций в передовых статьях, а перенесла свои мысли «о несостоятельности будто бы нашего государственного строя» в отдел «Меж газет и журналов», где стала их выражать при каждом удобном случае в форме недомолвок и намеков. В вину газете также ставилось заявление о том, что «если русское правительство, утверждая свободу в Болгарии, лучшим обеспечением ее нашло конституционные гарантии, то нет никакого основания думать, что русское общество, всегда идущее рука об руку со своим правительством, думает иначе о значении благодетельного конституционного режима» [1, л. 13].

Вернувшись к читателям спустя четыре месяца в июне 1879 г., газета в августе вновь была обвинена в «предосудительном направлении». Именно тогда Александр II задался вопросом «Кто этот Гирс?» Начальник Главного управления по делам печати констатировал, что издание упорно проводит мысль «о несовершенстве нашего государственного строя и о необходимости его изменения» [1, л. 26 об]. Вплоть до 3 августа «Русская правда» высказывалась о различных актуальных проблемах с очевидной осторожностью. Однако в № 93 редакция, полемизируя со статьей профессора А.Д. Градовского, напечатанной в газете «Голос», «забыла о своей осторожности» и бросилась в рассуждения о том, что учение для молодежи, за которое ратовал автор статьи, далеко не всё, что в данный момент желательно.

Более того, редакция задавалась вопросом: «Возможна ли теперь наука, свободная в своих суждениях по тем вопросам, которые в настоящее время имеют наиболее существенное значение и интерес?» Ее ответ на собственный вопрос и вызвал неудовольствие цензуры: «Наука, и интеллигенция ведут к прогрессу лишь при известных условиях, о которых у скованной, зависимой печати не может дать искреннего мнения» [1, л. 27]. Главное управление по делам печати посчитало проведение подобных «агитаторских идей совершенно непозволительным», и объявило газете «Русская правда» очередное после приостановки предостережение.

Следующие наказания также не заставили себя ждать. Уже 19 сентября 1879 г. за фельетон в № 125 газета удостоилась второго предостережения, а 10 октября в Ливадию, где находился на отдыхе Александр II, поступил доклад от начальника Главного

управления по делам печати В.В. Григорьева о третьем предостережении газете.

На этот раз поводом для взыскания послужили фельетон «Русская журналистика», помещенный в № 131, и фельетон «Eppur si muove!» (И всё-таки она вертится!) в № 132. Последний вызвал особое возмущение цензурных чиновников, поскольку в нем якобы было «выражено крайне резкое глумление над охранителями основ существующего государственного и общественного строя, против "злокозненных новаторов", причем утверждается, что время возьмет свое, что никакие меры и преследования не могут оградить неподвижность современных порядков и остановить поступательное движение политической и социальной жизни» [1, л. 30-30 об.].

В докладе начальника Главного управления по делам печати также фигурировала передовая статья в № 136, в которой газета упрекала российскую печать в том, «что она не высказалась явно против нового закона, предоставившего губернаторам право увольнять неблагонадежных лиц, служащих по земским и городским учреждениям». «Русская правда», по мнению цензора, признавала этот закон «актом серьезного недоверия власти к представительным силам народа и выражает опасение за дальнейшее существование нашего самоуправления» [1, л. 31].

В фельетоне № 139 «Русская журналистика» положение российского общества было представлено «в самом безотрадном виде, автор утверждает, что у нас всё молчит <…>, общество задыхается не от недостатка людей и знания, а от того, что этих людей не пускают будто бы туда, где бы следовало им быть» [1, л. 31-31 об.]. Вывод: газета «продолжает с прежней резкостью проводить мысль о необходимости изменения нашего государственного строя и возбуждать общество против всех принимаемых правительством мер к обеспечению спокойствия и порядка» [1, 31 об.]. Результатом явилась приостановка «Русской правды» на пять месяцев по 1 марта 1880 г.

После очередного выхода в свет уже 14 марта 1880 г. газета получила очередное предостережение, после чего в последнем номере от 16 марта редакция заявила, что она, при всей своей осторожности, не в силах избавить издание от взысканий, а при таком убеждении не может продолжать дело…

Еще в начале своего возникновения, полемизируя с другими органами печати, «Русская правда» рассуждала о назначении прессы: «Дробление литературы на "направления", "кружки" не только не вредит, но прямо способствует интенсивности влияния ее на общество. Следуя известному направлению, журнал или газета исчерпывают его до дна, высказывают свою идею до конца, до малейших оттенков – при условии, разумеется, полной возможности высказаться таким образом» [8, № 18, 19 января]. Этого принципа газета придерживалась весь период своего существования, «исчерпывая до дна» идею необходимости решительных перемен. Именно это внутреннее направление издания, в котором Главное управление по делам печати видело желание изменения государственного строя, вызывало активное цензурное противодействие [1, л. 6 об.].

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф 776. Оп. 1. Ед. хр. 15.

2. РГИА. Ф 776. Оп. 2 (1865–1905 гг.). Ед. хр. 1.

3. Головнин А. В. Записки для немногих / Отв. Сост. и науч. Ред. д. и. н. Б. Д. Гальперина. СПб.: Издательство «Нестор-История» ; СПбИИ РАН, 2004. 576 с.

4. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С приложением портрета и факсимиле. Составил Н. И. Веселовский (Издание Императорского Русского Археологического общества). СПб., 1887. 306 с.

5. Гирс Дмитрий. Воскресные сказки. Открытое письмо к генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну // Русская правда. 1878. № 8. 8 октября.

6. Блохин В. Ф. О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых учёных. Серия: Исторические науки 2007. № 4. С. 109-115.

7. Русская правда. 1878.

8. Русская правда. 1879.

Об авторе

Ромащенко Валерия Александровна – лаборант лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *var_rus@mail.ru*

УДК 94 (100/420) “1919/39”

ДЕЙСТВИЯ И МОТИВАЦИИ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Рыбаков С.В.

Статья посвящена участию британской дипломатии в сложившейся после первой мировой войны системе отношений между государствами Европы. Правящие круги Великобритании стремились откорректировать и использовать эту систему в собственных интересах с целью получения максимальных геополитических выгод. Однако такое стремление опиралось на маловразумительные, а порой и неблаговидные мотивации, которые, в конечном счете, помешали лондонским стратегам провести точный анализ международных реалий и верно оценить ближайшие исторические перспективы.
Ключевые слова: Великобритания, британская дипломатия, Первая мировая война, «большая игра», предпосылки второй мировой войны, Германия, Советский Союз, Польша, Чехословакия, Мюнхенский сговор

ACTION AND MOTIVATION BRITISH DIPLONACY BETWEEN THE TWO WORLD WARS

Rybakov S.V.

The article shows the participation of British diplomacy in the international system after I World War. The rulers of the United Kingdom sought to use this system to maximize geopolitical benefits. But this desire was based on an ambiguous motivation and therefore distort the proper evaluation of the nearest historical perspective.
Keywords: *Great Britain,World War I, the «big game», World War II background, British diplomacy, Germany, the Soviet Union, Poland, Czechoslovakia, the Munich Agreement*

В канун гитлеровской агрессии против СССР глава Коминтерна Георгий Димитров попросил наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова прояснить сложившуюся в мире обстановку. Тот ответил: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас» [2, с. 416]. Выражение «большая игра» подразумевало стремление правящих верхов разных стран вписаться в сложные и запутанные геополитические реалии. У кого-то это получалось лучше, у кого-то – хуже, а кто-то, «заигравшись», вольно или невольно подталкивал мир к новой мировой войне.

Отправной точкой в цепи приведших ко II мировой войне событий явились результаты I мировой: как только Антанта продиктовала Германии условия послевоенного мира, среди немцев сразу же возникли реваншистские настроения. В Англии на опасность германского реваншизма своевременно не отреагировали. Альбион в отношениях с немцами вел себя непоследовательно. С одной стороны, он не дал своим союзникам французам отодвинуть франко-германскую границу до Рейна, тем самым надежно обеспечив безопасность Франции. После подписания мирного договора в Версале французский маршал Ф. Фош проницательно заметил: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет» [8, с. 18].

С другой стороны, англичане настояли на включении в Версальский договор статей, предусматривавших выплаты Германией огромных репараций. У. Черчилль, критически осмыслив британскую политику в период между мировыми войнами, назвал эти статьи «злобными, глупыми и бессмысленными». Наложенная на Германию «дань» была для нее неподъемной, и страна могла отдавать ее только за счет английских и американских займов. Они оказались весьма щедрыми, но германское население было убеждено, что Англия и ее союзники грабят Германию. Эту ситуацию Черчилль определил как «идиотскую путаницу» [8, с. 22-23].

Часть английского истеблишмента под флагом «умиротворения немцев» потворствовала реваншистскому движению в Германии. Черчилль увидел в таком поведении «неблагоразумие, легкомыслие и добродушие» [8, с. 21]. Но «добродушие» Лондона не было безобидным: за ним крылось стремление превратить Германию в жесткий противовес «красной угрозе», т.е. СССР. Британское правительство заявляло: «Германия является для нас самой важной страной в Европе, и не только в силу нашей торговли с нею, но также и потому, что она является ключом к ситуации в России» [3, с. 338].

Стоило ли англичанам опасаться «красной угрозы»? После 1917 года некоторые советские вожди, увлеченные идеями «мировой коммунистической революции», грозили европейскому правящему классу: «Два или три года понадобятся, чтобы вся Европа стала советской. У вас еще есть отсрочка – потом вы будете уничтожены» [4, с. 18]. Наиболее активными

сторонниками «экспорта революции» в страны Запада были Л. Троцкий и Г. Зиновьев.

Зиновьев, будучи главой Коминтерна, созданного в 1919 году в качестве «боевого отряда пролетарской революции», то и дело пророчествовал: «Маршрут пролетарской революции, как он наметился, идет из России через Германию»; «Во Франции скоро начнутся настоящие революционные битвы»; «Когда революционизируется значительная часть английского рабочего класса, тогда победит пролетарская революция в Англии и во всей Европе» [5, с. 55, 58, 70].

Эти заклинания, очень не нравившиеся лидерам западного мира, слышались до декабря 1927 год, когда XV съезд ВКП (б) взял курс на строительство социализма в одной стране. Этот курс плохо совмещался с химерами «мировой революции», поэтому глашатаи «мирового революционного пожара» были исключены из правящей партии. Зиновьева сняли с должности главы Коминтерна, а сам Коминтерн превратился в послушный инструмент внешней политики СССР.

В канун снятия с должности Зиновьев успел сильно «насолить» британским верхам. В Англии проходила забастовка шахтеров, и Коминтерн оказал забастовщикам материальную поддержку, позволившую им несколько месяцев не спускаться в шахты. Действия Коминтерна вызвали возмущение в Англии и привели к разрыву англо-советских дипломатических и торговых соглашений.

К июлю 1928 года большинство последователей Троцкого и Зиновьева были выведены из Исполкома Коминтерна и руководства зарубежных компартий. Советская дипломатия стала наращивать контакты с внешнеполитическими ведомствами всех стран, выступая с предложениями, направленными на предотвращение военных конфликтов. В Англии, где была свежа память о «боевых кличах» зиновьевского ИККИ, эти предложения восприняли с недоверием. Советской дипломатии потребовались немалые усилия для сглаживания отношений с Великобританией. В 1929 году межгосударственные отношения были восстановлены, однако о полном взаимопонимании Лондона и Москвы говорить было рано. Его нехватка дала о себе знать в сложный для европейской истории момент, когда в Германии к власти пришел Гитлер, ярый адепт идеологии мирового господства германской нации.

Советское руководство предприняло меры для противодействия экспансионистским планам германского нацизма, называемого в СССР «фашизмом». Летом 1935 года VII конгресс Коминтерна рекомендовал западноевропейским компартиям проводить тактику народного фронта, нацеленную на «развертывание массовой борьбы против фашизма» [1, с. 27]. К тому моменту выражение «мировая революция» почти исчезло из лексикона советской пропаганды.

Однако британская политическая элита проигнорировала поворот в стратегическом курсе СССР. Консерваторы С. Болдуин и Н. Чемберлен, возглавлявшие во второй половине 30-х годов правительство Великобритании, продолжали действовать так, как если бы Коминтерн из Москвы по-прежнему угрожал Европе «экспортом революции».

Британская дипломатия и после смены власти в Германии осуществляла движение по пути «умиротворения», не подвергая его сколько-нибудь существенным коррективам. Английские политики не поддержали французов, когда те попытались заставить Германию выполнять условия Версальского договора. В Лондоне решили «уравновесить» Францию и Германию, полагая, что Франция обладает избыточным военным потенциалом и вынашивает мысли о гегемонии в континентальной Европе. Германию лондонские стратеги воспринимали как ущемленную и нуждавшуюся в «утешении» сторону. Британский посол в Берлине виконт д'Абернон заявил, что в целях «сохранения равновесия сил в Европе, Британия должна поддерживать Германию, ослабляя Францию» [10, с. 128]. Подобное отношение со стороны ближайших союзников дезориентировало французов, мешало им выстраивать рациональную внешнеполитическую линию.

В марте 1933 года в Женеве проходила Всеобщая конференция по разоружению, где английская делегация заявила, что надежный мир в Европе будет сохранить, если ведущие страны возьмут на себя обязательство поддерживать вооруженные силы на одинаковом уровне. В реалиях это означало, что Франции надлежало существенно сократить армию и вооружение, а демилитаризованной Германии, напротив, было позволено вооружиться. В июне 1933 года английский проект, названный «планом Макдональда», был принят за основу подготавливаемой к подписанию конвенции.

Конвенция так и не была подписана, однако выбранный английской дипломатией курс не мог не влиять на дальнейшие сюжеты «большой игры». По замечанию У. Черчилля, этот курс дал Гитлеру основание считать западных политиков «вырождающимися глупцами» [8, с. 64]. У фюрера не было никаких резонов отказываться от предложенной британцами игры «в поддавки». Оценивая открывавшиеся перед Германией перспективы, он уверял соотечественников, что «версальские цепи будут скоро сброшены, и немцы вернут себе честь» [9, с. 245].

Логика поведения англосаксов выглядела при-

чудливой. Тем не менее, она связывалась с определенной мотивацией. На рубеже 20-х – 30-х годов Европу охватил острый финансово-экономический кризис. Разные страны по-разному выходили из трудного положения. Несмотря на то, что безработица в Англии к концу 1932 года охватила почти 3 миллиона человек, в Лондоне заявляли о необходимости экономии на военных расходах. В Берлине же в подобной ситуации, наоборот, резко усилили внимание к военному производству, видя в нем безотказное средство преодоления безработицы. Германские верхи, переступая через статьи Версальского договора о демилитаризации Германии, занялись восстановлением ее военных возможностей. Если бы в 1933 или в 1934 году правительство Англии проявило политическую волю, то, опираясь на союз с Францией, могло бы без особых проблем предотвратить перевооружение Германии.

Почему оно этого не сделало? С одной стороны, сказывался экономический интерес: получаемые Германией займы и промышленные заказы были выгодны не только ей, но и тем, кто их давал. Кредиторам из Англии и США казалось несущественным, что именно немцы будут выпускать на заводах, строящихся на заемные деньги: трактора или танки, пассажирские самолеты или бомбардировщики. До какого-то момента растущий выпуск германской военной продукции их не слишком беспокоил: они пребывали в уверенности, что на западе от Германии эта продукция применяться не будет.

С другой стороны, англосаксонская элита рассчитывала достичь с Гитлером «джентльменского соглашения». О чем она могла с ним договариваться, догадаться нетрудно, ведь к тому времени гитлеровский программный опус «Mein kampf» обрел широкую известность. Это сочинение было пропитано антибольшевистским духом, но не сводилось лишь к вопросам идейного противостояния. Главной заботой Гитлера являлось расширение «немецкого жизненного пространства» на восточном, т.е. российском, направлении. Свои намерения захватить территории СССР Гитлер высказал совершенно открыто, не вуалируя их борьбой с «большевистской угрозой».

В поведении лондонских стратегов угадывалось желание посмотреть, как Гитлер будет осуществлять свою «теорию» на практике. А именно этим, придя к власти, он и занялся. В октябре 1933 года он покинул конференцию по разоружению, а в начале 1934 года объявил о перевооружении германских войск. Весной 1935 года фюрер бросил вызов мировому сообществу, объявив о существовании в Германии военной авиации и подписав приказ о всеобщей воинской повинности. Англичане сделали вид, что никакого вызова нет, рассуждая о том, что коллективная безопасность способна нейтрализовать кого угодно, и действия Гитлера не будут иметь широких последствий. Британский премьер-министр Р. Макдональд убеждал общественность в том, что «безопасность должна быть достигнута не военными, а моральными средствами» [3, с. 392]. Пришедший ему на смену С. Болдуин, несмотря на то, что немцы ушли с конференции по разоружению, продолжил одностороннее разоружение Британии.

Во Франции же действия Гитлера вызвали большое беспокойство, и французское правительство подписало договор о сотрудничестве с СССР. Оно предусматривало совместные действия по защите Чехословакии от возможной агрессии со стороны Германии. Лондон оказал давление на французов, стремясь нейтрализовать практическое применение франко-советского соглашения. Предусмотренные соглашением переговоры между генеральными штабами двух стран не состоялись.

Уступки англичан Гитлеру следовали одна за другой. Он усыплял их бдительность риторикой об «исправлении несовершенств Версальской системы». Чрезмерное доверие к носителю нацистских идей со стороны капитанов британской политики, хотя и выглядело иррациональным, было вполне мотивированным. Известный американский политик Генри Киссинджер отметил: «В глазах многих британских и французских лидеров агрессивный стиль внешней политики Гитлера более чем уравновешивался его оголтелым антикоммунизмом» [3, с. 395].

В Англии звучал одинокий голос Черчилля, призывавшего остановить Гитлера и иллюстрировавшего рост военного производства в Германии. Но Болдуин, расслабленный «миролюбивой» демагогией Гитлера, заявлял: «В данный момент оснований для тревоги нет» [3, с. 397].

Не ощущая со стороны Лондона эффективного сопротивления своим планам и убедив свое окружение, что «вырождающиеся демократии ограничатся только болтовней», Гитлер торопился закончить перевооружение Германии за максимально короткий срок. Действуя дерзко и решительно, он раз за разом добивался того, чего хотел. В марте 1936 года фюрер отдал приказ о введении вермахта в демилитаризованную Рейнскую область. Затем он направил немецкие войска против республиканцев в Испании.

Наблюдая за всем этим, английские верхи бездействовали. Что стояло за их бездействием, объясняют слова британского министра иностранных дел лорда Галифакса, сказанные им во время визита в

Берхтесгаден – горную резиденцию Гитлера. Галифакс назвал Германию «бастионом Европы против большевизма» [3, с. 413]. При этом он пообещал фюреру содействие в решении вопросов, касавшихся Данцига, Австрии и Чехословакии. Вскоре после этого последовала оккупация вермахтом Австрии.

Пользуясь потворством со стороны англичан, Гитлер потребовал от них согласия на отделение от Чехии Судетской области и передачи ее Германии. Чемберлен, ставший премьер-министром Англии в мае 1937 года, колебался: с одной стороны, он был настроен на продолжение политики «умиротворения», с другой стороны, понимал, что уступка Гитлеру Судет означает демонтаж Версальской системы международных отношений.

Чемберлен не мог пойти на сделку с Гитлером, не заручившись поддержкой французов, но французское правительство было против слома Версальского порядка. Министр иностранных дел Франции П. Фланден убеждал англичан в необходимости проведения в отношении Германии более трезвой политики, но те стояли на своем, отвечая французам: пока «намерения Гитлера остаются неясными», нужно придерживаться «стратегии перманентного урегулирования». В Лондоне заявили: «Англия предпримет все шаги, чтобы предотвратить введение военных или экономических санкций против Германии» [3, с. 410].

После того как в апреле 1938 года во Франции произошла смена правительства, Лондону удалось все-таки завлечь французов на платформу «перманентного урегулирования». Премьер-министром Франции стал Э. Даладье – политик нерешительный и легко соглашавшийся с англичанами. П. Фландену пришлось покинуть МИД, а заменивший его И. Дельбос выступал уже в унисон с Чемберленом: «Надо уступать Германии, подкармливая ее в мирное время, чтобы избежать войны» [3, с. 413].

Чемберлен и Даладье втянулись в переговоры с немцами по судетской теме, и в конце сентября 1938 года на четырехсторонней встрече в Мюнхене Гитлер при поддержке Муссолини добился от них согласия на отделение от Чехии Судетской области. Англия и Франция, будучи союзницами Чехословакии, предали ее. Свои действия Чемберлен и Даладье объясняли стремлением избежать войны и «консолидировать европейский мир». Советская газета «Известия» так оценила перспективы заявленной в Мюнхене «европейской консолидации»: «Официальные круги Англии и Франции пытаются сейчас бурным ликованием по поводу достигнутого “мирового успеха” замаскировать подлинный характер мюнхенской сделки. Однако иллюзии проходят, а факты остаются. Останется прозаическим фактом то, что капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости отдалив войну, в действительности ее приближает и притом в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях» [6, с. 1].

У мюнхенской капитуляции была вполне ясная альтернатива. Советский Союз, связанный соглашением с Чехией и Францией, заявлял о готовности защищать чехов даже без участия Франции – в случае, если чешское правительство обратится к нему с соответствующей просьбой. Но британская дипломатия вынудила чехов отказаться от советских предложений о помощи. Черчилль писал: «Мы к этим предложениям отнеслись с презрением, которое запомнилось Сталину, впоследствии мы дорого поплатились за это» [8, с. 39].

Мюнхенская сделка обвалила систему коллективной безопасности в Европе и изменила соотношение сил в Европе. Германия увеличила свою территорию, овладела рядом высококлассных производств и немалыми минерально-сырьевыми ресурсами, захватила военные укрепления, построенные чехами как раз затем, чтобы сдерживать германскую экспансию. При этом британцы и французы лишились в лице Чехии союзника, способного в случае войны выставить армию численностью в 1,5 миллиона человек. Действия Англии и Франции в Мюнхене подорвали их авторитет в мире.

Чемберлен, однако, думал иначе. Вернувшись из Мюнхена, он заявил, что Мюнхен «устранил подозрения и вражду, долгое время отравлявшие воздух» [3, с. 426]. В октябре 1938 года германский посол в Англии фон Дирксен докладывал в Берлин: «Чемберлен питает полное доверие к фюреру. …Мюнхенский протокол создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между двумя странами рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики на длительное время, поскольку самым эффективным образом может обеспечить мир во всем мире» [7, с. 66].

Но только ли о «мире во всем мире» пеклись Чемберлен и Даладье? Советский полпред во Франции Я.З. Суриц писал в Москву: «За счет каких третьих стран можно еще делать уступки Германии? В том, что теперешние властители Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и “проклятые” вопросы за счет СССР, нет сомнения» [7, с. 66]. Основания для таких суждений у советских дипломатов имелись. Для них не было секретом, что в лондонских кабинетах велись разговоры о желательности такого сценария событий, по которому «на востоке дело дошло бы до войны между Германским рейхом и Россией» [7, с. 83].

Иллюзии Чемберлена и Даладье относительно «джентльменского партнерства» с Гитлером развеялись после прокатившихся по Германии еврейских погромов, показавших миру подлинную сущность нацистского режима. В США, Англии, Франции поднялась буря протестов против гитлеровцев. Тень от этих протестов пала и на мюнхенских партнеров Гитлера. Как отмечали советские дипломаты, «пресса прекратила проявлять нежность в отношении Чемберлена» [7, с. 88]. Общественное мнение отвернулось от британского премьера. А он вскоре пережил потрясение: Гитлер захватил всю Чехию, а Словакию превратил в германский протекторат. В Мюнхене речь о подобных шагах, конечно, не возникала, но фюрер делал вид, что мюнхенский сговор означает не что иное, как согласие Чемберлена и Даладье на «преобладание немецкой воли в тех районах, где ни Лондон, ни Париж не имеют возможности эффективного вмешательства» [7, с. 97].

К марту 1939 года Чемберлен понимал, что на фоне действий Германии его фразы о «мире во всем мире» звучат как беспомощный лепет. По сообщению советского полпреда в Англии И. М. Майского, Чемберлен теперь «грубо ругал Гитлера и подчеркивал наличие тесного контакта с СССР» [7, с. 250]. Британским политикам становилось ясно, что Европа скатывается к такому варианту войны, при котором Англии не удастся остаться в стороне. Они вынуждены были признать, что выстраиваемая ими внешнеполитическая комбинация, призванная толкнуть Гитлера против Советского Союза, терпит фиаско. По их замыслам, немцам надлежало действовать в связке с поляками, позиционировавшими себя главными противниками Советов и еще в 1934 году подписавшими союзный договор с Гитлером. В Лондоне были уверены, что польско-германские интересы прочно скреплены антисоветизмом.

Однако в Лондоне не сумели учесть противоречий, порожденных версальской перелицовкой европейской карты. «Данцигский коридор», разделивший Германию на две не соприкасавшиеся друг с другом части, изначально делал проблематичным союз между Германией и Польшей. Немцы надеялись договориться с Варшавой по проблеме «Данцигского коридора», но там к их доводам не прислушались. Данциг стал камнем преткновения, и к марту 1939 года польско-германский союз развалился, хотя еще в январе того года министр иностранных дел Польши Ю. Бек в беседах с Гитлером и Риббентропом обсуждал перспективы военного сотрудничества против Советов и присоединения Польши к Антикоминтерновскому пакту.

Во второй половине августа 1939 года дипломатический конфликт между двумя странами дошел до точки кипения. Французы и англичане понимали, что предотвратить нападение Германии на Польшу без участия СССР невозможно. В Москве прошли переговоры военных делегаций Англии, Франции и СССР, но договор о совместных действиях против Гитлера не был подписан. Главной причиной этого стал отказ поляков пропустить Красную Армию через свою территорию для боевых действий против вермахта. Англичанам и французам оставалось лишь развести руками.

Ответ на вопрос, почему Лондон не использовал возможность повлиять на поляков, содержался в словах Чемберлена, сказанных в августе 1939 года: «Вынужден признаться в собственном предельном недоверии к России. У меня нет ни малейшей уверенности в том, что она в состоянии развернуть эффективные наступательные действия, даже если этого захочет. И я не доверяю ее мотивам, ибо ее единственное желание – заставить всех остальных встать на уши» [11, с. 403].

Чемберлен в одностороннем порядке дал полякам гарантию военной поддержки со стороны Англии. Это означало, что Москва получала широкие возможности для политических маневров, тогда как Лондон добровольно связал себе руки односторонними обязательствами. Находясь в плену иллюзий, Чемберлен в разговоре с ветераном британской политики Л. Джорджем высказал надежду, что Гитлер и германский генеральный штаб «не пойдут на войну, если будут знать, что им придется драться одновременно на двух фронтах – западном и восточном». Под «восточным фронтом» он имел в виду Польшу. В ответ на это Л. Джордж «расхохотался, стал издеваться над Чемберленом и доказывать, что Польша и экономически, и политически слаба, не имеет ни приличной авиации, ни достаточной механизации, а вооружение польских сил более чем посредственно». Отсюда следовал вывод: «Никакого “восточного фронта” без активной помощи СССР быть не может» [8, с. 291].

Реакция Гитлера на британские обязательства перед Польшей не заставила себя ждать. 11 августа 1939 года он откровенничал перед верховным комиссаром Данцига: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренности с Россией, разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами» [3, с. 449].

Вскоре немцы предложили советскому правительству заключить пакт о ненападении. Новая геополитическая реальность, возникшая благодаря провальной дипломатии англичан и усилившая угрозы для СССР, заставила Кремль принять экстраординарное решение и пойти на соглашение с Германией. Некоторые представители политического класса Англии и Франции тут же

упрекнули советское руководство в том, что свои геополитические интересы оно поставило выше интересов Польши. Иначе говоря, они поставили Сталину в вину то, что Чемберлен и Даладье проделали за год до падения Польши, «сдав» Гитлеру Чехию.

Но были в Англии и те, кто понимал логику, которой руководствовались в Москве. Черчилль, заменивший на посту премьер-министра ставшего политическим банкротом Чемберлена, позднее писал: «Советскому Союзу жизненно необходимо было отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, чтобы выиграть время и собрать силы со всех концов колоссальной империи. …Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также и в высокой степени реалистичной» [8, с. 180].

Черчилль прекрасно знал об обстоятельствах, приведших к подписанию договора между СССР и Германией, и расценивал его как дипломатическое поражение западных демократий. В то же время он не сомневался, что подписание этого договора вовсе не означает окончания «большой игры», осознавая: ее кульминационные моменты еще впереди…

Список литературы

1. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М.: Политиздат, 1975. 527 с.

2. 1941 год: Документы: В 2 кн. / Под ред. В.П. Наумова. Кн.2. М.: Фонд «Демократия», 1998. 752 с.

3.Киссинджер Г. Дипломатия. Пер. с анг. М.: Ладомир, 1997. 848 с.

4. Коминтерн. 2-й конгресс: Стенографич. отчет. Петроград: Изд-во Коммунистического Интернационала, 1921. 733 с.

5. Ленин В.И., Зиновьев Г.Е. О Коминтерне: Статьи и документы. М.: Гослитиздат, 1924. 380 с.

6. Политика премирования агрессора // Известия. 1938. 4 октября.

7. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.): Документы и материалы / Под ред. А.А. Громыко, А.Н. Грылева, И.Н. Земскова и др. М.: Политиздат, 1971. 736 с.

8. Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Пер. с анг. М.: Воениздат, 1991. 592 с.

9. Ширер У. Взлет и падение третьего рейха: В 2 т. Т. 1. Пер. с анг. М.: Воениздат, 1991. 653 с.

10. Carsten F.L. Britfin and Weimar Republik. N.Y.: Schocken Books, 1984. 343 p.

11. Feiling K. The Life of Nevill Chamberlain. London: Macmillan, 1946. 475 p.

Об авторе

Рыбаков Сергей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, *istoric-ek@mail.ru*

УДК 623.5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГГ. XX В.

Рядных А.Ю.

В данной статье изложено правовое регулирование становления Советской власти на территории Курской губернии. Дается поэтапное исследование процесса становления и изучения деятельности органов местного самоуправления. Уделяется особо важная роль в улучшении деятельности Советов и привлечение широких масс трудящихся к управлению государством, приобщение к политической жизни страны, решения важнейших социально-экономических вопросов жизни деревни, которое призвано сыграть строгую периодичность выборов в Советы. Рассматривается поиск новых путей для завоевания авторитета партии и Советской власти.

Ключевые слова: *Курская губерния, Советская власть, становление советской власти, избирательная компания.*

THE ACTIVITIES OF THE SOVIET AUTHORITIES ON THE TERRITORY OF KURSK GOVERNORATE IN THE FIRST HALF OF THE 20IES OF THE XXTH CENTURY

Ryadnih A.Yu.

This article examines the legal regulation of the establishment of Soviet power on the territory of the Kursk province. A phased study of the formation of power and the study of the activities of Councils on the ground. The search for new ways to gain the authority of the party and the Soviet government.

Keywords: *Kursk province, Soviet power, the establishment of Soviet power, the electoral campaign.*

Коренные вопросы улучшения работы Советов были определены большевиками в решениях VIII съезда РКП(б), в партийной программе (март 1919 г.). Съезд указал на необходимость дальнейшего улучшения деятельности Советов, проведения на деле принципа советского демократизма, требующего для своего правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самодеятельности масс. Программа РКП(б) требовала от коммунистов добиваться все более широкого вовлечения трудящихся масс в управление государством, дальнейшего сближения с ними органов государственной власти, проведения ответственности и подотчетности должностных лиц, указывала на необходимость самой решительной борьбы с бюрократизмом и волокитой.

Уже VIII съезд РКП(б) указал на опасность отрыва советских работников от масс и наметил меры по устранению этого зла. Были определены и взаимоотношения между партией и Советами. В резолюции съезда «По организационному вопросу» говорилось, что партия руководит Советами, а не заменяет их, и поэтому не рекомендовалось смешивать функции партийных и советских органов. Свои решения партия призвана была проводить через советские органы в рамках Советской конституции [1, с.77]. Перед коммунистами ставилась задача своей работой, своим примером завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся, и особенно в государственных, каковыми являлись Советы.

Однако в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции задачи, поставленные VIII съездом РКП(б). Программой партии по улучшению деятельности советов не могли быть полностью реализованы. На первое место в деятельности Советов выдвигались задачи военного коммунизма. Частые мобилизации для нужд фронта привели к ослаблению советских кадров. Новые люди, выдвинутые на советскую работу, не имели достаточного опыта. Сложился особый тип работников способного точно, и четко выполняли распоряжении вышестоящих органов и прибегали к самостоятельным решениям в выборы в Советы. Так в 1920 г в Курской губернии был проведен только один губернский съезд Советов, в работе которого приняло участие 215 депутатов, в том числе 200 коммунистов, 13 беспартийных, 2 представителя других партий. В 11 уездах губернии в этом же году было проведено только 17 уездных съездов с участием 2417 делегатов.[2, с.24,25,34] Неизвестно, сколько съездов Советов было проведено в волостях. Ясно одно, что в условиях войны не всегда соблюдались отчетность советских работников перед своими избирателями, периодическая их выборность, установленная Конституцией РСФСР. В силу того вся полнота власти сосредоточилась в руках исполкомов и их президиумов.

С переходом к новой экономической политике, с выдвижением хозяйственных задач на первый план

должны были измениться стиль, методы и формы работы Советов всех уровней.

Основные направления с деятельности Советов в годы НЭПа были определены я решениях X съезда РКП(б), в ряде выступлений и работ В. И. Ленина, в том числе в «Наказе от СТО (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям»[3, с. 266-291].

Выполняя первоочередные задачи Советской республики; восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, транспорта, Советы призваны были повсеместно проявлять самостоятельный почин и инициативу.

Введение НЭПа по своему существу требовало, по словам В.И. Ленина, «самостоятельной, сведущей, новых мест, а потому образцовая постановка уездной и волостной работы приобретает, в настоящий момент, совершенно исключительную важность с общегосударственной точки зрения».

Новые задачи, поставленные перед Советами, потребовали всемерного развития внутри советской демократии, регулярной отчетной выборности советских органов, укрепления их хорошо подготовки кадрами

Особо важную роль в улучшении деятельности Советов, в привлечении широких масс трудящихся к управлению государством, приобщении их к политической жизни страны, развитии их самодеятельности призваны были сыграть строгая периодичность выборов в Советы и подотчетность их исполкомов. В этой связи 8 февраля 1921 г. Президиум ВЦИК принимает постановление «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов»[4, с. 72]. В соответствии с постановлением перевыборы городских, волостных и сельских Советов рекомендовалось, как того требовала Конституция РСФСР, проводить через каждые три месяца, а съезды Советов созывать не реже двух раз в год в губернии и уездах и через три. Однако, как показал опыт, частые перевыборы Советов отвлекали советских работников от решения насущных дел, вели к постоянной их замене и тем самым не давали возможности получить необходимый опыт государственной работы. Поэтому 31 декабря 1921 г. IX Всероссийский съезд Советов принимает постановление, в соответствии с которым сроки проведения Всероссийских, губернских, уездных, волостных съездов Советов, а также выборы городских и поселковых Советов устанавливались раз в год. Этим же постановлением губернским съездам Советов разрешалось вводить в состав губисполкомов больше членов исполкомов, чем того требовала Конституция РСФСР, с таким расчетом, чтобы в его состав входили не менее как по одному представителю от уезда и от каждого промышленного района, число членов волисполкома устанавливалось в количестве трех человек.

Расширение состава губисполкомов за счет представителей уездов способствовало упрочению их связи с местами, лучшему знание уездных дел и принятию более объективных решений.

Большую роль в улучшении деятельности местных Советов оказании им практической помощи, укреплении связей вышестоящих советских органов с нижестоящими, а также в организации обмена. В январе 1922 г. ВЦИК утверждает «Положения» о Советах губернский уездных городов и поселков городского типа, об уездных съездов Советов и их исполкомах, о волостных съездах Советов и исполкомах, о сельских Советах [5, с. 90-93]. В них законодательно являлись правовые положения Советов на местах, определялись права обязанности. В соответствии с «Положениями губернские, уездные, волостные съезды Советов являлись высшими власти на своей территории и созывались, соответствую исполкомамн один раз в год съезды и избранные ими исполкомы проводить в жизнь все постановления Советской власти меры к поднятию губернии, уезда, волости в хозяйственно-культурном отношениях, разрешать все вопросы, имеющие местное значение. Постановления съездов Советов могли быть отменены только вышестоящими советскими органами. Для руководства выборами в сельсовет постановлением волостной избирательной комиссии назначался уполномоченный, который вывал сельскую избирательную комиссию в составе двух председателем этой комиссии.

Сельский Совет являлся высшим органом власти в пределах ведения и в границах обслуживаемой им местности. Все постами вия сельсовета, не выходящие за пределы его ведения, были обязаны к исполнению для всего населения данной местности. В компетентность сельского сельсовета входило выполнение всех постановлений вышестоящих органов содействие представителям власти в возложенных на них обязанностей принятие мер по охране порядка.

10 декабря 1922 г был принят ЦИК положение «О местных бюджетах», в соответствии с которой 1922 г, составляемые, особо от общегосударственных местных доходов и расходов - губернские, уездные должны были строиться на принципе покрытия сходов местными же средствами. Эта мера повышала юность местных Советов в вопросах изыскания средств для нужд бюджета, способствовала активизации их деятельно-гохозяйственного строительства.

В первые года НЭПа эта необходимость вызвана нехваткой советских кадров. В силу этого партийные органов вынуждены были взвалить на свои

плечи и значительный груз политической работы. Проведение первых послевоенных посевных кампании и борьба с голодом, сбор продналога, организация кресткомов, что вынуждало местные партийные организации, забросить внутрипартийную работу. В обзоре работы Курского исполкома РКП(б) с 15 декабря 1921 г. по 15 марта 1922 г. отмечались, что в волостях советскую работу ведут н выносят на своих плечах почти исключительно местные ячейки. «Сельские ячейки заняты в основном проведением очередных советских кампаний, внутрипартийной же работы и работы среди беспартийных почти не ведут, что было выявлено по итогам проверки Курской губпарторганизации. Многие секретари уездных, волостных комитетов и сельячеек исполнили одновременно обязанности и председателя Совета, и секретаря парткомитета. ячейки. В Белгородском уезде секретари волостных ячеек на 9/10 являлись одновременно и председателями волисполкомов в свою очередь они вели в основном советскую работу. Такая же ситуация была во многих уездах. Из 119 членов укомов только 42 занимались партийной работой. Почти весь состав укомов входил в уисполкомы, что отрицательно сказывалось как на партийной, так на советской работе. Перегруженность советской работой не давала коммунистам возможности сосредоточиться на партийно-политической, воспитательное работе, способствовала длительному сохранению пережитков «военного коммунизма» в методах их работы. «Пережитки военного коммунизма в деревенских ячейках выражаются в том, что деревня зная коммуниста не столько как политического представителя, сколько советского администратора»[6, с.68] отмечалось на декабрьском совещании 1921 года заворготделами обкомов и губкомов партии при ЦК РКП(б).

Повсеместная подмена партработниками советского аппарата носила вред и партийной, и советской работе, не способствовала творческой инициативы советских работников, порождала их иждивенчество и безответственность, сдерживала искоренение пережитками военного коммунизма».

Учитывая это, в марте 1922 г. состоялась X Курская губернская партконференция потребовала от коммунистов избавиться от ничего не дающего совместительства. Особенно недопустимо совместительство официального представительства партийных органов с советскими административными должностями.

К марту 1923 г. из 136 членов укомов и райкомов их общего количества работали только на партийной работе. Но это были первые, хотя и небольшие шаги, в этом направлении. 1 апреля 1923 г. Курский губком направляет уездным комитетам еще одно письмо о взаимоотношениях партийных комитетов и партийных фракций в советских органах. В нем разъяснялись методы руководства парткомов советскими органами. Таким методом являлось руководство через партийные фракции в Советах и государственных учреждениях. Это руководство, говорилось в письме, не должно носить мелочной опеки, вмешательства в работу советского аппарата. Важную роль в развитии советского демократизма, укреплении Советов, улучшении их деятельности, упрочении связей трудящихся играло вовлечение в сферу работы Советов беспартийных рабочих и крестьян. Уже летом 1923 г. ЦК РКП(б) рассылает местным парторганизациям письмо «О привлечении беспартийных к советской работе», в котором эта задача определялась как раз из важнейших задач партии в настоящее время. В письмах рекомендовалось коммунистам позаботиться о беспартийных активистах понаблюдать за их работой, помогать им, изучать и осуществлять отбор и выдвижение на советскую работу.

Особое внимание подготовке и проведению выборов в Советы уделяли партийные организации Курской губернии, уездные комитеты своевременно направили в качестве уполномоченных волизберкомов своих представителей.

Сельские партячейки, в силу их малочисленности и слабости и не всегда надлежащим образом влияли на ход перевыборов сельских Советов. Так, на общегородском собрании коммунистов, которое проходило 22 ноября 1923 г. обсуждало вопрос о созыве предстоящего уездного съезда Советов, отмечалось, что сельские коммунисты мало что сделали для перевыборов сельсоветов. И поэтому в ряде мест в Советы попали или кулаки, или случайные люди, говорилось о засилье кулачества в деревне, о нежелании бедноты работать в Советах из-за нищенской зарплаты, о равнодушии крестьян к перевыборам Советов.

С постановлением третьей сессии ЦИК Союза ССР 12 ноября 1923 г. в стране вводился волостной бюджет. Был принят декрет СНК СССР, в соответствии на 1923/24 бюджетный год устанавливались надбавки в иных Советов в размере 25% к окладам подоходного имущественного налога [7, с. 115].

Более организованно проходили волостные и уездные съезды Советов. На них крестьянство проявляло себя более активно, в целом поддерживало политику Советской власти и Коммунистической партии. «Например, на одном из съездов Советов крестьянин в ответ на выступление эсера заявил: «Лучше пусть одни коммунисты правят. Тверже порядок будет, и скорее придем к цели»[8, л. 12]. Об этом свидетель-

ствуют и итоги выборов коммунистов в состав волостных и уездных исполкомов. И если в сельсоветах коммунистов почти не было, то в волостях и уездах их влияние было прочным. В состав уисполкомов было избрано около 67% членов РКП(б).

IX губернский съезд Советов начал свою работу 15 декабря 1923 г.; депутатами его было избрано 331 человек, в том числе 228 членов в РКП(б), 52 беспартийных и 1 меньшевик. Съезд обсудил отчеты исполкома, губсовнархоза, губпродкома, вопросы о финансах и бюджета губернии, организации кресткомов и др. и наметил меры по Дальнейшему улучшению советской работы. Съезд избрал губисполком в составе 23 человек, из них 20 являлись членами РКП(б) и 3-е Внепартийными.

Очередная выборная кампания в Советы в Курской губернии проходила в октябре-ноябре 1922 г. В этом году, как и по стране в целом, проводилась раз в год, что позволило партийным и советским органам более основательно подготовиться к ее проведению.

В ходе избирательной кампании 1922 г. в деревне начинают появляться социальные противоречия, как результат оживления капиталистических элементов в годы НЭПа. Зажиточно-кулацкие элементы деревни убеждали на сходах крестьян выдвигать в Советы «хозяйственного, смекалистого» мужика. В ряде мест им удалось провести в Советы своих представителей. Обострилась борьба и по религиозным вопросам. В отдельных селениях священнослужители устраивали публичные выступления[9, л. 7-8]. Однако основная масса крестьяне все же поддержала коммунистов. В 2500 сельских Советах Курской губернии было избрано 12547 депутатов, из них членами РКП(б) являлось 334 человека.

Очередная избирательная кампания в Курской губернии проходила с 20 октября по середину декабря 1923 г.

Выборная кампания в сельские Советы губернии проходила с октября по ноябрь, а в волисполкомы - с 10 по 20 ноября. В ее успешном проведении свою роль сыграла периодическая печать, на страницах которой определялись задачи выборов в Советы, крестьянские массы призывались избирать в их состав честных и преданных Советской власти крестьян из середняков и бедноты, очищать Советы от кулаков и разложившихся элементов[10]. Уездные исполкомы издавали бюллетени, в которых содержались обзоры их деятельности за отчетный год[11, л. 19]. Для успешного проведения выборов были мобилизованы все парторганизации губернии.[12, л. 47]

Выборы в Советы 1923 г. проходили в еще более сложной обстановке. Именно в этот период наиболее наглядно проявилось расхождение цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, так называемые «ножницы цен» не могли не волновать широкие массы крестьянства. Они, по существу, и были в центре борьбы, развернувшейся в деревне в ходе выборов, выявили рост политической активности зажиточно-кулацкой части деревни, которая попыталась использовать недовольство крестьянства политикой цен и провести своих людей в Советы. Как свидетельствуют отчеты о проведении волостных и уездных съездов Советов Курской губернии, повсеместно в работе съездов, помимо делегатов, участвовало много гостей. На волсъезде белгородского уезда присутствовало около 700 крестьян. Дмитриевского - 686, Грайворонского 734, Курского - 400-500. Также на съезд приходили жители близ лежавших деревень. Среди слушателей немало было зажиточно-кулацких элементов деревни.

Повсеместно на волостных съездах крестьянство выражало недовольство «ножницами цен», вспоминало старые времена, когда за пуд хлеба можно было купить 8 аршин ситцу, а ныне - только 3/4; утверждало, что ныне воз хлеба стоит пуд соли. В деревнях Белгородского уезда распространялись слухи о том, что из герба республик выбросили серп и оставили один молот.

Выборы в Советы 1923 г. выявили стремление зажиточно-кулацких элементов к избранию своих представителей в местные органов власти, вызвать у крестьянских масс недовольство Советской власти связи с «ножницами цен», настроить их против РКП(б) и рабочих.

На уездных съездах Советов коммунисты составляли подавляющее большинство от общего количества делегатов: из 1610 делегатов 1081, или 67% были членами РКП(б) и комсомольцами. Присутствующие на съездах крестьяне активно участвовали в обсуждении таких вопросов, как отчеты губернского и уездных исполкомов, землеустройство, сельхоз кредит, налоговая политика, международное положение СССР. Крестьянство в целом поддерживало списки состава уездных исполкомов и делегатов на губернский съезд Советов, предлагавшиеся коммунистами.

В итоге в состав уездных исполкомов было избрано 147 коммунистов и 18 беспартийных. На XI губернский съезд Советов, который работал в Рабочем дворце с 16 по 19 декабря 1923 г., было избрано 297 делегатов. Среди них коммунисты составляли 74,3%. В состав губисполкома было избрано 24 человека, в том числе 18 членов РКП(б) и 6 беспартийных.

Рост активности трудящихся в ходе избирательной кампании в Советы 1923 г. наблюдался повсеместно. И если в 1922 г. в выборах сельских Советов РСФСР участвовало 22,3% избирателей, то в 1923 - уже 35,8%.

Увеличилось и число коммунистов, избранных делегатами на съезды Советов, в состав сельских Советов и исполкомов. Так, в 1922 г. члены и кандидаты в члены РКП(б), избранные по РСФСР в сельсоветы, составляли 6,1%, а в 1923 г. - 7,9%, на волсъезды Советов соответственно - 11,7 и 17,3%, в волисполкомы – 40 и 46,5[13, с. 27]. Увеличилось количество коммунистов, избранных в состав сельсоветов и исполкомов в Курской губернии.

Постепенно утверждается отчетность волостных и вышестоящих органов власти перед своими избирателями. Проводятся, хотя и нерегулярно, расширенные пленумы уездных и губернского исполкомов, на которых рассматриваются актуальные вопросы деревенской жизни: земельная, налоговая политика, об организации семенных фондов, о работе низового советского аппарата и др.[14, с. 72]

Более плановой становится работа губернского и уездных исполкомов. С конца 1923 по конец 1924 гг. губисполком провел 8 пленумов и 78 заседаний президиумов, на которых были рассмотрены соответственно 40 и 1548 вопросов. Центральными из них были вопросы, связанные с улучшением деятельности низового советского аппарата.

Сразу после XI губернского съезда Советов были повышены оклады председателям волисполкомов до 25 руб., членам исполкомов - до 20 руб. Были приняты меры к обследованию волисполкомов, ветеринарных и агрономических участков, школ. [15, с. 3-4].

В соответствии с решением пленума Курского губисполкома и декретом ВЦИК «Об административном делении Курской губернии» от 12 мая 1924 г. [16; 44] в середине июня было проведено районирование губернии в отношении уездных и волостных исполкомов, а в сентябре - сельсоветов. Если до районирования в губернии было 15 уездов, то после районирования их стало 7, волостей соответственно - 173 и 82, сельсоветов - 2529 и 1191.

Сразу после районирования был расширен состав Советов и их президиумов от сельсоветов до уездных исполкомов путем введения в их президиумы и пленумы представителей крестьянства. Штаты укрупненных сельсоветов были установлены в количестве 2-5 человек, волисполкомов - до 13. Одновременно были повышены оклады председателям волисполкомов до 50 руб. в месяц, председателям и секретарям сельсоветов - до 10 руб. Несмотря на почти двойное повышение окладов, расходная часть бюджета губернии оказалась ниже, чем была до этого [17, л. 98].

В ходе районирования губернии значительно был сокращен советский аппарат, что позволило укрепить низовые советские органы более подготовленными работниками, повысить им заработную плату, что, несомненно, поднимало авторитет Советов в глазах крестьянских Губисполком, как отмечалось на XII губсъезде Советов значительно расширил права укрупненных местных Советов, для чего разработал новое положение об этих органов власти.

23 июня 1924 г ВЦИК принимает декрет «Об организаций местных волостных бюджетов», повсеместно признавалось первоочередной задачей финансовой политики на местах [18; с. 575]. Указанные меры способствовали улучшению деятельности Советов.

Например, Суджанский уездный исполком провел в 1923 всех волостях курсы секретарей сельсоветов и волнсполкомов и чистку милиции. Она была укреплена новыми людьми. Уисполком систематически ревизовал работу низовых советских органов. За год было проведено 24 ревизии чиновников и 148 сельсоветов. Выявленные в ходе ревизии недочеты были устранены. Некоторые должностные лица были отстранены от работы за грубые нарушения советских законности или отданы под суд.

Для образцовой постановки дела с начала второго полугодия уисполком выделил в качестве показательной Замостьянскую волость которая ежемесячно им обследовалась. Это дало свои положительные результаты. К концу 1923 г. работа волисполкома значительно улучшилась. Сам уездный исполком уделял много внимания успешному проведению продналоговой кампания в области школьного образования. Исполком следит за ремонтом мостов, мельниц, работой ККОВ, занимался противопожарными мероприятия. Много внимания уделялось земельным вопросам. Была ликвидирована чересполосица, установлены порядок землепользования, границы общественного землеустроительнной работы. Выдвигалась необходимость в поддержанию в надлежащем порядке работы организации зерноочистительных пунктов и т.д.

Однако в деятельности многих советских органов особенно низовых, было немало просчетов и недостатков. Как отмечалось HI пленуме Курского губисполкома 26-28 марта 1924 г., деятельность сельсоветов и волисполкомов в основном ограничивалась выполнением распоряжений уездных исполкомов. Они слабо участвовали в решении важнейших социально-экономических вопросов жизни деревни, недостаточно информировали население о важнейших мероприятиях Советской власти. Немало было формализма в их работе. Выезжающие из уезда в волость проверяющие плохо изучали деятельность низового советского аппарата и почти не влияли на улучшение его работы. Состав волисполкомов был в основном

неудовлетворительным. Делопроизводства, счетоводства во многих вол исполкомах вообще не было, как и не было планов работы. Они не руководили предприятиями и учреждениями, расположенными на их территории. Нередко сельсоветы прибегали к незаконным обложениям для местных нужд. И это можно понять, если учесть, что работники низовых Советов зарплату получали несвоевременно, условия их работы были тяжелыми, низок был и их образовательный уровень. Нередки были случаи командования и администрирования в отношении крестьянских масс. Методы «военного коммунизма» повсеместно давали о себе знать. Часто парткомы подменяли деятельность Советов вместо того, чтобы руководить ими через партийные фракции [19; с. 3-4]

Обследовавший в начале 1923 г. Курскую губернию было отмечено немало просчетов в деятельности низового советского аппарата и среди них такие, как грубость в отношении крестьянства, презрение к его нуждам, повсеместная волокита. Средняя длительность прохождения земельных дел, начиная с волости и кончая губернией, равнялась одному году и двум месяцам и более. Крестьянство не мирилось с этим, критиковало советских чиновников, но все же понимало, что Советская власть - власть трудящихся, что при ней «все же крестьянское дело разрешить можно»

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях пленумах ЦК (далее КПСС в резолюциях …) Изд. 8. – М., 1970. Т.2

2. Владимировский М.В. Советы, исполкомы и съезды советов. – М. 1921. – В. II

3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43.

4. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (далее: СУ РСФСР). – 1921. № 11.

5. СУ РСФСР – 1922. № 10.

6. Известия ЦК РКП(б). 1923. № 1.

7. СУ РСФСР. 1924. № 13

8 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее ГАОПИКО) Ф. П. – 65, Оп. 1, Д. 181.

9. ГАОПИКО, Ф. П. – 65, Оп. 1, Д. 181.

10. Выборы в сельские советы // Курская правда, - 1923. – 10 октября. - № 78

11. ГАОПИКО Ф. П – 65, Оп. 1. Д. 339.

12. ГАОПИКО Ф. П – 65, Оп. 1. Д. 359

13. Выборы в Советы РСФСР в 1925/26 (Предварительные итоги). Ч. 1. М., 1926.

14. Власть Советов. М., 1922. № 7-9.

15. Отчет Курского губкома. Исполнит. комитета XII губ. съезду Советов. - Курск, 1924.

16. СУ РСФСР. – 1924. - № 46.

17. Государственный архив Курской области (ГАКО), Ф. Р – 467, Оп. 1, Д. 304.

18. СУ РСФСР. 1924. № 59.

19. ГАОПИКО. Ф. П - 65, Оп. 1, Д. 339.

Об авторе

Рядных Александр Юрьевич – аспирант Курского государственного университета, *prepod_forever@mail.ru*

УДК 942.080.1

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ «ЛИБЕРАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА» В ТВОРЧЕСТВЕ Х. ДЖ. МАККИНДЕРА.

Сагимбаев А.В.

В статье рассматриваются отдельные аспекты теоретических взглядов одного из ведущих представителей идеологии британского «либерального империализма» начала XX в. Х. Дж. Маккиндера. Особое внимание уделяется анализу взглядов учёного, связанных с концепцией «эффективности», а также идеей введения системы имперских преференций.
Ключевые слова: *колониальная идеология, английский либерализм, Британская империя, либеральный реформизм, имперская экспансия.*

THE EVOLUTION OF THE DOCTRINE OF «LIBERAL IMPERIALISM» IN THE WORKS OF H. J. MACKINDER.

Sagimbaev A.V.

The article considers some aspects of the theoretical views of one of the leading representatives of the British ideology of "liberal imperialism" of the early XX century H. J. Mackinder. Special attention is paid to the analysis of his scientific views associated with the concept of «efficiency» and the idea of introducing a system of Imperial preferences.
Keywords: *the colonial ideology of English liberalism, the British Empire, liberal reformism, and Imperial expansion.*

Процесс постепенной трансформации, которую британская колониальная система претерпела в первые десятилетия XX в., был неразрывно связан с изменениями в политической системе Великобритании, а также со сложными переменами, происходившими в социально-экономической сфере, и в умонастроениях британского общества. Одной из главных составляющих этих сдвигов явилось постепенное снижение роли имперских ценностей в массовом сознании населения Великобритании. Заметной трансформации подверглись также идеологические установки в сфере колониальной политики ведущих британских политических сил.

Эволюция идеологии британского империализма, кульминационный период развития которого пришёлся на 1880-е – 1890-е гг. сопровождалось сложной дискуссией внутри британской интеллектуальной элиты. Одной из ключевых проблем, возникших при этом, явилось соотнесение новых, возникших в данный период имперских ценностей и концептуальных установок британского либерализма, восходивших, в своей основе, к уникальной традиции английского Просвещения. Типичным примером такого рода сложного поиска явилось интеллектуальное творчество известного британского учёного и политического деятеля Х. Дж. Маккиндера.

В конце XIX в. Маккиндер являлся одного из видных теоретиков весьма популярной в тот период доктрины «либерал-империализма», одной из базовых основ которой выступала идея фри-треда. В 1880-е гг. он стал последователем взглядов лорда Розбери, рассматривавшего фри-тред, как важнейшее условие, необходимое для создания демократической системы мироустройства.

В то же время, рост экономической конкуренции способствовал постепенным изменениям в настроениях британских предпринимательских слоёв политической и элиты. Ряд отраслей промышленности стали испытывать серьёзные неудобства, связанные с нараставшей немецкой и американской конкуренцией[1, 3-4]. На этом фоне в Великобритании постепенно наметилось формирование движения, выступавшего за переход к политике протекционизма и защиты имперских рынков. Возникшая в 1884 г. Имперская Лига Федерации вскоре раскололась по вопросу введения защитных тарифов на две фракции. Представители одной из них выступали за сохранение базовых императивов фри-треда, в то время как сторонники другой высказывались за переход к протекционистской политике, которая, по их мнению, являлась единственным средством спасения британской промышленности, а также имперской системы Великобритании. Х. Дж. Маккиндер постепенно перешёл в лагерь сторонников протекционизма[4, 73].

Выступая в декабре 1900 г. с циклом лекций в лондонском Институте банкиров, он изложил широкую концепцию экономической стратегии Великобритании. Подчеркнув определённую разницу между интересами промышленных и финансовых кругов, он отметил ряд сложностей, с которыми столкнулась

британская промышленность. Важнейшей из них являлась острейшая конкуренция с другими индустриальными державами, возникшая «в результате определённого выравнивания промышленных потенциалов, а также распространения промышленных мощностей и коммерческой активности по всему миру». Данная проблема, ставящая под угрозу экономическую стабильность Британской империи, требовала от имперского центра, по мнению Х. Макиндера, «величайшей воли и мобилизации управленческих способностей». Утратив своё промышленное лидерство, Великобритания, согласно его точке зрения, должна сделать ставку на сохранение своей роли в качестве ведущего финансового центра. «Представляется вполне возможным, - подчёркивал Х. Макиндер, - что финансовое значение Сити будет постепенно возрастать, в то время, как промышленная роль Великобритании будет постепенно снижаться»[10, 46]. В то же время, растущая мировая экономика нуждалась в едином руководящем центре. «Хотя у человечества много мускулов, - отмечал он в своём выступлении, - но, как и у любого организма, у него должен быть один мозг» [5, 343]. В силу того, что в течение двух столетий в мировой коммерции сохранялось английское преобладание, способствовавшее «аккумулированию огромных богатств, экспортируемых в различные части света», а лондонский Сити стал «наиболее значимым рынком кредитов и займов», роль такого центра, согласно выводам Маккиндера, должна была естественным образом принадлежать Великобритании [5, 346].

Конкуренты британским экономическим интересам, в данной связи, представлялись ему естественным раздражителем, стремящимся ограничить торговое могущество Великобритании. «Эта борьба, - отмечал Маккиндер, - происходит в дарвинистском духе … и она представляет собой реальную борьбу за Империю» [5, 348]. В данной связи, естественным выходом, с его точки зрения, являлось дальнейшее расширение имперских владений[5, 352].

В 1901 г. по инициативе лорда Розбери, а также других политических лидеров, представлявших либерально-империалистическую парадигму, в Лондоне был создан своеобразный аналитический центр, получивший наименование клуб «Coefficients». В число его организаторов вошёл и Х.Дж. Маккиндер[9,7]. Основной темой его первых заседаний являлась торговая политика и связанные с ней вопросы тарифной реформы и торговых преференций. Первоначально Маккиндер входил в число противников нарушения традиционной системы фри-треда. Однако постепенно его позиция менялась в сторону поддержки модели протекционистского империализма, которую отстаивал в данный период Дж. Чемберлен. «Английская метрополия, - писал Маккиндер в 1906 г., - обязана своим имперским статусом в первую очередь своей торговой и финансовой активности… Не будет преувеличением признать, что основой имперского начала является почти половина мирового экспорта и реэкспорта колониальной продукции, большая часть фрахта и банковских кредитных операций» [6, 252]. В связи с этим, Маккиндер стал активным участником тарифной компании, направленной на защиту британской промышленности от германской конкуренции.

С точки зрения Маккиндера, политика фри-треда способствовала оттоку капиталов и постепенному упадку британской индустрии. По его мнению, инвестиции английских предпринимателей в развитие промышленности других государств следовало рассматривать как «национальный ущерб, а не как национальную выгоду»[6, 265]. В данном случае британские капиталы тратились на укрепление экономического, военного и интеллектуального потенциала других государств. В тоже время, в самой Великобритании данный процесс приводил к росту безработицы и оттоку из страны квалифицированной рабочей силы[1, 14]. Единственным решением данной проблемы Маккиндер видел реформирование тарифной системы, «направленное на защиту трудовых ресурсов империи»[2, 57].

Став поклонником идей немецкого неомеркантилизма, Маккиндер пытался перенести их на почву британской имперской политики начала XX в. Он подвергал критике процесс накопления богатства, осуществляемый за счет «производительных сил, и физического потенциала Великобритании», и считал необходимым принятие комплекса мер «для защиты ее торговли и ее империи» [3, 21].

Идею имперского протекционизма Х.Дж. Маккиндер сочетал с поддержкой концепции либерал-империалистов по созданию «имперской нации». В данной связи, он являлся активным сторонником законодательных инициатив лорда Розбери, связанных с реализаций программ строительства дешёвого жилья и расширением системы доступного образования, что должно было способствовать качественному улучшению условий жизни англичан[4,142]. Поддерживая концепцию «имперской нации», Маккиндер разделял идеи фабианцев о необходимости введения законодательного минимума заработной платы. Он неоднократно поддерживал подобные инициативы в Палате Общин, членом которой являлся в период с 1910 по 1922 гг. «Настоящая сила нации, - отмечал он в одном из своих выступлений, - заключается в её рабочих, мыслителях и бойцах…[4, 143]

Опыт Первой мировой войны побудил Маккиндера к дальнейшему переосмыслению ключевых аспектов имперской политики. В 1919 г. он опубликовал свою концептуальную работу «Демократические идеалы и реальность», в которой заявил о принципиальной тождественности идей фри-треда и имперского протекционизма. Представителей обоих направлений Маккиндер назвал сторонниками «организованного начала», противоположностью которых являлись так называемые «политические идеалисты», к числу которых им были отнесены приверженцы «либерального космополитизма»[7, 9]. Их «интернациональная позиция» находилась, с его точки зрения, в прямом диссонансе с идеями империи и патриотизма. Теория «организованного начала», по мысли Маккиндера, представляла собой синтез идей «эффективности» лорда Розбери, концепции имперских преференций Дж. Чемберлена, а также предложений лорда Робертса, связанных с укреплением системы имперской обороны[7, 21]. Её теоретической основой являлась, по его мысли, политическая философия Т. Гоббса, рассматривавшего человека как «орудие, существующее для интересов государства»[7, 31]. В то время как «идеалисты» акцентируются на идее прав человека, приверженцы «организованного начала» [7, 33], как отмечал Маккиндер, стремятся к созданию «эффективного государства». При этом они не ставят под сомнение общую цель достижения благополучия человека и человеческого общества. «Напротив, - подчёркивал он, - реализация естественных прав личности возможна лишь в рамках эффективно организованного национального общества» [7, 33].

Демократия и империализм, с точки зрения Х.Дж. Маккиндера, являются вполне взаимосвязанными явлениями. Более того, их успешная взаимосвязь сложилась именно в рамках британской политической традиции. «Опыт политической жизни Великобритании, - подчёркивал он, - наглядно демонстрирует, что демократическое и имперское начала могут сосуществовать друг с другом как два взаимодействующих начала [8, 266]. Анализируя тенденции развития системы международных отношений и мировой экономики в начале XX в., Маккиндер приходит к выводу о «вполне естественном характере создания имперского строительства, которое присуще в том числе и демократическим государствам» [8, 342]. Географическая разбросанность Британской империи, в данной связи, создавая определённые военные угрозы, представляет, по мысли Маккиндера, и несомненные выгоды, поскольку позволяет сочетать «имперское правление в тропических владениях с возможностью из поколения в поколение сохранять и развивать демократические начала дома» [5, 349].

Творчество Х. Дж. Маккиндера внесло заметный вклад в развитие доктрины британского «либерал-империализма» в начале XX в. Происходившая в данный период эволюция идеологических доктрин, представляла собой попытку объединения отдельных элементов консерватизма, различных версий либеральной идеологии, а также социал-реформизма. В своей основе она представляла собой сложную рефлексию в отношении комплекса геополитических и социально-экономических вызовов, с которыми столкнулась Великобритания и Британская империя. Возникшие в данный период интеллектуальные тенденции в значительной степени предопределил тенденции развития крупнейшей колониальной системы после завершения Первой мировой войны.

Список литературы

1. Berard V. British Imperialism and Commercial Supremacy. L., 1906.
2. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y., 2009.
3. Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism. N.Y., 1935.
4. Lord Rosebery. Miscellanies: Literary and Historical. L., 1921. Vol. II.
5. Mackinder H. J. Britain and the British Seas. L., 1902.
6. Mackinder H. J. The Modern British State. L., 1914.
7. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality: The Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919.
8. Mackinder H. J. The World War and After. L., 1924.
9. «The Times». –5 May, 1901.
10. Tyler J. E. The Struggle for Imperial Unity. L., 1938.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета, *sagimbaev@yandex. ru*

УДК 261.7

ПРОБЛЕМЫ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА В СЕРЕДИНЕ 60-Х - НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XX В. В СССР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)

Сазонов Д. И.

В брежневскую эпоху приходы Русской Православной Церкви находились под тотальным контролем государственных и партийных органов власти. Государство напрямую вмешивалось в кадровую, управленческую, идеологическую, финансово-хозяйственную деятельность Церкви. Именно благодаря государственной политике и изменению приходского Устава на Архиерейском соборе 1961 года, согласно которому священник переставал считаться главой общины, было положено начало тем проблемам, которые определяли жизнь православного прихода в брежневский период. Несмотря на жесткое давление, спровоцированные конфликты, уровень религиозности не только не падал, но и возрастал. Лишь с принятием приходского Устава, нивелирующего прежние положения, удалось вернуть приходской общине ее смысл.
Ключевые слова: *приход, староста, комиссия по контролю, уполномоченный, епископ, власть.*

PROBLEMS OF PARISH LIFE AS AN INDICATION OF THE RELIGIOUS STATE OF IN THE MID-60'S - EARLY 80-IES. THE XXTH CENTURY IN THE SOVIET UNION (CENTRAL RUSSIA)

Sazonov D.I.

In the Brezhnev era of the parishes of the Russian Orthodox Church was under total control of government and party authorities. The state directly intervened in personnel, administrative, ideological, financial and economic activities of the Church. Thanks to public policy and to change the parish Charter on the Council of bishops, 1961, in which the priest is no longer the head of the community, was the beginning of the problems, determining the life of the Orthodox parish in the Brezhnev period. In spite of pressure provoked the conflict, the level of religiosity not only protected, but increased. Only with the adoption of the parish Charter, which negates the previous position, managed to return the parish to the community its meaning.
Keywords: *parish chief, the control Commission, Commissioner of the Bishop, authority.*

После снятия Н. Хрущева со всех партийных и государственных постов в октябре 1964 года и наступления исторического периода «брежневского застоя», проблемы приходской жизни в СССР можно обозначить двумя главными направлениями: власть и деньги. Именно эти два фактора определяли уровень проблем, и, вместе с тем, влияли на их разрешение. При этом примечательно, что они практически никак не влияли на фактор религиозности. Несмотря на репрессивные меры, на тотальный контроль государства, религиозность росла. Постараемся подтвердить это заключение фактами и примерами середины «брежневской эпохи» – начала 1970-х годов.

Кому принадлежала во второй половине 60-х годов – начале 80-х годов власть на православном приходе? Можно сказать, что деньги находились в руках старост, которым, согласно изменениям, внесенным в приходской устав Архиерейским собором 1961 года, лишавшим священника свойственных ему полномочий (в том числе финансово-хозяйственных), принадлежала власть на приходе. Однако с учетом уже открытых историками материалов, такой ответ не будет исчерпывающим. На самом деле, ситуация напрямую зависела от личности уполномоченного по делам религий в данной области, утверждавшего кандидатуру старосты. Уполномоченного, который обладал сведениями жизни прихода. Для сравнения приведем доклад уполномоченного по Костромской области В. Кудрявцева своему руководству в Москве: «В целях ограничения деятельности церковников приобретение автомашин в сельской местности не разрешаю, покупки или строительства домов не разрешаю, было ходатайство о возобновлении колокольного звона и колокольни, не разрешил» [4, с. 11]. Перед нами наглядный пример личности воспрещающей. Были и противоположные примеры. По воспоминаниям свящ. Михаила Ардова, его самого уполномоченный защищал, и даже архиепископ Киприан (Зернов) просил молиться за него [1, с. 25]. Значит, власть на приходе напрямую зависела от личности уполномоченного, который назначал старосту.

В большинстве исследований брежневского периода говорится, что власть на приходе была в руках старост и назначавших их уполномоченных. Постараемся показать, насколько верно это утверждение. В отчете секретаря Даниловского райсовета К. Смирнова о деятельности комиссии по контролю за соблюдением законодательства о культах даются сведения о ее работе, и, в частности, говорится о прямом назначении руководством исполкома на должности старост проверенных и доверенных уполномоченному людей.

В своем выступлении он утверждает: «В 1964 году был пересмотрен исполнительный состав Горенской и Бабуринской церквей. Старостами этих исполнительных органов избраны новые (проверенные) независимые от духовенства люди». Мы видим прямую ссылку на назначение старост государственным органом власти. Таким образом, власть на приходе принадлежала государственным и партийным органам, и уполномоченным по делам религий, утверждавшим кандидатуры старост. К вышесказанному можно добавить, что ими поставлялись люди, нередко имевшие «подмоченную репутацию», позволявшую власти воздействовать на таких граждан. Моральный облик людей, поставленных в церковные организации, иногда вынуждал сами власти, опасавшиеся явной своей дискредитации, убирать из церковных структур наиболее одиозных, «не соответствующих», либо «явно скандальных» личностей. Например, «бывший староста Горинской церкви А.П. Андрианов был снят с должности за систематическую пьянку и растрату денежных средств [9, с. 12]. В отчете уполномоченного по Ярославской области говорится: «В Вознесенско-Георгиевской церкви за последние 5 лет сменилось четыре старосты за счет того, что согласие изъявляют люди, морально неустойчивые, склонные к легкой наживе. И это проявляется в работе. За присвоение денежных средств уволены бывшие старосты Киселев и Арсюков, казначеи Сафронова и Колышкина. Изъявивший желание быть старостой Михайлов К.А. характеризуется склонностью к употреблению спиртных напитков. Активно стремящийся на эту должность Громов П.П., на прежней работе мастера молокозавода он проявил себя склонным к легкой наживе» [9, с. 5]. Старостами были нередко назначаемы люди не только морально нечистоплотные, но еще и малообразованные, малокультурные: «В некоторых религиозных общинах и сегодня нарушается порядок оформления записей на крещение детей. В религиозной общине с. Троицкое (староста Зарайская М.П.), учет религиозной обрядности ведется на различных обрывках без соответствующего оформления и росписи родителей и их согласия на крещение. В с. Радищево до сих пор собирают разные справки и обязательства от родителей, желающих совершать религиозный обряд крещения» [9, с. 14].

Подтверждая вышеприведенные доводы в пользу внешнего управления приходом, приведем еще один пример: председатель Переславского райсовета Суслов докладывает уполномоченному по делам РПЦ В.А. Вагину о том, что «секретарь райсполкома, возглавляющий комиссию содействия культам, держит тесную связь с исполнительными органами религиозных общин. Периодически приглашает к себе старост и казначеев, а бывая на месте, интересуется, как поставлено дело по оформлению документов при ведении церковных обрядов» [9, с. 13]. Еще раз обратимся к отчету уполномоченного по Ярославской области: «В исполком райсовета ежемесячно поступают от исполнительных органов всех пяти религиозных общин сведения о количестве совершенных религиозных обрядов и списки лиц, совершающих эти обряды. Полученные данные рассматриваются на заседании комиссии и одновременно сообщаются райкому КПСС. Далее решается вопрос о непосредственных действиях по отношению к тем, или иным ситуациям» [9, с. 13]. «В г. Угличе за 1973 год Исполнительный орган общины наращивает отчисление в фонд мира. В 1971 году было отчислено 2500 руб. или 3,5% от общего дохода, в 1972 году – 11000 руб., или 15,5%, в 1973 году – 20500 руб., или 30%. Следует отметить положительную деятельность в исполнительном органе старосты Иноземцева В.В., который беспрекословно исполнял все предложения и указания Советских органов» [9, с. 21].

Приведенные цитаты говорят о том, что власть, позиционирующая себя как атеистическая, держала под контролем церковные организации, несмотря на Декрет об отделении Церкви от государства и государства от Церкви 23 января 1918 года.

Конечно, и в данном случае уместно сделать оговорку. Власть на приходе принадлежала старостам в основном на городских приходах. В сельских храмах, куда епископы иногда были вынуждены отсылать активных и авторитетных священников, таких как протоиерей Александр Мень, архимандрит Михей (Хархаров), архимандрит Таврион (Батозский), архимандрит Павел (Груздев), архимандрит Поликарп (Будаква), дело обстояло несколько иначе. Авторитет священника, его мудрые действия на приходе, вызывали к нему уважительное отношение не только среди верующих, но и среди представителей власти. «Все ездили к нему, – говорится в воспоминаниях об архимандрите Павле (Груздеве), – от развозчика хлеба до секретаря райкома» [17, с. 531]. Даже самые преданные власти старосты-назначенцы не всегда решались противостоять авторитету священника. И все же, приведя свидетельство в пользу аргумента, что не всегда на приходе власть принадлежала и контролировалась властями, надо сделать оговорку – перечисленные священнослужителя не занимали «хлебные» и городские приходы. В целом они не могли влиять на ситуацию. Их случаи были скорее исключением, чем правилом. Так, влиятельный в то время митрополит Ярославский Никодим (Ротов), председатель ОВЦС, из-за

противодействия уполномоченного не смог того же архимандрита Павла назначить в Воскресенскую церковь Тутаева, пришлось назначать его в глухое и бедное село Верхне-Никульское [17, с. 348].

Немалое значение установлению церковной обстановки на приходе придавала личность, «дипломатический талант», а также, церковность правящего архиерея. Кто-то из архиереев (в брежневские времена обстановка была не столь антицерковно накалена как в хрущевские), находил возможность договариваться с уполномоченным, проводил церковную линию: защищал и прикрывал провинившихся перед властями священников, малообеспеченные приходы от закрытия, пробивал нужное количество кандидатов на рукоположение, где-то отстаивал права священника перед старостой и двадцаткой. Так, архиепископ Ярославский Иоанн (Вендланд) спрятал находившегося за штатом из-за поддержки линии противления решениям Собора 1961 о передаче власти на приходе от священника к старосте бывшего наместника Жировицкого монастыря архимандрита Михея (Хархарова) в самом отдаленном приходе своей епархии, «куда и летом не всегда мог приземлиться самолет <…> только через два года удалось перевести архимандрита Михея поближе» [12, с. 130]. По мнению как церковных, так и светских источников, авторитет архимандрита Михея собирал и привлекал множество верующих. В таких обстоятельствах «тревожные сигналы» партийных органов об увеличивающейся активности верующих и жалобы уполномоченного были владыкой Иоанном сведены на нет, и последствий не имели. Протоиерей Сергий Паршуто рассказывал о том, как архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий (Погорский) не принимал жалоб и доносов старост и их окружения на священников и в очень жесткой манере реагировал на них [16]. Костромской уполномоченный жаловался своему руководству в Москве: «Священник Груздев В.С. 1932 г.р., без ведома уполномоченного и Епархии переизбрал старосту и председателя ревизионной комиссии как неугодных ему лиц с целью, чтобы легче было запускать руку в церковную кассу. Надо было показать на его примере, что Епархия с этим борется, но этого не получается, перевели его на другой приход и только. Причем жалобы, поступающие в епархию на того или иного священника от меня скрываются» [4, с. 8].

По воспоминаниям прот. Георгия Эндельштейна, архиепископ Костромской и Галичский Кассиан (Ярославский) старался конфликты, возникающие на приходах епархии, в частности, ссору между настоятелем (бывшим водителем троллейбуса) и диаконом, погасить примирением сторон, как говорят, любовью.

Власть церковная в основном действовала с оглядкой на госорганы. Подтверждается данный вывод тем, что в народе прочно утвердилось понятие, что молодых батюшек присылает райком. В воспоминаниях протоиерея Александра Дятлова читаем: «Когда я двадцатилетним приехал в Татищево, люди все старенькие были, не знали, что молодые батюшки есть. Они так и говорили – «райком прислал» [2, с.237].

Не только вновь открытые документы, но и отчеты уполномоченных свидетельствуют о тотальном контроле епископата, священства, верующих. Тот же В. Фуров в своем докладе утверждает о том, что все-таки удалось перевоспитать духовенство, епископат находится под полным контролем, существенно сократилось количество духовенства, об их необразованности, излишке церквей, рапортует об увеличивающихся год от года взносах в фонд мира, однако тут же сетует, что финансы не удается полностью поставить под контроль, что архиереи научились договариваться с уполномоченными, настоятели со старостами, новые архиереи, пришедшие на смену дореволюционному и довоенному духовенству ведут себя самостоятельно, рост религиозности налицо [14, с. 6, 10, 22, 25, 27, 40].

Часть церковных финансов, даже при наличии жесткого контроля удавалось скрывать. Конечно, церковными финансами на приходе (полученные через церковную кассу), распоряжались старосты, платившие из означенных сумм налоги на содержание епархии, священников, в фонд мира, содержание прихода (коммунальные платежи, зарплата священников и работников, певчих). Но ведь партийные работники знали, каких людей они берут на работу с финансами. При тщательном и жестком контроле, окладно-квитанционной системе, проверках, рейдах ревизионных комиссий, о которых пишут все, старостам удавалось держать «черную кассу», или нелегальную бухгалтерию. Нелегальные финансы также проходили через священнослужителей, совершающих нелегальные требы на домах прихожан. По воспоминаниям священнослужителей, количество треб, совершаемых таким образом, составляло примерно 10–15% от тех, что легально совершались в церкви [15]. Так, например, по сведениям, полученным активистами по контролю за соблюдением законодательства о культах, «в Борисоглебском районе имеется одна действующая церковь в с. Павлово. Священником работает Сизов Павел Иванович. Совершая коллективное причастие на дому, сам выписывал квитанции и получал деньги за совершение треб» [11, с. 5]. К сожалению, многие активные священнослужители пострадали из-за многочисленных доносов о требоисполнении на дому. Так, например,

протоиерея В.А. Зуммера сняли с настоятельства Вознесенского рыбинского прихода [8, с. 5].

В брежневские годы получило свое развитие совершение верующими треб (крещения и венчания) в соседних областях, особенно в сельской местности, где контроль уполномоченных и местных «активистов» был ослаблен. По замечанию исполкома Даниловского района Ярославской области в 1973 году: «В действующих церквах р-на было крещено в текущем году 13 человек, из них жителей нашего района только четыре человека. В основном приезжие из Мурманской области, Подмосковья, Москвы. Пик крестин приходится на летние месяцы, когда люди приезжают в отпуск к родственникам» [11, с. 15]. В Переславле-Залесском в 1978 году из 234 крестившихся в Покровской церкви 122 крещения совершено гражданами г. Переславль-Залесского и 112 иногородними [9, с. 66].

К сожалению, многие священники вынуждены были ограничить свою деятельность лишь «требоисполнением» в церкви, не проводя миссионерской, социальной, благотворительной работы, которые находились под запретом властей. Ивановский историк А.А. Федотов указывает в этой связи, что подобное поведение священника в Ивановской епархии (да и в других тоже – прим. Д.С.), даже поощрялось епархиальной властью [26, с. 140]. Священнику не позволялось вмешиваться в дела прихода: «Из обращения старосты Воскресенской церкви с. Вятское Барановой А.А. устанавливается, что священник церкви Котенеев Н.И. продолжает пытаться вмешиваться в дела по управлению церковью. В прошлом он уже предупреждался, об этом, когда вынудил старосту Гадаеву А.А. купить за счет церковных средств для его личного пользования: шкаф книжный, диван, обоев, духи “Красная Москва”. Следует отметить, что пребывание Котенеева Н.И. в Вятской церкви в дальнейшем нежелательно» [11, с. 31–32].

Однако вопреки всем пожеланиям видеть священнослужителя именно таким, многие из представителей священства были достойны своего звания. Приход в Верхне-Никульском не закрыли потому, что архимандрит Павел имел навык сельскохозяйственных работ, и своим знанием сельской жизни и трудолюбием заслужил уважение у местных колхозников и властей [2, с.72]. Именно пример таких священнослужителей вдохновлял многих на проповедь и пастырское попечение верующих. Во многом благодаря проповеди прот. Всеволода Шпиллера, Александра Меня, Дмитрия Дудко и др., пастырей, оказавшихся на высоте исполнения своего призвания и долга, советская интеллигенция и учащаяся молодежь пришли в церковь. Так, например, пришел в храм талантливый реставратор и затем ставший настоятелем храма Вознесения Господня на Никитской улице в Москве протоиерей Геннадий Огрызков [19, с.78].

Проблемами приходов было огромное налогообложение. В те годы, по воспоминаниям архимандрита Авеля, некоторые сельские приходы в Центральной России, отдавая 81% своих доходов на налоги, еле выживали: «В селах как? Пришли старухи на панихиду, кто огурец несет, кто помидор, кто яйцо, а денег то и нету. А священник должен жить. Жить!» [2, с. 35]. Протоиерей М. Ардов описывает курьезный случай, когда один священник принес в финотдел вместо налога приношения прихожан: овощи и картошку, мотивируя свой поступок тем, что денег у прихожан нет, а они приносят лишь то, что соберут со своего огорода [1, с. 27].

Проблемой прихода, связанной с уровнем религиозности, следует отметить низкий образовательный уровень духовенства. Старшее, дореволюционное поколение, получившее классическое церковное образование, в те годы вымирало, выпускники существующих трех Семинарий и двух Академий, несмотря на увеличение в 1973 г. поступающих, не могли восполнить убыль кадров. Убыль священников (смерть, уход на покой и пр. в 1972 году составила 537 человека [14, с. 30]. Потребность в кадрах была велика. При наличии в 1973 году 1180 воспитанников духовных школ обучающихся на очном и заочном отделении на 7150 прихода в Русской Православной Церкви, при наличии 8-летнего курса в Семинарии (4 года обучения) и Академии (4 года обучения) вместе взятых, нехватка образованных пастырей была налицо [27, с. 430]. Из абитуриентов 60% были украинцы. По свидетельству М.Х Трофимчука, Московские духовные школы окончили в 1973 году 54 человека (22 Академию, из них 11 монахов, и 32 Семинарию) [25, с. 372]. Учтем и то, что монашествующие в основном оставались в монастырях (6 мужских) и являлись кадровым резервом кандидатов во епископы. И все же в 1974 году в центральной России архиепископ Феодосий Смоленский посвятил в священный сан 20 человек, архиеп. Иоанн Ярославский – 18, архиеп. Симон Рязанский – 8. Всего в РСФСР священниками стали 143 человека, для сравнения, в Украинской ССР священниками стали 134 человека [14, с. 32].

С 1965 г. по 1972 количество приходов в 10 областях Центральной России и Москве, в том числе и по причине нехватки кадров, сократилось на 26 единиц, в основном пострадали Рязанская (8), Ярославская (6), Калининская епархии (5) [5, с. 100–119]. На территории СССР с 1965 по 1973 гг. Церковь потеряла 401 (с 751 до 7150) действующий приход. Количество священников в 1973 г. в епархиях Центральной России составляло 847 человек и 146 диаконов (самое большое в Московской областной

епархии –188, и большее кол-во диаконов в г. Москве, меньшее священников в Калужской – 34, диаконов в Калужской и Калининской (3, 3) [27, с. 430]. И если в эти годы количество духовенства на приходах стабилизировалось, то образовательный уровень его оставлял желать лучшего, хотя тенденции к улучшению ситуации с ходом времени намечались. Образовательный уровень духовенств Смоленской епархии (высшее и среднее образование) с 1982 по 1985 гг. (при наличии деятельного архиерея архиепископа Кирилла) вырос с 35 до 58 %. Трудности возникали на пути поступления в Семинарии. Людям со светским высшим образованием путь в Семинарии был закрыт. Даже высокое покровительство митрополита Никодима, ректора Ленинградских духовных школ и председателя ОВЦС (Отдел внешних церковных сношений – прим. Д.С.) не помогло выпускнику Ленинградского юридического факультета, впоследствии протоиерею Евгению Ж., поступить в Семинарию. Рукоположить во священники его смог лишь иркутский архиепископ Вениамин (Новицкий). Откуда же было взяться хорошим священникам, когда будущих служителей алтаря просеивали сквозь мелкое сито еще до получения семинарского образования, а получивший священный сан навлекал на себя пожизненный гнев властей и попадал в разряд «неблагонадежных»? [17, с. 353] Архиереи вынуждены были рукополагать кандидатов в священники без образования. Многие храмы и малодоходные, «затухающие приходы» были закрыты из-за отсутствия священника. Когда на таком приходе умирал священник, уполномоченный, несмотря на желание и даже возможность управляющего епархией направить туда священника, отказывал тому в регистрации. В итоге храм закрывали. Вот и приходилось священноначалию закрывать глаза на образование кандидата во священство, лишь бы не закрыли приход. Об архиепископе Ярославском, впоследствии митрополите Ленинградском Никодиме (Ротове) секретарь Епархиального Управления протоиерей Павел Красноцветов вспоминал, что епископ «боролся с этим злом, старался обязательно назначить в такой осиротевший приход священника <…> выдерживал бои с уполномоченным, часто идя ему наперекор» [3, с. 70]. Однако на примере Смоленской епархии мы можем видеть, что если в 1975 г. в ней насчитывалось 38 приходов, даже в 1980 – 38, а в 1985 году уже было – 36. В 22-х из 34-районов и городов области находятся приходы Русской Православной Церкви [7, с. 3]. Костромской уполномоченный по делам РПЦ в 1959 году говорит о ситуации и о ее разрешении с учетом атеистической идеологии государства: «В течении года не снято с регистрации ни одной церкви, т.к. Епархиальное управление не допускает, чтобы та, или иная церковь долго бездействовала длительное время. С этой целью они делают перестановку священников, временно заполняют свободные места за счет заштатных священников, чтобы поддерживать активность верующих во временно бездействующих церквах. Епархией давались указания благочинным, чтобы они периодически служили в этих церквах. Сейчас, после разъяснения тов. Карповым, как надо понимать 30-й параграф Положения о Церкви, Епархия отменила свои указания» [4, с. 1]. При наличии в 1960 году 74 действующих церквей в Костромской епархии в 70-м году осталось 68 [5, с. 112–115]. Закрытые храмы подвергались варварскому разграблению, разбирались, имущество портилось и уничтожалось.

Церковная проповедь в те годы была ограничена пределами храма, редко носила самостоятельный и индивидуальный характер. В основном, пробелы систематического образования в проповеди восполнялись чтением проповедей из «Журнала Московской Патриархии», которые священник зачитывал на богослужении в воскресные дни. Однако были такие случаи, когда молитвенный проповедник, даже не сильно владея искусством проповеди, мог говорить ее так, что люди душой чувствовали истину его слов и становились верующими. Так говорил проповеди настоятель рязанского Новотемниковского храма Валентин Ялтунов [13, с. 145]. Но порой сам вид священника был наглядной проповедью. Архимандриту Павлу (Груздеву) однажды пришлось совершать крещение по просьбе человека прямо в бане [17, с. 397].

Необходимо отметить, что несмотря на всю кажущуюся прозрачность официальной бухгалтерии, которую показывали в финансовые инстанции и в отчетах уполномоченному в каждой области и в центральные инстанции, на налоги и отчисления в Фонд мира (в Рязанской епархии в 1965 году – 10% от всего дохода с 1256779 рублей 120760 рублей) [6, с. 27] и ВООПИК, в каждом приходе существовала «черная касса» – неучтенная бухгалтерия, тот доход от неучтенных треб, «левых» свечей, от продажи лампадного масла, который удавалось не показывать. Исследовавший сферу экономической деятельности Русской Православной Церкви Н. Митрохин утверждает, что наличные деньги являются основой существования теневой экономики. Митрохин пишет, что «никакой контроль не мог изменить отношений между церковным казначеем (бухгалтером – прот. Д.С.) и старостой, если назначение первого зависело от воли второго (или стоявшего за ним священника)». В качестве подтверждения своих слов он указывает на надбавку к зарплате казначея, выдаваемого старостой в «в конверте». Такие же конверты распределялись старостой и среди членов двадцатки [18, с. 147]. Поэтому понятно, кого в случае конфликта на приходе поддерживали члены двадцатки. Из этих

денег производились ремонты, к осуществлению которых привлекались (повсеместно это явление можно было наблюдать в сельских приходах – Д. С.) наемные бригады, труд которых оплачивали без оформления, либо частично оформляя определенные суммы. Из неучтенных церковных денег осуществляли доплаты духовенству, в частности, на выплату налога, персоналу и хору, носили в виде «подарков» уполномоченному и архиерею, подношения тем, кто мог выписать стройматериалы, на найм машин, и т.д.

Митрополит Волоколамский Питирим в своих воспоминаниях пишет о том, как ему удалось за почти двое суток с молчаливого согласия председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР в. А. Куроедова (1965–1984) выстроить здание Издательского отдела. Деньги опять же нашлись там, где их никто не учитывал. Спустя время, Куроедов признался митрополиту Питириму, что он в детстве прислуживал в церкви [20, с. 483–484].

В стране все было в дефиците. В церковном отношении лимиты были жесткие. Митрополит Питирим вспоминает, что при максимальном лимите для изданий Библии не более 10 000 экземпляров, по условной статистике, требовалось издавать в количестве не менее 60 миллионов экземпляров. Полуторамиллионный тираж венчиков и молитв для покойников расходился моментально, его еще допечатывали [20, с. 301]. Поэтому «Вопросы научного атеизма» стоили – 1 руб. 40 коп., Новый завет – 30 руб., «Широким фронтом» – 15 коп., по объему такой же молитвослов – 5 руб. [28, с. 58]. Церковные книги стали предметом торга, и люди были рады их приобретению.

Вместе с озвученными проблемами прихода в брежневский период, уместно будет сказать, что храмы были наполнены народом. По воспоминаниям митрополита Питирима в Хамовничском двухъярусном храме г. Москвы верующих на праздники было столько, что на второй ярус невозможно было подняться [14, с. 479]. Религиозность народа была высокой. Власть не могла уже выработать определенного решения. По идеологическим соображениям церковники – враги, их надо убирать всеми возможными способами, но ведь в то же время они приносят налоги, деньги, и верующих не становится меньше. По свидетельству заместителя председателя Совета по делам религий В. Фурова: «Отношение к духовным лицам имеет и интересное противоречие: с одной стороны их надо сокращать в силу их религиозного влияния, а с другой, верующих не уменьшается, и потребность в них растет; с одной стороны их надо компрометировать, с другой – они лояльны <…> многое знают и на многое могут повлиять» [14, с. 36].

Уровень совершаемых церковных треб и посещение церквей наглядно это показывает. В Церковь потянулась, ища смысла жизни и правды молодежь. В отчете уполномоченного Смоленской области говорится: «С появлением молодого образованного духовенства значительно активизируется жизнь в приходах и степень их влияния на население. Это является одним из факторов того, что в области еще значительней проявляется религиозность населения. Не уменьшается число посетителей в храмах на пасху, престольные праздники и воскресные дни. Идет процесс воспроизводства религии, причем в новых поколениях советских людей. Имеют место факты мировоззренческой незрелости отдельной части молодежи, проявления нездорового интереса к религиозному прошлому, неосознанного участия в церковных праздниках и обрядах. Об этом, в частности, говорит и динамика религиозной обрядности. В 1978 г. крещений было совершено 5184, а в следующем 1979 г. – 5443. Причем из них детей школьного возраста 216 и 253 соответственно, совершеннолетних 64 – 156, венчаний в 1978 г. – 3, в 1979 – 6, отпеваний 9215 и 9187 соответственно [7, с. 5–7].

Доходы приходов росли. Если официальный доход Ярославской епархии за 1970 год составили 553179, в 1972 году он составлял 617153 тыс. руб., а в 1973 году составил 63783 тыс. руб. Особенно велики доходы церквей от продажи свечей, которые в 1972 году составили 49895 руб., а в 1973 году 52059 руб., с увеличением за год на 2163 руб. За отчетный год увеличились добровольные пожертвования верующих. Если в 1972 году они составляли 3262 руб., то в 1973 году – 8525 рублей [8, с. 98, 101, 107], доход Смоленской епархии за 1978 год составил 949,5 тыс. руб., то в 1982 году он уже был 1002,1 тыс. руб. [8, с. 15].

В годы брежневского застоя в Церковь пришли пастыри, которые своей жизнью, своим примером, своей проповедью смогли сохранить, сберечь церковную общину для возрождения Церкви в начале 90-х годов. Постепенно отошли в прошлое конфликты, которые были символом эпохи атеизма. Новый приходской Устав Русской Православной Церкви, приятый на поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году, дал новую жизнь приходу, восстановив на нем каноническое церковное управление. Новым уставом, при котором священник возглавляет приходское собрание, восстановлено руководство пастыря-настоятеля на приходе. Уделом настоятеля вновь стала ответственность за церковную проповедь, религиозно-нравственное состояние и воспитание прихода. Собор восстановил каноническую структуру прихода, дав ему возможность развития как церковной общине при ясном соблюдении разделения Церкви и государства, которое всегда было закреплено в Конституции.

Список литературы

1. Ардов М., прот. Мелочи архи., прото... и просто иерейской жизни: Картинки с натуры. М. : Изд-во им.Сабашниковых, 1995 . 256 с.
2. Архимандрит Авель. Жизнь как служение Богу / сост. Кузык Б. Н. М.: ИНЭС, 2008. 561 с.
3. Архимандрит Павел (Груздев). Документы к биографии. М.: Изд-во: «Отчий дом», 2006. 732с.
4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 38. 65 л.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.р-6991. Оп.2. Д. 234. 265 л.
6. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. р-5629. Оп. 1. Д. 95. 147 л.
7. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 985. Оп. 2. Д. 76.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. р-1033. Оп. 1. Д. 35. 98 л.
9. ГАЯО. Ф. р-1033. Оп.1. Д. 40. 120 л.
10. ГАЯО. Ф. Р-1033. Оп. 1. Д. 50. 73 л.
11. ГАЯО.– Ф.1033. Оп.1. Д. 59. 48 л.
12. Зегжда С. А. Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк 1909–1989. Ярославль: Ярославская епархия, 2009. 178 с.
13. Иеромонах Иаков (Тупиков). Сестры. Очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафии подвизавшихся и почивших в селе Ялтуново Шацкого района Рязанской епархии. 5-е изд. М.: Новодевичий монастырь. 2012. 256 с.
14. Из отчета Совета по делам религий членам Центрального Комитета коммунистической партии СССР. Нью-Йорк -Монреаль, 1991. 80 с.
15. Личный архив прот. Дмитрия Сазонова. Воспоминания настоятеля Воскресенского собора г. Костромы протоиерея Александра Корягина.
16. Личный архив прот. Дмитрия Сазонова. Воспоминания протоиерея клирика Свято-Тихоновского храма г. Костромы Сергия Паршуто о его служении в Ивановской епархии с 1967–1969 годы.
17. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Издательсво «Китеж», 2013. 592 с.
18. Митрохин Н. Русская Православная Церковь современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004 648 с.
19. Отец Геннадий. Книга воспоминаний / сост. В. Ю. Малягин. М.: Храм Вознесениия Господня, 2006. 410с.
20. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. 640 с.
21. Сазонов Д.И. Брежневские гонения на Церковь. По материалам Центральной России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. №6. С. 46–50.
22. Сазонов Д.И. Закрытие церквей как фактор гонений на церковь с 1958 по 1965 гг. (по материалам Центральной России) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. №3. С. 46–49.
23. Сазонов Д.И. Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на Поместном соборе 1961 года, и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. №1. С. 69–73.
24. Сазонов Д.И. Сопротивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Центральной России) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. №4. С. 32–37.
25. Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. Свято-Троице-Сергиева лавра, 2005 635 с.
26. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом по материалам центральной России) Иваново, 2009. 403с.
27. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта. 480 с.
28. Эдельштейн Г., прот. Записки сельского священника. М.: РГГУ, 2005 369 с.

Об авторе

Сазонов Дмитрий Иванович – протоиерей, кандидат богословия, Общецерковная аспирантура св. Кирилла и Мефодия, *sazonow63@mail.ru*

УДК 94(560)

КУРДСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1908–1914 ГГ.

Тибет Абак

Накануне Первой мировой войны политическая борьба между российской и османской империей за влияние над курдскими племенами кавказского пограничного района усилилась. Оба государства добивались заручения поддержкой курдских племен для того, чтобы использовать их политический авторитет в регионе и военные способности в грядущей всеобщей войне. Особенно младотурецкая революция (1908 г.) и реформаторский и централистский путь нового османского правительства стали причиной непокорности консервативных автономно проживавших курдских племен в пределах Османской империи, и впоследствии отношения между Стамбулом и курдами обострились. В данной предвоенной конъюнктуре Российская империя воспользовалась оппозиционным климатом среди курдов и приобретала преданность видных курдских главарей и политических лидеров, которые проживали вдоль османо-иранской границы.
Ключевые слова: *курдский вопрос, российско-турецкие отношения в начале XX в., Абдуррезак Бедирхан, Кор Хусейн-паша, партия «Единение и прогресс», армянский вопрос.*

KURDISH QUESTION IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS 1908–1914

Tibet Abak

On the eve of the World War I political struggle between Russian and Ottoman empires for influence on the Kurdish tribes of Caucasian border region intensified. Both states strove to get support of considerable Kurdish tribes in order to use their political authority in the region and military skills for imminent world war. Especially Young Turk Revolution (1908) and reformist and centralist way of new Ottoman government caused to alienation of some conservative and autonomous Kurdish tribes within Ottoman state and therefore deteriorated Istanbul-Kurdish relations. In these prewar conditions, Russian empire took advantage of oppositional climate among the Kurds and acquire loyalty of prominent Kurdish chiefs and political leaders who were residing throughout the Ottoman-Iranian border.
Keywords: *Kurdish Question, Russian-Turkish relations at the beginning of the XX century, Abdurrezak Bedirhan, Kor Huseyin-pasha, the Committee of Union and Progress, Armenian Question.*

Курдская политика России в первые годы младотурецкого периода

В. А. Гордлевский, основываясь на своих наблюдениях, писал: «Курды как будто чувствовали, что решение их судьбы лежит на севере, и охотно шли на сближение (с Россией – Т. А.), враг Турции был для них другом» (12, с. 457). Эти отметки представили не только объективное свидетельство современника, но и его ожидания. Вслед за громким поражением в Порт-Артуре от Японии (1905), сосредоточив свои силы на Ближнем Востоке в поиске компенсации последних потерь (33, p. 48), Россия нуждалась в разнородных элементах, таких как курдские племена, чтобы укрепить свою политическую позицию в таком «пестром» и неупорядоченном регионе. Следовательно, заключив договор с Великобританией, разделивший иранские территории на сферы влияния, Петербург взял северные и северо-западные районы Ирана под свой протекторат, тем самым получив надлежащий плацдарм для свободного действия в зоне. В годы, предшествующие Первой мировой войне, в западном Иране, особенно в таких местах, как Урмие, Хой и Салмас, русские консульства и увеличившееся число их уполномоченных приступили к активным действиям вдоль османо-иранской границы. Их деятельность осуществлялась в коллективном порядке с другими, находившимися в османских границах, русскими консульствами согласно распоряжениям Генерального губернаторства в Тифлисе.

Для имплементации курдской политики Россия располагала достаточной академической информацией касательно курдских племен. В результате научных экспедиций и поездок, проведенных русскими востоковедами и должностными лицами в районе, и установленными ими тесными отношениями с указанным народом, Петербург стал «мировой столицей» курдоведения (34, p. 198; 14, с. 215-225). В соответствии с этим, Россия могла метко предусусмотреть дальнейшие поступки и реакцию курдских племен, а также возможные отклики в регионе на ее сближение с курдами. Особенно Штаб кавказского военного округа (ШКВО, г. Тифлис) в широком объеме владел сведениями, которые последовательно публиковались в военных журналах и сборниках с целью использования их русскими офицерами и чиновниками на службе (17).

В отношении курдского вопроса Россию тревожили два аспекта. Во-первых, значительно ухудшившиеся взаимоотношения курдов с армянами. Во-вторых, хамийдские полки, которые были учреждены непосредственно для того, чтобы противостоять русским войскам

в качестве нерегулярных вооруженных сил. Относительно последнего, в первой половине 1908 г., в ответ османским властям, был разработан совместный план российского Военного министерства и ШКВО с целью создания из курдов ополченских отрядов на кавказской границе (3, л. 27). Хотя этот проект не был доведен до конца, Петербург, в определенной степени подчиняя знатных курдских глав западных краев Ирана своему влиянию, употреблял их силы как преграду агрессивным действиям проосманских курдов, прежде всего «хамидийцев». Ведь эта часть страны часто подвергалась их нападениям, на что османские правители смотрели сквозь пальцы (6, 664:148), предполагая вовлечение данного округа в смуту, а отсюда и утрату в нем русского воздействия. Деятельность Симко, вождя племени абдеви, населявшего район Хой, являлась ярким примером реализации русского замысла, суть которого заключалась в привлечении выдающихся курдских глав на свою сторону и, с их помощью, сооружении «племенного барьера». Это было ударом, эквивалентным тому, что старалась сделать Османская империя. Исмаил-Ага Симко и его поборники стали кошмаром османских властей в младотурецком периоде, особенно в местах, расположеных вблизи границы с Ираном, точнее – в Ванской губернии. Они ограничивались не только предотвращением произвольных вторжений со стороны проосманских сил, но и активно противодействовали, изгоняя оккупантов из пределов страны, а затем и преследуя их по направлению к глубине Восточной Анатолии (23, pp. 116-117).

Симко за свои услуги в пограничной зоне был вознагражден в Тифлисе российскими региональными властями орденом Станислава, о чем свидетельствовали османские представители. Согласно их сведениям, добытым разведкой, он был принят кавказским наместником, графом И.И. Воронцовым-Дашковым, и в его честь был организован торжественный прием (7, 738:5). Османские соглядатаи также сообщили, что российская администрация в регионе снабдила Симко тысячами винтовок и, кроме того, ему были отданы селения в Хое и Салмасе (8, 2-1:36; 7, 738:5). Симко, может, и был одним из самых видных (но не исключительных) курдских лидеров, влиянием которых пользовалась Россия. Такие курдские главы, как Саит и Мир Мухи, активно действовавшие в приграничных зонах, тоже были в списке апологетов российских интересов (5, 7:2-2). Наряду с этим, нарушениям курдских главарей Ирана, Стамбул противопоставил своих курдов из хамийдских полков, раздав им новое оружие и реорганизовав их дислокацию в таком порядке, что они были перемещены ближе к иранским и кавказским границам (5, 7:2-2). Вследствие схватки между курдами, поддержавшими разные стороны, в регионе возник сплошной хаос, о чем неоднократно сообщали как русские, так и османские местные госслужащие (5, 7:2-1; 13, с. 8-9). Обе стороны обвиняли друг друга в намеренном ухудшении положения дел в данной зоне и периодически взаимно требовали прекращения агрессии и нарушения границ (9, 7-5:9; 1, лл. 27, 30). Кроме того, и Россия, и Османская империя усердно старались заручиться поддержкой курдов соперника. Так, российские власти приглашали османских курдов (например, Али Ешреф бея, главу племени зилан) переселиться на иранскую территорию, вручали ордена и обещали им военные звания (6, 662:97). Османские власти подобными обещаниями пытались получить лояльность иранских курдов с целью, чтобы в дальнейшем прибегнуть к их авторитету и боеспособности внутри региона. Стремление Стамбула в определенной степени достигло успеха. К примеру, 120 семей из иранских курдов, к концу сентября 1913 г. эмигрировали в османские территории благодаря усилиям уездного начальника Хаккяри (г. Ван), Джевдет бея. В другом случае младотурецкое правительство через посредничество своего подвластного курда в Иране, некоего Хасо, установило сношения с курдами окрестностей Котур и Само, находящихся в приграничной зоне. Османские правители гарантировали им просторные земельные участки и государственное содействие взамен принятия ими османского подданства (1, лл. 79-80).

Следует отметить, что у османских правительственных кругов имелись обширные планы: они поставили себе целью прервать преимущественное воздействие России на иранских курдов, и в случае поражения российской армии в грядущей войне, возбудив указанный народ, с их помощью всецело овладеть иранским Азербайджаном (6, 435:8). Соответственно, по заявлеиям МИД России, младотурецкое правительство поставило курдам в Иране около 2000 винтовок и боеприпасы, и продолжило вести свою агитацию в более усиленном режиме (5, 13:5). Далее русско-турецкое соперничество относительно лояльности иранских и османских курдов бурно развивалось, и даже еще больше обострилось с 1913 г., в преддверии мировой войны.

Разрыв отношений между младотурецким правительством и курдами

Младотурецкий переворот (1908 г.), в части решения курдского вопроса, представляет собой полное расхождение с политическим курсом Абдулхамида II, под правлением которого многочисленные курдские племена, записавшись в хамийдские полки, пользовались общирными полномочиями и льготами, такими как свободное ношение оружия, освобождение, в известной степени, от налогообложения, государственное покровительство. Эти племена, а самые могучие из них – хайдеранлы, милли и хасананлы (29, pp. 286-287), злоупотребив своими правомочиями, стали преобладающим военно-политическим элементом восточных губерний Османской империи. Особенно армяне региона подвергались разбоям и насилию со стороны курдских племен

хамидие, что нередко становилось повесткой дня в международном сообществе (16, с. 212-213; 30, p. 21). Помимо этого, значительное число армянских крестьянских земель и имущества были конфискованы хамийдскими племенами или их вассалами в этом мрачном периоде (30, pp. 11-12).

Ввиду повышенной агрессии, армяне, начиная с 1890-х гг., впервые принялись за организацию революционных комитетов, участники которых именовались «федаинами». Когда так называемые младотурецкие реформисты подняли флаг «либерализма» против абсоютистского режима Абдулхамида II, ключевой армянский комитет «Дашнакцутюн» был соучастником революционной борьбы вместе с ними. При свержении репрессивной монархии Султана младотурки посулили армянам «златые горы», в том числе ликвидацию хамийдских полков, наказание курдских вождей за прежние преступления, возвращение захваченных армянских земель прежним владельцам (19, с. 64). Конституция, провозглашенная в результате младотурецкого переворота 1908 г., тоже зародила надежду в армянах относительно вступления в силу надобных для них реформ. Согласно новой конституции, христиане признавались равноправными гражданами, что являлось неотъемлемой частью нового режима и его основным плодом.

В первые годы власти младотурок, или Комитета единения и прогресса (КЕП), энтузиазм народных масс оправдывался. Безотлагательно взявшись за устранение затяжных проблем в восточных провинциях, младотурки поначалу сосредоточили свои старания на искоренении беспредела, творимого курдами хамийдских полков. Для этого и был намечен план преобразования последних и установления в районе государственного надзора (15, с. 17, 19). Правительство намеревалось провести ревизию полков по такому напралению, что они подпали бы под полный контроль Стамбула. К тому же младотурки приступили к карательным экспедициям против чинивших при старом режиме беззаконие над армянами курдских племен, что порой вызывало мятежи. Среди них – восстание Ибрагима-паши (глава племени милли), которое было подавлено младотурецким правительством, приняло громогласный оборот в 1908 г. (18, с. 46-57; 28, p. 212). Далее повестка закрепления османского правления включила в себя и «земельный вопрос», обусловленный экспроприацией курдскими вождями армянских земель. Инициировавшие процесс решения данного вопроса, младотурки повсюду организовывали комиссии для возврата земельных участков прежним владельцам, при этом найдя себе уникальную опору в «Дашнакцутюне», т. е. армянах (19, с. 66; 5, 23:1). Вначале были получены плодотворные результаты в решении данного конфликта, в разных местах было осуществлено возвращение земель армянам, в соответствии с чем возросли ожидания и чаяния армян в отношении трансформации государственного устройства в более либеральную форму. Первым мотивом преследования младотурками столь реформаторского курса было их стремление к слиянию османских народов под общий знаменатель «османизма», точнее – создание из разнородных элементов империи одной целой и неделимой османской нации (33, p. 369; 27, p. 209; 32, pp. 265-279). Поэтому чрезвычайно необходимой явилась поддержка армян, проявлявших сепаратистские намерения в течение минувшего века, как это было у балканских народов. При этом младотурецкие правители, сделав «Дашнакцутюн» своим союзником, нивелировали вероятность вмешательства извне ради защиты армян, и приобрели себе сподвижников в борьбе с остатками старого режима.

Подобные нововведения Стамбула породили негодование в среде курдских племен. Преимущественно тревогой были охвачены курды, составлявшие хамийдские полки (4, л. 82) и тайком вели переговоры с целью подготовки восстания (2, л. 8).

При таком разломе в отношениях с государством, часть курдов решила искать свою участь в руках Петербурга. Хусейн-паша, вождь одного из самых больших племен – хайдеранлы, тоже был в их числе. После преследования младотурками хамийдцев, сочтя, что его жизни грозит опасность, Хусейн-паша со своими соратниками – Эмином-пашой, Тимуром-пашой и др., переселился в пограничный город Ирана – Маку (северо-западный Иран), где местные власти встретили его довольно гостеприимно (1, л. 1). Затем, соединив контакты с русскими госслужащими в крае, курдский лидер ходатайствовал о русском покровительстве с просьбой принять его со своим племенем в российское подданство. Реакция, проявленная на просьбу Хусейна-паши, отчетливо выявляет позицию России в отношении курдского вопроса. Так, русские представители данной области при осведомленности Петербурга и в полном согласии с ним, дали предварительное одобрение на поселение Хусейна-паши со своей семьей на северо-кавказских территориях. Что касается переселения его племени, то, посчитав поток такой крупной общины в пределы России как фактор опасности и нестабильности внутри страны, они отвергли эту заявку (4, лл. 30 об., 47-48). Таким же образом (хотя курдский вождь потребовал переселиться к османской границы), русские власти отнеслись к этой затее скептически, полагая, что такой шаг мог бы привлечь подозрение османских правящих кругов, давно уже возлагавших вину на Россию за подстрекательство курдов к мятежу (4, л. 30 об.).

Хусейн-паша был далеко не единственным курдским вождем, посредством которого Петербург добивался распространения своего влияния в восточных провинциях Османской империи. Русские консульские

служащие по всему региону налаживали связи со знатными курдскими главами. И даже порой поверенные этих лидеров общин самопроизвольно добирались до русских чиновников, как было в Моссульской губернии, где курдские племена талабани, даудие, зенгене и хамавенд, в числе 30 тыс. домов, через своего посланника – шейха Мухаммеда Али – изъявили готовность перейти в русское подданство (1, лл. 86-88 об.). Более того, еще и духовные властители, т.е. курдские шейхи, возмущенные сплочением младотурок и армян за благо конституции, а также репрессиями в стране против курдов, призывали русских уполномоченных оккупировать курдонаселенные провинции, при этом и обвиняя правительство за отступничество от ислама. Необходимо сказать, что в возрастании прорусских тенденций у курдов ключевую роль играло их воодушевление введением иранских курдов под русский протекторат (1907 г.). Петербург, как всегда, уклонялся от всяких обязательств и обещаний своим курдским приверженцам, так как преждевременное движение курдов могло привести регион в состояние хаоса, что, безусловно, охватило бы и русский Кавказ.

Самой затруднительной дилеммой России в отношении курдского движения являлась эскалация враждебности курдов по отношению к армянам. Между сторонниками Петербурга в курдской среде лишь Абдуррезак-бей (из рода Бедирхана) осознавал надобность сочетания курдского и армянского движений перед Стамбулом. Его усердия были однозначно направлены на крушение османского господства в восточных губерниях и, в дальнейшем, образование курдской державы. Основательно ознакомленный с политическими взглядами элиты российской империи благодаря своей службе в Петербургском посольстве в качестве турецкого дипломата, Абдуррезак-бей тесно связал свою политическую судьбу с Россией (24, p. 101). Чтобы претворить в жизнь свои планы, он переехал в Тифлис, где установил тесное сотрудничество с ШКВО (1, л. 57; 20, p. 182). Затем он совершил поездку вдоль ирано-османской границы, во время которой встречался с разными, антагонистично относившимися к Стамбулу, племенными лидерами, такими как, вышеупомянутые Симко и Хусейн-паша. Абдуррезак был нацелен на поощрение вхождения иранских и османских курдов под опеку России (1, л. 64). Для ведения агитационной деятельности он нередко пересекал границу и, преимущественно в пределах Ванской губернии, со своими соплеменниками организовывал конфиденциальные совещания (5, 24:2-1; 11, 152:78). Все деяния и переговоры курдского лидера, начиная с Тифлиса, фиксировались специально следившей за ним османской агентурой, которая регулярно извещала местные администрации о враждебных действиях Абдуррезак-бея. Руководители губерний потребовали от центра принятие эффективных мер, в том числе увеличение локальных военных сил (жандармерии) и закрепление пограничного надзора (5, 7:2-2). Между тем, османские региональные чиновники за продолжавшиеся провокации курдского лидера возлагали вину на русские власти в Персии, якобы желавшие с помощью Абдуррезака распространить сепаратистические устремления в среде курдских общин. Однако такие претензии едва ли возможно обосновать, поскольку русские представители в кавказском округе неоднократно предупреждали курдского лидера о нежелательности подобных политических затей (1, л. 27). Предусмотрительность чиновников Петурбурга заключалась в том, что возможные конфликты, порождаемые псевдоподдержкой России курдского движения, будто возглавляемого Абдуррезак-беем, могли повлечь за собой вооруженную конфронтацию двух государств, что, несомненно, принесло бы вред интересам обоих сторон на кавказской границе. Ведь такое столкновение в канун Мировой войны оказалось бы несвоевременным. Наряду с этим, России советовали не упускать из виду ту перспективу, что в назревающей и неминуемой войне содействие такого благородного апологета, как Абдуррезак-бей, принесло бы благоприятные для русских войск результаты именно на кавказском фронте, что было отмечено сотрудниками ШКВО (1, лл. 75-75 об.).

Далее Абдуррезак-бей прилагал свои усилия в таком направлении, чтобы зародить в среде курдов чувство гордости за свою национальную идентичность. Центром такой его националистической программы стал г. Хой (северо-западный Иран). Здесь под его руководством было основано общество «Гехандини» (1913 г.), главной задачей которого являлось просвещение иранских, а затем и османских, курдов и формирование у них национального самосознания (1, лл. 80-81). Курдский деятель в своей беседе с русским вице-консулом Чирковым просил предоставить покровительство обществу «Гехандини», и заодно заявил: «Окруженные турецким и персидским засилием курды не имели до сего времени возможности войти в соприкосновение с европейской цивилизацией. От персов, никогда не заботившихся о народном образовании, ждать нечего, турки же всегда старались держать наших сородичей в темноте невежества. Посему курды остались в жалком и примитивном состоянии умственного развития. Между тем, сближение этого народа с Россией уничтожает вековую преграду, отрывавшую

его от цивилизации, и дает нам возможность воспринять ее с севера» (1, 23-23 об.).

Ходатайство Абудррезака об оказании протекции было принято по инициативе Чиркова и сопровождалось реализацией значительного для того времени мероприятия – учреждения курдской школы в Хое. Воплощенный при содействии Петербурга, такой серьезный ход встревожил османских властей, которые, тщательно изучив обстоятельства в Хое, пришли к выводу, что «открытие курдской школы играет опасную роль для данного округа (восточные губернии – Т. А.)» (5, 121:5).

В разные курдские селения с начала 1912 г. были командированы религиозные вожди с предписанием о внушении курдам необходимости соединения всех мусульман, чтобы противостоять «неверным», прежде всего России. Призывы к «единению ислама» имели место также в сопредельных районах Ирана (6, 444:112). Кроме того, исламистическая пропаганда Стамбула, в частности Ванской и Битлисской губерний, приняла чрезвычайный оборот, ибо здесь Абдуррезак-бей и его бедирханская семья пользовались непререкаемым авторитетом (5, 23:14).

Крах османской внешней политики вследствие потери европейских территорий в результате Балканских войн (1912), освободительные движения разных народов (греков, армян, арабов и др.) внутри страны и их национальные притязания также послужили поводом для изменения курдской политики младотурок (21, p. 54). После коллапса идеологии османизма, младотурецкое правление сочло всех немусульман «предателями», в том числе и армян. При таком положении дел, оставив реформаторский путь и также девиз конституционного переворота 1908 г. «Свобода, равенство, правосудие!», младотурки прибегли к исламской конфессии в качестве интегрирующей силы своих подданых с государственным аппаратом. Они подменили знамя османизма на панисламизм, и таким образом возродили абдулхамидскую форму правления. Это и сказалось на выступлении и речи властей. Например, министр внутренних дел и один из столпов младотурок, Талат-бей, на секретном конгрессе КЕП в 1910 г. заявил, что хотя мусульмане и немусульмане перед конституцией признаются равными гражданами, «шариат» и «сентиментальность» мусульманкого населения не позволят добиться истинного равенства между ними, и до «османизации» всех народов империи невозможно говорить о таком равенстве (25, p. 180).

Изменение центральной политики проявлялось на востоке империи в том порядке, что армяне вторично стали подвергаться агрессии со стороны курдов (4, л. 268). Стамбул ради приобретения курдской преданности, чтобы не допустить разделение восточных регионов ввиду, казалось бы, грозящего курдского восстания, взялся сотрудничать с племенными вождями, шейхами и, важнее всего, снова стал оказывать материальную и политическую поддержку хамийдским полкам; вместо того, чтобы искоренить, он их укоренил. В таком повороте политического курса оказался весьма важным российский фактор, т. е. появление прорусской ориентации среди курдов. О попытках младотурок привлечь племена на свою сторону, а отсюда и ухудшение их отношений с армянами, свидетельствовали госслужащие ШКВО в раппорте от 13 августа 1911 г: «Конечно, привлечь на свою сторону курдов младотурки могут лишь одним путем – опираясь на ислам как на общую религию, наряду с предоставлением курдам необходимой свободы действий в отношении армян. Последние прекрасно понимали, что соглашение млодотурок с курдами и назревающая дружба между ними грозят им новыми бедами, и это, конечно, не может не тревожить их» (4, л. 268). Тем не менее, с точки зрения курдского вопроса панисламизм и одобрение хамидийцев принесли свои плоды, так как некоторые оппоненты Стамбула (например, вышеуказанный Хусейн-паша), отказвшись от противоборства, примкнули к младотуркам (4, л. 266). Русско-турецкий конфликт вокруг курдов еще более усугубился к Первой мировой войне.

В итоге можно обобщить, что главная цель Петербурга в «курдских делах» включала в себя: во-первых, установление порядка в приграничном поясе, потому и избежание горячих конфликтов с османскими властями вокруг курдских оппонентов Стамбула; во-вторых, принимая во внимание антиармянскую деятельность хамийдских полков, изыскивавших путь сближения с русским государством, усмирение курдско-армянского столкновения; а в-третих, сохранение симпатий курдских племен, учитывая, что война с Османской империей почти, если не окончательно, непредотвратима. Стамбул же следовал переменчивой политике в отношении курдов. В первые годы власти младотурок он приступил к коренным реформам, для проведения которых сплотился с армянским «Дашнакцутюном», что сильно беспокоило и отталкивало курдов. Однако, в силу изменений в общей конъюнктуре и русского сбилижения с оппозиционно настроенными племенами, Османская империя вновь стала искать пути к слиянию с курдами. Для достижения цели она и в своих территориях, и в приграничных районах Ирана, вела антирусскую пропаганду посредством панисламизма.

Список литературы

Архивные материалы

АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи):

1. Ф. Посольство в Константинополе, 1907–1913. – Опись № 517/2, Д. 3572.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив):

2. Ф. 2000. – Опись 1, Д. 3824.
3. Ф. 2000. – Опись 1, Д. 7693.
4. Ф. 2000. – Опись 1, Д. 7716.

BOA (Османский архив при Премьер-Министерстве):

5. DH.SYS (Политический отдел при МВД).
6. DH.SFR (Отделение шифра при МВД).
7. A.MKT.MHM (Подразделение важных писем при Великом визире).
8. DH.KMS (Дирекция личного секретариата при МВД).
9. DH.MUİ (Администрация генеральной переписки при МВД).
10. Y.PRK-ASK (Различные военные документы при дворце Йылдыз).
11. MV (Протоколы Совета министров).

Литература

12. Гордлевский В.А. Из жизни курдов // ИКОРГО. Том XXII, вып. 4. – Тифлис, 1913–1914.
13. Деятельность турок в Курдистане // Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 15 мая по 1 июня 1913 г., № 47. – Тифлис, 1913. – С. 7-9.
14. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / Отв. ред. А. А. Висагин, А. Н. Хохлов, П. М. Шаститко. – М., 1997.
15. Курдская конница // Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 15 июня по 1 июля 1911 г., № 2. – Тифлис, 1911.
16. Маевский В. Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилаетов. – Тифлис, 1904.
17. Некоторые из влиятельных курдских главарей с их краткой характеристикой по сведениям за 1910–1911 годы // Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 1 сентября по 1 октября 1911 г., № 7-8. – Тифлис, 1912. – С. 1-15.
18. Счастье и смерть Ибрагима-паши // ИШКВО, № 26. – Тифлис, 1908. – С. 46-57.
19. Тыркова Ариадна. Старая Турция и Младотурки. – Петроград, 1916.
20. Aydoğan Erdal. İttihat ve Terakki'nin Doğu Politikası. – İstanbul: Ötüken, 2005.
21. Berkes Niyazi. Türkiye'de Çağdaşlaşma. – İstanbul: YKY, 2003.
22. Bruinessen Martin van. Ağa Şeyh Devlet / Çeviren: Banu Yalkut. – Istanbul: İletişim Yayınlar, 2003.
23. Celil Celile. Kürt Aydınlanması. – Istanbul: Avesta, 2001.
24. Celil Celile. Kürt Halk Tarihinden 13 İlginç Yaprak / Çeviren: Hasan Kaya. – Istanbul: Evrensel BasımYayın, 2007.
25. Dadrian Vahakn N. The History of the Armenian Genocide. – Oxford: Berghahn Books, 1995.
26. Georgeon François. Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri / Çeviren: Alev Er. – Ankara: Yurt Yayınları, 1986.
27. Hanioğlu Şükrü. Doktor Abdullah Cevdet ve Dönemi. – İstanbul: Üçdal Neşriyat, 1981.
28. Klein Janet. Power in the Periphery: The Hamidia Light Cavalary and Struggle over Ottoman Kurdistan 1890–1914 / Ph.d Dissertation. – Princeton University, November 2002.
29. Kodaman Bayram. Osmanlı Devrinde Doğu Anadolu'nun İdari Durumu. – Ankara: Anadolu Basın Birliği, 1986.
30. Lewy Guenter. The Armenian Massacres in Ottoman Turkey. – Salt Lake City: Utah University Press, 2005.
32. Mardin Şerif. Jön Türklerin Siyasi Fikirleri. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2008.
33. Somakian Manoug Joseph. Empires in Conflict: Armenia and the Great Powers 1895–1920. – London: I.B. Tauris, 1995.
33. Tunaya Tarık Zafer. Türkiye'de Siyasal Partiler. – Cilt 1. – İstanbul: Hürriyet Vakfı Yayınları, 1984.
34. Vanlı İsmet Serif. The Kurds in the Soviet Union // The Kurds: A Contemporary Overview. Ed. Philip G. Kreyenbroek and Stefan Sperl. – London: Routledge, 1992. – Pp. 193-218.

Об авторе

Тибет Абак – аспирант Института Востоковедения РАН (Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока, сектор курдоведения и региональных проблем), *tibet.abak@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

КОНЦЕПЦИЯ "СЛАВЯНСКОГО" И "РУССКОГО" В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. К. ТОЛСТОГО[1]

Антюхов А.В., Шаравин А.В.

В статье рассматривается становление и развитие концепции «славянского» и «русского» в эпистолярном наследии А.К. Толстого. Выделяются два этапа в истории русского народа: норманский и московский. Для А.К. Толстого именно первый период – это поворот к Европе, с XIII века для писателя происходит «отатаривание» Руси. В эпистолярном наследии Алексея Константиновича формируется представление о «славянстве как западном элементе», свидетельствующем об общности России и Европы.

***Ключевые слова**: концепция «славянского» и «русского», «норманский этап русской истории», «московский этап русской истории», западное, Европа/Россия, конституэнт*

THE CONCEPT "SLAVIC" AND "RUSSIAN" IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF A.K. TOLSTOY

Antyukhov A.V., Sharavin A.V.

The article deals with the formation and development of the concept of "Slavic" and "Russian" in the epistolary heritage of A.K. Tolstoy. There are two stages in the history of the Russian people: Norman and Moscow. For A.K. Tolstoy was the first time - it is the turn to Europe, with the thirteenth-century writer is "otatarivanie" Russia. The epistolary heritage of Aleksey Konstantinovich formed idea of the "Western Slavs like element," testifies to the generality of Russia and Europe.

***Keywords:** the concept of "Slavic" and "Russian", "Norman stage of Russian history", "the Moscow stage of Russian history", Western, Europe / Russia, the constituents*

На формирование личности и творческой индивидуальности А.К. Толстого огромное воздействие оказала атмосфера русско-украинского культурного пограничья. Как отмечают исследователи, детство Алексея Константиновича проходило не только в Петербурге, но и в имениях матери и дяди (селение Погорельцы, в настоящее время Украина, Черниговская область). Именно отсюда интерес к культуре Малороссии, обозначившийся у писателя в начале 50-х годов XIX века. "В этом плане особый интерес представляет именно XIX век - время расцвета русской культуры, ознаменованное ростом национального самосознания, осмыслением роли и места России в цивилизационном процессе", - отмечает С.С. Жданов [1, с.3]. Обращение А.К. Толстого к проблеме русской ментальности накладывается на напряженные искания столетия, осознающие значение России для Востока и Запада. Так в письме 1853 года к С.А. Миллер А.К. Толстой пишет о характере народностей "великоросской" и "малороссийской". Для великого русского поэта и драматурга специфика этноса раскрывается прежде всего в музыке и через музыку. Именно национальные "малороссийские" аккорды открыли для А.К. Толстого величие истории и искусства братского славянского народа: "...Никакая национальная музыка не выразила свою народность с таким величием и силой, как малороссийская музыка, даже лучше великороссийской, которая так выразительна. Слушая ее, ты бы постепенно видела открывающуюся перед тобой всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер народностей, чем читая Гоголя или Конисского. Это резкие и неожиданные ощущения, которые иногда испытываешь и которые открывают перед нами горизонт, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли"[2, т.4, с.306]. Очевидно, музыкальность "малороссийских" песен во многом и предопределила зарождение романтического мироощущения, отразившегося впоследствии в эстетизации истории Киевской Руси. Однако следует отметить, что А.К. Толстой в 1853 году не обозначает оппозицию великороссийского - малороссийского, но идентифицирует их в рамках государственной системы Российской империи. В письме к М.М. Стасюлевичу от 7 января 1868 года поэт, рассуждая о своей "былине" (в его

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта №16-14-32001

терминологии баллада "Змей Тугарин"), еще раз употребит подобное обозначение: " Где говорится и о кнуте, и о батогах, и о татарах и где вообще весь язык великорусский, а не южнорусский" [2, т.4, с. 403]. Необходимо подчеркнуть, что для А.К. Толстого возникновение слов батоги, кнут, татары в великорусском языке не случайно: поэт сознательно выстраивает подобный ассоциативный ряд. Писатель считает, что семантика "несвободы" появляется в родном языке вследствие монгольского периода правлению Русью. Таким образом, писатель не считает нужным писать балладу "Змей Тугарин" малороссийским языком (следует отметить, что слово украинец лишь один раз употребляется писателем, в основном он использует выражения "малороссы" и Малороссия). Очевидно, украинское не осознается А.К. Толстым как чужое, неродное, скорее для него это составляющая, связанная с русской ментальностью. Алексей Константинович не пошел по пути презентации малороссийского как конституэнта, формирующего "украинский мир", представляющий оппозицию миру русскому. Писатель подмечает только отдельные черты малороссийской ментальности, фиксируя ее самобытность и уникальность. Для него несомненно переплетение, пересечение "великороссийского" и "малороссийского", обусловленное историко-культурными , социальными связями, географическим положением. Так в письме С.А. Миллер от 23 мая 1855 года, характеризуя офицеров "Стрелкового полка императорской фамилии" (А.К. Толстой был зачислен туда в конце марта 1855 года), он отмечает "перемешанность" русского и малороссийского: " Есть офицер из армии, Дубский, лицо которого тебе очень понравится, добрый малый, очень скромный, очень изящный и русский по наружности, впрочем, более малоросс, чем русский..." [2, т.4, с.313].

В письмах после 1855 года великий русский поэт и драматург пишет Александру II об уничтожении древнейших в России церквей, разрушении памятников старины, в посланиях С.А. Толстой о красоте русского языка (" Насколько русский язык красивее немецкого" [2, т.4, с.399]), К.К. Павловой о герое своей пьесы "Царь Борис", "поднявшем Россию на такую высоту («я и сам не знал, какая это была высота, пока не занялся исследованиями, необходимыми для моей драмы» [2, т.4, с.416-417]).

Однако, безусловно, путешествие по Италии, знакомство с ее культурой, поездки в Германию, в которой Алексей Константинович погружается в сохранившуюся средневековую атмосферу, оказали на него неизгладимое впечатление. Посещение замка в Вартдберге позволяет А.К. Толстому сформулировать привлекательность Германии: " Но все дышит здесь рыцарством и Западом, и мне, право, свободнее дышится, и я с завистью смотрю на все эти фамильные портреты и фамильную посуду начиная с XI столетия"[2, т.4, с.402]. В эпистолярном наследии А.К. Толстого к середине 60-х годов XIX века начинает формироваться представление о противоречивости, противопоставленности русского и западного начал. При этом для писателя прошлое и настоящее России не всегда соответствовали идеальному миропорядку, впрочем, как европейское устройство также не ассоциировалось со справедливостью ("А если Европа дает погибать кандиотам, Европа изменяет своей роли и действует на татарский лад. Я от нее отрекаюсь и призываю к негодованию всех тех, кто мыслит по-европейски" [2, т.4, с.427]). Постепенно А.К. Толстой начинает к концу 60-х годов рассматривать проблему русского и западного как проблему взаимодействия-соотнесения этносов и культур. Во многом осмысление великого русского прозаика и драматурга было стимулировано полемикой, возникшей в связи с публикацией работы В.В. Стасова "Происхождение русских былин" в "Вестнике Европы" в 1868 году. Так, рассуждая о статье О. Миллера, направленной против вышеупомянутого труда В. Стасова, А.К. Толстой 13 января 1869 года пишет: " Миллер атаковал его вовсе не с той стороны, с которой следовало, и я удивился, что не нашлось никого, чтобы вывести на чистую воду "ложную ученость" Стасова" [2, т.4, с.425]

С какой стороны должна быть раскритикована работа Стасова, становится понятно из письма Б.М. Маркевичу от 7 февраля 1869 года. А.К. Толстой выступает против идей польского историка и публициста Ф. Духинского (1816 - 1898), утверждавшего принадлежность русских к " туранскому племени" (в подобном ключе написана и статья В. Стасова, в которой проводится теория о восточном, туранском происхождении русских былин). Писатель сразу определяет свою позицию категорично и бескомпромиссно:" Мне кажется, я больше русский, чем всевозможные Аксаковы и Гильфердинги, когда прихожу к выводу, что русские - европейцы, а не монголы. Г-н Дмуханский, или Дмухановский, или как бы там его ни звали- просто плут, когда стремится доказать, что мы туранцы - на том основании, что у нас нет на груди волос. Все его аргументы свидетельствуют только об одном, что грудь у него волосатая, чем он, видимо, и гордится. Тем для него лучше, но у Наполеона, который не был туранцем, грудь была голая..." [2, т.4, с.428]. В этом письме впервые А.К. Толстой делит русскую историю

на два периода (такая периодизация станет для него в дальнейшем доминирующей и определяющей): "европейский период" русской истории (в этом же письме он дает ему и другое название - "норманский период нашей истории") и "московский, монгольский " период («Ненависть моя к московскому периоду - некая идиосинкразия..».[2, т.4, с.428], " ...сочувствуя всем сердцем нашему европейскому, норманскому периоду и ненавидя всем сердцем наш монгольский, московский период" [2, т.4, с.433]). Писатель делает вывод: " И откуда это взяли, что мы антиподы Европы? Над нами пробежало облако, облако монгольское, но было это всего лишь облако, и пусть черт его умчит как можно скорее" [2, т.4, с.428].

А.К. Толстой тщательно изучает древнерусские связи с Европой, художественно воплощая найденные материалы в цикле "норманских" баллад, а толчок к этому, как отмечал сам писатель, был задан образом датского принца в пьесе "Царь Борис". В письме к М.М. Стасюлевичу автор драматической трилогии подробно перечисляет выявленные им "контакты" Руси и Европы, подчеркивая, что они набрасывают на этот период "заманчивый" западный колорит: "Гаральд норвежский был женат на Эльсе, дочери Ярослава. Сын же Ярослава, Изяслав, был женат на дочери Болеслава польского, а брат его, Владимир, на Гиде, дочери Гаральда английского. Сам Ярослав - на Ингигерде, дочери Олафа шведского. Анна, дочь Ярослава, была за Генриком I французским, а другая дочь, Агмунда, за Андреем, королем венгерским. Я напоминаю Вам об этих родствах, чтобы объяснить весь норманский тон моей баллады. Если принять в соображение посольство Генриха IX, императора германского, к Изяславу и сношения сего последнего с папой Григорием VII, то на тогдашний период набрасывается еще вовсе не тронутый свет, чрезвычайно заманчивый и не имеющий ничего общего с подлым московским колоритом" [2, т.4, с. 432]. Таким образом, определяя норманский период как расцвет, и, наоборот, называя московский «подлым», А.К. Толстой отмечает в каждом историческом отрезке нравственное, этическое наполнение.

В письме Б.М. Маркевичу 26 марта 1869 года писатель констатирует, что после чтения книги "История Дании" Дальмана: "...он нашел подтверждение некоторым деталям, написанным по интуиции. Оказывается, что они исторически оправданы". Далее в письме А.К. Толстой выделяет главное, на его взгляд, значение варягов для Руси, цитируя "одно место из Дальмана": "В России сперва называли варягами тех скандинавов, которые в 9 веке устремились в эту страну и бросили в ее почву благородное зерно германской государственности, к сожалению, уничтоженное впоследствии яркостью монголов, обрушившихся на Россию, как стая саранчи" [2, т.4, с.437]. Далее Алексей Константинович дает свое видение проблемы: "Да, это так, хотя Дальман и ошибается, приписывая скандинавам установление у нас свободы. Скандинавы не устанавливали, а нашли уже вполне установившееся вече. Заслуга их в том, что они его сохранили, в то время как гнусная Москва его уничтожила - вечный позор Москве! Не было нужды уничтожать деспотизм меньший, чтобы заменить его большим" [2, т.4, с.437]. "Свобода" и "меньший деспотизм", красота, гармония, песенность - эти категории писатель считал важнейшими для норманского периода русской истории, что и привело его к романтической идеализации жизни древних славян. Для А.К. Толстого в русском богатырстве отразилось западное рыцарство с его культом славы и Прекрасной дамы. В норманских балладах и драматической трилогии писателя А.К. Толстого любовь невозможна без воинской славы (так, в "Песне о Гарольде и Ярославне" варяг Гарольд надеется на любовь только, когда он "вернулся... в славе победной" [2, т.1, с.165], в трагедии "Царь Борис" Христианин, герцог датский, чтобы завоевать любовь русской царевны Ксении также совершает воинские подвиги, кроме того он вспоминает и историю отношений норвежского Гарольда и Ярославны, которая полюбила варяга за победы и "несказанною славу" [2, т.3, с.324-326]). Для А.К. Толстого существуют лишь два хронотопа в Древней Руси, которые он идеализировал: древние Киев и Новгород: "Мною овладевает злость и ярость, когда я сравниваю городскую и княжескую Россию с московской, новгородские и киевские нравы с московскими; и я не понимаю, как может Аксаков смотреть на испорченную, отатарившуюся Москву как на представителя Древней Руси? Не в Москве надо искать Россию, а в Новгороде и в Киеве" [2, т.4, с.491].

В "московский период" для Алексея Константиновича, несмотря на отдельные проявления и высоты духа, и богатырства, и бескорыстное служение Руси, и "религию честного слова", все-таки превалирует "татарщина", выразившаяся в господстве деспотизма, неволе, утрате человеческого достоинства, чести, неограниченной царской власти, излишней кровавости и жестокости государства, греховности правящих, рабского терпения и самоуничижения русского народа. По мнению писателя, эти характеристики послетатарской эпохи сохранились и в обществе, и в государственности современной ему Руси.

По убеждению А.К. Толстого, "позорный" московский период продолжился и в XVIII, и в XIX веках. Именно поэтому писатель пессимистически оценивает и правительства ("я не касаюсь власти верховной"), и дворянство, чиновничество: "Я пришел к убеждению, что мы не заслуживаем конституции. Каким бы варварским ни был наш образ правления, правительство лучше, чем управляемые. Русская нация сейчас немногого стоит, русское дворянство - полное ничто, русское духовенство - канальи, меньшая братия - канальи, чиновники - канальи... в литературе за исключением меня канальи такие, что дальше некуда" [2, т.4, с.445]. Известное высказывание писателя подкрепляет резко отрицательное восприятие современной ему жизни: "Если бы перед моим рождением господь бог сказал мне: "Граф! выбирайте народ, среди которого вы хотите родиться!" - я бы ответил ему:" Ваше величество, везде, где вам будет угодно, но только не в России!" У меня хватает смелости признаться в этом. Я не горжусь, что я русский, я покоряюсь этому положению. И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов и до проклятой Москвы, еще более позорной, чем самые монголы, мне хочется броситься на землю и кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам богом!" [2, т.4, с.445].

Однако заключительные строки высказывания "о красоте нашей истории", "красоте нашего языка" позволяют трактовать взгляды писателя не как стыд за русскую нацию, а как глубокое отчаяние от утраченного идеала и великих завоеваний предков, которые позволили бы России в XIX веке быть первой среди равных европейских государств. А.К. Толстой убежден, что только возвращение России в европейское русло позволит ей снова обрести благоденствие и осуществить божественный замысел в отношении русской жизни: "...не можем лучше содействовать начатому нашим государем преобразованию, как стараясь, каждый по мере сил, искоренять остатки поразившего нас некогда монгольского духа, под какою бы личиною они у нас еще не скрывались.

На всех нас лежит обязанность по мере сил изглаживать следы этого чуждого элемента, привитого нам насильственно, и способствовать нашей родине вернуться в ее первобытное, европейское русло, в русло права и законности, из которого несчастные исторические события вытеснили ее на время" [2, т.4, с.438].

Необходимо отметить, что Алексей Константинович не ограничивается в эпистолярном наследии обозначением "русские", в его письмах, начиная с 1869 года, все чаще начинает встречаться и наименование "славянское". Интересно отметить, что в лирическом стихотворении "Колокольчики мои..." (1840, опубликовано в 1854) в первоначальной редакции упоминаются "русские люди", "русские орлы", а вот уже в окончательной редакции слово "русский" не встречается, оно заменяется словом "славянский" ("славянский конь", "ковшей славянских звук"). В балладе "Змей Тугарин" (1868) два этих наименования - "русский" и "славянский" - употребляются в одном контексте ("русский народ", "русская Русь", "русский обычай", "древнее русское вече," русская сила", "правит по-русски он русский народ", "вольный... честный славянский народ!").

Возникает вопрос: почему в письмах А.К. Толстого обозначение "славянское" начинает употребляться лишь с 1869 года? На наш взгляд, это связано со сложившейся у писателя к концу 60-х годов концепцией двух этапов истории: "норманского" (европейского) и "московского" (монгольского).

Одно из первых употреблений слово "славянский" в эпистолярном наследии выявлено нами в письме Б.М. Маркевичу 1869 года: " Мы подписаны на " Revue des cours litteraires et scientifigues" и получили комплект первых за 1868 год. Там имеется краткий обзор курса Ходзко, профессора славянских языков в Коллеж де Франс, посвятившего, как сказано в заметке, замечательную часть времени критическому рассмотрению "Смерти Иоанна". [2, т.4, с.423]. Обращает внимание европейский ракурс употребления: именно так именуется должность преподавателя Коллеж де Франс Ходзко - профессор славянских языков, т.е. слово "славянский" приобретает " западный" статус обозначения русской ментальности. В письме Б.М. Маркевичу 7 февраля 1869 года А.К. Толстой критикует теорию польского историка и публициста Ф. Духинского (1816-1843), доказывающего, что русские не принадлежат к славянам-европейцам, а относятся к азиатскому " туранскому племени" [2, т.4, с.428]. Так или иначе два приведенных послания Б.М. Маркевичу придавали использованию слова "славянский" ярко выраженный европейский контекст. Именно западный колорит и услышал А.К. Толстой в существительном "славяне", об этом свидетельствует его письмо М.М. Стасюлевичу от 10 февраля 1869 года. Алексей Константинович цитирует строки из стихотворения В.А. Жуковского "Певец в Кремле": " Когда сживешься с дотатарской нашей Русью, тогда кажутся очень странными стихи Жуковского, начинающиеся: "Да помнит славянин, Что он наперсник славы" - и кончающиеся:

На тех же мы цветем полях,
Под теми ж небесами.
Где наши предки расцвели,

Пред нами та ж дорога,
По коей деды протекли
За Русь, царя и бога!

Это уж вовсе не в норманском тоне, а скорее, в аракчеевском" (2, т.4,с.432).

В лирическом произведении поэта-романтика подчеркивается неизменность и Руси, и образа славянина. Однако А.К. Толстой явно отрицает такое понимание славянства, для него оно существует (в связи с концепцией двух периодов в истории Руси) лишь в норманском, европейском контексте. Весьма показательно в этом плане письмо Алексея Константиновича княгине К. Сайн-Витгенштейн, в котором писатель демонстративно пять раз именует себя славянином. Такое подчеркнутое обозначение не было случайным. Княгиня Каролина Сайн-Витгенштейн - польская аристократка (урожденная Ивановская), родившаяся в Украине (отец - Петр Ивановский, богатый польский землевладелец). В 1836 году Каролина была отдана замуж за Николая Витгенштейна, младшего сына героя войны 1812 года. Однако встреча с композитором Ф. Листом полностью изменила жизнь княгини: она уезжает в Европу за своим любимым, больше в Россию она не вернулась. Письмо А.К. Толстого 9 мая 1869 года к К. Сайн-Витгенштейн начинается со слов: "Милая, дражайшая княгиня, Вы имеете полное право считать меня невежей или хуже этого, - неблагодарным: я теперь лишь отвечаю на Ваше доброе декабрьское письмо, - а в сущности, я только славянин. Вы составляете исключение в этом племени, но Вы его понимаете, так же, как и все остальное. Я не извиняюсь, мне было бы это невозможно, я констатирую факт: я - славянин, и вот как я оказался им по отношению к Вам: Ваше письмо дошло до меня в ту минуту, когда я садился в карету с женой, чтобы ехать в Одессу. Хорошо, сказал я себе, из Одессы напишу княгине! Когда я приехал туда на короткое время, тысячи дел захватили меня, и я сказал себе: напишу, вернувшись. Между тем наше пребывание в Одессе затянулось, а по приезде сюда тысячи других дел стали меня дергать во все стороны, так что вот я и оказался почти что грубым по отношению к той, к которой я чувствую столько же благодарности, сколько уважения и преклонения" [2, т.4, с.449-450].

В приведенном отрывке обращает на себя внимание иносказательность извинения А.К. Толстого перед княгиней, выразившаяся в трактовке Алексеем Константиновичем такой славянской черты, как необязательность, откладывание важных дел на потом. Однако настойчивое повторение ("я - славянин") нужно писателю с другой целью: он ненавязчиво напоминает К. Сайн-Витгенштейн, что она тоже славянка ("...я только славянин, Вы составляете исключение в этом племени, но Вы его понимаете, так же как и все остальное"). Создается ощущение, что весь пассаж написан А.К. Толстым исключительно с целью обозначить славянство княгини, польской аристократки по происхождению, к тому времени безвыездно жившей в Европе. Далеко идущая цель Алексея Константиновича понятна: К. Сайн-Витгенштейн - живое свидетельство европейской ментальности славян. В этом же письме А.К. Толстой обозначит еще две черты нашей нации: во-первых, " писать запоем", когда придет желание, но искренне, во-вторых, болтливость ("К несчастью, я славянин и пишу, как пьяницы пьют запоем, - может быть, Вы знаете, что это значит. Я хочу сказать, я пишу, только тогда придет охота, но уже тогда вкладываю всю свою душу"; "Милая княгиня, я замечаю, что я очень болтлив! Это тоже признак славянства" [2, т.4, с.451; 453].

Однако главная цель писателя - найти хотя бы и косвенные доказательства того, что славянство принадлежит европейской ментальности, поэтому Алексей Константинович выбирает формулировку, в которой объединяет русское, славянское и всечеловеческое: "Моя плоть - русская, славянская, но душа моя - только всечеловеческая" [2, т.4, с.452].

Однако для А.К. Толстого оказалось очень важным и определиться с тем, что он не может принять в русско-славянском менталитете:"...я не презираю славян, я, к несчастью, не имею на то права, но считаю, что им подобало бы побольше смирения, только не того смирения, примеры которого мы явили в преизбытке и которое состоит в том, чтобы сложить все десять пальцев на животе и вздыхать, возводя глаза к небу: "Божья воля! Поделом нам, г...ам, за грехи наши! Несть батогов аще не от бога!" и т.д., а иного смирения, полезного, которое заключается в признании своего несовершенства, дабы покончить с ним. Это - противоположность тому самоуспокоению, которое говорит: "Я горжусь простором русской земли и широтой русской натуры, которая не может и не хочет ничем стесняться! Всякое ограничение противно русской природе (ограниченье противно!), нам не нужно ни заборов, ни классов! Гуляй, душа! Раззудись, плечо! Не хочешь ли этого?" От славянства Хомякова меня мутит, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего православия" [2, т.4, с.478]. Во многом отмеченными отрицательными чертами русской натуры и обусловлены горькие слова А.К. Толстого о России. Однако следует отметить определенную памфлетность и публицистичность высказывания писателя. В приведенном отрывке из письма А.К. Толстого нет желчи и

злобы на русское и Россию, в нем больше тоски и сожаления о том, что славяне не смогли достичь того могущества и совершенства, которые были изначально заложены в нашей нации Всевышним. Алексей Константинович всегда помнил о своем славянском происхождении, осознавая и слабость, и силу русского менталитета. Эти взгляды иллюстрирует и известное высказывание писателя: " Рим - роковое место; я бы желал умереть в Риме, не переставая считать себя русским" [2, т.4, с.452]. Алексей Константинович делает афористичный вывод о западничестве русского славянства, тем самым окончательно решая для себя вопрос о России как неотъемлемой части европейского мира: " Не с этой стороны следует подходить к славянству. Оно элемент чисто западный, а не восточный, не азиатский" [2, т.4, с.476]; "Славянское племя принадлежит к семье индо-европейской" [2, т.3, с.495]. Стремление осознать свою нацию через общность с Европой, при признании самобытности и неординарности исторического пути, который должен был пройти русский народ, а также трагическое искажение славянского менталитета татарским нашествием - вот основные положения историософской теории А.К. Толстого, определившие мировоззрение писателя и законы создания его художественного мира.

Список литературы

1. Жданов С. С. Национальность героя как элемент художественной системы: Диссертация канд. филол. наук, Новосибирск, 2005.
2. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Правда, 1980

Об авторах

Антюхов Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

УДК 821.161.1Р

МОТИВ КРОВИ В ПОВЕСТИ А.К. ТОЛСТОГО «УПЫРЬ»[1]

Волга А.Н.

Предметом данной статьи является рассмотрение мотива крови в повести А.К. Толстого «Упырь» в двух ипостасях: проклятие кровного рода и пролитие крови – эпизод дуэли и самоубийства. В русской литературе этот мотив имеет глубокую традицию. В статье предпринимается попытка выявить особое художественное воплощение мотива крови у А.К. Толстого.
Ключевые слова: *русская литература, проза, повесть, А.К. Толстой, мотив крови, художественное воплощение.*

MOTIF OF BLOOD IN THE STORY OF A. K. TOLSTOY's «VAMPIRE»

Volga A.N.

The subject of this article is the consideration of the motif of blood in the story of A. K. Tolstoy's "Vampire" in two ways: the curse of the blood kind and the shedding of blood – episode duel and suicide. In Russian literature this motif has a deep tradition. The article attempts to identify special artistic expression of the motif of blood A. K. Tolstoy.
Keywords: *Russian literature, prose, story, A. K. Tolstoy, the motif of blood, artistic expression.*

История русской фантастической литературы берёт своё начало с середины 20-х годов XIX века. Данный жанр появился в русской литературе благодаря влиянию иноземных литературных традиций, широко распространенных в английской готической прозе, прозе гейдельбергского романтизма и произведениях Э. Гофмана. [3]

В.Э. Вацуро отмечает «…самый сильный импульс к зарождению в России «готической волны» дал Н.М. Карамзин в произведении «Остров Борнгольм», написанном в 1793 году.[2] Позднее черты готического романа стали проявляться в произведениях других русских писателей.

Васильев С.Ф. в своей работе «Практически единственная работа подобного рода - проза А.К. Толстого» говорит о том, что ранняя проза А.К. Толстого, написанная под сильным влиянием романтической фантастики, содержит вместе с тем и многочисленные отсылки к готической литературной традиции.[1]

В данной работе мы рассмотрим мотив крови в повести А.К. Толстого «Упырь» в двух ипостасях: проклятие *кровного* рода и пролитие *крови* – эпизод дуэли и самоубийства. Этот мотив имеет глубокую традицию в русской литературе, однако у Толстого он получает особое художественное воплощение.

Мотив крови играет во всей повести важную роль. Прежде всего, он связан с мотивом вампиризма, занимающим значительное место в повести и обуславливающим её название.[4] А.К. Толстой начинает своё произведение с разговора об упырях «Бал был многолюден. …- Нет, я никого не ищу; мне только странно, что на сегодняшнем бале я вижу *упырей.»* [6] Автор отмечает, и это важно, что речь идёт не о западно - европейских вампирах, а именно о славянской нечистой силе «-Упырей,- отвечал хладнокровно незнакомец. – Вы их, Бог знает почему, называете вампирами, но я могу вас уверить, что им настоящее русское название: упырь; а так как они происхождения чисто славянского, хотя встречаются во всей Европе и даже в Азии»[6]

Толстой подчёркивает, что упырями – вампирами в повести является бригадирша Суброгина «…гнусный упырь, который только ждёт случая, чтобы насытится человеческой кровью», «…Суброгина упырь, ибо я был на её похоронах…». «- И это упырь?- спросил Руневский. – Без сомнения, - отвечал незнакомец.- Это статский советник Теляев; он большой приятель Сугробиной и умер двумя неделями прежде её». [6] Отличие упырей от людей в том, что при встречи друг с другом они щелкают языком. Можно предположить, что «упыри» посланы на землю (в Россию) за человеческие грехи. Следовательно, в художественном пространстве упыри приравнены у А.К. Толстого к злу, а их уничтожение – очищение России от темной силы.

Также автор отмечает, что, путешествуя по Италии и находясь на вилле д'Урджина, Рыбаренко и два его спутника Антонио и Владимир подвергаются нападению вампиров, однако последствия встречи различны для каждого из них. Антонио теряет много крови и заболевает. Рыбаренко видит рану у себя на шее, но чувствует легкую слабость. Владимир не укушен вовсе.

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках гранта №16-14-32001

Обращаясь к повести, Владимир Соловьёв подчеркивал, что «Упырь» становится очередным произведением, продолжающим литературную игру с вампирической темой. Эта игра определяет установку на конкретизацию сверхъестественного, обогатившую вампирическую топику и провоцирует развитие русской фантастики, в которой свое место занимают произведения о вампирах. [5]

Рассмотрим подробно в повести мотив проклятия *кровного* рода.

А.К. Толстой в произведении выделяет главных действующих лиц: Марфа- Амросий, Прасковья Андреевна- Пьетро д'Урджина, Даша- Руневский. Представленные женщины тесно связаны между собой, так как их истории - это проклятия старинной венгерской семьи Островичевых.

Марфа Островичева «женщина необыкновенной красоты, но жестокого сердца, пленилась наружностью и воинскою славой Амвросия, прозванного Амвросием с широким мечом. В одну ночь она впустила его в замок и с его помощью задушила мужа». [4] Умирающий муж проклял свою жену и ее потомков «… Он проклял её умирая: «чтоб сгинула ты и чтоб сгинул твой род, сто раз я тебя проклинаю». [6]

О проклятии герои повести и читатель узнают из манускрипта (древняя книга, содержащая балладу). Балладу, вставленную в текст, о родовом проклятии, писатель усиливает готической атрибутикой: роковым гаданием «давайте гадать, сказала Даша…Содержание будет для нас пророчеством» [6], кровавым предсказанием «…Дотоль, пока замуж портрет не дойдёт…» [6], трагической смертью «…и, череп разбивши, не ляжет в крови последняя жертва преступной любви..». [6]

Традиционный для готической литературы мотив проклятия, который снимается только тогда, когда будет исполнено некое невыполнимое или вообще лишённое смысла условие. [4]

Таким сюжетообразующим условием в повести является требование жениться на портрете. А.К. Толстой осложняет ситуацию дополнительным мистическим элементом: ожившим портретом, который превратился в блуждающий призрак. [4] «Руневский,- сказала она, помолчав,- окажите мне услугу. В углу, возле дивана, на этажерке есть коробочка; в ней вы найдёте золотое кольцо; возьмите его и завтра обручитесь с моим портретом.» [6]

К мотиву ожившего портрета, сбывшегося пророчества обращался Г. Уолпола в романе «Замок Отранто».

В повести «Упырь» А.К. Толстого мотив ожившего портрета связывает сюжетную линию со второй любовной историей Прасковьи Андреевны и итальянского дворянина Пьетро д'Урджина. Пропажа жениха в день свадьбы, пережитое потрясение, неопределенность (жив или мертв ее жених) приводят Прасковью Андреевну к скоропостижной смерти. Умирая, она произносит странные слова: «… ей до тех пор не будет покою, пока кто-нибудь не обручится с ее портретом и не наденет ей на палец ее собственного кольца». [6] Изображение на портрете производит на читателя неизгладимое впечатление «…девушка лет семнадцати, в платье на фижмах с короткими рукавами, обшитыми кружевом, напудренная и с розовым букетом на груди.»[6] В повести «Упырь» к портрету Прасковьи Андреевны примыкает ещё один персонаж – Даша. Именно её удивительное сходство с Прасковьей Андреевной «если бы не старинное одеяние, он бы непременно принял этот портрет за Дашин» [6] позволяет «пойти замуж портрету» и на шаг приблизится к снятию проклятия. Их сходство определяет их родственные связи, поскольку обе они потомки рода Островичевых.

Завершающим этапом в развитии событий проклятия кровного родства и знаменующимся снятием проклятия является действие, которое происходит в современной автору России: Руневский (герой повести) оказывается втянутым в историю проклятого рода, влюбившись в Дашу, он пытается защитить её от любой угрозы. Поначалу герой принимает все события за бред, но после ранения на дуэли и потери большого количества крови, он видит вещие сны, которые рушат все сомнения.

В первом лихорадочном сне он видит, как бригадирша в одеянии предательницы-баронессы из старинной баллады и Теляев в обличии рыцаря Амвросия пытаются выпить кровь Дашеньки, однако ее воспитательница Клеопатра Платоновна «подошла к стене и сорвав, с неё небольшую доску со странными, непонятными знаками, бросила на пол и разбила вдребезги.»[6]

Во втором сне Руневский - якобы в сопровождении Рыбаренко - оказывается в итальянском «чертовом доме», который окончательно обнаруживает сатанинскую суть: в подземельях Руневский видит бригадиршу (в предыдущем видении унесенную в ад), которая «облизывала свои кровавые губы». [6]

Руневский выздоравливает и женится на возлюбленной. Клеопатра Платоновна толкует происшедшие события: содержание баллады - якобы истинное происшествие из истории аристократического венгерского рода Островичевых; умирающий барон проклял род - потомков жены-злодейки; бригадирша, урожденная Островичева, происходила из этого рода; финал повести - исполнение проклятия: бабушка-бригадирша попыталась высосать кровь внучки, Руневский женился

на «портрете» - Дашеньки, которая удивительно походила на Прасковью Андреевну; наконец, Рыбаренко (который оказался незаконным сыном Сугробиной) бросился с колокольни Ивана Великого. Рыбаренко – борец с Сугробиной и другими вампирами, слывет «помешанным». У данного образа помимо трагической канвы в повествовании есть и свойственная ему роль - он духовидец, который идентифицирует зло, являющееся неотъемлемой частью двойственного мира России.

Обращаясь к повести «Упырь», Владимир Соловьёв подчеркивал: «Хотя она насыщена фантастическим элементом, он везде растворен житейской реальностью и нигде не выступает в обнажённом виде, весь рассказ есть удивительно сложный фантастический узор на канве обыкновенной реальности. [5]

Список литературы

1. Васильев С. Ф. Практически единственная работа подобного рода - проза А. К. Толстого. Режим доступа: CyberLeninka.ru›article…goticheskaya…a-k-tolstogo…
2. Вацуро В. Э. Готический роман в России / Вацуро В. Э. – М. : Новое литературное обозрение 2002.
3. История русской литературы XIX века в 3 ч/ под. Ред. В. И. Коровина.- М.: Владос. 2005.- ч.2.
4. Полякова А. А., Федунина О. В. Готическая традиция в прозе А. К. Толстого в повести «Упырь». Режим доступа: slovorggu.ru›nfv2006_1_2…05Poliakova_Fedunina.pdf
5. Соловьёв В. С. Предисловие к книге А. К. Толстого «Упырь». Соловьёв// В. С// Философия искусства и литературная критика.- М., 1991.- 611с.
6. Толстой А. К. «Упырь». Режим доступа: az.lib.ru›Классика›Толстой Алексей Константинович›Упырь

Об авторе

Волга Алексей Николаевич – старший преподаватель кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *alexvolga@mail.ru*

УДК 82.0 (092)

АЛЛЮЗИИ НА «БОЖЕСТВЕННУЮ КОМЕДИЮ» ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ В НОВЕЛЛЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО «ИТАНЕСИЭС»

Мансков А.А.

В статье исследуются аллюзии на произведение Данте Алигьери в новелле С.Д. Кржижановского «Итанесиэс». Особенностью писательской манеры автора «Сказок для вундеркиндов» было то, что свои произведения он выстраивал как диалог со своими литературными предшественниками. Иллюстрацией этому является диалог между Кржижановским и Данте. В художественном мире писателя обнаруживаются многочисленные интертекстуальные отсылки к произведениям гениального флорентинца. Они фигурируют не только в прозаических произведениях, но и в искусствоведческих работах и поэзии. Это указывает на значимость образа Данте для Кржижановского. Описание страны «Итанесиэс» в новелле напоминает собой финальный девятый круг Дантевского «Ада», изображаемого в «Божественной комедии». Сопоставление данных топосов позволяет выявить наличие типологического сходства между исследуемыми текстами. Большое внимание в статье уделяется бинарным оппозициям: север – юг, тепло – холод, звук – беззвучие. Наряду с этим предметом исследовательского дискурса являются культурные коды, сближающие произведения рассматриваемых авторов: коды ночи, холода, смерти. Они определяют особенности функционирования художественного мира новеллы. Изучение системы кодов, представленных в тексте, дает возможность выявить логику первоначального авторского замысла.
Ключевые слова: *страна, звук, беззвучие, ночь, холод, смерть.*

ALLUSIONS TO "THE DIVINE COMEDY" BY DANTE ALIGHIERI IN THE NOVEL OF S.D. KRZHIZHANOVSKY «ITUNESIS»

Manskow A.A.

The article investigates the allusions to the work of Dante Alighieri in the novel of S.D. Krzhizhanovsky "Itanesies." A feature writing manner of the author of "Tales for geeks" was that he builds his works as a dialogue with his literary predecessors. An illustration of this is the dialogue between Krzhizhanovsky and Dante. In the art world of the writer many intertextual references to the works of Florentine genius are found. They appear not only in the prose works, but also works of art and poetry. This indicates the importance of the image of Dante for Krzhizhanovsky. The description of country "Itanesies" in the novel resembles a final ninth circle of Dante's "Hell", depicted in the "Divine Comedy." Comparison of the topos data reveals the existence of typological similarities between the studied texts. Much attention is paid to the binary opposition between north - south, warmth - cold, sound - soundlessness. In addition, the subject of the research is the cultural codes of discourse, bringing together the works of the authors considered. Common codes are ones of night, cold, death. They define the peculiarities of the artistic world of the novel. The study of the codes presented in the text makes it possible to identify the logic of the original author's intent.
Keywords: *country, sound, soundlessness, night, cold, death.*

Характерной особенностью поэтики прозы С.Д. Кржижановского является интертекстуальность. В повестях и новеллах писателя обнаруживается большое количество цитат, аллюзий и литературных реминисценций. Они присутствуют на различных уровнях текста в более или менее узнаваемых формах. Это могут быть тексты предшествующих эпох, представленные эксплицитно, или реалии современной писателю действительности, получающие имплицитное выражение в силу различных объективных обстоятельств: страх перед цензурой, идеологические причины. Следствием этого является кодирование текста, а также установка на узнавание читателем авторских интенций.

Наличие интертекстуальных связей в произведениях Кржижановского объясняется особенностями его сознания. Будучи высокообразованным человеком, он владел несколькими иностранными языками и хорошо разбирался в философии, литературе, искусстве. Все это способствовало формированию особого художественного мира писателя, в котором понятие реальности растворялось в аллюзиях, реминисценциях, в зеркальных отображениях одного в другом.

С точки зрения включенности творчества Кржижановского в контекст литературы 1920-1940-х годов, его позицию можно обозначить как «вне литературного процесса». На протяжении этого времени он много писал, но не имел возможности опубликовать свои произведения. Все его попытки пробиться в «большую» литературу терпели крах. Возникающая полемика с цензурой усложняла ситуацию. Это привело к тому, что он стал писать не для современного ему, а для будущего воображаемого читателя. Поэтика выстраивалась не как следствие диалога с культурой,

в которой находился сам автор, а как диалог с его литературными предшественниками. Яркий пример такого взаимодействия — увлечение творчеством Данте Алигьери на протяжении всей жизни. Об этом пишет супруга писателя А. Бовшек в книге «Глазами друга»: *«Заговорили о недавно состоявшемся вечере, посвященном Данте. Кржижановский делал вступительное слово, Нейгауз играл Листа «Apreslalecturede Dante», я читала третью песнь из «Божественной комедии», историю Паоло и Франчески. Вечер удался и было приятно вспоминать о нем»* [1, Т.6. С. 220][1]. Описание Кржижановского во время этого выступления встречается также в эссе В. Перельмутера «Трактат о том, как невыгодно быть талантливым»: «*Сколь же свободно и стереоскопично говорил он о Данте, словно был современником, а то и спутником великого флорентийца, цитировал в оригинале, тут же переводя, драгоценные терцины, - стоя на авансцене промерзшего зала в единственном своем костюме, вычищенном и отутюженном, в слепящей белой сорочке и темном галстуке. И завороженная публика забывала кутаться в пальто и шинели*»[2, С. 10] .

Образ Данте присутствует в художественных произведениях Кржижановского. Он фигурирует не только в прозаическом, но и в поэтическом дискурсе. Так, в стихотворениях киевского периода жизни писателя встречается стихотворение «Беатриче» («У *всякой девичьей прозрачной красоты // Есть право ожидать терцин бессмертных Данте*») [3. С. 44]. Кржижановский в поэтической форме осмысляет феномен бессмертной любви поэта. Данная тематика обнаруживается также и в искусствоведческом эссе «Арго и Ergo», написанном около 1918 года будущим автором «Сказок для вундеркиндов» 1918 года. В нем он снова рассматривает взаимоотношения Данте и Беатриче, а также непосредственно связывает генезис «Божественной комедии» со смертью возлюбленной Алигьери. «*Только весна 1290 года закрепляет за мертвой Беатриче жизнь. Дата смерти ее – дата рождения «Божественной комедии: теперь она не может не написаться. Овеянная тайнами поэзии и таинствами веры, войдет она в «новую жизнь», чтобы жить там, не умирая*» [4, Т.5. С. 510].

Интертекстуальные аллюзии, отсылающие к «Божественной комедии» обнаруживаются на протяжении всего творчества Кржижановского. Так, в повести «Странствующее «Странно»» персонаж в ироничной форме сравнивается с образом бессмертного флорентинца: «*Как только я смог подняться на ноги, я побрел, еще не твердо ступая, от ствола к стволу, ища выхода из лесу. Но не тут-то было. Как Данте, заблудившийся в лесной чаще, я временами начинал думать, что близок даже не к средине, а концу моего жизненного пути*» [5. Т.1. С. 301]. В данном случае очевидна отсылка к первым стихам «Божественной комедии»: «*Свой путь земной пройдя до середины, Я очутился в сумрачном лесу*» [6. С 77] . Как отмечает Вадим Перельмутер, эта ассоциация с Дантовым «Адом» усиливается и развивается далее в тексте[2].

Интертекстуальные аллюзии на тему Данте представлены также в повести «Чужая тема», в которой философ Савл Влоб сравнивает «Божественную комедию» по форме с сонатой. Это сравнение определяется интермедиальным характером сознания персонажа: «*Лишь пройдя через ад прощания, чистилище разлук к краю возврата, великий мастер мог построить из трех кантик свою божественную сонату, или Комедию, как хотите*» [5. Т.1. 366]. Все это указывает на значимость образа Данте для Кржижановского, а также дает возможность предположения о литературном диалоге писателей.

Описание заповедной страны в новелле «Итанесиэс», которую в конце своего пути достигает странствующий народ, напоминает собой Джудекку, финальный девятый круг преисподней, где находится сам Люцифер. Этому месту посвящена тридцать четвертая песнь Дантовского «Ада». При сопоставлении данных топосов выявляется некоторое сходство. С точки зрения функционирования аудиальных кодов, общей для произведений Данте и Кржижановского является семантика беззвучия. Итанесиэс представляет собой «пустынный, давно обезлюдевший, полунощный край. Он лишен шумов и звучаний». Девятый круг ада также характеризуется отсутствием всяких звуков. В нем нет стенаний мучимых грешников. Все пространство Джудекки наполнено безмолвной ледяной тишиной от ощущения близости дьявола, находящегося здесь в заточении. Так Данте говорит об этом в шестнадцатой строфе: «*В безмолвии дальнейший путь свершив / И пожелав, чтобы мой взгляд окинул / Того, кто был когда-то так красив*» [6. С 220]. Существительное «безмолвие» задает интенцию восприятия данного фрагмента. Безмолвие является результатом осознания персонажем происходящего: вступление на девятый круг ада, страх и волнение от приближающейся встречи с неведомым.

Другим важным элементом, сближающим произведения Данте и Кржижановского, является культурный код ночи. В обоих текстах ночь приобретает

[1]Следует также отметить факт, что автор «Сказок для вундеркиндов» и «Возвращения Мюнхгаузена» хорошо владел итальянским языком и читал стихотворения поэта эпохи Возрождения в оригинале.

[2] Комментарии Вадима Перельмутера к собранию сочинений Кржижановского [5, Т.1. С. 636].

коннотации самостоятельной смыслообразующей категории. В новелле Кржижановского итанесиэйцы достигают заповедной страны весной. Испытав радости короткого лета, они оказывают во власти зимы, которая становится для них последней: «*За весной – лето. А там вдруг солнце оторвало лучи от земли и бросило страну в полярную ночь и холод*» [5. Т. 1, С. 205]. Основными составляющими полярной ночи в тексте служат темнота (как отсутствие солнечного света) и холод. В художественном мире новеллы холод является также непосредственным эквивалентом смерти.

В «Божественной комедии» обнаруживаются схожие текстуальные особенности. Уже при первом описании девятого круга Ада читательское внимание акцентируется на визуальном аспекте восприятия Джудекки, на том, что видят Вергилий с Данте. «*Vexillaregisprodeuntinferni / Навстречу нам, – сказал учитель. Вот, / Смотри, уже он виден в этой черни*» [6. С. 220]. Эта тенденция в тексте ситуируется близостью Люцифера, очертаниями его образа в темноте. На наличие темноты в тексте указывает существительное «чернь» (отсутствие возможности видеть, заполнение пространства черным цветом). Эта тенденция усиливается в следующей строфе: «*Когда на нашем небе ночь встает / Или в тумане меркнет ясность взгляда, /Так мельница вдали крылами бьет, / Как здесь во мгле встававшая громада*» [6. С. 220]. Здесь в нарративную структуру вводится культурный код ночи, который, в свою очередь, соотносится с понятиями «туман», «мгла», эксплицирующими семантику плохого видения. Как и в новелле Кржижановского, в произведении Данте культурный код темноты неразрывно связан с функционированием мотива холода. Он включает в себя многообразие различных смыслов. Ночь (темнота) Джудекки несет в себе не только физический холод, но и чувство неуюта и страха от близости с дьяволом, локус которого является сосредоточием пространства «Ада» Данте. Даже на расстоянии от места заключения Люцифера персонаж ощущает негативизм данного локуса. Это выражается посредством мифологемы ветра: «*Я хоронился за вождем как мог, /Чтобы от ветра мне была пощада*» [6. С. 220]. Далее в тексте объясняется генезис ветра – он возникает как следствие движений крыльев Дита: «*Без перьев вид у них был нетопырий; / Он ими веял, движа рамена, / И гнал три ветра вдоль по темной шири, / Струи Коцита леденя до дна*» [6. С. 220]. Из этой цитаты становится очевидным, что даже неживая природа, вступающая во взаимодействие с дьявольским началом, получает коннотации отрицательного пространства. Подтверждением этому служат изменяющие свою структуру воды Коцита.

Непосредственным эквивалентом холода, его материализованной метафорой в обоих текстах является лед. Он несет в себе семантику смерти, а также выступает в качестве одного из константных понятий, образующих художественное пространство рассматриваемых текстов. Так, Итанесиэс является страной льда, тающего и безопасного для «большеухих» весной и смертельного для них зимою. Джудекка отличается от всех остальных кругов Ада тем, что он лишен огненного начала, а весь состоит только из льда. «*Мы были там, – мне страшно этих строк*, – / *Где тени в недрах ледяного слоя / Сквозят глубоко, как в стекле сучок. /Одни лежат; другие вмерзли стоя / Кто вверх, кто книзу головой застыв*» [6. С. 220]. Из данного фрагмента следует, что души умерших оказываются заключенными в толщу льда. Лед служит дополнительной тюрьмой теней, не давая возможности их движению, т.е. это некое бесформенное начало, apriori несущее в себе стагнацию и смерть. Заключенным во льду является также и Люцифер: «*Мучительной державы властелин /Грудь из-за льда вздымал на половину; / И мне по росту ближе исполин, / Чем руки Люцифера исполину; / По этой части ты бы сам расчел / Каков он весь, ушедший телом в льдину*» [6.С. 220]. Таким образом, в описании Джудекки возникает парадокс. Люцифер, движением своих крыльев превращающий все вокруг в ледяную пустыню, сам оказывается заключенным в толщу льда.

Схожие черты обнаруживаются и в тексте новеллы «Итанесиэс». В ней отсутствует персонифицированное дьявольское начало, однако оно может прочитываться на уровне имплицитных текстуальных связей. Эта особенность определяется семантикой таинственного голоса (зов), вслед за которыми народ «большеухих» отправляется на поиски заповедной страны Итанесиэс, навстречу своей смерти. Наряду с этим в тексте новеллы повторяется комплекс культурных кодов, представленных в «Божественной комедии»: ночь, холод, смерть. Наступление полярной ночи в новелле оказывается началом гибели причудливого народа, его исчезновением в ледяной темноте: «*Для итанесиэйцев настали тяжкие дни: их безволосые махонькие зябкие тельца охватило и стиснуло полярной стужей. Что было делать? Спасаясь от смерти, пришельцы начали заворачиваться в свои уши, пряча обледенелые тельца под гибкий хрящ*» [5. Т.1. С. 205]. В этом контексте понятие «полярная ночь» замещается авторским эрзацем «полярная стужа», также несущим в себе все признаки данного культурного кода.

В описании спасения итанесийцев от зимнего холода Кржижановский следует логике трагифарса.

Он соединяет в нарративной структуре новеллы элементы комического и трагического начала. Примером этому служит укутывание итанесийцев от холода в собственное ухо или смерть как результат отсутствия этих действий. В связи с этим обнаруживается имплицитная интертекстуальная отсылка к тексту Данте как возможность культурного диалога исследуемых писателей. Основанием для этого служит рассмотрение метонимии у Кржижановского и Данте, сравнение уха итанесийца с крылом Люцифера. Методологическим инструментарием для этого служит путь от обратного, определяемый логикой модернистского дискурса. Обозначенные персонажи представляют собой два противоположных полюса, эксплицируемых посредством возможных бинарных оппозиций: «большое – малое», «великое – безызвестное». Персонажи новеллы «Итанесиэс» обладают огромным ухом: «*Итанесийцы, как явствует из "Азбуковника", были существами об одном, но (как говорилось уже) столь огромном ухе, что из-за уха человека не увидеть*» [5. Т.1. С. 203]. Однако в человеческих пропорциях «большеухие» характеризуются малым ростом, поэтому они являются предметом охоты на них людей, так как оказываются не в силах защитить себя самих и представляют собой лёгкую добычу. В описании персонажей Кржижановский использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, для того чтобы передать значение их «умаленности». Люцифер в «Божественной комедии» обладает огромным ростом, он называется «исполином», «громадой», а также сравнивается с ветряной мельницей. По отношению к пропорциям тела Дита его крылья являются гигантскими. «*Росло под каждым два больших крыла, /Как должно птице, столь великой в мире; / Таких ветрил и мачта не несла. Без перьев вид у них был нетопырий*» [6. С. 220]. С точки зрения структуры, уши итанесийцев и крылья Люцифера имеют некоторое сходство. В обоих случаях они больше размеров тела персонажей, имеют кожный покров и т.д. Как владыка Джудекки, так и итанесийцы укрываются своей частью тела. Обозначенные отдельные части тела метонимически замещают целое: все тело Дита находится во льду, видны только крылья и лица, итанесийца нельзя заметить из-за его уха. Использование данного образа Кржижановским объясняется игровым началом, характерным для модернистского дискурса. Автор новеллы переворачивает и видоизменяет образ, взятый из «Божественной комедии», так, что он оказывается едва узнаваемым. Однако при внимательном рассмотрении в нем раскрывается изначально заложенное эмоционально-смысловое наполнение, т.е. писатель использует образность, присущую индивидуально-авторскому дискурсу Данте, для создания собственного художественного мира. Эта особенность характерна не только для книги новелл «Сказки для вундеркиндов», но и для других произведений Кржижановского, где он вступает в культурный диалог со своими гениальными предшественниками – Шекспиром, Свифтом, По и другими авторами. Одной из основных проблем в новелле, сближающей ее с произведением Данте, является проблема морального выбора. Этот мотив повторяется на протяжении всего текста. Прежде всего, это выбор между слушаньем, восприятием звучаний небесных сфер и отсутствием его. Оппозиция слух-глухота трансформируется в финале новеллы в смысловую пару жизнь-смерть: «*Стужа ставила дилемму: или, превратив ухо в одежду, перестать слышать, но остаться живым, или, не изменяя древнему дару итанесийскойчути, умереть*» [5. Т.1. С. 205] Иными словами существование народа зависит от их выбора. Кржижановский постепенно подводит читателя к осмыслению гибели итанесиэйцев, подчеркивая неизбежность этого события. В финале новеллы они оказываются погребенными под толщей льда, замерзшими насмерть: «(…) *вскоре их обледенелыми трупиками покрылась ровная снежная гладь полунощной страны*» [5. Т1. С. 205].

В связи с этим интерес вызывает то, как расходится фабульная линия новеллы «Итанесиэс» с фабульной линией «Ада» Данте. В новелле действие происходит в горизонтальной плоскости. Автор акцентирует читательское внимание на этом аспекте через упоминание пространства смерти («ровная снежная гладь»). В «Божественной комедии» действие переносится в вертикальную плоскость: путь наверх, из Ада в Чистилище: «*Мой вождь и я на этот путь незримый / Ступили, чтоб вернуться в ясный свет, / И двигались все вверх неутомимы*» [6. С. 224]. Покидая преисподнюю, Данте и Вергилий идут навстречу свету и жизни. Позади них остаются ночь, темнота и холод. На это указывают следующие цитаты: «*Где лед? Зачем вот этот в яме тесной /Торчит стремглав? И как уже пройден / От ночи к утру солнцем путь небесный*», «*И над тобой теперь небесный свод, / Обратный своду, что взнесен навеки*» [6. С. 224]. В новелле «Итанесиэс» персонажи, умирая, уходят от света. Они остаются навсегда заключенными в пространстве ночи и холода.

Таким образом, смерть становится завершающей точкой в истории существования необычного народа, а также началом возникновения мифа, легенды о мировой гармонии: «*Лишь легенда о мировой*

гармонии, покинув мертвую страну Итанесиэс, и сейчас еще бродит среди людей» [5, Т.1. С. 205]. В этом контексте значимым является прилагательное «мертвый» («мертвая страна Итанесиэс»), которое в полной мере отражает фантомную эстетику минус-пространства Кржижановского. Умирая, народ «большеухих» становится лишь фантомом, лишенным материальности. Наличие этой интенции актуализирует онтологический вопрос об истинности экзистенции персонажей в художественном мире новеллы: существовала ли страна Итанесиэс с ее причудливыми большеухими обитателями и где проходит граница между реальностью и вымыслом? Ответ обнаруживается у самого автора в работе «Страны, которых нет». Для Кржижановского Итанесиэс является неким симулякром, на основании которого он создает собственную мистификацию. Апеллируя в начале новеллы к средневековому бестиарию, из которого читатель узнает о существовании страны «Итанесиэс, писатель дает персонажам возможность новой жизни или, скорее, следуя логике фантомной эстетики, новой смерти.

Новелла «Итанесиэс» служит ярким выражением индивидуальной мифологии Кржижановского, а также подтверждает тезис о наличии культурного диалога между создателем «Божественной комедии» и автором «Сказок для вундеркиндов». Исследование аллюзий, отсылающих к произведениям Данте, позволяет выявить новые культурные коды в новелле и приблизиться к осмыслению первоначального замысла писателя (обретению нити Ариадны), чьи причудливые лабиринты мысли остаются все еще не до конца пройденными.

Список литературы

1. Кржижановский Сигизмунд. Собрание сочинений: в 6-ти томах T.VI. – СПб.:Symposium, 2013.
2. Кржижановский Сигизмунд. Сказки для вундеркиндов. М.: Советский писатель, 1991 г.
3. Кржижановский Сигизмунд. Книжная душа. М.: Водолей Publishers, 2007.
4. Кржижановский Сигизмунд. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. V. – СПб.:Symposium, 2006.
5. Кржижановский Сигизмунд. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. I. – СПб.:Symposium, 2001.
6. Данте Алигьери. Новая Жизнь. Божественная комедия. М.: Художественная литература, 1967.

Об авторе

Мансков Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета (Барнаул), *forlang@filo.asu.ru*

УДК 821.161.1

ФОЛЬКЛОРНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ЛИРИКЕ А.К.ТОЛСТОГО[1]

Никитина И.Н.

В статье рассматриваются мировоззренческие и эстетические принципы А.К.Толстого, обусловленные специфическим пониманием «славянского» и «русского»; исследуются фольклорные традиции, на основе которых формировались художественные принципы творчества поэта, анализируются закономерности художественной системы русского фольклора, оказавшие влияние на формирование в лирике поэта патриотического пафоса, героизации, ставших основой творческой манеры автора и получивших отражение в лирическом наследии поэта.

Ключевые слова: *национальный колорит, патриотический пафос, фольклорная стилизация, художественная система, эстетика*

FOLKLORIC STYLIZATION AS A REFLECTION OF SLAVIC IDEOLOGY IN THE LYRIC POETRY OF A.K.TOLSTOY

Nikitina I.N.

The article deals with the ideological and aesthetic principles of A.K.Tolstoy specified by his understanding of what “Slavic” and ‘Russian’ mean. The research is made in the folkloric traditions on which the literary principles of the poet’s creativity were based. The article presents an analysis of the regularities of the literary system of Russian folklore which impacted patriotism and hero-extolling trends in the poet’s works; the trends became the basis of his writing manner and got mirrored in the poet’s literary heritage.

Keywords*: national colouring, patriotism, folkloric stylization, literary system, aesthetics.*

Истоки русского национального характера уходят своими корнями в глубь истории. В настоящее время огромный интерес исследователей разных областей знаний представляет осмысление закономерностей исторического, политического, культурного развития общества, закономерностей, послуживших причиной становления не только русской нации, но и русского национального характера. Окружающая нас действительность, погрязшая в обилии этнических конфликтов, диктует необходимость переосмысления многих политических реалий современного мира. В этой связи творчество А.К. Толстого, писателя, поэта, драматурга, не отделявшего русское от славянского, представляется актуальным не только с точки зрения литературоведческой науки, но и констатации фундаментальных морально-нравственных основ, составляющих национальный характер типичного представителя славянской ментальности. Поэт постоянно обращается к фольклору, в котором находит и идейные и эстетические соответствия своим духовным и поэтическим исканиям. Поразительна близость художественной системы народного искусства поэтической природе А.К. Толстого и его политическому гуманизму, восходящему к общности славянских народов в историческом прошлом.

В балладе «Змей Тугарин» (1867), которую сам автор считал «лучшей из своих баллад», [4, 549] четко прослеживается идея единства, сплоченности народа под руководством сильной княжеской власти, олицетворением которой является Киевский князь Владимир. Баллада открывается широкой панорамой княжеского пира, символизирующего широкий размах и удаль празднества. Несколькими штрихами поэт создает самобытную картину традиционного гуляния, в котором ощущаются всеобщее благополучие, мир, покой, стабильность. Фольклорная стилизация позволяет автору, тонкому знатоку народного благозвучия, уже в экспозиции создать ощущение истинно народного и исторического колорита эпохи. Художественная система русского фольклора с ее устойчивой эпитетикой, тавтологичностью, приоритетом кратких форм прилагательных, повтором предлогов, параллелизмом синтаксических конструкций, уменьшительно-ласкательной суффиксацией широко представлена в первой строфе произведения. Восклицание «Ой ладо, ой ладушки-ладо!», выполняющее сразу три функции - и эстетическую, воздействующую, и идейную, и информативную – утверждает мысль о «ладе» (мире), благополучии отечества. Это восклицание станет своеобразным рефреном и одновременно композиционным звеном текста, на основе которого синтаксический параллелизм достигнет своего максимального воздействую-

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта №16-14-32001

щего эффекта. Интересен и показателен процесс работы автора над этим элементом текста. В письме М.М. Стасюлевичу А.К. Толстой делится своими соображениями по этому поводу: «Я решил оставить припев, как он есть, т.е. «Ой ладо, ой ладушки-ладо!» Кроме того, что *Лель* или *Дид* выходят тяжеловесны и перетягивают весь балласт на конец строфы, я нахожу, что они слишком этнографичны и археологичны для такого стихотворения, где нет никакого притязания на эти качества…и где вообще весь язык великорусский, нет беды, что и припев будет великорусский, а не южнорусский». [3, с.403] В строках этого письма для Толстого очевидно единство и сходство «великорусского» и «южнорусского», разница лишь в «этнографичности» и «археологичности» последнего. В этом замечании очевидна причастность Толстого к общеславянской и стилистической и эстетической концепциям.

Знаменательно противоречие, опять же и идейное, и эстетическое, переходящее в очевидный контраст: «ладо», «лад», как отражение всеобщего единства народа и **«неведомый лад»** [4, 145], как нечто чуждое и противное природе русского народа. Этот «неведомый лад» песни чужеземца, песни о порабощении русского народа, падении Киева не может быть принят и тем более понят народом. Носителями патриотического духа нации выступают русские богатыри «Удалый Попович, старый Илья, смелый Никитич Добрыня» [4, 146]. Показательно, что их мнение – воплощение народного сознания – полностью соответствует политической позиции верховной княжеской власти, поэтому в балладе ощущается идея справедливой, гуманной верховной власти, сумевшей обеспечить своему отечеству «лад». Общая эстетическая тональность произведения позволяет сделать вывод об отождествлении автором понятий «русский» и «славянский». Устами Киевского князя Владимира автор провозглашает идею вольности и чести славянского народа, народа единого в своих убеждениях. По русскому обычаю князь осушает «до дна» «чару» [4, 149] «За вольный, за честный славянский народ!» [4,150], - так органично воплощается высокая патриотическая патетика в традиционной фольклорной стилизации.

Особого внимания в этом произведении заслуживает своеобразная сказовая манера изложения. Влияние былинной эпической традиции связано не только с использованием соответствующей системы действующих героев или обращением к былинным реминисценциям, но и с образом сказителя, певца, исполняющего балладу. Соответствуя принципам жанра народной баллады, А.К. Толстой сумел гармонично синтезировать эпические (высокий патриотический идейный пафос, сюжетность, наличие системы образов) и лирические элементы. Жанр баллады для автора - это излюбленная форма выражения его сокровенных мыслей об исторической судьбе своего Отечества, именно баллады Толстого отражают и политические, и исторические, и эстетические воззрения автора, демонстрируя его и мировоззренческие и художественно-эстетические идеалы.

Мифология стала сакральным источником, из которого поэт черпал не только сюжеты и образы, народный эстетический фон, неповторимый национальный колорит, но и своеобразный, присущий только нашему, отечественному славянскому и русскому менталитету способ мыслей героя, психологию его образа, причины и следствия поступков. Показательно в этом смысле известное стихотворение А.К. Толстого «Колокольчики мои…». Идейный ракурс первой редакции произведения существенно трансформируется в окончательном варианте текста, демонстрируя желание автора сделать основной идейный акцент не на тоске и грусти по ушедшей старине, Новгороде, «казацкой воле», царях и боярах Москвы, а на основной политической миссии России - стать центром единения всех славянских народов. Мотив вольного, неукратимого, удалого и ретивого конского бега, столь ассоциативный и с литературными предшественниками и с последователями поэта, органично вписывается в общий для всей русской литературной традиции ракурс понимания особого исторического пути России. Гоголевская Птица-тройка, перед которой «посторaниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [2, с.248], «степная кобылица» [1,с.168] А.Блока, несущаяся «вскачь» и в этом ряду «славянский конь,/Дикий, непокорный» [2, 38] в толстовском стихотворении словно обобщает идею своих соратников по перу об особом историческом пути и избраннической миссии славянской России.

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной [3,с.38].

Эта строфа переполнена пространственностью, протяженностью которые явно не ограничиваются рубежами государств. Мотив «тесного мира» вытесняется мотивом полета необузданного славянского коня, преодолением пространств на пути к «цели неизвестной» [3, с.38]. Поэт не случайно констатирует наличие этого простора, имея в виду масштабность славянского мира, кровное единство братьев-славян.

«Хлеб да соль! И в добрый час!-
Говорит державный,-
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:

«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!» [3,с.39].

Как и в балладе «Змей Тугарин» в этом стихотворении сцена пира, народного празднества и ликования символизирует братство славянских народов их единство перед лицом завистников-иноземцев.

Для понимания единства славянских народов в этом стихотворении особенно важен мотив православия, христианства. Общность веры является фундаментальной основой объединяющей славян. Выражение «Бог единый» [3,с.38] в заданном контексте может трактоваться не однозначно: во-первых, в значении «только Бог» и во-вторых, как единый Бог для славянских народов. Гул колокольного звона, постепенно усиливающийся, наполняет стихотворение торжественностью и особой религиозной патетикой. Громкий «звон колоколов» [3,с.39] противопоставляется затихшему, затаившемуся вражескому иноверью:

Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою… [3,с.39]

В письме к жене от 27 октября 1856 года А.К. Толстой причисляет это произведение к одним из своих «самых удачных вещей».[3, с.538] Без сомнения, это объективная авторская оценка произведения, в котором высокая патриотическая и политическая проблематика восходит к народной идее святости дружбы и кровного родства братьев-славян.

Необычайно гармонична и художественная картина произведения. Достаточно обратиться лишь к параллели «колокольчики …/ Цветики степные!» [3,с.37]- «Громче звон колоколов» [3,с.39] и становится очевидна не только народно-поэтическая основа, питающая стилистику текста, но и глубинная, духовная связь автора со своей Родиной.

В лирике А.К. Толстого наблюдается уникальный по своей идейной и стилистической органике тематический синтез, представляющий взаимодействие философских, исторических, а не редко и эстетических мировоззренческих концепций автора, пробужденных в сознании поэта созерцанием близкого сердцу, родного среднерусского пейзажа. Именно природа, родная русская земля становится идейным центром, вокруг которого поэт выстраивает свои историко-политические размышления о сложной и противоречивой судьбе славянских народов. При этом фольклорная стилизация становится для автора отличительной чертой его творчества. В стихотворении «Ты знаешь край, где все обильем дышит» (1840) , наполненном колоритом малороссского диалекта, где парубки, Маруся, слепой Грицко, казачки не отделяются, а являются неотъемлемой частью всего «русского». И Украина и Русь фигурируют в этом тексте, при чем, для автора это слова, обозначающие не столько разные понятия, сколько одинаковые, так как единство их православной веры и общий внешний враг, ляхи, делают это единство практически генетическим. Мотив крови, «крови славной», славянской пролитой на полях брани, окончательно утверждает это единство.

Мировоззрение А.К. Толстого формировалось, как известно, в условиях дворянской аристократической среды, однако на духовный облик поэта существенное влияние оказала неповторимая в своей самобытности атмосфера провинциальной помещичье-усадебной жизни. Постоянное стремление поэта в родные места, желание постоянного пребывания на лоне природы, неподдельная искренняя привязанность к своей малой Родине, открывают в поэте черты человека, близкого к народной среде, постигшего глубинную суть русской нации, понимающего сложность ее исторического и политического развития. А.К. Толстой сумел воплотить в литературном произведении идею общеславянского мира, с его едиными мифологическими истоками. Отсюда столь органичная и прочная связь художественной манеры поэта с лучшими идейными и художественными традициями народного поэтического искусства.

Список литературы

1. Блок А. Избранное. М, Олимп, 1998. С.168.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., Художественная литература. С.248
3. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 –х т. М.: Правда,1980, Т.4, с. 403
4. Толстой А.К. в 2-х т. М.: Художественная литература, 1981, т.1, с.145.

Об авторе

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского Государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *kafedra338@mail.ru*

УДК 80

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДРОМАНТИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Никитина И.Н., Савченкова Е.С.

Статья посвящена выявлению основных исторических, культурологических и литературных предпосылок возникновения предромантизма в русской литературе, прослеживается процесс преемственности литературных направлений от классицизма к романтизму.

Ключевые слова: *историко-литературный процесс, литературные направления, течения, классицизм, постклассицизм, сентиментализм, предромантизм.*

HISTORICO-LITERARY BACKGROUND OF EMERGENCE OF PREROMANTICISM IN RUSSIAN LITERATURE

Nikitina I.N., Savchenkova E.S.

The article is devoted to the detection of the main historical, culturological and literary background of the emergence of Preromanticism in Russian literature, the process of continuity of the literary trends from Classicism to Romanticism is traced.

Keywords: *historico-literary process, literary trends, movements, Classicism, Post-Classicism, Sentimentalism, Preromanticism.*

Социально-культурная жизнь общества является прямым отражением исторической обстановки, ситуации, сложившейся в тот или иной период его развития. Подобное влияние, обусловливающее развитие социокультурного аспекта, напрямую воздействует и на такую его сторону, как литература, в частности – литературные направления. В вопросе о русском предромантизме принято обращаться преимущественно к 60-70 годам 18 века. И внимание исследователей конкретно к этому временному периоду совершенно оправдано. Уже в начале второй половины 18 столетия заметен рост капиталистических отношений внутри феодально-крепостнического строя. Усиление власти дворянского класса, рост торгово-промышленных отношений повлекли за собой ещё большее угнетение крестьянства. Рост недовольства крестьян вызвал к жизни многочисленные народные волнения. Показательно то, что именно в этих условиях русское просветительство достигает своего расцвета. Процесс демократизации литературы становится наиболее показательным явлением этого этапа литературного развития. Так называемые «третьесословные писатели», выражавшие несогласие эстетике классицизма, в это время начинают играть более заметную роль. Меняются и жанровые приоритеты: усиление реалистических тенденций способствует развитию прозаических жанров, что объективно подрывает основы классицистического направления в литературе. В таких условиях писателям приходится искать выход за пределами привычной сферы окружающей социокультурной действительности. В творчестве современных писателей начинают проявляться элементы, признаки последующих литературных направлений – сентиментализма, раннего романтизма. В произведениях писателей того времени органично сочетались две ведущие тенденции: обращённость к миру внутренних личных переживаний и обличение человеческих и общественных пороков.

В развитии литературного процесса того времени можно выделить не только противоборствующие в своём формировании, взаимодействии, эволюции сентиментализм и романтизм. Уже с самого начала 60-х годов 18 века в литературе проявляются различного рода эстетические тенденции. Нельзя однозначно ответить на вопрос о том, какие ещё литературные направления получили развитие в то время. По мнению П.Н. Беркова, весьма правомерно было бы назвать четвёртый период русского Просвещения «постклассицизмом». В это время наблюдается проникновение, органичное сочетание элементов различных направлений в одном: можно обнаружить черты сентиментализма в классицизме, классицизма – в реализме, проявляются и элементы предромантизма. Кроме того, П.Н. Берков считает, что было бы ошибкой обозначить все это многообразие стилистических исканий каким-либо одним термином [Берков, 1961, 26].

Совершенно очевидно то, что происходит разрушение канонов классицизма. В пользу этого говорят многие литературные произведения того периода. Борьба с классицистическими канонами, ограничивающими свободу творчества, проявлялась уже на

уровне жанров и в прозе, и в драматургии. Появляется литература так называемого наивного реализма. Это литература стихийного демократизма и чувства социальной неполноправности. Бытовой реализм в части своих тенденций сближается с эмоциональностью сентиментализма, но противопоставлен классицизму по ряду параметров: характер отбора эстетического идеала, окружающей действительности, типизация.

В этот период начинает активно развиваться публицистика. Н.И. Новиков, один из самых успешных издателей того периода, на страницах своих журналов обличал общественные пороки, выступал против действующего государственного порядка.

Сатирическое направление, усиливающее в своём развитии тенденции реализма, – не единственная характерная линия в литературе того периода. В то же время происходит формирование нового литературного направления – сентиментализма. Подобную тенденцию можно проследить в творчестве М.М. Хераскова и других поэтов-современников.

Вторая половина 18 века ознаменована развитием русской прозы и, пожалуй, самого распространённого тогда его жанра – романа. Расцвет и развитие этого жанра принято связывать с творческой деятельностью Н.Ф. Эмина. Изображение внутреннего мира человека, характерное для его произведений, противоречит эстетике классицизма. Н.Ф. Эмин работал и над разработкой эпистолярного жанра. Его «Письма Эрнеста и Даравры» - произведение, написанное в русле русского сентиментализма, заложившее основы для его дальнейшего развития.

Тенденции, прямо противоположные классицизму, можно найти и в драматургии. Например, в произведениях В.И. Лукина, выступавшего сторонником демократизации театра, литературы, искусства в целом.

Именно в таком историческом, социальном и культурном пространстве проявляются первые веяния романтизма. Их появление в большей степени связано с определёнными противоречиями в русском классицизме, о котором Г.А. Гуковский говорил, что к 60-м годам 18 века в русской литературе установилось временное и непрочное господство классицизма, но эти же 60-е годы принесли первые веяния новых стилей - сентиментализма и предромантизма, и с этого же времени начинается распад классицизма [История русской литературы, 1947, 35-34]. В самой сути классицизма можно обнаружить такие черты, которые являются родственными сентиментализму, предромантизму и романтизму. Доказательством тому могут служить некоторые оды М.В. Ломоносова, поскольку в них прослеживается личностное начало. В ряде произведений А.П. Сумарокова также встречается лирическая линия, связанная с любовной темой. М.М. Херасков, отказываясь от гражданских образцов классицизма, предпочитает скромность, жизнь в тихом уединении. Появляются стихотворения сентиментально-предромантического направления, где всё отчётливее выступают мотивы быстротечности жизни, а человека призывают жить по велению сердца.

Таким образом, истоки новых литературных направлений следует искать именно на рубеже 50-60-х годов 18 века, поскольку именно в этот период начинают появляться самые ранние признаки сентиментализма и веяния романтизма.

Список литературы

1. Берков П.Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблема русского просвещения в литературе XVIII века. М., Л., 1961. С. 26.

2. История русской литературы: В 10 т. Т. 4, М.-Л., 1947

3. Аношкина В. Н. Особенности русского предромантизма: Роль эпистолярия в творчестве К.Н. Батюшкова // А. Н. Островский, А. П. Чехов и литературный процесс XIX – XX вв. – М., 2003.

4.Лотман Ю.М. Очерки по русской культуре XVIII в. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1990.

Об авторах

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *kafedra338@mail.ru*

Савченкова Евгения Сергеевна – студентка 4 курса филологического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *kafedra338@mail.ru*

УДК 10.01.00

УСАДЕБНЫЙ МИР ДЕТСТВА АЛЕКСАНДРА ШАХОВСКОГО: К БИОГРАФИИ ДРАМАТУРГА

Филиппова А.А.

В статье на основе неопубликованных ранее документов, писем, воспоминаний и имеющихся немногочисленных исследований биографии А.А. Шаховского восстанавливаются некоторые сведения о раннем периоде жизни, реставрируется атмосфера усадебного быта, сформировавшего характер, мировоззрение, театрально-драматургический талант известнейшего в начале XIX века представителя культуры и литературы.
Ключевые слова: *Шаховской, усадьба, быт, атмосфера, формирование, мировоззрение, новый ракурс.*

MANOR ALEXANDER SHAKHOVSKY WORLD OF CHILDHOOD: THE BIOGRAPHY OF THE PLAYWRIGHT

Filippova A.A.

On the basis of previously published documents, letters, memoirs and biographies few studies available AA Shakhovsky restored some information about early life, the atmosphere is restored manor life that generated character, outlook, theatrical and dramatic talent of the famous at the beginning of the XIX century representative of culture and literature.
Keywords: *Shakhovskoy, estate, household, atmosphere, formation, ideology, new perspective.*

В 2016-2017 гг. литературная общественность будет отмечать памятные даты, связанные с именем известного и значимого деятеля русского искусства и литературы начала XIX века Александра Александровича Шаховского: в 2016 году – 170 лет со дня смерти писателя, в 2017 году - 240 лет со дня его рождения. Жизнь и творчество этого художника за прошедшие 200 лет не достаточно полно освещены в научной литературе, поэтому каждая новая «реплика» может дополнить, обогатить, дать новый ракурс в понимании и оценке истории формирования личности художника, его характера, места в культурном процессе эпохи, а также внести лепту в возможную «Летопись жизни и творчества А.А. Шаховского». Здесь мы ставим задачу на основе неопубликованных ранее документов, писем, воспоминаний и имеющихся немногочисленных исследований биографии художника слова восстановить некоторые сведения о раннем периоде его жизни, реставрировать атмосферу усадебного быта Смоленской губернии, сформировавшую его мировоззрение и определившую творческие интенции.

Основой для первых биографических работ (*Саитов В.* Очерк жизни и деятельности кн. А.А. Шаховского.// Сочинения К.Н. Батюшкова. – СПБ: 1886. Т.3*;.Гаршин Е.* Один из забытых писателей // Исторический вестник. 1883. Т.13. № 7; *Сиротинин А.* Князь А.А. Шаховской // Русский архив. 1896. № 4; *Ярцев А.А.* Очерк жизни и деятельности кн. А.А. Шаховского.// Ежегодник Императорских театров 1894 – 1895 гг.*; Ярцев А.А.* К жизнеописанию князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1896. № 3.) о А.А. Шаховском послужили письма и записки самого князя, мемуары его современников, некрологи, помещенные в различных изданиях обеих столиц России в 1846 году [16, с.576], а также жизнеописание Р.М. Зотова [5], написанное со слов самого драматурга.

Как отмечает А.А. Ярцев, «биограф князя Шаховского поставлен в очень неблагоприятные условия при своей работе. Самых важных материалов, - документальных,- он не доищется; другие,- литературные, бесконечно разбросаны, и надо рыться в сотнях книг, выбирая иногда из каждой лишь по одной строчке. Из произведений Шаховского напечатана едва ли пятая часть». [24, с. 104]. В работе этого одного из первых биографов подчеркнуто, что период детства и юности драматурга «приходится проходить молчанием», хотя известно, что «среди биографических материалов данные о детстве занимают, конечно, важное место: знать, как прошло детство человека, какие семена были положены в основу будущего существования, значит объяснить себе многое в его последующей жизни» [24, с. 106].

Недостаточность документов, сведений очевидцев о детстве и юности личностей творческих, в нашем случае таких, например, как Грибоедов и Баратынский, братья Глинки и Хомяковы, Ширинский-Шихматов и др. – особенность многих биографий современников Шаховского, живших на рубеже XVIII-XIX веков. Необходимо отметить: все вышеназванные писатели, поэты имеют непосредственное отношение к смоленскому краю, т.е. смоленское «культурное

гнездо» сыграло немаловажную роль в их становлении, что даёт нам основание видеть в уездном быте смоленских дворян важную составляющую в формировании мировосприятия будущих талантов.

К настоящему времени появился целый ряд документов и публикаций, позволяющих по-новому взглянуть на ранний период жизни А.А. Шаховского, его родословную и дружеское окружение в смоленском крае, позже ставшее связующим звеном между столичным театралом и смоленскими провинциальными интеллигентами. Нам представляется важным ввести в научный оборот неопубликованные ранее материалы из центральных и областных архивов[4; 15], записи «Дневника» личного секретаря императрицы Екатерины II А.В. Храповицкого [6], мемуары смоленских дворян − современников драматурга [1, 8, 11]. Эти источники помогут внести ясность в некоторые уже известные факты, обогатив их новыми подробностями.

Необходимо отметить, что до сих пор факты жизни, проведенной будущим драматургом в Смоленской губернии; о его домашнем образовании и годах обучения в Московском благородном пансионе не всегда конкретны и довольно скудны. Так, например, нигде не удаётся обнаружить сведения о причинах благосклонного отношения к юноше государя, хотя, как отмечает Ярцев, доходило «до того, что строгий в делах службы Павел прощал Шаховскому некоторые ошибки против военной дисциплины, относя их к забавной рассеянности» [24, с.115]. Описывая детские годы писателя, все биографы чаще всего ограничиваются кратким сообщением о месте рождения, называя имена родителей, иногда пишут о влиянии матери на художественный дар мальчика. Все эти сведения восходят к письму А.А. Шаховского к родственнице и наследнице его архива Павле Михайловне Бакуниной [22, с.41-44].

На основании публикации Р.М. Зотова, который, как считает А.А. Ярцев, пользовался документальными источниками, А.А. Шаховской родился 24 апреля 1777 года в смоленском имении Беззаботы Ельнинского уезда [24, с.104 – 105]. В то же время князь Долгорукий в своей «Родословной книге» относит день рождения Шаховского к 24 февраля. [8, с.175]. Можно предположить, что это незначительное несовпадение в два месяца объясняется различными датами записи о факте рождения в сельце Беззаботы и записи о крещении младенца в церкви одного из близлежащих сел. В XIX в. А.А. Ярцев пытался разыскать метрики о рождении, предполагая, что Шаховского крестили в церкви села Ивонина. Но крещение могло пройти и в других ближайших церквях: или в приходской церкви села Нежода, к примеру, если опираться на описание окрестных сёл в записях Государственного архива Смоленской области [4, л.27], к которой была приписана ивонинская домовая церковь, или в других окрестных сельских церквях, т.к. к настоящему времени известно, что все они принадлежали деду и бабке А.А. Шаховского по материнской линии [15, ч.2, л.5; 21; 27].

Многие биографы А.А. Шаховского сообщают, что смоленское имение, в котором прошли детские годы будущего писателя, принадлежало отцу драматурга [См. 16; 24; 25], но это не соответствует действительности. Архивные документы свидетельствуют, что имение Беззаботы было устроено в середине XVIII века дедом будущего драматурга по матери поручиком Ф.Б. Пассеком (1713 – 1770 гг.) [21, с. 44], представителем старинного дворянского рода, происходившего из Богемии, переселившегося позже в княжество Литовское, а затем перешедшего на службу в Россию [2, с.93].

Федор Богданович Пассек приходился родным братом генерал-аншефу Петру Богдановичу Пассеку (1736-1804) и вместе с ним принимал участие в дворцовом перевороте, в результате которого взошла на престол Екатерина II. Она не забывала верных подданных; как свидетельствует запись в Государственном архиве Смоленской области, «Федор Богданович Пассек, способствовавший восшествию на престол императрицы, имел массу имений, подаренных Екатериной (Ивонино, Язвень, Беззаботы, Яковлевичи, Дарвино)» [4, л. 80об.). Описания усадеб, принадлежавших деду А.А. Шаховского в Ельнинском уезде, помогают воссоздать усадебную среду второй половины XVIII– начала XIX вв. в родных пенатах юного Шаховского. В селе Крашневе у Пассеков был деревянный господский дом, «большой сад с беседками, киосками, мостиками, множеством цветов и теплицей» [11, с.152], в Яковлевичах были «довольно большая библиотека и Ланкастерская школа для крестьянских мальчиков на 30 человек» [11, с.152]. Почти каждую из усадеб украшала церковь. Село Язвино на холмистой возвышенности на берегу речки Хмары среди имений Ф.Б. Пассека являлось как бы центральным и по культурному развитию, и по занимаемому месту [4, л. 71об.].

Здесь необходимо сказать несколько слов о родословной Шаховского, поскольку известные и властные родичи, несомненно, оказали серьезное влияние на формирование характеров, воспитание и образование младших членов семьи. Ф.Б. Пассек был женат на княжне Наталье Алексеевне Шаховской, предки которой вписали не одну славную страницу в историю Российского государства [26]. Яркую характеристику бабке Шаховского дает жительница Ельнинского уезда М.С. Николева, родственница известного литератора, драматурга XVIII века Н.П. Николева, в своих мемуарах: «Эта старуха-самодур позволяла себе многое, что другим бы не прошло даром: но у нея было

при хорошем состоянии громадное родство, смотревшее на нее как главу и корень. Чуть ли не половина губернии приходилась ей родней, и у нея собиралось большое общество» [11, с. 151].

Н.А. Шаховская еще до брака с Фёдором Богдановичем Пассеком, освящённом только в 1748 г., родила от него четверых детей, (по тем временам смелый поступок) в том числе и будущую мать литератора. «О Наталье Пассековой, рожд. княжною Шаховскою, сказано, что была опасна во время Им.(*ператрицы – автор ст.)* Е.(*лизаветы – автор ст.*); ибо та имела слабость ей верить», – писал в своем «Дневнике» личный секретарь Екатерины II смоленский дворянин А. В. Храповицкий [6, с. 17]. Бескомпромиссный характер бабки драматурга проявился, к примеру, в 80 – е гг. XVIII в. Юному Александру было уже 7 лет, когда она «писала Екатерине письма, в кот. просила о дозволении объявить важное дело. Для ее допроса отправлен был в Москву, в октябре 1784 года Шешковский, которому она и открыла: будто, по словам многих приезжавших к ней лиц, Московское смятение 1771 года, произошло по наущениям гр. П.И. Панина, замышлявшего через то возвести на престол в. кн. Павла» [6, с. 554]. В «Дневнике» Храповицкого на этот счет есть следующие записи: «Она была бы при Анне высечена, при Елизавете сидела бы в Тайной, есть такие письма, кои надлежало сжечь и не можно было отдать Шешковскому»; «говорено о Пас.*(ек- автор ст.)*: она стоит того, чтобы ее запереть, но по старости ея лет, пусть свой век доживает…» [6, с. 51, 55].

О матери А.А. Шаховского известно немного: Анастасия Федоровна Пассек родилась в 1741 году [8, с.175], большую часть времени проводила в родительских имениях и, как видно из воспоминаний А.А. Шаховского, имела большую склонность к литературному творчеству, мечтала о литературной карьере старшего сына. По замечанию А.А. Ярцева, на зародившийся в юном Александре дар стихотворства, мать его, - «сама беседовавшая с музой поэзии», повидимому, возлагала надежды, на славу сына [24, с. 11]. Зять Фёдора Богдановича и Натальи Алексеевны Пассеков − Александр Иванович Шаховской, прямой потомок третьей ветви старшей линии рода и дальний родственник бабки драматурга по матери [см. 26]. Женившись на Анастасии Федоровне Пассек, он получил за женой в приданое сельцо Беззаботы Ельнинского уезда, где проживал почти безвыездно [см. 25], но, повидимому, только до смерти жены. В Беззаботах был построен каменный господский дом и разведён обширный парк [21, с. 44]. От этого брака родились сыновья – Александр, Владимир (1778 – 1845 гг.) и Лев (1782 – 1831) [см. 26]. Таким образом, первенец этой четы через бабушку и отца объединил две ветви старинного княжеского рода, а младшие братья Александра вошли в ближайший родственный круг в ельнинских поместьях и, конечно, стали первыми товарищами по занятиям, играм и развлечениям.

В смоленский родственный круг, кроме родителей, дедушки и бабушки Пассеков входили родные тетки и сестры писателя по матери: Надежда Федоровна, в замужестве Гедеонова; Александра Федоровна, в замужестве Рахманова; Елизавета Федоровна, в замужестве Энгельгардт [21, с. 44]. Ближайшими соседями и дальними родственниками Пассеков были представители таких уважаемых смоленских фамилий, как Повало-Швейковские, Ширинские-Шихматовы, Николевы, Потемкины, Барышниковы и др. [см. 17]

А.А. Шаховской, вспоминая о своем детстве в Беззаботах, называя себя «сельским баричем», охарактеризовал свое воспитание как типичное для смоленских детей из дворян в последней трети XVIII века [22, с. 41-44]. Как и в других семьях поместных дворян, у Александра был воспитатель из народа. В автобиографических заметках А.А. Шаховского сохранилось имя «дядьки Емельяныча», «неизменного спутника и слуги русских баричей старинного завета», который сопровождал Шаховского в Петербург [24, с.110]. В описаниях церквей в имениях Ф.Б. Пассека, выполненных приходскими священниками в XIX в., сохранились выразительные характеристики крестьян господ Пассеков («с грубым языком» и суевериями) и их дворовых людей, воспринявших «привычки» своих владельцев. «Бывшие кучера и лакеи» обучали крестьян игре в карты и выражались на «господский манер»: «фарсон» (фасон); «мечтально» (моментально); «андеи» (идеи); «залхон» (балкон) и пр. [см. 4]. Но, конечно, не это окружение формировало мир будущего драматурга, а общая творческая атмосфера в имении.

Замечание А.А. Шаховского о том, что он «наследовал дар авторства от матери, которой долговременная болезнь помешала сделаться истинным поэтом, но она зародила в мою душу искру творческого огня» [22, с. 41-44], − позволяет сделать вывод, что воспитание в Беззаботах не ограничивалось негативным свидетельством Н. Страхова, приведенного В. Покровским: «Недавно дворянские дети выучивали не далее букваря, а с псалтыря навеки расставались с чтением книг» [13, с. 56]. Детство младших членов дворянских семей в XVIII - первой трети XIX вв. чаще всего проходило в усадьбах. Позже образование под руководством домашних учителей и родителей восполнялось образованием в столичных учебных заведениях. Просвещенность, хотя бы видимая, была в большой моде у смолян; мемуаристы сообщают, что

многие ельнинские помещики, не получив сами «достаточного образования, старались всеми силами» [11, с. 154] дать его своим детям в зависимости от имеющихся средств. Одни, как родители А.А. Шаховского, имели возможность обучать своих детей в Московском университете или Благородном пансионе, другим (например, С.Н. Глинке) приходилось учиться в казенных учебных заведениях: в Морском кадетском или Шляхетском корпусе. Большинство смоленских дворян находили возможность записать своих несовершеннолетних детей в Преображенский полк с последующей службой в нем. Цель служебной карьеры виделась им не только в получении чина, должности. Очень значимой для большинства представителей дворянского общества была забота о репутации, немаловажное место в обретении и поддержании которой занимало образование, оказывавшее среди прочего большое влияние на мировоззрение молодых людей.

Мировидение будущего поэта и драматурга Шаховского формировалось в традиционной патриархальной и религиозной атмосфере. Воспитанная в нескольких поколениях твердая вера в устои православного христианства не раз побуждала его предков и родных на богоугодные дела. Их фамилия не раз встречается среди списков устроителей и жертвователей сельских храмов [см. 4]. Александр Шаховской, проведший детство в Беззаботах, а позже приезжавший в имение на летние вакации из Московского Благородного пансиона, мог наблюдать за возведением храмов и присутствовать на их освящении. В 1787 г. стараниями деда писателя в селе Язвино на месте обветшавшей была возведена новая деревянная Покровская церковь и «рядом второй престол во имя Одигитрии Божией Матери»[4, л. 80об.-81]. По преданию, Фёдор Богданович Пассек построил ее в благодарность «за совершившееся с ним перерождение после отступления тяжелой болезни, последовавшей после того, как он, зараженный духом неверия и вольнодумства, за свое легкомыслие, сказанное им в кафедральном соборе пред Чудотворным образом Божией матери, поражен был вдруг этою болезнью»[4, л.80об.−81]. В воспоминаниях смолян − современников А.А. Шаховского есть немало примеров обязательного воспитания с детских лет любви к православной религии. Так, смоленский дворянин А.И. Барышников, хороший знакомый А.С. Грибоедова, описывая своё детство, вспоминает сцены ежедневных занятий с матушкой, когда ему приходилось по многу раз повторять молитву Богородице, трудно запоминавшуюся в пятилетнем возрасте [см.1]. Совершение религиозных обрядов с соблюдением старинных обычаев параллельно со следованием народным традициям и суевериям в семьях ельнинских дворян вспоминает смолянка М.С. Николева. [см.11] В «Записках» родственницы Грибоедовых А.И. Колечицкой описываются детские впечатления о встречах с монахами, совершавшими паломнические путешествия, рассказывается о воспитании детей по православным христианским канонам, о торжественных богослужениях по поводу освящения домовой церкви в смоленской усадьбе Казулино [см. 9]. Все эти примеры позволяют воссоздать религиозную атмосферу, в которой формировалось религиозное сознание Шаховского. Отмечая несколько периодов «в истории личных религиозных воззрений князя», А.А. Ярцев писал: «судя по одному намеку в автобиографическом письме к Бакуниной о своих годах, можно думать, что религиозные основы были заложены в душу Шаховского еще с детства» [24, с. 16].

«Второй основой мировоззрения князя Шаховского» А.А. Ярцев называет искреннюю любовь к Царю и Отечеству, глубинное национальное чувство и народность «в лучшем и точном значении этих слов» [24, с.18]. Истоки патриотизма, несомненно, восходят к происхождению и воспитанию А.А. Шаховского. В «Списках» Смоленской шляхты 1650 – 1727 гг. неоднократно встречаются имена предков драматурга, защитников Отечества – Пан Константин Пашкевич, Данило Пашко, Иван Данилов сын Пассек [см. 19]. Древний род Шаховских также не раз прославил себя на государевой и воинской службе [см. 26]. Среди предков драматурга бояре, царские стряпчие, стольники, камергеры, участники придворных заговоров и военных походов, боев под Смоленском и Измаилом, участники Крымских кампаний и походов в Малороссию. Предания о борьбе с «литвой» и о Смоленских походах, до сих пор бытующие в народе, были знакомы А.А. Шаховскому с детских лет. Недалеко от села Язвень при впадении в речку Добрую безымянного ручья «местность называлась «городище»; здесь, как сообщается в Описании села Язвень, были «остатки укреплений, а крестьяне находят остатки копий и ножей, предметы относятся к периоду владычества Литвы» [4, л. 82об.]. Уже в зрелые годы Александра Шаховского серьезно занимали биография и деяния русских царей, особенно Петра I, так же, как и героическая битва за Смоленск в XVII в., о чём свидетельствуют его письма и произведения.

«Третьей основой мировоззрения Шаховского,− по утверждению А.А. Ярцева, − после религиозных верований и патриотических убеждений, была его любовь к театру и литературе, давшая направление всей его жизни и деятельности» [24, с.23]. Ф.Ф. Вигель отмечает, что А.А. Шаховской был рожден для театра и

«… с малолетства все помышления его к нему стремились, все радости и мучения ожидали его на сцене и в партере» [3, с.126]. В преданиях семьи Шаховских «из рода в род передавалось памятка о театральных представлениях далекой старины». По рассказу самого драматурга, прабабка его, Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня Царевны Софьи Алексеевны, представляла Екатерину Мученицу в трагедии, сочиненной самой царевной, и сказывала бабке Шаховского, а своей дочери, что Петр Великий, бывая всегда на театральных зрелищах в теремах своей сестры, прозвал Арсеньеву «Екатериной Мученицей – большие глаза» [10, с. 2].

В усадьбах смоленских помещиков принято было устраивать спектакли. Участвовал ли сам будущий драматург в постановке сцен на усадебном театре мы не знаем, но об одном домашнем народном представлении князь Шаховской сохранил память с ранних детских лет до старости. «В доме его бабки слуги представляли «комедь»: выходили на середину комнаты, − один будто господином, в самом нарядном платье, другой его слугою, в лохмотьях, − и вели комический разговор в насмешку над промотавшимися помещиками» [10, с. 1]. «Домашняя музыка и домашние театры были делом моды, − писал владелец Дорогобужской усадьбы Алексино А.И. Барышников. – …Мать моя, при ее веселом характере, любила удовольствия общественной жизни, а потому у отца моего съезжались часто знакомые и родные, были обеды, танцевальные вечера, завели свой оркестр и даже свой театр». [1, с. 238].

Известно, что крепостные театры и оркестры были у многих смоленских помещиков: Лопухиных, Грибоедовых, Карабановых, Лыкошиных, Лысогорских. До сорока человек насчитывали крепостной театр, хор и оркестр дорогобужского помещика В.Г. Богдановича в селе Карачарове [см.14]. Любопытно замечание А.А. Филипповой, характеризующее, с одной стороны, относительную волю крепостных артистов, а с другой, − их рабскую зависимость от причуд барина: «Сначала театр был в Петербурге; вследствие пьянства и буйства актеров в столице, В.Г Богданович отправил их в деревню; возвращаясь в Смоленскую губернию, они совершили в свою пользу артистическое турне по России, продолжавшееся около года, и вернулись со сбережениями. За провинности артистов заставляли рыть пруды. Театр прекратил существование в 20 – 30 х гг., когда часть артистов была обращена к практическим занятиям».[20 с. 68]. Одним из самых известных крепостных театров в Ельнинском уезде был театр А.А. Глинки, дяди знаменитого композитора. По воспоминаниям одной из представительниц этого дворянского рода, крепостных музыкантов дворяне Глинки передавали по наследству из поколения в поколение наряду с усадьбами и земельными угодьями как одно из достояний рода [см. 5]. Упоминание о крепостных музыкантах и «певчих» встречаем и в «Записках» смоленского помещика И.Д. Якушкина: «Покойный дядя мой, после которого досталось мне Жуково, был моим опекуном; при небольшом состоянии были у него разные полубарские затеи, в том числе музыканты и певчие» [23, с. 28].

Позже, «живя в Москве, Шаховской еще мальчиком, бывал в Медоксовом театре и помнил на склоне лет, как он, лет одиннадцати, привезенный в театр в первый раз, разрыдался от разлуки героя и героини трагедии» - упоминает А.А. Ярцев эпизод из письма к П. Бакуниной. [24, с. 122]. Надо сказать, что будущий писатель мог посещать и публичный крепостной театр родственника − князя Б.Г. Шаховского. Первым успехам Шаховского-драматурга в петербургском театре во многом способствовал его смоленские родственники, приближенные ко двору: по материнской линии. В первую очередь, это был П.Б. Пассек познакомивший его с известным в своё время писателем Фёдором Эминым, «Тотчас по приезде отправился Шаховской к своему вельможному дедушке Пассеку, тогда уже генерал-аншефу», который рекомендовал его поэту Эмину; «в запасе была еще богатая родня… Двоюродный брат его отца, «истинный образец русского вельможи», принял в Шаховском самое близкое родственное участие». [24, с. 111-112], Н.К. Пиксанов констатировал в своих исследованиях: «И в Москве, и в Петербурге, во Владимире, в Костроме, везде, куда бы ни приезжал смоленский дворянин, он всюду находил гостеприимство и поддержку [12, с.71]. Вероятно, этой поддержке драматург был обязан своему отцу, имевшему знакомства в дворянских кругах, благодаря службе в молодости при дворе Павла.

И всё же, возвращаясь к детству и ранней юности драматурга, отметим, что, возможно, воспоминания о смоленских Беззаботах были еще совсем свежи в памяти Александра Шаховского, когда действием своей комедии «Новый Стерн» он избрал место в пятистах верстах от Москвы в «приятном местоположении; вдали река и мельница, на левой стороне пригорок с растущими на оном соснами» [18, с. 10]. А о смоленских родственниках драматург мог вспомнить при написании комедии «Своя семья или Замужняя невеста»: главный герой комедии − Любим − привозит свою невесту в тот город, где живут все его тетки и дяди.

Сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что на становление религиозного сознания, патриотических убеждений, эстетических предпочтений Александра Александровича Шаховского огромное влияние оказало детство, проведенное им в смоленских имениях, взрастивших общей этической атмосферой, домашними театральными затеями талант и ум, «живой, здоровый, острый и восприимчивый», извлекающий «пищу для себя из всех явлений жизни» [23, с. 15].

Список литературы

1. Барышников А.И. Воспоминания. // Культурные традиции Сафоновской земли: от прошлого к современности. Сборник докладов краеведческой конференции, посвященной 50-летию города Сафоново Смоленской области. - Смоленск: СмолГУ. 2003. С. 230-247

2. Брокгауз Ф.А., И.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь в 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПБ: 1890-1907. Т. XXXIX. С. 225-228.

3. Вигель Ф.Ф. Записки. - М., 1892. Издание «Русского архива».. Ч. III. 189 с.

4. ГАСО - Государственный архив Смоленской области. Ф. 391. (И.И. Орловского – преподавателя женского епархиального училища в Смоленске, историка, инициатора и хранителя описаний приходов Смоленской епархии).

5. Деверилина Н.В., Королева Т.К. «Я открою вам сердце мое». – Смоленск: 2004. 160 с.

6. Дневник А.В. Храповицкого.1782 – 1793. – СПБ: 1874. 649 с.

7. Зотов Р.М. Записки // Исторический вестник. 1896. Т.64. № 6; Т.65. № 7-9; Т.66. № 10-12.

8. Князь П. Долгоруков. Российская родословная книга. – СПБ: Тип. Карла Винберга. 1854. Ч. I, 354с.

9. Колечицкая А.И. Мои записки от 1820 года.//Лица. Биографический альманах.- М-СПБ: Феникс.1995. С.291-325.

10. Летопись русского театра. Вступление.// «Репертуар». 1840. № 6. – С.1-3.

11. Николева М.С. -12-Черты старинного дворянского быта. // Русский архив. № 10. 1893. С. 129-196

12. Пиксанов Н.К. Исследования и характеристики – Л: 1934. 336 с.

13. Покровский В. Александр Сергеевич Грибоедов. Его жизнь и сочинения. – Москва: 1911. 248 с.

14. По поводу выставки «Крепостной театр». // Сборник общества изучения русской усадьбы. 1928. 15. РГАДА. Ф. 1354 ,Оп. 451,Ч.2.

16. Русский биографический словарь, изданный под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцева. Том: Чаадаев – Швитков. Под. ред. Ф.А. Витберга. СПБ, 1905.Т. 22. С. 571-576.

17. Симакина Г.Ф. Верба у ручья.//Вторая жизнь Хмелиты. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры «Памятники Отечества». – М: Альманах «Памятники Отечества». 1997. С.117-129.

18. Смоленская земля в памятниках русской словесности. – Смоленск, Маджента. 2012. Т.9. А.А. Шаховской. 287 с.

19. Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов.// Смоленская шляхта. Под ред. Б.Г. Федорова. М: РЭО, 2006. Т.1 489 с.

20. Филиппова А.А. А.С. Грибоедов и русская усадьба. Хмелитский сборник. Вып. 13. Смоленск: Тип. им. В.И. Смирнова. 2011. 179 с.

21. Чижков А.Б., Гурская Н.Г Смоленские усадьбы. Католог с картой расположения усадеб. - Смоленск: Свиток. 2009. 192 с.

22. Шаховской А.А. Вступление в мое наземное поприще. (Письмо к П.М. Бакуниной).// Журнал «Маяк». 1840. Ч. VI. С. 41-44.

23. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. – СПБ: Наука. 2007. 754 с.

24. Ярцев А.А. Очерк жизни и деятельности кн. А.А. Шаховского.// Ежегодник Императорских театров 1894 – 1895 гг. Кн. 2-3.

25. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki /Шаховской, Александр Александрович (доступ на сайт 11.12. 2015 в 15.30)

26. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаховские (доступ на сайт 11.12. 2015 в 15.40)

27. URL: http://temples.ru/tree.php?ID=45(доступ на сайт 11.01. 2015 в 10.40)

Об авторе

Филиппова Альбина Александровна – кандидат филологических наук, заместитель генерального директора по научной работе в музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита», *alla.nauka@mail.ru*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-112.4

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Алексеев А.В.

В статье рассматривается категория символического значения слова на материале праславянского и древнерусского языков. Символ понимается как особое семиотическое явление – знак с удвоенным означаемым, образный знак. Символическое значение возникает в результате совмещения первичного и вторичного значений при употреблении слова. Подобные значения возникают прежде всего при ритуальном употреблении языка, но также отражаются в исторически засвидетельствованных формах полисемии.

Ключевые слова: *историческая лексикология, лексическая семантика, история русского языка, символическое значение, полисемия.*

THE SYMBOLIC MEANING OF A WORD IN THE ETYMOLOGY AND HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Alekseev A.V.

The article considers the category of the symbolic meaning of the material proto-Slavic and old Russian languages. A symbol is understood as a specific semiotic phenomenon – a sign with twice the signified, a figurative sign. Symbolic value is the result of combining primary and secondary values when the use of the word. Symbolic values occur primarily in a ritual use of language, but also reflected in the historically attested forms of polysemy.

Keywords: *historical lexicology, lexical semantics, history of the Russian language, symbolic meaning, polysemy.*

Символическое значение слова – категория лексикологии, которая до сих пор не определена в достаточной степени ни в сущностном отношении, ни методологически. В двадцатом веке исследования символа в русской филологии в основном ограничивались сферами литературоведения и философии, а внимание отечественных лингвистов было сосредоточено на логических структурах, на соотношении лексического значения и понятия. Важнейшим прорывом в лингвистическом «заговоре молчания» стала, на наш взгляд, статья Е.В. Шелестюк: в этой работе была указана противоречивость понятия «символ» [21, с. 125] и были рассмотрены перспективы лингвистического изучения символа не только и не столько в качестве конвенционального знака (первый тип символа), а прежде всего в качестве знака с «удвоенным», дополнительным содержанием (второй тип символа).

Вместе с тем в некоторых областях и направлениях языкознания «символическое значение» уже достаточно давно является востребованной категорией. В рамках Воронежской научной школы символическое значение слова изучается при сопоставительном изучении языков: [13], [12]. В практическом плане такое изучение (в частности, сопоставление русской и английской культурно значимой лексики) опирается на теорию первичных и вторичных, денотативных и коннотативных значений [15, с. 33]. Утверждается, что символическим значением следует считать такое коннотативное вторичное значение, которое не обладает мотивированной связью с первичным денотативным значением: «Символическое значение из естественного развития исходной семемы не объяснимо» [12, с. 176]. Отсюда следует, что к словам-символам должны относиться только немотивированные, конвенциональные семиотические единицы (знаки), что, конечно, вполне соответствует известным постулатам Ф. де Соссюра. При исследовании символических значений основоположник лингвистического структурализма Ф. де Соссюр указывается в общем авторитетном ряду многих исследователей символов: К.Г. Юнг, П. Флоренский, Э. Фромм, К. Ясперс, Ц. Тодоров, А.Ф. Лосев, Ф. де Соссюр, В.Н. Топоров [12, с. 18]. При этом совершенно не учитывается, что, например, Ф. де Соссюр и П. Флоренский придерживались ровно противоположных взглядов на природу символа. В частности, П. Флоренский утверждал, что в символе необходимо усматривать «законную, т.е. внутренне-обязательную для себя, связь внешнего выражения и внутреннего содержания» [20, с. 196]. Именно на труды П. Флоренского опирался, в свою очередь, А.Ф. Лосев, основоположник отечественной теории символа; А.Ф. Лосев усматривал в символе «связь внутреннего содержания или внутренней жизни предмета и его внешней выраженности» [10, с. 242].

Невозможно строить лингвистическую теорию на взаимно противоречивых, исключающих друг друга положениях. При изучении символа и, соответственно, символического значения необходимо прежде всего определиться с вопросом о его природе: является ли

символ условным и мотивированным (знаком) – или немотивированным. От решения этого вопроса зависит построение продуктивной методологии исследования. Например, распространившееся противопоставление метафоры и символа как мотивированного и немотивированного семантического явления [14, с. 33], как видно из приведенных цитат, не подтверждается филологической теорией: затруднительно говорить о несомненной немотивированности символа.

Методология исследования символических значений слова обычно опирается на тезис о тесной связи языка и культуры. Как показали работы Э. Кассирера, символические структуры присутствуют во всех областях культуры и в то же время представляют собой финальную стадию развития форм языка [5, с. 247]. При этом естественный язык должен рассматриваться как один из культурных кодов – первичная кодирующая система, что имеет давнюю традицию в отечественной филологии, в Московско-Тартуской семиотической школе (о понимании культуры как текста, развернутого кода, моделирующей системы, вторичной по отношению к языку, см.: [11, с. 465]; [4, с. 7]). В исследованиях феноменов культуры термин «символ» используется весьма широко. Например, в этнографических или археологических исследованиях под символом понимается определенная графическая форма, которая указывает на некую абстрактную сущность, в частности, на религиозные понятия, этические нормы, космологические представления; в качестве примера может быть указан крест [2, с. 152]. К этой традиции восходит обозначение термином «символ» элементов алфавитных систем, букв. Здесь мы имеем дело в конечном счете с символом первого типа, то есть с конвенциональным знаком.

Слово (знак естественного языка) приобретает символическое значение в том случае, если оно пересекается с одним из языков (кодов) культуры, и при этом «означаемое первой системы становится означающим во второй» [3, с. 36]. Символические значения возникают на основе предметных: *крест, держава, венец* и другие подобные слова обозначают объекты, являющиеся элементами предметного кода культуры: ‘предмет в виде стержня и перекладины, пересеченных под прямым углом’; ‘золотой шар с крестом наверху’; ‘драгоценный головной убор, корона’. При проведении ритуала реализуются соответствующие символические значения: *крест* ‘спасительная жертва’, *держава* ‘государство’, *венец* ‘власть’. Определяемые таким путем символические значения слова активно изучаются в лингвокультурологии и близких к ней работах, предметом изучения становятся номинации соматического кода, бытовых предметов, названия элементов обряда [18]. Символическое значение, которое также понимается как мифологическое, противопоставляется при подобном подходе обыденному значению слова, то есть прямому [3, с. 44]. Понимаемое таким образом символическое значение обладает чертами двуплановости, возникающей из-за того, что слово участвует как в собственно языковой, так и в культурной коммуникации. Однако собственно лингвистические критерии выделения символического значения оказываются не вполне ясны, так как оно реализуется только при проведении ритуала, обряда, то есть определяется экстралингвистическими факторами. Эту проблему предлагается решать посредством теории дискурса, то есть с помощью описания обряда как лингвистического феномена [18, с. 12]. Однако ограниченность символического значения лишь обрядовым дискурсом резко снижает его актуальность для языка в целом.

Гораздо более перспективным представляется изучение символических структур в истории русского языка, в частности, в исторической лексикологии в рамках Ленинградской / Петербургской школы языкознания. В работах В.В. Колесова слово-символ рассматривается как одна из явленных содержательных форм культурного концепта, возникающая на определенном этапе развития слова [7, с. 297-326], [9, с. 259-331]. Символ в истории слова возникает в результате пересечения понятия и образа, символ – это «образ, прошедший через понятие» [8, с. 63]. «Синтез образа и понятия, т.е. осознанный образ или, точнее, образное понятие порождает символическое значение» [7, с. 54]. Здесь также нужно видеть указание на двуплановость символа, соответствующее классическому пониманию: символ есть конкретный предмет (образ), служащий для передачи абстрактного объекта (понятия). Таким образом, можно предварительно определить, что символическое значение слова – это актуальное для общекультурной коммуникации лексическое значение, обладающее бинарной структурой, соединением и противопоставлением конкретной и абстрактной частей. При этом разумнее при историко-лексикологическом исследовании называть вторую (т.н. «абстрактную») часть символического значения «неперцептивной»: означаемое символа прежде всего характеризуется невозможностью чувственного восприятия, оно является неопределенным, неясным, лежит «за пределами человеческого понимания» [22, с. 16]; в древнерусском языке, в средневековой культуре сама категория абстрактности не была еще сформирована в полной мере [1, с. 229].

Как же можно объяснить семантическую двуплановость символа и одновременно разрешить противоречие конвенциональности / мотивированности? Лингвистическая традиция употребления термина «символ» противоречива. Упомянутая выше теория символа

Ф. де Соссюра выделяет в качестве основного свойства языкового знака его условность, конвенциональность; следовательно, мотивированный тип символа оказывается невозможен в естественном языке. По мнению Ф. де Соссюра, в языке существуют только «независимые символы», их основное свойство – «отсутствие всякого рода видимой связи с обозначаемым объектом» [17: с. 91]. По остроумному замечанию Ц. Тодорова, «в основном Соссюр упоминает символы лишь для того, чтобы отрицать их...» [19: с. 339]. Между тем многие лингвисты признают, что «…иконические и индексальные составляющие языкового знака слишком часто недооценивались…» [23, с. 125].

Чтобы раскрыть в отношении слова вопрос о двух качествах символа, семантическом (мотивированность / конвенциональность) и структурном (наличие двуплановости), необходимо рассмотреть его в диахроническом аспекте. Является ли слово символом-образом или символом-знаком, обладает ли оно усложненной структурой означаемого? Может ли слово проявлять свои символические свойства за пределами обрядового дискурса?

Непротиворечивый ответ на эти вопросы может быть дан, если мы признаем нестрогий и опосредованный характер связи между означающим и означаемым символа – и слова. Нестрогость и опосредованность связи заключается в том, что она может быть представлена и как произвольная, и как мотивированная. Произвольность означает, что связь не детерминирована жестко природными свойствами объектов и при историческом развитии может изменяться, утрачиваться (так возникают конвенциональные символы, например графические символы в культуре); мотивированность заключается в том, что отношение означающего к означаемому определяется уже известными признаками, которые были выделены говорящими на основе социального опыта (в теории П. Флоренского такой опыт интерпретируется как мистический). Известные признаки были закреплены говорящими за существующими знаками, и мотивированный символ оказывается «знаком знака». Например, крест становится символом страдания и спасения, поскольку уже был соотнесен с искупительной жертвой Иисуса Христа. Таким образом, в момент своего порождения символ мотивирован и вследствие того обладает двуплановым означаемым. Будучи исторически развивающейся структурой, символ может утрачивать свою мотивированность и становиться конвенциональным знаком.

Слово является символом и обладает теми же свойствами. Рассмотрим символические свойства слова, изменяющиеся в ходе исторического развития, на конкретном примере.

Древнерусская лексема *городъ* восходит к праславянской форме **gordъ*, чьим первоначальным значением было ‘стена, окружающая определенное место’ (семема 1). Реальность такого этимона подтверждается данными различных славянских языков и диалектов, в которых исходный признак ‘стена, ограда’ распространился на целый ряд достаточно разнородных объектов, объединяемых по признаку огороженности (привлекаем в том числе некоторые вторичные, производные формы, сохранившие исходный семантический признак): болг. *град* ‘город’, макед. *град* 'город, крепость', те же значения у сербохорв. и словен. *grad*, чеш. и слвц. hrad ‘крепость, замок’, то же значение у в.-луж. *hród*, при том что в н.-луж. *grod* ‘город или замок (дворец)’, польск. *gród* ‘крепость, замок’, полаб. *gord* ‘сарай, гумно’; болг. *гра́да* 'ограда', в.-луж. *hródź* ‘хлев’, н.-луж. *groź* ‘конюшня, хлев, курятник’ [39, с. 37]. Ср. также рус. диал. *городень* ‘часть забора’, *городина* ‘часть хлева; навес во дворе’, *городок* ‘заградительная сетка’ и т.п. [28, с. 57-58]; *город* ‘загородка’, 'изгородь вокруг дома', 'огороженное место', 'рыночная площадь', 'базар’, при переносе ударения на второй слог – 'огород, гумно’ [28, с. 55-57], ср. также укр. диал. ‘усадьба’. Явная дифференциация значений между исходными формами и более поздними свидетельствует о том, что в общеславянском языке в первоначальном широком значении стали выделяться отдельные аспекты: ‘пространство, предназначенное для сельскохозяйственных работ’ – ‘пространство, защищенное в военных целях’.

В древнерусских письменных памятниках отражается как первичное значение ‘стена, ограда’ (семема 1), так и одно из вторичных – ‘защищенная в военном отношении территория, населенная крепость’ (семема 2). В данном сопоставлении мы оставляем в стороне крайне интересный вопрос о соотношении в древнерусских текстах полногласной и неполногласной форм и о функционировании неполногласной формы *градъ*. Далее приведены примеры употребления полногласной формы. Семема 1: *А се закладаюче городъ … імати же ѥму, донелѣ городъ срубѧть.* РП ПП [РП 1940: 114]. *Манастырь тотъ городомъ одѣланъ весь.* Дан. иг. [34, с. 555]. *Заложи ц[ьрко]вь … у воротъ и городъ каменъ.* ПВЛ Р [26]. *Яко доиде града володимиря. манастырь тоу соущии близъ города.* Усп. сб. 41б. [36]. *А угры твердяху каменые городы желѣзными вороты.* Слово о погиб. [25]. То же значение в ЛЛ: 76; 110; 116об. [26]. Семема 2: *Из своѥго города въ чюжю землю.* РП ПП [27]. *Оустрьмися къ Кыѥвоу городоу.* Усп. сб. 31а. Там же: 35в; 17б [36]. *И городы Червеньскъія зая собѣ. и приде в свою землю*. ПВЛ Л. 49; аналогичные употребления с глаголами со значением ‘владеть’ в ЛЛ: 13; 19; 87; 89об.; 96об.; 103; 131 [26]. *И бы[сть] гладъ великъ в городѣ.* ПВЛ Л 44; аналогичные употребления *въ* + мест.п. в ПВЛ: 44; 88об; 90; 96об.; 97об., 104об., 108об., 126, 126 об. и др. [26]. *Бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и*

князьми грозными. Слово о погиб. [25].

В древнерусском языке свойствами укрепленной стены (означаемое 1) никак не обусловлен выбор фонемного комплекса *город-ъ*. Однако выбор формы *город-ъ* для номинации крепости (означаемое 2) мотивировано социальным опытом, так как стена признается важнейшим, конституирующим свойством крепости и за объектом «стена» уже закреплена номинация *город-ъ*. В ряде случаев можно видеть примеры, в которых снимается противопоставление двух семем, следовательно, необходимая для символического значения двуплановость реализуется в тексте[1], ср. Усп. сб. 41б: *близъ города* ↔ ‘недалеко от стены’ ↔ ‘недалеко от крепости’[2].

В дальнейшей истории слова *городъ* в результате углубления метонимической перспективы оформились новые значения ‘населенный пункт’ и ‘население’. В исторической перспективе цепочка семиозиса выглядит следующим образом: *городъ* ↔ ‘стена’ → ‘крепость’ → ‘населенный пункт’ → ‘население’. Последующие значения также могли совмещаться в контексте, ср. Слово о погиб.: *городы* ↔ ‘крепостями’ ↔ ‘населенными пунктами’.

В современном употреблении *город* ‘населенный пункт’ слово предстает как условный, конвенциональный знак в результате утраты промежуточных элементов цепочки (‘стена’ и ‘крепость’): номинация населенного пункта никак не мотивирована. Однако еще в старорусский период мотивированность сохранялась: место, где живут люди, называется городом, потому что оно обнесено стеной и безопасно для жизни, предоставляет защиту в период военных действий. Ср. примеры реализации и исходного, и вторичного значения в одном тексте (список 40-х гг. XVII в.*): з города прежде дважды или всего трижды стрелиша* – ‘стена’; *а с Лисовским дворяне и дѣти боярские многих розных городов* – ‘населенная крепость’. Сказ. Авр. Пал. [24].

Приведенная иллюстрация позволяет видеть, что слово, рассмотренное со стороны своих символических качеств, – динамическая структура: при утрате мотивирующих семем оно преобразуется в конвенциональный символ (символ первого типа), то есть в символ-знак. В случае преобладания мотивированности символ реализуется как двуплановый (многоплановый) образ (символ второго типа). При этом первоначальным значением мотивируется последующий смысл, далее семантический перенос повторяется, и возникает потенциально бесконечная цепочка означаемых, глубокая смысловая перспектива. Иными словами, в диахроническом аспекте слово может обладать как мотивированностью и многоплановостью означаемого (в ряду семем), так и конвенциональностью (после утраты промежуточных семем). Символическим значением слова может быть названо такое его употребление, при котором многоплановость и мотивированность реализуются в речи и закрепляются в системе языка.

Мы можем заключить, что принадлежность слова к символам определяется историчностью слова – обусловленностью новых семем набором уже существующих лексических значений. Это свойство может быть названо внутренней формой лексической системы по аналогии с внутренней формой языка и внутренней формой отдельного слова. Собственно внутренняя форма слова также, и в первую очередь, свидетельствует о символическом семиозисе: слово рождается как символ, его мотивированность максимальна в момент рождения. Символический характер внутренней формы слова виден уже из ее описания в работе А.А. Потебни, который понимал внутреннюю форму как символ, который замещает собой лексическое значение [16, с. 90]. Внутренняя форма, в отличие от лексического значения, представляет собой не образ предмета, но образ этого образа [16, с. 125]. Таким образом, внутренняя форма слова реализует семиотическую схему двойного означаемого (двуплановость символа): слово – образ образа (собственно внутренняя форма) – образ предмета (лексическое значение). Соотношением внутренней формы с лексическим значением обеспечивается первое в истории слова символическое значение, которое закрепляется в языке за счет мотивирующих словообразовательных связей. Соответственно, если внутренняя форма утрачивается, символическое значение становится потенциальным, скрытым.

Для слова *городъ* исходное символическое значение обладало актуальностью только в протославянский (позднеиндоевропейский) период. Праславянская форма *gordos восходит к праиндоевропейскому архетипу *ghordh-, образованному от глагольной основы *gherdh-, имевшей значение 'охватывать, включать в себя, окружать' [40, с. 444]. Эта основа не сохранилась в славянских диалектах, однако имеются индоевропейские параллели, которые позволяют восстановить внутреннюю форму протославянского (позднеиндоевропейского) слова. Ср: балтийские: лит. *gařdas* ‘огороженное место, стойло, загон’, жем. *gardìs* ‘решетчатый борт воза’; индоиранские: др.-инд. *gṛhás* ‘дом’, авест. *gərəd* ‘местопребывание, пещера, дом’; германские: гот. *gards* ‘дом’, др.-сакс. *gardo* ‘сад’, др.-исл. *gerði* 'огороженный участок земли', др.-в.-нем. *gart* ‘круг, дом, двор, ограда’, др.-англ. *geard* ‘ограда, жилище, сад’ [37: с. 443], [38, с. 207].

[1] Здесь и далее двунаправленной стрелкой ↔ обозначается связь между означающим и означаемым; однонаправленной стрелкой → обозначается семантическая филиация.

[2] В приведенном контексте двуплановость поддерживается неполногласной формой *града*, употребленной в значении ‘крепость, населенный пункт’.

Таким образом, мы видим древнейшую германскую – балто-славянскую – индоиранскую изоглоссу *ghordhos, внутренняя форма которой – ‘замкнутая граница пространства (результат окружения, охватывания)’, а первоначальное значение – ‘ограда, стена, ограничивающая определенную территорию, пространство’. Назначение огороженной территории не было первоначально четко определено: еще не сформировалось понятие с устойчивым интенсионалом, и лексическое значение протославянского слова было диффузным, широким. Слово соотносилось с целым спектром объектов, связанных с хозяйственной и социально-общественной инфраструктурой. Символическое значение определялось соотношением внутренней формы и широкого значения: **gordos* ↔ ‘граница’ ↔ ‘стена и ограниченное ею пространство человеческой деятельности (цивилизации)’. Посредством такого символического значения в протославянском языке оформлялось противопоставление населенного, окультуренного, безопасного места дикой, необжитой, опасной территории.

Итак, символическое значение слова представляет собой семему (объединение семем) с бинарной структурой, включающей перцептивный образ, доступный для непосредственного чувственного восприятия, и отвлеченное (неопределенное) содержание, связанное с эмоционально-нравственными, духовными, культурными категориями. Возможность такой структуры объясняется свойствами символа как семиотического явления: изначальной мотивированностью и двуплановостью. Символ и слово обладают исторической изменчивостью, поэтому символ может преобразовываться в конвенциональный знак, а слово не всегда сохраняет символическое значение. Для актуализации символического значения слова требуются дополнительные экстралингвистические и лингвистические факторы.

В пределах символического значения чувственный образ оказывается означающим для культурно значимого смысла. Подобная связь может быть зафиксирована путем изучения обрядов и ритуалов национальной культуры. При собственно лингвистическом описании символическое значение слова обнаруживается посредством диахронического анализа лексической семантики: через описание внутренней формы и семантической филиации слова.

Символические значения, возникающие при историческом развитии слова, на синхронном уровне могут быть слабо закреплены в системе языка. Для их реализации нужны прежде всего определенные речевые условия. Нельзя, однако, согласиться с тем, что символическое значение слова является «неестественным» его значением [12, с. 50-51, 56], реализуется только в условиях обряда [18, с. 6] – под действием экстралингвистических факторов. Данное утверждение опровергается тем, что семемы, связанные с означаемым символа (культурным содержанием), все же становятся во многих случаях фактом семантической истории слова, закрепляются в языке как значения вторичные, переносные. Ср. слова, рассмотренные выше: *венец* ‘царская власть’ [30, с. 155]; *держава* ‘правление; владение; государство’ [29, с. 222]; *крест* ‘тяжелая судьба, страдания’ [31, с. 1634]. Приведем другие примеры из области христианской сакральной лексики. *Пастырь* в символическом значении (при опоре на живописные изображения на стенах храма) ‘пастух [35, с. 443] ↔ наставник, учитель’; в переносном значении – ‘священник как руководитель паствы’ [32, с. 277]. *Чаша* в символическом значении ‘сосуд для причастия [35, с. 777] ↔ жизнь во Христе’; в переносном значении – «судьба, доля, участь» [35, с. 777] (характеристику значения даем по словарю – хотя в старославянских текстах вернее говорить во всех случаях не о переносном, а о символическом значении, так как, по крайней мере, актуальность обрядовой жизни для старославянской культуры не вызывает сомнений); «о мере радостей или страданий, выпавших на чью-либо долю» [33, с. 796].

Таким образом, о символических значениях слова можно судить и по лексикографическим источникам, ориентируясь на переносные значения, закрепленные в системе языка. Подобные значения представляют собой результат семантической филиации слова и в ряде случаев возникают в итоге разрушения семантической двуплановости символических смыслов. Собственно символические значения слова обнаруживаются прежде всего при анализе контекстов, связанных с ритуальной сферой культуры. Однако при соблюдении определенных речевых условий символические значения слова реализуются и за пределами ритуала. Анализ подобных условий должен составить предмет дальнейших исследований как современной, так и исторической лексикологии.

Список литературы

1. Борюшкина Е.Н. Отвлеченная лексика в Толковой Палее: Дис. ... кандидата филологических наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2013. 257 с.
2. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 285 с.
4. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период). М.: Наука, 1965. 245 с.

5. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.

6. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2: Добро и зло. –СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 304 с.

7. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.

8. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.

9. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 480 с.

10. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.

11. Лотман Ю.М. О метаязыке типологических описаний культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 462–485.

12. Медведева А.В. Символическое значение слова. Воронеж: Истоки, 2008. 192 с.

13. Пестова О.Г. Символическое значение слова как особый объект лингвистической семантики (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук. Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1988. 15 с.

14. Пименова М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // «Вопросы языкознания». М.: 2011. № 3. С. 19–48.

15. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания. М.: URSS, 2010. 171 с.

16. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 268 с.

17. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. 280 с.

18. Тараканова Д. А. Символический компонент значения диалектного слова: на материале говоров Среднего Приобья: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. 23 с.

19. Тодоров Ц. Теории символов. М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. 384 с.

20. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. 446 с.

21. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // «Вопросы языкознания». М.: 1997. № 4. С. 125–142.

22. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

23. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Академ. Проект: Деловая кн., 2001. С. 111–129.

24. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб.: Наука, 2006. 758 с.

25. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. 527 с.

26. Полное собрание русских летописей. Т.1. Л.: Академия Наук СССР, 1926. 488 с.

27. Правда русская. Ч. 1. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1940. 505 с.

28. Словарь русских народных говоров. В. 7. Л.: Наука, 1972. 356 с.

29. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 5. М.: Наука, 1977. 392 с.

30. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 2. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1951. 1393 с.

31. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 5. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1956. 1918 с.

32. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 9. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1959. 1482 с.

33. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. Т. 17. М.-Л.: Академия Наук СССР, 1965. 2126 с.

34. Срезневский И.И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. 1. СПб.: Императорская Академія Наукъ, 1893. 1420 с.

35. Старославянский словарь: (По рукописям X-XI вв.). М.: Русский язык, 1994. 842 с.

36. Успенский сборник XII-XIII вв. М.: Наука, 1971. 768 с.

37. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1964. 576 с.

38. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1993. 622 с.

39. Этимологический словарь славянских языков. В. 7. М.: Наука, 1980. 224 с.

40. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke verlag, 1959. 1184 с.

Об авторе

Алексеев Александр Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского городского педагогического университета, *alsalva@narod.ru*

УДК 811.161.1´37

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХРОНОТОПА В РАМКАХ ОБРАЗА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.К. ТОЛСТОГО[1]

Бурдина Е.А.

Рассматриваются публицистические тексты А.К. Толстого. Анализируются лексические единицы, репрезентирующие хронотоп в рамках «славянского мира». В ходе исследования определяются и сопоставляются локально-темпоральные лексемы, составляющие хронотопический комплекс в пределах контекста. Затрагивается проблема семантического воплощения триады «время – пространство – движение», что позволяет детальнее изучить фрагмент концептуальной и языковой картины мира автора.

Ключевые слова: *лексема; семантика; время; пространство; движение; хронотоп; «славянский мир»; картина мира.*

LEXICO-SEMANTIC REPRESENTATION CHRONOTOP WITHIN THE IMAGE SLAVIC WORLD IN NONFICTION TEXTS OF A.K. TOLSTOY

Burdina E.A.

The article deals with journalistic texts, AK Tolstoy. Analyzes the lexical units, representing the time-space, and the triad of «time – space – movement» in the «Slavic world» reflecting a fragment of conceptual and linguistic picture of the world of the author. The study determined, analyzed and mapped locally-temporal tokens chronotopic complex components within a context.

Keywords: *lexem; semantics; time; space; movement; chronotop; «slavic world»; picture of the world.*

Время и пространство, бесспорно, являются сферой существования человека в физическом и ментальном плане. Локально-темпоральный синкретизм объясняется прежде всего гносеологическими факторами, которые на лингвистическом уровне находят воплощение в пространственно-временной характеристике языка и речи. В любом контексте существуют лексические единицы, так или иначе выражающие пространственные и временные отношения, при этом многие лингвисты говорят не просто о взаимосвязи времени и пространства в языке, а о триаде – единстве времени, пространства и движения, – объясняя ее особым пониманием активности материи и ее локально-темпоральным содержанием в древности. При семантическом исследовании лексических единиц языка зачастую обнаруживается факт совмещения временного и пространственного значения, а также их взаимообратимость. Это проявляется, например, в наличии в русском языке значительного массива слов, которые могут одновременно служить для выражения временных и пространственных понятий: *промежуток, отрезок, интервал, начало* и т. п. [1, с. 276; 2, с. 109; 3, с. 54 – 56] Поскольку развитие локально-темпоральной лексики тесно связано с жизнедеятельностью человека, с эволюцией его сознания, это позволяет говорить о выражении временной и пространственной семы в структуре определенных лексем не только прямо, но и опосредованно, причем подобное явление не будет представлять собой нечто хаотичное, разрозненное. Человеческое мышление характеризуется, наряду с другими свойствами, диссипативными особенностями, иначе говоря, при восприятии информации все «рассеянные» явления действительности при их осмыслении формируются в определенную систему, актуализация одного слова влечет за собой рождение новых понятий и значений, что обусловлено самой реальностью. Восприятие индивидуума, таким образом, носит «ассоциативно-образно-логический характер», хотя и основывается на законах парадигматики и синтагматики языка и речи [4, с.140; 5, с. 52; 6, с. 93 – 94; 7, с. 6].

Безусловно, средоточие локально-темпоральных ассоциативных связей наиболее сконцентрировано в художественном тексте с его многочисленными семантическими пластами, однако публицистика также предоставляет богатый материал для исследования, поскольку подразумевает выражение собственного воззрения на мир (функция информирования) с активным использованием стилистических ресурсов языка (функция воздействия). Особый интерес в этом плане будут представлять публицистические тексты языковой личности с уникальным мировосприятием, содержащим в себе, с одной стороны, своеобразный дуализм, с другой – гармонию взглядов на жизнь и искусство. К таким личностям, несомненно, относится Алексей Константинович Толстой.

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках гранта №16-14-32001

Алексей Константинович Толстой всегда занимал особое место в истории русской литературы. Критики называли его романтиком среди реализма [8], поэтом безвременья [9], человеком, всю жизнь страдавшим от противоречий окружавшей его действительности, «нервом великого народа» [10]. «Рыцарская натура» – отзывался о нём И.С. Тургенев, за возвращение которого из ссылки хлопотал Толстой.

Л.П. Бельский в числе основных мотивов его поэзии называет чувство изящества, чистую любовь и веру [11]. В прозе же и драматургии на первый план выдвигается патриотизм в рамках понимания Толстым «славянского мира». Исторические и эстетические взгляды Толстого находят рельефное выражение в его публицистике [12]. «Славянский мир» Толстого эксплицирует индивидуальный пространственно-временной фрагмент его картины мира, что представляет интерес для нашего исследования.

Исторический процесс, по мнению Толстого, повлиял на особенности русской жизни: идеалы раннего средневековья, Владимира Крестителя, Новгородской республики были уничтожены монголо-татарским нашествием и трёхсотлетним владычеством орды над русским этносом. «Когда я вспоминаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов и отвратительной Москвы, которая более позорна, чем они, мне хочется броситься и кататься по земле от отчаяния: что мы сделали с дарами, которые дал нам Бог», – писал Толстой в частной переписке [Цит. по: 10, с. 9 – 10]. Общенародное начало новгородского вече, сочетание славянской самобытности с европейской спецификой уничтожилось московским царством, в которое «татарщина глубоко пустила корни», что вызывало активный протест Толстого. «Русские – европейцы, а не монголы!» – восклицал он [Цит. по: 10, с. 14]. Толстой был уверен, что в домонгольский период Киевская Русь и древний Новгород сочетали славянское начало с европеизмом, были образцом эстетического государства, о котором говорил Шиллер [13]. Как видим, славянский мир в представлении Толстого – это западный мир в противовес восточному, азиатскому, татарскому. Лексемы «запад» и «восток» в языковой картине мира автора актуализируют при употреблении не локальную сему, а в большей степени культурную – это номинации цивилизаций, и именно в этом семиотическом плане лексема «запад» наделяется положительной коннотацией – «идеал». Толстой считал, что история славян восходит к западным началам, а не азиатским, к идеалу чести, нравственности, человеколюбия, который даже Московское царство не способно уничтожить. «При этом Киевская Русь, Великий Новгород, Московское княжество предстают скорее как формулы его сознания, нежели как формы исторической реальности» [14].

Говоря о лексико-семантической стороне хронотопа «славянского мира» Толстого, невозможно не упомянуть о его отношении к двум ключевым философско-политическим направлениям середины XIX века – западничеству и славянофильству. Широко известные строки «Двух станов не боец» в полной мере характеризуют социальные взгляды автора. Так, он не поддерживал славянофилов с их идеей смирения и идеологией «Третьего Рима», усматривая в этом ложные идеалы монгольской государственности и татарские начала [13]. В письме к Б.М. Маркевичу Толстой выступал против бездумного смирения и слепого религиозного чувства: «От славянства Хомякова меня мутит, когда он ставит нас выше Запада по причине нашего православия» [12, т. 4, с. 478].

Западничество во многом соответствовало мироощущению писателя, его культурным, морально-этическим и эстетическим предпочтениям, однако он никогда бездумно не преклонялся перед Западом. Толстой всегда утверждал, что Россия – это равноправная европейская страна, а русский народ — европейский народ, отнюдь не принижая значение и национальное своеобразие русской культуры [14]. Толстой испытывал симпатию к кодексу чести и рыцарству средневекового Запада, но не к мещанской буржуазной Европе, которую он видел во времена своих путешествий. Не случайно его западничество исследователи называли «патриотическим» [15].

В «Проекте постановки на сцену трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”» находим реализацию этой мысли в приведённых контекстах через лексический комплекс ключевых лексем *честь, запад, западный, московский период, татарское владычество*:

(1) … *небесполезно сделать возражение на ошибочное мнение, что чувство* ***чести*** *в XVI* ***веке*** *было исключительно принадлежностью* ***Запада****. К прискорбию, мы не можем скрыть от себя, что в* ***московский период*** *нашей истории… чувство это… уродливо исказилось <…> Связь с* ***Византией*** *и* ***татарское владычество*** *не дали нам возвесть идею* ***чести*** *в систему, как то совершилось на* ***Западе****...*

Заметим, что выделенные лексемы в полной мере репрезентируют авторский хронотоп в рамках «славянского мира», поскольку совмещают в своей лексико-семантической структуре локально-темпоральную сему: локальная сторона передаётся через лексемы *Запад, Византия, татарское*, темпоральная – через *век, <московский> период, владычество*. При этом такой синкретизм актуализирует национально-культурную и нравственно-этическую потенциальную сему.

Необходимо уточнить, что в лингвистике хронотоп до сих пор не получил полного описания. При ши-

роком подходе лингвистическое локально-темпоральное состояние интерпретируется как остаточное наивное представление о сопряженности времени и пространства средствами языка различных ярусов. При узком подходе его рассматривают как языковую структуру, реализуемую в речи для выражения движения субъекта в ментальном пространстве и времени, тогда как в грамматическом времени оно статично [16].

Как показал анализ словника «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой, в лексике современного русского языка можно выделить несколько лексических групп, совмещающих в своей семной структуре локальную и темпоральную сему и потому относящихся к лексическому выражению хронотопа [17].

Это прежде всего лексемы, которые являются историзмами и экзотизмами одновременно, например:

Рыцарь *м. 1) Тот, кто в* ***средние века в Западной Европе*** *принадлежал к военно-землевладельческому сословию.* Терминологическое словосочетание *средние века* эксплицирует временное значение, топоним *Западная Европа* – пространственное.

В приведённых выше контекстах подобным локально-темпоральным синкретизмом наделяются ключевые сочетания:

московский период*: московский* – относящийся к Москве (локальная сема), *период* – ‘этап общественного или культурно-исторического развития, общественного движения в жизни страны или народа’ [18, т. 2, с. 115]; по Толстому, период российской истории, ознаменовавший возвышение Московского княжества, княжение и царствование рода Рюриковичей;

татарское владычество: прилагательное *татарский* Толстой употребляет в значении *татаро-монгольский*, т.е. ‘относящийся к татаро-монголам, связанный с ними’ [18, т. 3, с. 485], следовательно, понимается период татаро-монгольского нашествия и ига, владычество Золотой Орды (локальная сема), когда русские княжества попали в феодальную зависимость, история России с 1238 по 1380 гг. (темпоральная сема);

западное рыцарство: *западный* – относящийся к Западу как к пространству и как к цивилизации (локальная сема), *рыцарство* – ‘военно-землевладельческое сословие в странах Западной Европы в эпоху Средневековья, включавшее мелкопоместных и среднепоместных феодалов’ (хронотопическая семема, включающая локальные семы «страна», «западная Европа» и темпоральные «эпоха», «Средневековье»); у Толстого эта лексема употреблена в переносном значении ‘самоотверженность, великодушие, благородство в поступках’ [18, т. 3, с. 165].

Следует отметить особое место имён собственных при лексической экспликации хронотопа. Общеизвестно, что подобные лексические единицы имеют специфическую семантику, связанную непосредственно с денотатом, индивидуализирующие его и вносящие в высказывание дополнительные вероятностные оттенки. Так, В.А. Никонов в семантической структуре онимов выделял три пласта:

1) доономастическое значение – порой сложно определимое даже специалистами (*Париж – город племени паризеев*);

2) ономастический пласт – касается экстралингвистики (*Париж – столица Франции*);

3) отономастический – лишь часть носителей языка ассоциирует их с местом, где они пребывают *(«Париж Ветхого Завета» – А.С. Пушкин о Содоме*), или с личностью (Наполеон для Раскольникова) и т.д. [19].

Ономастический пласт – и в большей степени отономастический – способен вызывать в сознании индивида не только локальные, но и темпоральные ассоциации. Имя собственное может служить как пространственным, так и временным конкретизатором, своеобразным обозначением известных исторических или литературных событий, что в свою очередь приводит к их датировке и локации. То, что подобного рода локально-темпоральные связи не являются случайными, подтверждается их изучением на материале художественного текста [20; 21]. Мы также обращали на это внимание в своём исследовании при анализе философской категории «Время» в языке русской поэзии [22].

Понятно, что художественный текст, обладая концентрированной образностью, усиливает подобные ассоциации, однако публицистический не является исключением, что отчётливо выражается в приведённом ранее контексте (1) из «Проекта постановки на сцену трагедии “Царь Фёдор Иоаннович”». Как видим, автор, употребляя онимы *Иван Грозный* и *Византия*, актуализирует в них негативную коннотацию, что позволяет утверждать вводное слово «к прискорбию».

Интересно, что Толстой мог изображать в своих рекомендациях к постановкам русскую личность без прикрас, лишённой религиозно-этической основы, возводя описание персонажа от локального до общенационального типа. При создании такой характеристики автор нередко прибегает к сопоставлению «русское – иностранное», которое мы видим в контексте, связанном с описанием Луп-Клешнина: *Это тип мошенника преимущественно* ***русский****; по крайней мере его редко встречаешь между* ***иностранцами****.* (Проект постановки на сцену трагедии «Царь Фёдор Иоаннович»). Как видим, основа образа базируется на контекстных антонимах *русский – иностранец*, при этом общая для обеих лексем негативная коннотация, связанная с мошенничеством, индивидуализируется в обозначении специфики русского менталитета.

Оба проекта к постановкам отличаются необыкновенной скрупулёзностью в описании деталей, и

употребление Толстым этнонимов и их производных, содержащих в своей структуре локальную сему, в сочетании с темпоральной лексемой и указательного местоимения *то время* (= прошлое) помогает вербально донести авторский замысел до всех, в чьих руках находится судьба его произведения: о скоморохах*: …иные в* ***польских****, другие в* ***немецких*** *одеждах того* ***времени*** *в насмешку* ***шведам*** *и* ***полякам****, врагам Иоанновым*. (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного»).

Очевидно, что вербализация авторского хронотопа в приведённых контекстах выполняет различную эстетическую функцию: в первом примере локально-темпоральный лексический комплекс нацелен на описание внешней стороны постановки, во втором – на то, чтобы вскрыть смысловую сторону эпизода. Интересно, что в таких случаях хронотоп авторской картины мира накладывается на хронотоп постановки, сценической жизни, делая пространство многоплановым и взаимопроникающим.

Архитектоника трагедии может подаваться Толстым с применением параллелей, касающихся различных драматических школ: *Если представить себе всю трагедию в форме* ***треугольника****, то* ***основанием*** *его будет состязание двух партий, а* ***вершиною*** *весь душевный* ***микрокосм*** *Фёдора, с которым события борьбы связаны как линии,* ***идущие*** *от* ***основания треугольника*** *к его* ***вершине*** *или* ***наоборот****. Из этого естественно выходит, что одна* ***сторона*** *трагедии выдержана более в духе* ***романской школы****, а другая более в духе* ***германской***. (Проект постановки на сцену трагедии «Царь Фёдор Иоаннович».) Приведённый контекст является сплавом нескольких локальных слоёв: первый – пространство трагедии как драматического произведения, её архитектура, что репрезентируется лексемами *треугольник, основание, вершина, сторона*; второй – интрапространство персонажа, его внутреннее состояние (лексема *микрокосм*) и третий – место трагедии в пространстве мировой культуры (*романская школа, германская*).

Такое сопоставление встречается в публицистических текстах Толстого неоднократно. Чаще всего оно репрезентируется посредством употребления прецедентных имён, относящихся к культурному пространству Европы: *…признаваемым за ним всеми эстетическими критиками, начиная от* ***Аристотеля*** *до* ***Рётчера*** *и* ***Белинского****…* Очевидно, что в приведённом контексте антропонимы приобретают ещё и темпоральную потенциальную сему, которая актуализируется посредством предлогов «от» и «до».

Совмещение культурного пространства видится нам и в использовании Толстым варваризмов в рекомендациях к актёрской игре, связанных с раскрытием внутреннего мира персонажа русской истории, при этом в пределах одного контекста варваризм в таком случае может соседствовать с русским архаизмом: *В Иоанново время* ***бояре*** *стригли волосы коротко. Длинные волосы были признаком опалы, а причёска* ***à la tougique*** *вовсе не существовала*. (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного».)

Вербальному выражению хронотопа и в развитии сюжета (художественное время), и в постановке (сценическое время) способствует употребление лексем с семантикой движения (*восходящее, нисходящее,* сама лексема *движение*): *…здесь трагедия делится как бы на две половины:* ***восходящее движение*** *кончилось и начинается* ***нисходящее****. Весьма было бы желательно, чтобы все антракты были наполнены музыкой* ***русского*** *характера, которая согласовалась бы с содержанием следующего за ней действия.* (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного»).

Примечательно употребление во втором контексте лексемы «русского» – с её помощью автор словно уравновешивает архитектонику пьесы с её внутренним, смысловым, пространством, заключающим в себе фрагмент национальной картины мира.

В публицистических текстах Толстой не раз уточняет, что исторический материал интерпретируется им намеренно, чтобы выразить общечеловеческую правду, а не историческую. Нередко это выражается в использовании притяжательного местоимения *мой*: *…тогда как Иоанн (не исторический, а* ***мой*** *Иоанн), если бы ему сказали, что, сойдя с престола, он может упрочить за своими наследниками положение богов на земли, был бы в состоянии принести эту жертву…* (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного».); *Это очевидно не* ***мой*** *Фёдор*. (Там же.) Общечеловеческая же правда состоит, по мнению Толстого, в мотиве возмездия за нарушение историческим деятелем нравственных и духовных законов, повлекшем за собой национальную трагедию, которая продолжает своё движение по спирали вплоть до современности, в которой живёт автор трилогии. Толстой видит в своём времени продолжение «позорного московского периода», выражающееся в духовной деградации нации. Автор нередко подчёркивает, что он намеренно преломляет хронотоп истории сквозь сценическое видение: *По праву драматурга я сжал в небольшое* ***пространство*** *несколько* ***периодов жизни*** *этого лица, которых историческое развитие требовало гораздо дольшего* ***времени****; …здесь необходимо отступление от* ***исторической*** *правды для* ***сценических*** *требований.* (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного».) В реализации своей концепции ему помогает употребление темпоральных лексем *период, жизнь, время* и локальной *пространство*, а также, полагаем, контекстных антонимов *исто-*

рическая – сценическая, в которых видится пространственное соотношение *история* как внешнее пространство, окружающее автора, и *сцена* как имитация, этого пространства, его авторская модель.

В то же время в рассуждениях Толстого видна чёткая дихотомия «национальное – общечеловеческое», где к общечеловеческому можно отнести не только морально-этические и нравственные аспекты, но и «законы искусства», что выражается в хронотопическом лексическом комплексе *русский, европейский, абсолютный, вечный*: *Есть* ***русские*** *нравы,* ***русская*** *физиогномия,* ***русская*** *история,* ***русская*** *археология; есть даже* ***русское*** *искусство — но нет* ***русских*** *начал искусства, как нет* ***русской*** *таблицы умножения. Нет, в строгом смысле, и* ***европейских*** *начал, а есть начала* ***абсолютные, общие, вечные****.* (Проект постановки на сцену трагедии «Царь Фёдор Иоаннович».)

Добавим, что идея славянского мира нередко выражается Толстым в сопоставлении лексем, эксплицирующих реалии, связанные с русским и европейским образом жизни. Наиболее ярко такое сопоставление проявляется в тексте произведения «“Смерть Иоанна Грозного” на веймарской сцене», где автор делится своими впечатлениями о видении европейцами русской истории и опасениями о том, что будет нарушена «этнографическая точность». Большей частью столкновение культур эксплицируется им в тематических группах «Декорации» «Одежда», «Внешний вид», «Нравы и обычаи»:

(1) *В этот день я в первый раз увидел* ***декорации****. Они были неудовлетворительны для* ***русского*** *археологического глаза… <…> Осматривая* ***костюмы****, я заметил на одной полке штук десять каких-то* ***тюрбанов****… Рустан,* ***мамелюк*** *Наполеона I, также носил на голове такой пирог. Зловещее предчувствие мною овладело.*

(2) *Он* (Кикин – ***Авт.***) *был одет как следует, только усы закрутил себе ужасно молодецки, что придавало ему вид* ***италиянского*** *браво… «Так нехорошо, — сказал я, — позвольте вам опустить усы!»*

(3) *Народ одет очень странно и совсем* ***не по-русски****.*

(4) *Все* ***стольники*** *и* ***слуги*** *были заменены, к моему прискорбию, мальчиками, коих представляли женщины, названные на афише (увы!)* ***пажами****.*

(5) *Здесь мне пришлось отстаивать характер и достоинство* ***русской*** *женщины. Режиссер непременно хотел, чтобы крики: «Порешим Годунова!..» — пали на долю женщин. Он даже… приводил им в пример dames de la halle во время* ***французского*** *террора. Я насилу убедил его, что это не в* ***русских нравах****…*

(6) *Некоторого труда стоило мне отучить бояр от* ***поклонов со сложенными крестообразно на груди руками****. <…> …отвечал я с невольною досадой на это постоянное смешивание* ***нас*** *с* ***турками*** *и* ***татарами****. Легче было мне заставить бояр становиться пред Иоанном* ***на оба колена****, вместо того чтобы* ***преклонять одно****, как они делали сначала.*

(7) *Роль Гарабурды более вертится на его* ***национальности****, а* ***немцы*** *не понимают* ***славянских*** *оттенков.*

Как видим из приведённых контекстов, «этнографическая точность» и точность интенции автора заключается в противопоставлении ЛСП «Русское» (слова-сигналы *русский археологический глаз,* (1), *стольники и слуги* (4), *русская женщина* (5), *нас, оба колена* (6), *славянские оттенки* (7)) – ЛСП «Восточное» (слова-сигналы *тюрбан, мамелюк* (1), *турки и татары* (6)) и ЛСП «Европейское» (слова-сигналы *италианский браво* (2), *пажи* (4), *французский террор* (5), *поклоны со сложенными крестообразно на груди руками, преклонять одно <колено>* (6), *немцы* (7)). Причём несмотря на близость взглядов Толстого западничеству, любая лексическая репрезентация «нерусского» и «неславянского» (и в ЛСП «Восточное» и в ЛСП «Западное») наделяется отрицательной коннотацией, зачастую иронической, мы бы даже добавили – через дидактический взгляд автора: Толстой словно превращается в наставника, обучающего представителя западной культуры премудростям русской жизни. Это видно из употребления оценочных лексем и лексем с негативной потенциальной семой, актуализированной контекстом: *неудовлетворительны, зловещее <предчувствие>* (1), *ужасно <молодецки>, нехорошо* (2), *очень странно, совсем не по-русски* (3), *к моему прискорбию, увы!* (4), *отстаивать, насилу <убедил>* (5), *некоторого труда <стоило отучить>, <отвечал> с невольной досадой* (6), *не понимают* (7). Автор, используя свою прерогативу драматурга, словно борется в пределах сцены с «неславянским» миром, отстаивая русскую самобытность.

Итак, особенности сознания носителя языка способствуют тому, что локально-темпоральные связи отражают двойственную природу ассоциаций – психологическую и вербальную, лингвистическую. Хронотопическая сема может проявляться в антропонимах, топонимах, лексемах, обозначающих стили искусства и моды, явления природы, социальные и религиозные события. Семантика хронотопа способна занимать различное положение в ассоциативно-семантическом поле: она может составлять ядро, заполнять пространство между ядром и периферией или же находиться на периферии, но иметь возможность передвигаться на центральное место в зависимости от замысла автора. Во всех анализируемых нами случаях одну из важнейших ролей играет авторский контекст, который активизирует и конкретизирует хронотопи-

ческую сему. Уникальность публицистических текстов А.К. Толстого заключается в едином сплаве различных локально-темпоральных парадигм, связанных, если провести философскую параллель, с единством и борьбой противоположностей: прошлое – настоящее, славянское – неславянское, история – мысль о ней. Такой культурно-исторический синтез воплощает аксиологию автора, что находит отраже ние в его языковой картине мира.

Список литературы

1. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992. – 512 с.
2. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в языке). – М., 1977. – 168 с.
3. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – 343 с.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – 614 с.
5. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М., 1975. – 271 с.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 144 с.
7. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск, 1994. – 210 с.
8. Павлов В.И. А.К. Толстой. Разбор произведений, характеристика действующих лиц, содер. и подроб. план. – Одесса: М.С. Козман, 1911. – 46 с.
9. Пактовский Ф.Е. Граф А.К.Толстой и его поэтическое творчество // Чтения в Общ. любителей русской словесности в память А.С.Пушкина. Казань, 1900. – Вып. 7. – 37 с.
10. Александровский Г. Некоторые черты жизни, личности и мировоззрения графа А.К. Толстого. Литературный очерк. – Киев, 1901. – 15 с.
11. Бельский Л.П. Основные мотивы поэзии графа А.Толстого (Читано в Обществе любителей словесности 29 января 1894 г.) // Русское обозрение. – 1894. – № 3. – С. 378 –393.
12. Толстой А.К. Собрание сочинений в четырех томах. [Электронный ресурс]
13. Дмитриева М.Н. Проблема идеала в творчестве А.К. Толстого: Автореферат дис. ... канд. филолог. наук. – Великий Новгород, 2006. – 19 с.
14. Модникова Е. О. Жанровое своеобразие драматической трилогии А.К. Толстого. –Ульяновск, 2013. [URL: https://infourok.ru/zhanrovoe_svoeobrazie_dramaticheskoy_trilogii_a.k._tolstogo-549461.htm]. Дата обращения 30.06.2016.
15. Кормилов С. И. А. К. Толстой// Русские писатели: Библиогр. слов./ Под ред. П. А. Николаева. – М., 1990. [URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_k/text_0270.shtml/] Дата обращения 01.07.2016.
16. Павленко А. Н. Лингвистическое пространственно-временное состояние в картине мира носителей современного немецкого языка: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Запорожье, 2003. – 142 с.
17. Бурдина Е.А. Лексико-семантическая экспликация хронотопа. Русский язык в школе. – 2013 – № 12. – С. 64 – 69.
18. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, АСТ, 2006. – В 3-х тт..
19. Никонов В. А. Имя и общество. – М., 2004. – 278 с.
20. Багирова Е.П. Имя собственное и хронотоп (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. – С. 191 – 198.
21. Бунеева Е.В. Имена собственные как хронотоп в «маленьких» поэмах С.Есенина (1912 – 1915 гг.)// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. № 2. – С. 18 – 20.
22. Стальмахова Е.А. Философская категория «Время» в языке русской поэзии. Дис. на соискание… канд. филол. наук. – Брянск, 1998. – 295 с.

Об авторе

Бурдина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *burdinaele@yandex.ru*

УДК 81.42

КОНТЕКСТ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Гехтляр С.Я.

Рассматриваются важнейшие показатели контекста, принимающие участие в представлении семантики концепта, прежде всего, явления пресуппозиции и фоновой информации.
Ключевые слова: *контекст, концепт, структурные компоненты*

THE CONTEXT AS A REPRESENTANT OF THE CONTENT OF THE CONCEPT "NOBLE HOUSE" BASED ON THE WORKS BY I. A. BUNIN)

Gehtler S.Ya.

The most important context indices are considered, which participate in the representation of the concept semantics, first of all, the phenomena of presupposition and background information.
Keywords: *context, concept, structural components*

В широко представленном и продолжающем развиваться в современной лингвистике интересе к описанию структуры и семантики различных концептов как компонентов языковой концептосферы недостаточное внимание уделялось до сих пор репрезентативной специфике *контекста*. А между тем *контекстуальная составляющая* – важнейший показатель процесса концептуализации того или иного явления действительности, того или иного ее феномена, также, как и важное средство для выявления содержательных и структурных компонентов любой глобальной ментальной единицы.

Цель данной статьи – показать роль некоторых элементов контекста на примере функционирования русского концепта «Дворянская усадьба».

Этот концепт, как показано специальными исследованиями [Осадчая 2014, с. 34 – 38], является одним из наиболее важных для русской культуры [См. Лихачев 1993, с.3; Аскольдов 1997] как одно из ментальных образований [Маслова 2007, с.37], *представляющих прежде всего значимые и неоднозначные явления исторической жизни России* [См. Гехтляр, Осадчая 2012, с.18 - 21]. Он обладает многослойной структурой, базовый его слой эксплицируется ключевым словосочетанием «Дворянская усадьба», приядерные и периферийные компоненты - дериваты, синонимы ядра, средства каждого из языковых уровней [См. Осадчая 2014, с. 85-117; 122 -174].

Современник И.А. Бунина, философ и литературный критик И.А. Ильин, одним из первых заметил, что русская дворянская усадьба всегда была объектом внимания писателя [Ильин 1991].

Способы языковой репрезентации концепта «Дворянская усадьба» в произведениях И.А. Бунина [подробно описаны: Осадчая 2014] позволяют понять, что ему было присуще стремление воспроизводить художественными средствами характерные черты бытования класса дворян [См. Дворянские гнезда России 2000], в рамках которого феномен усадебной жизни занимал важные позиции.

Касаясь разных сторон жизни поместного дворянства, Бунин хорошо понимал: история усадьбы – это прежде всего *история ее владельцев, особенностей их быта, поведения, морали* [Мир русской усадьбы 1998]. Одно поколение сменяло другое; каждое привносило что-то новое, и, тем не менее, быт усадьбы, принципы взаимоотношений, поведения на протяжении веков оставались достаточно устойчивыми, традиционными [Михайлов 1997]. Во многом это объясняется тем, что в усадьбе, до того, как начался период упадка, сосуществовало два времени: прошлое и настоящее, благодаря чему происходило одухотворение предметного мира (сам *дом, камин, фамильные портреты, старая мебель, сад*, одежда, семейные предания и пр.) [Михайлов 1976], нередко становившееся фоном для проявления личностных качеств представителей класса.

С традициями быта тесно связывались собственно культурные традиции [Муравьева 1998], важнейшая составляющая которых - понятия чести, нравственные устои [Лотман 1996]. Поэтому содержательные *черты личности* персонажа – тоже непременный компонент названного концепта.

Концептуализация феномена дворянской усадьбы имеет неодинаковое наполнение в философской и творческой концепции И.А. Бунина в разные

периоды его жизни. Для периода эмиграции характерно, что, лишенный непосредственных связей с Родиной, писатель стремится оживить в слове прошлое, «с особой, почти болезненной пристрастностью» не только реставрирует подробности былого величия столбового рода» [Михайлов1966,с.317], но, с гордостью осознавая свою принадлежность к русскому дворянству, одновременно пытается в умственной ретроспективе воссоздать, в какой-то степени объяснить путь класса от величия к упадку, пытается ответить на неозвученный вопрос: в чем причина нравственного, духовного упадка начала 20 века?

Будучи свидетелем начала массового насильственного уничтожения дорогого и близкого мира «дворянских гнезд», Бунин не мог смириться с исчезновением уходящей вместе с этим миром атмосферы духовности. В произведениях, изображающих эти драматические события, писатель не только скорбит об участи усадьбы и России в целом, но и ставит свой диагноз.

Из эмиграционного далека мир русской дворянской усадьбы нередко представляется Бунину воплощением одной из важнейших основ человеческого бытия, утрата которой приводит к нарушению жизненной гармонии, но мотив утраты приобретает в этот период особую остроту, так как теперь он связан с утратой не только отчего крова , но и с горечью утраты «большого дома» - России [См. там же] , с горечью невозвратимости утраты, и с утратой жизненной гармонии, воплощением которой была для И. Бунина культура и нравственные принципы русской дворянской усадьбы.

Хотя в целом все написанное в изгнании, как справедливо отметила О. В. Сливицкая, в глубинах сознания преобразовано и опоэтизировано, потому что существует в эмоциональном поле «тоски по навсегда ушедшему» [Сливицкая 1999, с. 97], сохраняется некая закономерность в содержании и стилистике имеющих отношение к усадебной тематике текстов. В самом общем виде эту закономерность можно определить так: *массовое насильственное разорение «дворянских гнезд» было предопределено, подготовлено не только материальным оскудением, но прежде всего распадом духовности, уходящей вместе с постепенной гибелью дворянства.*

Поэтому для получения верного представления о содержании данного феномена, как он отразился в творениях И.А. Бунина, необходимо прежде всего *внимание к элементам текста, явно или замаскированно содержащим подсказки к характеристикам персонажей, чья жизнь и поступки разворачиваются на фоне классовых и временнЫх особенностей* и которые, благодаря тончайшей интуиции писателя, позволили не только составить самостоятельный пласт концепта, но и вошли в литературный и общекультурный *контекст эпохи*.

Для выявления сущностных показателей соотнесенности характеристик усадьбы с характером владельцев и окружения как наполнения концепта, кроме лексических, морфологических, синтаксических средств репрезентации [подробнее об этом см. Осадчая 2014, с. 85 – 117; 122 – 174], важнейшее значение имеют характеристики, растворенные в контекстах произведений и приобретающие смысловое звучание при условии обращения к содержанию так называемого *коммуникативного фона* того или иного текста [См. Кожемякина и др.2006].

Не касаясь всех вариантов современного приложения термина *фоновые знания* [См. об этом, например, Валгина 2003], будем понимать под ним «коммуникативный фон» произведения, реализующийся в виде *пресуппозиции* и *собственно фонового знания*.

Пресуппозиция – это в нашем подходе *компонент смысла* , который, хотя и не выражен конкретными словами, может быть извлечен из содержания текста. Таким образом, *пресуппозиция* в самом общем понимании – информация, возникающая при чтении предшествующего или последующего отрывка текста, но существенным для восприятия может являться и *самый обычный* житейский опыт читателя.

Несколько иное содержание репрезентируют *собственно фоновые знания* – это знания, которые возникают лишь в случае, если автор и читатель обладают общими сведениями и представлениями в области реалий и культуры, отсутствие чего препятствует адекватному восприятию содержания текста. Например, когда И.А. Бунин в рассказе «Антоновские яблоки» пишет: «Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой», становится понятно: писатель показывает, что привычки крепостничества изживаются подолгу.

Из многих произведений, в которых Бунин «отпевает» Русь усадебную как Русь духовную, особенно показателен рассказ «Темные аллеи», давший имя целому циклу.

Рассмотрим, какого рода *пресуппозиции* и *собственно фоновые знания*, участвующие в создании концептуальной модели, присутствуют в контексте рассказа, способствуя воплощению черт *духовного и нравственного облика* персонажей .

В рассказе нет ни единого слова о разделяющих героев социальных перегородках, но хозяйка «частной горницы при почтовой станции», с одной стороны, - и «ваше превосходительство», ее визави, уже с первых строк воспринимаются читателем как соци-

альные антиподы. Еще ближе к подчеркиванию социальной несовместимости фраза из размышлений генерала о признании закономерности несостоявшейся любви: *«Какой вздор!...Эта самая Надежда не содержательница постоялой гостиницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»*

В пресуппозиции же – истоки свойства характера Надежды, о котором сообщает кучер: *«Деньги в рост дает… Но крута! Не отдал вовремя – пеняй на себя…».* Ведь несмотря на, казалось бы, благополучное преодоление Надеждой предательства возлюбленного как катастрофы молодости (сравним с Катюшей Масловой из романа Л.Н. Толстого «Воскресенье»), в высокое духовное начало в ее характере не могли не проникнуть споры приземленного существования. Возможно, что ее меркантильность, о которой сообщает кучер, - своего рода месть за поруганность искренности и преданности, за необходимость жить с чувством хронической горечи , можно предположить, что хозяйственность и меркантильность – своего рода суровая память о неизжитом и непрощенном (Надежда так и говорит: «…Как не было у меня ничего дороже вас в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя»).

Особую роль в высвечивании характеристик концепта «Дворянская усадьба» играет и само словосочетание *«темные аллеи»,* недаром оно становится названием не только рассказа, но и всего цикла. В нем скрыта *целая совокупность* высвечивающих важные подробности текста *фоновых знаний*.

Поведение персонажей, их черты и жизненный уклад во многом обусловлены встречей в молодости и той любовью, которую предал генерал. Обусловленность восстанавливается из многочисленных связей, исходящих именно от словосочетания-заголовка.

С одной стороны, явственная соотнесенность с широко известным для читателя 19 века стихотворением Н. Огарева «Обыкновенная повесть» задает лирическую ориентацию общему тону произведения: *«Была чудесная весна,\Они на берегу сидели. Во цвете лет была она. Его усы едва чернели.\Кругом шиповник алый цвел,**__*Стояла темных лип аллея*__*».*

Но, с другой стороны, каждое слово в бунинской характеристике героев, встретившихся через 30 лет, – антипод, антоним стихотворному тексту, который, как отмечалось, присутствует в тексте только как предшествующее знание читателя, ср., соответственно, *Огарев- Бунин*: Была *чудесная весна* –В *холодное осеннее ненастье*; *Во цвете лет* была она - …черноволосая…еще красивая *не по возрасту* женщина; Его *усы едва чернели* - …стройный старик-военный…*еще чернобровый, но с белыми усами*, которые соединялись с такими же бакенбардами.

В самом начале рассказа описание внешности и поведения подъехавшего к почтовой станции «стройного старика-военного» содержит в пресуппозиции сведения: а) перед нами - *отставной* военный*, дослужившийся до высокого звания*: седые усы и бакенбарды говорят о преклонном возрасте, следовательно, он в отставке, но при этом – носит военную форму, а это право, недоступное низшим чинам; б) существенно содержащееся в контексте указание на подражание внешности Александра 11, распространенное именно «среди военных в пору его царствования» . Царь Александр11 был известным всему миру красавцем, поэтому намек на подражание во внешности фокусирует внимание и на другом качестве персонажа: красота проезжего военного - лишний повод убедиться в природном легкомыслии; в) кроме того, он подражает не просто царю, а царю «Освободителю», это подсказывает, что данный дворянин придерживается демократических взглядов, одобряет реформу 1861 г., освобождение крестьян; г) пресуппозицией является и обращение «…ваше превосходительство», позволяющее уточнить уже напрашивающуюся догадку о высоком чине: так , по табели о ранге, положено обращаться к генералу.

Итак, персонаж рассказа, постаревший дворянин, высокого чина военный, генерал, случайно сталкивается на закате жизни с когда-то соблазненной и брошенной им женщиной. *Фабульно* он представлен Буниным *вне класса, вне усадьбы*, но это лишь подчеркивает его ответственность *перед* своей и класса *судьбой*: чистая и светлая любовь, преданная им в молодости, является одновременно предательством по отношению к лучшим традициям, моральным принципам дворянского сословия.

Важно обратить внимание на структурное противопоставление: Надежда, *жертва* этого предательства, как раз предстает человеком, усвоившим *моральные принципы*, сохраняет во всем верность традициям усадьбы. *«Ведь при господах выросла, как не уметь прилично себя держать…»* - объясняет она. Бунин создает образ высоконравственный, образ человека, сохранившего не только верность высокому чувству молодости, но и сумевшего по мере возможности организовать свою жизнь как человека, усвоившего эти принципы в дворянской среде.

Это убеждение и характеристики персонажей читатель извлекает из контекста (ни одним словом своим Бунин не дает прямых оценок!), извлекает благодаря и *фоновым знаниям*, т.е. *опоре на общие* у писателя с читателем (по крайней мере, с читателем того

времени), общие у участников коммуникативного акта *знания реалий материального мира*.

Из всех разновидностей фоновых знаний [подробнее см. Шабес 1989, с.7-11; Лотман1980, с. 282), участвующих в наполнении концепта «Дворянская усадьба» в целом и в выявляемых нами чертах персонажей, наиболее важную роль в тексте анализируемого рассказа играют *социальные, культурные, исторические, знания морально-нравственного характера* [Филиппов, 2011].

Незримо присутствующая в фабуле рассказа аналогия с романом Л.Н. Толстого «Воскресенье» придает одновременно всему контексту антитезное звучание: *видимость* благополучно (по сути – просто спокойно и сытно) устроившейся жизни Надежды, когда-то соблазненной крестьянской девушки, освобождает героя-дворянина даже от мук совести, в отличие от Нехлюдова, который уже не мог оставаться прежним, узнав о страшной судьбе Катюши Масловой.

Обращает на себя внимание изменяющиеся на протяжении сцены общения с Надеждой тон и интонация генерала: от чисто внешней снисходительной любезности первых вопросов, видимости простого человеческого интереса *(«Хозяйка тут или служишь?... Что ж так? Вдова что ли, что сама ведешь дело?»*) – переход к некоторой растерянности, с элементами испуга или стыда (*покраснел*), когда после намека Надежды он узнает ее *(«Он быстро выпрямился, раскрыл глаза и покраснел»*,), затем – минутная(опять лишь минутная!) сентиментальность (*«Боже мой! Боже мой! – сказал он, садясь на лавку и в упор глядя на нее. – Кто бы мог подумать! Сколько лет мы не видались?...»*) и, наконец, спасительное решение считать прошлое «историей пошлой, обыкновенной», что делает описание встречи «зримой песней» предательства. Вспомним тут еще раз стихотворение Огарева: «*Обыкновенная* повесть» - свою любовь генерал называет историей пошлой, *обыкновенной.*

На фоне теряющегося, краснеющего (три раза на одной странице текста встречаются формы и дериваты глагола *краснеть*: «раскрыл глаза *и покраснел*»; «остановился и, *краснея* сквозь седину, стал говорить»; «Он *покраснел* до слез, и, нахмурясь, опять зашагал») – на фоне вот такой душевной немужественности дворянина, генерала мощным аккордом, гимном нравственным устоям и смелости звучат слова Надежды о ее верности единственной в жизни любви, о невозможности простить его предательство: *«…А ведь, правда, очень бессердечно вы меня бросили…»*

Как известно, человеку свойственно желание заглушать муки совести, находить оправдание своим неблаговидным поступкам, свойственно стремление идеализировать себя, поэтому психологически точными и много говорящими читателю предстают последние фразы рассказа, особенно самая последняя: «И, закрывая глаза, качал головой»: здесь и сочувствие самому себе, столкнувшемуся нечаянно с хоть кратким, но переживанием, и приятие совершенного когда-то как бесследно ушедшего . Концовка делает предельно ясной мысль Бунина: главная суть предательства в том безразличии и самооправдании, которое позволяет себе генерал, в том, с какой готовностью он освобождает себя от нравственной ответственности.

Представляется, что приведенные данные анализа позволяют сделать вывод: закрепившийся за этим известным рассказом И.А. Бунина имидж сентиментального воспоминания о безвыходно-несчастной любви не отражает всей сути произведения. Это еще и грустное, но не лишенное иронии признание автора: вместе с материальным оскудением теряет дворянство и морально-*нравственное превосходство*, казалось бы, неразрывно связанное с *благородным происхождением*.

Кстати, ироничное напоминание об истинном смысле такого качества, как *благородство,* незримо присутствует в подтексте рассказа: первичное значение качества как данного *происхождением* генералу-дворянину отодвинуто далеко, и ,напротив, благороден облик и поведение *простой крестьянки*.

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / под ред. В.Н. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-280.2.

2. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 тт. Том 7: «Темные аллеи». Рассказы 1931 – 1952. –М., Изд-во «Художественная литература», 1966.

3.Валгина Н.С. Теория текста. Текст и его восприятие. - М..Логос,2003.

4.Гехтляр С.Я., Осадчая О.А. Концепт «Дворянская усадьба» в русской культуре: место в концептосфере, содержание, структура\\ Мир науки, культуры, образования. №6(337)2012.

5.Гальперин Н.Р. Текст как объект лингвистического исследования. -М., 1981.

6.Дворянские гнезда России**.** История, культура, архитектура. Очерки / Ред.-сост. М. В. Нащокина. - М., Изд-во «Жираф», 2000, с. 3 - 12.

7. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремезов, Шмелев. – М.,1991.

8. Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов. - ИЯРАН,2006.

9. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Серия литературы и языка, 1993, № 1. Том 52. С. 3 – 9.

10.Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин. Комментарий: Пособие для учителя. Л., Просвещение, 1980.

11.Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII XIX века). – СПб., Искусство, 1996.

12.Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб.пособие для студ. высш. учеб, заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.

13.Мир русской усадьбы. – СПб., 1998.

14.Михайлов О. Н. Бунин И. А. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918- 1940): В 3 т. - М.: РОССПЭН, 1997. - Т. 1. Писатели русского зарубежья. - С. 87 - 90.

15.Михайлов О. Н. Строгий талант: Иван Алексеевич Бунин. Жизнь, судьба, творчество. - М., Современник, 1976.

16.Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. – СПб. : “Летний сад”, 1998

17.Осадчая О.А. Языковые средства репрезентации концепта «Дворянская усадьба» в русском языке (на материале произведений И.А. Бунина). – Дис. на соискание… канд. филол. наук. - Брянск, 2014.

18.Сливицкая О. В. Сюжетное и описательное в новеллистике И. А. Бунина // Русская литература. - 1999. № 1.-С. 97

19.Филиппов В.М и др. Языковые контакты: краткий словарь. - М., Флинта,2011.

20.Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

Об авторе

Гехтляр Светлана Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *sveg1234@gmail.com*

УДК 413

ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ КАРТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ КОНЦЕПТА «ВОДА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ.Р.Р.ТОЛКИНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Гончарова Н.Ю., Храброва Е.С.

Настоящая статья посвящена рассмотрению концепта «Вода» и его структурно-семантической организации в произведении Дж.Р.Р.Толкина «Властелин колец». Также на основе проведенного анализа предпринимается попытка структурировать фреймы, сложившиеся в рамках этого концепта путем составления карты метафорической активности.
Ключевые слова: *концепт, метафора, метафорическая активность, когнитивный подход, семантическое поле, фрейм.*

THE BASICS OF BUILDING A MAP OF A METAPHORICAL ACTIVITY, THE CONCEPT "WATER" IN THE WORK DZH.R.R.TOLKIEN'S "THE LORD OF THE RINGS"

Goncharova N.Yu., Khrabrova E.S.

The article deals with the concept “Water” and its structural and semantic structure as exemplified by ‘The Lord of the Rings’ by J.R.R.Tolkien. An attempt to structure the frames within the given concept was made. The method employed was the method of designing the metaphoric activity map.
Keywords: *metaphor; metaphoric activity, cognitive approach, concept; semantic field; frame.*

В любом художественном произведении даже неискушенный читатель сможет найти множество метафор. Спор о том, выполняет ли метафора в тексте лишь «орнаментальную» функцию, или всё-таки метафорическая конструкция открывает индивидуальный взгляд на мир каждого автора, являясь «окном» в его сознание [6], начат давно. В настоящее время существование двух видов метафоры, *художественной* и *языковой*, лингвистами не оспаривается. В данной работе изучение метафор происходит на основе *когнитивного подхода* в рамках одного из выбранных концептов.

В своём легендариуме «Властелин колец» Дж.Р.Р.Толкин использует различные метафорические конструкции (как стёртые, так и живые) для создания различных неповторимых образов. Хотя некоторые их тех, кто изучал и изучает творчество Толкина, уверены в том, что в основе произведения лежат события из реального мира (в частности, на писателя влияние оказала Вторая Мировая Война, отсюда будто бы Мордор – нацистская Германия), сам автор опровергал такие параллели, говоря о том, что «Моя книга – литературное произведение, а не историческая хроника, в которой описываются реальные события» [3].

В данной работе концепт *«Вода»* выбран нами не случайно. В письме У.Х.Одену, Толкин писал, что в нём присутствует «комплекс Атлантиды», и с самого детства он «*прикипел* к тому, что называется нордическим характером и северной природой» [3] (“and the *deep response* to legends (for lack of a better word) that have I would call the North-western temper and temperature.” [7]). В этом же письме он сообщал о том, что видел сон о Гигантской Волне, который потом нашёл отражение и во «Властелине колец». Изучение произведения показывает, что большая часть всех метафор (но также сравнений, олицетворений и т.д.) связана со стихией *воды*.

Опираясь на семантическую классификацию метафор, предложенную В.М. Москвиным, одно из направлений которой предполагает группировать метафоры по основному субъекту [2], нами были выделены метафоры, входящие в состав семантического поля *«Вода»*. *Семантическое поле*, по определению Г.Н. Скляревской, это обширное лексическое объединение, включающее лексику разных частей речи [4]. Автор в своей книге «Метафоры в системе языка» в результате исследования семантического поля выделяет *исходное (номинативное) поле* – это исходное значение слов и *вторичное*, т.е. *метафорическое*, которое отражает связи с обозначаемыми предметами (денотатами) [4].

Исследование семантического поля помогает сгруппировать метафоры по частотности использования в них того или иного компонента, что, в свою очередь, позволяет выявить метафоры, ставшие узуальными, а также те, которые употреблены в нетипичных сочетаниях. Таким образом, в то время, когда «стёртые» или «простые» метафоры в тексте «приглушаются» и читатель воспринимает их автоматически, не возвращаясь к основному значению слов, авторские могут быть яркими и запоминающимися:

*...and the mirth of the Rohirrim was **a torrent of laughter**...* [8]

*...and **a huge fiery vomit** rolled in slow thunderous **cascade down** the eastern mountain-side...*[8]

Опираясь на организацию метафорического поля «Вода», предложенную Г.Н.Скляревской, нами была построена схема метафорической активности концепта *«Вода»* в произведении «Властелин колец» (рис.1), на основе которого была разработана структура фреймов *«Вода и водоёмы»* и *«Формы существования воды»*, принадлежащих к *природной метафорической модели*.

Рассмотрим подробнее наиболее яркие конституенты данной метафорической карты.

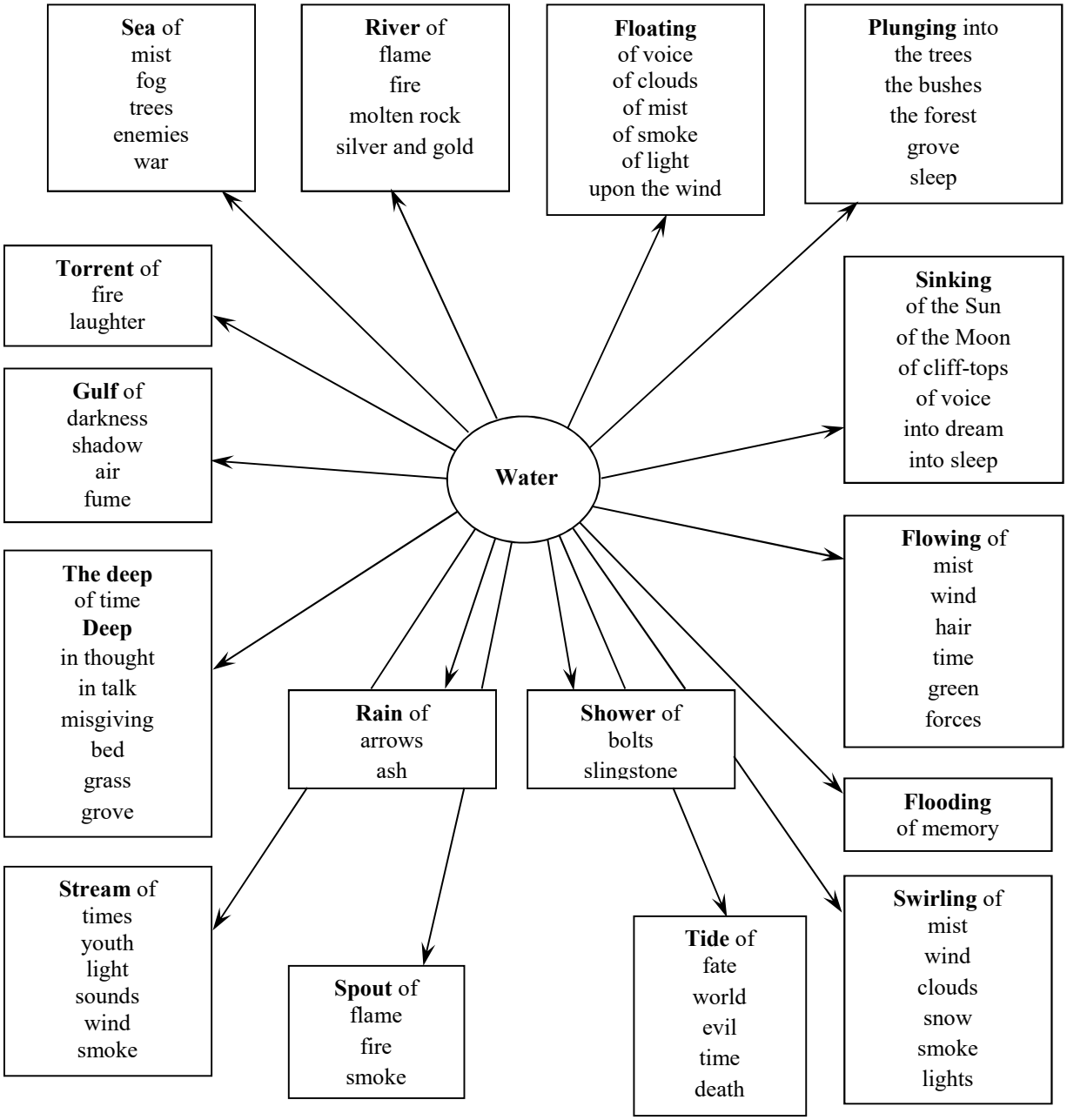


Рис.1 Схема метафорической активности концепта *«Вода»* в произведении «Властелин колец»

Вода – это бескрайние просторы, бурные, волнующие потоки, которые стремительно несутся и увлекают за собой. *Вода* – это глубина, пучина, в тенетах которой может скрываться нечто тёмное и, возможно, недоброе. С другой стороны, это и весёлые ручейки, перепрыгивающие через пороги или река, мерно несущая свои воды.

Слот «Море»

*...it sank (the sun) before their eyes into **a white sea** (of fog)...*[8]

*To his left lay **a sea of mist**...*[8]

В данных примерах метафорический перенос основан на схожести тумана, который окутывает находящиеся в нём предметы, с бескрайними морскими просторами.

*'To Minas Tirith, before the **seas of war** surround it.*[8]

В данном примере в слове *«seas»* заключён метафорический образ численности войск – огромной армии, движущейся на южное государство Средиземья.

Слот «Река»

*Then from many points **little rivers of red flame** came...*[8]

...pour forth ***rivers of molten rock****...* [8]

Слот «Течение»

Suddenly ***his voice came floating back*** *to them in a loud halloo!* [8]

...a living vision of that which has already been left far behind by the flowing ***streams of Time****.*[8]

Только в мире людей время бурлит, и мы не успеваем за его течением. Совсем не так дело обстоит в эльфийских землях: здесь время течёт неспешно, эпоха сменяет эпоху, плавно несёт свои воды *Струящаяся Река Времени* [5].

The lines of fire became ***flowing torrents…*** [8]

*...****great forces were flowing*** *in from the East.*[8]

Очень часто при описании наступающей армии автор использовал метафорический перенос, связанный с водой. Силы врага *«хлынули волной»*, *«наводнили»* земли, их армии – это бесчисленное множество, сравнимое лишь с потоком воды.

Слот «Погружение в воду»

The hobbits scrambled down a steep green bank and ***plunged into the thick trees below.***[8]

...but ***the sun*** *was already* ***sinking low****...* [8]

Слот «Пучина, бездна»

...on the right was ***a gulf of darkness*** *where the land fell suddenly into a deep ravine.*[8]

...the Elves cry that cry far back in ***the deeps of time****...*[8]

Последняя метафора является одной из многих, использованных в произведении «Властелин колец», которые можно объединить одной концептуальной метафорой *"Time is water"*. Отметим, что данный концепт характерен для многих культур в реальном мире (в том числе и для русскоязычного читателя), но в данном произведении автор использует его при описании эльфов, делая акцент на том, что раса эльфов идёт из *глубин времён*.

Фрейм «Формы существования воды, определяемые способом её передвижения»

Данный фрейм был разработан и выделен в отдельный на основе тематической группы, предложенной Г.Н.Скляревской в её системе метафорического поля «Вода» [4]. Здесь нужно отметить, что в русском языке этот ряд представлен разнообразнее, чем в английской языке. Это должно учитываться переводчиками, т.к. не всегда дословный перевод метафор является удачным, и в таких случаях следует использовать переводческую трансформацию.

Слот «Дождь, ливень»

...and they shot ***a rain of arrows.***[8]

...it had been smitten with ***a shower of bolts and huge sling stones…***[8]

...as if at any moment he might see ***thousands of orcs pouring over the fields.***[8]

В приведённых примерах Толкин для создания образа мощных, молниеносных *потоков* выпущенных стрел в первых двух предложениях и наступающих войск во втором, использовал слова *«дождь»*, *«ливень»*, *«хлынуть»*. В русском переводе Н.Григорьевой и В.Грушецкого использованы метафоры *«град стрел»* [5], *«большие и малые воронки»* [5] соответственно, а последняя метафора в переводе не реализована совсем.

Слот «Волна»

...but ***its tide is turned against*** *Saruman and the axes of Isengard.* [8]

Yet it is not our part to master all ***the tides of the world****...*[8]

Слот «Струя»

At once ***a great spout of green and blue flame*** *sprang out…*[8]

Слот «Водоворот»

A bitter ***winds wirled*** *among the rocks.* [8]

...and a reek arose of torches cast away, sputtering out in ***swirling smoke****.*[8]

Слот «Наводнение»

Full ***memory flooded back****...* [8]

Слот «Рябь»

...and (they) set up ***ripples of anger****...*[8]

Если говорить о частеречной принадлежности конституентов изучаемого концепта, то чаще всего использованы существительные *sea, river, stream*, далее глаголы *to flow*, *to float*, прилагательное *deep*. В произведении присутствуют как простые метафоры, так и развёрнутые, авторские, позволяющие создать перед читателем выразительные образы.

Таким образом, вкупе с признаниями самого Толкина о его страсти к морю, которую он воплощал в своих лингвистических исканиях, изучение метафорических конструкций в рамках выбранного концепта, подтверждает тот факт, что в основе метафор, связанных со стихией воды в произведении «Властелин колец», лежат определённые мотивы, повлиявшие на речевую деятельность автора, т.е. имел место *когнитивный аспект*. Это, в свою очередь, доказывает, что процесс метафоризации, относится к сфере *ментальных* процессов и представляет собой способ познания и интерпретации окружающего мира, который связывает наши предыдущие знания с новыми [1]: человек не столько употребляет метафоры в речи, сколько в первую очередь мыслит ими, вследствие чего процесс выражения метафорами происходит сам собой.

Список литературы

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб, пособие / В.А. Маслова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
2. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006 – 184 с.
3. Сильмариллион: Сб.: Пер. с англ. / Дж.Толкин. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: TerraFantastica, 2002. – 589, [3] с.
4. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н.Скляревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 152 с.
5. Толкин Дж.Р.Р., Хоббит, или Туда и Обратно. Властелин Колец / Пер с англ. Н.Рахмановой, Н.Григорьевой, В.Грушецкого. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 1136 с.
6. Fauconnier G. Methods and generalizations / Th. Janssen, G. Redeker (eds). Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin; NewYork: MoutondeGruyter, 1999.
7. Tolkien J.R.R. The Letters of J.R.R. Tolkien, HarperCollins, 2006. — 480 pages.
8. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings, HarperCollins Publishers, 2012.

Об авторах

Гончарова Наталья Юрьевна – магистрант факультета иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, *canario@bk.ru.*

Храброва Екатерина Сергеевна – доцент кафедры теории английского языка и переводоведения Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, *indivisibility@inbox.ru.*

УДК 80;801;808

СЦЕНИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ И РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТОНАЦИИ

Захватова Е.А.

Статья посвящена одному из актуальных и быстро развивающихся направлений современной фонетики, а именно интонации звучащего монологического текста на материале моноспектакля «The Human Voice» по одноименной пьесе Жана Кокто «Человеческий голос» (Jean Cocteau, «La Voix Humaine»). В статье определяется роль и специфика реализации риторической функции интонации сценического монолога как особого вида риторического дискурса.
Ключевые слова: *риторический дискурс, сценический монолог, интонация, функции интонации, риторическая функция интонации, воздействие.*

THE STAGE MONOLOGUE AND THE RETHORIC FUNCTION OF INTONATION

Zakhvatova E. A.

The article «The stage monologue and the rethoric function of intonation» examines the role of intonation and its function. The most important goal of the article is to analyze the rethoric function of intonation and its realization. The material of the research is a monoplay «The Human Voice» by Jean Cocteau. The article reflects the results of the research which were done by expert phoneticians and also included the electro-acoustic analyses (the computer programme «Speech Analyser»). The given results can help to practice the intonation of the extra expressive stage speech in the language learning situation.
Keywords*: rethoric discourse, stage monologue, intonation, intonation, rethoric function of intonation, impact*

Одним из **актуальных** направлений современных исследований в области прикладной фонетики XXI века является «человек говорящий». В период интенсивного развития процессов глобализации в обществе, включая глобализацию языка и экстенсивный рост межнациональных и межкультурных контактов, успешность речевой коммуникации зависит от умения грамотно использовать средства языка, в том числе *интонацию* как наиболее яркую характеристику звучащей речи.

Целью данной статьи является описание характера реализации риторической функции интонации в сценическом монологе. В настоящем исследовании сценический монолог рассматривается как риторически организованный дискурс, поскольку сценический монолог оказывает «целесообразное воздействие на аудиторию», что отражается на уровне содержания (система аргументации), на уровне композиционного строя, на уровне стиля и на интонационном уровне, т.е. на уровне звучащего слова [2]. Как справедливо отмечал Ф. де Соссюр, «…язык и письмо – две различные системы знаков; единственный смысл второй из них – служить для изображения первой; предметом лингвистики является не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово» [4]. Таким образом, *сценический монолог* можно определить, на наш взгляд, как особый вид *риторического дискурса,* представляющий собой интонационно и композиционно организованный звучащий монологический текст, обладающий определенной интонационной оформленностью, а также ярко маркированными коммуникативно-речевыми и коммуникативно-прагматическими характеристиками. С точки зрения *лингвистики, сценический монолог* трактуется как звуковая реализация актерами языка художественной литературы на театральной сцене, являющаяся важным выразительным средством их игры и ориентированная на устойчивые орфоэпические нормы литературного языка.

Сведения из области риторики «…можно использовать не только в ораторской речи, но также и в художественной, причем использовать не только для того, чтобы сделать речь красивой, но и осмысленной, и глубокой» [2]. В центре внимания риторики находится совершенная речь, то есть убедительная, ясная, эффективная, уместная, целесообразная, точная. Именно эти качества «…присущи и речи художественных персонажей, чьи монологи можно определить как образцовые, риторически выстроенные речевые произведения» [2].

Сценический монолог является результатом сложной риторической деятельности актера, где ведущая роль отводится интонации. В основе анализа реализации комплексного характера *риторической функции интонации* сценического монолога в контексте настоящего исследования лежит теория бельгийского ученого Р. Якобсона, который полагал, что для определенного речевого акта характерна одна главная функция, «…а остальные выступают как второстепенные» [2].

В ораторском искусстве *интонация* является важнейшим *лингвистическим* средством воплощения замысла оратора и его эмоций, а также преднамеренным и осознанным средством воздействия на зрителя.

Выбор сценического монолога в качестве объекта исследования объясняется тем, что разница между звучащей речью оратора и речью героев художественных произведений минимальна, так как оратор и актер используют, по сути, один и тот же набор интонационных параметров, вариативность которых формирует неповторимую манеру звучащей речи говорящего [2].

В рамках настоящего исследования, вслед за Г.М. Вишневской, под интонацией понимается «диалектическое единство тесно взаимодействующих друг с другом и одновременно противопоставленных друг другу наиболее важных супрасегментных свойств звучащей речи, передающих как смысловое, так и модально-эмоциональное значение высказывания на базе их лексико-грамматического состава и синтаксического строения в процессе коммуникации» [1].

Материал исследования представляет собой монолог-моноспектакль «Человеческий голос» («La Voix Humaine» by Jean Cocteau, а именно его англоязычная версия «The Human Voice») - это драма женщины, представленная в форме ее телефонного разговора с мужчиной (монолога-диалога), голос которого зритель не слышит. Героиня – безумно влюбленная женщина, которая стала жертвой своих эмоций, переживая разрыв с любимым человеком. Монолог героини можно условно *разделить на три основные части*: *первая часть* монолога – героиня, предчувствуя неизбежность расставания с возлюбленным, дает себе установку быть сильной и убедить мужчину в том, что она не подозревает его в измене; *вторая часть* – героиня узнает от партнера о предстоящей его женитьбе на другой женщине, которая состоится на следующий день; героиня подавлена, она испытывает чувство глубокой потери и отчаяния; *третья часть* монолога – героиня, узнав горькую правду, открыто признается в своих чувствах и переживаниях мужчине, более не скрывая своего безмерного отчаяния.

Теоретико-экспериментальный анализ показал, что реализация риторической функции сценического монолога осуществляется за счет комплекса следующих *второстепенных функций* по отношению к главной, риторической функции: *воздействующая, эмоционально-модальная, экспрессивная, контактная, организующая, стилеобразующая, идентифицирующая* [5].

Эмоционально-модальная функция помогает слушателю правильно интерпретировать интонацию речи героини в соответствии со сложившейся коммуникативной ситуацией. *Экспрессивная* функция интонации в речи героини выражает ее эмоциональное состояние и характеризуется особыми интонационными характеристиками - тембральными, темпоральными, громкостными и т.д. *Контактная* функция интонации, обладающая прагматической направленностью, устанавливает коммуникативную связь как между героями, так и между персонажем и зрителем благодаря преднамеренному использованию интонационно маркированных знаков и определенных модуляций речевого голоса в конкретной коммуникативной ситуации. Так, героиня, чувствуя конфликтные моменты, старается их сгладить, используя в речи средний ровный тон в сочетании с мягким тембральным звучанием. *Организующая* функция - способность интонационных средств организовывать речевой поток на формально-структурном уровне (членение) и на содержательном уровне (смысловое членение). Реализация организующей функции направлена на оптимизацию процесса передачи информации. *Стилеобразующая* функция интонации в сценическом монологе проявляется в рамках паузального членения, соотношения видов пауз, ритмической и темпоральной организации звучащего дискурса, тембральных характеристик, т.е. она участвует в формировании стиля всего текста. Данная функция оказывает большое влияние на слуховое восприятие звучащего дискурса, облегчая понимание содержания речи. *Идентифицирующая* функция интонации в анализируемом сценическом монологе отражена в особенностях членения речи героини, характере изменения ее голосового тона в пределах интонационной модели, в своеобразии сочетаний интонационных моделей, а также в характеристиках темпа речи героини.

Голос героини, его окраска меняется в зависимости от коммуникативной ситуации, от ее прагматической направленности, т.е. речеголосовые характеристики в анализируемом сценическом монологе либо гармонируют с характером и внешностью героини, либо контрастируют с ними, чтобы более полно раскрыть психологический разлад и трагедию в ее душе. Индивидуальный выбор актером определенных интонационных средств является одним из важных стилеобразующих факторов, поскольку этот выбор обусловлен созданием *индивидуального речевого портрета* героини, его индивидуальной эстетической интерпретацией в анализируемом сценическом монологе.

Анализ показал, что *ведущей второстепенной* функцией данного сценического монолога является *функция воздействия,* поскольку основная задача интонации сценического монолога заключается в воздействии *на зрителя*, на его внутренний чувственный мир.

Интонация и ее компоненты выполняют важнейшую риторическую функцию эмоционального воздействия в сценическом монологе. Также подтверждением данного вывода является диссонанс интонации (а именно тембральных характеристик голоса героини) и лексико-грамматических средств в первой части монолога, где героиня, предчувствуя неизбеж-

ность расставания с возлюбленным, дает себе установку быть сильной и убедить мужчину в том, что она не подозревает его в измене. Ниже приведена часть монолога героини в интонационной разметке:

Пример №1. *ˈoh* ***ˌno*** ë ***ˌno*** *darling* ë *You* ***ˈmustn't*** *aˌpologize* ë *it's all ˌnatural | ˈI've been ˌsilly |* ***No*** ë *you're ˌsweet* ë *yes you >are* ë ˈ***neither*** *did ˌI | I* å***didn't*** *think* ë *I could ˌbe so* å*strong || ˈYour* å*fault* ë *>no* ë *but you* ***ˈoughtn't*** *to ˚blame your ˈself in the ˈleast ˌbit |* ***ˌno,*** *darling* ë ***on the*** å***contrary*** ë *we* å*always ag ˌreed* ë *to ˚be ˈabso ˈlutely ˌhonest with each ˌother* ë *it* ***ˌwouldn't*** *be very ˌhonest* ë *if you >had* ë *ˌleft without ˌletting me ˌknow* ë ***until*** *the ˌlast ˌminute || Yes, that* ***won't*** *be ˌcruel || ˈThis ˚way I had >time to* ë *get ˈused to the* ã*idea* ë *and to* ë *to under ˊstand ||*

В данном отрывке наблюдается разнонаправленность между лексико-грамматическими средствами и тембральными характеристиками голоса героини. Данная часть монолога характеризуется изобилием отрицательных конструкций, акцентным выделением вспомогательных глаголов низким и высоким нисходящими тонами, членением речи на короткие синтагмы, завершаемые высоким нисходящим тоном, которые свидетельствуют о негативном отношении героини к поступку партнера. Однако тембр ее голоса окрашен мягкими тонами, поскольку женщина беззаветно любит мужчину, она искренне пытается уверить партнера в его невиновности. Основным маркером данного диссонанса является тембр, который в отдельных случаях может обладать «большим конфликтогенным потенциалом» [3]. В этой же части наблюдается противоречие между звучанием голоса героини и ее невербальным поведением на сцене, вызванное условиями сложившейся коммуникативной ситуации: переживая их разрыв, она пытается показать с помощью интонации свое ложное спокойствие, хотя ее жесты говорят об обратном. Эта разнонаправленность вербальных и невербальных языковых средств была зафиксирована аудиторами в слуховом и визуальном восприятии речи. Однако во второй и третьей частях монолога наблюдается однонаправленность лексико-грамматического наполнения и интонационного (в том числе и тембрального) оформления речи героини, поскольку ей нет смысла больше притворяться, и женщина открыто признается мужчине в своих чувствах.

Таким образом, риторический подход к изучению интонации сценического монолога позволил установить характер реализации риторической функции интонации в избранном материале, проследить путь от «мысли к звучащему слову» и показать участие риторической функции интонации в реализации замысла говорящего [5].

В устном сценическом монологе интонация выступает как выразительное языковое средство интерпретации актером замысла автора произведения, при этом интонация является посредником между актерской игрой и зрительским восприятием сценического действия, выполняя важную *риторическую функцию*, представляющую собой сложное единство целого ряда взаимодействующих второстепенных функций. Выделение риторической функции интонации как обобщающей по отношению ко всем остальным ее функциям (организующая, воздействующая, контактная, экспрессивная, эмоционально-модальная, стилеобразующая, социокультурная, идентифицирующая) позволяет, с одной стороны, минимизировать противоречия в трактовке конкретных функций, а, с другой стороны, сформировать наиболее полное представление о «функциональном аспекте текстовой просодии» [5].

Список литературы

1. Вишневская Г.М. Английская интонация (в условиях русской интерференции) [Текст] / Г.М. Вишневская. – Иваново: Иван. гос. ун-т., 2002. –84с.

2. Гливенкова О.А. Способы организации риторического пространства в монологах героев художественной прозы: дис. … канд. фил. наук./ О.А. Гливенкова. – Краснодар, 2002. – 144 с.

3. Сейранян М.Ю. Роль просодии в реализации риторической ориентированности академической публичной речи: фонетическое исследование на материале британских публичных выступлений: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19 / М.Ю. Сейранян. – М., 2003. – 202 с.

4. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. - М., 1977. – С. 31-36.

5. Фрейдина Е.Л. Риторическая функция просодии: на материале британской академической публичной речи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Е.Л. Фрейдина. – М., 2005. – 407 с.

Об авторе

Захватова Екатерина Алексеевна – аспирант кафедры английской филологии Ивановского государственного университета, *sunset23@bk.ru*

УДК 81–112.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАТРОНИМОВ В МИССИОНЕРСКОЙ ГРАММАТИКЕ ДОМИНГО ДЕ САНТО ТОМАСА (К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ АНТИЧНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО КАНОНА)

Кичигин К.В.

В статье проводится анализ описания патронимов, представленных в грамматике языка кечуа Доминго де Санто Томаса, а также производится его сравнение с описанием патронимов в грамматиках испанского и латинского языков Небрихи с целью определения степени соответствия описания Томаса описанию Небрихи. В качестве объекта для анализа используются только комментарии Томаса, которые относятся к испанскому и латинскому языкам. В заключении делается вывод о том, что грамматическое описание патронимов испанского и латинского языков Томаса лишь отчасти соответствует описанию патронимов у Небрихи и выдвигается гипотеза о том, что существовали альтернативные источники грамматического описания, на которые мог опираться миссионер.

Ключевые слова: *Доминго де Санто Томас, миссионерская лингвистика, язык кечуа, Небриха.*

INTERPRETATION OF PATRONIMIC IN MISSIONARY GRAMMAR OF DOMINGO DE SANTO TOMASA (TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF ANCIENT GRAMMATICAL CANON)

Kichigin V.C.

In the article it is carried out an analysis of Domingo de Santo Tomás's description of patronymics, presented in his quechua grammar, which also is compared with Nebrija's one in his latin and spanish grammar to determinate the grade of their discrepancy and similiraty. Only commentaries concerning spanish and latin languagues founded in Tomas' grammar are considered. It is made a conclusion that Tomás' descirption corresponds partly to Nebrija's one and an hypothesis is made about the possible sources of Tomás' grammar description.

Keywords: *Domingo de Santo Tomás, missionary linguistics, quechua, Nebrija.*

В историографии лингвистики, а точнее в одном из ее разделов, который в зарубежной научной литературе получил название миссионерская лингвистика, общим местом является анализ тех или иных миссионерских грамматик с целью определения источников, на которые опирались авторы этих грамматик, а также с целью определения степени влияния греко-латинской традиции описания языков на грамматические описания миссионеров, с одной стороны, и степени новаторства, отхода от канона, с другой. Первая грамматика кечуа (автором является миссионер ордена доминиканец Доминго де Санто Томаса), а точнее, грамматика одного из диалектов кечуа, который был распространен в 16 веке на центральном и южном побережье территории Перу [Cerrón-Palomino 1995: XVI], [Torero 1994: 14], анализируется под разными углами зрения в работах зарубежных исследователей [Porras — Barrenechea 1951], [Cisneros 1951], [Calvo Pérez 1994, 2000], [Gordillo 2012], [Cerrón- Palomino 1995] на предмет соответствий и расхождений с грамматиками латинского и испанского языков Небрихи. Однако описания, представленные в вышеуказанных работах, хотя и являются цельными/самодостаточными и содержательными, к сожалению, не исчерпывают всю проблематику, связанную с миссионерской грамматикой Томаса и с ее отношением к греко-латинской грамматической традиции. В частности, мало внимания в исследовательских работах уделено анализу описания производных имен в работе Томаса. Кроме того, в исследовательских работах при анализе описания Томаса и его сравнении с работами Небрихи не проводятся противопоставления между описаниями испанского и латинского языков, с одной стороны, и языка кечуа, с другой. Иными словами, нет, насколько нам известно, таких работ, в которых бы отдельно анализировались замечания Томаса относительно испанского и латинского языка и отдельно замечания, касающиеся языка кечуа.

В связи с этим, как нам кажется, требуется более обстоятельный анализ описания производных имен у Томаса и его сравнение описания с описаниями, представленными в грамматиках Небрихи. Подобная процедура может дать более глубокое понимание концепции Доминго де Санто Томаса, а также, вероятно, прольет свет на некоторые вопросы, связанные с определением источников лингвистического описания у Томаса. Так, в частности, согласно работе [Esparza Torres 2007] до конца не решенным является вопрос о том, опирались ли миссионеры (Томас, в частности) на грамматику испанского языка Небрихи, хотя исследователи [Cisneros 1951], [Calvo Pérez 1994] усматривают такую преемственность.

В данной статье нами будет предпринята попытка системного анализа описания Томасом одного из подклассов производных имен (патронимов), а также его сравнение с описанием, представленным в грамматиках испанского и латинского языков Небрихи. При этом мы рассмотрим только те комментарии в описании Томаса, которые относятся к испанскому и латинскому языкам (описание Томасом языка кечуа мы рассматривать не будем). Сравнение будет проводится по ряду пунктов: анализ того, как оба грамматиста представляют определение класса патронимов, какие критерии используются ими в определении; отдельно будут рассмотрены формальный критерий и примеры, которые приводятся авторами для иллюстрации теоретических положений. Кроме того, мы обратимся к другим грамматическим описаниям, которые, как предполагается, были известны автору, в частности, к грамматике Присциана, что, возможно, позволит пролить некоторый свет на вопрос о том, существовали ли другие возможные источники лингвистического описания, из которых Томас мог черпать свои идеи при создании работы, а также о том, есть ли необходимость обращаться к грамматике испанского языка Небрихи при интерпретации тех или иных положений Томаса, которые разнятся с грамматикой латинского языка, но сближаются с грамматикой испанского языка Небрихи, или же грамматика испанского языка является не единственным источником и ее можно исключить из списка возможных источников.

Сопоставительный характер исследования определяет ее структуру. Последовательно будут описаны те черты грамматики Томаса, которые сближают ее с обеими грамматиками Небрихи; затем те, которые сближают работу миссионера только с грамматикой испанского языка и не находят аналогов в грамматике латинского языка Небрихи; затем те черты, которые отличают его описание от обеих грамматик Небрихи, и, наконец, мы сравним некоторые комментарии Томаса по проблеме патронимов с комментариями, приведенными в грамматике Присциана.

Что касается работ Небрихи, то в качестве предмета для анализа нами использовалась третья версия его грамматики Introductiones latinae cum commento, поскольку, согласно работе [Sanchez 2002], данная версия была наиболее популярная в начале 16 века, когда Томас получал образование.

В грамматике Небрихи патронимы описаны в качестве одного из подклассов производных имен. Автор определяет данный подкласс на основе его особой семантики, то есть описывает его члены как лексемы, обозначающие детей, внуков или других потомков. В качестве примера он приводит слово Aeacides и отмечает, что оно может использоваться для обозначения как сына (Пелея) или внука (Ахилла) Аякса, так и любого другого его потомка.

Quod est nomen patronymicum? Quaerit de prima nominum derivatiuatorum specie quod est patronymicum.... Respondetque esse illud quod significat filium vel filiam nepotem vel neptem vel aliquem ex posteris & ut sic dicam descendentibus ab illo unde nomen patronymicum formatur ut aeacides significat filium aeaci hoc est peleum vel nepotem hoc est achillem vel aliquem ex posteris ut pyrrhum achillis filium & pyrrhum regem epirotarum qui ab illo ducebat originem [Nebrija 1995: 156]

В грамматике Томаса определение данного подкласса отчасти не отличается от определения Небрихи. Так, Томас определяет патронимы в качестве лексем, являющихся наименованиями потомков какого-либо рода и восходящих (*букв.* se derivan) к именам родителей (предков и/или братьев/сестер).

«Es de notar que, assí como en la lengua latina y en la española, ay nombres que se llaman patronímicos, que son los que se derivan de los padres o abuelos o hermanos a los hijos o descendientes...»[Santo Tomás 1560, 118]

В грамматике испанского языка Небрихи определение патронимов соответствует представленному в грамматике латинского языка описанию.

«Patronímicos nombres son aquéllos que significan hijo, o nieto, o alguno de los decendientes de aquel nombre de donde formamos el patronímico....»[Nebrija 1492, 25]

Иными словами, в определении патронимов во всех трех грамматиках используется семантический критерий.

В своей грамматике латинского языка Небриха при описании патронимов опирается не только на семантический, но и на формальный критерий. Патронимы, согласно Небрихе, образуются особым образом, а именно прибавлением к именам собственным аффикса -des (Aeneas — Aeneades, Aeacus — Aeacides, Nestor — Nestorides) для патронимов, обозначающих потомков мужского пола, и прибавлением аффикса -ne к именам собственным (Nereus — Nerine) либо отбрасыванием -de у наименований потомков мужского пола (Aeolides — Aeolis) для патронимов, обозначающих потомков женского пола.

Patronymica masculina in nominibus primae declinationis formantur a genetivo ae mutata in des ut aeneas aeneae, aeneades.

Patronymica foeminina fiunt a patronymicis masculinis ablata de ut priamides, ae, priamis, idis, aeolides, ae, aeolis, idis. Aliquando tam aliter exeunt ut ab aeneades,ae — aeneis, idis, a thesides , ae, theseis theseidis. Reperiunt quoque nomina foeminina patronymica termi-

nata in ne per prima nominis declinationem variata ut nerine filia nerei. [Nebrija 1995: 157]

Что касается Томаса, то эксплицитного описания формальных показателей для испанского и латинского языков он не приводит. Тем не менее, о том, что патронимы для Томаса в данных языках обладали особой формой, можно судить, в первую очередь, из его высказывания о морфологической особенности данного класса в языке кечуа, а именно о том, что в данном языке нет выделяемых способов образования патронимов. Как видно, свое утверждение Томас строит на имплицитном сравнении патронимов кечуа с патронимами в других языках (латинском и, возможно, испанском), из чего нами был сделан вывод о том, что Томас также считал релевантной формальную сторону вопроса для описания патронимов.

«...aunque no ay cierta ni determinada manera en la formación y composición de los tales nombres» [Santo Tomás 1560, 119]

В грамматике испанского языка Небрихи патронимы, как и в грамматике латинского языка, описываются с формальной стороны. Так, Небриха отмечает, что в испанском языке патронимы образуются от мужских имен (Pedro, Alvaro), приводит их возможные аналоги на латинском языке (Pedrides, Alvarides) и добавляет, что иных вариантов форм в испанском языке нет.

«...como Pérez, por hijo, o nieto, o alguno de los decendientes de Pedro, que en latín se podría dezir 'Petrides'; et assí de Álvaro, Álvarez, por lo que los latinos dirían 'Alvarides'. Otra forma de patronímicos io no siento que tenga nuestra lengua» [Nebrija 1492, 25]

Иными словами, во всех трех грамматиках патронимы рассматриваются также с формальной стороны.

Наконец, в грамматике языка кечуа и в грамматиках Небрихи встречаются лексемы, являющиеся наименованиями людей, принадлежащих какому-либо одному родовому классу, в схожей форме, а именно в форме множественного числа. Так, Небриха в качестве примера таких слов в грамматике латинского языка приводит Scipiones, Fabios, в грамматике испанского языка «los Estúnigas» и «Los Mendoças», а Томас, в свою очередь, «Scipiones», «Catones», «Mendoças» и «Guzmanes». Кроме того, две лексемы (словоформы) — Mendoças и Scipiones — встречаются у обоих авторов, что едва ли является случайным совпадением.

Таким образом, как у Небрихи в обеих грамматиках, так и у Томаса патронимы рассматриваются с семантической и формальной стороны. Кроме того, в работах наименования потомков встречаются во всех трех грамматических описаниях в особой форме множественного числа.

Вместе с тем, в описании патронимов Томаса обнаруживаются черты, которые отличают его описание от описания патронимов, представленного в грамматике латинского языка Небрихи, но сближают с описанием патронимов в грамматике испанского языка Небрихи.

Во-первых, грамматики испанского языка и языка кечуа сближает то, что в них используется схожая терминология для обозначения рассматриваемого класса производных имен. Так, в отличие от грамматики латинского языка наравне с испанской лексемой «patronímico», которая фактически соответсвует латинской «patronymicum», авторы обеих грамматик используют испанскую лексему «sobrenombre» (возможным латинским аналогом которой мог бы быть «supernomen», однако который, насколько мы можем судить, не обнаруживается в грамматике латинского языка Небрихи).

Ср.

«...cuales son aquéllos *[patronímicos]* que en nuestra lengua llamamos sobrenombres» [Nebrija 1492, 25]

«...donde paresce que los dos indios dichos tomaron sobrenombre Toco de la cueva donde salieron» [Santo Tomás 1560, 118]

Во-вторых, в обеих грамматиках, как видно из наблюдений, приведенных выше, нет, в отличие от латинской грамматики, указания на конкретные словообразовательные элементы, которые могли бы участвовать в деривации патронимов. То есть Небриха в своей грамматике испанского языка не приводит утверждения о том, что форма Álvarez образуется от Álvaro с помощью ez, Томас не комментирует деривационные отношения между формами пары Scipion — Scipiones, в которой, как видно, второй член отличается от первого наличием показателя множественного числа es.

Таким образом, грамматику Томаса и испанскую грамматику Небрихи сближает еще и общая терминология в описании патронимов, а также отсутствие комментариев относительно конкретных словообразовательных элементов, участвующих в деривации патронимов.

Однако при более тщательном анализе обнаруживаются черты в описании патронимов у Томаса, которые заметно отличают его описание от описания Небрихи как латинского, так и испанского языков.

Во-первых, описание Томаса отличается в отношении формальной стороны вопроса. Так, в частности, из анализа словоформ, которые приводятся доминиканцем в качестве иллюстрации теоретического описания патронимов, следует, что в представлении Томаса патронимы в испанском языке образовывались путем изменения во флексии, то есть,патроним Catones (потомки из рода Катонов) образовался от

лексемы Catón (основатель рода Катон) с помощью элемента «es» (флексии множественного числа).

«...como Scipiones de Scipión, Catones de Catón, Romanos de Roma, Mendoc(¡)as, Guzmanes, Andaluzes» [Santo Tomás 1560, 117]

В свою очередь, в грамматике испанского и латинского языков Небрихи в качестве словообразовательного элемента представлен аффикс (среди прочих «des» для латинского языка и имплицитно ez — для испанского).

«...como Pérez, por hijo, o nieto, o alguno de los decendientes de Pedro, que en latín se podría dezir 'Petrides'; et assí de Álvaro, Álvarez, por lo que los latinos dirían 'Alvarides'. Otra forma de patronímicos io no siento que tenga nuestra lengua» [Nebrija 1492, 25]

Кроме того, как видно из описания Томаса, словоформы, которые им приводятся в качестве патронимов, не имеют прозрачной внутренней формы (например, Mendoza *(apellido)* <= бас. Mendi otza «холодная гора», Guzman (apellido) <= герм. gut-mann «хороший человек»), кроме одной (Romano <= Roma + aff. «ano») с явной (словообразовательной) мотивированностью. Что касается лексем у Небрихи, то они, как видно из приведенных выше примеров, имеют явную мотивированность.

Во-вторых, те словоформы, которые, как упоминалось выше, обнаруживаются во всех трех грамматиках, отличаются у Томаса и Небрихи по тому, как они интерпретируются. Относительно имен собственных, которые обнаруживаются у Томаса и в латинской грамматике Небрихи, можно сказать следующее: Небриха приводит словоформы типа Scipiones в главе, посвященной описанию категории рода у класса имен, в качестве иллюстрации исключений из того правила, что имена собственные не имеют форм множественного числа. При этом слова типа Scipio Небриха предлагает рассматривать двояко: с одной стороны, как имена собственные, имеющие только форму единственного числа и входящие в одну из разновидностей имен собственных cognomena, и, с другой стороны, как имена нарицательные (обозначающие Сципиона как одного из потомка одноименного рода), имеющие форму множественного числа Scipiones. При этом ни в одном, ни в другом случае Небриха не рассматривает такие имена в качестве патронимов.

Cognomen est totius cognationis & familiae commune ut Scipio, Cicero, subiungiturque semper gentiliciis nominibus.

P. Cornelius Scipio Aphricanus.....Scipio cognomen quod in ea familia sin omnes cognominabantur.

Cognomen est quod est cognationis commune ut Scipio quo nomine plures in una familia cognominati sunt.

Sed cum dicimus Scipiones, Fabios, Metellos, Camillos, Curios, Scauros iam definunt esse propria & incipiunt esse appellatiua. Nam cum sit nomen proprium quod de uno dicitur appellatiuum quod de pluribus cum dico Scipiones intelligo plures ex ea famillia ut Eneium & Publium Scipiones, ergo Scipio tunc appellatiuum est: cum de omnibus illis dicatur. [Nebrija 1995: 155]

Томас же подобные имена собственные в форме множественного числа предлагает рассматривать в качестве патронимов.

Что касается лексем, которые встречаются в грамматике испанского языка Небрихи и по форме аналогичны лексемам, приводимым Томасом (Mendoças, в частности), то у Небрихи они описываются в качестве простых имен класса имен собственных и обозначаются термином connombre или apellido, у Томаса же они описываются в качестве патронимов.

Connombre es aquél que se pone después del nombre proprio, et es común a todos los de aquella familia; et llámase propria mente entre nos otros el apellido, como los Estúñigas, los Mendoças. [Nebrija 1492, 24]

В-третьих, в определении патронимов Томас делает акцент не только на лингвистическом характере патронимов, но и на экстралингвистических характеристиках, то есть доминиканец описывает патронимы не только в качестве языковых единиц, которые связаны отношением производности с другими языковыми единицами и которые обладают особым значением, а еще и в качестве слов, которые особым образом функционируют в обществе/культуре, а именно как общие родовые имена, которые передаются (букв. *se derivan*) из одного поколения в другое. В свою очередь, в грамматиках Небрихи (латинского и испанского языков) патронимы рассматриваются именно с точки зрения их лингвистических особенностей, для Небрихи они обладают характерным значением и особыми отношениями (отношениями производности) с другими языковыми единицами.

Наконец, в-четвертых, отличаются описания Томаса и Небрихи в выделяемых ими элементах, входящих в состав патронимов: Томас включает в класс производящих слов помимо родовых имен еще и наименования жителей по названию обитаемых земель. Так, доминиканец в определении патронимов отмечает, что к данному классу относятся наименования жителей, которые восходят к названиям территорий, на которых они обитают.

«Es de notar que, assí como en la lengua latina y en la española, ay nombres que se llaman patronímicos, que son los que se derivan de los padres o abuelos o hermanos a los hijos o descendientes; o se derivan de las tierras a los que son naturales dellas»

У Небрихи подобные имена (gentilia и/или nomena patrium) в латинской грамматике представлены в разделе, посвященном производному классу поссессивов, а в испанской грамматике — в отдельной главе, посвященной классу производных имен (деноминативным именам). Иными словами, ни в одной из рассматриваемых нами грамматик Небрихи наименования жителей не рассматриваются как патронимы.

«Gentilia quoque possessiuis similia sunt ut Romanus hispanus» [Nebrija 1495, 157]

Gentiles nombres llaman los gramáticos aquellos que significan alguna gente, como español, andaluz, sevillano; aunque Tulio, en el primero libro de los oficios, haze diferencia entre gente, nación et naturaleza; por que la gente tiene debaxo de sí muchas naciones, como España a Castilla, Aragón, Navarra, Portogal; la nación, muchas ciudades et lugares, que son tierra et naturaleza de cada uno; mas todos estos llamamos nombres gentiles, del nombre general que comprende a todos. [Nebrija 1492, 26]

Таким образом, приведенные выше наблюдения можно резюмировать следующим образом. Во-первых, описание патронимов у Томаса сближается с описанием патронимов в грамматиках латинского и испанского языков в том, что патронимы во всех трех грамматиках представляются с точки зрения их особого значения и особой формы, а также в том, что в них встречаются имена собственные в форме множественного числа. Во-вторых, описание патронимов у Томаса сближается с описанием патронимов в грамматике испанского языка, но отличается от их описания в грамматике латинского языка тем, что в первых двух грамматиках в качестве одного из обозначений данного класса используется особая терминология. В этих грамматиках не представлены эксплицитно конкретные формальные элементы, с помощью которых образуются члены данного класса. В-третьих, в описании патронимов у Томаса обнаруживаются черты, которые отличают его описание от описания, представленного как в грамматике латинского языка, так и в грамматике испанского языка, а именно Томас к патронимам относит наименования жителей, класс слов, которые у Небрихи в обеих грамматиках рассматривались в качестве подкласса непроизводных имен собственных. В приводимых Томасом парах слов, связанных отношением «производящее слово — производное слово», один из членов отличается от другого флексией, у Небрихи же различия обнаруживаются в основе. При этом Томас в качестве патронимов приводит лексемы с неявной внутренней формой, в грамматиках же Небрихи внутренняя форма патронимов прозрачна. Что касается имен собственных во множественном числе, которые присутствуют во всех трех грамматиках, то у Томаса и у Небрихи они интерпретируются по-разному: как класс производных имен (патронимов) у первого и как разновидность непроизводных имен - у второго.

Приведенный анализ показывает, что в описании патронимов Томас не целиком опирался на идеи и положения Небрихи, изложенные как в грамматике латинского языка, так и в грамматике испанского языка. Иными словами, появление особых деталей в описании Томаса, отличных от описания Небрихи, может свидетельствовать либо в пользу новаторства доминиканца, его отхода от грамматического канона, заданного латинской традицией и гуманистами, либо в пользу того, что, как отмечается в работе [Calvo Pérez 2000], в качестве образца для описания им использовались и другие грамматики латинского языка. В качестве одного из вариантов возможно предложить работу Присциана Institutio grammaticae, грамматику 6 века, которая в Испании в конце 15 - начале 16 века (среди прочего) преподавалась в высших учебных заведениях, в частности, в Севильском университете, где учился Томас, и, следовательно, могла быть знакома автору. В пользу данной гипотезы (о том, что Томас мог опираться на данную грамматику) свидетельствует тот факт, что та часть его интерпретации патронимов, которая отличается от интерпретации Небрихи, схожа с трактовкой патронимов в грамматике латинского языка Присциана. Так, в разделе, посвященном патронимам, византийский грамматист указывает на то, что в латинском языке есть группа производных имен, которые образованы как по модели греческого языка (прибавлением аффикса des) и употребляются преимущественно в поэтических текстах, так и собственно латинские формы, которые употребляются в отличном от поэтического регистре и представляют собой имена собственные во множественном числе типа Marcellus — Marcelii.

Patronymicum est quod a propriis tantummodo derivatur patrum nominibus secundum formam Graecam, quod significat cum genetivo primitivi filius vel nepos ['Aeacides', Aeaci filius vel nepos], et hac forma poetae maxime solent uti, pro qua Romani cognominibus familiarum utuntur, ut 'Cornelii', 'Marcelii'; omnes enim ab illo qui primus Cornelius et qui Marcellus nominatus est, hoc nomen habuerunt quicumque eiusdem familiae sunt, sicut omnes minores Thesei 'Thesidas' Graeci appellant, quos solent poetae quoque nostri imitari, unde Virgilius secundum Graecam formam 'Scipiadas' dixit. [Priscianus ,62]

Кроме того, в той же грамматике Присциана (а также в грамматике латинского языка Перотти и первом издании грамматики латинского языка Небрихи) наименования жителей, хотя и описываются в рамках

простых (непроизводных имен), тем не менее названы теми же терминами, что и патронимы, то есть обозначаются как nomina patrium. Подобное обстоятельство (терминологическая схожесть) могло в некоторой степени повлиять на решение Томаса включить в описание патронимов наименования жителей.

Sunt autem hae: adiectiuum, ad aliquid dictum, quasi ad aliquid dictum, gentile, patrium, interrogatiuum, infinitum, relatiuum uel demonstratiuum uel similitudinis, collectiuum, diuiduum, facticium, generale, speciale, ordinale,numerale, absolutum, temporale, locale.

gentile est, quod gentem significat, ut Graecus, Latinus. patrium est, quod a patria sumitur, ut Atheniensis, Romanus. [Priscianus ,59]

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что работу Томаса в рассматриваемом нами аспекте с грамматикой испанского языка сближают лишь несущественные черты, что позволяет с достаточным основанием предположить, что грамматика испанского языка могла быть не доступна Томасу (как и другим миссионерам). Однако, если принимать подобную интерпретацию, возникает вопрос о том, что служило в качестве источников для теоретического осмысления испанского языка для Томаса (поскольку Присциан описывал латинский язык, а Томас приводит примеры и использует термины на испанском языке). Однако подобный вопрос требует более детальных исследований.

Список литературы

1. Calvo P. J. Las gramáticas del Siglo de Oro quechua: originalidad y diversidad. Zwartjes 2000. 125-204
2. Calvo P. J. Las gramáticas de Nebrija y las primeras gramáticas del quechua». Escavy, Hernández Terrés & Roldán 1994. 2. 63-80
3. Cerrón-Palomino, Rodolfo «Grammatica, o, Arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú. Lexicon, o, Vocabulario de la lengua general del Perú [I], / Fray Domingo de S. Thomas ; [transliteración y estudio por Rodolfo Cerrón-Palomino] / Madrid : Ediciones de Cultura Hispánica, Agencia Española de Cooperación Internacional, 1994
4. Cisneros, Luis Jaime «La primera gramática de la lengua general del Perú» Boletín del Instituto Riva-Aguero, 1, pp. 197-264 1951
5. Gordillo, Ana Segovia Contribución a la lingüística misionera americana: la obra gramatical de Diego González Holguín Valladolid: Universidad de Valladolid, Facultad de filosofía y letras, 2012. — XXII + 708 pp.
6. Esparza Torres, Miguel Ángel «Nebrija y los modelos misioneros linguistas del náhuatl» Missionary Linguistics III/Lingüística misionera III. Morphology and Syntax Amsterdam, J. Benjamins 3-41 2007
7. Nebrija, Antonio de, Introductiones latinae cum commento Salamanca 1495
8. Nebrija, Antonio de, Gramática de la lengua castellana Salamanca 1492
9. Porras Barrenechea, Raúl «Prólogo» a la edición fascimilar de la Grammatica de Domingo de Santo Tomás. Lima: Imprenta Santa María 1951
10. Priscianus Institutiones grammaticae in Grammatici Latini, ed. H.Keil (Leipzig, 1857-80), vol.II
11. Sánchez Salor, E. De las "elegancias" a las "causas" de la lengua: retórica y gramática del humanismo. Instituto de Estudios Humanísticos Alcañiz/Madrid 2002, 607 pp.

Об авторе

Кичигин Кирилл Валерьевич – аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *Risk91@mail.ru*

УДК 800.8

АДАПТАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ В. АКСЕНОВА)

Колесова Н.В., Тимохина Л.Р.

В статье рассматриваются вопросы адаптации иноязычной лексики в текстах писателя-эмигранта В. Аксенова к принимающей системе русского языка. Анализируются гибридные образования, их роль в тексте, способы формирования и особенности индивидуально-авторского словоупотребления. Словообразование в текстах писателя рассмотрено как художественный прием и как отражение языковых процессов, характерных для языка русских эмигрантов.

Ключевые слова: *Иноязычия, индивидуальный авторский стиль, словообразовательные особенности, художественный текст, языковые средства, язык эмигрантов, языковая среда*

WORD-BUILDING PECULIARITIES OF BORROWINGS (BASED ON THE TEXTS BY V. AKSYONOV)

Kolesova N.V., Timokhina L.R.

The article discusses the peculiarities of adapting foreign borrowings to the system of the Russian language by the emigrant writer V. Aksyonov and the ways of building new words on the basis of foreign borrowings in his literary texts. It offers the analysis of the structures of the newly formed words as well as the analysis of their word usage and role in the text. The choice of words in the texts by V. Aksyonov is analyzed as a means of conveying the author's ideas, creating additional connotations and making possible influence on a reader.

Keywords*: Borrowings, individual author's style, word-building peculiarities, literary text, language means, language of emigrants, language surrounding*

В последние десятилетия русский язык эмиграции становится объектом пристального внимания лингвистов. Исследователи всесторонне изучают языковые процессы и изменения, которые претерпевает русский язык в иноязычном окружении [Васянина 2001; Гловинская 2001; Найдич 2004, Земская 2004; Земская 2008; Оглезнева 2009; Блажевич: 2011; Павлова 2011; Млечко 2012, Дубинина, Полинская 2015]. Русская диаспора за рубежом представлена совершенно различными возрастными и социальными группами, однако анализ языковых особенностей эмигрантов позволяет выделись как индивидуальные черты, так и общие закономерности, свойственные эмиграции в целом и обусловленные рядом объективных причин. Оказавшись в условиях смешения языковых систем, ограниченной сферы функционирования родного языка, географической и языковой изоляции, эмигранты испытывают сильнейшее влияние со стороны системы принимающего языка. Язык русских эмигрантов в иноязычном окружении приобретает новые характерные черты, среди которых на первый план выступает насыщенность иноязычными элементами.

Показательно в этом отношении творчество писателя-эмигранта третьей волны Василия Аксенова. Прожив долгое время в Соединенных штатах Америки, Аксенов достиг свободного владения английским языком и усвоил особенности речи, характерные для эмигрантов третьей волны. Тексты его произведений в полной мере отражают тот язык, на котором говорят представители русской диаспоры в Америке. Целью данной статьи является изучение адаптационных особенностей иноязычных лексем и их модификации в принимающей системе русского языка на материале прозы Василия Аксенова. Данный анализ позволит рассмотреть закономерности языка русской диаспоры и вывить общее и различное в языке эмиграции и метрополии. Как известно, морфологическая система русского языка является достаточно устойчивой. Она активно функционирует в условиях иноязычного окружения и смешения языковых систем; при этом иноязычные явления свободно ассимилируются в родном языке и включаются в его словообразовательные парадигмы. Исследователи языка эмигрантов неоднократно подчеркивают «сильный словообразовательный механизм русского языка», который порождает на базе иноязычных основ производные, оформленные по законам русской грамматики [Земская 2004: 207].

Анализ текстов В. Аксенова обнаруживает огромный пласт иноязычной лексики, которая проходит различные этапы адаптации в принимающем языке. Наиболее активно в словообразовательные процессы включаются заимствованные имена существительные, они подвергаются грамматическому оформлению в соответствии с законами русского языка, однако степень их адаптации может быть различной. В отдельную группу, например, можно выделить заимствования, представленные без адаптации к грамматическим средствам языка-реципиента, они переданы на письме с сохранением графики языка-источника или с помощью фонетической субституции: *«Она была явно увлечена своим партнером из разряда*

something different» (от англ. какой-то другой) [«Кесарево свечение»: 432]; *«Бег ёр пардон»* (от англ. beg your pardon – прошу прощения); [«Скажи изюм»: 318]; *«…становятся осведомленными в таких понятиях, как "баланс" и "**кэш флоу**"»* (от англ. balance – (ком.) баланс, сальдо, cash flow – приток наличности) [«В поисках грустного бэби»: 100]; *«В мае одного из девяностых годов, вроде бы где-то в середине десятилетия получил **sabbatical**, то есть академический отпуск на весь осенний семестр»* [«Кесарево свечение»: 202]. и т.д. Иноязычные лексемы данной группы совпадают по семантическим и структурно-морфологическим характеристикам со своими иноязычными этимонами, являются достаточно употребительными, однако не представляют интереса с точки зрения использования словообразовательных средств.

В большинстве случаев под влиянием принимающей системы русского языка английские лексемы подводятся под соответствующие грамматические категории и приобретают формы словоизменения: «*подкатил тележку с **хот-догом***» (англ. hot dog – горячие пирожки) [«Ожог»: 113]; «*какую **импрессию** произвел на присутствующих*» (англ. impression – впечатление) [«Ожог»: 39]; *«если не попаду в траффик на **тернпайке**»* (англ. turnpike – выезд на шоссе, разворот) [«Кесарево свечение»: 204]; *«о **мортгейджах** мы тогда и понятия не имели»* (англ. mortgage – первый взнос, рассрочка) [«В поисках грустного бэби»: 40]; *«Профессор как в воду глядел, когда перед поездкой купил за двадцатку в соседнем **пон-шопе** (комиссионке) наган с инкрустациями»* [«Кесарево свечение»: 342] и т. д.

Иноязычные лексемы получают грамматическое оформление и функционируют как полноправные элементы русскоязычного текста. Эмигранты не воспринимают эту лексику как «чужую», она употребляется по законам русского языка и включена в русскоязычный контекст. В отдельную группу можно включить словообразовательные гибриды, образованные от иноязычных основ при помощи словообразовательного механизма русского языка. Данные образования сохраняют свой иноязычный облик, демонстрируя в то же время определенную ассимилированность в принимающем языке: *«Сделав шаг назад и едва не наступив на ладонь монархиста, он напомнил близким душам, что вечером после ужина состоится **геттугезина** у него на террасе»* (англ. get together – собираться вместе) [«Таинственная страсть» 123]; *«в **тинейджерском** возрасте»* (англ. teenager – подросток [«Новый сладостный стиль»: 211*]; «Из английских слов speak ("говорить") и forget ("забыть") он производит глаголы "**спикать**" и "**зафоргетить**" (англ.* forget – *забыть)* [«Мой дедушка памятник»: 119];

*«Я **проспеллинговал** свое имя» (*англ. spell – называть по буквам) [«В поисках грустного бэби»: 175].

Анализ словообразовательных гибридов с точки зрения их функций обнаруживает корреляции с производными словами в языке метрополии, они используются автором преимущественно в номинативной функции для создания определенной экспрессии. Номинативная функция иноязычий является естественным следствием языкового взаимодействия, когда вместе с реалиями иноязычной жизни в русский язык включаются соответствующие номинации как источник нового значения слова. Эта группа словообразовательных гибридов представлена в основном отвлеченными понятиями: *фратернизация, экзибиция, тинэйджерство*: *«несколько снизить степень **фратернизации** во время учебного процесса» (*англ. fraternity – братство, фамильярность*)* [«Кесарево свечение»: 106]; *«Обняв большого друга, большого профессионала и антисвинью, неопознанный маэстро и дерзновенный игрок вышел в первый зал **экзибиции**»* (англ. exhibition – выставка*)* [«Скажи изюм»: 220], *«брата в отдаленные времена ранней юности, или, как сейчас говорят, «**тинэйджерства**», едва ли не боготворил»* [«Новый сладостный стиль»: 354]. Как очевидно, употребление иноязычий данной группы отражает реалии новой действительности, которые еще не являются полностью освоенными в языковом сознании эмигрантов.

Экспрессивная функция словообразования нацелена на выражение эмоциональной оценки, которую иноязычная основа приобретает с помощью оценочных суффиксов русского языка: *«Она побывала в **герлфрендихах** у немалого числа американских персон» (*англ. girl-friend – подруга*)* [«Кесарево свечение»: 125];

*«Горю желанием увидеть свое детище! Так и сказал – **чайльдище**» (*англ. child – ребенок) [«Скажи изюм»: 92]. Использование подобных элементов в речи эмигрантов Е.А. Земская объясняет пренебрежением или нежеланием соблюдать нормы родного языка [Земская 2008: 39]. В авторском тексте данные гибриды демонстрируют, помимо этого, чувство юмора и склонность к языковой рефлексии.

В процессе ассимиляции иноязычных единиц в ряде случаев происходит изменение оценочных коннотаций с нейтрального на отрицательный оттенок. Новые коннотативные значения выходят на первый план в семантической структуре слова: *«…прохлопал такую «**геттугезину**»* (англ. get-together – встреча, сбор) [«Скажи изюм»: 176]*; «Это jetlag, **джетлеготина** паршивая, совсем нас, девушек, **обджетлежила**, ноги не держат»* (англ. jet-lag – реактивное отставание) [«Кесарево свечение: 23]; *«для кобылы этой белой – **уайтхорсины**»* (англ. **white horse** – белая лошадь) [«Скажи изюм»: 140].

Следующие примеры обнаруживают использование категории уменьшительности-оценочности: *«**Шатапчик**, мамулька, у мужчин свои дела»* (англ.

shut-up – (груб.) замолчи, заткнись) [«Новый сладостный стиль»: 42]; *«**Бьютифульная айдийка**, Макс, ей-ей, красиво»* (англ. beautiful idea – прекрасная идея) [«Скажи изюм»: 220].

Анализ языкового материала показывает, что основная масса иноязычий представлена именами существительными. Другие части речи используются намного реже. По-видимому, употребление иноязычных существительных можно объяснить их использованием для описания предметного мира, где возникает необходимость номинации предметов и явлений, выраженных именными формами. Адъективные и адвербиальные словосочетания немногочисленны: ***Бьютифульная айдийка»*** (англ. beautiful idea – прекрасная идея) [«Скажи изюм»: 220]; «*Это **ридикюльно***» (англ. ridiculous – нелепо) [«Кесарево свечение»: 37]; *«…пока нам не встретился щедрый **плюральный пипл,** который нас спас»* (англ. plural – множественный) [«Кесарево свечение»: 334]; *«полторы тысячи за **«двухбедренный аппартмент»*** (от англ. two bedrooms – две спальни) [«В поисках грустного бэби»: 26]; и др.

Иноязычия данной группы образованы от иноязычных субстантивов или соответствующих прилагательных и отражают субъективные ассоциации автора и его персонажей, вызванные отображаемой действительностью. Иноязычные глаголы подводятся под грамматические категории русского языка и приобретают формы лица, наклонения и времени, получают определенное видовое значение, включаются в категорию спряжения. Глагольные дериваты представлены преимущественно суффиксальным словообразованием от иноязычных основ: *спикать* [«Ожог»: 182]; *бибисовать* [«Ожог»: 337]; *спелинговать* [«В поисках грустного бэби»: 45]; *эбьюзать* [«Кесарево свечение»: 173], *фиксануть* [«Кесарево свечение»: 33]; *киднепнуть* [«Кесарево свечение»: 188]; *дефектнуть* [«Новый сладостный стиль»: 31] и др. Единичны случаи приставочно-суффиксального словообразования: *заджемить* [«Бумажный пейзаж»: 406]; Данные глаголы образованы по словообразовательным законам русского языка от иноязычных основ и выражают категорию процессуальности. Рассмотренные словообразовательные дериваты образованы в соответствии с грамматическими законами русского языка. Несмотря на иноязычную основу, они не противоречат языковому сознанию русского человека и остаются понятными и доступными для восприятия.

Словообразовательная активность иноязычных неологизмов в текстах писателя достаточно велика. Можно выявить словообразовательные пары, один из компонентов которых образован от иноязычной именной основы с помощью аффиксации: *спелинг – проспелинговать* [«Скажи изюм»: 152]; *джетлег – джетлеготина* [«Кесарево свечение»: 56]; *тинейджер – тинейджерский, тинэйджерство* [«Новый сладостный стиль»: 211, 354] и др. Для образования новых слов на базе иноязычной основы может использоваться суффикс *-ер (-ор),* обозначающий лиц по роду деятельности, профессии и т. д., наименования которых отсутствуют в русском языке: *нью-йоркеры* [«Остров Крым»: 83]; *мани-мейкеры* [«Остров Крым»: 88]; «*ньюз-мейкеры*» [«Остров Крым»: 97]; «*спичрайтер*» [«Кесарево свечение»: 62] и т. д. Многочисленные примеры данной группы подчеркивают антропоцентрический характер словообразования.

Единичны случаи использования в текстах сложных и суффиксально-сложных существительных, образованных на основе неизменяемых иноязычных лексем, которые в системе английского языка относятся к сложным словам: *бой-друг* [«Новый сладостный стиль»: 208]; *ти-майка* [«Новый сладостный стиль»: 310]; *пип-дырка* [«Новый сладостный стиль»: 300]. В русском тексте данные единицы функционируют как полукальки, они сохраняют неизменяемой иноязычную составляющую, заменяя вторую часть сложной лексемы соответствующим русским эквивалентом.

В некоторых случаях наблюдается смешение грамматических форм существительных, когда заимствованная во множественном числе лексема приобретает в языке-реципиенте еще одно окончание множественного числа: *лэпсы* [«Кесарево свечение: 163] – от англ. lap – круг на стадионе, треке; *кидсы* [«Кесарево свечение: 526] – от англ. kid – ребенок. Приведенные примеры демонстрируют потерю значения множественности английской лексемой, а система русского языка включает новое слово в собственные словообразовательные парадигмы, переосмысливая их форму.

Интересны случаи словообразовательного калькирования, которое используется эмигрантами довольно редко, однако в текстах В. Аксенова словообразовательные кальки находят достаточно широкое употребление: *«Остановились в городке **Сладководске** (как еще назовешь Sweetwatercity)* [«В поисках грустного бэби»: 42].

Анализ языковых особенностей текстов В. Аксенова подтверждает положение о том, что употребление словообразовательных гибридов не получило распространения в современном русском литературном языке. Подобное словоупотребление соответствует речевым особенностям русской диаспоры в Америке, и использование их становится возможным благодаря функционированию инвентаря русских аффиксальных морфем для выражения различных оттенков значений. Проанализированные примеры позволяют сделать вывод, что наиболее частотным способом образования новых лексем от иноязычных основ можно считать аффиксальную дери-

вацию, представленную преимущественно суффиксацией, что подтверждается данными исследователей, отмечающих активный характер префиксации в современном русском литературном языке и в то же время ее отставание от суффиксации [Земская 2008: 90]. Неологизмы в текстах В. Аксенова образованы с помощью действенных и функционально активных аффиксов, обладающих высоким внутренним потенциалом и придающих новые смысловые оттенки значений иноязычным словам. Экспрессивный характер большинства словообразовательных средств повышает эмоциональность контекста, позволяет выразить авторское отношение.

Проведенный анализ позволяет заключить, что словообразование в текстах В. Аксенова обусловлено потребностью смысловой дифференциации и уточнения информативных возможностей лексем. Адаптация иноязычных основ к русскому языку отражает стремление писателя найти необходимый способ номинации предмета или явления новой окружающей его действительности в соответствии с художественным замыслом, осуществлять эксперименты со словами, поиск языковых средств. Безусловно, сочетание элементов двух языковых систем накладывает характерный отпечаток на тексты писателя. Будучи ориентированными на русскоязычную аудиторию, они включают в себя в большом количестве иноязычные составляющие как маркеры новой для русской эмиграции действительности. Под влиянием иноязычных единиц тексты В. Аксенова приобретают бинациональную маркированность и обнаруживают закономерные отношения между русским языком и иноязычным окружением.

Список литературы

1. Блажевич Ю. С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта (на материале языка русских эмигрантов в Португалии) //дис…. канд. филол. наук.: 10.02. 19. 2011. 182 с.

2. Васянина Е. Ю. Наброски к лингвистическому портрету русских американцев –Русский язык за рубежом. 2001. №. 2. С. 95-102.

3. Гловинская М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // Жизнь языка: сб. к. 2001. С. 42-59.

4. Дубинина И.Е., Полинская М.С. Русский язык в США // Русский язык зарубежья. СПб: Златоуст, 2015. С. 13-40.

5. Земская Е.А. Язык как деятельность. М., 2004. 688 с.

6. Земская Е.А. Активные процессы в языке русского зарубежья // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX- XXI веков. М., языки славянских культур. 2008. С. 615-651.

7. Млечко Т. П. Индивидуальное когнитивное пространство русской языковой личности в новом зарубежье //Русский язык за рубежом. 2012. №. 1. С. 58-64.

8. Найдич Л. Выбор языка, переключение кода, лексические заимствования: русский язык эмигрантов последней волны в Израиле // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. 2004. С. 108-122.

9. Оглезнева Е.А. Язык русского восточного зарубежья в связи с волнообразным характером эмиграции на восток // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 44. С. 106-109.

10. Павлова А.В. Речь русских эмигрантов и билингвов: ошибки и тренды // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 294-298.

Источники

1. Аксенов В. В поисках грустного бэби. М., 2000. 416 с.
2. Аксенов В. Кесарево свечение. М., 2001. 640 с.
3. Аксенов В. Новый сладостный стиль. М., 2002. 656 с.
4. Аксенов В. Ожог. М., 1990. 400 с.
5. Аксенов В. Остров Крым. М., 1990. 320 с.
6. Аксенов В. Таинственная страсть. Роман о шестидесятниках. М., 2009. 380 с.
7. Аксенов В. Мой дедушка памятник. М., 2006. 260 с.
8. Аксенов В. Скажи изюм М., 2001. 408 с.

Об авторах

Колесова Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Красноярского государственного педагогического университета, *nkoles8@inbox.ru*

Тимохина Лилия Рахимжановна – старший преподаватель кафедры английского языка Красноярского государственного педагогического университета, *timokh5572@mail.ru*

УДК 811.161.1 ’ 373+821.221.18(092)

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО МИКРОПОЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (ПО РОМАНУ Г.И.ГАЗДАНОВА «ЭВЕЛИНА И ЕЕ ДРУЗЬЯ»)

Кухтенкова А.А.

В статье предпринята попытка проанализировать одно из звеньев тематической сетки романа Г.И. Газданова «Эвелина и ее друзья», а именно лексико-тематическую сетку ассоциативно-семантического пространства одного из героев этого романа, выявить и описать участие текстовых парадигм, прежде всего, синонимов, антонимов, корневых повторов в изображении *движения чувств*, связанных с поиском героя *лирического мира*, *эмоционального гармонического равновесия*. Характеристика героя складывается из мнений о нем рассказчика, друзей и самого этого персонажа по имени Мервиль.
Ключевые слова: *тематическая сетка текста*, *ассоциативно-семантическое микрополе героя*, *семно-семемный анализ*.

A LEXICAL-THEMATIC GRID OF THE ASSOCIATIVE-SEMANTIC MICROFIELD OF A LITERARY CHARACTER (FROM THE NOVEL BYG.I. GAZDANOV «EVELYN AND HER FRIENDS»)

Kukhtenkova A.A.

The article analyzes one of the thematic units of the grid of G.I. Gazdanov`s novel «Evelyn and her friends», namely lexical-thematic grid of associative-semantic space of one of this novel`s heroes. The article considers the problem to identify and describes the participation of textual paradigms, especially, synonyms, antonyms and root repetitions in creating the image of a sense of movement associated with the search for the character of the lyrical world, the emotional harmonic poise. Main features of the character are based on the opinions about him of the narrator, friends and personal opinion of the character called Merville.
Keywords: *thematic grid of the text*, *associative-semantic microfield of the character*, *sememe analysis*.

Цель статьи – описать фрагмент тематической сетки романа Г.И. Газданова «Эвелина и ее друзья», а именно лексико-тематическую сетку ассоциативно-семантического поля одного из пяти главных персонажей – Мервиля.

Основной метод нашего исследования соотносится с описанием языковой организации текста, ее отдельных фрагментов, а именно: выявление и характеристика текстовых парадигм, соответствующих языковым лексико-семантическим и лексико-словообразовательным объединениям (синонимы, антонимы, тематические группы, семантические поля, одноморфемные слова), и тех словесных рядов, которые образуются в самом тексте (например, лексические повторы, ассоциативно-тематические ряды), участвующих в создании тематической сетки произведения в целом или, например, ее фрагменту, связанного с ассоциативно-семантическим полем отдельного образа, и последующей интерпретацией индивидуальных особенностей стиля писателя. «Помощником» этого текстоцентрического метода является семно-семемный анализ, связанный с компонентной, дефиниционной и контекстологической методиками.

За основу нами взята теория текстовых парадигм Н.С. Болотновой, в первую очередь, «смысловых» (например, по типу синонимов, антонимов) и «формально-смысловых (например корневой повтор) текстовых парадигм» [Болотнова 1992: 153-162; 1994: 40-103; 2001, 2003, 2009]. Принимаем во внимание и классификацию И.А. Пушкаревой «смысловых лексических парадигм», которые рассматриваются как “разновидность текстовых парадигм” [Пушкарева 1998:9]. Смысловые лексические парадигмы – “коммуникативно обусловленные текстовые объединения слов или (сверхсловных элементов) на ассоциативной основе…” [Пушкарева 1998:9]. Текстовые парадигмы участвуют в формировании тематической сетки текста. Мы синонимизируем понятия «тематическая сетка текста» И.В. Арнольд (1984, 1999, 2010) и «лексико-тематическая сетка» И.Е. Ивановой (2000). Понятие «текстовая парадигма» связано с понятием «тематическая сетка текста». “…тематической сеткой текста, – пишет И.В. Арнольд, – является набор повторяющихся в нем сем, то есть наименьших единиц плана содержания. Наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или в коннотациях разных слов, то есть семантические повторы, обнаруживается по лексическим связям слов в тексте” [Арнольд 1999: 214]. В этом определении содержится и значимое для нашей статьи объяснение понятия «семантические повторы», как “наличие общих компонентов в семном составе денотативных значений или коннотаций”, что наблюдается, например, при использо-

вании синонимов, антонимов, слов, принадлежащих одной тематической группе, ассоциативно сближенных слов, относящихся к одному семантическому полю, которое по содержанию (а также и общекатегориальному оформлению) более далекие друг от друга, по сравнению с лексическими синонимами. Семантический повтор – "сознательное двукратное, а иногда и многократное формальное или семантическое воспроизведение одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста)" [Гак 1987:25]. И.Е. Иванова рассматривает лексико-тематическую сетку "в качестве основного способа выявления тематического ядра текста". Мы учитываем следующее замечание "…лексико-тематическая сетка является главным способом структурно-семантической организации текста; на ее основе может быть выявлена коммуникативно-прагматическая направленность текста" [Иванова 2000:5].

В романе Г.И. Газданова «Эвелина и ее друзья» речь идет о жизни пятерых друзей (герой-рассказчик, Андрей, Артур, Мервиль, Эвелина), товарищей по давним университетским временам. Главным и объединяющим персонажем становится фигура рассказчика, передающего позиции автора и отслеживающего метаморфозы своих друзей, их переживания (*движения чувств*). Очень точно значимость рассказчика подметил Жорж (поэт, брат Андрея): *…в вашем удивительном союзе твоя роль – это нечто среднее между духовником и юрисконсультом… – моральная помощь*[Газданов 2014:612]. Все герои романа обращаются к нему за советом, доверяют ему свои сокровенные мысли и чувства. Сюжет произведения наполняют постепенные «*превращения*», или «*довоплощения*» героев. Каждый из них проходит путь постижения *истинного смысла своего бытия*. Происходящие с героями *превращения* объясняются рассказчиком наличием *потенциальных возможностей второй природы*, *подлинной*, *более важной*, *чем биографические подробности* [Газданов 2014:597].

Удивительный ***своеобразный*** *и* ***нерасторжимый*** (*мы так тесно связаны*) *союз*»,… ***странный*** *(мы очень разные)*, *но* ***неразрывный*** *союз* [Газданов 2014:459] (пяти друзей) так представлен в словах рассказчика: «*Я думал о своих друзьях. У каждого из них было что-то чего у меня не было, – чаще всего* ***чувство***, *которое искало бы выхода или удовлетворения… стремление к* ***спокойствию*** *и обеспеченности, как у Андрея. У Артура были* ***бурные страсти****… У Мервиля –* ***лирический мир*** *и поиски* ***эмоционального равновесия»****…* [Газданов 2014:584]. Рассказчик считает Мервиля *неисправимым* ***романтиком***, *он никогда не хотел отказаться от своих* ***иллюзий*** *и измерить то расстояние*, *которое*, *их отделяло от* ***действительности****…* [Газданов 2014:595], Эвелина знала, что все ее нелепые увлечения *были похожи на вздорный* ***мираж*** *и что в этом не было ни* ***подлинного*** *чувства*, *ни* ***подлинного увлечения*** [Газданов 2014:584].

Контекстуальная дистантная синонимическая пара *своеобразный*, *странный* (о союзе друзей), на основании общей интегральной семы 'необычный вопреки ожиданиям', не противоречит другой синонимической паре – *нерасторжимый*, *неразрывный*, объединенной интегральной семой 'крепкий'. Первая синонимическая пара по отношению ко второй добавляет смысл неразгаданности, в читательском восприятии может присутствовать "модус удивления" (Л.Ю. Фуксон[1]). Ассоциаты *лирический мир*, *романтиком* являются ведущими в образе Мервиля. Контекстуальные синонимы *иллюзия*, *мираж* ('нечто кажущееся') сближают взгляды Мервиля и Эвелины, но героиня, живя в фантазиях, понимает их ложность, что отмечено лексическим повтором *подлинного*. *Чувства*: *страсти*, *увлечения* определяют конкретный этап в жизни героев. Индивидуально-авторская пара ассоциатов *спокойствия* и *эмоционального равновесия*, пересекающиеся по потенциальной семе 'внутренняя гармония', описывает желания и поиски.

Особенность данного романа, посвященного судьбам пяти друзей, в том, что единую тематическую сетку выявить в нем трудно: рассказы о «движении чувств» каждого из пяти персонажей имеют определенную автономность. Поэтому, наблюдая текстовые парадигмы, участвующие в экспликации жизненных стремлений, «движений чувств» каждого из пяти друзей в указанном романе, можно говорить о лексико-тематической сетке, соотнесенной с ассоциативно-семантическим полем определенного персонажа. Эта сетка является частью общей тематической сетки целого текста, которую И.Е. Иванова называет «второстепенной лексико-тематической сеткой». "Лексические единицы, входящие во второстепенную лексико-тематическую сетку, являются частными темами и реализуются на отдельных участках текста" [Иванова 2000:7]. Но, наш взгляд, точнее фрагмент общей тематической сетки произведения называть не «второсте-

[1]См. Федорченко, И.А. Лингвистический анализ текста: учебно-методическое пособие / И.А. Федорченко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 163с.

пенной», а частным проявлением общей тематической сетки, одним из ее фрагментов.

Описание образа Мервиля вне *лирического мира*, где немаловажную роль играет использование лексических и корневых повторов, находим в словах рассказчика: *…я предпочитал те периоды жизни Мервиля, когда он* ***терял на время*** *то, что называл* ***лирическим миром****, или думал, что он его* ***потерял****. В* ***действительности потери*** *этого мира не было… это объяснялось его умственным и душевным превосходством над всеми его спутниками в том* ***сентиментальном путешествии****, которое продолжалось* ***всю*** *его* ***жизнь*** [Газданов 2014:515]. *…Я только должен лишний раз констатировать*, что ***до тех пор***, ***пока*** *ты не* ***впадаешь*** *в твой* ***очередной сентиментальный транс****, ты рассуждаешь, в общем, как нормальный человек…, что ты* ***всегда*** *называл* ***лирическим миром*** [Газданов 2014:486]. *…Когда он был несчастен, он был прекрасным и внимательным собеседником – качество, которое он неизменно* ***терял всякий раз****, когда* ***погружался вновь*** *в свой* ***лирический мир*** [Газданов 2014: 515-516].

Основу «лексико-тематической сетки» образа Мервиля организуют повторяющиеся слова, значения или отдельные семы, то есть, по В.Г. Гаку, семантические повторы. Ассоциаты *лирический мир*, *сентиментальные путешествия*, *сентиментальный транс* соединяются с однокоренными повторами *терял/потерял/потери*. Также в тексте, под влиянием наблюдений рассказчика, на этот ассоциативный ряд наводится потенциальная сема ‘иллюзорный, ирреальный’. По мнению рассказчика, Мервиль оказался в плену иллюзий и ошибочно полагал, что терял на время *лирический мир*, что обозначено темпоральным показателем (*всю жизнь* и его антонимом *на время*). Темпоральной тематической цепочкой представлен его *сентиментальный транс* при помощи прилагательного *очередной*, наречия *вновь* и устойчивого словосочетания *всякий раз*. *Транс* – ‘Психическое состояние отрешённости, отчуждённости от окружающего мира’ [МАС т.4: 87]. Как видно из толкования, лексема *транс* свидетельствует об утере ощущения действительности. Указанные уточняющие темпоральные показатели сигнализируют регулярность и частотность этого состояния. Составной союз *до тех пор пока* определяет границу метаморфоз, происходящих с Мервилем. Контекстуальные синонимы *погружался*, *впадаешь* выражают привычное и необходимое для Мервиля состояние. *Погрузиться* – 4. во что. ‘Прийти в какое-л. состояние. // Полностью, целиком отдаться какому-л. занятию, чувству’ [Кузнецов 2003:857]; *впадать* – 2. во что. ‘Погрузиться в какое-л. состояние, положение (обычно тяжёлое, трудное)’ [Кузнецов 2003:154]. При этом отметим, что речь идет о приятном для героя состоянии.

Содержание лексико-тематической сетки, соотнесенной с ассоциативно-семантическим полем образа Мервиля, продолжим анализировать перефрастическим синонимическим рядом, характеризующим этого персонажа как представителя *лирического/сентиментального/иллюзорного/воображаемого мира*. Выявим семантический стержень приведенного ряда, обратившись к толкованиям определений: *лирический*, *сентиментальный*. *Лирический* – 2. ‘Проникнутый лиризмом, эмоциями, полный *чувства*. // Такой, при котором эмоциональный элемент получает перевес над рассудочным’ [МАС т.2:186]. *Сентиментальный* – 2. ‘Легко приходящий в умиление, способный быстро *расчувствоваться*; чувствительный. С-ая натура’ [Кузнецов 2003:1176]. *Иллюзорный* –‘1. Призрачный, несбыточный, ошибочный’ [Кузнецов 2003:388]. *Воображаемый* – ‘1. Не существующий в действительности, *мнимый*’ [Кузнецов 2003:149]. *Лирический мир* для героя связан с полноценной жизнью, романтическими идеями, эмоциями, без этого “жизнь казалась ему *пустой*”. Мервиль живет чувствами, ощущениями, стихийным порывом, а не размышлениями. Эти фразеосочетания сближаются одинаковым вторым компонентом *мир*, а первые компоненты соединяются попарно: *лирический/сентиментальный* (*чувства/ расчувствовался*); *иллюзорный/воображаемый* в содержании дефиниций не имеют общей эксплицитной семы, но можно говорить о потенциальной – ‘нереальный’. Кроме того, в этом случае применим метод ступенчатой идентификации Э.В. Кузнецовой, в результате чего на второй ступени анализа обнаружим общую сему – ‘*мнимый*’, которая содержится в лексемах *воображаемый/призрачный* – 2. ‘Воображаемый, *мнимый*, нереальный’ [Кузнецов 2003:978].

Раскрытие содержания перефразы *лирический мир*, которая становится доминантой «лексико-тематической сетки» ассоциативно-семантического поля, находим в словах рассказчика: *…и я с недоумением иногда вспоминал о Мервиле и его* ***судорожных поисках лирического мира****, без которого* ***жизнь*** *казалась ему* ***пустой*** [Газданов 2014:476] *… смысл его* ***существования*** *заключался в* ***потребности жертвовать своими удобствами***, ***своим спокойствием*** *и* ***своими деньгами*** *для* ***лирического мира****, о котором он говорил и который населяли* ***воображаемые*** *и* ***замечательные*** *женщины, которым никак не удавалось окончательно воплотиться в тех, кого он встречал в* ***действительности****. Все остальное имело для него* ***второстепенное*** *значение…* [Газданов 2014:457].

"Слово, вокруг которого происходит формирование лексико-тематической сетки, является доминантой" [Иванова 2000:8]. Средством для достижения душевного спокойствия Мервиля выступает *лирический мир* (рассказчик называет это *иллюзорной целью*), дополняя указанный синонимический ряд, о чем свидетельствует последняя фраза (*все остальное – второстепенное значение*). Главное в жизни Мервиля актуализируется при помощи стилистических синонимов *жизнь*/*существование* [Евгеньева 2001], [Горбачевич 2012], ассоциатов *удобства*/*спокойствия*, содержащих общие потенциальные семы 'удовлетворение', 'комфорт', 'необременительное', 'приятное'. Наличие двух противопоставленных миров отмечено «межчастеречными антонимами» (Н.А. Вирячева) *воображаемые-действительность*. В антонимические отношения в тексте вступают лексемы *лирический*/*пустой.* Контекстуальные синонимы *воображаемые*/*иллюзорной* объединяются общей потенциальной семой – 'призрачный'.

Мы учитываем следующее замечание И.В. Арнольд: "Семантическая нагрузка слова в тексте объективируется через многократное его употребление или употребление его семантических эквивалентов" [Арнольд 1999:132]. Трехкратный лексический повтор возвратного местоимения *свой* усиливает ассоциативную связь между собирательно-абстрактными существительными *удобства*/*спокойствие*/*деньги*, объединенные потенциальной семой – 'комфорт'. Ассоциативно связаны также лексиколизованные формы множественного числа (*поиски*, *потребности*). Для первого ассоциата рассказчик использовал экспрессивное прилагательное *судорожных*, обозначая необходимость искомого; для второго важен примыкающий инфинитив *жертвовать*, подчеркивающий следствие глубокой погруженности героя в эти «*судорожные поиски*». Интерес представляют однородные, именно в этом контексте, определения *воображаемые* и *замечательные* (*женщины*), прилагательные становятся контекстуальными синонимами, так как все *воображаемые* Мервилем женщины были *замечательные*. *Замечательные* – это элемент несобственно прямой речи Мервиля. Прилагательное *воображаемые* антонимически ассоциируется с существительным *действительность*, к которому ассоциативно «подтягивается» тематический ряд, связанный с типичным и обычным стремлением людей: *удобства*, *деньги*, *спокойствие*. Проанализированный фрагмент свидетельствует о наполненности контекста «смысловыми лексическими парадигмами» (контекстуальными синонимами, ассоциатами, антонимами). Наиболее точно стиль писателя, "его удивительный, ни на кого не похожий творческий почерк" Вячеслав Иванов определил как «магический реализм» [Иванов[1] 2014:670], что соответствует доминированию в романах Г.И. Газданова экзистенциональных поисков его героев, смешению реального и иллюзорного в их рассуждениях о жизни, смятению чувств.

Изменчивость психического состояния Мервиля находим в словах рассказчика: *Я внимательно на него посмотрел*; *в выражении его лица я впервые увидел счастливое спокойствие*, *которое до сих пор было ему* ***совершенно чуждо***. "*Он бывал либо* ***мрачен***, *либо находился в состоянии* ***судорожного восторга***, *– как герой Достоевского*", – сказала о нем Эвелина, охарактеризовав его состояние как "*очередной период* ***иллюзорного счастья***" [Газданов 2014:503].

Текстовые антонимы *мрачен* – (*судорожный*) *восторг* соответствуют противопоставлению 'грустный-радостный'. Лексический повтор прилагательного *судорожный* (*поиск*, *восторг*) углубляет представление о жизненной и в то же время нервнонапряженной, больше эмоциональной, чем интеллектуальной энергии Мервиля.

Одно и то же состояние героя оценивается, со стороны, по-разному: *счастливое спокойствие* (с точки зрения рассказчика) и *иллюзорное счастье* (с точки зрения Эвелины); сам герой в понимании себя ближе к первой оценке. Участвует формально-смысловая (по Н.С. Болотновой) парадигма – однокорневые повторы *счастливое*/*счастье.* Контекстная поддержка *до сих пор было совершенно чуждо* обнажает метаморфозу эмоционального состояния героя. Мервиль был убежден в следующей истине: "*логика и анализ*, *выводы и заключения неизменно оказываются несостоятельными*, *когда речь идет о* ***движении человеческих чувств***" [Газданов 2014:563]. Именно вариации и радуга чувств составляли основу «*лирического мира*» этого героя. Писатель в изображение образа Мервиля неоднократно констатирует факт чувств, но далеко не всегда представляет их конкретно, а оставляет на домысливание читателю или сообщает о какой-то метаморфозе героя.

В романе сопоставляется позиция Мервиля и рассказчика. Для второго мир грез, мечтаний, иллюзий и фантазий потерял значение, – очевидность и реальность разрушили прежний мир его иллюзий. Сближение взглядов рассказчика и Мервиля и их существенное отличие отметил сам Мервиль: …*судьба не оставляет нам возможности выбора*. *И тебе*, *и мне*

[1] См Газданов, Г.И. Малое собрание сочинений / Г.И. Газданов. – СПб.: Азбука, 2014. – С. 670.

суждено ***пребывание*** *в* ***лирическом мире****. С той разницей, что ты хочешь его* ***понять*** *и* ***анализировать****, а я принадлежу одному* ***чувству****, тому, которое я* ***испытываю*** [Газданов 2014:664]. …***Искусство***, ***музыка***, ***поэзия***, ***лиризм*** – ***все_расцветает***, *когда ты* ***смотришь в единственные в мире глаза****, чудесно отражающие твое* ***чувство****, – и* ***все_увядает***, *когда ты больше не видишь этих* ***глаз*** [Газданов 2014:528]. К конверсивам *погружаться*, *впадать* добавляется лексема *пребывание. Пребывать* – '4. Быть, находиться в каком-л. состоянии, положении' [Кузнецов 2003:955]. Сквозной повтор фразеосочетания *лирический мир* поддерживает устойчивое сочетание *испытываю чувство*, а также коннотативно окрашенный тематический ряд: *искусство*, *музыка*, *поэзия*, *лиризм* и метафорические антонимы *расцветает*, *увядает*, соответствующие смыслу – 'обретение/утрата жизнерадостности'. Эти парадигмы и связанный с ними повтор лексемы *чувство* очень значимы в ассоциативно-семантическом поле Мервиля. В данном контексте чувство Мервиля имплицитно представлено в намеке на его сильное увлечение, любовь к Лу: *все расцветает, когда ты смотришь в единственные в мире глаза.* Причинно-следственные ассоциаты *анализировать*, *понять* отражают рассудочный, логический подход рассказчика, у которого рациональное доминирует над чувственным, что подтверждают его слова: …***главные враги*** *логики в нашем союзе – это Эвелина и Мервиль*, ***главным*** *ее* ***защитником*** *считаюсь я* [Газданов 2014:632]. Антонимия *враги*/*защитники* отчетливо разделяет две позиции.

Рассказчик понимает, как много значит для друга «*лирический мир*». *Но* Мервиль безутешно говорил …*что ощущения* ***теряют*** *свою силу*, *что ему все* ***труднее*** *и* ***труднее*** *вновь* ***находить*** *тот* ***лирический мир****, вне которого он не представлял себе* ***счастья*** …*конец будет* ***катастрофой*** [Газданов 2014: 456-457]. Проспективная лексема *катастрофа* свидетельствует о трагической судьбе героя. Реакцию Мервиля на эти размышления рассказчика читаем: …*тебе почти что жаль меня – за* ***мое ослепление*** *и мое* ***иллюзорное счастье****. Я думаю все-таки, что прав я, а не ты* [Газданов 2014:507]. …*Моя жизнь проходит в* ***судорожных****, но чаще всего* ***неуспешных*** *попытках найти какое-то* ***гармоническое эмоциональное равновесие****, которое иногда кажется мне недостижимым* [Газданов 2014:516]. Стремление к обретению *лирического мира* является стимулом жизни героя, что выражено глаголом *находить* и лексическими аксиологическими повторами *труднее* и *труднее*. Необычно то, что сам герой соотносит свое желание обрести *лирический мир* с жестокими по отношению к себе синонимически выраженными характеристиками: *ослепление*/*иллюзорное счастье*. Его искренне подчеркнутое недовольство собою, нервное напряжение, связанное с поисками *лирического мира*, проявляется в лексических повторах прилагательных *неуспешный*, *судорожный* (*поиски*). Отрицательные коннотации, содержащиеся в прямом лексическом значении исходного глагола «ослепить» 'лишить возможности правильно понять что-либо, разобраться в чем- либо' свидетельствуют о преобладании у Мервиля эмоционального восприятия жизни.

Метаморфоза Мервиля состоит в том, что он, по наблюдениям рассказчика и Андрея, закончил с эмоциональными блужданиями. На смену *эмоциональным блужданиям* пришло долгожданное *гармоническое эмоциональное равновесие*, оно и стало обретением желанного *лирического мира*, но уже не иллюзорного, а земного, связанного с любовью к Лу.

По мнению рассказчика *Мервиль никогда не был* ***донжуаном***, Андрей уточнил его слова: он *похож на* ***Дон Кихота*** [Газданов 2014:659]. В ассоциативно-семантическое поле образа героя попадает такая его антонимическая (в широком понимании антонимии – Е.Н. Миллер 1990) характеристика, как не *Дон Жуан*, а *Дон Кихот*. В этом аллюзивном противопоставлении подчеркивается искренность, открытость Мервиля, его бесстрашие в *судорожных поисках лирического мира*, его готовность *жертвовать своими удобствами*, *спокойствием*, *своими деньгами*.

Итак, ассоциативно-семантическое пространство одного из героев романа Г.И. Газданова «Эвелина и ее друзья» – Мервиля в сжатом виде представляют собою лексико-тематическую сетку. В центре – тематический ряд, включающий и некоторые контекстуальные синонимы, – с ключевым фразеосочетанием *лирический мир*: *иллюзорное счастье*, *сентиментальный транс*, *сентиментальное путешествие*, *ослепление*, *иллюзорный мир*, *воображаемая действительность.* Этот ряд непосредственно связан с повторяющимися синонимами *жизнь*/*существование* и сочетающимися с ними антонимами *воображаемый*/*реальный*; *эмоциональное блуждание*/*эмоциональное гармоническое равновесие*, синонимами *бурные*/*неудержимые*, параллельными синонимо-антонимическими метафорическими парами: *впадать*/*погружаться*, *увядать*/*расцветать* (о чувствах). Лексические и корневые повторы вместе с антонимией (*найти*, *потерять*/*потеря*; *поиски*/*искать*; *судорожный восторг*, *судорожная жизнь*) согласуются с текстовой синонимической парадигмой, элементы которой часто повторяются в романе: *метаморфоза*(ы), *воплощение*(я), *перевоплощения*, *перемены*, соотносятся со

вторым ключевым фразеосочетанием *движение чувств*, оно, так же, как и *лирический мир* принадлежит самому герою – Мервилю. То есть вехи ассоциативно-семантического поля героя определяются не рассказчиком, от лица которого написан роман, а самим Мервилем, самохарактеризующим свою эмоционально насыщенную жизнь, включающую нелицеприятное отношение к себе: *неуспешные*, *судорожные* (*поиски)*. Некоторые синонимы, описывающие *лирический мир* и соотносящееся с ним *движение чувств*, являются фактами несобственно прямой речи героя (*воображаемые*/*замечательные женщины*; синонимы *иллюзорное счастье*/*ослепление*) тоже сначала появляются в речи самого героя, как факты самохарактеристики, а потом – в речи его друзей.

Лексико-тематическая сетка ассоциативного поля Мервиля в основном соотносится с рассказом о нем главного героя, от лица которого идет повествование, но роман так построен, что все персонажи говорят о себе и о своих друзьях (и мнения иногда не совпадают). Поэтому в лексико-тематической сетке ассоциативного поля Мервиля сталкиваются разные мнения о нем, включая и его самого. Мнения о нем дополняют друг друга, совпадают и расходятся. И таким образом, лексико-тематическая сетка ассоциативного поля Мервиля в сжатом виде эксплицирует многообразную сущность этого героя, преобладание в нем лирического, чувственного начала.

По нашим наблюдениям, из всех пяти друзей, изображенных в романе Г.И. Газданова, образ Мервиля более цельный, более яркий, можно сказать – ведущий, так как многие его определения, связанные с *движением чувств* (включая и это фразеосочетание), используются героем-рассказчиком для описания других и самого себя. Они являются как бы мерилом в объяснениях бурных проявлений чувств, заблуждений, исканий *спокойного гармонического существования*.

Цельность и самодостаточность образа Мервиля особенно проявляется ближе к концу романа, когда он встретил и полюбил Лу – в связи с этим он по-настоящему приобретает постоянно желаемый им *лирический мир*. В лексико-тематической сетке его ассоциативно-семантического поля происходит смысловой сдвиг; в основной текстовой парадигме на первое место выдвинулся ассоциат *эмоциональное гармоническое равновесие*, а ассоциаты *ослепление*, *иллюзорный мир*/*жизнь* уходят в тень. В сетку добавляется и лексический повтор, связанный с употреблением слова *катастрофа*. Чувство приближения возможной *катастрофы* сопровождается ощущением *пустоты* и *увядания*. Писатель нередко отмечает факт чувства, эмоции, но не описывает его явно. Отсутствие лирического мира для Мервиля – эмоциональная катастрофа, в то время как одержимость идеей приводит его к желаемому результату.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И.В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л.: Наука, 1984. С. 3-11.

2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1999. – 300 с.

3. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике/И.В. Арнольд. М.: Либроком, 2010. – а 140с.

4. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня/ Н.С. Болотнова – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312с.

5. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте/ Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во пед. ин-та, 1994. – 212 с.

6. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н.С. Болотнова [и др.]; под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. – 331с.

7. Болотнова Н.С. Художественный текст и языковая личность / Н.С. Болотнова. // Художественный текст как объект коммуникативного изучения: основные направления, результаты и перспективы: Материалы 3 Всероссийской научной конференции (29-30 октября 2003г.). – Томск: изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 6-10.

8. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / Н.С. Болотнова . – М.: Флинта: Наука, 2009. – 520с.

9. Вирячева Н.А. Межчастеречные антонимичские пардигмы в художественном тексте // Проблемы исследования слова в художественном тексте / Н.А. Вирячева. – Л., 1990. – С. 65-73.

10. Газданов Г.И. Малое собрание сочинений / Г.И. Газданов. – СПб.: Азбука, 2014. – 627с.

11. Гак В.Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте / В.Г. Гак // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб.ст. – М., 1987. – С. 24–33.

12. Горбачевич К.С. Словарь синонимов русского языка / К.С. Горбачевич. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.

13.Евгеньева А.П. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. Ин-т русского языка АН СССР.– Москва :Русский язык, 1981-1984.

14. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой ; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – Москва : АСТ : Астрель, 2001. – 648 с.

15. Иванова И.Е. Лексико-тематическая сетка в структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации текста(на материале текстов произведений современных англоязычных авторов) / Автореферат канд.филол.наук/ И.Е. Иванова. – Иркутск, 2000. – 18с

16. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка/гл. ред. С.А. Кузнецов; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – Санкт-Петербург: Норинт, 2003. – 1536 с.

17. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. / Е.Н. Миллер. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 222 с.

18. Пушкарева И.А. Смысловые лексические парадигмы в художественном тексте: типы взаимодействия (М.И. Цветаева. Цикл «АЛЕ» 1918г.) / И.А. Пушкарева // Вестник ТГПУ, 1998. – С. 9-11.

19. Федорченко И.А. Лингвистический анализ текста: учебно-методическое пособие / И.А. Федорченко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – 163с.

Об авторе

Кухтенкова Анастасия Анатольевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета, *kuhtenkovaanastasiya@mail.ru*

УДК 81'373.231

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСПАНСКИХ АГИОАНТРОПОНИМОВ

Лаврентьева А.С.

В данной статье производится структурно-семантический анализ испанских агиоантропонимов, то есть имен святых. Выделяются характерные признаки структуры испанских имен святых в сравнении их с русскими агиоантропонимами. Выявляются особенности семантики испанских агиоантропонимов, которые отличают их от других разрядов имен собственных: например, актуализация верующими испанцами сем, связанных с житием святого. Особый характер семантики агиоантропонимов позволяет рассматривать имена святых как прецедентные имена. Кроме того, в семантике имени святого воплощены не только канонические представления, сформированные Церковью, но и народные представления, так называемые народно-агиографические. Используются примеры функционирования агиоантропонимов в испанском фольклоре и паремиях.

Ключевые слова: *агиоантропоним, имя собственное, святые, испанский язык, семантика, народная агиография*

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF SPANISH AGIANNITOPOULOS

Lavrenteva A.S.

The article is dedicated to the semantic structure analysis of the Spanish hagioanthroponyms, i.e. the names of saints. We reveal the peculiarities of the structure of the names of saints in the Spanish language comparing them with the hagioanthroponyms in the Russian language. Also the article reveals the characteristics properties of the semantics of the Spanish hagioanthroponyms, that distinguish them from other types of the proper names, e.g. the variety of connotations, concerned with the hagiography of saints. The nature of the semantics of the hagioanthroponyms enables us to consider the names of saints as precedent names. Moreover, the semantics of the names of saints contains not only semes that represent the canonical and classical image of the saint, but also the semes that reflect the popular image, named popular hagiographical semes. In the article we use the examples of the functioning of the names of saints in the Spanish folklore and the proverbs.

Keywords: *hagioanthroponym, proper name, saints, the Spanish language, semantics, popular hagiography*

Данная статья посвящена анализу особенностей семантики и структуры агиоантропонимов, то есть имен святых, в испанском языке. Этот разряд имен собственных только в XXI веке стал объектом исследований и обрел терминологическое обозначение. Термин «агиоантропоним» был введен в 2010 году исследовательницей религиозной лексики русского языка И.В. Бугаевой. В её системе агиоантропоним является одним из типов агионимов (сакральных имен собственных) и обозначает «апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых» [1, с. 238].

Структура испанского агиоантропонима отличается от русского. Основная модель агиоантропонима в русском языке минимум двухкомпонентна: чин святости + имя (*пророк Иеремия, апостол Фома, мученик Серапион, мученица Ирина)* [1, с. 240]. В испанском языке основная двухкомпонентная модель состоит из существительного, обозначающего лик (лик святых или лик блаженных) и имени святого: «san»/«santa» (ж. р.) /«beato»/«beata»[1] (для ж. р.) + имя (*San Lorenzo, Santa Lucía, Beato Sancho de Córdoba, Beata Juliana de Collalto*). Для различения имен святых с одной и той же двухкомпонентной основой добавляются дополнительные наименования, или дифференциаторы. Классификация дифференциаторов, предложенная И.В. Бугаевой, в своей основе может быть применена и к испанским агиоантропонимам. В речи чаще всего используется двухкомпонентная модель. В литургических календарях используются трех- и четырехкомпонентные модели, с обязательным указанием либо чина святости[2], либо церковного чина святого (например, *Santa Claudia,* ***vírgen*** *y* ***mártir,*** *Beato David de Himmerod****, monje cisterciense***) [17]. В качестве третьего и четвертого компонентов может быть использован любой из следующих дифференциаторов (см. табл.):

[1]В католицизме перед канонизацией (причислением к лику святых) сначала производят беатификацию (причисляют к лику блаженных). В Испании блаженные почитаются местными церквями в провинциях, откуда был святой родом.

[2] Используется термин православной терминологии "чин святости". Различают следующие чины святости: пророки, апостолы, праотцы, святители, мученики, страстотерпцы, исповедники, преподобные, благоверные, великомученики, праведные, бессребреники, юродивые Христи ради [6].

Таблица. «Дифференциаторы агиоантропонимов по И. В. Бугаевой»

№	Дифферен-циатор	Комментарий	Пример агиоантропонима на русском языке	Пример агиоантропонима на испанском языке
1	номинатор	свидетельствует о том, чем при жизни занимался святой: указывает на государственные или церковные титулы/ должности или взятый на себя подвиг	*священномученик Зотик* ***пресвитер;*** *Благоверный* ***князь*** *Даниил Московский; преподобный Амон Печерский,* ***странник, затворник***	*San Alberto* ***obispo****,* *San Dámaso I* ***papa*** *San Ludano* ***peregrino****;* *San Novato* ***anacoreta***
2	дескриптор	характеризующие святого прилагательные	*святой Василий* ***Великий***	*San Basilio* ***Magno****,* *San Beda* ***el Venerable***
3.	локализатор	указывает на место рождения святого, на место его служения, подвига или погребения	*праведный Иоанн* ***Кронштадский***	*San Agustín* ***de Cantorbery****;* *San Leandro* ***de Sevilla***
4.	агномен	прозвище, связанное с каким-либо особым событием в жизни святого	*священномученик Игнатий* ***Богоносец***	*San Dimas,* ***el buen ladrón****;* *San Domicio* ***el Médico***
5.	когномен	фамилия	*святитель Игнатий* ***(Брянчанинов)***	*San David* ***Gavián Bermúdez;*** *San Luis* ***Gonzaga***
6.	этноним	Указывает на национальную принадлежность	*преподобный Максим* ***Грек***	*San Davino* ***armenio***

Нами были выделены следующие особенности функционирования дифференциаторов в испанском языке:

1) расположение чина святости или церковного чина как перед агиоантропонимом, так и после него, но чаще после (*el* ***santo mártir*** *Juan Nepomuceno; San Narsétes* ***mártir;*** *San Andrés* ***apostol)***;

2) в случае перечисления церковного чина и чина святости, церковный чин стоит на первом месте: *San Daniel,* ***diácono*** *y* ***mártir***;

3) в календарях нередко под одним агиоантропонимом значится несколько (а иногда и несколько десятков) человек, которые пострадали за веру вследствие одного и того же события и почитаются за свой мученический подвиг в один и тот же день: *Santo Miki y* ***compañeros mártires****, San Cristóbal Magallanes y* ***compañeros mártires****, San Saturnino y* ***compañeros mártires de Abitinia***[1].

Известно, что в католицизме Папы и монахи берут себе «ритуальное» имя в честь особо почитаемого святого, который является для них нравственным ориентиром, или в честь своего предшественника, чтобы продолжать начатое им дело [5, с. 69; 8, с. 135]. «Избирая имя, Папа выбирает себе судьбу, опираясь на опыт предыдущих отцов католической церкви» [5, с. 69]. Священнослужители допускают возможность смены имени даже для мирян при желании. Некоторые имена особенно популярны, поэтому их повторяемость велика среди святых, и дифференциаторы в таком случае просто необходимы. К примеру, имя одного из самых высоко почитаемых святых Испании покровителя страны святого Иакова носят одиннадцать святых и блаженных (см. ниже некоторые из них, в скобках дана дата почитания). Если хотя бы один дифференциатор не упомянут в тексте, то трудно понять, ограничиваясь контекстом, о каком конкретно святом идет речь.

Santiago ***el Mayor, apostol*** *(25.07)*
Santiago ***el Menor, apostol*** *(03.05)*
Beato Santiago (06.11)
Beato Santiago ***Benfatti*** *(19.11)*
Beato Santiago ***de Jesús*** *(06.11)*
Beato Santiago ***Meseguer Burillo*** *(25.11)*
Beato Santiago ***María*** *(06.11)* [17].

Одиннадцать агиоантропонимов − это не максимальное количество: так, имя *San Severo* принадлежит восемнадцати (18!) святым.

Отметим, что если в православии фамилия − это довольно редкий дифференциатор и появляется лишь в XX веке при массовой канонизации святых [1, с. 245], то в католицизме этот способ дифференциации агиоантропонимов использовался на протяжении всего существования церкви: например, среди вышеперечисленных святых с именем *Santiago* двое были беатифицированы на рубеже XIX-XX веков: блаженный Сантьяго Бенфатти, прозванный «отцом бедняков», − в 1859 году, а блаженный Сантьяго Салес (19.01) − в 1926 году [17].

[1] К примеру, святой Сатурнино и его товарищи по вере были замучены по приказу Диоклетиана, поскольку праздновали евхаристию несмотря на запрет властей. Во время допроса в Карфагене отказались отречься от своей веры в Бога, вследствие чего были убиты. Полный список имен «святых товарищей» (santos compañeros mártires), почитаемых в этот день, выглядит так: «*estos son los nombres: santos Saturnino, presbítero, con cuatro hijos: Saturnino junior y Félix, lectores, y María e Hilarión, aún niño; Dativo o Sanator, Félix, otro Félix, Emerito y Ampelio, lectores; Rogaciano, Quinto, Maximiano o Máximo, Telica o Tacelita, otro Rogaciano, Rogato, Januario, Casiano, Victoriano, Vicente, Ceciliano, Restituta, Prima, Eva, otro Rogaciano, Givalio, Rogato, Pomponia, Januaria, Saturnina, Martín, Clautos, Félix junior, Margarita, Mayor, Honorata, Victorino, Pelusio, Fausto, Daciano, Matrona, Cecilia, Victoria, Berectina, virgen cartaginesa, Secunda, Matrona y Januaria*» [17].

Обратимся к семантике агиоантропонима. Агиоантропонимы как подвид антропонимов, то есть личных имен, не обладают привычным соотношением трех составляющих лексического значения, которое наблюдается у имен нарицательных [7]. В них слабо выражено сигнификативное значение (выделяется лишь сема «человек»), а денотативное (информация о конкретном носителе имени, денотате или референте) наоборот, перегружено: «имя имеет смысл, если оно соотнесено с реальным человеком». «Сигнификативная бессодержательность и денотативная насыщенность определяют природу имени – обозначать только того, кого оно обозначает, и больше никого» [7]. Вслед за исследователем имен собственных Д.И. Ермоловичем мы отмечаем важность характеризующего компонента в семантике имени собственного, то есть «набора признаков референта, достаточных, чтобы собеседники понимали, о чем или о ком идет речь» [2, с. 12]. Характеризующий компонент значения передает всю фоновую информацию о референте, которая включает и эмоционально-оценочные семы имени − коннотации. В широком смысле в коннотациях заключается так называемая «прагматика имени»: вся культурная информация, которая понятна носителям языка, однако скрыта для инофонов.

Если имя закрепляется за определенным денотатом, то за именем закрепляются и все коннотации, связанные с денотатом. Например, имя *Judas* в испанском языке несет в себе остро негативную оценку испанцами, так как оно ассоциируется в культурной памяти с определенным денотатом – Иудой, предателем Христа. То же самое происходит и с именем *Иуда* в русской лингвокультуре. Интересно, что имена *San Pedro* и *San José* также порой отягощены неоднозначной или явно отрицательной оценкой, что проявляется в испанской народной поэзии. По-видимому, причиной такого отношения является тот факт, что испанские католики помнят и не могут простить святому Петру предательство Христа [5, с. 69; 16, с. 138], а святому Иосифу − подозрения в неверности его супруги Девы Марии[1]:

1. En el patio de Pilatos
Habló Pedro y dijo así:
- Yo no conozco a tal hombre,
Ni su discipulo fui[2] *[16].*

2. San José tomó celos
Por lo divino;
¡Hasta los santos tienen
sus desatinos![3] *[16].*

Характеризующий компонент значения особенно важен при рассмотрении агиоантропонима как концепта, который можно определить как «содержательный знак (семантический комплекс), имеющий ярко выраженные национально-культурные ассоциации в общехудожественной и индивидуально-авторской картинах мира» [10, с. 14], а также в национальной языковой картине мира.

Эмоционально-оценочные семы наделяют агиоантропонимы «прецедентностью». Многие испанские агиоантропонимы (*Jesús, María, San José, María Magdalena, Santa Lucía, San Fermín*) соблюдают три условия «прецедентности» Ю. Н. Караулова:

1) они значимы «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях» [3, с. 216], так как несут информацию о связанных с именем прецедентных ситуациях и различных характеристиках денотата (пол, национальность, социальный статус, особенности внешности и поведения); также они эмоционально значимы, так как передают оценку денотата социумом;

2) они имеют надындивидуальный характер, то есть знакомы всему обществу и используются в нём;

3) обращение к ним периодически возобновляется в дискурсе данной языковой личности [3, с. 216].

К примеру, имя святого Антония Великого (*San Antón Abad*) в народных представлениях испанцев стойко связано с легендой о том, как святой спас детенышей кабанихи (по другой версии, свиньи). Это находит отражение и в иконографии (кабаниха или свинья часто изображаются у ног святого), и в традициях праздника в день почитания святого Антония: в современной Испании повсеместен обычай выводить на церковную службу животных и разыгрывать в лотерее поросенка − «*el marrano de San Antón*». В религиозном сознании испанских католиков каждый святой связан с определенной прецедентной ситуацией, что подкрепляется церковной иконографией; например, святые мученики изображаются с атрибутом мученичества (святая Екатерина − с колесом; святой Лаврентий − с решеткой; святая Агата − с отрезанной грудью). Таким образом, испанские агиоантропонимы обладают прецедентностью.

В семантике агиоантропонима отражаются как сформированное церковью каноническое житие святого, так и народные представления о святом, − последние являются результатом интерпретации народом жития. К примеру, в народной легенде о святой Луции Сиракузской есть эпизод мученичества, в котором святая лишается зрения: ей выкалывают глаза или в одной из

[1] Этот эпизод встречается в апокрифах: «И, узнав, что Дева, Мать Моя, имеет в чреве, он (святой Иосиф − *примечание А.Л.*) смутился духом и помышлял тайно отпустить Ее. Объятый страхом, ужасом, тоской и тревогой, он не мог ни пить, ни есть в тот день» [9].

[2] *Во дворе дворца Пилата*
Сказал святой Петр так:
Я этого человека не знаю,
И учеником его не был (здесь и далее перевод А.Л.).

[3] *Святой Иосиф приревновал*
Жену свою к священному;
Даже у святых
бывают свои странности!

версий она сама себе их выкалывает, увидев духовную слепоту молодого человека, который хотел её насильно на себе женить. В каноническом житии такого эпизода нет [18]. Однако несмотря на это святой Луции была приписана сфера покровительства, связанная со зрением: святая стала считаться помощницей в лечении болезней глаз, а также покровительницей людей, в работе которых важно иметь хорошее зрение (например, швей, окулистов). В иконографии святая Луция традиционно изображается держащей в руках блюдце с глазами. Образ незрячей святой и сфера её покровительства отражены в народных испанских паремиях:

1) *después del ojo afuera, no hay Santa Lucia que valga* [13] (букв. «если уже потерял глаз, то и святая Луция не поможет»; «потерявши голову о волосах не плачут»);

2) *por la ciega Santa Lucia, si sembraras, no cogerías* [15] («если посеешь на день слепой святой Луции, то урожай не соберёшь»), поскольку день почитания святой Луции − 13 декабря;

3) *Santa Lucía, ¡siquiera el que tenía!* («святая Луция, (отдай) хотя бы тот (глаз), что имел!»). Данной фразой заканчивается народное шуточное стихотворение про одноглазого, который хотел вернуть себе потерянный глаз, но чуть было не потерял здоровый, в результате чего взывает к святой Луции. Эта фраза стала народной поговоркой, − так говорят про людей, которые не ценят того, что имеют [14].

Кроме того, во фразеологизмах и паремиях был переосмыслен образ шипа, которым по легенде святой выкололи глаза, − в современной испанской лингвокультуре он стал символом худобы:

1) *ser como la espina de Santa Lucía; ser más seco que la espina de Santa Lucía* («быть как шип святой Луции», то есть «быть очень худым как жердь») [4];

2) *estar (quedarse) uno en la espina (de Santa Lucía)* («сильно похудеть, дойти до крайнего истощения)» [4].

Связь святой со сферой покровительства настолько крепка в национальном сознании, что послужила причиной названия именем святой одной из самых крупных сетей оптик в Испании – «*Santa Lucía*». Исследователь испанского фольклора Х. Сендин Бласкес приводит в пример одну из интерпретаций образа глаз как символа духовного видения святой [18, p. 334]. По-видимому, на формирование народного жития святой повлияла внутренняя форма её имени: *Lucía* ← *лат.* «lux» («свет»).

Антропонимы, которые закрепились за определенными денотатами, могут использоваться носителями языка для номинации ряда предметов, вследствие чего происходит «деантропонимизация» (термин Ю.А. Рылова) и семантический переход имени собственного в нарицательное, что сопровождается написанием не с заглавной, а с прописной буквы [2, с. 13]. Так, например, от агиоантропонимов образуются сложные слова, состоящие из имени святого и формантов «santo»/«san»/«santa»: агиоантропоним *Santa Bárbara* стал сложным словом «*santabárbara*» со значением 'пороховой погреб' (поскольку святая спасает от удара молнией); а имя нарицательное «*sanmartín*», образованное от имени святого Мартина Турского, приобрело значение 'забой свиней' (поскольку забой скота начинается в период празднования дня святого Мартина)[1].

Нужно признать, что имена святых являются именами «сингулярными», то есть они имеют лишь одного референта, в то время как другие антропонимы могут отсылать к разным референтам: например, имя *Anna* может принадлежать какой угодно девушке, в то время как имя святого, распространенное дифференциаторами, принадлежит лишь одному святому или святой (например, *Santa Rita de Cascia*). Таким образом агиоантропоним становится «воплощенным» (т.е. в терминологии А. Гардинера «привязанным к определенному референту» вне любого текста и контекста). По мнению И. В. Бугаевой, с которым трудно не согласиться, имена святых всегда «воплощены», то есть при упоминании имени всегда понятно, о какой святом идет речь.

Для испанцев-католиков агиоантропоним «всегда имеет внутреннюю форму и является "говорящим"» [1, с. 233], поскольку в процессе использования имени святого в его семантике актуализируются семы, связанные с житием святого. По мнению И.В. Бугаевой, житие святого становится тем понятийным содержанием, которое «представляет сигнификат, делает его семантически мотивированным» [1, с. 233]. Кроме того, нужно добавить, что в семантике имени святого находят свое воплощение не только канонические представления, сформированные церковью, но и народно-агиографические представления. Богатая семантика агиоантропонимов создает особый «эмоциональный ореол» [1, с. 208], для таких имен в тексте характерна «повторяемость, концептуальная и образная значимость» [10, с. 16].

В данной статье мы постарались дополнить изучение имен собственных в испанском языке новыми аспектами, осветив вопросы, связанные с описанием структурных и семантических особенностей испанских агиоантропонимов, наличие которых обусловлено своеобразием конфессиональных и культурных традиций Испании. К сожалению, объем работы позволяет нам осветить лишь некоторые стороны такого сложного явления, как структура и семантика испанских агиоантропонимов.

[1] «Santabárbara»: f. Mar. Pañol o paraje destinado en las embarcaciones para custodiar la pólvora. «Sanmartín»: m. Matanza de cerdo [11].

Список литературы

1. Бугаева И.В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития: дисс. ... д-ра филологических наук. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва. 2010. 454 с.

2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

4. Левинтова Э. И., Вольф Е. М., Мовшович Н. А. и др. Испанско-русский фразеологический словарь / под ред. Э. И. Левинтовой. М., 1985.

5. Оболенская Ю.Л. О роли антропонимических мифов в испанской культуре. // Вестник Российского Университета Дружбы народов. Лингвистика. №3. 2007. С. 69-76.

6. Православие. Словарь-справочник. [Электронный ресурс] // http://podsosino.prihod.ru/users /20/1101420/editor_files/file/Slovar_-spravochnik.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

7. Рут М. Э. Антропонимы: размышления о семантике. Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20 [Электронный ресурс] // http://www.philology.ru/linguistics1/rut-01.htm (дата обращения: 6.03.2016).

8. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. М.: АСТ: Восток - Запад, 2006. 311 с.

9. Свенцицкая И., Скогорев А. Апокрифические сказания об Иисусе, Святом Семействе и Свидетелях Христовых. Книга Иосифа Плотника, [Электронный ресурс] // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/apokrif/Kn_IosifPlotn.php (дата обращения: 21.03.2016).

10. Соломонов М. А. Христианский теоним в структуре фольклорного текста (на материале прикамских духовных стихов): дисс. ... кандидата филологических наук. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный педагогический университет». Пермь. 2011. 232 с.

11. Calendario Litúrgico-Pastoral 2014-2015, Libros Litúrgicos, Conferencia Episcopal Española, Madrid, 2014, 367 p.

12. DRAE (Diccionario de la lengua española). [Электронный ресурс] // http://dle.rae.es/?w=diccionario (дата обращения: 21.03.2016).

13. Frases de refranes. [Электронный ресурс] // http://www.frasesycitas.com/verfrase-despu-ojo-afuera-hay-santa-luciavalga/cita-refranes-11671.html (дата обращения: 30.05.2016).

14. Junceda, Luis. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. Espasa Calpe, S.A., Madrid, 1998, 750 p.

15. Revista del aficionado a meteorología. [Электронный ресурс] // http://www.tiempo.com/ (дата обращения: 30.05.2016).

16. Rodríguez Marín, F., Cantos populares españoles, recogidos, ordenados e ilustrados por Francisco Rodríguez Marín, V.4, Francisco Álvarez y C. Editores, Sevilla, 1883.

17. Santorales españoles. [Электронный ресурс] // http://santopedia.com, http://catholic.net (дата обращения: 26.02.2016).

18. Sendín Blázquez J., Santos de leyenda, leyendas de santos, Biblioteca de Autores Cristianos, Madrid, 2000, 335 p.

Об авторе

Лаврентьева Анастасия Сергеевна − аспирант кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *anastasia.lavrentyeva@mail.ru*

УДК 81'37; 81'42

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «СКУКА»

Маханова Г.Е.

В статье показано, как выявление признакового состава концепта позволяет судить о специфике культурно-ментально-языкового образования, стоящего за именем «Скука» и его репрезентантами.
Ключевые слова: *концепт «Скука», репрезентанты, когнитивные признаки.*

EXISTENTIAL COMPONENT OF THE CONCEPT "BOREDOM"

Makhanova G.E

In article it is shown how identification of feature structure of the concept allows to judge specifics of the cultural and mental-language education, standing behind the name "Boredom" and its reprezentants.
Keywords*: the concept "Boredom", representants of the concept, cognitive signs.*

Вопросы изучения языковыми средствами ментальной картины мира человека находятся в центре внимания современных лингвистических исследований. В рамках лингвистической концептологии первостепенной задачей становятся семантико-когнитивные описания ее содержательных компонентов – оперативных единиц сознания (концептов), кодирующих в знаках человеческого языка знания об отраженном в сознании явлении действительности. Анализ концептов служит выявлению связей языка с мышлением и духовной культурой, позволяет получить информацию о его месте в коллективном сознании носителей языка.

Одним из коммуникативно релевантных концептов социокультурного пространства является «Скука», вербализованная, в частности, в произведениях А.П. Чехова, яркого представителя русской культуры, разноуровневыми средствами. Поэтому лексема *скука*, выполняя функцию и знака культуры, тем самым служит средством представления ее основных установок [2, с.20]. Данная статья направлена на то, чтобы показать экспликацию экзистенциальной семантики – одной из смысловых граней концепта – в соответствии с которой концепт получает метафизическое измерение. С опорой на выявленные в текстах А.П. Чехова синонимы и антонимы нами устанавливаются признаки, способствующие, как полагаем, воссозданию концепта как «означенного в языке национального образа, идеи, понятия, символа» [6, с.28].

«Скука» как пространство экзистенциальных переживаний репрезентируется признаками, семантика которых в большей степени связана с дефиницией по В.И. Далю: «тягостное чувство, от косного, праздного, недеятельного состояния души; томление бездействия» [3, с.212]. Так, ощущаемая в *скуке* внутренняя и внешняя пустота происходящего, фиксируется как признак и выводится из тесной семантической спаянности лексем, обусловленной контекстуальной синонимизацией. Весь синонимический ряд скреплен одноименной семой признака (в значении *праздный* содержится сема «пустой»): *«В жизни всё зло, мне кажется,* ***от праздности, от скуки, от душевной пустоты****…»* (Моя жизнь).

Следующее скопление синонимов вокруг ключевой лексемы несет экспликацию каузативных признаков «пустота», «одиночество», «неудовлетворение». Здесь усматриваем трактовку *одиночества* не как состояния, являющегося результатом извне приходящих обстоятельств, а скорее всего как внутреннего, которое «в обыденном бытии человека переживается преимущественно в состоянии скуки» [10, с.131]. Компонент “неудовлетворенности”, который по отношению к *скуке* может быть связан как с чем-то более конкретным, четко осознаваемым, так и достигать философского обобщения: *«Почерк на конверте напомнил ему, как он года два назад был несправедлив и жесток, как вымещал на ни в чем не повинных людях свою* ***душевную пустоту, скуку, одиночество*** *и* ***недовольство жизнью****»* (Черный монах).

Помимо признака «пустота» в составе концепта мировоззренческий аспект *скуки* объективируется признаками, раскрываемыми семантикой следующих лексем: «интерес» (*неинтересны*), «обезличенность» (*бесцветный* – лишенный ярких черт, ничем не выделяющийся; невыразительный [5, т.1, с.87]), «ум» (*неумны*), «потеря ценностной ориентации» (*нравственный* – «относящийся к нормам поведения человека в обществе; относящийся к внутренней, духовной жизни человека» [5, т.2, с.513], а *ценности* – «явления, важные для культуры, духовной жизни какого-л. народа, общества» [5, т.4, с.640]).

Так, в зависимости от точки зрения оценивающего взгляда стороннего наблюдателя (извне на человека – суждения по внешним проявлениям о внутреннем содержании; изнутри – осведомленность о частной жизни) в аксиологическом высказывании выстра-

иваются пара и ряд семантически согласованных синонимов: *«Женихов в городе нет. Она представила себе всех знакомых мужчин – чиновников, педагогов, офицеров, и одни из них были уже женаты и их семейная* ***жизнь поражала*** *своею* ***пустотой*** *и* ***скукой,*** *другие были* ***неинтересны, бесцветны, неумны, безнравственны»*** (Три года).

Несформированность у человека системы ценностей, приоритетными из которых можно назвать стремление к самосовершенствованию и осмысленности своего существования, приводит к серьезному коллапсу в обществе, так как ценности образуют связующее звено между внутренним и внешним миром человека. Это осмысление человеком себя и мира представлено в языковых актах номинации контекстуальными синонимами – адвербиальной парой *скучно, душно*, парой *тусклый, бессмысленный*, имеющей окказиональную семантическую связь с лексемой *скучный,* однородным рядом кратких прилагательных *бедно, однообразно, тягуче, неинтересно*, соотносящихся с лексемой *скучно.* Ключевые репрезентанты с указанными синонимами образуют единую семантику, составляемую компонентами обусловливающее (причина) и обусловливаемое (следствие – *скучный, скучно*): *«О чем, бывало, ни заговоришь с ним, он всё сводит к одному: в городе* ***душно*** *и* ***скучно жить****, у общества нет высших интересов, оно ведет* ***тусклую, бессмысленную жизнь****, разнообразя ее насилием, грубым развратом и лицемерием…»* (Палата №6); *«У нас нет политики, у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование* ***бедно, однообразно, тягуче, неинтересно*** *– и говорить об этом так же* ***скучно****, как переписываться с Луговым»* (Вл.И. Немировичу-Данченко, 26 ноября 1896 г., Мелихово).

Временно заполняющие смысловую пустоту такие «развлечения», как “насилие”, “разврат”, “лицемерие”, являющиеся и соответствующими семами, формируют актуализацию признака «потеря ценностной ориентации». В актуализации признака «смыслоутрата» более очевидно прослеживается связь с семантикой синонимов *бессмысленный* («лишенный смысла, содержания» [5, т.1, с.85]), *тусклый* (перен. «бессодержательный, неинтересный, скучный, серый» [5, т.4, с.429]) и неявно в переносном значении *душно*, указывающем на тяжесть психического состояния в условиях всеобщей нравственной дезориентации.

Наличие сквозного жизненного смысла, или, по Чехову, «общей идеи», проявляется в переживании интереса и в стремлении воплотить в жизнь свои цели и задачи. Интересно и смыслонаполненно – это, по сути, одно и то же, как утверждает Е.В. Золотухина-Аболина [1, с.150]. На основании взаимосвязанных признаков «смыслоутрата», «бесцельность», «интерес» и интегральных сем «однообразие», «бедность внутреннего мира» сформирована синонимическая группа *скучно, бедно* (*бедный* – перен. «небогатый по содержанию, ограниченный в чем-л.; перен. «невыразительный, однообразный» [4, т.1, с.73]), *однообразно* (*однообразный* – «постоянно один и тот же, все время одинаковый, монотонный, не знающий изменений и новизны, а потому томительный, скучный» [9, т.2, с.181]), *тягуче* («скучный, томительный, однообразный» [5, т.4, с.437]), *неинтересно* (*интересный* – «отличающийся богатым внутренним содержанием» [5, т.1, с.672]).

Экзистенциальная интерпретация *скуки* находит свое выражение в семантическом взаимодействии с контекстуально синонимичной ей лексемой *пошлость*, которая в русской культуре начиная с середины XIX века стала обозначением манеры поведения, системы ценностей, стиля жизни и размышлений о жизни, характеризуемых обезличенностью и усредненностью. В пошлости быта “скука” становится одним из атрибутов такой формы существования и остро ощущается думающим человеком [2, с.242-243]. Яркий пример – описанные обстоятельства в рассказе «Сонная одурь»: атмосфера “скуки” в зале суда погружает защитника в размышления о его собственной повседневной жизни. Высветившейся бессмыслице и рутине семейного быта вынесен вердикт – *скука* и *пошлость*: *«Как истомишься, ошалеешь, угоришь за весь день в этом* ***чаду скуки*** *и* ***пошлости****, то поневоле захочешь дать своей душе хоть одну светлую минуту отдыха»* (Сонная одурь).

По разным толковым словарям семный состав дефиниций лексемы *пошлость* пересекается со *скукой* в семах «однообразие» и «интерес»: *пошлость* – «о чём-н. тривиальном, обыденном, а также безвкусно-грубом [8, т.3, с.573]; «что-л. неоригинальное, надоевшее, избитое, банальное» [5, т.3, с.348].

Не менее значима устанавливаемая связь *скучной* жизни с *ложью* (*обманом*), искажающей действительность: *«Одно слово, живем, как купцы, только вот* ***скучно у нас.*** *Уж очень народ обижаем. Сердце мое болит, дружок, обижаем как – и боже мой! Лошадь ли меняем, покупаем ли что, работника ли нанимаем – на всем* ***обман****.* ***Обман и обман»*** (В овраге); *«У молодой, слабой женщины… он отнял мужа, круг знакомых и родину и* ***завез ее*** *сюда – в зной, в лихорадку и* ***в скуку;*** *изо дня в день она, как зеркало, должна была отражать в себе его* ***праздность, порочность*** *и* ***ложь****…»* (Дуэль).

Специфика концептуализации экзистенциального аспекта концепта «Скука» выражается также посредством противопоставления. В идиолекте Чехова у *скуки* основная антонимическая связь образуется со

словами *веселье* и *радость*, в которой ключевая лексема приобретает новое, контекстуальное значение – «неспособность жить полной, насыщенной жизнью, ощущать удовольствие от жизни», иллюстрируемое признаками «отсутствие полноты жизни», «неудовлетворение»: *«Опьянение не заставило долго ждать себя. Скоро я почувствовал легкое головокружение. В груди заиграл приятный холодок – начало счастливого, экспансивного состояния. Мне вдруг, без особенно заметного перехода, стало ужасно весело.* ***Чувство*** *пустоты,* ***скуки*** *уступило свое место ощущению полного* ***веселья, радости****. Я начал улыбаться. Захотелось мне вдруг болтовни, смеха, людей. Жуя поросенка, я стал чувствовать полноту жизни, чуть ли не самое довольство жизнью, чуть ли не счастье»* (Драма на охоте); *«Маша приезжала в коляске; я садился к ней, и мы ехали вместе в Дубечню,* ***веселые****, свободные. Или, дождавшись захода солнца, я возвращался домой недовольный,* ***скучный****, недоумевая, отчего не приехала Маша…»* (Моя жизнь).

Индивидуально-авторское значение построено на противопоставлении парам синонимов *скука – пустота, скучный – недовольный* синонимического ряда *веселье, радость, полнота жизни, довольство, счастье.* Формируемая антонимическая парадигма *скука – счастье* подкрепляется другим примером из нашей картотеки: *«При виде счастливого человека всем стало* ***скучно*** *и захотелось тоже* ***счастья****. Все задумались»* (Степь).

На данном этапе описания языкового функционирования концепта «Скука» свидетельствуют об основополагающем значении концепта в мировоззрении человека, что и находит свое выражение в расширении и конкретизации общеязыковой семантемы лексемы-имени. Так, сущность экзистенциальной формы ментального образования формируется признаками, вбирающими в себя общественные и индивидуальные представления о духовных ценностях. Полагаем, что именно в наличии духовного смысла, интерпретаций «Скуки» как пограничного состояния личности, размыкающего пределы материального мира и позволяющего задуматься над законами мироздания, сущностью человеческого бытия, – одно из доказательств универсальности и одновременно национально-культурной специфичности одноименного концепта.

Список литературы

1. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки/ Е.В. Золотухина-Аболина. – Киев: Ника-Центр, 2006. – 256 с.
2. Гехтляр С.Я. Русское слово в контексте духовной культуры/ С.Я. Гехтляр. – Брянск: Курсив, 2009. – 336 с.
3. Глебкин В.В. Скука / В.В. Глебкин // Культурология. Энциклопедия: в 2-х т. – Т.2. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 493-494.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2003. – Т.4.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т./ Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т.1.
6. Словарь русского языка/ Под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. – 3-е изд. – М.: Рус. яз., 1985-1988.
7. Пименова М.В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 58-120 (Серия «Концептуальные исследования». Выпуск 2).
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика/ З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/ РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – Т.3.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – Т.2.
11. Хамитов Н.А. Философия человека: от метафизики к метаантропологии/ Н.А. Хамитов. – Киев: Ника-Центр, 2002. – 334 с.

Об авторе

Маханова Галина Евгеньевна – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *magaev-mge@yandex.ru*

УДК 81`37(045)

ЛЕКСИКОН АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ДИСКУРСА

Никишина О.А.

В статье анализируется функционально-семантическое поле слова *"prison"*, которое является центральным для пенитенциарного дискурса; дан сравнительный анализ значений лексических единиц *"prison"* и *"jail"*, выявлены их принципиальные различия посредством анализа словарных значений, а также этимологического и контекстуального анализов.

Ключевые слова: *дискурс, пенитенциарный дискурс, концепт, функционально-семантическое поле, синонимический ряд, антонимический ряд, деривационное поле*

THE LEXICON OF THE ENGLISH PENAL DISCOURSE

Nikishina O.A.

In this article the functional-semantic field of the word "prison", a central word of the prison discourse, is analyzed; the comparative analysis of meanings of the lexical units "prison" and "jail" is given, their fundamental distinctions are revealed by means of the definitional, etymological and contextual analyses.

Keywords: *discourse, prison discourse, concept, the functional-semantic field, the synonymic group, the antonymic group, the derivational field*

Данная статья посвящена рассмотрению лексической составляющей пенитенциарного (тюремный) англоязычного дискурса посредством анализа его ключевых концептов. Источниками материала для исследования послужили такие произведения художественной литературы, как "Falconer" Дж. Чивера (J. Cheever), "The Chamber" Дж. Гришэма (J. Grisham) и "Rita Hayworth and Shawshank Redemption" С. Кинга (S. King), а также художественные фильмы "The Shawshank Redemption", "Sweet Home Alabama", "Nothing But The Truth" и телесериал "Prison Break".

Рассматриваемый в данной статье пенитенциарный дискурс является по своей сути институциональным, и, как и в любом дискурсе, реализующимся в общественном институте, в нем выделяется центральный (ключевой) концепт, который, согласно В.И. Карасику, «обладает большой генеративной силой в том плане, что вокруг него концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» [1, с. 195]. Таким образом, для того чтобы изучить лексикон пенитенциарного дискурса, целесообразно выявить его ключевой концепт и рассмотреть его лексическую репрезентацию. А.В. Тихомиров подчеркивает, что концепты в оптимальном варианте представлены именно в дискурсах, так как они «производятся, воспроизводятся, актуализируются, переосмысливаются, разрушаются в ходе дискурса и дискурсной практики субъектов культуры» [3, с. 224].

По результатам проведенного анализа 1060 страниц художественных текстов и 21-часового просмотра художественных фильмов на английском языке был сделан вывод, что для пенитенциарного дискурса основным концептом является *"prison"*, который включает в себя подсистемы, образованные концептами *"prisoner"*, *"guard"* и др. и, исходя из этого, *prison* может рассматриваться как концептосфера. В свою очередь, любой концепт группируется вокруг своей центральной точки, представленной его ключевым словом, которое соответствует названию концепта и организует вокруг себя некоторое функционально-семантическое поле. В это поле входят следующие ряды: синонимический и антонимический; деривационное поле; тематические группы лексики, связанные с ключевым словом; фразеологические средства, в состав которых входят слова из тематических групп или само ключевое слово.

Следует отметить, что русское *«тюрьма»* в английском языке имеет еще один эквивалент – *jail*. В связи с этим первоначально необходимо установить различия в функционировании этих двух слов в английской лингвокультуре. Прежде всего, следует отметить, что обе лексические единицы *prison* и *jail* пришли из латинского языка и влились в среднеанглийский лексикон. *Prison* происходит от латинского prehendere – *to seize* ('схватить, поймать'), а *jail* от – cavea – *cage* ('клетка') [6]. Итак, оба слова имеют первоначальное значение 'удерживать', но принципиальной разницы в значениях из этимологического анализа выявить не удалось. Больше информации можно получить при рассмотрении словарных статей двух слов.

В словаре под редакцией Macmillan даются следующие определения данных понятий: prison – an institution where people are kept as punishment for committing a crime [9, p. 1178]. Jail – a place where people are put after they have been arrested, or where people go as punishment for a crime [9, p. 807]. Сравнив два определения, можно прийти к выводу, что обе лексические

единицы обозначают заведения для содержания заключенных, отбывающих определенный срок за свершенное преступление. Но значение слова *jail* несколько шире, так как оно обозначает место, куда люди доставляются сразу же после ареста и содержатся до вынесения решения суда.

Если взять определения из онлайн-словаря Merriam Webster, можно внести дополнительно некоторые уточнения относительно значений этих лексических единиц.

Prison – a place of confinement especially for lawbreakers; specifically : an institution (as one under state jurisdiction) for confinement of persons convicted of serious crimes [10].

Jail – a place of confinement for persons held in lawful custody; specifically : such a place under the jurisdiction of a local government (as a county) for the confinement of persons awaiting trial or those convicted of minor crimes [10].

Таким образом, дифференцирование значений этих двух лексических единиц можно проводить также по признаку тяжести свершенных заключенными преступлений и по контролирующему органу власти: *prison* – тяжкие преступления, рассмотрение которых входит в прерогативу властей штата; *jail* – небольшие преступления, которые рассматриваются властям округа. Из этого следует, что при переводе на русский язык целесообразней использовать для *prison* ‘федеральная тюрьма’, а для *jail* – ‘окружная тюрьма’ или же ‘место предварительного заключения’, ‘следственная тюрьма’, в зависимости от контекста.

Сделанный вывод необходимо проверить путем анализа контекстных употреблений данных лексических единиц. В художественном фильме “Nothing but the Truth” («Ничего кроме правды») можно найти следующий диалог, происходящий между сыном и матерью, главной героиней данного фильма, который в полной мере иллюстрирует различия в понимании рассматриваемых лексических единиц:

– *Dad says you’re going to prison.*

– *I am.*

– *Isn’t that where you are now?*

– *No. This is jail. Jail is where you go when they decide your punishment, and then you go to prison* [11].

Таким образом, *jail* используется для обозначения места предварительного заключения и в большей степени соответствует русскому «место предварительного заключения». Из следующего примера видно, за какие преступления человек может оказаться в тюрьме данного вида – например, за вождение в нетрезвом виде: *They picked her up for drunk driving at eight-twenty last night, and took her to jail* [7, p. 542]. Что касается срока пребывания в данном учреждении, то следующий пример в полной мере иллюстрирует его длительность: *You know, I’m the most senior prisoner in this jail. I’ve had 32 different bunk mates since I’ve been here. I gotta say, that’s a record* [11]. Разговор, из которого приведена данная фраза, происходил на 348 день заключения. И данный срок считается рекордным для пребывания в данном виде тюрем. Так, можно сделать вывод, что *jail* действительно служит лишь временным пунктом для содержания заключенных, время пребывания в котором является непродолжительным, и зависит оно от протекания судебного процесса.

Если рассматривать контекстное употребление лексемы *prison*, то в основном оно связано с продолжительным пребыванием в заключении: *Next year would make me a thirty-year man. Sixty per cent of my life spent in Shawshank State Prison* [8, p. 60]. В данном случае словосочетания *a thirty-year man* и *sixty per cent of my life* показывают, что речь идет уже не о предварительном заключении, а об отбывании наказания, причем весьма длительном. Что касается причин попадания в подобные исправительные заведения, то нами было найдено множество контекстных подтверждений тому, что *prison* служит местом заключения для тех, кто совершил тяжкие преступления, например, убийство: *I came to Shawshank when I was just twenty, and I am one of the few people in our happy little family willing to own up to what he did. I committed murder* [8, p. 3].

В целом, анализ контекстуального использования лексических единиц *prison* и *jail* почти полностью подтвердил установленные ранее посредством анализа словарных статей различия в их значениях. *Jail* в большинстве случаев используется в значении ‘арестовать’, а *prison* используется в том же значении, что и русское *«тюрьма»*. Таким образом, можно заключить, что данные лексические единицы, придя примерно в одно и то же время, среднеанглийский период, в английский язык из латинского, служат в настоящее время для обозначения различных реалий пенитенциарной системы.

Теперь можно перейти непосредственно к рассмотрению функционально-семантического поля, обозначаемого словом *prison*.

Синонимический ряд слова *prison* в онлайн словаре Merriam-Webster представлен следующими лексическими единицами: *bastille, bridewell, brig, calaboose, can, cooler, coop, guardroom, hock, hold, hoosegow, jailhouse, jug, lockup, pen, penitentiary, slam, slammer, stockade*. Помимо данных слов, относящихся к нейтральной лексике, существует также ряд сленговых обозначений тюрьмы: *big house, clink, joint, nick, pokey, quod, stir, tolbooth*. Также возможно встретить словосочетания, не закрепленные в словарных статьях, например: *goddamned grey walls, living hell, a*

stone hotel, the shithouse, this sweet little hell-hole и т. п. Сами заключенные используют сленговое слово *Prisneyland* по отношению к своей тюрьме. Подобные выражения показывают ироничное отношение заключенных к месту своего заключения. Помимо этого можно выделить ряд глаголов и глагольных словосочетаний, употребляющихся для обозначения пребывания в тюрьме: *to get a season's pass into this place, to come (to be) inside, to go on inside the walls, to serve a rap, to get caught, to be in stir, to do time, to be in the joint, to be in, to be imprisoned*.

Если говорить об антонимическом ряде слова *prison*, то он значительно короче, нежели синонимический: в том же онлайн словаре Merriam-Webster он представлен лишь одной лексической единицей – *outside*. Здесь прослеживается противопоставление тюрьмы с миром вне ее стен, то есть внешним миром (*out* как наречие, прилагательное и предлог) и пребывания в заключении – свободе (прилагательное *free*): *to be out, to get a pass out, let smb. out, the outside world, the society outside the walls, to be free, let smb. walk free, out in a larger world where people walked free* и др.

К деривационному полю относятся языковые единицы разного уровня сложности. Во-первых, оно представлено лексическими единицами непосредственно образованными рассматриваемого слова. В нашем случае это: *prisoner, to imprison, imprisonment* и др. Во-вторых, оно включает в себя словосочетания, образованные при помощи слова *prison*, которые могут быть разделены на группы в зависимости от значения: виды тюрем *(federal prison, state prison, minimum security prison, maximum-security prison, cellular prison, central prison, central training prison, city prison, closed prison, open prison, county prison, female prison, fenced-in prison, industrial prison, juvenile prison, local prison)*; люди или группы людей, имеющие непосредственное отношения к тюрьме *(prison guards, prison administration, prison population, prison officer, prison bird, prison society)*; события и реалии тюремной жизни *(prison uniform, prison life, prison laundry, prison fatigues, prison economics, prison time, prison labor, prison mentality, prison announcements, prison reform, conventional prison facilities, prison abuse, prison fever, prison riot, prison talk)*. Данные лексические единицы также могут быть классифицированы исходя из типа связи между членами словосочетаний, конструкции и роли слова *prison* в них. Таким образом, все выше обозначенные словосочетания построены по конструкции noun + noun, тип связи – примыкание, но в первой группе *prison* является главным словом, а в двух других выступает в роли определения. Встречаются и словосочетания типа *to be sentenced to prison, to commit to prison* – глагольные, тип связи – управление.

Выявление тематических групп лексики, связанных со словом *prison*, является основной частью анализа его функционально-семантического поля. В результате, лексика, репрезентующая слово и концепт *prison*, как и пенитенциарный дискурс в целом, была условно распределена по трем тематическим группам:

– лексика, описывающая реалии тюремной жизни;

– лексика, характеризующая заключенных как участников общения в рамках пенитенциарной системы;

– лексика, характеризующая охранников как участников общения в рамках пенитенциарной системы.

К первой группе нами были отнесены лексические единицы, которые, в первую очередь, описывают само заведение пенитенциарной системы, как объект физической реальности. То есть, они обозначают то, что можно найти в каждой тюрьме (здания, помещения и т. д.): *cellblocks, cellblock gates, the electrically-operated main gate (the outer gate), slit windows, bars, walls, the outer wall, chainlink fences, cells, one-man cells (CSU cells), bunks, the exercise yard (the oxwulio yard), sentry posts (guard-towers, gun towers), the visitors' room (visitation room, CSU visitation), the infirmary, the solitary (the SHU), admin buildings, prison commissary, prison chapel, warden's office, prison phone room, prison mess (mess hall), admitting area* и др.

Также к первой группе относятся лексические единицы, описывающие обиход тюремной жизни: *the fish tank, the wake-up horn, morning chow, the breakfast nose-count, the time of the lock-in, the time of the lights-out, tossing of the cells (shakedown), short arm, exercise period* и т. д. Особое место занимают богослужения *(chapel, service)*, тюремное производство *(P.I. – Prison Industry)* и время проводимое в тюремном дворе *(exercise period)*. Тюремный двор описывается так: *at any given time there might be eighty to a hundred and twenty cons on the yard – **playing toss** with a football or a baseball, **shooting craps**, **jawing** at each other, **making deals*** [8, p. 15]. Выделенные жирным шрифтом лексические единицы дают представление о том, как заключенные проводят время, когда находятся не под столь жестким контролем тюремной охраны.

Все вышеперечисленные реалии тюремной жизни служат для описания незыблемого распорядка дня (routine). Но и в тюремной рутине бывают перебои, чаще всего они вызваны либо беспорядками среди заключенных, либо побегом. В американских тюрьмах по большей части беспорядки происходят на почве расовой неприязни. Сами заключенных называют их *Judgement Day* или говорят об этом событии так: *We're gonna **play the ballgame** to them real soon* [12] или *Whites and blacks **are going at each other** real soon here* [12]. Лексических единиц соответствующих русскому

«побег» достаточно много: *break, break-out, flight, jailbreak, breakout, escape, disappearing act, going, turning rabbit* и др.

Ко второй тематической группе относятся, во-первых, различные лексические единицы, которые используются для обозначения самих заключенных: *inmate, hard-timer, convict, prisoner, con* – эти являются самыми типичными, относящимся ко всем заключенным. Есть те, которые делят заключенных на классы, например, по длительности срока заключения: *lifer, long-timer, long-line riders* и др.; по количеству сроков, отбытых в исправительных заведениях («ходок»): *first-timer, fishie (new fish), repeater, jailbird* и др. Также у заключенных есть свой определенный ранжир: *there are cons that swing weight in any prison, maybe four or five in a small one, maybe two or three dozen in a big one* [8, p. 16]. То есть, есть такие заключенные, которые имеют вес, их называют – *shotcaller*, у них имеется свой круг приближенных лиц, которым они покровительствуют – *cronies*. Также есть заключенные, которые осуществляют связь с внешним миром и провозят контрабанду – *a man that can get it for you*. Бывают заключенные, которые заслужили доверие охраны – *trusties*. Есть просто заключенные, отбывающие свой срок и не получившие особого статуса – *Gen Pop (general population)*. С. Кинг описывал тюремное общество как *a scaled-down model of your outside world* [8, p. 86], этим проводя параллель между устройством обычного и тюремного обществ.

Наряду со всеми вышеперечисленными лексическими единицами можно встретить такие выражения: *happy little family* (употребляется самими заключенными по отношению к себе и является проявлением самоиронии), *the scum of the earth, graymeat son of a bitch, sucker, boy, Girl Scouts* (употребляются охранниками, свидетельствуют о пренебрежительном и неуважительном отношении к заключенным). Между собой заключенные часто используют сленговые и разговорные слова: *dawg* (‘друган’), *cellie* (‘сокамерник’), *whiteboy* (обращение к заключенным с белым цветом кожи), *rugheads* (грубое обращение к заключенным-афроамериканцам), *snowflake* (обращение к заключенным с белым цветом кожи – ‘снежинка’) и др.

Во-вторых, в данную подгруппу следует отнести слова, которые непосредственно ассоциируются с заключенными. В первую очередь это *prison uniform*. В зависимости от тюрьмы ее цвет может меняться. Так, в Shawshank Prison она серого цвета – gray pajama suit, а заключенного описывают так: *a man in prison grays*. В Wallens Ridge State Penitentiary в сериале Prison Break она синяя: *“state blue” – the official prison uniform of blue jeans, blue work shirt, and white sneakers* [11].

В-третьих, данная группа включает в себя лексические единицы, характеризующие отношения между заключенными: *to go fishing, to get “turned”, to “go gay”, to “come out of the closet”, to play the female* и др.

К третьей тематической группе лексики нами были отнесены лексические единицы, прежде всего, обозначающие всю иерархию служащих пенитенциарной системы: *screw, prison personnel* (по отношению ко всем представителям охраны), *warden* (‘начальник тюрьмы’), *correctional officers (C.O.)* или *guards* (‘рядовые охранники’), *turnkey* (‘хранитель ключей’), *assistant warden* (‘заместитель начальника тюрьмы’), *chief of guards* или *deputy* (‘начальник охраны’). В некоторых тюрьмах есть специальные группы, отвечающие за поддержание порядка, подавление бунтов, например, Disciplinary Intervention & Response Team, аббревиатура – D.I.R.T., среди заключенных это просто *dirt*. Нередко заключенные дают прозвища представителям тюремных властей. Так, начальника тюрьмы Wallens Ridge State Penitentiary в сериале Prison Break заключенные называют *the Pope*. Особое место среди контролирующих тюремную жизнь органов занимает комиссия по досрочному освобождению – *the parole board*.

Следует отметить, что служащие пенитенциарной системы, как и заключенные, имеют свою униформу, а также, помимо этого, специальное снаряжение, что служит символичным разграничением их различного социального положения. Можно найти такое описание команды офицеров охраны при проведении обыска камер: *two dozen C.O.’s* ***in riot gear*** [11] или охраны на сторожевых башнях: *The guards up there are* ***armed with binoculars and riot guns*** [8, p. 15].

Здесь следует отметить, что *prisoner* и *guard* сами по себе могут рассматриваться как отдельные концепты в рамках пенитенциарного дискурса. Приведение полного их анализа требует написания отдельной научной статьи, поэтому в данной работе были приведены лишь основные характеристики данных слов и концептов и наиболее часто употребляемые лексические единицы.

Слово *prison* не является, как показал анализ, частотной лексической единицей во фразеологических единицах: *cast* (или *throw*) *into prison* или *clap in prison* – ‘упрятать, упечь, бросить в тюрьму’ – единственный найденный пример. Дериват ключевого слова *prisoner* встречается в следующих фразеологизмах: *a prisoner to one’s chair* (‘инвалид, прикованный к креслу’) и *a prisoner to one’s room* (‘человек, не выходящий из дома по болезни’). Данные единицы по своей семантике не связаны с тюремным заключением, но, тем не менее, сохраняют обобщенное значение ограничения свободы действий и передвижения.

Количество фразеологических единиц, в состав которых входят слова из вышеобозначенных тематических групп лексико-семантического поля слова *prison*,

лишь немногим больше: *behind bars* ('за решёткой, в тюрьме'), *go over the wall* ('убежать из тюрьмы'), *within the walls* ('в стенах тюрьмы'), *on parole* ('освобождённый под честное слово') и др. Ряд фразеологизмов, представляющих концепт *prison*, может быть расширен включением в него единиц, не содержащих ключевое слово и слова тематических групп, но отражающих реалии тюремной жизни. Такие фразеологические единицы также малочисленны: *lay by the heels* ('заковать в кандалы, посадить в колодки'), *the Black Hole* ('карцер, одиночка'), *the Newgate Calendar* ('справочник Ньюгейтской тюрьмы с данными о заключённых в ней преступниках'), *go over the hill* ('бежать из тюрьмы'), *a ticket-of-leave man* ('досрочно освобождённый заключённый'), *up the river* ('в тюрьме, в каталажке') и др. Во многом столь несущественное отображение тюремной тематики в фразеологических словарях объясняется наличием в тюремной среде своего особого сленга, который можно считать отдельным объектом изучения. Существуют словари тюремного жаргона: Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона Ю.П. Дубягина и Е.А. Теплицкого, A Prisoner's Dictionary (http://aren.org/prison/documents/dictionary/words.htm) и др.

Таким образом, можно заключить, что центральный концепт пенитенциарного дискурса – *prison* имеет достаточно широкую представленность в языке. Следует отметить, что в рамках данного дискурса участниками коммуникации, путем переосмысления общеупотребительной лексики, был развит особый жаргон, служащий его характерной особенностью и отличительной чертой.

Итак, в ходе исследования были выявлены принципиальные различия слов *prison* и *jail*, заключающиеся в том, что *prison* в большей мере соответствует русскому *«тюрьма»* или *«зона» (penitentiary)*, а *jail – «следственный изолятор» (the house of detention)*. Результатом работы может послужить также список лексических единиц, презентующий лексико-семантическое поле концепта *prison* и пенитенциарный дискурс в целом. Но проблему лексической наполняемости пенитенциарного дискурса не следует считать рассмотренной в полной мере, она нуждается в дальнейшей, более детальной проработке, так же как и рассмотрение концепта prison в целом. В данной работе представлена понятийная сторона этого концепта (дана его языковая фиксация, его дефиниция, проведен сопоставительный анализ по отношению к концепту *jail*). В дальнейшем предполагается рассмотрение еще двух компонентов концепта: образного и ценностного.

Список литературы

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
3. Тихомиров А. В. Понятия «концепт» и «дискурс» и проблема гражданского общества: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Выпуск № 9. Т. 10. 2009. С. 218–227.
4. Cheever J. Falconer. New-York: Alfred A. Knopf, 1991. 170 p.
5. Darabont F. The Shawshank Redemption [Электронный ресурс]. URL: http://www.dailyscript.com/scripts/shawshank.html (дата обращения: 5.11.2014).
6. Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: http://dictionary.reference.com (дата обращения: 16.09.2015).
7. Grisham J. The Chamber. London : Century, 1994. 803 p.
8. King S. Rita Hayworth and Shawshank Redemption. New-York: Recorded Books Inc, 1994. 87 p.
9. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / editor-in-chief Michael Rundell. Oxford : Macmillan Education, 2007. 1748 p.
10. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.merriam-webster.com (дата обращения: 29.07.2015).
11. Nothing But The Truth Script – Dialogue Transcript [Электронный ресурс]. URL: http://www.script-o-rama.com/movie_scripts/n/nothing-but-the-truth-script.html (дата обращения: 15.09.2015).
12. Prison Break Episode Scripts [Электронный ресурс]. URL: http://www.springfieldspringfield.co.uk/episode_scripts.php?tv-show=prison-break (дата обращения: 31.07.2015).
13. Sweet Home Alabama Script – Dialogue Transcript [Электронный ресурс]. URL: http://www.script-o-rama.com/movie_scripts/s/sweet-home-alabama-script-transcript.html (дата обращения: 31.07.2015).

Об авторе

Никишина Ольга Александровна – аспирант III курса кафедры лингвистики и перевода Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева, *nikishka1989@mail.ru*

УДК 802. 0 – 561. 8

КОГНИТИВНЫЙ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ КОММУНИКАЦИИ

Песина С.А., Дружинин А.С.

В статье представлены различные подходы к определению сущности знака в когнитивистике и философии языка. С использованием обширного теоретического материала в рамках когнитивного подхода к процессу коммуникации в статье находит подтверждение гипотеза о том, что каждый говорящий на языке действует исключительно в рамках своей когнитивной области. Функция языка состоит в том, чтобы ориентировать человека в данной области. В процессе коммуникации не происходит передачи информации или мысли посредством языка, поскольку слушатель сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной коммуникативной области. Значение как факт сознания замкнуто в нем, и в ходе «трансляции» значений не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения заключены в них, составляя часть их материального тела. Материальные составляющие знаков стимулируют появление тождественных или сходных значений, возбуждая аналогичные концептосферы в коммуницирующих сознаниях.

Ключевые слова: *языковой знак, коммуникация, когнитивная лингвистика, биокогнитивистика, феноменология, значение, концепт.*

COGNITIVE AND ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO COMMUNICATION PROCESS

Pesina S.A., Druzhinin A.S.

The article discusses different approaches to defining the essence of a linguistic sign though the scope of cognitive linguistics and philosophy of language. A comprehensive critical overview of theoretical material confirms the hypothesis about the function of language, language sign and meaning: every communicator operates exclusively within the boundaries of his/her cognitive domain. Language function is to guide the person in the this cognitive domain. In the communication process, there is no transfer of information or ideas via language, as the listener provides information, reducing uncertainty by interacting in his/her own communicative area. The signs can not be regarded as bearers of meanings, in the sense that meanings are encapsulated in a consciousness making them part of the material body.

Keywords*: linguistic sign, communication, cognitive linguistics, biocognitivism, phenomenology, meaning, concept.*

Едва ли можно рассматривать когнитивную природу языка и речи, процесса коммуникации без учета их семиотического характера. Неслучайно в русском языке лексемы *знание* и *сознание* делят общий корень со словами *знак*, *значение*. Отношение «человек – знак» имеет антропоцентрическую и сугубо эпистемическую природу, поскольку знаки не существуют сами по себе, подобно объектам физического мира, они являются продуктом познавательной деятельности самого человека и служат ориентиром в его когнитивной нише, удовлетворяя определенные коммуникативные потребности.

В когнитивной лингвистике, как и в философии языка человек, взаимодействующий с языковыми знаками, рассматривается как автор событий. В этой связи следует заметить, что вплоть до «лингвистического поворота» философия была философией «некоммуницирующего сознания». Лингвистический поворот означал такое истолкование реальности, которое интерпретирует ее как коммуникативную реальность, которую можно познать только из перспективы участия в коммуникации. Не участвуя в коммуникативной игре (Л. Виттгенштейн), не находясь в пространстве жизненного мира (Ю. Хабермас), невозможно узнать их внутренние правила и нормы. Л. Виттгенштейн заставил принять тезис, наметившийся, но эксплицировано выраженный в теории знаков М. Пирса, о том, что формирование и понимание языка не может быть продуктом деятельности одного сознания. При этом постулировалось, что «пространство языка – это основная, базисная для человека реальность» [2]. Язык как новая универсалия философской рефлексии действительности, как новая метафора бытия («язык есть дом бытия», по М. Хайдеггеру) позволил философам-аналитикам отойти от философемы сознания и по-новому толковать мир в качестве лингвистической данности. Лингвистика стала учить антропологов, социологов и историков тому, как функционирует общество.

Для того чтобы понять знак, субъекту необходимо его интерпретировать в своей консенсуальной сфере (по А. В. Кравченко). Это подразумевает, что верная интерпретация определена не только контекстом ситуации, но и тем, что субъект должен обладать достаточным объемом культурно обусловленных фоновых знаний, включая как общественный, так и личностно–индивидуальный опыт. При этом был введен термин «социокод», понимаемый как каждый социально–значимый акт индивида, который рассматривается как единичная реализация программы, созданной

предшественниками и унаследованной индивидами в процессе обучения. Так, за актами общения стоит текст как результат предыдущих актов общения, а в целом социальность возникает через знаковое оформление стереотипов коллективного действия с фиксированным числом участников и с индивидуальным распределением подпрограмм в рамках целостной программы коллективного действия.

В нашем понимании **знак – это «эвристическое когнитивно-чувственное состояние организма, возникающее при взаимодействии мыслительного аппарата и нервной системы как реакция на сигнал, поступивший из окружающей среды либо как внутренне мотивированный стимул собственного организма в определенный момент времени»** [12]. Значение же можно трактовать как **функциональную сущность, регулирующую жизнедеятельность аутопоэзных материальных кодовых (гносео-) систем, формирующих и обрабатывающих субъективные смыслы своих семантических описаний, значимых для них в собственной социокультурной нише и позволяющих им успешно координировать свои адаптивные механизмы.**

Невзирая на то, что об антропоцентрической сущности семиотических процессов в языке говорили многие исследователи, начиная с Ф. де Соссюра, тем не менее, в более поздних работах описание различных схем коммуникативных процессов проходит как бы без участия человеческого сознания. Так, в монографии М. В. Лебедева предложены следующие ключевые моменты функционирования знаковой системы: «1) порождение сообщения отправителем; 2) передача сообщения по каналам связи; 3) прием и расшифровка сообщения, в которых участвует приемник; 4) реакция реципиента на принятое сообщение». При этом «идущие по каналу связи импульсы <…> становятся реальными носителями информации и формируют сообщение только в том случае, когда реципиент обладает состоянием готовности осуществить отражение и интерпретацию той части внутреннего состояния источника, которое воплотилось в переданной совокупности импульсов» [6, с. 42-43]. Что такое «состояние готовности» реципиента не уточняется, но, судя по контексту, знак представляется более «живым», чем сам интерпретатор, поскольку знак «имеет собственные импульсы», которые он же «формирует» и «передает». Реципиенту ничего не остается, как только принять «состояние готовности» и осуществить «отражение и интерпретацию» сформированной где-то вовне и транспортированной специально для него информации. Отсюда и вполне закономерный вывод: «…знак получает значение из внеязыкового мира» [6, с. 57]. В полном забвении остается тот факт, что формирование и интерпретация знака, как и собственно язык, – явления, принадлежащие человеческому сознанию. Такая концепция функционирования семиотических единиц позволяет предположить их полную самодостаточность и независимость от субъекта – носителя состояния.

Согласно такой концепции в диалектике содержания и формы знака, материальная форма часто выступает в качестве своеобразного контейнера значения, материального средства транспортировки его из точки А в точку Б. Ср.: «значение – некоторый набор сведений (информации), соотносимых с данными предметами и явлениями внеязыковой действительности, который передается через звуковую оболочку слова» [9, с. 269]. В работах лингвистов-классиков языковой знак зачастую представлен как самодостаточная сущность: материальная языковая оболочка постольку и является звуковой оболочкой, поскольку она наполнена смысловым содержанием; без него она уже не есть явление языка.

И в настоящее время исследователи речевых процессов объясняют отсутствие понимания между участниками коммуникации не особенностями воспринимающего сознания, а неким таинственным «семиотическим шумом», который препятствует взаимопониманию. Лингвисты также говорят о некой защищенности информации от помех (“помехоустойчивость” кода и канала, как говорят в теории связи); защищенность от шумов обеспечивается избыточностью кодирования информации. Информационная избыточность – это обычная вещь, страховка от неправильного понимания в процессе коммуникации. Известно, что знание языка, которым располагают пользователи, является скорее излишним, чем минимальным и максимально обобщенным. Язык изобилует примерами использования целых рядов синонимов для выражения одного и того же понятия, и хотя мы придерживаемся мнения, что абсолютных синонимов не существует, многие из известных пар взаимозаменяемы в достаточно широких пределах (например: Венера, Утренняя Звезда; автомобиль, машина; треугольник, трехсторонняя плоская геометрическая фигура; демон, злой дух и т. п.). Термины «семиотический шум», «информационный канал» и т. п., если они не употреблены метафорически, несомненно, требуют, пояснения. Вызывают также ряд вопросов такие их явные характеристики, как автономность от человека, спонтанность. Важно пояснить, какова природа подобных каналов, их физические или химические параметры.

Критикуя подобные воззрения, У. Матурана комментирует использование, например, такого термина, как «информационный канал»: в коммуникации не существует «переданной информации», поскольку

коммуникация происходит всякий раз, когда существует координация поведения в области структурной сопряженности. Согласно метафоре коммуникационного канала, коммуникация есть нечто, порождаемое в определенной точке. Затем она распространяется по каналу связи (коммуникационному каналу) и поступает к приемнику на другом его конце. Эта метафора в корне не верна, потому что предполагает существование единства, не определенного структурно. Однако ясно, что «даже в повседневной жизни ситуация с коммуникацией иная: каждый говорит то, что говорит, или слышит, что слышит, в соответствии со своей собственной структурной детерминацией» [8, с. 173].

Информацию (in-formation) следует понимать как «встраивание» организма в среду, в результате которого он оказывается информированным (in-formed). Такую информацию нельзя рассматривать как эфемерное значение или биты информации, ожидающие, когда живая система ими воспользуется. Язык не передает информацию, а его функциональная роль заключается в создании кооперативной области взаимодействия (структурного сопряжения) между говорящими путем выработки общей системы отсчета. Каждый говорящий действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая предельная истина зависит от опыта многих переживаний. Отсюда функция языка состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его когнитивной области, не обращая внимания на когнитивную область ориентирующего, т. к. становится очевидным, что никакой передачи информации через язык не происходит. Следует в этой связи уточнить, что «встраивание» организма в среду можно понимать достаточно широко – и как «встраивание» организма в систему знаний. Еще одним аргументом в пользу воспроизведения информации, а не ее «передачи» является тот факт, что если бы информация передавалась, то процесс обучения можно было бы свести к автоматическому запоминанию знаний, что, в свою очередь, редуцировало бы ментальные области, «ответственные» за пользование языком и речепроизводство [10, 11].

Принцип «ничто не передается» упоминается в трудах многих выдающихся исследователей, начиная с В. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, и развивался Ю. Хабермасом, Г. П. Мельниковым, В. М. Солнцевым и др. Так называемая передача мыслей в процессе коммуникации есть не что иное, как иллюзия, т. к. смысл сообщения “мысли” будет заключаться скорее в возбуждении аналогичного события в мозгу слушающего, чем в спиритуалистическом процессе переселения готовой мысли. В процессе устной коммуникации мы передаем только звуковые волны, а акустический образ сливается с понятием лишь в сознании человека. Об этом же пишут зарубежные когнитивисты: «Я могу приписать какому-либо объекту какой–либо предикат, если и только если любой другой индивид, который мог бы вступить со мною в диалог, тоже приписал бы тот же самый предикат тому же объекту» [17, с. 75].

Но не всеми исследователями учитываются подобные, казалось бы, очевидные факты. Так, нередко описание знака как слияния акустического образа слова и представления о некотором явлении сопровождается следующей сюрреалистической картинкой: означающее “обволакивает” означаемое как обладателя всех своих свойств.

В области изучения текста некоторые авторы пошли еще дальше, приписывая тексту свойства, заимствованные им у его создателя и пользователя – человека. При этом под текстом нередко понимается любое двустороннее языковое образование, имеющее смысл и обладающее свойствами спонтанности, системности и синэнергии, функционирующее как саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система; причем самодвижение текста как энергетического бытия – его внутренняя жизнь – ведет через мерцательную игру смыслов к точечной энергопульсации его сущности, что в совокупности осознается как смысл текста.

Подобные примеры не редкость в лингвистической литературе: «Согласно объективистскому подходу в герменевтике, текст должен обладать значением, независимо от акта интерпретации» [1, с. 186]; «Из перемен, каким подвергается мысль, образованная и выраженная с помощью языка, важным является тот факт, что высказанная вовне, она *перестает быть собственностью своего создателя*, а становится общим достоянием, начинает *жить самостоятельной жизнью* [выделено нами – С. П. и А. Д]. Это обстоятельство делает возможным капитализацию человеческой мысли и ее историю» [3, с. 12].

Очевидно, следует еще раз вернуться и процитировать В. Гумбольдта, который писал о том, что речевой процесс нельзя сравнивать с простой передачей материала. В процессе коммуникации слушающий, так же, как и говорящий, «должен воссоздать его [смысл высказывания – С. П.] посредством своей внутренней силы, и все, что он воспринимает, сводится лишь к стимулу, вызывающему тождественные явления» [4, с. 77–78]. Выдающийся философ и языковед справедливо утверждал, что «… знаки представляют собой одни и те же звенья в цепи чувственных восприятий людей и во внутреннем механизме оформления понятий; при их назывании затрагиваются те же самые струны духовного инструмента, в результате чего в каждом человеке возникают соответствующие, но не одни и те же понятия» [Там же: 80]. И далее: «В едином процессе языкового постиже-

ния мира язык исполняет роль камертона, затрагивающего в языковом сознании участников общения представления и понятия, благодаря чему "вспыхивают" в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» [Там же: 165].

Сообщая о чем-либо, мы лишь запускаем в сознании интерпретирующего субъекта смыслопорождение, которое напрямую зависит от «ментальности» его как *Языковой Личности* (по Ю. Н. Караулову), что подразумевает знание лексикона (слов и их комбинаторных отношений), тезауруса (понятийно-образного содержания), а также наличие определенного уровня прагматикона (совокупности речевых целей и интенций). Сплетение именно таких факторов когнитивно-прагматического характера обрисовывают общую картину коммуникации, в которой знаки представляют собой больше психическую сущность, нежели чем материальные формы.

Воззрения на языковой знак как на вместилище информации и на коммуникацию как на процесс ее передачи в буквальном смысле нашли опровержение в трудах Р. О. Якобсона, который говорит об оппозиции адресанта и адресата, тем самым, различая «лингвистику говорящего» и «лингвистику слушающего» и процессы кодирования и декодирования. Автор приходит к выводу, что языковая реальность, которая открывается исследователю, стоящему на позиции говорящего, во многом непохожа на ту реальность, которая открывается перед слушающим. Например, «для говорящего нет проблемы омонимии – он ее замечает только в том случае, если способен мысленно поставить себя на место слушающего, учесть трудности декодирования и в какой-то мере их уменьшить» [16, с. 401]. Смешение двух точек зрения (адресанта и адресата) он называет «противозаконным компромиссом». Форма знака не является вместилищем содержания, которое существует лишь в сознании человека.

Феноменология также не признает проникновение одного сознания в другое: ни одно трансцендентальное сознание не имеет непосредственных контактов ни с каким другим; каждое из них полностью «замкнуто» само на себе. Трансцендентальное ego устроено точно так же, как лейбницевские монады. В «Монадологии» Г. Лейбниц пишет: «монады вовсе не имеют окон, через которые что–либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [7, с. 413–414]. О том же пишут и современные феноменологи: «я не могу, как говориться, "читать чужие мысли". Я не могу проникнуть "внутрь" чужого сознания, не могу ощущать при помощи органов ощущения Другого, не могу мыслить при помощи его разума, не могу непосредственно пользоваться его памятью, его воображением. О том, что Другой чувствует и о чем мыслит, я могу знать только опосредованно. О том, что происходит "внутри" сознания Другого, я могу судить только тогда, когда происходящее имеет какие–либо "внешние" проявления» [15, с. 56–57].

Знак, рассматриваемый сам по себе без означивающего его человека, не несет в себе какой-либо внутренней энергии, не движим ею и не может «самосоздаваться». Слова «без означивающего его человека» предполагают, что материальные формы слов и тексты, из них сложенные, мертвы и инертны, как бумага, на которую они нанесены, и их значения не «появляются» в текстах в силу каких–то их свойств и «бурлящей в них энергии» и затем каким-то образом проникают в сознание языковой личности, а «создаются человеком» (О. Г. Винокур). Они возникают в сознании языковой личности в процессе создания ею знаков и декодирования их. Понимание знака не диктуется самим знаком и не вытекает из него как следствие из причины. Познание является обособленной в самом себе сферой, и свою внутреннюю жизнь каждый из нас проживает неким призрачным Робинзоном Крузо. Смысл не порождается знаками, а лишь выражается ими и транслируется в культуре от одного субъекта к другому.

Механизм, называемый «консенсуальным» или «конгениальным», обусловлен объективно тем, что, «строго говоря [в ходе коммуникации – С. П. и А. Д.], никакой передачи мысли не происходит. Слушатель сам создает информацию, уменьшая неопределенность путем взаимодействий в собственной когнитивной области» [8]. Говорящий полагает, «будто его слушатель тождественен ему, а значит и когнитивная область последнего тождественна его собственной когнитивной области (чего никогда не случается), и искренне удивляется, когда возникает то или иное "недоразумение"». Думается, что если бы значение как когнитивная внутренняя форма могло бы передаваться, возможно, наука была бы безошибочной.

Итак, у говорящего в буквальном смысле нет физических возможностей с помощью языковых средств передать связываемое с ними содержание, т. е. тот смысл, который он в своем сознании соединяет с данной формой. Важным для этого подхода является положение о том, что значения слов не возникают, а создаются человеком в процессе коммуникации – основной функции языка, используемой как важнейшее средство адаптации человека к действительности, в которой он существует. Это также относится к тем ситуациям, когда сказанное актуализирует у адресата соответствующие клише, поскольку в этот момент сознание активно работает, активируя необходимые механизмы и ресурсы [5, 12, 14].

Знаки – это отсылка к информации, имеющейся или предполагающейся в наличии у коммуниканта, намеки, призывающие других лиц сделать определенные выводы, которые и обеспечивают понимание.

Процесс прихода к таким выводам называется интерпретацией. При этом значение как единство образов формы и содержания создается в сознании говорящего, а потом слушающего. Это единство формирует говорящий в соответствии с замыслом высказывания. Поскольку содержание идеально и не выходит за пределы сознания, задуманное значение не выходит в объективный мир в виде готового знания, «прикрепленного» к материальной форме [11]. Форма воспринимается слушающим и в его сознании связывается, как и у отправителя сообщения, с инвариантом ее содержания. Затем на этой основе слушающий выводит актуальное значение в соответствии с речевым контекстом, выстроенным отправителем сообщения.

Список литературы

1. Виноград Т. О понимании компьютеров и познания / Язык и интеллект / под ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1996. – С. 185–229.
2. Виттгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М. : Наука, 2008.
3. Гречко В. А. Теория языкознания : учеб. пособие. – М. : Высш. шк., 2003.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 2001.
5. Дружинин А. С. О статусе сослагательного наклонения в английском языке в свете когнитивной лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. - № 2(13). – С. 62-65.
6. Лебедев В. В. Стабильность языкового значения. – М. : Эдиториал УРСС, 1998.
7. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1982. – Т. 1. Метафизика. «Монадология». (Серия «Философское наследие».)
8. Матурана У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001.
9. Медникова Э. М. Значение слова и методы его исследования. – М. : Наука, 1974.
10. Песина С. А. Когнитивная семантика : ментальное и языковое пространства : учеб. пособие. – Магнитогорск : МГТУ, 2007. – 147 с.
11. Песина С.А. Слово в понимании философии языка и лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2011. № 2 (4). – С. 122 – 131.
12. Песина С.А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» – Майкоп : Изд-во АГУ, 2011. – 2011. – Вып. 4 (88). – С. 12–16.
13. Песина С.А. Философия языка / Учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 376 с.
14. Песина С.А. Интенциональность и значимость языка в феноменологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов : Грамота, 2012. Ч. 1. С. 151-154.
15. Слинин Я. А. Феноменология интерсубъективности. – СПб. : Наука, 2004.
16. Якобсон Р. О. Избранные работы. – М. : Наука, 1985.
17. Habermas J. Wahrheitstheorien // Wirklichkeit und Reflexion / ed. H. Fahrenbach. – Neske : Pfullingen, 1973. – P. 73–88.

Об авторах

Песина Светлана Андреевна – доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, *spesina@bk.ru*

Дружинин Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России, *andrey.druzhinin.89@mail.ru*

УДК 821.161.1

КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»[1]

Печёнкина О.Ю.

В статье раскрывается содержание картины мира, представленной в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный». Даётся анализ базовых концептов, которые лежат в основе национального мировоззрения, модели мира русского человека. Основополагающими концептами в романе являются Бог и Страшный суд.
Ключевые слова: *модель мира, картина мира, концепт, Бог, Страшный суд, грех.*

THE WORLD VIEW IN THE A.K.TOLSTOY'S NOVEL 'PRINCE SEREBRENNI'

Pechonkina O.Yu.

The given artcile opens up on the subject of the picture of the world presented in the A.K.Tolstoy's novel "Prince Serebrenni". An analysis of the basic concepts, which lie in the foundation of the national world view and the model of a russian man is given here. The fundamental concepts of the novel are God and Doom.
Keywords*: world model, world view, concept, God, Doom, sin.*

«Князь Серебряный» А.К. Толстой задумал как исторический роман, в котором должна была отразиться сложная эпоха Ивана Грозного. Именно об этом автор говорит в Предисловии романа: «Представляемый здесь рассказ имеет целию не столько описание каких-либо событий, сколько изображение общего характера целой эпохи и воспроизведение понятий, верований, нравов и степени образованности русского общества во вторую половину 16 столетия» [2, 61].

Анализ текста произведения позволяет говорить о том, что Картина мира, представленная в романе, определяется религиозным мировоззрением. В основе модели мира, как совокупности объективных знаний об окружающей действительности того периода, лежат концепт Бог и Страшный суд (суд Божий). Известно, что картина мира всегда национально конкретна и исторически определена. Несмотря на то, что в неё обязательно входят универсальные понятия, свойственные модели мира любого народа, в картине мир всегда присутствуют специфические национальные представления, особые соотношения между этими понятиями, через которые выражается основа национального мировидения и оценка реалий окружающей действительности. Именно концепты выражают специфические национальные особенности модели мира.

Концепт Бог в романе «Князь Серебряный» выполняет ряд основополагающих функций. Через призму данного концепта человек определяет тип поведения, предпочтительный в данной ситуации, делает тот или иной выбор, направляет собственную деятельность – регулирующая функция.

Так, много раз в романе говорится о таком русском обычае того времени, как крестоцелование. Описывая возвращение князя Серебряного на Родину, автор в первую очередь говорит о том, что «…твёрдо держал он своё крестное целование, и ничто не пошатнуло бы его крепкого стоятельства за государя» [2, 164]. Никита Романович, ожидая смерти, отказывается покинуть камеру по той причине, что он «целовал крест» царю. Человек готов пойти на смерть, но не преступить клятвы: «Я обещал царю не выходить из его воли и ожидать, где бы я ни был, суда его!»; «я целовал ему крест на моем слове!») [2, 319]. Модель мира христианина, определяющая поведение князя, в данной ситуации является основополагающей. Крест - символ жертвы Христа, отступить от своей клятвы – значит, отступить от Бога, который во время крестоцелования призывался в свидетели. Нарушение заповедей Бога признаётся величайшим грехом и нравственным падением человека. Именно поэтому данная клятва считалась доказательством праведности, честности, верности. Человек, нарушающий её или присягающий, осознавая свою вину, выступает не только против того, кому присягает и клянётся в верности, но и против Бога. Совершает страшный грех.

В «Князе Серебряном» клятвопреступниками являются опричники. В главах «Очная ставка» и «Божий суд» Дружина Морозов даёт клятву царю, целуя крест: «…я в своей правде готов крест целовать…» [2,368], царь воспринимает эту клятву как высший признак справедливости, но и Афанасий Вяземский, присягая ложно, заведомо совершая большой грех, выступая против Бога, царя и всех людей, готов «в правде крест целовать…». Только Божий суд может определить правду: « в одном и том же деле две стороны не могут крест целовать…никого не хочу допустить до погубления души. Пусть Морозов и Вяземский судятся

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ
в рамках гранта №16-14-32001

судом Божиим…» [2, 368], - выносит приговор царь. И Вяземский, и Морозов верят в Бога, признают то, что суд Божий свершится, поэтому Дружина Морозов спокоен: «…в божьем суде не сила берёт, а правое дело…» [2, 369], а Вяземский смутился, потому что он вспомнил, что «…бог неминуемо дарует победу правой стороне, и невольно усумнился в своём успехе» [2, 369]. Вера в Бога определяет модель поведения всех героев романа. В главе «Божий суд» это прослеживается особенно чётко. В «Князе Серебряном» нет персонажей, которые не верили бы в Бога, даже клятвопреступники боятся Божьего суда. Народ верит в святость Божьего суда и съезжается посмотреть на поединок, Вяземский прибегает к помощи колдуна, но и тот не может ничего сделать против воли Господа, Морозов стар, но не сомневается в том, что Бог его не оставит, даже царь смиряется: « Как не желал Иван Васильевич погубить Морозова, но просьба его была слишком справедлива. Царю не захотелось в божьем суде прослыть пристрастным» [2, 378].

Со спокойной душой и смирением человек готов погибнуть, приняв волю Божью, если он живёт по законам Божьим. Он всегда соизмеряет все свои действия с ним. Страшным считается именно погибель души, а не смерть физическая, поэтому даже те, кто нарушает заповеди Божьи, умирая, призывают Господа. В смертный час каются в своих грехах. Так, Фёдор Басманов умирает со словами «…хочу перед смертью покаяться в грехах моих…» [2, 402], Коршун просит о прощении, обращаясь к православному народу: «…прости меня в грехах моих, в разбое, и в воровстве, и в смертном убойстве! Прости во всём, что я согрешил пред тобою…» [2, 403]. Народ верит в то, что насильственная смерть способна очистить от грехов, призывает Господа помиловать их, принять скорее их души: «…помяните нас, когда приидете во царствие Божие…» [2, 403]. Эта фраза является одной из ключевых в понимании модели мира романа «Князь Серебряный». Она взята из «Евангелия от Луки». Один из разбойников, распятый вместе с Иисусом Христом, произносит её: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» [2, 430]. Автор, вкладывая эту фразу в уста народа, определяет его место в будущей жизни. Потому что согласно христианскому мировоззрению именно этот разбойник первый попал в рай – Царствие Божие. Он не только принял Христа, но и раскаялся во всех своих грехах. И если в Библейском сюжете народ выступает как палач, готовый распять невиновного (он требует того, чтобы Иисуса Христа распяли), то в романе народ смиренно просит Господа принять души убиенных и обращается к ним, как к самому Господу.

В «Князе Серебряном» чётко наблюдается противопоставление этого, земного, мира и загробной жизни. Поэтому для героев романа так важно покаяние в своих грехах. Так, Максим Скуратов не нарушает клятвы, но он без благословления покинул отчий дом, оставил своих родителей, то есть, нарушил одну из заповедей Божьих, поэтому он спешит раскаяться: « Господи Боже мой…ты зриши моё сердце, ведаешь мои мысли! Ты знаешь, что я не по гордости моей, не по духу строптивому ослушаюсь батюшки! Прости меня, Боже мой, аще преступаю твою заповедь…» [2, 231]. В монастыре он исповедуется, раскаивается в том, что не может любить царя и что вынужден бежать из Слободы, потому что не может больше видеть пытки и страдания простых людей. После этого Максим готов умереть, несмотря на то, что он мечтает о славной смерти в бою, он готов принять её и от рук разбойников, повинуясь воле Божьей. Максим Скуратов умирает, отдавая себя Богу: «Господи, прими мою душу» [2, 352]. Дружина Морозов с чистой совестью покидает этот мир: «Ведаю себя чистым пред Богом и пред государем... предаю душу мою Господу Иисусу Христу...» [2, 401]. Праведников ожидает Царствие Божие, о котором неоднократно говорится в романе, грешников – адские муки. Все перед Богом равны, суд Божий справедливый, и только Господь решает судьбы всех людей. Смерть всех уравнивает в правах. Модель мира романа «Князь Серебряный» теоцентрична: каждый должен нести свой крест, который определён Богом, и быть готовым к Страшному суду.

Репрезентативная функция заключается в том, что человек в романе выражает и обозначает своё отношение к предметам и явлениям действительности, их значимость для себя через понимание Бога. Особенно она проявляется в том, как герои романа и сам автор относятся к царю – Иоанну Васильевичу. Царь – это помазанник Божий на земле, никто не может противостоять его воле. Его воспринимают как очищение от грехов, все видят в его правлении промысел Божий, никто не обвиняет его, все подчиняются его воле, как воле Господа. Дружина Морозов говорит о том, что люди прогневали Бога, и он «помрачил светлые царские очи», но при этом он сам верит в святость царя: «…разве царю можно указывать? Разве он не от бога?» [2, 198]. «Сам Бог поставил его над нами, и, видно, по Божьей воле, для очищения грехов наших, карал он нас» [2, 197]. Даже в тех случаях, когда все видят то, что царь казнит невиновных людей, все относятся к этому, как к проявлению Божьей воле: «…это Бог нас карает…да будет же над нами его святая воля…» [2, 196], - говорит князь Серебряный. Не случайно во время исповеди Максим Скуратов говорит об очень страшном грехе: «…Долго боролся я сам с собою, долго молился пред святыми иконами. Искал я в своем сердце любви к царю — и не обрел ее!»

[2, 323]. Игумен признаёт то, что это невозможно, что он многих исповедовал, но такого страшного греха не было: «Сын мой, — сказал игумен, глядя с участием на Максима, — должно быть, сатанинское наваждение помрачило твой рассудок; ты клевещешь на себя. Того быть не может, чтобы ты возненавидел царя. Много тяжких преступников исповедовал я в этом храме: были и церковные тати, и смертные убойцы, а не бывало такого, кто повинился бы в нелюбви к государю!» [2, 323]. Хотя Максим и признаёт то, что ««Царева воля — Божья воля» [2, 228]. Центральное представление о месте царя в модели мира, на наш взгляд, выражено в характеристике Никиты Романовича Серебряного: он «…разделял убеждения своего века в божественной неприкосновенности прав Иоанна; он умственно подчинялся этим убеждениям и, более привыкший действовать, чем мыслить, никогда не выходил преднамеренно из повиновения царю, которого считал представителем Божией воли на земле» [2, 297].

Автор показывает то, что царь – это воплощение Бога на земле, что он определяет судьбы людей и всего государства, все герои признают над собой промысел Божий, который воплощается через действия Иоанна Васильевича. Понять действия Бога человеку не дано, поэтому он должен покоряться ему и принимать смиренно всё, что происходит в этом мире, а Господь воздаст ему в будущей жизни. Именно поэтому смирение и повиновение – это основные черты положительных героев романа. В лирических отступлениях автор пишет: «…тут и тоска бесконечная, безнадёжная, тут и сила непобедимая, тут и роковая печать судьбы, железное предназначение, одно из основных начал нашей народности, которым можно объяснить многое, что в русской жизни кажется непонятным…» [2, 173].

Идея «железного предназначения» чётко определена в речи игумена монастыря: « Премилостивый бог, — продолжал со вздохом старик, — за великие грехи наши попустил ныне быть времени трудному. Не нам суемудрием человеческим судить о его неисповедимом промысле. Когда господь наводит на нас глады и телесные скорби, что нам остается, как не молиться и покоряться его святой воле? Так и теперь: настал над нами царь немилостивый, грозный. Не ведаем, за что он нас казнит и губит; ведаем только, что он послан от бога, и держим поклонную голову не пред Иваном Васильевичем, а перед волею пославшего его. Вспомним пророческое слово: «Аще кая земля оправдится перед богом, поставляет им царя и судью праведна и всякое подает благодеяние; аще же которая земля прегрешит пред богом, и поставляет царя и судей неправедна, и наводит на тое землю вся злая!» [2, 324].

Однако образ Дружины Морозова показывает и другую национальную черту русского человека: он смиряется, принимает волю Божью, умирает со словами: «ведаю себя чистым пред Богом и пред государем... предаю душу мою Господу Иисусу Христу...» [2, 401], но честь для него остаётся превыше всего: «…одною только честью дорожил я и никому в целую жизнь мою не дал запятнать её…вели казнить меня, государь, вели мне голову на плаху понести, и я с радостью пойду на мученья…» [2, 395]. Именно поэтому он говорит царю всю правду, когда его «нарядили в шута». Картина Страшного суда предстаёт перед читателем. Непогрешимость царя, который возомнил себя Богом, ставится под сомнение: «…«яко аз есмь судия, поставленный Господом судити народы мои!» [2, 400]. Суда Божьего не избежать и царю.

Блаженный во время казни открыто говорит царю об его участи: «…смотрите, смотрите! – заговорил он, - что это у него на лбу? Что это у тебя, Ивашко? У тебя рога на лбу! У тебя козлиные рога выросли! И голова-то твоя стала песья!» [2, 404] и указывает на то, что казнят невиновных, которые принимают мученическую смерть: «…моё место здесь, с мучениками! Дай и мне мученический венчик…» [2, 404]. Народ, который готов смиренно принять смерть от царя, открыто выступает против него, когда он поднимает руку на Божьего человека, который, по их мнению, выражает волю Бога: «…в наших головах ты волен, а блаженного не тронь…» [2, 405]. Блаженный называет царя Саулом, Иродом и царём кромешным. Читатель снова обращается к Библейским историям, в которых рассказывается о царе Сауле, первом царе Израильского Царства, который пытался убить царя Давида; и об Ироде, царе Иудеи, который был жесточайшим человеком, пролившим много крови, убившим четырнадцать тысяч младенцев в надежде на то, что убьёт Иисуса Христа. Последнее сравнение указывает на то, что Иоанн выступает не только против своего народа, но и против самого Господа: «…пошли и меня в царствие небесное! Аль завидно тебе, что не будешь с нами, царь Саул, царь Ирод, царь кромешный?» [2, 405].

Надо сказать, что мотив избиения младенцев появляется в романе дважды. В одном из эпизодов Иоанн видит себя Рахилью: «…Яко же древле Рахиль, — продолжал он (и глаза его закатились под самый лоб), — яко же древле Рахиль, плачуще о детях своих, так я, многогрешный, плачу о моих озорниках и злодеях…» [2, 225]. Если блаженный называет царя Иродом, обвиняя его в страшных грехах, то сам царь считает себя жертвой. « Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» [Матф, 2:17,18]. Бог наделяет царя, как и всех людей,

свободной волей – это один из высших даров Божиих. Он позволяет царю совершать все его злодеяния, но, предоставляя ему свободу выбора, Господь не снимает с царя ответственности за его дела.

Воздаяние по делам предсказывает и Онуфревна, которая открыто говорит царю о всех его злодеяниях. Глава «Ночное шествие» представлена как сцены из Страшного суда, Апокалипсиса. Невинно убиенные один за другим являются перед царём, кланяются перед ним и призывают его на суд Божий: отравленный боярин, Данила Адашев, боярыня Мария, князь Курлятев, князь Оболенский и другие, казнённые или убитые Иоанном. Царь верит в Страшный суд Божий, верит в то, что он свершится и призывает Господа: « Именем Бога живого…если вы бесы, насланные вражьею силою, - сгиньте! Если вы вправду души казнённых мною – дожидайтесь Страшного суда Божия! Господь меня с вами рассудит!» [2, 237]. Онуфревна указывает Иоанну на путь спасения: «…хоть велики грехи твои, а благость-то Божия больше! Только покайся, да впредь не греши! Вот и я молюсь, молюсь о тебе и денно и ношно…уж лучше сама в рай не попаду, да тебя отмолю…» [2, 234]. Страшные видения приводят Иоанна в храм: «Боже, помилуй мя, грешного! Помилуй мя, смрадного пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитых мною безвинно!» [2, 238], весь народ начинает молиться о нём, просить Господа помиловать его: «…умягчи, Боже, его сердце, вложи милость в душу его…» [2, 238], но покаяние длится не долго и Иоанн снова совершает свои страшные преступления. Божий суд наравне с концептом Бог является базовым в модели мира романа «Князь Серебряный». Все события, действия, всё происходящее в романе так или иначе связано с мотивом Страшного суда, который для каждого отдельного человека наступает уже в земной жизни. Между тем в модели мира романа «Князь Серебряный» Страшный Суд — это не только возмездие, но и момент торжества правды, герои романа осознают, что на Божием суде они увидят не проявление гнева Божия, а милосердие и любовь к тем, что жил праведной жизнью, кто претерпел мученическую смерть, кто не предал Господа, не нарушил его воли. Бог есть любовь, свет, истина. Он не изменится даже в момент Страшного Суда, когда придет судить живых и мертвых. Но объективная модель мира не всегда совпадает с индивидуальной, субъективной. Поэтому каждый из героев по-своему строит собственную модель поведения. Праведники, юродивые, к которым блаженный относит Никиту Романовича Серебряного и Дружину Морозова, невинно убиенные видят в Божием суде свет и спасение, переход в Царствие Божие, они готовы ради этого терпеть страдания и муки в этой жизни. Грешники Бога и Его суд воспринимают как наказание, источник мучения и страдания, испытывают они страшные муки уже и на земле.

Ориентирующая функция концепта позволяет сделать вывод о том, что для человека в романе «Князь Серебряный» Бог и Страшный суд (Божий суд) играют роль постоянных ориентиров в окружающей его действительности. Можно выделить следующие модели отношений: 1. Всемогущество Бога не вызывает сомнений; 2. Человек во всём полагается на Бога; 3. Бог приводит человека к смирению; 4. Бог воспринимается как вездесущий; 5. Власть на земле представляется властью от Бога, уравниваются права Бога и царя в земной жизни, но царь, наделённый свободной волей, несёт ответственность за всё перед Богом. Он не освобождается от Страшного суда. 6. Бог определяет жизненный путь человека. 7. Всю свою жизнь человек оценивает сквозь призму Страшного суда. 8. Человек верит в загробную жизнь, земную жизнь рассматривает как временную, поэтому смиренно принимает страдания, верит в очистительную силу мученической смерти.

Список литературы

1. Святое Евангелие. СПб.: Издательство «Христианская жизнь», 2013. 575с.
2. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1963. 598с.

Об авторе

Печёнкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *Olya_bryansk@mail.ru*

УДК 800.8

СЕМАНТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Рогозин А.Ю.

Настоящая статья посвящена вопросам функционирования спортивной терминологии в англоязычном политическом дискурсе. В работе подчёркивается актуальность изучения феномена мультикультурализма и уникальная роль спортивной деятельности для человеческой культуры. Также акцентируется внимание на миротворческой функции и объединяющей роли, которую выполняет язык спорта в пространстве политического дискурса. Доказывается миротворческая функция спортивной лексики, применяемой в текстах политического дискурса. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения англоязычного политического дискурса.

***Ключевые слова**: политический дискурс, англоязычный политический дискурс, мультикультурализм, спорт, спортивная лексика, миротворческая функция*

SEMANTIC UNIVERSALS IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE IN THE ASPECT OF MULTICULTURALISM

Rogozin A.Yu.

The article is devoted to functioning of sport terminology in the English-language political discourse. The work underlines actuality of multiculturalism research and the unique role of sport for human culture. The author pays attention to the peacemaking function of sport language and its consolidating role for political discourse. In addition, the author proves peacemaking function of sport lexis usage in political texts. The article gives ground to the necessity of further research for the English-language political discourse.

***Keywords**: political discourse, the English-language political discourse, multiculturalism, sport, sport lexis, peacemaking function*

Необходимо отметить, что на сегодняшний день изучение всех видов дискурса является актуальной задачей для лингвистики, так как дискурс представляет собой всеобъемлющее явление, затрагивающее все аспекты жизни общества. Политический дискурс не является исключением. Актуальность всестороннего изучения дискурса как такового и политического дискурса как разновидности институционального дискурса, в частности, обусловливается следующим утверждением: дискурс всегда демонстрирует истинные намерения участников общения. Каждый день политические деятели принимают решения, от которых зависит жизнь общества и, следовательно, всё связанное с политикой, достойно внимания.

Целью данной статьи является продемонстрировать в аспекте мультикультурализма универсальное значение спортивных терминов, функционирующих в пространстве англоязычного политического дискурса. Новизна работы заключается в выявлении сходства языка политики и спорта.

Определений дискурса и политического дискурса существует множество, но в нашей статье мы будем придерживаться следующих взглядов: дискурс является речью, погружённой в действительность (определение Арутюновой Н.Д. [1]), а политический дискурс представляет собой все речевые акты, имеющие отношение к политике (определение Шейгал Е.И. [5]).

Правомерно утверждать: понятия «политический дискурс» и «мультикультурализм» связаны между собой. Мультикультурализм сегодня представляет собой неоднозначный аспект общественно-политического процесса. Ещё некоторое время назад такое словосочетание как «всеобщая толерантность» или же концепт “global village” (глобальная деревня) вызывали только позитивные ассоциации у европейцев, но к настоящему моменту ситуация в значительной степени изменилась. Оптимистичное восприятие мультикультурализма со стороны европейского общества, появившееся под воздействием идеи построения глобального мира, основанного преимущественно на западноевропейском подходе, существенным образом изменилось под влиянием объективной действительности.

Тем более, неоднозначность понятия мультикультурализма становится ещё очевиднее, если обратить внимание на последние события в Европе, имея в виду происходящий в данный момент миграционный кризис. Но здесь необходимо принимать в расчёт следующее: кризисы начинаются и заканчиваются, а сложные этапы в общественном развитии были, есть и будут. Модель мультикультурного общества актуальна практически для любых государств, в которых проживает определённый процент инокультурного элемента – с представителями другой культуры, в той или иной степени, придётся выстраивать взаимодействие. Государства с таким устройством будут всегда. О необходимости выстраивания конструктивного диалога культур в мультинациональной среде уже отмечалось в ряде работ (например, работы Гришаевой Е.Б. [2] и Колесовой Н.В. [3]).

Правомерно утверждать, что спорт и идея спорта сегодня проникли во многие сферы общественной жизни. Концепт «Спорт» содержит в себе идею здоровой конкуренции и здорового развития человека, а также, если фигурально объединить концепты «Спорт» и «Политика», невоенного соперничества между государствами. Благодаря гуманистическим идеалам, которые пропагандируются в спорте, в данный момент наблюдается всё возрастающее значение спортивных побед для той или иной страны. На политической арене всегда имплицитно подразумевается: чем лучше выступила национальная команда на значимых спортивных соревнованиях, тем более высоким должен быть международный статус государства, одержавшего победу.

Спорт являет собой до некоторой степени уникальное явление для человеческой цивилизации. Ещё Людвиг Витгенштейн в своих работах, посвящённых языковой игре, указывал на то, что игра лежит в основе любой человеческой деятельности [6]. А спорт, в свою очередь, является игровой деятельностью по своей сути. Одним из проявлений уникальности спорта может являться следующее: спортивная борьба, в аспекте противостояния, отличается по своему характеру от противоборства в политике или конфликта в бизнесе – победа в спортивном состязании не предполагает уничтожения противника. Общеизвестно, что ещё во времена античности, в период Олимпийских игр, прекращались вооружённые конфликты. Недавним примером похожей миротворческой роли спорта может служить ралли Париж – Дакар, когда воюющие африканские племена прекращали огонь ради соревнований.

Миротворческая и объединяющая культуры функция спортивного языка находит своё отражение в следующем: болельщикам из разных стран, как правило, понятны если и не сами наименования спортивных аспектов, с которыми они сталкиваются за рубежом, то о функции, выполняемой этими объектами, они всегда могут догадаться с помощью аналогии.

Язык спорта практически избавлен от военной терминологии и лексических единиц, обозначающих открытую неприязнь к противнику. И поэтому миротворческая функция спортивной коммуникации весьма успешно актуализируется на переговорах различного формата и характера. Язык спорта и язык политики схожи по ряду параметров.

Аналогичную роль для политического дискурса выполняет спортивная лексика – своим функционированием она оздоравливает дискурс, замещая при этом агрессивные речевые произведения или милитаристскую лексику. Применение спортивных лексических единиц в текстах политического дискурса придаёт политическому дискурсу творческий характер. Подобную функцию спортивная терминология выполняет и в пространстве политического дискурса СМИ.

Отмечена следующая закономерность: чем лучше социальная, экономическая и политическая обстановка в государстве, тем больше спортивной лексики используют в своих статьях журналисты, пишущие на политические темы. И наше опубликованное ранее исследование это доказывает [4, с.149-152]. Наибольшее количество единиц спортивной терминологии фиксируется в канадских, американских и австралийских газетах. Это может быть объяснено следующим: Канаду, США и Австралию, на настоящий момент, недавняя серия мировых кризисов задела слабее, чем Европу.

При написании данной статьи нами анализировались публикации таких изданий, как: The Washington Post, The New York Times, The USA Today, The Hill Times, The Economist и The Australian.

Всего было проанализировано около 300 статей на политическую тематику. Анализ отобранных примеров показал, что из спортивной лексики наиболее часто в политических текстах встречаются термины: *leadership* (110 употреблений), *win* (больше 100 употреблений), *contest* (95 употреблений) и *race* (160).

Например,

1) "*If you can't take a joke," Lindsey Graham has said, "don't run for president*." [the WP. "Clinton is banking on the Obama coalition to win" by Anne Gearan, 18.05.2015].

2) "*Republican officials and leading figures in the party's establishment are preparing for the possibility of a brokered convention as businessman Donald Trump continues to sit atop the polls in the GOP presidential race"*. [The WP. "I. Will. Never. Leave. This Race" by Steven Ginsberg, 10.12.2015]

3) "*Anger won and Rubio lost last night's debate*" [The WP. "As Marco Rubio rises" by Roberta Costa, 13.11.15].

4) *Many believe the Republican presidential race will come down to a one-on-one contest between an "outsider" who channels the angry base and a candidate more in line with the wishes of the party hierarchy* [The WP. "Bernie Sanders hits back" by John Wagner, 30.12.2015].

5) *Mr. Bush sought to highlight his image as the candidate of his party's seasoned, sober-minded wing with the endorsement of a former rival in the presidential race, Senator Lindsey Graham of South Carolina, as Mr. Rubio went on the attack against Mr. Cruz and Mr. Christie* [The NYT. "Ted Cruz apologizes to New Yorkers" by Matt Flegenheimer, 15.01.2016].

Довольно распространённое применение слов *contest, win, race, run, leadership* может быть обусловлено тем, что все эти лексемы имеют позитивную

смысловую коннотацию, содержащую в своей основе идею конкуренции, победы и движения к прогрессу. А эти составляющие присущи как политике, так и спорту.

Наиболее часто журналистами использовались термины, пришедшие из лёгкой атлетики, бега и бокса (*jump, run, team, knock out, game, marathon* и т.д.). Эти лексические единицы подтверждают истинность таких концептуальных метафор, как: «политика – это спорт» и «политика – это борьба».

Например,

She (Хиллари Клинтон) has been at her best when directly challenged in high stakes settings, such as during the debates we did have and during the marathon showdown with Benghazi committee Republicans in the fall [THE NYT, "CHRIS CHRISTIE TAKING HIGH ROAD" BY NICK COROSANITI, 07.01. 2016].

1) "*Obama and Romney have legal teams ready*" [The USA Today. "Obama and Romney have their teams ready" by David Jackson, 27.10.12].

2) "*To compensate, Republicans would at least expect to score well on economic management*" [The Economist. "The Republican Road to the White House", 07.11. 2015].

3) "*The Prime Minister knocked out her misogynist contender*" [The Australian. "Gillard – Abbott dangerous game" by Dennis Shanahan, 13.10.12].

В заключение представляется необходимым отметить, что исследование функционирования спортивной терминологии в политическом дискурсе и в частности, в англоязычных СМИ обладает большими научными перспективами. Это объясняется тем, что дискурс является частью реальности и ни одна из его составляющих не должна быть проигнорирована наукой.

Более того, очевидно, что в современном, взаимосвязанном и мультикультурном мире научные исследования, направленные на понимание закономерностей инокультурной реальности, обладают особой важностью, так как интенсивность международных контактов постоянно возрастает.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. − М.: «Советская энциклопедия», 1990. − 688с.
2. Гришаева Е.Б. Начальный опыт преподавания иммигрантских языков в школьной и университетской практике Австралии (статья) // Язык и культура (научный периодический журнал). − № 3, 2008. – С. 99-106.
3. Колесова Н.В. Межкультурные связи в художественном тексте. Оппозиция «свой − чужой» // Современные модели в преподавании языков и культур в контексте менеджмента качества образования. Москва. − 2010.
4. Рогозин А.Ю. Спортивная терминология в политическом дискурсе англоязычных СМИ//Социально-гуманитарный вестник Юга России 2013 №4 (35). – С. 149-153.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса – М: ИТДГК «Гнозис», 2004. – С. 23.
6. Витгенштейн Людвиг «Философские исследования». Кембридж. 1945. 142с.
7. The Australian, URL:http//: www.theaustralian.com (дата обращения: 13.10.12)
8. The Economist, URL:http//: economist.com (дата обращения: 07.11.2015)
9. The USA Today, URL: http//: usatoday.com (дата обращения: 27.10.12)
10. The New York Times, URL:http//: nytimes.com (дата обращения: 15.01.2016, 15.01.2016)
11. The Washington Post, URL:http//: washingtonpost.com (дата обращения: 18.05.2015, 13.11.2015, 10.12.2015, 30.12.2015)

Об авторе

Рогозин Андрей Юрьевич – соискатель на кафедре делового иностранного языка института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета (СФУ), старший преподаватель кафедры иностранного и русского языков Сибирского юридического института ФСКН России, *andrewrogozin@mail.ru*

УДК 8;81'33

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ МЕТАФОР В ТЕКСТАХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008 Г.)

Салатова Л.М.

В рамках статьи представлены результаты исследования взаимодействия вербальных и графических метафор в текстах американских СМИ, посвященных мировому кризису, с точки зрения соотношения вербальной и невербальной составляющей. В статье выявлены основные виды развертывания метафорических моделей в пределах текста: в первом варианте графическая метафора представляет одну модель, которая, как правило, оказывается ведущей и среди вербальных метафор; во втором варианте графические метафоры взаимодействуют с двумя, либо тремя моделями, которые относятся к разным понятийным сферам. Третий вариант взаимодействия подразумевает использование графических метафор, соответствующих двум, трем и более вербальным метафорическим моделям, при этом ни одна из метафорических моделей не является ведущей.
***Ключевые слова**: графическая метафора, карикатура, метафорическая модель, сфера-источник; мировой кризис.*

THE DEPLOYMENT OF GRAPHICAL METAPHORS IN THE TEXTS OF AMERICAN MASS MEDIA (ON THE EXAMPLE OF ECONOMIC CRISIS IN 2008)

Salatova L.M.

The article presents the results of research of the interaction of verbal and graphic metaphors in American media texts devoted to the global crisis, in terms of their verbal and nonverbal components. The article identifies the main types of deployment of metaphorical models within the text: in the first version graphic metaphor is a model that, as a rule, is leading among verbal metaphors, in the second type the graphical metaphors interacted with two or three models belong to different conceptual spheres. The third option involves the usage of graphical interaction of metaphors corresponding to two, three or more verbal metaphorical models, none of these metaphorical models is leading.
***Keywords**: verbal metaphor, graphic metaphor, cartoon, metaphorical model, source-domain;*

Начиная с 80-х годов XX столетия, в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс привел к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира. Когнитивная лингвистика явилась направлением, в центре внимания которого "находится решение сложнейшей задачи – объяснение тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания" [4; с. 9]. Сходным образом определяет сущность когнитивного направления в лингвистике Т.В. Белошапкова: "Существуя как новая область теоретической и прикладной лингвистики, когнитивная лингвистика связана с изучением когниции в её лингвистических аспектах и проявлениях" [1; с. 55]. Как отмечено в словаре когнитивных терминов, в центре внимания когнитивистики "находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации" [3; с. 53].

Важно подчеркнуть, что на становление когнитивного подхода к метафоре значительное влияние оказали результаты исследований по категоризации действительности (принцип «семейного сходства» Л. Виттгенштейна, теория размытых множеств Л. Заде, категории базисного уровня Р. Брауна, теория прототипов Э. Рош). Подробный анализ «долакоффского» периода становления теории когнитивной метафоры представлен в монографии Э.В. Будаева и А.П. Чудинова [2]. Однако законченная теория когнитивной (концептуальной) метафоры впервые была представлена только в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [5]. В соответствии с этой теорией метафора трактуется как когнитивный механизм, что создает совершенно новый взгляд.

Графические модели – карикатуры получили развитие, главным образом, в газетно-журнальной графике и стали острейшим орудием политической борьбы и агитации.

Большинство политических карикатур возникают вокруг антиобщественных явлений, событий и процессов, надлежащих отрицанию или исправлению, посвящены остроактуальным проблемам, таким как избирательные кампании, вопросы войны и мира, коррупции в правительстве. Начиная с 2008 по 2016 гг. отражение кризисных реалий являлось одной из главных тем современной политической карикатуры. Говоря о финансовой нестабильности, которую до сих пор переживает мировое сообщество в современный период, образ мирового кризиса остается одной из злободневных тем, представленных в современной

карикатуре в американских СМИ.

Способность к развертыванию в тексте – важнейшее свойство концептуальной метафоры, охарактеризованной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6].

В работах Е. В. Колотниной [2001], А. Б. Ряпосовой [2002], А. П. Чудинова [2001, 2003] были выявлены основные виды развертывания метафорических моделей в пределах текста: развертывание одной доминирующей модели; параллельное развертывание в тексте двух или трех моделей, относящихся к разным, иногда даже оппозиционным, понятийным сферам; использование в тексте различных моделей (от трех и выше), при этом ни одна из них не является ведущей.

При рассмотрении текстов американских СМИ, связанных с экономическим кризисом, можно выделить несколько вариантов соотношения графических метафорических моделей.

В первом варианте графическая метафора представляет одну модель, которая, как правило, оказывается ведущей и среди вербальных метафор.

Рассмотрим данный вариант развертывания в статье под названием “Italian and French leaders say economic growth, jobs are keys to bringing Europe out of crisis” [The Washington Post, 04.09.2012]. Иллюстрация предваряет смысл статьи.

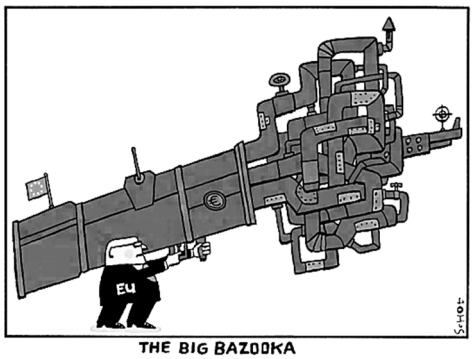


Рис. 1. Большая Базука

На рис. 1 изображен Президент Европейского Совета Херман ван Ромпёй на саммите ЕС, на котором он пообещал, что европейские лидеры достанут «Большую Базуку» – финансовое оружие, чтобы побороть кризис евро в Греции и всей Еврозоне. Статья посвящена встрече двух лидеров – итальянского премьера Марио Монти и французского политического лидера Франсуа Олланда в Риме по вопросу скорейшего выхода Европы из долгового кризиса. Несмотря на оптимистический заголовок статьи “Итальянский и французский лидеры говорят, что экономический рост, создание рабочих мест являются ключевыми способами выхода Европы из кризиса”, автор прибегает к милитарной метафоре, репрезентируя сложность и напряженность сложившейся экономической ситуации европейских стран с приходом кризиса. Таким образом, графическая метафора взаимодействует с метафорической моделью “Экономический кризис – это война”.

Italian premier Mario Monti and French leader Francois Hollande said Europe must urgently restore economic growth and create jobs as part of ***a wider plan to safeguard*** *the euro currency union.*

Премьер Италии Марио Монти и французский лидер Франсуа Олланд заявили о том, что Европа должна срочно восстановить экономический рост и создать рабочие места, что само по себе является частью более ***всестороннего плана по спасению Евросоюза****.*

Hollande said he has asked his government ***to act quickly*** *to help* ***stem unemployment****, which has reached 3 million.*

Олланд заявил о том, что попросил свое правительство ***действовать решительно****, чтобы* ***оказать сопротивление*** *безработице, достигшей численности в 3 миллиона человек.*

Французский лидер целенаправленно прибегает к военной метафорике, делая акцент на активной позиции в борьбе с кризисом со стороны французского правительства.

Leaders agreed in June to use the continent’s bailout fund to funnel money directly to ***struggling banks****, and to create a tighter union in the longer term.*

В июне ***лидеры пришли к соглашению*** *по использованию фонда спасения европейского континента и договоренности направить деньги непосредственно* ***борющимся банкам****, а также к* ***созданию*** *в долгосрочной перспективе* ***более прочного союза.***

Несмотря на агрессивный характер милитарной метафоры в тексте, автор концентрирует внимание адресантов на позитивных действиях, предпринятых политическими лидерами ЕС, задействуя фрейм “Последствия войны”, тем самым создавая позитивный сценарий будущих экономических событий в Евросоюзе.

Hollande said ***leaders must aim at deepening*** *the banking, economic and monetary* ***union*** *by the end of the year.*

Олланд заявил о том, что к концу года ***лидеры должны нацелиться на упрочнение*** *банковского, экономического и валютного* ***союза****.*

Использование метафорических словоупотреблений, относящихся к фрейму “Военные действия и вооружение”, говорит о том, что высшие эшелоны власти европейских стран настроены на решительную борьбу с кризисом. Фрейм “Последствия войны” содержит номинации, демонстрирующие положительный итог действий правительств по укреплению Евросоюза. Так, между фреймами метафорической модели “Экономический кризис – это война” и графической метафорой ассоциативно устанавливается прямая соотнесенность: знаки обоих кодов обозначают одну ситуацию объективного мира, а именно реалии экономического кризиса. Таким образом, графическая метафора, представляющая модель “Экономический кризис – это война”,

является ведущей и среди вербальных метафор.

Во втором варианте графические метафоры взаимодействуют с двумя, либо тремя моделями, которые относятся к разным, иногда даже оппозиционным, понятийным сферам. Рассмотрим подобный пример.

Статья “Euro Science” (Наука о евро) [The Times, 10.10.2011], представляющая собой попытку аналитически осмыслить современное состояние экономики европейских стран, европейской валюты, построена на развертывании метафорический выражений, относящихся к тем же сферам-источникам, рассмотренным в предыдущей статье – “Артефакт”, “Природа” (см. рис. 2).

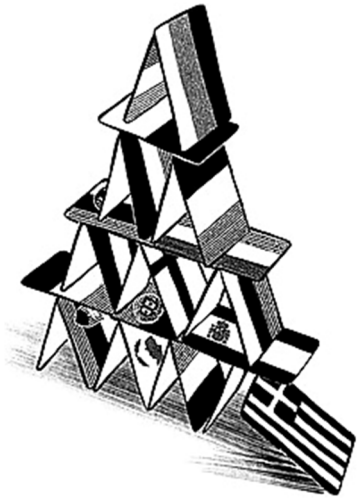


Рис. 2. Европейский дом

На иллюстрации изображен дом, построенный из карт с изображением государственных флагов, символизирующих страны ЕС. Иконический элемент пошатнувшейся карты с изображением греческого флага символизирует главного виновника разрушения европейского дома. Метафорический смысл, актуализированный изображением, как нельзя лучше отражают истинную причину сложившейся ситуации в Евросоюзе.

В данной графической метафоре наблюдается взаимодействие двух сфер-источников: “Игра” и “Артефакт”, но в тексте актуализируется только сфера-источник “Артефакт”.

Артефактная метафора субмодели “Техника” развивается с помощью номинаций: “model” (модель), “mechanism” (механизм), “reform” (реформировать).

*“**The crisis** affecting the euro, and the economy of the seventeen euro-zone countries **will break up the European Union**. For improving this eventuality **there is no model or mechanism,** it is supposed to be impossible. That’s why people are so scared of it”.*

***Кризис,** затронувший евро и экономику семнадцати стран еврозоны**, сломает Европейский Союз.** Для улучшения ситуации **не существует готовой модели или механизма,** это кажется невозможным. Вот почему люди так напуганы.*

*“The parliaments of all seventeen euro-zone countries are constitutionally compelled to vote on **whether to reform and extend the euro’s too puny bailout mechanism**”.*

*Парламенты всех семнадцати стран еврозоны конституционно вынуждены голосовать за то, чтобы **реформировать и расширить слишком слабый для спасения механизм евро**.*

Вербальная метафора не содержит прямого указания на иконический компонент – связность носит не явно выраженный характер и устанавливается на основе выявления внутренних семантических связей.

Рис. 3. Мощь республиканцев

Далее автор рассматривает вопрос о состоянии европейских банков, прибегая к зооморфной метафорической номинации и графической метафоре. Обращение автором к метафоре слона не случайно (см. рис. 3). Это животное является символом республиканской партии, представляющей собой альтернативу политике Б. Обамы. Современный электорат партии представляют обеспеченные американцы, сотрудники крупных корпораций, поэтому иконический элемент изображения в виде американской валюты не случаен. То, что предлагают республиканцы – видимость радикальных перемен в экономической политике, в тексте как нельзя лучше выражает опасения автора по поводу возможного неблагоприятного изменения в политическом климате США и будущего состояния стран Еврозоны, находящихся в кризисе.

*“**That metaphorical elephant in the room**, which you can ignore, and an **actual elephant** with you, right now, **filling the air with its hot, dank breath**. That situation would be unignorable, and the source of a rising panic. **The euro zone is already in the room with that elephant**, unless some decisive steps are quickly taken, the rest of the world will soon be joining it”.*

***Метафорического слона в комнате** можно игнорировать, но **настоящего слона, который находится с вами, прямо сейчас, наполняя воздух своим горячим, влажным дыханием, игнорировать нельзя**. Такая ситуация является источником нарастающей паники. **Еврозона уже в комнате с этим слоном**, и если не будет принят ряд решительных*

мер, остальной мир скоро присоединится к ней.

Итак, в данной публикации графическая метафора взаимодействует с двумя моделями: “Экономический кризис – это артефакт”, “Экономический кризис – это мир природных явлений”. В рассмотренных текстах, репрезентирующих второй вид соотношения графической и вербальной метафор, графическая метафора поддерживает фреймы “Предметы быта”, “Транспорт” модели “Экономический кризис – это артефакт”, “Водная стихия” модели “Экономический кризис – это мир природных явлений”. Во втором тексте графические метафоры поддерживают и дополняют модели “Экономический кризис – это артефакт”, “Экономический кризис – это мир природных явлений”.

Третий вариант взаимодействия подразумевает использование графических метафор, соответствующих двум, трем и более вербальным метафорическим моделям, при этом ни одна из метафорических моделей не является ведущей. Рассмотрим данный тип соотношения вербальных и графических метафор в тексте “*Crisis at a Glance*” (Одним взглядом на кризис) [The New York Times, 03.10.2012]. Автор статьи дает краткий анализ европейского кризиса, используя вербальные метафорические словоупотребления. Метафорический смысл карикатуры, предваряющей текст статьи, как нельзя лучше отражает кризисную ситуацию в европейских странах (см. рис. 4).

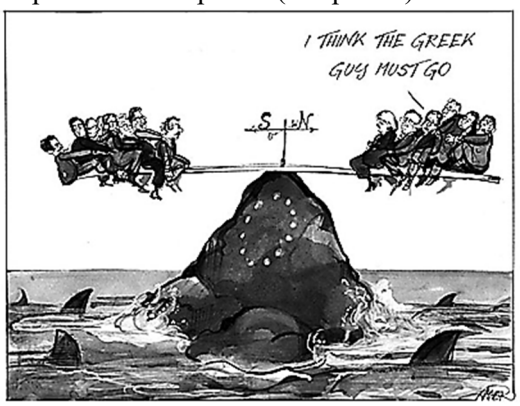


Рис. 4. Взгляд на кризис

На рисунке изображена небольшая часть скалы, выступающая из воды. На пике этой небольшой части суши установлены качели, на которых сидят люди. На середине качели установлен прибор, напоминающий флюгер. Вода кишит акулами. Вербальный компонент содержит следующую фразу: “*Я думаю, греческий парень должен прыгнуть*”. Прагматический смысл, формируемый графической метафорой, состоит в следующем: европейские страны отягощены огромным греческим долгом и будучи не способные решить данную проблему, видят в Греции жертву кризиса. Многие политики уверены в том, что выход этой страны из Евросоюза решит вопрос греческого внешнеэкономического долга. Иконический элемент изображения флюгера также несет смысловую нагрузку. Кризис расколол ЕС на Север и Юг. Он все больше усиливает поляризацию Еврозоны – на страны-должники и страны-кредиторы. Вторые, вынужденные оплачивать завышенные социальные обязательства заемщиков, требуют все более весомых залогов за кредиты, и в этих странах все популярнее становится идея выхода из Еврозоны. Политики стран южной периферии (должники), напротив, стремятся избежать ответственности за долги, но, при этом, из-за желания удержаться у власти, не готовы снижать расходы. В финансовых взаимоотношениях этих стран видятся основания возможного распада ЕС.

Невербальный образ кризиса в данной иллюстрации представлен зооморфной метафорой. Хищные акулы в образе кризиса готовы вот-вот проглотить не удержавшихся на качелях греков, олицетворяющих родную страну – Грецию.

Таким образом, графическая метафора данной карикатуры актуализирует фрейм “Мир животных” модели “Экономический кризис – это природа”. Далее автор вновь обращается к вербальной милитарной и игровой метафорам.

“In the wake of the global economic meltdown of 2008, ***the European Union has been struggling with a slow-moving but unshakable crisis*** *that has underscored the flaws behind the common currency, the euro.*

The key player in 2012 appeared to be Mario Draghi*, the new president of the European Central Bank. He opened the bank’s coffers on easy terms to the continent’s banks, giving them breathing room; lowered the interest and convinced Europe’s leaders to back an eventual move to a continent-wide system of deposit insurance and bank oversight to help prevent bank runs”.*

В результате глобального экономического кризиса 2008 года, ***Европейский Союз продолжает бороться с вялым, но непоколебимым кризисом****, который подчеркнул недостатки европейской единой валюты.*

Главным игроком в 2012 году оказался Марио Драги*, новый президент Европейского центрального банка. Известно, что г-н Драги открыл казну банка для европейских банков на выгодных условиях, давая им, тем самым, передышку, снизил процентную ставку и убедил лидеров Европы поддержать возможный переход системы страхования вкладов и банковского надзора для предотвращения изъятия вкладов в масштабах всего континента.*

Совместно с милитарной, автором задействуется игровая, артефактная, морбиальная метафора, которая помогает создать реальную картину происходящих экономических событий.

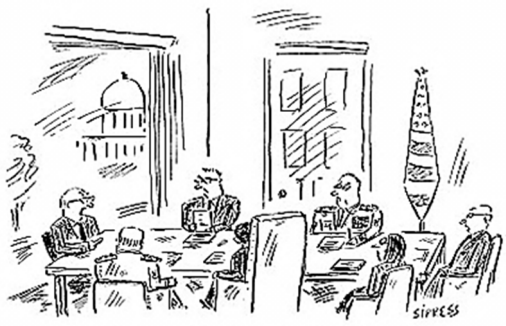
“His ***plan for overhauling bank regulation ran into widespread opposition****, de-spite having been agreed to in principle. The thing* ***is markets and investors have lost faith in Europe’s ability to regulate its banks****.*

***The big fear in Europe is contagion — an infection of financial panic that could spread far beyond Greece**. Indeed, Spanish leaders have long said that Greek problems were contributors to the general market uncertainties that helped undermine Spanish banks".*

*Его **план по изменению банковского регулирования** столкнулся с широкой оппозицией, несмотря на то, что **все детали** в принципе **были согласованы**. Дело в том, что рынки и инвесторы потеряли веру в **способность** Европы **к регулированию** своих банков.*

*Большой страх Европы вызывает **боязнь болезни – инфекции финансовой паники, которая может распространиться далеко за пределы Греции**. Действительно, испанские лидеры давно говорили, что греческие проблемы явились вкладчиками в общую неопределенность рынка, которые помогли подорвать доверие и испанским банкам.*

Поддерживая фрейм "Диагноз" модели "Экономический кризис – это болезнь", автор прибегает к графической морбиальной метафоре (см. рис. 5). На карикатуре изображены члены собрания, занятые обсуждением вопроса, выраженного в вербальном компоненте карикатуры, содержащим иронию: "Знаете ли вы, что ***причиняет боль в нашей заднице? Европа!***".



"You know who's a big pain in the ass? Europe."

Рис. 5. Американцы о кризисе

Созданная графическая метафора с использованием жаргонного слова в вербальном компоненте изображения символизируют тревогу американского сообщества, обеспокоенного европейским долговым кризисом.

Итак, мы рассмотрели текст, в котором участвуют метафоры, относящиеся к метафорическим моделям с агрессивным потенциалом: "Война", с нейтральными потенциалами: "Артефакт", "Болезнь", при этом ни одна из моделей не является ведущей в тексте. Выбранные автором графические метафоры, соответствующие моделям "Экономический кризис – это война", "Экономический кризис – это болезнь", позволяют охарактеризовать предмет разнопланово, акцентируя конфликтную сторону явления, как долговой кризис в еврозоне.

Рассмотрев три варианта взаимодействия графической и вербальной метафор в пространстве выбранных текстов американских СМИ, мы можем сделать следующие выводы:

– общими сферами-источниками метафорической экспансии, чаще всего сопровождаемые графическими метафорами в американском медиадискурсе, являются: "Артефакт", "Природа", "Игра", "Война";

– в американском медиадискурсе графическая метафора взаимодействует с фреймам: "Военные действия и вооружение", "Последствия войны", "Объекты архитектуры", "Мир животных".

Мы рассмотрели три варианта взаимодействия вербальных и графических метафор в пространстве текстов американских СМИ. Благодаря визуальному ряду актуализированной концептуальной метафоры создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

Список литературы

1. Белошапкова Т.В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т.В. Белошапкова. – М.: КомКнига, 2007. – 336 с.

2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая метафорология / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2008. – 248 с.

3. Демьянков В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. КСКТ, с.53–55.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова // Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем; пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2004. – 256 с.

6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

Об авторе

Салатова Людмила Маратовна – кандидат филологических наук, заведующий 7 кафедрой иностранных языков, филиал ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Челябинске, *salat_78@mail.ru*

УДК 81'42(045)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА КАК КОГНИТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Салькаева А.Н.

В статье рассматривается проявление личностного фактора в тексте эпистолы. Раскрывается понятие «языковая личность» применительно к данному типу текста и дается характеристика трех ее уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического. Особое внимание обращается на когнитивный уровень, раскрывающий процесс понимания и познания действительности. Анализ проводится на материале писем Теодора Рузвельта.

Ключевые слова: *жанр эпистолы, когнитивная лингвистика, языковая личность, когнитивный уровень языковой личности, личностный фактор, актуализация личности в тексте, процесс познания.*

LANGUAGE PERSONALITY OF THE EPISTOLARY TEXT AS A COGNITIVE PHENOMENON

Salkaeva A.N.

This article deals with the personal factor in the epistolary type of texts. The analysis is carried out on the basis of the notion "lingual personality" and the three levels of its realization: verbal-semantic, cognitive, and pragmatic ones. The focus is laid on the cognitive level revealing the process of the author's cognition. For making the investigation Theodore Roosevelt's letters were used.

Keywords: *epistolary genre, cognitive linguistics, lingual personality, cognitive level of a lingual personality, personal factor, text actualization of a lingual personality, the process of cognition.*

Современный лингвистический антропоцентризм обнаруживает себя в возрастающем интересе к актуализации личности в создаваемом ею тексте. Вместе с тем, приходится отметить, что до настоящего времени не выработаны принципы филиации текстов по степени отражения в них личностного фактора. Несомненно, что одно из первых мест в их стратификации займут тексты личностного характера, к числу которых отнесем тексты дневников, автобиографий, мемуаров и эпистол (писем). В контексте настоящей статьи уделим внимание последнему типу личностных текстов, выбрав в качестве объекта анализа лишь одно из проявлений письменной адресации, а именно письма Теодора Рузвельта своим детям.

Эти письма примечательны тем, что имеют вполне конкретную хронологическую отнесенность, а именно 1898-1911 годы [7]. Помимо этого они определяются особым личностным каналом общения – отец обращается к своим детям. Как следствие, такой канал общения характеризуется соответствующей манерой письма, свойственной времени, а также стилем обращения с детьми, также определяемом эпохой. Эти параметры (которые, безусловно, вплетаются в актуализированный в тексте письма личностный фактор) не смогут, тем не менее, заслонить отражение личности самого автора, а именно Теодора Рузвельта, его характера, испытываемых им чувств по отношению к собственным детям и многих аналогичных моментов.

Письмо, как объект изучения, представляет собой особый интерес для когнитивной лингвистики. Именно последняя с её особенной нацеленностью на мыслительную деятельность человека в состоянии раскрыть те ментальные основания, которые лежат в основе эпистолярного текстопостроения и которые способны отразить весь комплекс явлений, сопутствующих рождению текста эпистолы.

В данном случае естественно опереться на понятие языковой личности и свойственный ей когнитивный аспект. Говоря о структуре языковой личности, обычно ссылаются на мнение Ю. Н. Караулова, выделившего в её составе три уровня, а именно *вербально-семантический*, раскрывающий нормальное владение личности естественным языком; *когнитивный*, высвечивающий понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в некую «картину мира», и *прагматический,* заключающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности [3, с. 52-56].

Признавая безусловную справедливость выделения трех отмеченных уровней, нельзя не заметить, что все они не могут актуализироваться порознь. Сделаем акцент на их взаимодействии, обратив основное внимание на когнитивный уровень языковой личности, способный охватить её интеллектуальную составляющую, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека [Там же].

Что же познает человек, пишущий письмо? Априори ясно, что характерный для языковой личности процесс познания будет иметь в данном приложении вполне определенную сферу: адресант, адресат и всё их связывающее. Именно через освещение и описание объединяющих двух людей моментов и вырисовывается для пишущей личности весь характер их отношений, чувств, мнений, планов, оценок пережитого и т.д. Через текст

письма можно проследить личностное отношение автора письма к адресату, его видение себя в данном диалоге, его переживания, интересующие его темы, а также его искренность и откровенность с точки зрения того, насколько он открыто ведет себя по отношению к человеку, с которым переписывается.

Существенно отметить, что понятие «письмо» (т.е. эпистола) имеет множество определений. Письмо определяют, как жанр, текст, дискурс, стиль. Наиболее полно раскрывает данное понятие Н.А. Ковалёва, отметившая, что «представляя личностное речевое общение, эпистолярий отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте. Жанр текста письма – социально обусловленная конвенция языкового общения, существующая как единство коммуникативно-прагматических, структурно-семантических и эмотивно-аксиологических свойств. Коммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней» [4, с. 6].

Следует принять к сведению ещё один момент. Как было замечено, «эпистолярное наследие, концентрируя в себе основные черты языковой личности, синхронно представленные на отдельных отрезках диахронической оси, дает возможность воссоздать речевой портрет автора» [6, с. 7]. Данное утверждение особо ценно при работе с историческим материалом, каковым в данном случае являются письма Рузвельта.

Письмо, являясь текстом личностного характера, нацелено на прочтение его определенным человеком. Однако письменная форма является сдерживающим фактором в использовании автором исключительно бытового или разговорного стиля. Таким образом, письмо, являясь продуктом письменного изложения речи, сочетает в себе не только разговорный стиль, но и книжный, и содержит в себе единицы разного уровня. Выбор различных стилистических, лексических и грамматических единиц зависит от того, является ли письмо дружеским или официальным.

Со времени появления письма, как способа общения, начал формироваться и некий шаблон написания писем. Письма, в основном, состоят из адреса, даты, обращения (приветствия), вступительной фразы, основного текста письма, заключительной фразы и подписи. Данная структура письма модифицировалась авторами писем в той или иной степени, благодаря чему у нас есть возможность идентифицировать языковую личность любого автора письма.

Исследование языковой личности Теодора Рузвельта, как автора писем, адресованных его детям, выявило некоторые особенности как в композиционной структуре писем, так и в содержательном и стилистическом компонентах данного текста. Практически все письма Теодора Рузвельта начинаются с довольно эмоционального обращения к адресату. В этом обращении отчетливо просматривается прагматический уровень языковой личности Рузвельта, настраивающий его на вполне определенный контакт с адресатом. Данные обращения позволяют отметить тот факт, что между Рузвельтом и его детьми были весьма теплые отношения. При обращении к своим детям, он не только использует такие эмоционально-окрашенные лексемы как “darling”, “blessed” или “dear”, но и придумывает им различные прозвища: **“Blessed bunnies”, “Darling little Ethel”, “Dear Kermit”, “Quenty-Quee”, “Blessed Archie-Kins”.** В этих обращениях в полной мере проявляется вербально-семантический уровень языковой личности Рузвельта, не только раскрывающий владение личности естественным языком, но и позволяющий усмотреть несомненное языковое творчество. В этом смысле примем к сведению другое утверждение Ю. Н. Караулова, когда он определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека,обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [2, с. 3]. С этой позиции, приложенной к когнитивному проявлению языковой личности, исследователь может соединить в одно русло процессы познания и их вербальную актуализацию.

Несомненный когнитивный фактор языковой личности Теодора Рузвельта обнаруживает себя в осознании им всего процесса эпистолярной коммуникации. Он редко ссылается на предыдущие письма. Если в его письмах и присутствует какое-либо комментирование своего отношения к письмам детей, которые он получал ранее, то оно обрывочное и немногословное. Лишь те письма, которые поразили его своим содержанием или которых Рузвельт очень ожидал, были отмечены некими комментариями. Данные комментарии содержат эмотивно-аксеологическую лексику для демонстрации своего отношения к письму и наречия для усиления степени положительно окрашенных лексем:

I loved your little letter.

I was very much interested in Kermit's and Ethel's letters to-day.

I loved your letter, and think **you were very good to write**.

I have thought it **very good** of you to write me so much.

В большинстве своем письма содержат обращение, а затем следует основной текст письма без вступления или какой-либо информации, которая помогла бы ввести собеседника в курс дела:

BLESSED TED,

From the railroad we drove fifty miles to the little frontier town of Meeker. There we were met by the hunter Goff, a

fine, quiet, hardy fellow, who knows his business thoroughly.

DEAR KERMIT:

Didn't I tell you about Hector, Brier and Sailor Boy (dogs) when I saw them on election day?

В письмах часто встречаются нелогично встроенные вставки и отрывочное сообщение информации, что может говорить об эмоциональности автора. Непоследовательность информации отражает желание автора сообщить своему собеседнику как можно больше новостей и охватить все и сразу. В последующем примере можно наблюдать резкое переключение от одной новости к другой без какого-либо логичного перехода. Сначала автор говорит об охотничьих собаках, затем переключается на сестру собеседника и внезапно переходит на обсуждение игры между университетами.

When you get on here for the Christmas holidays you will have to try them both, for if there is any fox hunting I am by no means sure you will find it better to take Bleistein than Renown.

Sister is very handsome and good, having had a delightful time.

That was a funny trick which the Indians played against Harvard….

Нередко автор письма рассказывает одному ребенку об его/ее братьях или сестрах и при этом использует прямую речь для придания словам реалистичности. Рузвельт также описывает все жесты и эмоциональное состояние детей в момент диалога, представляя это в виде рассказа:

... Kermit said: "Well, I think that was very foolish of Joseph." Ethel chimed in with "So do I, very foolish, and I do not understand how he could have done it." Then, after a pause, Kermit added thoughtfully by way of explanation: "Well, I guess he was simple, like Jane in the Gollywogs": and Ethel nodded gravely in confirmation…

Подавляющая часть писем Теодора Рузвельта резко обрывается без заключительных фраз, подписей и пожеланий. Такой формат письма создает ощущение отсутствия логической завершенности. Лишь в нескольких письмах можно встретить подпись адресанта:

…Your loving father.

При анализе писем Теодора Рузвельта было выявлено, что автор иногда говорит о себе или о своем собеседнике в третьем лице. Использование лексических единиц, обозначающих родственное отношение (father, sister, male parent), вместо личных местоимений (I, you и т.д.), демонстрирует желание автора письма подчеркнуть свою первостепенную роль в своих с детьми отношениях, а именно – роль родителя и роль детей в отношениях друг к другу.

This is only a line to tell you all how much **father** loves you.

Has the lordly Ted turned up yet? Is his loving **sister** able, unassisted, to reduce the size of his head, or does she need any assistance from her **male parent**?

В последнем примере из письма к дочери мы можем увидеть, что Теодор Рузвельт подчеркивает родственные отношения сестры к брату и свое отношение к ней как главы семейства.

Из писем мы можем увидеть трепетное отношение отца к своим детям. Это проявляется не столько в словах, выражающих любовь к детям, сколько в хорошей осведомленности Теодором Рузвельтом результатами учебы, увлечениями, пристрастиями, предпочтениями своих детей. Для демонстрации собственной уверенности в возможных эмоциях своих детей автор использует не только сослагательное наклонение, но и лексическую единицу, усиливающую степень чувств, которые, возможно, появились бы у собеседника, например, immensely.

… I have had great fun. **Most of the trip neither you nor Mother nor Sister would enjoy; but <u>you would</u> all of you be <u>immensely</u> amused with the dogs**. …

Для языковой личности Рузвельта характерно выстраивание коммуникации на базе известной информации. Как свидетельствует последний пример, отец настолько хорошо знает характеры и вкусы своих детей, что с полной уверенностью рассуждает о их симпатиях и антипатиях. Так как дети Теодора Рузвельта очень любили животных и природу, он очень часто не только подробно описывал местность или животных, которых он встречал во время путешествий, но также выражал свое сожаление по поводу того, что дети не могут это созерцать вместе с ним. С этой целью он использует усиливающие значение лексические единицы (much) или сослагательное наклонение, позволяющее выразить желание автора (I wish you could), т.е особым образом проявляет себя в вербально-семантическом ракурсе.

I was much interested in your seeing the wild deer.

Darling Ethel **I wish you could be here and see** how tame all the wild creatures are.

В последующем примере автор посвятил существенную часть письма просто перечислению имен морских свинок, которые им дали его дети. Из данного отрывка можно увидеть, что отец даже знает причину выбора того или иного имени. С целью предоставления большей информации своему собеседнику автор использует такой синтаксический прием, как уточнение.

Did I ever tell you about my second small boy's names for his Guinea pigs? They included Bishop Doane; Dr. Johnson, **my Dutch Reformed pastor**; Father G. Grady, **the local priest with whom the children had scraped a speaking acquaintance**; Fighting Bob Evans, and Admiral Dewey.

Помимо увлечений детей автор также интересуется их успехами в школе. Именно через призму своего

отношения к тем или иным моментам из жизни детей, мы можем видеть его отношение к себе и собственное видение себя как зеркальное отражение собственных детей. Здесь автор снова прибегает к сослагательному наклонению, которое позволяет автору не только дать ненавязчивый совет своим детям, но и продемонстрировать некое равенство между детьми и родителем.

I am judging for you as I would for myself.

… **If I were you I should** certainly get the best ankle support possible. **If I were in your place**, if it were necessary, **I should** put the ankle in plaster for the next three weeks, or for as long as the doctor thinks it needful, rather than run any risk of this…

Доверительные отношения между отцом и детьми проявляются не только в поддержке, но и в неодобрении некоторых поступков или выбора своих детей. Любая критика отмечена предельной выдержанностью и ни в коем случае не оскорбляет чувства детей, а выглядит лишь как ненавязчивый совет.

В последующем примере можно увидеть неодобрение Теодором Рузвельтом решения сына служить в армии. Но, понимая степень решимости сына, он демонстрирует свою поддержку в любом выборе. У автора двойственные чувства, но, несмотря на свое личное мнение, он уважительно принимает выбор, сделанный сыном.

… I feel on the one hand that **I <u>ought</u> to give you my <u>best</u> advice**, and yet on the other hand **I do not wish to seem to constrain you against your wishes**. … I have but little to say. But **I am not satisfied that this is really your feeling**. … **I have <u>great</u> confidence in you. I believe you have** the ability and, above all, the energy, the perseverance, and the common sense, to win out in civil life. …

Буквально в каждой фразе автор использует такие лексемы (ought, best, great), которые позволяют ему в полной мере не только выразить весь спектр его чувств и эмоций, но и лишний раз подчеркнуть значимость некоторых слов или фраз.

Теодор Рузвельт тяжело переносит разлуку со своими детьми, что можно видеть практически в каждом письме. Он постоянно дает знать своим детям, какую важную и значительную роль они играют в его жизни. Буквально все письма автора пронизаны любовью к своим детям. В письмах часто встречаются такие фразы как to feel homesick и be homesick в сочетании с усилительным наречием very.

… **I am very homesick for** mother and for you children…

…Whenever I see a little boy being brought up by his father or mother to look at the procession as we pass by, **I think of you and Archie and feel very homesick**…

По тематике все письма можно разделить на те, которые он писал во время путешествий, и письма, написанные из дома. Письма, написанные во время поездок, не содержат никакой информации о домашних делах или проблемах. В них много подробностей об окружающей природе, погоде, животных, встречающихся на пути автора. Данные письма нацелены лишь на то, чтобы проинформировать собеседника о событиях, происходящих лишь с самим автором. Письма, написанные из дома, содержат подробную информацию о членах семьи. В них очень мало бытовой информации. О хозяйстве практически никогда не упоминается, если только это не связано с детьми или с животными, которые могли бы их заинтересовать.

По структуре писем Теодора Рузвельта стоит сказать, что автор был довольно эмоциональным человеком. В своих письмах он не выдерживал классическую схему письма. Все они начинались непосредственно с интересующей его информации, которой он хотел поделиться со своими детьми как можно скорее. Письма не содержат ни вступительных, ни заключительных фраз. Также нельзя увидеть каких-либо плавных переходов к главной теме, которые помогли бы читателю вникнуть в происходящие события. В этом смысле можно вести речь о соответствующих концептах эпистолярной коммуникации, регулирующих её протекание и характеризующих в целом языковую личность Рузвельта.

В заключение обратимся ещё к одному теоретическому положению. Возвращаясь к отмеченной выше детерминированности эпистолярного общения соответствующей манерой письма, свойственной времени, а также особым стилем общения, в той же мере зависимым от условностей эпохи, примем к сведению мнение В.В. Красных, который оперирует понятием когнитивного пространства. Он определяет когнитивное пространство как определенным образом структурированную совокупность всех знаний и представлений и соотносит данное понятие с отдельным индивидуумом и группой индивидуумов, различая индивидуальное и коллективное когнитивное пространство. Индивидуальное когнитивное пространство характеризуется уникальностью знаний и представлений, свойственных отдельной языковой личности. Коллективное когнитивное пространство – это структурированная совокупность знаний и представлений определенного языкового сообщества [5, с. 41-45]. Соотношение двух типов когнитивных пространств в тексте эпистолы самым непосредственным образом отражается на когнитивном стиле языковой личности. Рузвельт мастерски оперирует в границах коллективного когнитивного пространства, опираясь на знания, известные ему как адресанту и его адресатам, а также сообщая им ту информацию, которая, как он убежден, найдет отклик в их сердцах. Такой отбор сообщаемой детям информации детерминирован глубинными и часто неосознанными процессами,

вполне когнитивными по своей природе. Здесь допустимо заявить вслед за Н.С. Болотновой о когнитивном стиле языковой личности, сославшейся на трактовку когнитивного стиля в психологии, где тот понимается как «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуального поведения», а также таковые же способы «переработки информации об актуальной ситуации» [цит. по 1, с.164].

Все отмеченные выше моменты, уже рассмотренные в контексте разных типов общения, на материале текста эпистолы еще не выявлялись. Здесь можно также добавить, что когнитивная составляющая языковой личности в тексте эпистолы не должна изолироваться от проблемы текстовой эмоциональности. Эмоциональность автора выражается в нежном обращении к своим детям, в выражении чувств к ним и потребности осознания ими того, что они являются важнейшими людьми в его жизни. Это, в первую очередь, проявляется в использовании различных лексических единиц. Именно эмоционально окрашенная лексика позволяет увидеть не только трепетное отношение отца к своим детям, но и его переживания и мысли. Последнюю особенность можно проследить по использованию в речи усилительных наречий и слов, увеличивающих степень проявления других лексических единиц. Автор также очень часто использует сослагательное наклонение для передачи собеседнику своих желаний или описания возможных ситуаций. Теодор Рузвельт уверенно говорит о мыслях и чувствах своих собеседников (детей), которые появились бы в той или иной ситуации. Анализируя текст писем, можно сделать вывод, что их автор является довольно открытым и эмоциональным человеком. Коммуникативно-прагматические, структурно-семантические и эмотивно-аксеологические свойства текста писем в полной мере раскрывают индивидуальное когнитивное пространство Теодора Рузвельта, а также когнитивный стиль его языковой личности.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» / Вестник Томского гос. пед. ун-та, 2012. 10 (125). С. 164-168.
2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. Дис. … д-ра филол. наук. М., 2002.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
6. Шилина С.А. Языковая личность Ивана IV (на материале документов XVI- XVII веков). Автореф.дис.канд.филол.наук. Орел, 2003.
7. Roosevelt, Th Letters to his children / edited by Joseph Bucklin Bishop. New York: Charles Scribner's sons, 1919. 240 p.

Об авторе

Салькаева Альбина Няилевна – ассистент кафедры лингвистики и перевода Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева, *alb2303@mail.ru*

УДК 811

К ПОНИМАНИЮ НЕКОТОРЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В СИТУАЦИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ И КОНТАКТА ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ КАТАЛОНИИ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ)

Соловьева А.А.

Адстрат – одно из ключевых понятий социолингвистики. В качестве материала мы выбрали этикетные формулы, которые, на наш взгляд, представляют собой пример адстратных явлений – языкового выражения теоретического понятия «адстрат». Мы также считаем, что существуют различия между адстратными явлениями и заимствованиями. Эти два вида единиц функционируют в различных условиях и подчиняются разным языковым законам. Однако свойства этикетных выражений, а также социально-культурные факторы способны существенно повлиять на выбор языка говорящими.

Ключевые слова: *многоязычие, языковые контакты, адстратные явления, этикетные формулы, лингвистическая терминология*

TO UNDERSTAND SOME SOCIOLINGUISTIC TERMS IN A SITUATION A LOT OF ASACIA AND CONTACT LANGUAGES (ON THE EXAMPLE OF ETIQUETTE FORMULAS OF CATALONIA AND NORTHERN INDIA)

Solovieva A.A.

The adstrate is one of the key concepts of sociolinguistics. The etiquette expressions we chosen for the analysis because they can be seen as a ground where the adstrate phenomena appear. We also suppose that there is a difference between the adstrate units and the borrowings. These two types of lexical unites act in different conditions and ruled by different language laws. However, the inner qualities of the etiquette expressions as well as some external social and cultural factors are capable to influent the language choice of the speakers.

Keywords: *adstrate unites, etiquette expressions, language contacts, linguistic terminology.*

I. Введение

Явление адстрата, на наш взгляд, представляется одним из важнейших понятий в теории языковых контактов. Это понятие способно объяснить механизм употребления традиционных и заимствованных единиц в ситуации контакта языков. Адстрат проявляется в речи в виде адстратных явлений. В статье будет предпринята попытка соотнести явления адстрата с употреблением этикетных выражений на разных языках в ситуации языкового контакта.

Внимание к этой группе выражений обоснованно особым статусом этикетных выражений в системе языка.

II. Этикетные выражения как проявление категории вежливости.

В этой статье будет уделено внимание этикетным формулам как к одному из языковых проявлений категории вежливости в языке. Т.В. Ларина определяет вежливость как универсальную коммуникативную категорию, в основе которой лежит национальная специфика стратегий поведения. Задачей этой категории является предотвращение конфликта в общении [7, с. 23].

Речевой этикет – это реализация категории вежливости в речевой практике. Речевой этикет можно представить как «систему вербальных формул выражения вежливых отношений между людьми в процессе общения, функционирующих в силу традиции» [2, с. 5].

Н.И. Формановская понимает речевой этикет как «регулирующие правила речевого поведения, систему национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [9, с. 9]. В дальнейшем мы будем употреблять термины «этикетные выражения» и «этикетные формулы», опираясь на эти определения.

Этикетные формулы были выбраны в качестве основных единиц исследования, так как их употребление в наибольшей степени зависит от экстралингвистических факторов. Кроме того, несмотря на существование множества исследований этикетных формул внутри определенной языковой системы, взаимодействие заимствованных и традиционных формул вежливости в ситуации контакта языков все ещё остается малоизученным.

Далее будет подробно рассказано о ходе исследования описанных единиц, в том числе о процедуре сбора и обработки данных.

III. Описание исследования

Сбор данных проводился в двух регионах, где в настоящее время наблюдается ситуация контакта языков. В Индии это был северный регион, куда вошли такие хиндиязычные области, как штаты Уттар Прадеш и Дели. Опрос здесь проводился в 2011-2012 гг. В Каталонии центром нашего внимания стала Барселона. Время проведения исследования – 2013-2014 гг.

При исследовании каталонского региона были отобраны информанты в возрасте от 18 до 35 лет. В Индии же возраст информантов был от 17 до 35. Тот факт, что нижняя граница исследуемой группы – 17 лет, объясняется особенностями индийской системы образования.

Опрос состоял из двух частей – анкеты и опросного листа. В анкете содержались вопросы об анкетируемом, то есть об адресанте. Там информанты указывали свой возраст, родной язык, место рождения и место проживания, родной язык родителей (только Каталония) и т. д. В опросном листе были этикетные формулы на двух языках, употребляемые большинством говорящих в каждом из исследуемых регионов. Предварительно все этикетные выражения были разбиты на группы в зависимости от выполняемой функции («Приветствие», «Прощание» и т. д.). Принцип разделения этикетных выражений на группы использует в своих работах Н.И. Формановская [9, с. 9]. Этим принципом мы руководствуемся в нашей работе.

Опросный лист предполагал выбор информантом из 13 ситуаций официального и неофициального общения, в которых он бы употребил представленные этикетные выражения. Например, «Друзья», «Родители» и т.д. В опросе участвовали 19 человек из Каталонии и 35 человек из Северной Индии.

Вот некоторые из выражений, включенные нами в опрос:

Приветствие: хин. नमस्ते (Namaste); англ. Hello; исп. Buenos días; кат. Bon dia.

Прощание: хин. नमस्ते (Namaste); англ. Bye; исп. Hasta luego; кат. Adèu.

Извинение (только Каталония): исп. Perdona; кат. Disculpeu.

Gracias; кат. Merci.

Одобрение (только Индия): хин. वाह – वाह! (Waah-waah!); англ. Good job.

Обращение: хин. भाईसाहब (Bhaaiisaahab); англ. Sir; исп. Caballero; кат. Noi.

К полученным данным были применены различные методы исследования, в том числе статистический метод, позволяющий установить зависимость между употреблением традиционных и заимствованных единиц (коэффициент корреляции Пирсона). Мы также применили количественный метод, основанный на вычислении соотношения употребления этикетных выражений в зависимости от типа адресата.

Анализ результатов применения вышеуказанных методов позволил сделать необходимые выводы и уточнить таким образом некоторые из социолингвистических терминов.

IV. Подходы к пониманию терминов «адстрат», «адстратное явление» и «заимствование» в современной лингвистике

Прежде всего обратимся к термину «языковая ситуация». Мы не будем уточнять этот термин, но без объяснения его значения мы не сможем обратиться к другим важным терминам.Под языковой ситуацией, вслед за А.Д. Швейцером, мы понимаем «модель социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [11, с. 49]. Такое широкое понимание термина необходимо нам для описания двух различных языковых ситуаций, в которых мы наблюдаем контакт на языковом и социокультурном уровне.

Стоит также отметить, что в ходе проведенного исследования была предпринята попытка не только констатировать контакт языков, но и описать и объяснить причины употребления различных по происхождению этикетных выражений. Поэтому представляется целесообразным обратиться к толкованию терминов контактной лингвистики.

Одним из базовых понятий контактной лингвистики можно считать адстрат. Термин «адстрат» наравне с терминами «субстрат» и «суперстрат» был введен М. Дж. Бартоли в 1939 году. В отличие от других широко известных явлений, сопровождающих контакт языков, таких как субстрат и суперстрат, при которых один из языков исчезает в результате взаимодействия с другим, явление адстрата по М. Дж. Бартоли означает сосуществование двух языков. При этом оба языка являются самостоятельными, и между ними образуется такая языковая область, в которой можно непосредственно наблюдать последствия контакта языков. Эту область языка М. Дж. Бартоли определял как «два слоя сосуществующих языков, из которых ни один не господствует над другим» [12, с. 59-65].

Если обратиться к практике использования языка, то можно увидеть, что адстрат – это процесс, имеющий конкретное языковое выражение в языках, участвующих во взаимодействии. Такие конкретные языковые проявления мы будем называть адстратными явлениями. Явления такого рода можно наблюдать в языковой ситуации современной Каталонии, где во взаимодействие вступают два языка – испанский и каталанский. В частности, в проведенном исследовании наблюдается взаимодействие на уровне этикетных выражений.

Важно также обратить внимание на возможные причины, порождающие языковые изменения. Г.А. Климов считает, что процессы, возникающие в результате контакта языков, обусловлены целым рядом таких причин. Он выделяет как внутренние, или структурные, факторы, так и внешние факторы, лежащие вне структуры языков. Среди внутренних факторов, влияющих на языковые изменения в ситуации контакта, Г.А. Климов выделяет степень глубины структурных различий. Он пишет, что «при прочих равных условиях наиболее подвержен такого рода преобразованиям язык в условиях контакта с близкородственным языком, характеризующимся большим структурным и материальным сходством» [6, с. 285-286]. Таким образом, явление адстрата в случае с испанским и каталанским языками, помимо территориального соседства, может быть обусловлено их близким родством.

Кроме того, из определения адстрата М.Дж. Бартоли следует, что условием для возникновения адстрата является контакт не только языков, но и народов. В случае с Каталонией можно говорить о такого рода контакте. При этом адстратные явления следует отличать от языковых заимствований. И хотя оба эти явления являются результатом межъязыкового взаимодействия, они предполагают разные сферы использования говорящими и возникают в различных языковых ситуациях.

Л. Блумфильд разделяет все заимствования на диалектные и культурные. Диалектные заимствования возникают в пределах одного языкового ареала. Культурные же заимствования связаны с переходом единиц из одного языка в другой [12, с. 444]. В ситуации Северной Индии целесообразнее говорить именно о культурных заимствованиях в условиях языковой интерференции.

Языковая интерференция – это явление, обусловленное контактами на уровне языков, но, в отличие от адстрата, не зависящее от контактов на уровне народов. У. Вайнрайх выделяет 3 вида интерференций: фонетическую, грамматическую и лексическую [4, с.42]. В современной Северной Индии мы сталкиваемся с лексической интерференцией, потому что не удается констатировать контакт носителей английского языка с носителями хинди. Необходимо, признать, что в Индии число носителей английского языка ничтожно мало по сравнению с носителями хинди. Однако, как пишет Х. Бахри, позиции английского языка не пошатнулись после ухода англичан [3, с. 62].

Причины языковой интерфереции, в отличие от адстата, американский исследователь Э. Хауген считает экстралингвистическими. Он пишет, что «совершенно очевидно, что большинство явлений интерференции, в особенности того типа, который мы называем заимствованием, связано с факторами внеязыкового характера» [10, с. 79].

Л. Блумфильд, объясняя причины появления языковых заимствований, пишет, что «говорящий выбирает ту форму, которую он слышал от других говорящих, чья речь престижна, и это формирует языковые привычки говорящего» [13, с. 403].

Действительно, фактор престижности способствует употреблению этикетных выражений в Индии на английском языке. Вероятно, это связано со стремлением обозначить свой социальный статус. Так, среди опрошенных информантов отмечается более частое по сравнению с хинди употребление английских заимствований для обращения с друзьями. Это может быть связано как с фактором престижности, так и со стремлением языкового обособления социальной группы.

Заимствования в Индии и адстратные явления в Каталонии также связывает особое отношение к закону экономии речевых усилий. В «Принципах истории языка» Г. Пауль отмечает, что языковая деятельность сама по себе обладает «тенденцией к бережливости» [8, с. 372].

Однако нам удалось доказать, что этикетные формулы в ситуации языкового контакта в большей степени не подпадают под действие этого закона. Так, только в одной (группа выражений «Извинение» в Каталонии) из 12 исследуемых групп удалось установить зависимость, обусловленную действием закона экономии речевых усилий. Таким образом, если этикетные формулы в ситуации контакта языков и подчиняются закону экономии речевых усилий, то такая зависимость целиком обусловлена ситуацией общения, а не внутренним свойством языковой системы.

Причины такой устойчивости к закону экономии речевых усилий скорее всего кроются во внутренних свойствах этикетных выражений. Основным фактором, препятствующим этому закону, вероятно, является выделенная Р. О. Якобсоном фактическая функция этикетных выражений. Согласно Р. О. Якобсону, «*фатическая* функция осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» [16, с. 355]. Основное назначение сообщений, обладающих этой функцией – «установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи <...>, привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно» [16, с. 355].

Контакт языков при этом часто сопровождается ситуацией многоязычия. Как подчеркивает ряд лингвистов, в частности Ж. Багана и Е.В. Халипина, «одним из важнейших условий, делающих языковой контакт возможным, является двуязычие и многоязычие» [2, с. 5]. Таким образом, ситуация многоязычия – это

немаловажный фактор, способствующий возникновению адстратных явлений. Заимствования же могут возникать и в одноязычном обществе.

По мнению индийского социолингвиста Б. Сингха, в Индии существуют 2 типа многоязычия. Первый тип – это многоязычие языковой личности, или «индивидуальное многоязычие» [17, с. 16]. Второй тип многоязычия – «государственное многоязычие» [17, с. 16]. Под государственным многоязычием подразумевается наличие значительного процента разнородного в языковом плане населения. При этом эти два типа многоязычия могут сосуществовать параллельно.

В Индии социолингвистическая ситуация складывается таким образом, что в ней существуют оба типа многоязычия. Однако индийский исследователь К.К. Чаттерджи подчеркивает, что в Индии при присутствии государственного многоязычия все же преобладает индивидуальное одноязычие. По замечанию К.К. Чаттерджи, «трудности в общении возникают не столько из-за языкового разнообразия, сколько из-за индивидуального одноязычия» [14, с. 171].

С этим согласен и У. Вайнрайх. По мнению У. Вайнрайха, характерной особенностью языковой ситуации в Индии является неравномерное распределение районов с большим языковым разнообразием и одноязычных областей. При этом У. Вайнрайх отмечает, что языковое разнообразие в данных районах отнюдь не сопровождается многоязычием отдельных носителей языка. «В ряде районов языковое разнообразие более или менее полно компенсируется двуязычием (в городах, на Деканском полуострове, вдоль проходов в Тибет), чего нельзя сказать, например, об Ассаме, Раджастане и вообще о сельских районах, если их сравнивать с городскими. Наибольшим этот разрыв оказывается в районах, для которых характерна наибольшая степень культурной отсталости» [4, с. 25-26]. Таким образом, помимо географического фактора, на явление многоязычия влияет и социальный фактор.

В Каталонии многоязычие также имеет место, хотя, в отличие от Индии, здесь имеет смысл называть это явление двуязычием. Формированию двуязычия в Каталонии, в отличие от Индии, способствовали иные факторы. Каталония, как и Индия, не была изолирована от языковых контактов. Здесь мы имеем дело с последствием развития диалектов народной латыни, сопровождавшимся контактами с другими не романскими языками. Б. Гавранек предлагает называть такой тип взаимодействия романских языков языковым союзом. Он подчеркивает, что несмотря на то, что развитие романских языков шло «из одной точки», тем не менее на этой территории существовал «тип конвергентного развития по принципу языкового союза» [5, с. 94]. И хотя вопрос о том, можно ли считать романские языки входящими в романский языковой союз, остается открытым, нельзя игнорировать тот факт, что на территории распространения романских языков имели место языковые контакты.

Если же обратиться к современной ситуации, то можно заметить, что двуязычие в Каталонии носит индивидуальный характер, так как достаточная часть населения является билингвами. Это мы можем наблюдать в отчете об исследованиях Института Каталанских исследований IEC совместно с Фондом исследований каталанского языка и культуры FUNDACC по данным на 2010 год. Там указано, в частности, что 77,5% жителей Каталонии используют в качестве разговорного языка каталанский и 99,8 % – испанский [15]. Далее мы будем употреблять термин «многоязычие», имея в виду также двуязычие.

Итак, очевидно, что многоязычие играет немаловажную роль в ситуации контакта языков. При этом контакт языков становится возможным при условии контактов культур и социумов. И результат такого контакта в первую очередь зависит от взаимоотношений между культурами. Так, С.А. Арутюнов понимает билингвизм как частный случай бикультурализма [1, с. 3]. Л. Блумфильд, рассуждая о заимствованиях, называет «культурную диффузию» [13, с. 445] причиной появления культурных заимствований.

В каждом конкретном случае культурная составляющая влияет на выбор адстратных явлений или заимствований. Это видно из проведенных нами исследований двух разных регионов. Как правило, как у адстратных явлений, так и у заимствований уже существуют аналоги в родном языке говорящих. При этом на основании полученных данных мы предполагаем, что существует глубинная связь между явлениями адстрата и заимствованиями, с одной стороны, и сферой их употребления, с другой. В зависимости от языковой ситуации, статуса взаимодействующих языков, уровня языковой лояльности и многих других социокультурных факторов, исследуемые заимствованные и адстратные единицы могут расширять или сужать сферу своего употребления в языке, а также вступать в отношения дополнительной дистрибуции и конкуренции.

Отношения дополнительной дистрибуции и конкуренции между традиционными и заимствованными единицами можно наблюдать в индийской ситуации на примере употребления единицы *Thank you*. Сравнивая ситуации, в которых может быть употреблена эта единица с ситуациями, в которых употребляются традиционные единицы, мы видим некоторое различие. Заимствованной этикетной формуле отдается преимущество в использовании как в ситуациях официального общения (ситуации «Начальник», «Учитель»), так и в ситуациях неофициального обще-

ния, в частности, внутрисемейного (ситуации «Родители», «Бабушки и дедушки»).

Индийский аналог выражения благодарности этикетная формула धन्यवाद (dhanyavād) оказывается менее употребительной. Мы зафиксировали 73 упоминания использования этой формулы по сравнению с аналогичной английской, упомянутой в ответах респондентов 131 раз. Кроме того, эта формула не так активно используется в официальном общении (ситуации «Начальник», «Учитель»). Она больше подходит для общения со старшими родственниками (ситуация «Бабушки и дедушки») и деревенскими жителями (ситуация «Крестьянин»). Таким образом единица *Thank you*, с одной стороны, вступает в отношения дополнительной дистрибуции с традиционной формулой вежливости धन्यवाद (dhanyavād) по параметру официальности/неофициальности. С другой стороны, два этих выражения конкурируют в использовании в ситуации общения со старшими родственниками («Бабушки и дедушки»).

Нужно заметить, что для индийской ситуации в целом характерно такое смещение границ в употреблении этикетных формул. Возможно, это связано с особым типом взаимодействия в ситуации контакта культур и языков. В любом случае, причины этого явления – сложный вопрос, заслуживающий специального изучения.

Несколько иная ситуация наблюдается в Каталонии. Единицы из группы «Приветствие» *Buenos días, Buenas tardes* среди каталонцев оказываются намного менее употребительными, чем их каталанские аналоги *Bon dia* и *Bona tarda*. Так, количество употреблений испанских выражений *Buenos días* – 29, *Buenas tardes* – 16; каталанских *Bon dia* – 46, *Bona tarda* – 30. При этом сфера использования испанских выражений – «Незнакомец», «Начальник», «Преподаватель». То есть в официальной сфере испанские формулы вежливости вступают в отношения конкуренции с каталанскими выражениями, при этом в остальных сферах общения каталанским выражениям отдается преимущество.

Таким образом, сосуществование разных по происхождению единиц, решающих в языке сходную задачу («Приветствие», «Прощание» и т. д.), но несущих разную функциональную нагрузку, определяемую ситуацией общения, является примером процессов, сопровождающих ситуацию контакта языков.

V. Выводы

Итак, обнаружено, что ситуация контакта языков может возникать под влиянием различных факторов. В языке такое взаимодействие проявляется в зависимости от типа контакта.

Если контакт языков происходит посредством контакта с соседним народом, то такое взаимодействие отражается в языке в виде адстратных явлений. Это ситуация Каталонии.

Если при взаимодействии языков контакта народов не происходит, то имеет место языковая интерференция, в результате которой язык получает определенное количество заимствований. Это ситуация Северной Индии.

Кроме того, немаловажными являются различные внешние и внутренние языковые факторы. Многоязычие, как индивидуальное, так и государственное, способно быть тем внешним фактором, который создает дополнительные условия для возникновения как адстратных явлений, так и проникновения в язык заимствований.

Специфика исследуемых единиц – ещё один немаловажный фактор, влияющий на языковой выбор. И в Каталонии, и в Индии прагматика социальной самоидентификации оказывается для говорящих первостепенной, а принадлежность единиц к тому или иному языку – способом обозначить себя как представителя определенной социальной группы, или соответствовать в рамках социальной роли определенной ситуации общения.

Этим можно объяснить тот факт, что и адстратные явления, и заимствования не в полной мере подчиняются общим лексическим законам, в частности, закону экономии речевых усилий. При этом список таких явлений не ограничивается этикетными формулами, а может включать другие вербальные и невербальные компоненты.

Адстратные явления и заимствования, таким образом, представляют богатый материал для изучения языкового и культурного взаимодействия как с точки зрения этнолингвистики, так и с точки зрения социолингвистики.

Список литературы

1. Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм. // Советская этнография, М.: «Наука», 1978, № 2, 185 с.
2. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика, М.: «Флинта. Наука», 2010, 128 с.
3. Бахри Х. «Хинди: удбхао, викас аур руп (Хинди: зароджение, развитие и разновидности). Аллахабад, «Китаб-Махал», 1966, 296 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике, выпуск 6, М.: «Прогресс», 1972, 534 с.
5. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике, выпуск 6, М.: «Прогресс», 1972, 534 с.
6. Климов Г. А. Языковые контакты // Общее языкознание. Формы существования, функции, история

языка, М.: «Наука», 1970, 602 с.

7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций, М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2009, 131 с.

8. Пауль, Г. Принципы истории языка, М.: «Издательство иностранной литературы», 1960, 501 с.

9. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистические и методические аспекты, М.: «URSS», 2008, 160 с.

10. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике, выпуск 6, М.: «Прогресс», 1972, 534 с.

11. Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М.: «URSS», 1976, 232 с.

12. Bartoli M. Substrato, superstrato, adstrato. «Raports au 5-me Congres international des linguistes», Bruges, 1939, pp. 59—65.

13. Bloomfield L. Language, Delhi: «Motilal Banarsidass Publishers PVT. LTD.», 2012, 567 c.

14. Chatterjee K. K. English Education in India: Issues and Opinions. Delhi, 1976, цит. по Чернышев В.А. Хинди в современной Индии. М.: «Восточная литература» РАН, 1998, 264 с.

15. Coneixements I usos del català a Catalunya el 2010: dades del Baròmetre de la Comunicaciò i la Cultura (Знание каталанского языка и владение им в Каталонии по данным на 2010 год: данные Барометра коммуникации и культуры) http://www.eldebat.cat/cat/downloads2/fundacc_usllengua.pdf

16. Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. — Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. 470 p.

17. **डा. भरत सिंह**, **भाषा और समाज (हिन्दी भाषा के समाज शास्त्रीय अध्ययन के संबंध में**, **अलेख प्रकाशन**, **प्रथम संस्करण**, **दिल्ली: «आलेख»**, **2002**, **139** с. (Сингх Бхарат, Язык и общество (на материале социологического исследования языка хинди), Дели «Алекх», **2002**, **139** с.)

Об авторе

Соловьева Анна Андреевна – аспирантка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, *yarlee@yandex.ru*

УДК 81.371

САМОБЫТНОСТЬ РОССИИ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «САМОБЫТНОСТЬ» В ДИСКУРСЕ РУССКОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

Трошина Н.В.

Статья посвящена описанию одного из ядерных концептов в дискурсе русского славянофильства – концепта «Самобытность». Оппозиция «русский / западный», которая является основополагающей в теории славянофилов, раскрывается через описание признаков, отражающих основные параметры противопоставления России и Запада.
Ключевые слова: славянофильство, концепт, самобытность России, Запад, оппозиция.

RUSSIAN IDENTITY: THE ISSUE OF THE CONTENT OF THE CONCEPT «IDENTITY» IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN SLAVOPHILISM

Troshina N.V.

The article describes one of the nuclear concepts in the discourse of Russian Slavophilism - the concept of «Identity». Opposition to «Russian / Western», which is fundamental to the theory of the Slavophils, revealed through the description of the symptoms, reflecting the basic parameters of the opposition of Russia and the West.
Keywords*: Slavophilism, concept, Russian identity, the West, opposition.*

Одной из важных идеологем, под знаком которых шло формирование русского сознания и культуры XIX века, является понятие «самобытность». По словам К.С. Аксакова, к началу XIX столетия русская земля «очутилась в положении Америки: её надо было открыть. Нашлись Колумбы, которые сказали, что она есть Русская земля» [3, 193]. Этими Колумбами стали «старшие» славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, И.С. Аксаков и др.), поставившие вопрос о самобытности народа, о национальном самоуважении, самосознании. Конечно, представители славянофильства не являются первооткрывателями данной проблемы, но именно в их учении пребывающая идея национальной самобытности стала центром внимания, отправной точкой в оформлении целого комплекса идей, решений. Ядро всего этого комплекса – уникальный концепт «Самобытность». Его позиция в концептосфере славянофильства особая: он является доминантным среди всех ядерных концептов («Самобытность», «Славянофильство», «Соборность», «Народность», «Православие», «Община», «Народ»), отражающих фундаментальные основы славянофильского учения [13]. Доминантное положение концепта «Самобытность» обусловлена реализацией в нем архетипической оппозиции «свой» / «чужой», основополагающей в теории славянофилов, преломленной ими в оппозицию «русский» / «западный».

Следует отметить, что в современных лингвистических исследованиях не наблюдается общего подхода к определению термина «концепт». В данной статье под концептом понимается культурно отмеченный вербализованный смысл, дискретная содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира; при этом основой концептуального анализа признается описание лексической реализации концепта.

Лексема *самобытность*, основной репрезентант концепта, была широко распространена в публицистическом и научном языке 30-60-х годов XIX века, как и многие образования с местоименной частью *само-*. Ю.С. Сорокин объясняет этот факт особым вниманием к проявлениям духовных процессов, протекающих в отдельной личности, и к развитию активного, деятельного начала в общественной жизни [11, 300].

Академик В.В. Виноградов связывает появление лексемы *самобытность* в русском языке с именем А.С. Пушкина, который использовал прием семантического дублирования французского слова *individualite* русским словом *самобытность* [4, 1002]. Однако есть и другое объяснение происхождения данного слова: по замечанию автора «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных, едва ли лексема *самобытность* является калькой с французского; вероятно, она этимологически соотносится с др.-рус. и ст.-сл. *бытьный* – «насущный», от *быть* (*бытие*, *бытье*) – «бытие» [17, 138]. Значение «бытие, существование», действительно, входило в состав семантемы лексемы *самобытность* в древнерусском и старославянском языках: «Самобытный… сам собою существующий» [12, 246]. Указанное значение отмечается и словарями первой половины XIX столетия. Так,

в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847), впервые зафиксировавшем лексему *самобытность*, представлены следующие значения лексем *самобытный* и *самобытность*: «Самобытный… Существующий сам собою»; «Самобытность… Существование самим собою» [10, 88].

Следует отметить, что значение лексемы *самобытность* в речевой практике 30-60-х годов XIX века было более широким, нежели ее лексикографическое представление. В то время лексема *самобытный* приобрела более специфическое, актуальное значение «оригинальный, независимый в своем развитии от внешних влияний» [11, 304], лексема *самобытность*, соответственно, означала «оригинальность, своеобразие, составляющее внутреннюю сущность какого-либо явления или личности».

В статьях представителей раннего славянофильства традиционные семемы лексемы *самобытность* участвуют в формировании содержательной стороны одноименного концепта и выступают в качестве его уровней:

1) «*самостоятельность, отдельное существование*»: «Частная, личная самобытность… была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное» [7, 122];

2) «*независимость от чужого влияния*»: «… везде она (борьба между жизнью и иноземной образованностью – *Н.Т.*) выражалась в двух противоположных стремлениях: к самобытности, с одной стороны, к подражательности, с другой» [14, 132];

3) «*оригинальность*, *своеобразие*»: «… новые поколения, воспитанные на образцах отечественных, получат самобытность вкуса и твердость мнения, независимого от чужеземных влияний» [7, 83].

Исследование содержательной стороны концепта «Самобытность» в публицистических статьях славянофилов предполагает обращение к описанию такого аспекта, как самобытность России, так как основные размышления представителей славянофильства связаны не с самобытностью вообще, а именно с русской самобытностью. Уровень концепта «оригинальность, своеобразие» конкретизируется и представляется как «своеобразие России». Исследование признаков, его составляющих, опирается на выделение классификационных пунктов, отражающих основные параметры противопоставления России Западу.

1. Возникновение государственности.

По мнению славянофилов, русское государство создавалось мирным путем, потому значимыми оказываются такие признаки концепта, как «*мир*», «*согласие*»: «… в основании государства Западного: насилие, рабство и вражда. В основании государства Русского: добровольность, свобода и мир» [2, 8]; «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому» [14, 55]; «*добровольное соединение*»: «Русское государство… было основано не завоеванием, а добровольным признанием власти» [2, 8].

2. Отношения власти и народа.

«*Автономность народа и власти*», «*мир*» – признаки, раскрывающие отличительные особенности российского государственного устройства, согласно славянофильской теории: «Если народ не посягает на государство, то и государство не должно посягать на народ» [1, 85]; «На Западе идет постоянная вражда и тяжба между государством и народом… В России этой вражды и тяжбы не было…» [Там же].

3. Отношения между сословиями.

Идеал социальных отношений, основанных на единстве, славянофилы находили в древности: «И князья, и бояре, и духовенство, и народы, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская – все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковую потребностью общего блага» [8, 206]. Именно в старине (Древней Руси) представители славянофильства видели исток самобытного развития России и противопоставляли «старое русское» «западному»: «… там (на Западе – *Н.Т.*) враждебная разграниченность сословий – в Древней Руси их единодушная совокупность при естественной разновидности» [Там же, 217].

4. Законность.

В русском сознании закон представляется как «предел», что вполне соответствует архетипической семантике этимона *закон*, вскрывающей глубинные смыслы данного понятия. Лексема *закон* происходит от слова *конъ*, имевшего значение «предел, начало, конец, граница». Таким образом, закон – это то, что находится за пределом, за границей, то, что изначально. Такое осмысление концепта «Закон» нашло отражение в дефиниции лексемы *закон* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «предел, постановленный свободе воли или действий; неминучее начало, основание; правило, постановление высшей власти» [5, 589].

Вместе с тем в этимоне лексемы скрывается представление о законе как о явлении, противоположном обычаю, традиции, внутренне связанным с народной жизнью (*за конъ* – за границами обычая, традиции); в подобном контексте раскрывается соотношение обычая и закона у славянофилов: «Обычай есть закон, но он отличается от закона тем, что закон является чем-то внешним, случайно примешивающемся к

жизни, а обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех его членов» [14, 213]. Такое представление о законе оказывается весьма важным для раскрытия в русской картине мира концептуальной оппозиции «свой / чужой». В теории славянофильства закон воспринимался как явление чуждое, привнесенное извне под влиянием западного устройства, в то время как в России «… из подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народного и общественного устройства» [Там же]. Правда и добрая совесть, по мнению славянофилов, должны иметь в обществе большее значение, нежели законный обряд; «внутренняя справедливость» должна брать верх «над внешней формальностью» [8, 207].

5. Быт.

Самобытность, уникальность устройства русского быта славянофилы усматривали в общине, органично сочетающей в себе два начала: хозяйственное (община как экономическая структура и юридическое лицо) и нравственное (община как нравственный организм).

Именно эта ячейка русского быта представлялась фундаментальной ценностью русской самобытности, корнем русской жизни: «… всякое государство или общество гражданское состоит из двух начал: из живого исторического… и из рассудочного… Корень и основа – Кремль, Киев, Саровская пустынь, народный быт … и по преимуществу община сельская» [14, 161-162]; «Начало общины есть по преимуществу начало славянского племени и в особенности русского народа…» [3, 365]; «…русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности в тесных пределах» [14, 249]. Неразрывная, органическая связь общины с русской жизнью подчеркивается композитом *община-Россия*, утверждающим соединение этих двух понятий: «Это чувство принадлежит собственно России-общине, живой и органической» [15, 124].

Община воспринималась славянофилами как исходное начало в развитии промышленности: «Община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой» [14, 166]. При помощи общинного начала, по мнению А.С. Хомякова, можно было устранить существующую в Европе борьбу капитала и труда, ибо источник этой борьбы коренится в индивидуализме, в эгоизме личности, не допускающей ничего истинно общего.

Следует отметить, что община интересовала славянофилов не только и не столько как административно-экономическая единица, сколько как особый принцип человеческой жизни, воплощение идеальных межличностных связей, особая нравственная среда, в которой развиваются лучшие черты русского характера. Община – это союз, основанный не на материальном расчете, а на понятии «естественного и нравственного братства» [14, 157], на христианской любви и общем согласии: «Община – …это действие любви, высокое действие христианское»; «Община есть союз людей, отказывающихся от своего эгоизма, от личности своей, и являющих общее их согласие» [2, 291].

При этом славянофилы подчеркивали «семейную» направленность общинного устройства: «Внутренняя задача Русской земли есть проявление общества…, стоящего на твердых основах общины и семьи» [14, 224]. Семья выражает «ту простую стихию, из которой составлена простая и естественная община» [Там же, 66]. Семейно-общинный быт, имеющий в основе своей любовь, братство, милосердие, истинную нравственность, отражает самобытное начало русской жизни.

В концепции славянофильства община представлялась как особое нравственное начало, идеальное по своей сути»: «Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоит найти нечто себя высшее, а предстоит только преуспевать, очищаться и возвышаться» [2, 291]; «… община стала идеалом недосягаемым, к которому предстоит вечно стремиться» [3, 364]. И стремление русского человека к этому идеалу отражает самобытность русской жизни.

6. Церковь и состояние веры.

Православная церковь в России, по мнению славянофилов, не смешалась с государством: «Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней…» [14, 55]; «…там (на Западе – *Н.Т.*) церковь смешалась с государством, соединив духовную власть со светскою… в России она оставалась не смешанною с мирскими целями и устройством» [8, 217]. Такое самобытное состояние православной церкви позволило сохранить чистоту, истинность христианской веры.

«*Истинность*» как компонент концепта «Православие» в дискурсе славянофильства оказывается одним из основных в структуре концепта и репрезентируется чаще всего: «Православию, как истине, ложь враждебна по существу» [16, 61]; «… воспитание… должно быть согласно… с началами православия, которое есть единственное истинное христианство» [14, 224]; «Когда исчезнут ложные учения, не нужно будет и имя православная, ибо ложного христианства не будет» [16, 23].

«*Истинность*» православия связывается у славянофилов с «*чистотой*» христианского учения: «… остатки христианских начал… принадлежат не Западу, но более нам, принявшим христианство в его чистей-

шем виде» [7, 153]; «…сравним… начала общественного и частного быта, который… обозначился в прежней России, находившейся под прямым влиянием чистого христианства, без примеси мира языческого» [8, 113].

Важным признаком православной веры славянофилы считали и «*полноту*», эксплицирующую синтез двух компонентов оппозиции «*единство*» / «*свобода*». Категория «*единство*» воплощает в себе общее церковное начало, предполагает подчинение самостоятельного мышления авторитету церкви. «*Свобода*», напротив, выдвигает на первый план внутреннее проявление религиозных чувств отдельного человека. В православии, по мнению славянофилов, происходит гармонизация «единого» церковного начала с индивидуальной религиозностью членов церковного организма: «…человек уже не может понимать вечную истину первобытного христианства иначе, как в ее полноте, т.е. в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви. Таково православие» [14, 203]. Аксиологический компонент «*любовь*» в совокупности с категориями «*единство*» и «*свобода*» реализует, с одной стороны, идею общинности, с другой – признание абсолютной ценности каждой личности.

В определении свойств православной веры не менее значимой оказывается формула «*вера*» + «*разум*», реализующая в дискурсе славянофильства такой компонент, как «*цельность духа*»: «…каждый православный сознает во глубине души, что истина божественная не обнимается соображениями обыкновенного разума и требует высшего, духовного зрения…» [7, 261-262]; «Вера здорова для разума. Не довольно думать, надобно верить» [1, 197]. Именно «*цельность духа*», по мнению И.В. Киреевского, является основным принципом православия, на котором должна строиться цельность бытия.

7. Соотношение материального и духовного в жизни человека.

Согласно представлениям славянофилов, жизнь русского человека характеризуется такими признаками, как «*приоритет духовного*» и «*простота жизненных потребностей*»: «Он (русский человек – *Н.Т.*) знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно потому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями, но и в совершенной им подчиненности» [8, 215]; «Он (русский человек – *Н.Т.*) не мог бы понять, как можно с намерением раздражать чувствительность людей к внешним потребностям только для того, чтобы умножить их усилия к вещественной производительности» [Там же].

8. Тип мышления и образованности.

Русскому мышлению свойственны «цельность мировоззрения», «разумность»: «… там раздвоение сил разума – здесь стремление к их живой совокупности»; «… там рассудочное и школьное изучение высших истин – здесь стремление к их живому цельному познаванию» [Там же, 17]. При этом корень образованности русского человека таится в «верности христианскому преданию»: «… там (на Западе – *Н.Т.*) взаимное прорастание образованности языческой и христианской – здесь (в России – *Н.Т.*) постоянное стремление к очищению истины» [Там же, 217].

9. Историческая судьба народа.

«История призывает Россию стать во главе всемирного просвещения» [14, 221]. Истинное христианство (православная вера) и общинное устройство – самобытные начала русской земли, определяющие её великое будущее, духовное лидерство в славянском мире.

Божие благословение дает России одновременно и святое право, и святую обязанность. Компонент «право» отражает «план культурно-исторической миссии России» [9, 62]: она может явиться представительницей православного Востока и встать во главе всемирного просвещения. Компонент «обязанность» связан с аспектом «религиозно-мистического мессианизма»: России предстоит сохранить божественную истину «в ее чистоте и святости» [8, 241], что пересекается с культурной идеей «Россия (Москва) – Третий Рим». По замечанию А.С. Хомякова, «…человечеству остается отныне выбор только между двумя путями, кафолическим православием или безверием» [16, 298].

Залог дальнейшего развития России и её мирового лидерства славянофилы видели и в общине: «Она (Россия – *Н.Т.*) прошла через великие испытания, она отстояла свое общественное и бытовое начало… и теперь должна явиться их представительницею для целого мира. Таково ее призвание, ее удел в будущем» [14, 203]. По замечанию А.С. Хомякова, община есть «есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из его же развития может развиться целый гражданский мир» [14, 162]. Это положение А.С. Хомяков высказывал в письме 1849 года, в то время, когда уже были подведены итоги февральской революции для Франции, а за ней и для всей Европы. Охватившее сторонних наблюдателей сознание бессилия Европы в решении вопросов, выдвинутых ее собственной жизнью, очень ярко отразилось в словах А.И. Герцена: «Прощай, отходящий мир, прощай, Европа! – Среди этого хаоса, среди этого предсмертного томления и мучительного возрождения…взоры невольно обращаются к Востоку…» Надежды Герцена

были связаны с русским человеком, который «бытом своим ближе всех европейских народов подходит к новому социальному устройству», сущность же этого устройства заключается в общине, сохраняющей «народное единство» [Цит. по: 6, 298-299]. Если один из западников возлагал такие надежды на общину, то тем естественнее это было для славянофилов, всегда веривших в мировое призвание русского народа.

Концепт «Самобытность» в учении русского славянофильства является ярким отражением «русской идеи». Он вбирает в себя всё, что касается специфических отличий «русского пути»: интерес к духу жизни, сокрытому в прошлом, признание решающей роли православия и общинного устройства в формировании особенностей русского народа, обоснование принципа соборности как доминантного принципа русской жизни, внимание к простому народу – хранителю исконных начал русской жизни… Абстрактное понятие самобытности у славянофилов наполняется реальным содержанием, связанным с понятиями самоопределения, этнокультурной идентичности. Благодаря старшим славянофилам, *самобытность* прочно вошла в круг ключевых слов-символов русского сознания. Но до сих пор проблематика самобытности России, заявленная А.С. Хомяковым и его сторонниками, остается открытой, и вряд ли когда-нибудь она будет сведена к законченным теориям.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855г. // Ранние славянофилы: Сборник. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1910. С. 69-96.

2. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Тип. П. Бахметева, 1861.

3. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.

4. Виноградов В.В. История слов. М.: Толк, 1994. 1183 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1978. 699 с.

6. Завитневич В.З. Алексей Степанович Хомяков. В 3 т. Т. 1. Кн. 1.– Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1902.

7. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.

8. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М.: Книгоизд-во «Путь», 1911. 289 с.

9. Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития русского мессианизма. М.: Т-во типо-литографии И.М. Машистова, 1914. 106 с.

10. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. В 4 т. Т. 4. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. 490 с.

11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

12. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Книга, 1989.

13. Трошина Н.В. Ядерные языковые концепты в учении русского славянофильства 30-60-х годов XIX века. Автореф. дис… канд. филол. наук. Орел, 2004. 22 с.

14. Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., Современник, 1988. 462 с.

15. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900.

16. Хомяков А.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Медиум», журнал «Вопросы философии», 1994. 478 с.

17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

Об авторе

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *natalya_troshina@mail.ru*

УДК 882

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СОН – ЯВЬ» В ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Хапко Е.В.

В статье разбирается сущность семантической оппозиции «сон – явь» в творчестве Ф.И. Тютчева. Различительными критериями становятся цветовые и звуковые ощущения.
Ключевые слова: *семантическая оппозиция, лексема, цвет, звук, сознание*

SEMANTIC OPPOSITION “SLEEP – REALITY” IN THE TYUTCHEV’S WORKS

Khapko E.V.

The substance of the semantic opposition “sleep - reality” in the Tyutchev’s works is considered in this article. The color and sound perceptions serve as the criterions for their distinction.
Keywords: *semantic opposition, conscience, coloration, sound, lexeme*

В современной лингвистической науке говорят об оппозициях как о фундаменте языковой действительности. Впервые к вопросу оппозиций на рубеже XIX – XX веков приблизился Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики», говоря о дифференциации языковых составляющих: «То, что отличает один знак от другого, и есть всё то, что его составляет» [15, с. 121].

Лингвистический энциклопедический словарь приводит следующее определение языковой оппозиции: «Лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот [10, с. 395].

Идеи Фердинанда де Соссюра в отношении оппозиций стал развивать Н.С. Трубецкой при разработке теории фонологии. Его классификация оппозиций была настолько удачной, что она оказалась применима не только к узкому направлению, но и к лингвистике в общем. Причём на её общеязыковую пригодность указал он сам, объяснив, что эта классификация «не содержит ничего специфически фонологического» [16, с. 29].

Этим фактом воспользовался Ж.П. Кантино и на основе классификации Трубецкого, расширив и доработав её, составил свою концепцию, поместив в центр внимания семантические оппозиции, которые назвал сигнификативными.

Системность лексики подразумевает принцип объединения – наличие родовых понятий, - которому подчиняется семантическая оппозиция, что отмечает академик А.В. Бондарко [1, с. 17]. Получается, что семантическая оппозиция выступает проявлением единства языковой системы.

В отношении поэзии Ф.И. Тютчева литературовед Ю.М. Лотман выдвигает столь же парадоксальную мысль: «Противоречивое разнообразие текстов Тютчева имеет органическую тенденцию складываться в единый текст – «лирика Тютчева» [11, с. 593]. Одновременно признаётся наличие в ней «прямо противоположных решений одних и тех же вопросов… Самые крайние по своей полярности утверждения, отрицая друг друга, не отрицают общего для них языка» [11, с. 567].

Из описанного смыслового единства произведений поэта вытекает мысль о семантической слитности тютчевской поэзии, что сужает круг основных оппозиций (назовём их ядерными) буквально до нескольких единиц, например, «Бытие – Небытие», «Россия – Европа». Множество же остальных отходит на периферию. Так, оппозиции «свет – тьма», «говорить – молчать», «сон – явь» будут периферийными по отношению к ядерным оппозициям «Бытие – Небытие», «День – Ночь». Остановимся подробнее на периферийной оппозиции «сон – явь».

В ПСТ приводятся следующие определения высокочастотной лексемы «Сон» (у Тютчева 74 употребления): 1. Физиологическое состояние покоя и отдыха. 2. Сновидение, то, что снится. 3. Совмещённые 1-е и 2-е значения [5, с. 743-744].

Сон – очень специфическое психофизиологическое состояние. С одной стороны, это время, когда организм отдыхает. «Периодически наступающее физиологическое состояние у человека и животных; характеризуется почти полным отсутствием реакций на внешние раздражения, уменьшением активности ряда физиологических процессов» [14, с. 1253]. С другой стороны, во сне подсознание, которое нечасто даёт о себе знать в период бодрствования, не прекращает свою работу, занимаясь

осмыслением и переосмыслением различных происходивших событий. Таким образом, понятие сна противоречиво: замирание внешних процессов характеризуется активизацией внутренних. При этом сложно объективно определить, что является ведущим признаком. В творчестве Фёдора Ивановича Тютчева многими исследователями (Н.Я. Берковским, Ю.М. Лотманом и другими) отмечается его отношение к понятию сна как к основополагающему. Например, Ю.М. Лотман пишет: «Особенно велика и разнообразна сфера сна (сон как область соприкосновения со стихией)» [11, с. 568 – 569]. У Л. Озерова эта мысль сформулирована несколько по-другому: «Из плоскости бытовой и психологической Сон выведен в иную плоскость – философскую» [12, с. 72]. Сам же Тютчев говорит о глобальном значении снов в одноимённом стихотворении [17, с. 82]:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами…

Беспокойной жизни поэт предпочитает дымку сна в стихотворении «Сон на море» [17, с.106]:

Над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.

Нечто эфемерное способно подавить, заглушить *«хаос звуков»* реальности, но одновременно сделать ярче всё вокруг: *«болезненно-яркий»* («одновременно болезненный и яркий (о сне)» [5, с. 51]), *«волшебно-немой»* («чудесно-безмолвный» [5, с. 119]) – авторские сложные прилагательные выражают стремление подобрать как можно более точное слово, чтобы передать магическую зыбкость состояния. Даже толкования этих слов представляют собой сочетания разнородных признаков. Контрастность цветов усиливается:

Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы…

Проявляется новая реальность – реальность сна, где поэт отнюдь не одинок:

И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц…

Фантастические существа представляются герою плодами его творения, подталкивая его к ощущению себя как Бога:

По высям творенья, как Бог, я шагал.

Сон даёт возможность испытать то, чего нельзя пережить в реальности, в данном случае если не вознестись до Бога, то почувствовать себя единоличным хозяином мира, наслаждающимся своим могуществом, перед которым всё замирает:

И мир подо мною недвижный сиял.

На первый план выходить картинка, звука нет – яркий беззвучный сон человека, уставшего от бурь жизни, которая не оставляет его надолго в покое:

И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

В результате давления мира на человека в нём происходит внутренний разлад:

Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.

«Беспредельности – стихии сна и моря» [5, с. 34]. Из-за их борьбы наступает болезненное состояние, когда обостряется какой-то один вид ощущений, в нашем случае зрительные. Это болезненно - нет гармонии.

В лучах огневицы развил он свой мир.

«Огневица – бред, горячка» [5, с. 457]. Отсюда и греховная мысль возомнить себя Богом, которая людей никогда ни к чему хорошему не приводила. Если губительный сон безмолвный, спасительные звуки приходят извне:

Все грёзы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской.

Сон на море обманчив. Казалось бы, благодаря ему можно забыть о жизненных штормах (да и то лишь на время), но незаметно в него могут вкрасться пагубные идеи, от которых чудесным избавлением становится только явь.

Оппозиция «сон-явь» обнаруживается и в других стихотворениях Тютчева. Б.М. Козырев интерпретирует её в качестве мотива «действительность — сон», который «проходит сквозь все эпохи творчества Тютчева, имея, однако, каждый раз новую окраску» [9, с. 269]. Сон здесь уже качественно другой: спокойный, умиротворяющий – *«миротворный гений»* [5, с. 85]. Толкования лексем, из которых состоит процитированная метафора, объединяются в одно логичное значение: «высший творческий ум, несущий с собой спокойствие, мир» [5, с.147, 365]. Это сон, совершенно противоположный рассмотренному ранее болезненному «Сну на море» с его искажённой яркостью. Ему можно отдаться, не опасаясь никаких ненужных идей, отдохнуть от весёлого дня, когда

Все звуки жизни благодатной, -
И всё в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный – и невнятный.

Реальность наполнена шумом-гамом, во сне же всё стихает, успокаивается:

… И воцарилося молчанье…

Оппозиция «шум – тишина» (наличие/отсутствие звуков) является главным признаком оппозиции «сон – явь».

«Окраска» сна зависит от настроения бодрствования: бури на жизненном море изматывают человека,

оглушают, делают сон нездоровым, а цвета – более едкими; тогда как благодатная жизнь утомляет *«весенней негой»* («состояние успокоенности, внутреннего удовлетворения» [5, с. 415]) и несёт здоровый сон, когда цветоощущение притупляется:

Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье…
Бледное светило…

В какой-то степени даже теряется связь со временем:

Не знаю, долог ли был сон.

У сна можно выделить начальную стадию – дремоту – переходное «состояние склонного ко сну» [5, с. 201]. Оно характеризуется повышенной чуткостью, когда человека легко потревожить, поэтому необходима своего рода защита. Эта роль отведена луне - ночному небесному светилу, которое, как известно, отражает солнечный свет и является символом человеческого разума. Таким образом, нечто рациональное оберегает иррациональное, при этом сохраняя тончайшую связь сна с реальностью:

И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

Однако спящий не может быть уверен в происходящем (ведь физиология сна отключает сознание) и дважды делает оговорку: *«И мне казалось»*. Автор метафорически именует состояние сна, которое даёт возможность отдохнуть и набраться сил, *«миротворный гений»*.

Тютчев в очередной раз указывает на цветовые различия реальности и сна: засыпая, человек попадает *«из пышно-золотого дня… в царство теней»*. Но цвет не является основным признаком оппозиции «сон – явь», главный – это разнообразие звуков, которые наполняют период бодрствования и приглушаются либо отсутствуют во сне.

Обратимся к стихотворению «Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный» [17, с. 124]. В город приходит звёздная ночь, когда цвета не смазываются, несмотря на спускающуюся *«завесу»* («то, что скрывает, закрывает собой что-то»), они вполне различимы: сад – тёмно-зелёный («зелёный с тёмным оттенком» [5, с. 799]), ночь – голубая («цвета ясного неба и спокойного моря» [5, с. 158]), цветущая белым яблоня – *«убелённая»* - «приобретшая белую окраску» [5, с. 84], месяц золотой («цвета золота» [5, с. 259]). Наступила первая фаза сна, дневная деятельность стихла:

Изнемогло движенье, труд уснул…

На смену её обычному шуму пришёл новый тон:

Проснулся чудный еженощный гул…

Для ночной поры он характерен, на что указывает прилагательное *«еженощный»* - «происходящий каждую ночь» [5, с. 215]. Помимо одиноких, но привычных звуков музыки и родника, появляется фоновый шум, описываемый словами с семантикой тайны: «*чудный»* - «вызывающий удивление своей необычностью, волшебный» [5, с. 905], *«непостижимый»* – «такой, что трудно, невозможно понять» [5, с. 427]. Этот гул – «глухой, обычно далёкий в пространстве и времени шум» [5, с. 171] - имеет не понятное герою происхождение:

Откуда он, сей гул непостижимый?..

Автор делает робкое предположение, что он несёт в себе проявление невидимого мира человеческих мыслей:

Иль смертных дум, освобождённых сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый…

Спустя годы Карл Юнг разработал учение о «коллективном бессознательном», в образах которого «видел источник общечеловеческой символики, в том числе мифов и сновидений» [14, с. 1581].

Когда сознание засыпает, просыпается более тонкое подсознание, которое может стать ключом к раскрытию тайн мира благодаря своей близости к истокам бытия, к первозданному хаосу в виде *«хаоса ночного»*. ПСТ толкует данное понятие как «беспредельное пространство, представляющее собой смесь материальных элементов мира, из которых произошло всё сущёствующее» [5, с. 871].

Здоровый сон имеет очищающее действие: убирает накопившуюся за день усталость, придаёт силы. Для невыспавшегося человека, которого *«сон благодатный не коснулся»*, любые звуки кажутся многократно громче и неприятнее:

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..

Яркие цвета приносят болезненные ощущения:

О, как лучи его багровы,
Как жгут мои глаза!..

Человеку всё не так, всё мешает. Его недовольство выражается в усиленных восклицаниях и взывании к ночному спокойствию:

О, ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Внутренние противоречия Тютчева в связи с оппозицией «День – Ночь» превращаются, по выражению Б.Я. Бухштаба, «в сферу особой поэтической концепции «дневного» и «ночного» мира» [2, с. 705].

В данном стихотворении сон символизирует развитие жизни, переход к новому. Неспавший остаётся во вчерашнем дне, над ним *«тяготеет вчерашний зной, вчерашний прах»*. Сон – портал в завтра. Должно происходить обновление. Те, кто не прошёл его (не выспался), превращаются в брюзжащие *«обломки старых*

поколений», которые не в состоянии идти к новому наравне со всеми. Им остаётся только посочувствовать:

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движению
За новым племенем брести!..

Итак, физиологический процесс сна создаёт предпосылки для существования оппозиции «сон – явь». Она является периферийной для более широких ядерных оппозиций «Бытие – Небытие», «День-Ночь». Её главные критерии – цвето- и звукопередача. Именно по уровню их насыщенности различаются состояния сна и бодрствования. Болезненный сон или вовсе его отсутствие приводят к разрушению и застою. Здоровый же сон ведёт только к гармонии и обновлению.

Список литературы

1. Бондарко А.В. О структуре грамматических оппозиций (Отношения оппозиции и неоппозитивные различия) // Вопросы языкознания. М.: 1981. №6. С. 17-28.
2. Бухштаб Б.Я. Тютчев // История русской литературы: В 10т. / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. VII Литература 1840 годов. 1955. С. 695-719.
3. Голованевский А.Л., Атаманова Н.В., Чернявская Е.А. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева: загадки, гипотезы, отгадки // Вестник Брянского государственного университета. Брянск, 2004. №2. С. 7-13.
4. Голованевский А.Л. Лексика и семантика «Поэтического словаря Ф. И. Тютчева». Брянск: Брянский гос. ун-т, 2009.
5. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009.
6. Голованевский А.Л. Тютчев русская языковая поэтическая личность / Монография. Брянск: «Курсив», 2013.
7. Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980.
8. Кантино Ж.П. Сигнификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. Б.А. Успенский. М.: 1972. С. 61-94.
9. Козырев Б.М. Из пятого письма: [Письма о Тютчеве]//Ф.И. Тютчев/АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1988. Кн. I. (Лит. наследство; Т. 97).
10. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
11. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста / Ю.М. Лотман; М.Л. Гаспаров. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 565-594.
12. Озеров Л. Поэзия Тютчева. М.: «Художественная литература», 1975.
13. Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Ф.И. Тютчев: pro et contra: личность и творчество Тютчева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология, СПб, 2005.
14. Советский энциклопедический словарь М.: «Советская энциклопедия», 1980.
15. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: «Прогресс» / Ред. М.А. Оборина, 1977.
16. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
17. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н.Я. Берковского. Л.: Сов. Писатель, 1987.
18. Ушева Н.С. «Метод оппозиций в морфологических исследованиях: концепция Ж.П. Кантино» // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы III международной научно-практической конференции 25-26 марта 2013г. Прага: Vědecko vydavatelske centrum “Sociosféra CZ”, 2013. С.89-92.

Об авторе

Хапко Елена Валерьевна – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *ya.elena7@yandex.ru*

УДК 811.161.1'36(072.1/.2)

ТЕХНОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВИЛА УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Хованская Е.А.

В статье рассматриваются технологии исследования детской речи в России, а также наиболее значимые для педагогической науки зарубежные методики изучения детской речи. Правила усвоения языка в детской речи формируются неосознанно и зависят от индивидуальных особенностей организма ребенка, в этой связи возникает необходимость создания методической системы, направленной на развитие языковой личности ребенка через призму языковой способности.
Ключевые слова: *технологии, исследования, речь, усвоение, язык, способность, методика, формирование, развитие, личность.*

TECHNOLOGY RESEARCH AND RULES OF LANGUAGE ACQUISITION IN CHILD SPEECH

Khovanskaya E.A.

In article technologies of research of the children's speech in Russia, and also the most significant for pedagogical science foreign techniques of studying of the children's speech are considered. Rules of assimilation of language in the children's speech are formed unconsciously and depend on specific features of an organism of the child, in this regard there is a need of creation of the methodical system aimed at the development of the language identity of the child through a prism of language ability.
Keywords*: technologies, researches, speech, assimilation, language, ability, technique, formation, development, personality*

Проявление интереса к исследованию речи ребенка возникло в России не так давно, в 20-е годы XX века.

Предпосылкой возникновения исследования стали работы конца XIX в., в частности исследование И.А. Сикорского, посвященное изучению общепсихологических аспектов детской речи [1. Т. 5. С. 37-48]. А. Александров и В. Благовещенский работали над вопросами усвоения речевой фонетики и становления фонологической системы языка [2. Т. 10. С. 57-73]; [3. Т. 10. С. 13-25].

Одной из фундаментальных работ прошлого века стало исследование лингвиста Александра Николаевича Гвоздева, опубликованное в 1949 г. [4]. В своем труде ученый отразил дневниковые записи процесса формирования у Жени (сына автора) грамматического строя, начиная от появления первого слова, заканчивая школьным возрастом. А.И. Гвоздев впервые в отечественной науке систематизировал и проанализировал особенности усвоения ребенком языка, охватывающего все стороны развития речи: синтаксис, морфологию, процессы словообразования и словоизменения. Александр Николаевич Гвоздев убедительно доказывает, что в трехлетнем возрасте в речи ребенка представлены все основные формы связной речи [4. С. 190]. Книга А.Н. Гвоздева была признана наиболее полным, систематичным и квалифицированным отечественным исследованием в области детской речи.

В течение многих лет изучение детской речи базировалось на языковых фактах, представленных А.Н. Гвоздевым в своей книге, тем не менее, интерес исследователей по отношению к проблеме становления и развития детской речи не был прекращен.

В конце 20-х годов XX века начался период «кросс-секционных штудий», основанный на дневниковой фиксации речи одного ребенка. Методика проведения «штудий» заключалась в сопоставлении результатов речевой деятельности путем использования разнообразных статистических методов; также стало возможным проведение опытного эксперимента, позволяющего организовывать речевую деятельность ребенка соответственно поставленным исследователем целям.

Во второй половине прошлого века нашли широкое применение «лопгитюдные срезовые штудии», которые представляют собой документальные записи фрагментов речи ребенка, записываемые в определенные интервалы времени. В этой технологии исследования уже не было фрагментарности и случайности, которые были свойственны дневниковым записям.

Внедрение информационных технологий позволило активно использовать компьютерные программы, обеспечивающие запись, расшифровку, кодировку и автоматический анализ фактов детской речи. «Самая известная из компьютерных систем, разработанная американскими учеными К. Сноу и Б. МакВинни, носит название CHILDES, что расшифровывается как Child Language Exchange System» [5. С. 9].

Нельзя не сказать о выдающихся заслугах американских ученых, стараниями которых создан международный банк данных детской речи, в нем была также отражена отечественная система изучения детской речи, популярная и широко используемая зарубежными исследователями и по сей день.

Заметим, что отечественные ученые путем сопоставления и выявления соответствий, особенностей стали применять имеющиеся языковые факты взрослой речи по отношению к развитию речи ребенка. Разнообразие школ и лингвистических концепций, фундаментально разработанный понятийный аппарат,

сильная экспериментальная база – все это позволяет исследователю, воспитанному на русских лингвистических традициях, включиться в изучение речи ребенка, основываясь на имеющихся в науке сведениях.

Наиболее выдающиеся исследования, посвященные изучению речи, принадлежат А.М. Шахнаровичу, Е.С. Кубряковой, Е.И. Исениной, Е.Ю. Протасовой, В.И. Капинос, В.К. Харченко, Н.И. Лепской, И.Н. Горелову и многим другим.

Итак, рассмотрев некоторые подходы и особенности изучения детской речи, обратимся к анализу и сопоставлению процессов возникновения и развития речи, правил усвоения родного языка.

Чтобы начать говорить, необходимо овладеть языком как устройством, обеспечивающим восприятие и порождение речи. В этой связи овладение языком можно рассматривать через призму понятия «способность». Относительно понимания языковой способности существуют две противоположные точки зрения:

1. «Языковая способность – наследуемое человеком образование (Н. Хомский, Е. Ленненберг и другие). Человек уже рождается с заложенным в него языковым материалом, но в течение жизни, развития человека он обогащается и расширяется.

Будучи социально обусловленным образованием, языковая способность формируется на основе нейрофизиологических предпосылок, которые в процессе реализации коммуникативных потребностей личности развиваются и обогащаются (А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович и другие). Данная точка зрения восходит к трудам Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и содержит важнейшие положения о сущности (формировании, развитии, взаимодействии) языка и мышления у детей. В ходе практической деятельности, социокультурного взаимодействия с другими людьми посредством речевой деятельности, человек овладевает языковыми механизмами, развивается и совершенствуется его языковая способность» [6. Т. 1. С. 184-185].

2. В советской психолингвистике понятие «языковая способность» трактовалось как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членом языкового коллектива» [7. С. 54].

С функциональной точки зрения язык представляет собой совокупность языковых единиц разного уровня (звуки, морфемы, слова, словосочетания, предложения), которые подчиняются правилам образования и употребления. «Речевая деятельность есть особый вид деятельности, совокупность действий по порождению и восприятию речи. Она включает перевод определенного содержания в текст (при говорении) и извлечение содержания из текста (при слушании), а также процессы, связанные с производством новых единиц (особый вид деятельности, получивший в последнее время название «лингвокреативной») [5. С. 9].

Зачатки говорения на родном языке возникают при овладении языковыми единицами и их использовании в речевой деятельности. Правила использования языковых единиц иногда называют «грамматикой». Такое толкование термина «грамматика» предложил в свое время академик Л.В. Щерба, который утверждал, что грамматика есть сборник правил речевого поведения [8]. Речевая деятельность организуется с учетом правил выбора и употребления лексических единиц, правил звукового оформления речи, что уже не входит в компетенцию традиционной грамматики, подразделяемой на синтаксис и морфологию. Существуют правила фонетические (например, «конечный звонкий согласный заменяй парным ему глухим» или «произноси повествовательное предложение с постепенным понижением тона»), правила лексические, регулирующие как выбор нужной единицы, так и возможности ее сочетания с другими и пр. Велико число грамматических правил, относящихся как к морфологии, так и к синтаксису.

Заметим, что правила употребления лексических единиц, выбора и сочетания звуков, изменения слов и конструирования предложений не изучаются должным образом в общеобразовательной школе.

Знание правил – результат собственного речевого опыта человека, а также результат его собственной языковой (металингвистической) деятельности, протекающей на бессознательном уровне. Оказывается, каждый из нас постоянно анализирует речь других и свою собственную. Неправильные обороты и конструкции, не соответствующие норме сочетания звуков, просто «режут ухо», а происходит это потому, что ухо уже настроено на определенный образец.

При овладении родным языком в естественных условиях все эти правила усваиваются ребенком самостоятельно. Помощь взрослого заключается в большинстве случаев лишь в том, что он в повседневном общении с ребенком предоставляет речевой материал, из которого ребенок может получать необходимую для него информацию.

Итак, не подлежит сомнению, что овладеть языком – это значит усвоить не только элементы языковых единиц, но также правила их создания и употребления. А чтобы познать эти правила, нужно все время совершать бессознательную (а иногда и в какой-то степени сознательную) работу по анализу, систематизации языковых фактов. Ребенок поставлен перед необходимостью добывать язык из речи, другого пути овладения языком просто не существует. При этом добываемый материал (как сами языковые единицы, так и правила их использования и конструирования) должен быть

определенным образом упорядочен, поскольку «речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта..., а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта» [8. С. 25]. Интуитивный, неосознанный характер этой деятельности не снижает ее огромной ценности.

Проблема овладения детьми родным языком является актуальной и в наше время. Большое количество детей, которые приходят в школу, часто не умеют строить небольшое высказывание, допускают много неоправданных повторов, междометий или отдельных звуков («ну», «м-м-м»), в речи прослеживаются грамматические ошибки, несогласованность синтаксических конструкций.

Деятельность научной общественности должна быть направлена на разработку методики развития языковой личности ребенка с учетом психофизиологических особенностей детского организма, специфики формирования речевой деятельности, лингводидактических и психолингвистических основ развития языковой способности.

Таким образом, считаем, что правила усвоения языка в речевой деятельности детей, соответствующие нормам, уровням и структуре русского (родного) языка, целенаправленно формируются в учебной деятельности, содержание которой должно состоять из трех равноправных компонентов:

1) работа над правильностью образования единиц языка, то есть над языковыми нормами;

2) обучение правильному употреблению языковых единиц с учетом требований складывающейся речевой ситуации, то есть формирование речевых норм;

3) работа над коммуникативно-целесообразным употреблением языковых и речевых средств в высказываниях учащихся.

Список литературы

1. Сикорский И. А. О развитии речи у детей. II Сб. науч.-лит. ст. по вопр. обшей психологии и воспитания. - Киев; Харьков, 1899. Т. 5. С. 37-48.

2. Александров А. Детская речь // Рус. филол. вести. М., 1883. Т. 10. №3. С. 57- 73.

3. Благовещенский В. Детская речь // Рус. филол. вести. М., 1886. Т. 16. №3. С. 13-25.

4. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: ДЕТСТВО - ПРЕСС, 2007. 472 с.

5. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

6. Хованская Исследование языковой способности: психолого-педагогический и методический аспекты Вестник Кемеровского государственного университета, №3(59), Том 1, 2014. С. 184-188

7. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / отв. ред. М.М. Гухман. М.: Наука, 1965. 245 с.

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Об авторе

Хованская Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, *hovanskaja@yandex.ru*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Воронин А.М., Самоторова О.А.

В статье рассматриваются современные проблемы технологического образования школьников и подготовки учителей технологии.
Ключевые слова: *технология, технологическое образование, профессиональное образование.*

CURRENT PROBLEMS OF TECHNOLOGICAL EDUCATION

Voronin A.M., Samotorova O.A.

The article deals with the problems of technological education, approaches to solve the problem and improve the training of teachers of technology.
Keywords*: technology, vocational training, information technology.*

Современный человек живёт в условиях, когда ушёл в прошлое индустриальный этап общественного прогресса с его экстенсивной технократической идеологией. Приоритетным сейчас является научно-технологический способ производства. Причём в настоящее время этот способ охватывает как материальные, так и социальные аспекты человеческой деятельности. Интенсивно развиваются и всё более широко используются нанотехнологии, робототехнологии, биотехнологии.

Страны, которые своевременно заметили преимущества научно-технологического способа производства, обеспечивают более высокое качество жизни своих сограждан. Государства, стоящие на познаниях только научно-технического прогресса, отстают в темпах своего развития. Данное явление, к сожалению, не обошло и Россию.

Технологическая революция XXI века требует формирования в нашей стране научно-технологического потенциала, адекватного современным вызовам мирового технологического развития. Президентом РФ В.В. Путиным поставлена задача ускорения инновационного развития страны и создания к 2020 году 25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест. Решение этой задачи невозможно без усиления внимания научно-технологическому образованию молодёжи, системной подготовки и переподготовки кадров. Технологическое образование должно стать атрибутом каждого современного человека.

Как известно, с 1993 года в учебный план российской школы с 1-го по 11-ый класс была включена образовательная область «Технология» с целью формирования у подрастающего поколения технологической культуры, интеграции гуманитарного, естественнонаучного и технического знания, а также повышение конкурентоспособности молодых людей на российском и международном рынках труда.

Одним их активных инициаторов организации технологического образования школьников был профессор нашего университета, член-корреспондент РАО В.Д. Симоненко. Под его руководством преподавателями Брянского государственного университета были подготовлены и выпущены в издательстве «Вентана-Граф» первые учебники по технологии. Потом эти учебники неоднократно переиздавались с изменениями и дополнениями.

Однако в последние годы в России стало меньше уделяться внимания технологическому образованию школьников. Количество часов на изучение технологии неуклонно сокращается, она уже не изучается в 9-х классах. В соответствии с ФГОС среднего (полного) образования, утверждённым 17 мая 2012 года, образовательная область «Технология» была исключена из обязательной части образовательной программы и отнесена к предметам по выбору обучающихся. Технология не входит в фундаментальное ядро образования, отсутствует выпускной экзамен и ЕГЭ по технологии. В университетах сокращается число студентов – будущих учителей технологии.

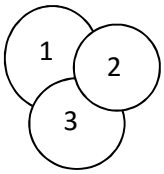
Научно-педагогическое сообщество озабочено этой проблемой и осуществляет поиск путей совершенствования технологического и профессионального образования.

На базе Брянского государственного университета 18-20 мая 2016 года проведена международная научно-практическая конференция «Формирование профессиональных компетенций обучающихся в организациях общего и профессионального образования», в которой приняли участие ученые и специалисты в области профессионально-технологического образования из России, Белоруссии, Грузии, Израиля [4].

Участники конференции подчеркнули, что учебный предмет «Технология» изучается в школах Австралии, Болгарии, Великобритании, Германии, Израиля, Китая, Нидерландов, США, Швеции и многих других

стран. Она включена в перечень обязательных предметов для всех учащихся. Наличие «Технологии» в учебных планах школ активно поддерживается промышленниками и бизнесом этих стран, так как данный предмет направлен на развитие интеллектуальных, творческих способностей обучающихся и включение их в созидательный труд [4, с.60].

Мировой опыт показывает, что предметная область «Технология», наряду с гуманитарной и естественной составляющими, является необходимой третьей составляющей общего образования школьников, что видно из нижеследующего рисунка.



Условные обозначения:
1. Гуманитарный компонент
2. Естественнонаучный компонент
3. Технологический компонент

Рис.1. Компоненты содержания общего образования школьников.

Предметная область «Технология» синтезирует гуманитарные и естественнонаучные знания, раскрывает способы их применения на практике и обеспечивает прагматическую направленность общего образования.

В этой образовательной области важную роль играет проектно-исследовательская деятельность обучающихся, способствующая их творческому развитию.

«Технология» является основной практико-ориентированной образовательной областью, которая обеспечивает преемственность в переходе от общего к профессиональному образованию, непрерывному самообразованию и профессионально-трудовой деятельности.

Актуальной проблемой технологического образования школьников является расширение его содержания. Оно не должно сводиться к изучению только материальных технологий (деревообработки, металлообработки) и включать в себя информационные, социальные, дизайнерские и другие технологии.

Министерством образования и науки РФ дано задание руководителю авторского коллектива- заведующей кафедрой дизайна и художественного образования нашего факультета, профессору Н.В Синице на разработку нового учебника по технологии, который должен отражать современные тенденции развития технологий и включать в себя следующее содержание:

– закономерности технологического развития цивилизации, технологический процесс, технологическая система, трансферт технологий;

– общее материаловедение, технологии получения современных материалов;

– современные информационные технологии;

– технологии художественной обработки материалов;

– архитектурное строительство и дизайн дома;

– технологии в транспорте, энергетике и электронике;

– технологии растениеводства и животноводства;

– современные гуманитарные технологии (социальные, медицинские и др.).

– формирование технологической культуры и проектно-технологического мышления обучающихся;

– проектно-технологическая культура, управление технологическими проектами;

– построение образовательных траекторий, профессиональное самоопределение школьников.

Реализация этих направлений технологического образования школьников потребует модернизации содержания профессиональной подготовки учителей технологии, укрепления учебно-материальной базы этой подготовки, более широкого внедрения в образовательный процесс современных информационных технологий, укрепления связи с организациями среднего профессионального образования.

Следует отметить, что преподавателями кафедр факультета технологии и дизайна Брянского государственного университета в образовательном процессе широко используются компьютерные технологии, которые применяются при проведении лекционных и практических занятий.

Коллективом ученых инновационного научно-образовательного центра автоматизированного проектирования, созданного при нашем факультете, разработаны технологии информатизации образовательного процесса на базе САД/САМ систем с использованием лабораторного оборудования [1].

Эта технология включает в себя предварительный анализ состояния учебного процесса и возможностей использования для проведения теоретических и практических занятий САД/САМ систем. По итогам этого анализа разрабатываются мероприятия по совершенствованию образовательного процесса на базе информационных технологий.

Эти мероприятия предусматривают разработку программы и проведения обучения преподавателей способам использования САД/САМ систем в образовательном процессе, межпредметной интеграции учебных дисциплин на базе функциональных возможностей этих систем, а также подготовку конкретных рекомендаций по реализации электронных технологий в процессе изучения тех или иных дисциплин. Электронные технологии активно используются студентами нашего факультета при выполнении учебных заданий, творческих проектов и подготовке выпускных квалификационных работ.

В этих целях преподаватели факультета совместно со студентами разрабатывают программное обеспечение процесса изучения различных проблем

технологического образования и осуществления проектной деятельности.

Например, на базе интегрированной конструкторско-технологической системы АДЕМ создан несложный и не требующий специальной подготовки обучающихся «Компьютерный конструктор-разработчик электрических схем», который позволяет студентам быстро отыскать и распечатать нужную электрическую схему, что значительно сокращает временные затраты на выполнение учебных заданий. [2]

Специалисты считают, что подготовка кадрового потенциала для решения проблем ускорения научно-технологического процесса требует создания системы непрерывного технологического образования во всех типах образовательных организаций: детских садах, общеобразовательных школах, организациях среднего и высшего профессионального образования и подготовки кадров. Коллективом авторов под руководством профессора Хотунцева Ю.Л. разработана концепция непрерывного технологического образования в России[3].

Президент РФ В.В Путин своим поручением от 04.05.2016г обязал руководителей Минобрнауки в целях формирования у обучающихся навыков проектно-исследовательской деятельности до 01.09.2016г. разработать предложения по совершенствованию преподавания в общеобразовательных организациях учебного предмета «Технология», в том числе по улучшению материально-технического и кадрового обеспечения образовательного процесса, а также по организации в рамках Всероссийской олимпиады школьников по данному учебному предмету конкурса проектных работ обучающихся.

Выполнение этого поручения должно способствовать повышению роли образовательной области «Технология» как необходимой составляющей общего образования, обеспечивающей его прагматическую направленность, формирование у обучающихся технологической культуры и готовности к профессиональному образованию и трудовой деятельности.

Таким образом, современными проблемами технологического образования являются:

– включение знания технологий в фундаментальное ядро образования;

– включение образовательной области «Технология» в обязательную часть ФГОС среднего (полного) образования;

– проведение выпускного экзамена и ЕГЭ по технологии;

– улучшение материально-технологического и кадрового обеспечения образовательной области «Технология»;

– проведение в рамках Всероссийской олимпиады школьников конкурса проектных работ по технологии;

– расширение содержания технологического образования школьников, включение в это содержание изучение не только материальных, но и информационных, социальных, художественно-дизайнерских технологий;

– модернизация содержания профессиональной подготовки учителей технологии в соответствии с содержанием технологического образования школьников, более широкое использование в этой подготовке современных образовательных технологий;

– подготовка и издание обновленных учебников по технологии;

– создание системы непрерывного технологического образования во всех типах образовательных организаций.

Список литературы

1. Воронин А.М, Селезнев В.А, Чайкин А.С. Разработка научного подхода организации и методики малозатратной подготовки студентов и специалистов для автоматизированного производства на основе компьютерного моделирования для учреждений профессионального образования. Монография. Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. 127с.

2. Деревянко Д.М., Бочаров Н.Г., Васин Д.А. [и др.] Разработка электрических схем с применением компьютерных технологий // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сборни. ст. по мат. III Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3. url: sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_3.pdf (дата обращения: 20.06.2016)

3. Хотунцев Ю.Л., Насипов А.Ж., Хотулев А.В. Концепция непрерывного технологического образования в России. Технодоктрина 2014. 1-й Всероссийский форум технологического лидерства России. Итоговый сборник докладов. М.: ООО «Русто», 2014. С.557-561.

4. Формирование профессиональных компетенций обучающихся в организациях общего и профессионального образования: Материалы международной научно-практической конференции 18-20 мая 2016г. Брянск: РИО БГУ, 2016. 220с.

Об авторах

Воронин Алексей Максимович – кандидат педагогических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *Bgu.ftid@yandex.ru*

Самоторова Ольга Алексеевна – старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *Bgu.ftid@yandex.ru*

УДК 371.24+371.212

ТЕОРИЯ ФУНКЦИЙ В МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ТИПА МЫШЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УРОВНЯ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Горбачев В.И.

В статье исследуются закономерности построения теории функций в условиях восхождения от абстрактного к конкретному. В содержании учебной математической деятельности выделяются обобщенные способы изучения пространства функций и его теории. Учебная математическая деятельность проектируется в системе учебных задач.

Ключевые слова: *теоретический тип мышления в школьной дидактике, содержательно-теоретический подход обучения математике, учебная математическая деятельность, учебные задачи пространства и теории функций.*

THE THEORY OF FUNCTIONS IN THE METHODOLOGY OF THEORETICAL TYPE OF THINKING: CONTENT OF LEARNING ACTIVITY OF LEVEL OF GENERAL EDUCATION

Gorbachev V.I.

The article analyzes the development of the functions in the content of general mathematical education. Classes of specific functions are investigated in a model-theoretical approach. The article also describes the structure of the functional models, patterns of their study from the standpoint of the formation of a theoretical type of thinking.

Keywords: *theoretical type of thinking in didactics, content-theoretical approach to teaching mathematics, models of functions of general mathematical education.*

Закономерности функционального пространства как предмет пространственно-функционального и теоретико-функционального видов деятельностей в субъектном плане представлены, исследуются в содержании:

1. Спектрального этапа выделения пространственно-векторной, пространственно-точечной, пространственно-метрической, векторно-координатной, вероятностной, логической функциональных моделей: «Классы функций в системе математических теорий числовых систем, геометрических фигур, векторного пространства, булевой алгебры, вероятностей выступают предметными моделями теории функционального пространства» [2, с. 338].

2. Этапа теоретического обобщения в системе теоретико-множественных понятий функции, биективной функции, композиции, обращения функций: «Идея функциональной зависимости – основополагающая для понимания и изучения процессов и явлений, происходящих в природе и обществе. Знакомство с ней вносит серьезный вклад в развитие представлений учащихся о математическом моделировании» [11, с.24].

3. Интегрального этапа изучения дискретной и непрерывной числовых функциональных моделей с фундаментальными понятиями предела, производной, непрерывности: «Для математического исследования явлений реального мира особенно важны понятия предела и производной, ведь это основные понятия, на которых говорит природа» [6, с. 2].

Системно-структурное представление теории функций [2], выстроенное в методологии формирования теоретического типа мышления В.В. Давыдова [15, 16], в достаточной степени позволяют исследовать общие закономерности деятельности представливания и теоретико – функциональной деятельности в пространстве функций. Их конкретная реализация в проектировании учебной деятельности, выделении системы учебных задач теории функций отражает богатый опыт научно-методического анализа, разработки и апробации различных подходов в классических работах Н.Я. Виленкина [13], Г.Д. Глейзера [8], И.М. Гельфанда [1], О.С. Ивашева-Мусатова [14], Г.Д. Дорофеева [3], А.Н. Колмогорова [4], А.И. Маркушевича [10], А.Г. Мордковича [5, 6], С.И. Новоселова [7], профессиональных математиков, методистов, авторов учебников.

<u>Восхождение от абстрактного к конкретному в теории функций.</u> Абстрактное теоретико-множественное понятие функции в содержании характеристических свойств функциональности $((\forall x)(\forall y)(\forall z)$ если $y = f(x)$ и $z = f(x)$, то $y = z$) и определенности $((\forall x)\ (\exists y)\ (y = f(x))$ выступает генетически исходной содержательной абстракцией:

- абстрагирует и обобщает познавательную человеческую деятельность по анализу процессов с однозначно определенной зависимостью величин;
- определяет универсальный метод исследования зависимостей в различных предметных теориях;
- вместе с понятиями числа, фигуры составляет категориальный аппарат содержания учебной математической деятельности, исследования каждой из учебных математических теорий;
- позволяет проводить классификацию, систе-

матизацию функций, как в плане выделения различных функциональных моделей, так и в плане их структурного представления;

- в каждой из функциональных моделей сохраняет характеристические свойства, вместе с классами объектов определяет содержание, свойства модели;

- приводит к выделению в классе числовых элементарных функций фундаментальных понятий современной математики, общего метода исследования.

Закономерным этапом восхождения к конкретному выступает развитие категории функции как содержательной абстракции в системном анализе функциональных моделей для цели последующего становления общетеоретических представлений:

- в изученных на логико-содержательном уровне предметных теориях числовых систем, геометрических фигур, векторного пространства, вероятности в содержательном анализе выделяются отношения с явно выраженными функциональными свойствами, обладающие в теории собственными «именами», сохранение свойств определенности и функциональности позволяет их отнести к конкретным классам в содержании категории функции;

- функциональная трактовка и обоснование основных результатов предметной теории позволяют установить базовые классы функций, их общефункциональные и специфические свойства – построить функциональную модель теории.

Опыт выделения функциональных моделей предметных теорий обобщается на этапе модельно-теоретических представлений в сочетании абстрактных алгебраических определений категорий функции, композиции, обращения, дискретности, непрерывности и их модельных конкретизаций. В процессе восхождения становится технологичным отмеченное Г.В. Дорофеевым преимущество модельно-абстрактного подхода к понятию функции: «возможность рассматривать не только числовые функции числового аргумента, но и функции, определенные на множествах объектов произвольной природы и принимающих значения, являющиеся объектами также произвольной природы» [1, с. 12].

В определенной степени сложившиеся функциональные модельно-теоретические представления становятся основанием для постановки, принятия цели развития теории функций на базе разработанной теории числовых систем – вначале в форме дискретной и непрерывной моделей теории функций и, затем, в содержании новой математической теории – дифференциального и интегрального исчисления.

Классы числовых функций в образах дискретной и непрерывной функциональных моделей формируют функциональное пространство, существенно отличающееся категориальными понятиями, представлениями, свойствами от пространства функций спектрального этапа:

- в формальной целостности, определенной функциональной зависимостью $y = f(x)$, в качестве областей определения и значений выступают определенные бесконечные, дискретные или непрерывные подмножества числовых систем со свойствами операций, упорядочения, базовыми моделями;

- в дискретной функциональной модели $\{f \mid f: N \to R\}$ объектами исследования являются области значений в форме счетных последовательностей $\{x_n \mid x_n = f(n)\}$ с операциями суммы, произведения, частного, фундаментальными понятием предела последовательности $\lim\limits_{n \to \infty} x_n = a$, свойствами сходимости либо расходимости;

- в непрерывной функциональной модели $\{f \mid f: R \to R\}$ произвольная последовательность значений аргумента $\{x_n \mid x_n = f(n)\}$ и соответствующая последовательность значений функции $\{y_n \mid y_n = f(x_n)\}$ интегрируются в последовательности $\{(x_n, y_n) \mid x_n = f(n), y_n = f(x_n)\}$ точек координатной плоскости (графика функции) с фундаментальными понятиями предела функции в точке $\lim\limits_{x \to x_0} f(x) = A$, непрерывности функции $\lim\limits_{x \to x_0} f(x) = f(x_0)$, свойствами ограниченности, монотонности, периодичности, функционально-графическими представлениями;

- предельный переход в классах последовательностей, функций, приращений функций расширяет систему фундаментальных понятий общей теории функций новыми операциями дифференцирования и интегрирования, тесно связанными с композицией, суммированием, произведением функций в системе свойств производной;

- описание фундаментальных понятий числовых функциональных моделей тремя типами переменных (аргументы, значения функции, функциональные зависимости) в системе условных символов как закономерность теории обосновывает предикатную логико-символическую форму представленности субъекту понятий, свойств, способов исследования.

Помимо логико-символической формы представления понятий, свойств пространства числовых дискретных и непрерывных функциональных моделей деятельность представливания направлена на выделение мировоззренчески обоснованных классов числовых элементарных функций с единым способом исследования, формирование общего способа исследования их произвольных комбинаций, композиций средствами дифференциального исчисления.

Итоговой закономерностью системного структурирования функционального пространства в деятельности представливания выступает обобщенный

целостный анализ:

- абстрактного понятия функции, композиции, обратной функции;

- функциональных моделей предметных теорий векторного, евклидова, точечного, геометрического пространств, пространства событий, случайных величин, булева пространства в системе базовых классов функций, их общефункциональных и специфических свойств, роли в построении предметной теории;

- числовых дискретной и непрерывной функциональных моделей с базовыми системами понятий, классов функций и метода их исследования.

Учебная деятельность в теории функций. Учебная деятельность представливания на спектральном и интегральном этапах развития пространственно-функционального типа мышления формируется в процедуре восхождения от абстрактного понятия функции к конкретной функциональной модели и от спектра моделей к целостному модельно-теоретическому представлению класса всех функций. Спектрально-модельная представленность функционального пространства с опорой на теоретические закономерности предметного (числовых систем, векторного, евклидова, точечного, геометрического, случайных величин, двоичных последовательностей) пространства обосновывает методологию формирования учебной математической деятельности в совокупности обобщенных способов деятельности:

- построения, исследования функциональной модели в предметном пространстве;

- исследования теоретических закономерностей предметного пространства в содержании функциональных моделей спектрального этапа;

- становление фундаментальных методов теории функций, их приложений в функциональных моделях числового пространства;

- становления интегральных модельно-теоретических представлений функционального пространства.

В содержании предметной математической теории построение, исследование конкретной функциональной модели (пространственно-векторной, пространственно-точечной, пространственно-метрической, векторно-координатной, вероятностной, логической) характеризуются обобщенными действиями закономерного плана:

- анализа базовых классов объектов предметной теории в единстве с операциями, отношениями и их свойствами;

- выделения именованных понятиями предметной теории основных классов функций на основе характеристических свойств определенности и функциональности, обоснованных свойствами операций на классах объектов;

- формализации специфических для функциональной модели свойств каждого из выделенных классов функций на основе операций, отношений предметной теории;

- конструирования операций композиции, произведения, суммы, обращения на выделенных классах функций предметной теории;

- исследования фундаментальных свойств конечности-бесконечности, дискретности-непрерывности классов функций предметной теории;

- функциональной трактовки и обоснования основных результатов предметной теории для анализа роли функциональных зависимостей в ее построении;

- целостного представления классов функций предметной теории, их свойств, значимости в развитии теории – функциональной модели предметной теории.

Конструирование функциональной модели предметного пространства на спектральном этапе не выступает предметом общей теории функций, основная цель предметной функциональной модели – становление, развитие теории предметного пространства:

- базовые функции предметной модели отражают фундаментальные свойства объектов пространства;

- теоретические закономерности предметных пространств (векторного, евклидова, точечного, геометрического, случайных величин) имеют функциональную форму представленности;

- развитие теории предметного пространства осуществляется посредством введения новых классов функций, отражающих все более глубокие свойства пространства, классов объектов.

Направленность функциональных моделей на исследование теоретических закономерностей пространства, поглощение моделей теорией соответствующего предметного пространства выражается в спектре формируемых в содержании модели обобщенных способов деятельности.

Пространственно-векторная функциональная модель в условиях своего развития углубляет представление геометрического пространства, наделяя его структурой трехмерного евклидова пространства вместе с новыми типами объектов (векторы), функций, векторным методом исследования объектов геометрического пространства:

- представление геометрического пространства как евклидова в содержании базовых функций пространственно-векторной модели;

- исследование условий коллинеарности, комплонарности, ортогональности векторов в функциональной форме;

- описание прямых, плоскостей, их взаимного расположения в геометрическом пространстве значениями векторных функций;

- исследование пространственных свойств геометрических фигур в спектре функционально-векторных условий взаимного расположения прямых, плоскостей;

- исследование метрических понятий длины отрезка, величины угла, площади многоугольника, объема многогранника в пространственно-векторной модели;

- вычисление метрических характеристик геометрических фигур векторным (функциональным) методом;

- описание геометрических фигур в системе пространственных, метрических свойств.

Пространственно-точечная модель теории функций структурирована в условиях представления геометрического пространства точечным (геометрические фигуры – множества точек) с целью введения, обоснования исследования геометрических фигур методом преобразований (подобия, движения и их конкретных видов):

- представление геометрического пространства точечным, геометрических фигур – как определенных множеств точек, допускающих конструктивные, аналитические преобразования симметрии, параллельного переноса, вращения, гомотетии, их композиции, обращения;

- исследование базовых преобразований осевой симметрии, параллельного переноса, вращения, скользящей симметрии в содержании общего понятия движения в геометрическом пространстве;

- введение фундаментального понятия равенства геометрических фигур с позиции понятия движения, его конкретных видов;

- выделение свойств, признаков равенства геометрических фигур для их приложения в изучении пространственных, конструктивных, метрических свойств;

- исследование базовых преобразований гомотетии, центрально-подобного вращения, центрально-подобной симметрии в содержании общего понятия подобия в геометрическом пространстве;

- введение фундаментального понятия подобия геометрических фигур с позиции понятия преобразования подобия, его конкретных видов;

- выделение свойств, признаков подобия геометрических фигур для их приложения в изучении пространственных, конструктивных, метрических свойств;

- исследование взаимных связей преобразований движения, подобия, операций композиции, обращения, классификация преобразований движения, подобия;

- приложение преобразований подобия, движения в задачах на доказательство, построение геометрических фигур, исследование их пространственных, метрических, конструктивных свойств.

Пространственно-метрическая модель теории функций направлена на сформированность метрического компонента пространственного мышления исследованием метрических свойств геометрических фигур в их взаимной связи:

- представление геометрического пространства в закономерностях отражения метрических характеристик объектов реального пространства в содержании конкретной числовой системы;

- аксиоматическое введение понятия длины отрезка, исследование классических фактов евклидовой геометрии о конструктивных, пространственных свойствах функции длины на множестве геометрических фигур;

- расширение функции длины введением понятия длины линии в предельном переходе системы действительных чисел, вычисление длины окружности;

- аксиоматическое введение понятия величины плоского угла, исследование классических фактов евклидовой геометрии о конструктивных, пространственных свойствах функции величины угла на множестве геометрических фигур;

- расширение функции величины плоского угла введением понятия угла между линиями на плоскости в предельном переходе системы действительных чисел, его приложением в конкретных исследованиях;

- исследование взаимной связи функций длины и величины угла в классах геометрических фигур;

- аксиоматическое введение понятия площади многоугольника, исследование классических фактов евклидовой геометрии о конструктивных, пространственных свойствах функции площади на множестве геометрических фигур;

- расширение функции площади введением понятия площади плоской фигуры в предельном переходе системы действительных чисел, вычисление площади круга, поверхности сферы;

- исследование взаимной связи функций площади, длины и величины угла в классах геометрических фигур;

- аксиоматическое введение понятия объема многогранника, исследование классических фактов евклидовой геометрии о конструктивных, пространственных свойствах функции объема на множестве геометрических фигур;

- расширение функции объема введением понятия объема тела в предельном переходе системы действительных чисел, вычисление объемов круглых тел;

- исследование взаимных связей конструктивных, пространственных и метрических свойств геометрических фигур в представлении геометрического пространства.

Векторно-координатная модель в форме класса функций аналитического соответствия направлена:

- на построение, исследование аналитических моделей определенных классов геометрических фигур (прямых, плоскостей, линий, поверхностей) в арифметическом пространстве;

- последующую интерпретацию результатов исследования аналитических моделей арифметического пространства в виде свойств геометрических фигур геометрического пространства.

В условиях отождествления геометрического пространства с трехмерным евклидовым (пространственно-векторная модель) пространством в аналитической модели строится опосредованное (изоморфное) представление геометрического пространства как арифметического с векторно-координатным методом исследования геометрических фигур:

- в представлении геометрического пространства как трехмерного евклидова, на базе пространственно-векторной модели осуществляется выбор ортонормированного базиса;

- в системе функций аналитического соответствия в геометрическом пространстве фиксируется система координат с ортонормированными базисными векторами;

- геометрическое пространство с фиксированной системой координат отождествляется с арифметическим пространством, в котором определенные классы геометрических фигур (точки, прямые, линии, плоскости, поверхности) представлены аналитическими моделями;

- в геометрическом пространстве с фиксированной системой координат геометрическая фигура выступает объектом арифметического пространства вместе с характеризующими ее точками, прямыми, линиями, плоскостями, поверхностями;

- в системе аналитических моделей точек, прямых, линий, плоскостей, поверхностей геометрической фигуры осуществляются ее аналитическое описание, интерпретация в системе геометрических свойств.

Вероятностная модель теории функций в спектре базовых функций теории вероятностей позволяет провести исследование закона распределения (дискретной, непрерывной) случайной величины:

- случайная величина в системе числовых значений полной группы событий с соответствующими вероятностями характеризуется как дискретная, непрерывная с целью выбора способа исследования;

- в системе значений случайной величины, соответствующих вероятностей строится ее закон распределения;

- в анализе значений случайной величины, закона распределения устанавливаются характеристические свойства определенного классического закона распределения;

- по значениям закона распределения находятся значения функции распределения, строится ее графическое представление;

- вычисляется математическое ожидание случайной величины на базе закономерностей классического закона распределения;

- вычисляется дисперсия, среднее квадратичное отклонение случайной величины;

- на основе выделенных функций вероятностной модели строится целостное представление случайной величины.

В отличие от функциональных моделей спектрального этапа предметом функциональных моделей (дискретной, непрерывной) числового пространства выступают не объекты теории числовых систем, а теоретические закономерности функционального пространства, обоснованные структурой и содержанием числового пространства:

- связанные с понятиями предела, сходимости последовательности и суммы ее членов в модели функций натурального аргумента;

- представленные в системе понятий предела и непрерывности функции, производной, интеграла в модели числовых элементарных функций.

В методологии интегрального этапа теории функций концептуальным выступает высказывание А.Г. Мордковича о важности для математического исследования явлений реального мира понятий предела и производной. Им же ограничен объективный уровень изучения фундаментальных понятий теории: «… в школе мы лишь знакомим учащихся с элементами математического анализа, составляющими существенную часть общечеловеческой культуры, формальное изучение этого предмета – удел высшей математики [4, с. 4].

Содержанием модели функций натурального аргумента выступает представление теории последовательностей в предельном переходе – характеризации бесконечной числовой последовательности одним числом – ее пределом. В обобщенном представлении данной функциональной модели:

- бесконечная последовательность действительных чисел рассматривается как новый математический объект с арифметическими операциями, сравнением, анализом изменения членов последовательности с изменением их номеров;

- выделяются классические числовые последовательности – арифметическая и геометрическая прогрессии, последовательности сумм их членов;

- вводятся интуитивное, образное, аналитическое представления предела последовательности, исследуются его свойства;

- исследуются способы демонстрации, доказательства сходимости последовательности к действительному числу, в условиях приближения иррациональных чисел бесконечными последовательностями рациональных чисел строятся примеры последовательностей с заданными пределами;

- в условиях предельного перехода в геометрическом пространстве осуществляется формирование понятий длины линии, величины угла между линиями, площади плоской фигуры, поверхности, объема тела;

- в системе образных, аналитических обобщенно-конкретных представлений формируются понятия сходимости, расходимости, признаки сходимости, свойства пределов суммы, произведения, частного последовательностей;

- в конкретных классах числовых функций проводится анализ взаимной связи сходимости бесконечной последовательности значений переменной и последовательности соответствующих значений функции, в условиях сходимости – сравнение предела последовательности значений переменной и предела последовательности значений функции;

- в содержании функционально-графических представлений в совокупности последовательностей значений переменной, соответствующих последовательностей точек графика, секущих с фиксированным началом осуществляется характеризация касательной к графику функции как предела последовательности секущих.

Учебная математическая деятельность в модели числовых элементарных функций направлена на становление обобщенных теоретических представлений функционального пространства:

- в содержании стандартных классов числовых функций, их расширений в процедурах аналитических преобразований, комбинаций, композиций, обращения, посредством операторов дифференцирования, интегрирования;

- в спектре категориальных понятий предела функции, производной функции, первообразной функции, свойств непрерывности, ограниченности, монотонности, периодичности;

- в условиях выявления закономерных связей функции и ее производной, функции и ее первообразной, их приложения в исследовании экстремальных, метрических задач;

- в формировании обобщенного способа исследования в классе числовых элементарных функций;

- использованием логико-символической, предикатной формы представления понятий, свойств, исследования функций;

- в анализе метода предельного перехода в построении теории числовых элементарных функций.

Несформированность на уровне общего математического образования абстрактных теоретико-множественных положений теории функций объясняет ее развитие в сочетании модельно-функциональной формы спектрального этапа и аналитических, логико-символических, функционально-графических представлений интегрального этапа. Учебная деятельность, направленная на становление теоретико-функционального мышления в интеграции абстрактного аксиоматического описания теории функций и всего спектра модельных функциональных представлений, включая числовые, структурируется обобщенной системой действий:

- введения абстрактных понятий-категорий теории функций в единстве с их модельной конкретизацией с использованием интуитивной, образной, аналитической, логико-символической форм представленности;

- доказательства общих и специфических функциональных свойств средствами аппарата предметных теорий;

- становления метода предельного перехода в классах дискретных и непрерывных числовых функций;

- исследования и обоснования свойств классов числовых элементарных функций с помощью аппарата дифференциального исчисления;

- интеграции теоретико-модельных представлений в целостном субъектном образе – функциональной картине мира.

Учебные задачи в теории функций. Функциональное пространство, определяющее методологию изучения векторного, геометрического, числового, арифметического, вероятностного пространств, обладает достаточно сложной структурой функциональных моделей со специфической системой свойств, опосредованными предметными пространствами обобщенными способами деятельности представливания, теоретико-функциональной деятельности. Закономерная выраженность функциональных представлений в спектре представлений предметных функциональных моделей с последующей интеграцией в общем теоретико-функциональном подходе обосновывает направления учебной математической деятельности:

- построения, исследования предметных функциональных моделей;

- выделения обобщенных способов исследования предметных пространств в содержании соответствующей функциональной модели;

- теоретико-функциональные исследования числовых функциональных моделей.

Структура учебной модельно-теоретической функциональной деятельности определяет процесс ее формирования в системе учебных задач:

1. Представление пространственно-векторной функциональной модели с векторным методом исследования объектов геометрического пространства:

- выделение базовых классов функций оперирования над векторами, их свойств в условиях отождествления геометрического пространства с трехмерным евклидовым пространством;

- описание свойств трехмерного евклидова пространства в системе базовых функций пространственно-векторной функциональной модели, их композиций;

- исследование пространственных, метрических свойств геометрических фигур средствами базовых функций пространственно-векторной функциональной модели в содержании векторного метода;

2. Представление пространственно-точечной функциональной модели, исследование геометрических фигур методом преобразований геометрического пространства:

- выделение базовых классов биективных функций преобразований геометрического пространства в его представлении точечным, преобразований движения, подобия;

- классификация преобразований движения, подобия в функциональных операциях композиции, обращения;

- функциональный способ введения понятий равенства, подобия на множестве геометрических фигур, исследование признаков равенства, подобия в классах геометрических фигур;

- конструирование, исследование геометрических фигур методом преобразований геометрического пространства;

- представление пространственно-точечной функциональной модели с позиции общего понятия функции в функциональном пространстве.

3. Представление пространственно-метрической функциональной модели, исследование метрических свойств фигур геометрического пространства:

- абстрагирование процедур измерения величин реального пространства в понятиях функций длины отрезка, величины угла, площади многоугольника, объема тела геометрического пространства, аксиоматизация функциональных метрических понятий в теории геометрического пространства;

- расширение функциональных метрических понятий в содержании предельного перехода во множестве действительных чисел;

- исследование взаимной связи метрических функций в различных классах геометрических фигур, связи метрических функций с функциями пространственно-точечной модели;

- сравнение метрических функций геометрического пространства и их определения, методов вычисления в пространственно-векторной модели, в содержании векторно-координатного метода исследования геометрических фигур.

4. Представление векторно-координатной функциональной модели с векторно-координатным (аналитическим) методом исследования объектов геометрического пространства:

- выделение классов функций аналитического соответствия в условиях отождествления геометрического пространства с евклидовым введением прямоугольной декартовой системы координат;

- описание классов прямых, линий, плоскостей, поверхностей функциями аналитического соответствия в форме аналитических моделей, исследование моделей алгебраическими средствами, интерпретация результатов исследования в системе пространственных, метрических свойств геометрического пространства;

- исследование геометрических фигур векторно-координатным методом – средствами аналитических моделей составляющих фигуры прямых, линий, плоскостей, поверхностей в интегрированном (геометрическом, евклидовом, арифметическом) пространстве;

- интегральное представление пространственно-векторной, пространственно-точечной, пространственно-метрической и векторно-координатной функциональных моделей с соответствующими методами исследования геометрических фигур в целостном представлении геометрического пространства.

5. Представление вероятностной функциональной модели, исследование законов распределения случайных величин вероятностного пространства:

- исследование функции вероятности в пространстве событий с операциями суммирования, произведения, в содержании полной группы событий, их кратного воспроизведения;

- выделение базовых функциональных характеристик дискретных и непрерывных случайных величин в совокупности классических законов распределения;

- исследование общефункциональных и предметно-специфических свойств функций вероятностного пространства;

- анализ закона распределения случайной величины в содержании вероятностной функциональной модели с позиции его целостного представления.

6. Теоретическое представление модели функций натурального аргумента, метод предельного перехода в классах функций натурального аргумента:

- исследование функциональной формы сходимости или расходимости в базовых классах последовательностей (рациональных чисел, арифметических и геометрических прогрессий, показательных последовательностей, периметров и площадей вписанных многоугольников, семейства секущих с общим началом) в рамках интуитивного, образного представлений понятия предела последовательности;

- представление понятия, свойств предела последовательности в образной, аналитической, логико-символической формах, в процедурах обобщения и конкретизации;

- исследование функций натуральной переменной в содержании предельного перехода;

- исследование взаимной связи свойства сходимости последовательностей значений переменной и соответствующих значений функции.

7. Теоретическое представление модели числовых элементарных функций, исследование числовых элементарных функций средствами дифференциального, интегрального исчислений:

- выделение, исследование свойств стандартных классов функций, их расширений в аналитических преобразованиях, операциях комбинирования, композиции, обращения функций;

- образное, логико-символическое, аналитическое представления фундаментальных понятий предела функции, производной функции, первообразной функции в их взаимной связи;

- становление обобщенного способа исследования числовых элементарных функций средствами аппарата производных, его приложение в системе экстремальных задач;

- анализ числовых элементарных функций в содержании интегрального исчисления, его приложения в метрических задачах теории числовых элементарных функций.

8. Интеграция функциональных моделей в содержании теоретико-множественных представлений функционального пространства:

- определение, систематизация функциональных понятий-категорий спектрального, интегрального этапов в единстве с их базовыми предметными представлениями, анализом их роли в развитии предметной теории, предметной функциональной модели;

- теоретико-модельное исследование фундаментальных функциональных свойств «арности», «конечности-бесконечности», «дискретности-непрерывности», «равномощности» спектрального этапа, свойств монотонности, ограниченности, периодичности интегрального этапа развития теории функций;

- интеграция категориальной системы понятий, свойств теории функций и ее «предметных» функциональных моделей для цели сформированности, демонстрации универсального и фундаментального характера понятия «функция» в содержании категории функционального пространства.

Список литературы

1. Гельфанд И.М., Глаголева Е.Г., Шноль Э.Э. Функции и графики (основные приемы). М.: Наука, 1968. 96 с.
2. Горбачев В. И. Теория функций в методологии теоретического типа мышления: теоретико-модельные представления уровня общего образования // Вестник Брянского государственного университета: Исторические науки и археология /литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ. 2016.№ 1 (27). С. 336-343.
3. Дорофеев Г.В. Понятие функции в математике и в школе // Математика в школе. 1978. № 2. С. 10-27. О принципах отбора содержания школьного математического содержания // Математика в школе. 1990. № 6. С. 2-5. Гуманитарно-ориентированный курсоснова учебного предмета математика в общеобразовательной школе // Математика в школе. 1997. № 4. С. 59-66.
4. Колмогоров А.Н. Что такое функция // Математика в школе. 1978. № 2. С. 27-29.
5. Мордкович А.Г. Новая концепция школьного курса алгебры // Математика в школе. 1996. № 6. С. 28-33.
6. Мордкович А.Г. Методические проблемы изучения элементов анализа в общеобразовательной школе // Математика в школе. 2002. № 9. С. 2-12.
7. Новоселов С.И. Учение о функциях в средней школе // Математика в школе. 1947. № 5-6. С. 22-38. О дискуссионных вопросах, связанных с учением о функциях в школьном курсе // Математика в школе. 1954. № 4. С. 43-46.
8. Глейзер Г.Д. Стандарт математического образования: сущность и проблемы к обсуждению // Математика в школе. 1994. № 2. С. 2-4.
9. Стандарт среднего математического образования (проект) // Математика в школе. 1993. № 4. С. 10-23.
10. Маркушевич А.И. Понятие функции // Математика в школе. 1947. № 4. С. 1-16.
11. К концепции школьного математического образования // Математика в школе. 1989. № 2. С. 20-30.
12. Концепция математического образования (в 12-летней школе) // Математика в школе. 2000. № 2. С. 13-18.
13. Виленкин Н.Я., Блох А.Я. Элементарные функции в школьном курсе математики // Математика в школе. 1978. № 3. С. 53-57.
14. Ивашев-Мусатов О.С. Непрерывность и начала анализа // Математика в школе. 1978. № 3. С. 49-53.
15. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972. 423 с.
16. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с.

Об авторе

Горбачев Василий Иванович – доктор педагогических наук, профессор, директор естественно-научного института Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *enibgu@mail.ru*

УДК 53:372.8

О ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ И МИКРОСКОПИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ ФИЗИКИ

Егоров Г.В.

В статье рассматривается классификация физических теорий, делящая их на феноменологические и микроскопические, анализируется роль феноменологических теорий в процессе познания природы. В работе приводятся примеры, подтверждающие эвристическую роль феноменологических теорий в процессе физического познания, аргументируется возможность применения принципа множественности и единства моделей в процессе изучения явления сверхпроводимости в курсе физики.
***Ключевые слова**: преподавание физики, методология, феноменологические и микроскопические теории, сверхпроводимость, принцип множественности и единства моделей.*

ABOUT THE PHENOMENOLOGICAL AND MICROSCOPIC THEORIES IN PHYSICS

Egorov G.V.

The paper deals with the classification of physical theories, dividing them into phenomenological and microscopic, and analyzes the role of phenomenological theories in the process of cognition of nature. The paper presents examples demonstrating the heuristic role of phenomenological theories in the process of physical cognition, the article argues for the possibility of applying the principle of plurality and unity of models in the process of studying the phenomenon of superconductivity in the physics course.
***Keywords**: physics teaching, methodology, microscopic and phenomenological theories, superconductivity, the principle of plurality and unity of models.*

Большое значение в процессе обучения физике имеют вопросы методологии науки. Проблеме включения методологических знаний в курс физики посвящены работы многих отечественных ученых, например, монография В.В. Мултановского [1]. Формирование современной физической картины мира у студентов бакалавриата, обучающихся по направлению «Физика», представляет собой одну из важнейших задач на всех этапах образовательного процесса. Выполненный в настоящей работе анализ этапов становления теории сверхпроводимости направлен на развитие у студентов вузов правильного представления о физической науке, как о совокупности большого числа различных моделей, в той или иной мере отражающих реальную действительность. Автор аргументирует справедливость важного принципа множественности и единства моделей, значение которого в процессе преподавания физики отмечалось ранее [2].

Существует множество различных классификаций научных теорий, которые проводятся на основе разных принципов. Наиболее известной и общепринятой является классификация, которая подразделяет физические теории на объясняющие (микроскопические) и описывающие (феноменологические). Феноменологические теории описывают наблюдаемые в опыте свойства и величины предметов и процессов, но не вникают глубоко в их внутренние механизмы (например, геометрическая оптика, термодинамика и др.).

Феноменологические теории решают, прежде всего, задачу упорядочивания и первичного обобщения относящихся к ним фактов. С феноменологическими теориями исследователи сталкиваются, как правило, на первых ступенях развития науки, когда происходит накопление, систематизация и обобщение эмпирического материала.

С развитием научного познания теории феноменологического типа уступают место нефеноменологическим (объясняющим), которые не только отображают связи между явлениями и их свойствами, но и раскрывают глубинный внутренний механизм изучаемых явлений и процессов, их необходимые взаимосвязи, существенные отношения, т.е. их законы (таковы, например, волновая оптика, статистическая физика и др.). Несомненно, что феноменологические теории благодаря своей простоте легче поддаются логическому анализу, формализации и математической обработке, чем нефеноменологические. Возможно, поэтому в физике одними из первых были аксиоматизированы такие ее разделы, как классическая механика, геометрическая оптика и термодинамика.

Выдающийся немецкий физик-теоретик В. Гейзенберг отмечает, что появление феноменологических теорий объясняется двумя причинами – либо чрезвычайной математической сложностью описания явлений, либо незнанием соответствующих фундаментальных законов природы. При этом «более интересен второй случай, в котором лежащие в его основе законы природы еще вовсе неизвестны. В таком случае можно надеяться, что феноменологические теории могли бы указать путь к правильной формулировке законов природы, и тогда возникает вопрос об эвристической ценности феноменологической теории». Гейзенберг приводит известные примеры, когда феноменологические

теории сыграли важную эвристическую роль в установлении фундаментальных законов природы: «Феноменологическая термодинамика 19 века, формулируя понятие энтропии, нашла нечто «физическое», как это сделала и химия, установив правило валентности. …А кеплеровские законы движения являются непосредственным шагом к ньютоновской механике» [3].

Гейзенберг приводит пример и отрицательной роли, которую может сыграть феноменологическая теория в развитии науки: «…В античности существовало представление, будто Солнце находится в центре планетарной системы. Если несмотря на это в поздней античности победило птолемеевское учение, то ведь это могло только означать, что в философских взглядах людей того времени прагматичное мышление держало победу над принципиальным мышлением более ранних веков. Успешная, но все же только формальная феноменологическая теория на полторы тысячи лет преградила тогда путь к познанию истинного движения планет» [3].

Тесная связь феноменологических теорий и приходящих им на смену микроскопических широко встречается в физике, и эта связь должна быть отчетливо донесена до сознания студентов, изучающих курс физики в вузе. В данной работе эта связь рассматривается на примере истории создания теории сверхпроводимости – одного из наиболее необычных физических явлений, открытого и исследованного в 20 веке. Рассматривая изучение механизмов сверхпроводимости, можно наглядно продемонстрировать студентам справедливость принципа множественности и единства моделей.

После открытия голландским физиком Х. Камерлинг-Оннесом явления сверхпроводимости было предпринято множество попыток объяснить столь необычные эффекты сверхпроводимости, как полное исчезновение электрического сопротивления, эффект Мейсснера (полное вытеснение магнитного поля из объёма проводника при его переходе в сверхпроводящее состояние) и др. Многие ранние теории до сих пор сохранили свое значение.

В 1935 г. Ф. и Г. Лондоны, используя двухжидкостную модель, в которой электрический ток в сверхпроводнике представляется в виде двух компонент – нормальной и сверхпроводящей, получили так называемые **уравнения Лондонов**, объясняющие многие макроскопические свойства сверхпроводников [4]. Не вникая в микроскопические причины сверхпроводимости, Лондоны построили электродинамику сверхпроводников, описав в математической форме основные экспериментальные факты - отсутствие сопротивления и эффект Мейснера.

В 1950 году В.Л. Гинзбург и Л.Д. Ландау построили теорию сверхпроводимости, основанную на квантовой механике и на теории Л. Д. Ландау *фазовых переходов* второго рода [5]. Их теория является феноменологической, поскольку в ней принимаются определенные предположения, доказательством справедливости которых является то, что они правильно описывают некоторые свойства сверхпроводников.

Отправным пунктом феноменологической теории *сверхпроводимости* Гинзбурга-Ландау является выражение для свободной энергии F сверхпроводника как функционала от Ψ - комплексного *параметра порядка*. Первоначально физический смысл этого параметра был неясен. После построения микроскопической теории сверхпроводимости оказалось, что параметр Ψ сверхпроводящего состояния в теории Гинзбурга - Ландау пропорционален волновой функции бозе-конденсата куперовских пар электронов в сверхпроводнике или, иными словами, размеру щели в энергетическом спектре электронов сверхпроводника.

В теории Гинзбурга — Ландау предполагается, что вся совокупность сверхпроводящих электронов описывается волновой функцией $\Psi(\mathbf{r})$ от одной пространственной координаты. Введением функции $\Psi(\mathbf{r})$ устанавливалось когерентное согласованное поведение всех сверхпроводящих электронов. Действительно, если все n_s электронов ведут себя совершенно одинаково, согласованно, то для описания их поведения достаточно той же самой волновой функции, что и для описания поведения одного электрона, т. е. функции от одной переменной. Величину $|\Psi(\mathbf{r})|^2$ можно рассматривать как плотность сверхпроводящих электронов, которая обращается в нуль при $T = T_C$.

Теория Гинзбурга — Ландау исходит из того, что переход из нормального состояния в сверхпроводящее является фазовым переходом II рода. Теория таких переходов была разработана Ландау несколько раньше. В этой теории присутствовал некоторый параметр порядка, который в новой фазе (в нашем случае — в сверхпроводящей фазе) должен монотонно возрастать от нуля при $T = T_C$ до единицы при T = 0 К. В качестве этого параметра Гинзбург и Ландау выбрали функцию $\Psi(\mathbf{r})$.

Далее задача сводится к нахождению функции $\Psi(\mathbf{r})$ и векторного потенциала поля $A(\mathbf{r})$, которые соответствуют минимуму свободной энергии сверхпроводящей фазы при определенных граничных условиях. В результате минимизации свободной энергии по Ψ и по A были получены уравнения, получившие название уравнений Гинзбурга — Ландау. Решением **уравнений Гинзбурга – Ландау** были объяснены и предсказаны многие свойства сверхпроводников, в т.ч. идеальный диамагнетизм, квантование магнитного потока и ряд других.

Несмотря на то, что теория Гинзбурга – Ландау, получившая дальнейшее развитие в работах А.А. Абрикосова и Л.П. Горькова, описывала многие свойства

сверхпроводников, она не могла объяснить явления сверхпроводимости на микроскопическом уровне.

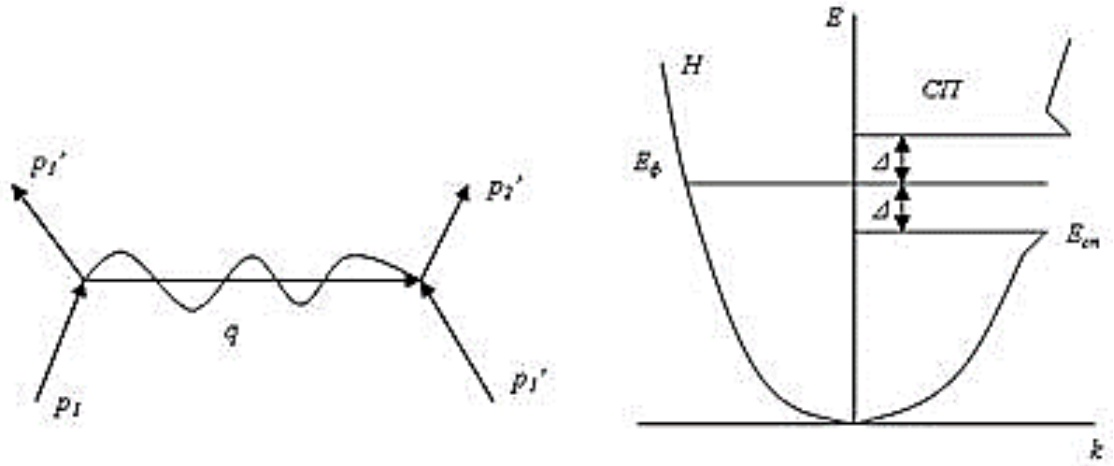
Ответы на большинство вопросов дала теория, опубликованная Дж. Бардиным, Л. Купером и Дж. Шриффером в 1957 г. – **теория БКШ**, раскрывшая микроскопический механизм сверхпроводимости [6]. Исходным пунктом этой теории является представление о притяжении между электронами, находящимися вблизи уровня Ферми. Такое притяжение электронов возможно за счёт их обмена фононами кристаллической решетки.

Первоначально предпринимались попытки рассматривать сверхпроводимость как сверхтекучесть заряженной электронной жидкости, но они окончились неудачей. Оказалось, что такая жидкость может поглощать кванты, а, следовательно, тормозиться при любой скорости движения. Для того чтобы стало возможным сверхтекучее движение зарядов в проводнике необходимо, чтобы заряженные частицы были бозонами, как это имеет место в сверхтекучем ^{4}He.

Открытие в 1950 году зависимости критической температуры T_c перехода в сверхпроводящее состояние металла от его изотопного состава (*изотопический эффект)* свидетельствовало о влиянии кристаллической решётки на сверхпроводимость. Это позволило Х. Фрёлиху и Дж. Бардину продемонстрировать возможность возникновения между электронами в присутствии кристаллической решётки специфического притяжения, которое может превалировать над их кулоновским отталкиванием. В 1956 году Л. Купер установил возможность образования электронами связанных состояний - куперовских пар [7].

Купер показал, что при наличии между электронами притяжения, даже сколь угодно малого, нормальное состояние многоэлектронной системы становится неустойчивым из-за процесса спаривания. Электроны с противоположными импульсами и антипараллельными спинами объединяются в **куперовские пары**, обладающие меньшей энергией, чем отдельные нормальные электроны.

Кристаллическая решетка состоит из положительных ионов, которые притягивают электроны. Но и электроны притягивают ионы, смещая их от положения равновесия. В результате решетка поляризуется. Такое смещение зарядов нарушает однородность поля ионов и может быть интерпретировано как появление положительного заряда. Этот виртуальный заряд притягивает другой электрон, находящийся поблизости. В случае если такое притяжение будет преобладать над кулоновским отталкиванием, то электроны образуют пары. Взаимодействие электронов через посредство решетки можно представить как результат испускания виртуального фонона одним электроном и поглощения другим (рис.1, *а*).



а) *б*)

Рис. 1. Образование куперовских пар:
а – испускание и поглощение электронами виртуального фонона;
б – энергетический спектр сверхпроводника

Поскольку куперовская пара содержит электроны с антипараллельными спинами, она имеет нулевой спин и является бозоном. Согласно распределению Бозе – Эйнштейна все пары занимают уровень $E_Ф$ – Δ (рис.1, *б*). На рисунке для сравнения показаны энергетические спектры нормальной (левая часть) и сверхпроводящей (правая часть) фаз. Как можно видеть в сверхпроводящем состоянии энергетический спектр имеет щель шириной, равной энергии связи куперовской пары 2Δ. При $T \approx 0$ К ширина энергетической щели максимальна и равна $2\Delta(0) = 3{,}5\ kT_C$, где k – постоянная Больцмана.

Существование энергетической щели получило экспериментальное подтверждение, в частности, при исследовании спектра поглощения сверхпроводника в дальней ИК области. При частоте, для которой $h\nu =$

2Δ, начинается интенсивное поглощение излучения. Энергия 2Δ затрачивается на разрыв пары. При повышении температуры также возможны переход электронов через щель и образование над ней неспаренных электронов. Величина щели при этом уменьшается и при $T = T_C$ **щель исчезает**.

Т.к. куперовские пары являются бозонами, для них не выполняется принцип запрета Паули, поэтому куперовские пары находятся в одном состоянии и соответствуют друг другу по всем физическим параметрам. Волновые функции электронов являются когерентными, т.е. их фазы отличаются друг от друга на постоянную величину. Таким образом, куперовские пары ("бозе-конденсат") представляют собой **взаимосвязанный ансамбль.**

В электрическом поле куперовские пары будут ускоряться, т.е. получать результирующий импульс из-за взаимосвязи между парами. Этот импульс должен быть абсолютно одинаковым для всех пар. При этом пара не может обмениваться энергией с решеткой, иначе она перейдет в другое энергетическое состояние, что запрещено условиями модели. Таким образом, ансамбль принимает на себя это взаимодействие, и, пока оно не велико, полный импульс ансамбля сохраняется, т.е. электрический ток не изменяется. Это означает, что **перенос заряда** через решетку **осуществляется без сопротивления**. В случае если энергия воздействия становится больше, чем энергия связи, связь пары разрушается, и она покидает квантовый бозе-конденсат.

Развитие теории сверхпроводимости в 50-е годы 20 века является наглядной иллюстрацией того, как феноменологическая теория становится ступенькой к созданию микроскопической теории, объясняющей механизм явления. С одной стороны, феноменологическая теория сыграла эвристическую роль в поиске механизма явления, а с другой - построение микроскопической теории БКШ обосновало теорию Гинзбурга - Ландау и уточнило входящие в феноменологические уравнения постоянные. При этом можно наглядно проследить за поиском модели, наиболее удачно объясняющей имевшееся множество экспериментальных данных. Теория Лондонов, теория Гинзбурга-Ландау, теория БКШ – это все различные модели, объясняющие явление сверхпроводимости, иллюстрирующие принцип множественности и единства моделей в физике. Все новые и новые идеи, высказываемые различными учеными, развивали эти модели, делая все более понятным сущность явления. При этом идеи, возникшие при создании теории сверхпроводимости, были использованы в дальнейшем в совершенно неожиданном ракурсе.

В 60-е гг. XX в. в физике произошло выдающееся событие: два фундаментальных взаимодействия из четырех были объединены в одно. Электромагнитное и слабое взаимодействия предстали как разновидности единого электрослабого взаимодействия. Теория электрослабого взаимодействия в окончательной форме была создана в конце 60 годов двумя независимо работавшими физиками — С. Вайнбергом (США) и А. Саламом (Пакистан) [8]. Они при этом опирались на работы Ш. Глэшоу (США), который еще в 1960 году высказал главную идею, состоящую в описании слабого взаимодействия на языке калибровочной симметрии [9]. В создании теории электрослабого взаимодействия ключевую роль сыграло понятие спонтанного нарушения симметрии. Идеей спонтанного нарушения симметрии Вайнберг и Салам соединили электромагнетизм и слабое взаимодействие в единой теории калибровочного поля. В теории Вайнберга — Салама представлено всего четыре поля: электромагнитное и три поля, соответствующие слабым взаимодействиям. Кроме того, было введено постоянное на всем пространстве скалярное поле φ (так называемое поле Хиггса), с которым частицы взаимодействуют по-разному, что и определяет различие их масс. Кванты скалярного поля представляют собой массивные элементарные частицы с нулевым спином, которые называют бозонами Хиггса (по имени английского физика П. Хиггса, в 1964 г. предположившего их существование).

Развивая теорию электрослабых взаимодействий применительно к истории ранней Вселенной, советский физик Д.А. Киржниц использовал представления теории БКШ о куперовских парах, что привело к созданию теории высокотемпературных фазовых переходов в теориях со спонтанным нарушением симметрии [10]. Киржниц заметил сходство новых теорий элементарных частиц и теории сверхпроводимости. Он обратил внимание на то, что при повышении температуры конденсат куперовских пар исчезает и сверхпроводимость разрушается. То же самое, по его мнению, должно произойти и в теории электрослабых взаимодействий. В ранней Вселенной, когда температура была очень высока, среднее значение скалярного поля φ должно было обращаться в ноль. Это означает, что в ранней Вселенной не должно было быть разницы между слабыми и электромагнитными взаимодействиями. Разница возникла только потом, когда температура во Вселенной стала достаточно малой. На этой стадии произошел фазовый переход с возникновением скалярного поля φ, что в результате и привело к появлению различия между слабыми и электромагнитными взаимодействиями.

Работы Д.А. Киржница и его ученика А.Д.Линде сыграли важную роль в формировании современных представлений о ранней Вселенной [11]. Эти работы послужили основой для создания теории инфляционной

(т.е. раздувающейся) Вселенной, которая продолжает развиваться в настоящее время. Главной же идеей этой теории стала мысль, навеянная Киржницу моделью Купера, разработанной при объяснении механизма сверхпроводимости. Таким образом, мы наглядно убеждаемся, что модели, используемые для описания различных физических явлений часто оказываются тесно связанными. Это подтверждает справедливость принципа множественности и единства моделей в физике, который выражает познаваемость мира и единство наших представлений о нем.

В результате всестороннего анализа различных подходов к описанию явления сверхпроводимости студенты должны глубже осознать взаимосвязь феноменологических и микроскопических теорий в физике, их роль в процессе физического познания. Понимание этой роли является необходимым условием формирования правильного представления о процессе физического познания и его глубинных механизмах. Осознав эти механизмы, студенты учатся применять их на практике, решая конкретные учебные физические задачи, используя при этом адекватные физические модели. Конечной целью учебного процесса является овладение студентами современными физическими представлениями в рамках квантово-полевой физической картины мира.

Список литературы

1. Мултановский В.В. Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М.: Просвещение, 1977. 168 с.
2. Егоров Г.В. О множественности и единстве моделей в физике // Вестник БГУ. 2012. №1. с. 296.
3. Гейзенберг В. Роль феноменологических теорий в системе теоретической физики // УФН. 1967. т. 91. №4. с. 731.
4. London F., London H. The Electromagnetic Equations of the Supraconductor // Proceedings of the Royal Society London A. 1935. V. 149. P. 71.
5. Гинзбург В.Л., Ландау Л.Д. К теории сверхпроводимости // ЖЭТФ. 1950. т. 20. с.1064.
6. Bardeen J., Cooper L.N., Schrieffer J.R. Theory of superconductivity // Physical Review. 1957. V. 108. P. 1175.
7. Cooper, L. N. Bound Electron Pairs in a Degenerate Fermi Gas // Physical Review. 1956. V. 104. P. 1189.
8. Вайнберг С. Идейные основы единой теории слабых и электромагнитных взаимодействий. Нобелевская лекция // УФН. 1980. т. 132. №. 2. с. 201.
9. Глэшоу Ш. На пути к объединенной теории — нити в гобелене // УФН. 1980. т. 132. №. 2. с. 219.
10. Киржниц Д.А. Модель Вайнберга и «горячая» Вселенная // Письма в ЖЭТФ. 1972. т. 15. в. 12. с. 742.
11. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М.: Наука, 1990. 280 с.

Об авторе

Егоров Геннадий Викторович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экспериментальной и теоретической физики Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, *gennadyegorow@yandex.ru*

УДК 372.881.1

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Исаев Е.А.

Статья посвящена методологии поликультурного подхода к иноязычному образованию. Отмечается, что данный подход развивается в русле теории и практики поликультурного образования. которое исходит из признания наличия множества равноценных культур и утверждения благотворности их взаимодействия для общества в целом. Поликультурный подход реализует стратегию последовательной культурной вариативности, тем самым способствует созданию поликультурной среды, которая призвана за счет активной позиции, диалогового общения, познания, созидания и приобщения учащихся к национальной и общечеловеческой культуре воспитывать профессионализм в его культурной идентификации. Целью иноязычного образования становится развитие языковой личности, способной к поликультурной самоорганизации, т.е. личностного качества, включающего в себя развитие кросс-культурной сферы, глобального отношения к культуре, культурного самоопределения. Языковая личность должна также обладать определенным набором коммуникативных языковых компетенций, к которым относятся лингвистическая, социолингвистическая, прагматическая компетенции. Эффективность поликультурного подхода к непрерывному иноязычному образованию должна быть обусловлена соблюдением общепедагогических принципов антропоцентризма, культуросообразности, научности, диалектического единства интеграции и дифференциации.
Ключевые слова: *поликультурное образование, подход, цель иноязычного образования, принципы, стратегия.*

POLYCULTURAL APPROACH IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION: METHDOLOGICAL ISSUES

Isaev E.A.

The article is devoted to the methodology of polycultural approach to the foreign language education. It is noted that this approach is developing in line with the theory and practice of polycultural education, which is based on the recognition that there are many cultures and equivalent statements wholesomeness of their interaction for society as a whole. Polycultural approach, implementing a coherent strategy for the cultural variability, contributes to the creation of a polycultural environment, which is designed by the active position of the dialog communication, knowledge, creativity and familiarizing students for national and universal culture to raise the professionalism of its cultural identity. The objective of foreign language education is the development of language personality, capable to the polycultural self-organization of a multicultural, i.e. personal quality, including the development of cross-cultural sphere, the global attitude to the culture and cultural self-identity. The language personality should also possess a certain set of communicative language competence, which includes linguistic, sociolinguistic, pragmatic competence. The efficiency of the polycultural approach to the continuous foreign language education should be contingent on compliance with general pedagogical principles of anthropocentrism, scientific, dialectical unity of integration and differentiation.
Keywords: *polycultural education, the approach, the purpose of foreign language education, principles, strategy.*

Современное общество характеризуется разнонаправленными, сложно взаимодействующими процессами унификации и диверсификации, глобализации и мультикультурализма. Эти процессы вызывают существенные изменения в системе образования в целом и иноязычном, в частности, Одно из таких изменений – появление и активное распространение поликультурного подхода в иноязычном образовании, «реализующего сопряжение нескольких культурных традиций в целях, содержании, методах и организационных формах и приводящего к усвоению субъектами образования явлений культурного многообразия как общественной нормы и личностной ценности, а образов культуры и личности – как результатов творческого межкультурного взаимодействия» (Э.Р. Хакимов, О.В. Хухлаева, О.Е. Хухлаев). Данное положение нашло свое отражение в федеральных образовательных стандартах общего, профессионального образования, кроме того, вызвало появление Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (2009), Концепции поликультурного образования в России (2010), Концепции поликультурного образования в высшей школе Российской Федерации (2003), различных региональных нормативных правовых актов и программ, локальных актов отдельных образовательных учреждений.

Поликультурный подход разрабатывается в русле методологии поликультурного образования, которое, в свою очередь, исходит из признания наличия множества равноценных культур и утверждения благотворности их взаимодействия для общества в целом. В связи с этим, поликультурная образовательная модель, становясь основой формирования общегражданской идентичности обучающихся, нацелена на обеспечение гармоничного приобщения личности одновременно и к культуре большинства, и к собственным культурным традициям. Как отмечает Х. Томас (H. Thomas), поликультурное образование имеет место, когда определенная личность стремится в общении с людьми другой культуры понять их специфическую систему ценностей и поступков, интегрировать новый опыт в соб-

ственную культурную систему и изменить его в соответствии с чужой культурой» [6, с. 83].

Отметим, что идеи поликультурного образования имеют глубокие исторические корни. Мысли о необходимости развития личности ребенка в поликультурной среде развивались в философских и педагогических трудах А. Дистервега, Я.А. Коменского, И.Л. Песталоцци, П.Ф. Каптерева, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского и др. Как говорит И.В. Алексашкина, изучение комплекса исторических, социально-культурных факторов, а также философско-педагогических и психологических детерминант позволяет выделить следующие наиболее распространенные в мировой педагогике подходы к пониманию сущности поликультурного образования: **аккультурационный**, имеющий такие ответвления, как *многоэтническое образование* (создание, утверждение и развитие гармонии в отношениях между членами различных этнических групп; изучение традиций родной культуры и процесса их переработки в рамках новой культуры; оказание помощи представителям контактирующих культур, воспитание взаимной открытости и терпимости), *бикультурное образование* (усвоение сформировавшихся в семье ценностей и норм поведения на эмоциональном и когнитивном уровнях; развитие способности выделять и критически осмысливать ценности каждой культуры, а также формировать свою собственную культурную идентичность); **диалоговый**, включающий *концепцию «диалога культур»* (приобщение к различным культурам, формирование общепланетарного сознания, позволяющего взаимодействовать с представителями различных народов и интегрироваться в мировое и общеевропейское культурно-образовательное пространство), *деятельностную концепцию* (воспитание в духе мира, разрешение межкультурных конфликтов), *концепцию мультиперспективного образования* (развитие способности к межкультурной коммуникации, формирование представления о происходящих в мире культурных обменных процессах и многоуровневой структуре каждой культуры); **социально-психологический** реализует *концепцию антирасистского воспитания* (формирование активной позиции по отношению к неравенству, развитие способности критически воспринимать стереотипы, относящиеся к другим людям и их культурам), *концепцию «культурных различий»* (развитие терпимости по отношению к чужому образу жизни и мышления, чужой культуре, развитие способности дифференциации внутри чужой культуры, интеграции элементов других культур в собственную систему мышления), концепцию социального обучения (развитие эмпатии, солидарности, способности решать конфликты) [1, с. 23].

С точки зрения теории и методики обучения иностранному языку, поликультурное образование широко нашло свое проявление в соизучении языка и культуры. Отметим, что данное направление осуществлялось и осуществляется на протяжении десятков лет. В настоящее время это носит аксиоматический характер, и учеными выделяются отдельные культуроведческие подходы и концепции. Среди наиболее распространенных можно назвать такие подходы, как лингвострановедческий, этнографический, функционально-смысловой, культурно-сензитивный, лингвокультурологический, межкультурный, социокультурный, а также поликультурный.

С общепедагогических позиций поликультурный подход рассматривается в работах таких исследователей, как Дж. Бэнкс, К. Грант, О.В. Гукаленко, Н.В. Кузьминой, И.Ю. Макуриной, Л.Л. Супруновой, П. Янга и др. и предполагает реализацию идеи сосуществования общенациональных ценностей и прав личности на национально-культурное самовыражение, предотвращение непонимания, возникающего при общении разных национальностей. Таким образом, в основе поликультурного подхода лежит сущность понятия «поликультурность». По мнению Е.В. Бондаревской, педагогическая категория «поликультурность» означает создание различных культурных сред, где будет осуществляться развитие человека, и где он будет приобретать опыт культуросообразного поведения и ему будет оказана помощь в культурной самоидентификации и самореализации творческих задатков и способностей [2]. Н.А. Евлешина, Н.Н. Никитина, В.Р. Ясницкая и др. под поликультурностью понимают совокупность социально-психологических характеристик, обеспечивающих возможность мирного сосуществования субъектов как представителей различных культур в условиях демократического гетерогенного социума.

Немецкий ученый В. Миттер в своих исследованиях утверждает, что «поликультурное образование может рассматриваться как межличностные отношения, то есть как сеть образовательных процессов (включая их организацию и результаты), характеризуется сосуществованием детей (и взрослых), происходящих из различного поколения и среды» (W. Mitter). Идею немецкого коллеги поддерживает российский ученый Л.Л. Супрунова, отмечая, что «цель реализации поликультурного подхода… состоит в формировании человека, способного к эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умения жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований» (Супрунова Л.Л.).

Анализ педагогической литературы (И.С. Бессарабова, А.Н. Джуринский, Г.Д. Дмитриев, В.В. Макаев, З.А. Малькова, В.В. Макаев, Г.В. Палаткина, Л.Л. Супрунова и др.) позволил составить паспорт поликультурного подхода (см. рис. 1) и выявить, что данный подход способствует созданию поликультурной

среды, которая призвана за счет активной позиции, диалогового общения, познания, созидания и приобщения учащихся к национальной и общечеловеческой культуре воспитывать профессионализм в его культурной идентификации. Познание поликультуры способствует развитию языковых навыков и обеспечивает дальнейшую самореализацию личности в поликультурном мире, способствует социализации.

Можно заключить, что целью иноязычного образования с позиции поликультурного подхода является развитие языковой личности, способной к поликультурной самоорганизации, под которой мы понимаем качество, выражающееся в развитии кросс-культурной сферы, проявлении глобального отношения к культуре, а также культурного самоопределения. Кроме того, в рамках реализации поликультурного подхода языковая личность должна обладать определенным набором коммуникативных языковых компетенций, к которым относятся: а) *лингвистическая* компетенция, в совокупности таких субкомпетенций, как лексической, грамматической, семантической, фонологической, орфографической и орфоэпической компетенций; б) *социолингвистическая* компетенция, которая включает лингвистические маркеры социальных отношений, нормы вежливости, выражения народной мудрости, регистры общения, диалекты и акценты; в) *прагматическая* компетенция, состоящая из компетенции дискурса (способность обучающегося объединять предложения в определенной последовательности так, чтобы они образовывали связный текст) и функциональной компетенции (умения использовать устный дискурс и письменный текст для выполнения различных коммуникативных функций), а также знания и умения использовать социальные сценарии взаимодействия (умения последовательно строить высказывание в соответствии со схемами взаимодействия) [4].

Эффективность поликультурного подхода к непрерывному иноязычному образованию должна быть обусловлена соблюдением определенных общепедагогических принципов. К таким принципам считаем целесообразным отнести принципы, предложенные В.П. Борисенковым, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюком: *антропоцентризма* (предусматривает приоритетность формирования места человека, т.е. своеобразной культуры в миниатюре), *культуросообразности* (предполагает воспроизведение в образовательном пространстве культуры в ее органичной целостности и осмысленном историческом развитии), *научности* (область применения принципа характеризуется пределами отдельного учебного предмета, который научен в том смысле, что является дидактической копией определенной научной дисциплины) и *диалектического единства интеграции и дифференциации* (предполагает осмысление единства, на основе которого только и могут быть установлены особенные отличия) [3, с. 89-96].

С методической точки зрения, поликультурный подход реализует *стратегию последовательной культурной вариативности.* Последовательность выражается в реализации принципа последовательного обучения родной культуре – культуре страны изучаемого языка – культуре мира; вариативность предполагает культурное разнообразие тематического наполнения содержания обучения по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.), что способствует созданию благоприятных условий для поликультурного развития обучающихся. С помощью этого у них формируется представление о культурном разнообразии как норме сосуществования культур в современных поликультурных сообществах стран родного и изучаемого языков.

Итак, поскольку современное общество требует от человека быть толерантным, уважать другие культуры, религии и их представителей, уметь мирно и бесконфликтно уживаться с ними в одном социальном пространстве, быть готовым и способным идти с ними на контакт, успешно взаимодействовать, актуальной становится разработка и реализация методологических основ поликультурного подхода. Именно данный подход обеспечивает достижение главного результата поликультурного образования, которым является поликультурность как личностное качество, отражающее взаимосвязь культурной толерантности и идентичности.

Рисунок 1.

ПАСПОРТ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА

Исходная стратегия – стратегия последовательной культурной вариативности: реализуется с помощью последовательного обучения «родная культура → культура страны изучаемого языка → культуры мира» и вариативного разнообразия культурного содержания по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.).

Общепедагогические принципы – антропоцентризма, культуросообразности, научности и диалектического единства интеграции и дифференциации (В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк).

Цель – развитие языковой личности, обладающей способностью к поликультурной самоорганизации в сочетании с коммуникативными языковыми компетенциями (лингвистическая, социолингвистическая, прагрматическая).

Функции – создание поликультурной среды; актуализация диалога и взаимодействия культур; контрастивное овладение культурным содержанием образования; формирование культуры самосохранения и саморазвития языковой личности в поликультурной среде; сохранение старых и создание новых культурных ценностей; воспитание эмоциональной языковой культуры.

Понятийный аппарат подхода – поликультурное образование, многоязычие, межкультурное общение, этнопсихология, диалог культур, языковая личность, коммуникативная компетенция, поликультурная самоорганизация, кросс-культурная сфера, глобальное отношение, культурное самоопределение.

Список литературы

1. Алексашкина И.В. Поликультурное образование в контексте мирового опыта [Текст] / И.В. Алексашкина // Вестник Новгородского государственного университета. № 31. 2005. С. 22-26.
2. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированный подход как технология модернизации образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sites.google.com/site/kniznaapolkavmk/
3. Борисенков В.П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования [Текст]: монография / В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк. М.; Изд-во ООО «Педагогика», 2006. 464 с.
4. Европейская система уровней владения иностранным языком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mipt.ru/education/chair/foreign_languages/articles/european_levels.php
5. Хухлаева О.В. Поликультурное образование [Текст]: учебник для бакалавров / О.В. Хухдаева, Э.Р. Хакимов, О.Е. Хухлаев. М., 2015. 283 с.
6. Thomas H. Interkulturelles Lernen im Schuleraustausch. Saarbrucken [Text]. Fort Lauderdale, 1988. S. 83.

Об авторе

Исаев Евгений Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, *evg77237009@yandex.ru*

УДК 372.8

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЗНАЧИМОСТИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Карташова В.Н.

В статье представлен анализ взглядов западноевропейских педагогов и мыслителей XVII-XVIII веков на роль языкового образования. Автором анализируется вклад ученых в зарождавшуюся методику обучения иностранным языкам. Прослежены две позиции ученых по отношению к древним и «живым» иностранным языкам. Представлено обоснование учеными значимости естественного метода обучения языкам, подчеркнута роль игры, общения, родного языка, раннего начала обучения.
Ключевые слова: *языковое образование, западноевропейские ученые, древние языки, «живые» языки, естественный метод обучения языку, раннее обучение иностранному языку*

WEST-EUROPEAN SCIENTISTS ABOUT THE IMPORTANCE OF LANGUAGE EDUCATION

Kartashova V.N.

The article covers the analysis of the opinions of West-European educators and thinkers of XVII-XVIII centuries about the role of language education. The author analyses the contribution of the scientists in the arising methodology of learning languages. Two positions in relation to the ancient and "live" foreign languages are traced. The scientist's explanation of the importance of the natural method in the learning languages is presented, also the role of the game, communication, mother tongue early learning is stressed.
Keywords: *language education, Western European scientists, ancient languages, living languages, natural method of language teaching, early language learning*

Происходящие в современном обществе процессы, связанные с глобализацией, миграцией, изменениями в политической, экономической и культурной деятельности, подразумевают изменение отношения к языковому образованию, причём с учетом новых требований. К основным тенденциям сегодняшнего языкового образования можно отнести демократизацию, вариативность, непрерывность, поликультурность. Процессы, происходящие в современном языковом образовании, нельзя рассматривать вне исторического контекста.

В данной статье нам хотелось проанализировать труды известных зарубежных педагогов XVII-XVIII веков, которые создали культ образования, в том числе, языкового, без которого немыслимо становление человека. В его основании заложены положения о языке как форме существования сознания: отношение человека к миру опосредовано сферой языковых представлений.

При надлежащей постановке языковое образование ведет к развитию мышления, древние языки могут служить материалом для эстетико-литературного и исторического образования обучающихся, специальные приемы обучения позволяют развивать интеллектуальную, эмоциональную, мотивационную сферы личности.

Известные французские педагоги Ф. Фенелон, Ш. Роллен придерживались позиции гуманитарности образования, в котором важное место отводилось древним языкам.

В своих трудах, в частности, в работе «О воспитании девиц» Франсуа Фенелон (1651-1715) высказал ряд идей, касающихся изучения языков. Получивший сам превосходное домашнее воспитание, овладевший в детстве латынью и греческим языком, он проповедовал обучение языкам путем игры и драматизации. «Если у вас несколько детей, приучайте их мало-помалу представлять выученные ими истории в лицах (пусть один будет Авраамом, а другой Исааком и т.п.). Эти представления займут детей лучше других игр и приучают их думать и говорить о серьезных вещах с удовольствием» [4, с.20]. Основные постулаты дидактической системы Ф. Фенелона: детей нужно не принуждать, а следовать их природе и помогать ей, «соединять полезное с приятным», поэтому важно, учитывая природную доверчивость ребенка, проводить обучение с использованием игры. Он боялся, что сообщения о вещах, не совсем понятных детям, может быть скучным и неинтересным. В качестве главного обучающего метода у Ф. Фенелона выступает нарративный метод: «живой рассказ», «поучительная беседа», «умная аллегория, а не отвлеченные правила, не скучные наставления».

Ф. Фенелон считал, что основным занятием детей на уроках иностранного языка может стать чтение басен и рассказов, которые сделают обучение более интересным и позитивным. Для усиления детской мотивации можно использовать наглядные средства обучения, книжки с красивыми картинками.

Ф. Фенелон полагал, что первоначальное обучение детей чтению латинских текстов отбивает желание и интерес детей к чтению и к новому языку. Обучение должно быть простым, не «напыщенным» и «высокопарным»: «Не утруждайте его верным произношением: пусть он произносит естественно, как го-

ворит; все другие приемы учения непригодны и отзываются школьной декламацией. Когда язык ребенка разовьется, грудь станет крепче, увеличится навык к чтению, он будет читать легко и изящно» [4, с.23].

Ф. Фенелон стремился сочетать воспитание чувства и разума ребенка в разумных соотношениях, не мешать ходу его естественного развития. Призывая учителя стремиться к простоте в выборе методов обучения, Ф. Фенелон не принимал во внимание тот факт, что изучение языка требует развития воли ребенка, определенных усилий, необходимых для овладения учебным материалом. Труд у него компенсируется изящным стилем, тонким юмором и живым изображением событий.

О пользе знания древних языков говорил и другой французский педагог Шарль Роллен (1661-1741), педагогические взгляды которого сложились в эпоху классицизма с его пристальным интересом к своеобразию понимаемой античности.

Шарль Роллен разрушил все внешние правила старой схоластической риторики и вместо произвольности этих правил представил разумные основания хорошего вкуса и живое увлечение великими образцами древней литературы. Шарль Роллен придавал большое значение знанию учителем древних языков: «Наставник - учитель должен получить запас эрудиции… греческий язык должен стать ему близким…».

В своем трактате «Мысли о наилучшем способе, каким читать с юношеством классические сочинения древности» теоретик искусства и педагог, деятель немецкого Просвещения И.Г. Зульцер (1720-1779) ратует за изучение древних языков: «Изучение древних языков выгодно не само по себе, а потому только, что открывает путь к получению иных всяких выгод. Выгоды в том, что иностранный язык имеет общеобразовательную значимость, способствуют умственному развитию ребенка, поскольку превосходнейшие умы писали на этих языках». Вторая польза – «это образование вкуса», вкуса к прекрасному, пристойному и доброму в нравственной жизни». [2, с.144].

Знаменитый философ, педагог, психолог Иоганн Фридрих Гербарт (1776-1841) видел цель воспитания в активности и развитии человеческой души. Согласно его учению, душа - простая и неизменная сущность, она является ареной борьбы представлений. Умственная жизнь человека, как считал И.Ф. Гербарт, зависит от первоначальных представлений, которые формируются под воздействием воспитания, общения, жизненного опыта. Изучение древних языков способствует работе над представлениями, формирует ум и воспитывает волю.

И.Ф. Гербарт полагал, что изучение греческой и латинской литературы очень значимо для подрастающего поколения, поскольку литература древних времен содержит много полезного «развивающего материала для каждого возраста, для каждой ступени юношеского образования...» [1, с.90]. Философ считал, что с раннего детства следует начинать изучать греческий язык. Древнегреческая литература, «возвышенная и идеально прекрасная», в его представлении, может выступать в качестве наставника детей. Первой греческой книгой ребенка должна стать «Одиссея» Гомера. «Одиссея» прививает детям вкус к хорошей литературе, «развивает дух», пробуждает чувства: «Только путем непосредственного созерцания древних образцов можно укрепить свои чувства, воспитать свой вкус, научиться мере и пределу всех вещей, охранить себя от односторонности, пошлости и крайностей нового времени» [1, с.89].

И.Ф. Гербарт полагал, что дети могут переходить к изучению латинского языка лишь в том случае, если у них сформировались прочные базовые навыки в греческом языке. Поэтому только после изучения «Одиссеи» Гомера ученики могут начинать читать труды Ксенофонта и Платона. Чтение на латинском языке дается детям значительно труднее, для этого требуется более усиленная предварительная подготовка и более зрелые ученики.

Другие деятели, мыслители, педагоги настаивали на том, что центр тяжести в языковом образовании детей должен быть перенесен с древнейших языков на реальные языки. Заслуживают внимания в обсуждаемом плане педагогические воззрения английского философа и просветителя Джона Локка (1632-1704).

Джон Локк, работая в качестве преподавателя (в том числе греческого языка) и домашнего воспитателя, накопил огромный педагогический опыт. В своих трудах, в частности, в работе «Мысли о воспитании», он размышляет о роли языкового образования ребенка, делится своими методическими идеями, подчеркивает значимость изучения «живых иностранных языков», выступает за раннее изучение иностранного языка. По мнению Дж. Локка, основным способом обучения иностранному языку ребенка является имитация, так как в детстве у детей очень развита способность к подражанию. Джон Локк ратует за естественный метод обучения иностранному языку: в процессе общения, игры ребенок непроизвольно запоминает новые слова и выражения, не зазубривает сложные грамматические правила, а постигает грамматику интуитивно. По мнению Локка, первым иностранным языком для английского мальчика должен стать французский язык: «Но так как французский язык - живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше для того, чтобы гибкие органы речи могли приучиться к правильному образованию его звуков, и мальчик усвоил бы хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение,

тем оно становится труднее» [3, с.55-56]. Этим же методом, как считает Дж. Локк, можно было бы в дальнейшем легко обучать и другому языку.

Джон Локк выступал за последовательность и систематичность в обучении иностранному языку: изучение латинского языка следует начинать после того, как ребенок освоит родной язык. Джон Локк разработал так называемые «мягкие» методы обучения. Этим он пояснил свою позицию в отношении зубрежки как основного метода обучения того времени. Дж. Локк стремился сделать процесс изучения иностранного языка более естественным и привлекательным, так называемые «мягкие» методы обучения были направлены на позитивные эмоции детей, на создание благоприятной атмосферы за счет использования игры и наглядности в обучении: «… как был возможен тот факт, что детей держат прикованными к скамье в течение семи-восьми или десяти лучших лет их жизни ради усвоения одного или двух языков, которые, как мне думается, можно было бы усвоить с гораздо меньшей затратой труда и времени и научить почти играючи?» [3, с. 58].

Джон Локк видел в изучении иностранного языка возможность умственного воспитания джентльмена, что явилось для того времени прогрессивным. Резко отрицательное отношение Джона Локка к школе, желание изолировать будущего джентльмена от детей незнатного происхождения, естественно, придавало его системе обучения иностранному языку антидемократический характер.

Педагогические воззрения не должны кануть в Лету. Особенно важно нам прислушаться к аргументам педагогов-практиков прошлых лет, их советам, касающихся вопроса раннего обучения иностранному языку. К таким можно отнести немецкого педагога Иоганна Бернгарда Базедова (1724—1790). Иоганн Базедов многие годы работал в качестве репетитора в одном из дворянских семейств в Холштайне, преподавал в различных учебных заведениях.

Иоганн Бернгард Базедов - основатель педагогического течения филантропизма. В 1774 году в Дессау им была открыта школа филантропии — «школа человеколюбия и добрых нравов». В этой школе ученики были поделены на три основные группы: дети состоятельных родителей входили в группу академистов, группу педагогистов составляли дети из семей среднего достатка, их подготавливали к педагогической работе. Будущих слуг видели в группе фамулянтов, в ней состояли дети - выходцы из бедных семей.

Иоганн Бернгард Базедов накопил большой опыт и внес значительный вклад в развитие методики обучения языкам. В своих трудах он подчеркивал значимость натурального метода обучения иностранному языку, обосновал отдельные дидактические принципы. Опытным путем Иоганн Бернгард Базедов пришел к мысли, что играя, общаясь с носителем языка на занятиях, прогулках, ребенок легче усваивает новый для него язык. В «Книге методов» Базедов утверждал, что хорошее знание родного языка является прочным фундаментом для обучения детей новому языку.

Известный русский педагог П.Ф. Каптерев рассказал об интереснейшем опыте Иоганна Бернгарда Базедова по раннему обучения французскому языку его малолетней дочери Эмилии. Эмилия научилась читать на родном немецком языке в трехлетнем возрасте. В четыре года она освоила разговорный французский язык. Конечно, обучение французскому языку проходило очень естественно, в процессе игры и прогулок. Занимаясь по два часа в день, Эмилия освоила латинский язык, знала не менее 3000 латинских слов, научилась довольно правильно реагировать на вопросы своего наставника, задавать в свою очередь вопросы на латыни.

История немецкой педагогики того периода знает не один подобный случай успешного раннего обучения иностранному языку собственных детей. Родители в деле раннего обучения иностранным языкам опирались на теорию Г. Гауффе, теорию «первоначального воспитания». По мнению Г. Гауффа, первоначальное воспитание следует делить на два этапа. К первому этапу относится возраст ребенка от младенчества до 2,5 лет. Второй этап длится до шести лет. В начале второго периода особое внимание уделяется изучению иностранных языков. Г. Гауффе считал, что по достижении ребенком трехлетнего возраста следует начать его обучение итальянскому или французскому языку. Обучение следует проводить ежедневно, на занятиях длительностью 5-10 минут, по два раза в день. До шести лет ребенок учит слова, а далее начинается систематическое изучение грамматики.

Теория первоначального воспитания Г. Гауффе подверглась критике как со стороны его соотечественников, так и зарубежных педагогов. Среди критиковавших теорию Г. Гауффе был известный русский педагог Петр Федорович Каптерев, называвший ее «прямым варварством, делом антипедагогичным», «попугайством». По мнению П.Ф. Каптерева, раннее обучение иностранному языку сводилось Г. Гауффе к чистой эксплуатации детской памяти, «к непрерывному механическому запоминанию»: к зазубриванию вокабул, псалмов, молитв, стихов. В то время основным методом на занятиях по иностранному языку было заучивание наизусть различных правил грамматики, отдельных исключений, которые часто излагались в виде непонятных для учеников бессмысленных стихов, абстрактных текстов. Популярные грамматико-переводные методы обучения, когда ученики на занятиях практиковались в

переводе и грамматико-стилистическом анализе текстов, переносились и на раннее обучение иностранному языку, и если в гимназиях они приносили какие-то плоды, то не давали должного результата при работе с маленькими детьми. Естественно, что такие методы обучения, когда зазубривались незнакомые для ребенка слова, неинтересные тексты, непонятного содержания диалоги, вызывали неприятие у большинства ученых.

Три столетия разделяют нас, современных специалистов в области языкового образования, с западноевропейскими педагогами, но их концептуальные методические идеи обучения иностранному языку современны и сегодня. В настоящее время актуальны идеи естественного метода обучения языкам, значимы роль игры, общения, учета родного языка в процессе овладения иностранным языком, раннего начала его изучения. Близки нам взгляды филантропистов, дидактика которых основана на наглядности восприятия, развитии у ребёнка самостоятельности, умения наблюдать, сообразительности.

В заключение хочется отметить, что изучение педагогического наследия выдающихся мыслителей, относящихся к классике зарубежной гуманистической педагогической мысли, не может не представлять теоретического и практического интереса в аспекте актуализации задач расширения современного языкового образования.

Список литературы

1. Гербарт И.Ф. Избранные педагогические сочинения М., Учпедгиз. Т. 1, 1940. 341с.
2. Зульцер И.Г. Всеобщая история изящных искусств. Лейпциг. 1973. 257с.
3. Локк Д. Мысли о воспитании //Педагогические сочинения. М.,1939. 325 с.
4. Фенелон Ф. О воспитании девиц. М., 1996. 256 с.

Об авторе

Карташова Валентина Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, директор института филологии Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, *cartashova.vale@yandex.ru*

УДК 378

О МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ МАТЕМАТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Минина В.Ю.

В статье уточнено понятие «готовность к проектированию и реализации элективных курсов», рассмотрены вопросы построения модели формирования готовности к проектированию и реализации элективных курсов в соответствии с ФГОС ВО.
Ключевые слова: *готовность, компетентность, компетенции, профильное обучение, элективный курс, модель формирования готовности.*

ABOUT THE MODEL OF TEACHER TRAINING IN THE DESIGN AND IMPLEMENTATION ELECTIVE COURSES MATHEMATICAL-ECONOMIC PROFILE

Minina V.YU.

The article clarified the concept of "readiness for the design and implementation of elective courses", the issues of constructing a model of formation of readiness for the design and implementation of elective courses.
Keywords*: availability, competence, competence, profile training, elective course, a model of preparedness.*

В настоящее время основная форма организации учебного процесса на старшей ступени школы – профильное обучение, которое за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса позволяет более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования.

Современные социально-экономические условия требуют от каждого человека высокого уровня профессиональных и деловых качеств, экономической грамотности, предприимчивости, способности ориентироваться в сложных ситуациях, быстро принимать решения. При этом важно не только уметь анализировать сложившуюся экономическую ситуацию, но и обладать аппаратом для прогнозирования возможного варианта развития событий. Поэтому создание элективных курсов математико-экономического содержания, направленных на построение моделей различных экономических явлений и процессов, даст возможность сформировать у учащихся понимание роли математических знаний и представления о них как об инструменте, позволяющем описывать экономические явления и процессы, находить оптимальные пути решения экономических задач.

Беседы и анкетирование, проводимые со студентами и практикующими учителями, показали, что ощущается недостаток методической подготовки при разработке элективных курсов для профильной школы. Результаты выявили у респондентов трудности в определении понятия, структуры, содержания, которые необходимо включить в элективный курс, а также затруднения, связанные с контролем качества успеваемости обучающихся и с новыми способами организации образовательного процесса. Все вышесказанное говорит о том, что подготовка педагога к этому виду деятельности является актуальной задачей современного математического образования.

В исследованиях, посвященных подготовке будущего учителя, изложены компоненты и уровни сформированности готовности педагога к проектированию и проведению элективных курсов, предложены модели формирования готовности, которые, однако, требуют уточнений в условиях ФГОС ВПО нового поколения.

Переход на ФГОС ВПО 3 (а, впоследствии, на ФГОС ВО) обусловил применение компетентностного подхода к обучению. Формирование ключевых компетенций для обеспечения готовности учителя математики к проектированию и проведению элективных курсов происходит в процессе изучения цикла психолого-педагогических дисциплин, основной из которых является «Теория и методика обучения математике». Однако, анализ рабочих программ ВУЗов показал, что данный курс не охватывает в полном объеме все необходимые вопросы, связанные с разработкой и реализацией элективных курсов, поэтому его целесообразно дополнить спецкурсом соответствующего содержания для подготовки будущих педагогов.

Актуальность данного исследования обусловлена серьезным обновлением целей математического образования, углублением индивидуализации образовательного процесса, расширением инновационных методов образования и самообразования, новыми требованиями общества к личности педагога, обладающего высокой творческой активностью.

В работе [5] на основе анализа исследований нами

уточнено понятие готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов, понимаемое как составной компонент профессиональной компетентности педагога, характеризующийся профессиональной подготовкой, направленной на формирование следующих умений для осуществления педагогического процесса:

– проектировочных: умения проектировать целостный образовательный процесс по элективному курсу, а именно: ставить диагностируемые цели и задачи деятельности учителя и учащихся на различных этапах изучения элективного курса; анализировать образовательные стандарты, программы элективных математических курсов, учебники и учебные пособия; отбирать содержание элективного курса в соответствии с поставленными целями; конструировать занятия различных типов; разрабатывать проектные и учебно-исследовательские задания; моделировать средства диагностики;

– аналитических: умения проводить психолого-педагогический и методический анализ учебного процесса как в целом, так и по этапам, анализировать педагогический опыт учителей, в том числе, и личный; прогнозировать результаты педагогической деятельности;

– коммуникативных: умения грамотно выбирать стиль педагогического общения, организовывать общение учащихся друг с другом в процессе управления их учебно-познавательной деятельностью.

Необходимые умения для осуществления образовательного процесса находят отражение в компонентах структуры профессиональной готовности педагога:

1) В мотивационном компоненте раскрываются такие профессиональные характеристики педагога, как: интересы (в том числе познавательные), склонности, стремления (в частности, стремление достичь успеха в обучении учащихся), побуждения (мотивация) к деятельности.

2) Гностический компонент отражает профессиональные знания педагога не только в области преподаваемого предмета, но и методическую и психолого-педагогическую подготовку. В условиях профильного обучения, в частности, в рамках элективных курсов, значительный вес приобретают межпредметные знания. Педагог должен разбираться не только в «своем» предмете, ему необходимо привлекать знания из других областей, что, несомненно, повысит познавательный интерес и мотивацию учащихся к обучению. Гностический компонент готовности базируется на проектировочных умениях педагога.

3) Конструктивный компонент готовности дает представление об умениях работать с учебной и научной литературой, отбирать материал к урокам и перерабатывать его, анализировать учебники и учебные программы, конструировать уроки различных типов и видов. Данный компонент основывается на проектировочных и аналитических умениях педагога. Кроме того, в данный компонент входят умения по построению межличностного взаимодействия с учащимися, организации диалога, т.е. коммуникативные.

Так как в условиях профильного обучения широко используются активные методы обучения, в том числе, и проблемные методы, то педагог должен обладать умениями по применению подобных методов, конструированию проблемных ситуаций, а также стремлением к инновациям, к поиску новых методов и средств обучения. В связи с глобальной информатизацией учебного процесса информационные технологии предоставляют обширное поле для подобной деятельности, которая зависит от индивидуальности и изобретательности педагога. Все вышесказанное находит отражение в креативном компоненте готовности, который связан с личностными качествами педагога.

В работе [6] нами проведен анализ Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению «педагогическое образование» для квалификации «бакалавр», в котором обозначена ключевая компетенция ПК-1 «способность разрабатывать и реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях». В условиях перехода к Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования необходимо обозначить и ключевую компетенцию ПК-8 «способность проектировать образовательные программы».

Процесс формирования готовности будущего учителя к проектированию и реализации элективных курсов предполагает наличие соответствующей модели, основная цель которой – формирование ключевых компетенций ПК-1 и ПК-8. Обозначенная цель достигается за счет формирования представлений о целях, задачах, отборе содержания, методах и формах обучения в рамках элективных курсов, принципах создания элективных курсов и формирования умений по разработке программ элективных курсов, работе с документами профессионального характера, а также умений анализировать и обобщать накопленный педагогический опыт.

Модель формирования готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов, основная цель которой – формирование ключевых компетенций, включает в себя задачи, реализация которых необходима для достижения цели:

– формирование представлений о целях, задачах, отборе содержания, методах и формах обучения в рамках элективных курсов;

– формирование представлений о принципах создания элективных курсов и формирование умений

по разработке программ элективных курсов;

– формирование умений по работе с документами профессионального характера, а также умений анализировать и обобщать накопленный педагогический опыт.

Помимо этого, модель содержит структурные компоненты готовности, а также уровни сформированности подобной готовности и условия ее формирования.

Более подробно рассмотрим уровни формирования готовности учителя к проектированию и реализации элективных курсов.

Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. выделяют интуитивный, репродуктивный, поисковый и творческий уровни готовности [7]. **Интуитивный уровень сформированности готовности характеризует педагогов, деятельность которых основана на эмоциональном, интуитивном настрое, углублении в** теоретические знания и анализе педагогической практики. При этом педагогическая рефлексия у таких педагогов не сформирована. **Репродуктивный уровень свойственен п**едагогогам, хорошо знакомым с теоретическими основами, содержанием, конкретными методиками, которые они применяют в собственной педагогической деятельности. Однако применение подобных методик на практике является неупорядоченным, ситуативным, педагогическая рефлексия выражена недостаточно. **Поисковый уровень сформированности готовности характерен для педагогов, которые** пытаются работать по-новому, воплощая в собственной деятельности известные технологии и методики учебно-воспитательной работы. Они охотно идут на эксперимент, не скрывают ни своих успехов, ни ошибок, открыты для публичного обсуждения, осмысления педагогических инноваций. Педагоги, которые творчески относятся к деятельности, имеют широкие содержательные знания о новых научных и новаторских подходах к обучению и воспитанию, владеют новейшими технологиями и создают собственные, имеют творческий уровень готовности к педагогической деятельности. Реализация творческого потенциала в инновационном процессе для многих из них является важнейшим ориентиром деятельности.

Если говорить непосредственно о профильном обучении, проектировании и реализации элективных курсов, то Комарова А.Н. в своем исследовании [2] выделила три типа педагогов в зависимости от их деятельности в условиях профильной школы:

1. Учителя-исследователи – педагоги, освоившие теорию проектирования и сумевшие найти адекватные профильному обучению методические ресурсы и разработавшие свои авторские элективные курсы.

2. Учителя-мастера – педагоги, освоившие теорию проектирования и сумевшие адаптировать разработанные другими авторами элективные курсы к условиям своего образовательного учреждения, недостаточно использующие методические ресурсы и обладающие недостаточным опытом использования современных педагогических технологий.

3. Учителя-стажеры – начинающие педагоги, освоившие теорию проектирования, но предпочитающие реализовывать элективные курсы, спроектированные другими авторами.

В работе Артамонова М.А. уровни готовности студентов к проектированию элективных курсов выделяются следующим образом [1]:

1. Проектирование курса на основе готовых методических разработок.

2. Проектирование курса на основе методических разработок с внесением корректив.

3. Самостоятельная разработка курса на основе четко очерченных процедур проектирования.

4. Самостоятельная разработка курса на основе собственных методических знаний и опыта.

Выделенные уровни соответствуют уровням сформированности готовности будущих учителей к профильному обучению старшеклассников, выделенным в работе Кунжигитовой Г.Б. [**4**].

В нашей работе мы будем выделять базовый, повышенный и высокий уровни сформированности готовности педагогов к проектированию и реализации элективных курсов.

Базовый уровень готовности соответствует умениям педагогов по проектированию элективных курсов на базе имеющихся методических разработок, стремлению в достижении лучшего результата с учетом интересов учащихся.

Повышенный уровень готовности характеризует педагогов, способных преобразовывать существующие разработки элективных курсов и анализировать накопленный педагогический опыт, использующих периодически активные методы обучения, а также заинтересованных в достижении учащимися лучших результатов.

Высокий уровень готовности соответствует педагогам, методично использующим в своей деятельности активные методы обучения, способным разрабатывать собственные программы элективных курсов.

Формирование готовности будущего учителя к проектированию и реализации элективных курсов способствует достижению целей профильного обучения, которое «направлено на реализацию личностно-ориентированного учебного процесса» [3] и позволяет учитывать интересы, склонности и способности учащихся за счет внедрения в учебный план элективных курсов.

Список литературы

1. Артамонов М.А. Формирование готовности студентов к проектированию и реализации элективных математических курсов для профильной школы: автореф. … канд. пед. наук / Артамонов Михаил Анатольевич. Ярославль, 2009. 23 с.

2. Комарова А.Н. Подготовка учителя к проектированию элективных курсов в профильной школе: автореф. … канд. пед. наук / Комарова Анна Николаевна. Киров, 2011. 15 с.

3. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Приложение к приказу Минобразования РФ от 18.07.2002, Москва, № 2783, С. 3.

4. Кунжигитова Г.Б. формирование готовности будущих учителей к профильному обучению старшеклассников в общеобразовательной школе: автореф. … канд. пед. наук / Кунжигитова Гульнур Бектемировна. Курган-Тюбе, 2012. 21 с.

5. Минина В.Ю. О готовности учителя к проведению и реализации элективных курсов // Теория и практика общественного развития. №1. 2013. URL: http://www.teoria-practica.ru/-1-2013/pedagogics/minina.pdf.

6. Минина В.Ю. О компетенциях будущего учителя, необходимых для реализации профильного обучения // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. №2. 2013. Красноярск, 2013. С. 245-248.

7. Сластенин В.А. и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов. М.: Академия, 2002. 576 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки педагогическое образование квалификационная степень «бакалавр» от 17 января 2011г. Федеральный портал «Российское образование». URL: http://www.edu.ru/db/cgi-bin/portal/spe/spe_new_list.plx?substr=050100&st=all&qual=0.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки педагогическое образование квалификационная степень «бакалавр» от 1 сентября 2013г. Проект. Московский городской педагогический университет. URL: https://www.mgpu.ru/folder/10992.

Об авторе

Минина Виктория Юрьевна – старший преподаватель кафедры информатики и информационных технологий Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, *victoria-minina@mail.ru*

УДК 377.6

АДАПТАЦИЯ ТЕКСТОВОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Мирошникова Е. А.

Статья посвящена необходимости адаптации аутентичного текстового материала при дифференцированном обучении иностранному языку курсантов, осваивающих программу среднего профессионального образования по специальности «Пожарная безопасность» в военно-техническом вузе. Также описываются способы адаптации аутентичных текстов для курсантов, имеющих разный уровень знаний по иностранному языку и занимающихся в одной группе, с учётом специфики процесса обучения иностранному языку в военно-техническом вузе.
***Ключевые слова**: адаптация аутентичных текстов, способы адаптации, дифференцированное обучение иностранному языку, среднее профессиональное образование.*

ADAPTATION OF THE TEXT EDUCATIONAL MATERIAL WITH DIFFERENTIATED LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Miroshnikova E. A.

The article is devoted to the objective necessity of the authentic text content adaptation when teaching differential foreign language training the cadets who are trained according to the secondary vocational educational programmes with a specialization in “Fire safety” at the Military Engineering Institute. Methods of the authentic text content adaptation for the cadets having different initial linguistic skills and training in one group are described. The specific features of the educational process organization when training foreign language at the military higher technical institution are taken into account. The effectiveness of developing language skills and communicative competence and cognitive activity of the cadets increase due to the authentic text content adaptation.
***Keywords**: authentic text adaptation, methods of adaptation, differential training in foreign language, secondary vocational education.*

Согласно требованиям ФГОС и ФГОС 3+ курсанты, обучающиеся по программе среднего профессионального образования по специальности «Пожарная безопасность», должны владеть навыками и умениями чтения текстов военной и профессиональной направленности [1].

Специфика обучения в военно-техническом вузе по данной программе заключается в том, что обучение иностранному языку происходит в сжатые сроки (4 семестра). В последние годы преподаватели военных учебных заведений отмечают, что у большинства курсантов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, наблюдается низкий уровень знаний по иностранному языку на момент поступления в учебное заведение. Такие курсанты часто не знают порядка слов в английском предложении, форм глагола to be, личных местоимений и других базовых языковых единиц, необходимых для обучения иностранному языку по специальности.

Это обусловливает количественное ограничение отбираемого с учебными целями языкового и речевого материала, в том числе текстового материала для иноязычного профориентированного чтения. Поэтому так важно определить теоретические основы отбора ограниченного, но достаточного для развития умений извлечения информации из текстового материала, работа с которым в учебном процессе обеспечила бы оптимальный путь к достижению цели.

Текст как единица языка и единица обучения является предметом изучения методистов, лингвистов и психологов. Анализ лингвистической и методической литературы, посвященной проблеме текста, позволяет сделать вывод, что у исследователей нет единой точки зрения на то, что понимать под термином «текст» Ряд лингвистов под текстом понимают только письменное речевое произведение, «актуализированный образец письменной речи» [2, с.6]. И.Р. Гальперин определяет текст как продукт письменного варианта языка, а не фиксацию устной речи [3, с.67]. Другие исследователи считают, что текст – это любой фрагмент устной или письменной речи, который воспринимают или которым обмениваются в процессе коммуникации. Например, Н.А. Ипполитова пишет: «вряд ли можно утверждать, что текст объективируется только в виде письменного документа … предметом анализа должны стать не только письменные высказывания, но и образцы звучащей речи» [4, с.13].

Мы будем рассматривать текст как «письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное» [5, с.11], как средство опосредованного общения между автором текста и читателем, как коммуникативное единство, состоящее из последовательных высказываний, объединённых синтаксико-смысловыми связями, а задачей читающего

будет раскрытие содержания и его правильная интерпретация.

Текст, являясь объектом деятельности чтения, имеет ряд свойств. С одной стороны, он содержит в себе лингвистический материал, совокупность языковых явлений различного уровня, подлежащих усвоению [6], с другой стороны, в тексте заключена содержательная информация, которую автор сообщает читающему.

В нашей работе мы рассматриваем текст по специальности, как единицу коммуникации, которая выполняет несколько функций, принципиально важных для реализации опосредованного профессионального общения:

- коммуникативную функцию, которая проявляется в свойстве текста принадлежать к области социальной коммуникации, быть формой общения между членами некоторой референтной группы людей одной профессии;

- информативную функцию, т.к. «информируя, текст обучает, ориентирует, формирует представления и образы, вырабатывает ценности и установки, программирует стратегию поведения» [7];

- деятельностную функцию;

- стимулирующую функцию, которая обеспечивает личностный рост обучающихся;

- контролирующую функцию, т.к. учебные тексты используются для проведения контрольных работ и в материалах итоговой аттестации.

Рассмотрение чтения на иностранном языке как опосредованного общения тесно связано с проблемой отбора материала для чтения, так как формирование умений чтения осуществляется через текст. Успешное овладение умениями извлечения информации текста с разной степенью глубины, полноты и точности невозможно без создания строго продуманной и последовательной системы текстов, содержание которых предопределяет отношение обучающихся к этому виду речевой деятельности, а их структурно-смысловые и языковые особенности - протекание процесса понимания информации текста [8].

Важность проблемы рационального отбора корпуса учебных текстов отмечалась в работах многих методистов, которые указывали на основные критерии подбора текстов для обучения профориентированному чтению, включающие содержание, качество и количество языкового материала, и направленность текстов на будущую специальность обучающихся. «Отбор материала для чтения и выбор текстов – актуальные задачи методики, правильное решение которых обеспечивает успех обучения», - отмечает М.В. Ляховицкий [9, с.143].

Методисты настаивают на том, что развивать навыки и умения зрелого иноязычного чтения текстов по специальности нужно на аутентичном материале. Однако, у них не существует единого мнения по поводу аутентичности. Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина, под аутентичными понимают тексты, являющиеся «реальным продуктом речевой деятельности носителей языка и неадаптированные для нужд учащихся с учётом их уровня владения языком» [10].

Однако, такой аутентичный текст может быть непонятен обучающимся. В нашем случае, в связи с разноуровневой подготовкой курсантов по иностранному языку на момент поступления в военный технический вуз, а также отсутствием курсантов с высоким уровнем обученности (за редким исключением), аутентичные тексты представляют языковую сложность по отношению к возможностям обучающихся, для которых этот язык не является родным. В ходе нашего исследования мы наблюдали, что у большинства курсантов, обучающихся по программам среднего профессионального образования, не развита языковая догадка. С сожалением мы вынуждены отметить, что в последние годы курсанты, обучающие по специальности 20.02.04 «Пожарная безопасность» крайне низкий уровень базовых языковых знаний и речевых умений, также как узкий кругозор. Указанные недостатки затрудняют понимание содержания аутентичных текстов.

Учитывая вышесказанное, мы не можем согласиться с теми методистами, которые настаивают на необходимости использовать только аутентичные тексты на занятиях по иностранному языку, так как языковая и содержательная сложность большинства текстов, созданных носителями языка для носителей, приводит к нарушению одного из важных принципов отбора текстового материала - принципа языковой и смысловой доступности. Как указывает Дж. Хамер, если возможно найти аутентичные материалы, с которыми обучающиеся могли бы справиться, это было бы полезно, но если это невозможно, то следует использовать адаптированные тексты, причем специально созданные [11].

Мы принимаем точку зрения тех методистов (Носонович Е.В., Мильруд Р.П.), которые различают аутентичность подлинную и аутентичность методическую, которая допускает методическую обработку подлинно аутентичного текста в целях достижения его доступности для обучаемых. Под методической аутентичностью понимают материалы, созданные для учебных целей, которые сочетают в себе естественную коммуникацию и методическую эффективность. Так Е. В. Носонович считает, что методически аутентичные тексты «представляют собой реалистичную модель естественных текстов и сохраняют основные свойства аутентичных произведений речи с поправкой на конкретные задачи обучения и языковой уровень учащихся» [12, с.28].

Одним из наиболее эффективных способов методической обработки текстов является адаптация. Адаптированный текст- это «облегчённый текст литературно-художественных и других произведений, приспособленный для малоподготовленных читателей или детей; применяется чаще при изучении иностранного языка» [13, с.12].

Идея упрощать тексты, предназначенные для обучения способам извлечения информации из иноязычных текстов, появилась в 1930-х гг. Одним из методистов, работавших над данной проблемой, был Ч. Огден, который создал так называемый Basic English, в основе которого было лексическое упрощение. Что касается Дж. Пальмера и А. Хорнби, то они создавали тексты «плато» на базе лексического минимума, состоявшего из 1000 слов. Далее идея упрощения текстов была продолжена М. Уэстом, которому принадлежит разработка методики составления книг для чтения с использованием ограниченного количества лексических единиц и системы уровней сложности. М. Уэст ограничивал лексический минимум в пределах 1000, 1500, 2000 и 3000 слов.

В 1967 г. А.А. Вейзе продолжил исследования в этой области, разработав анализ единиц и методы адаптации, а также уровни адаптации [14].

В ряде работ конца 1980-х г.г. (Т. Л. Черезова, М. Ю. Терехова) для обозначения процесса адаптации стал использоваться термин дигестирование (digesting). Под дигестированием понимают любую обработку текста с целью облегчения его восприятия читателем. Дигестированием может быть сокращение (abridgement), адаптация на уровне предложения (simplification) или пересказ (retelling).

Как и большинство отечественных и зарубежных методистов (Вейзе А. А., Носонович Е. В., Г. Улддоусон и др.), мы придерживаемся точки зрения, что при адаптации текстов необходимо исходить из уровня владения обучающимися иностранным языком. В нашей работе мы выделяем два уровня владения курсантами иностранным языком: низкий и средний. Мы не рассматриваем высокий уровень, т.к. практика работы показывает, что у курсантов, обучающиеся в Военном институте (инженерно-техническом) по программам среднего специального образования, не сформированы навыки и умения иноязычного чтения на уровне, максимально соответствующем предъявляемым требованиями. Поэтому адаптация текстового материала будет рассматриваться для курсантов с низким и средним уровнями обученности иностранному языку.

Различают количественный и качественный методы адаптации текстов. В нашей работе мы придерживаемся и того и другого метода. Количественный метод адаптации заключается в удалении, сокращении несущественных, второстепенных предложений, словосочетаний в тексте для того, чтобы основная идея текста стала более понятной.

Под качественной адаптацией понимают преобразование текста на лексическом, синтаксическом и грамматическом уровнях.

Для достаточного уровня понимания текстов в зависимости от целей чтения допустимо минимальное «отстояние факторов, характеризующих читателя и факторов, относящихся к тексту» [15, с 101]. Иными словами, текст должен соответствовать уровню языковой подготовки читающего и быть ему посилен. Говоря о доступности языка текста, методисты обычно отдельно выделяют вопрос о допустимом количестве незнакомой лексики. В. А. Кондратьева [16] установила, что скорость чтения иноязычного текста уменьшается по мере появления в нем незнакомых слов. Но и малое количество незнакомых слов не способствует увеличению скорости чтения, т.к. читатель их редко встречает и медленно усваивает. Это обусловлено тем, что при редкой повторяемости слов не происходит их непроизвольного запоминания.

Так, например, Фрумкина Р.М. считает пределом 25-30% незнакомых слов [17] в иноязычном тексте. Больший процент незнакомой лексики нарушает процесс понимания и превращает чтение в утомительную дешифровку. Эксперименты, проведенные З. И. Клычниковой, показали, что наличие в тексте до 30% незнакомой лексики не препятствует пониманию общей идеи, 10% незнакомых слов позволяет понять общее содержание текста, а при 5% читающий понимает и второстепенную информацию [18]. Опираясь на эти данные, при подборе и адаптации текстов, предназначенных для формирования умений изучающего чтения, мы можем оставить примерно 5% незнакомых лексических единиц, о значении которых курсант может догадаться, зная правила словообразования, опираясь на сходство со словом родного языка или семантизировать на основе контекстуальной догадки, а также заменить незнакомые лексические единицы на синонимы. 10% незнакомой лексики допустимы в текстах, предназначенных для формирования умений ознакомительного чтения, и 20% - в текстах для просмотрового чтения.

При оценке грамматической трудности текста мы учитываем соотношение простых и сложных предложений, а также конструкций, которые не являются частотными или стандартными, или у которых нет аналогов в родном языке. В нашем случае грамматическая адаптация облегчает понимание текста для большинства курсантов.

Для синтаксической адаптации текстов по специальности «Пожарная безопасность» мы используем способ упрощения структуры английского предложения,

т.е. разделение трудного для понимания предложения на два или несколько самостоятельных. Также мы используем простые предложения вместо сложноподчинённых с целью понимания их синтаксической структуры курсантами, имеющими низкий уровень языковых знаний. Это основывается на научных данных об объеме оперативной памяти, составляющей 7±2 единицы. Связь между словами можно осознать, если связываемые слова одновременно удерживаются в памяти, следовательно, нужно стремиться к тому, чтобы самостоятельные предложения не превышали 9 слов (самостоятельными мы условно считаем простые, главное и придаточное предложения в составе сложноподчинённого, отдельные части сложносочинённого предложения).

Например, такое сложную конструкцию как «Even then, fighting fires was often limited to nothing better than buckets of water or simple syringes that squirted water at the fire», мы можем упростить до двух простых предложений: «Fighting fires was often limited only by buckets of water». «They also used simple syringes".

Так как количество курсантов, обучающихся по программам среднего профессионального образования составляет не более 15 обучающихся, в том числе и по специальности «Пожарная безопасность» в Военном институте (инженерно-техническом), то согласно п. 4 раздела «Общие положения» приказа № 319 МО РФ «Об установлении учебной нагрузки профессорско-преподавательскому составу высших военно-учебных заведений» на занятиях по иностранному языку эту группу нельзя разделить на две подгруппы с учётом уровня знаний [19]. Поэтому наблюдается разный уровень знаний курсантов по иностранному языку в одной группе. Следовательно, при дифференцированном обучении в такой группе мы адаптируем один и тот же аутентичный текст в двух вариантах: для курсантов со средним и слабым уровнем владения иностранным языком.

На начальном этапе обучения для курсантов, имеющих средний уровень, мы анализируем аутентичные тексты и сокращаем их, убирая второстепенные идеи, не изменяя сути содержания. Для слабых курсантов мы создаем тексты «плато» на базе лексического минимума по специальности «Пожарная безопасность», определенного Федеральным государственным образовательным стандартом.

Приведем пример адаптации подлинно аутентичного текста «Fighting fires».

Исходный аутентичный текст:

Provincial governments in Canada hire and train hundreds of firefighters who spend the summer doing the annual battle with fire.

Most of them are college and university students who need a job. Others are highly trained firefighters who have gone to school to learn the intricacies of fire behaviour and suppression.

They may spend weeks living in fire camps and spend long, hard hours fighting stubborn blazes that will only get worse because of high winds. They will be transported to other provinces to reinforce firefighters worn down by a blaze that won't be controlled.

A lot of them will be on the ground, using hand tools, chainsaws and water pumps to control fires. But Canadians have also become experts in battling blazes from the air with helicopters, rappelling and parachuting crews, water tankers and even satellite monitoring systems.

Applicants for the more dangerous jobs –Rapattack crews, which rappel from helicopters to reach remote fires, and Parattack crews, which parachute into fire zones from airplanes - must go through rigorous fitness and endurance tests even after completing basic firefighting courses and training in rappelling or parachuting.

Для курсантов со средним уровнем языковых знаний мы делаем небольшую лексическую и синтаксическую адаптацию вышеуказанного аутентичного текста.

Provincial governments in Canada hire and train hundreds of firefighters who spend the summer doing the battle with fire every year.

Most of them are college and university students who need a job. Others are highly trained firefighters who want to learn more about fire behaviour and suppression.

They may spend weeks living in fire camps and spend long, hard hours fighting big blazes that can be worse because of high winds. They will be transported to other provinces to help firefighters who are tired because of an uncontrollable blaze.

A lot of them will be on the ground, using hand tools, chainsaws and water pumps to control fires. But Canadians have also become experts in battling blazes from the air with helicopters, rappelling and parachuting crews, water tankers and even satellite monitoring systems.

Rapattack and Parattack crews do the more dangerous jobs. Rapattack crews rappel from helicopters to reach remote fires, and Parattack crews parachute into fire zones from airplanes. Applicants for these jobs must be well trained and pass endurance tests even after completing basic firefighting courses and training in rappelling or parachuting.

Для курсантов с низким уровнем языковых знаний мы адаптируем текст как «плато», и он выглядит следующим образом:

Every year provincial governments in Canada train hundreds of firefighters who fight fires in summer. Most of them are college and university students who need a job. Some are highly trained firefighters. They want to learn more about fire behaviour and suppression. They may live in fire camps for some weeks. They spend long, hard hours fighting fires that can get worse because of high winds. The

firefighters are transported to other provinces to help the firefighters working there.

A lot of these will control fires on the ground, using hand tools, chainsaws and water pumps. But Canadians are good experts in battling blazes from the air. They have helicopters, rappelling and parachuting crews, water tankers and even satellite crews monitoring systems.

Rapattack and Parattack crews do the more dangerous jobs. Rapattack crews rappel from helicopters to remote fires. Parattack crews parachute into fire zones from airplanes. So applicants for these crews must be well trained and pass endurance tests after completing basic firefighting courses and training in rappelling or parachuting.

Чтение текстов, подвергшихся такой методической обработке, позволяет формировать у курсантов основные умения иноязычного профессионально-ориентированного чтения, а также готовить к чтению аутентичной научно-технической литературы.

Языковой материал текстов при дифференцированном обучении на последующих этапах обучения должен подвергаться меньшей адаптации в соответствии с уровнем лексических и грамматических навыков обучающихся. Тексты, предназначенные для завершающего этапа обучения, не следует подвергать адаптации для курсантов со средним уровнем обученности иностранному языку. Их также можно считать методически адаптированными в связи с тем, что их отбор произведен с учетом доступности языковых средств, композиции и содержания уровню знаний курсантов.

Практическая реализация методики дифференцированного обучения чтению нашла отражение в учебном пособии «Пожарная безопасность», рассчитанном на 88 часов аудиторных занятий. Нами были проведены анкетирование по выявлению мотивации изучения иностранного языка, а также предэкспериментальный и постэкспериментальный срезы по основным видам иноязычной речевой деятельности. Сравнив результаты предэкспериментального и постэкспериментального срезов по иноязычному профориентированному чтению, мы отметили, что у курсантов наблюдалась динамика повышения уровня владения навыками и умениями данного вида речевой деятельности (Рис.1.).

Следовательно, адаптация текстов способствует дифференциации и индивидуализации обучения. Проведенное нами исследование показало, что благодаря адаптации учебного текстового материала повышается эффективность формирования языковых навыков и развития речевых умений курсантов, а также их познавательная активность и мотивация к изучению иностранных языков.

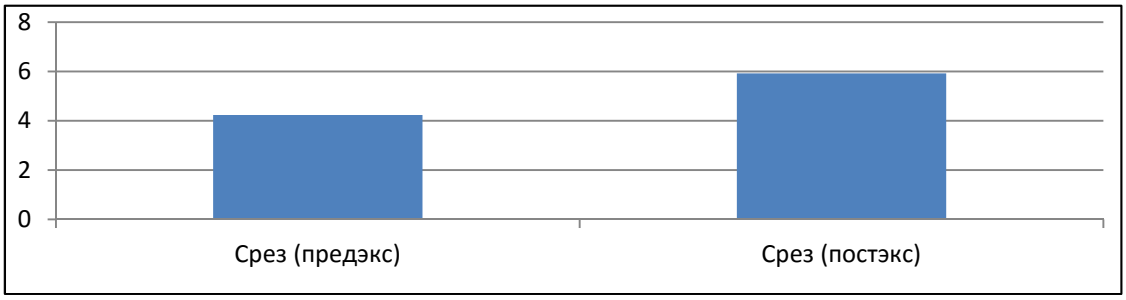


Рис.1. Результаты проведённых срезов по иноязычному профориентированному чтению

Список литературы

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2014 № 354 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 20.02.04 Пожарная безопасность». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165987(дата обращения: 05.01.2016)

2. Серова Т.С. Психологические и лингводидактические аспекты обучения профессионально-ориентированному иноязычному чтению в вузе. Свердловск: изд-во Уральского ун-та, 1988, с.60.

3. Гальперин И.Р. О понятии «текст»//Лингвистика текста: Материалы научной конференции. URL: http://yandex.ru/search/touch/ (дата обращения: 15.04.2016)

4. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе. Учебное пособие для студентов педагогических вузов. М.: Флинта, Наука, 1998, 176 с.

5. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М., Русский язык, 1981. 112 с.

6. Леонтьев А.А. Языкознание и психология. М., Наука, 1966, 80 с.

7. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. URL: http://www.isras.ru/files/16252.Dridze.pdf (дата обращения: 15.05.2016)

Лингвосоциологические аспекты массовой информации: Информативно-целевой подход к анализу текста

и эффект «языковых ножниц» в процессе информирования//Социол.исслед., 1975, №4. С 52-61.

8. Фоломкина С.К. Обучение чтению//Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Высш. шк.,1982, 373 с.

9. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков. М.: Высш.шк., 1981. 159с.

10. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: ИКАР, 2009, – 448 с.

11. J. Harmer. How to teach English. An introduction to the practice of English language teaching. Edinburgh: Gate Longman, 2000, – 198 p.

12. Носонович Е. В. Методическая аутентичность учебного текста: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Е. В. Носонович. М.: РГБ,2003, 178 с.

13. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., Педагогический терминологический словарь //Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. – М., Большая Российская энциклопедия, 2002, – 528 с.

14. Вейзе А. А. Методика адаптации текстов художественных произведений в учебных целях : дис. канд. пед. наук: 13.00.02 / А. А. Вейзе. Москва, 1967, 198 с.

15. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. М., Просвещение, 1983, 207 с.

16. Кондратьева В.А. Оптимизация усвоения лексики иностранного языка. М.: Высш.шк., 1974, 120 с.

17. Фрумкина Р.М. Степень понимания текста как критерий оценки объёма словаря-минимума// Психология и методика обучения второму языку. М., Институт языкознания АНСР, 1965, 71 с.

18. Клычникова З.И. К вопросу о показателях понимания содержания иноязычного текста//Психология в обучении иностранному языку. М., Просвещение, 1967, 183 с.

19. Приказ Министерства обороны Российской Федерации от 02.08.2005 № 319 МО РФ «Об установлении учебной нагрузки профессорско-преподавательскому составу высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации»/ URL: http://bese.garant.ru/188559/ (дата обращения: 20.01.2016)

Об авторе

Мирошникова Елена Анатольевна – старший преподаватель Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулёва, *miroshnikova-68@mail.ru*

УДК 378.015.311:378.147.091.33-027.22-057.875

РЕАЛИЗАЦИЯ САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Селиванова Л.И.

В статье представлено содержание работы студенческой научно-исследовательской лаборатории «Социально-педагогический проект» (СНИЛ «СП-проект»), в которое автором, как организатором данного подразделения, было включено семь основных направлений, соответствующих возможным видам деятельности студентов и преподавателей (организационная, научно-исследовательская, практическая социально-педагогическая, социально-досуговая, социально-полезная, методическая, просветительско-агитационная). Акцентирована роль студенческой лаборатории в создании условий для саморазвития личности в развивающей образовательной среде. Данная форма внеаудиторной работы в учреждении высшего образования помогает обогатить содержание деятельности студентов, придать ей личностно и социально значимый смысл, применить развивающие личность способы, обеспечить возможности для самоутверждения и самореализации. Описанный в статье опыт может быть использован при организации работы научно-исследовательских лабораторий студентов в учреждениях высшего образования, а также научных обществ старшеклассников и учащихся других учреждений.
Ключевые слова: *личность, студент, саморазвитие, научно-исследовательская лаборатория, направления, социально значимая деятельность.*

THE ACTIVITIES OF PERSONAL SELF-DEVELOPMENT IN STUDENT RESEARCH LABORATORIES

Selivanova L.I.

The article presents the contents of the work of student research laboratory "Socio-pedagogical project" (SSRL "SP Project"), in which the author, as the lider of this unit, included seven main areas, corresponding to possible activities of students and teachers (organizational, research, practical socio-pedagogical, social, recreational, social and useful, methodical, educational). She emphasized the role of student lab in creating conditions for self-development in developing educational environment. This form of extracurricular work in an institution of higher education helps to enrich the content of the activities of the students, to give it personally and socially meaningful sense to apply educational identity ways to provide opportunities for self-assertion and self-realization. Described in the article the experience can be used in the organization of the research laboratories of students in institutions of higher education and scientific societies of senior pupils and students of other institutions.
Keywords: *individual, student, self-development, research laboratory, directions, socially significant activity.*

Введение. Актуальность и практическая значимость педагогического исследования идеи саморазвития личности в настоящее время сохраняется в связи с поиском путей влияния целостного образовательного процесса на личностное развитие, возможностей создания условий для разностороннего саморазвития личности обучающихся. Исследование данной проблемы было связано с одним из приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований на 2011–2015 годы: 11.11. «Теоретико-методологические основы и научно-методическое обеспечение образовательного процесса в условиях инновационного развития национальной системы образования Республики Беларусь» [1], исполнением финансируемой темы НИР М 1159 «Идейно-нравственное саморазвитие личности как основа становления социальной компетентности личности учащейся и студенческой молодежи», осуществляемой по ГПНИ «История, культура, общество, государство» (подпрограмма «Образование» на 2011–2015 гг.) под научным руководством доктора педагогических наук, профессора Ф.В. Кадола. Разработка рассматриваемой проблемы продолжается в ходе накопления и анализа опыта работы студенческих объединений. В публикации автора данной статьи Л.И. Селивановой уже описывался опыт организации и планирования работы студенческой научно-исследовательской лаборатории [2]. Дальнейшее исследование акцентирует задачи практической реализации саморазвития студенческой молодежи средствами социально-значимой деятельности, организуемой в данном случае по направлениям работы научно-исследовательской лаборатории (на примере СНИЛ «Социально-педагогический проект» кафедры педагогики учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»).

Основная часть. Социально-педагогическое содержание деятельности студентов, заявленное и в названии лаборатории, и в направлениях ее работы, а также основной способ реализации этого содержания (социальное проектирование) обусловлен не только необходимостью подготовки студентов к будущей профессии (педагог социальный), но и уникальными возможностями создания при этом условий для разностороннего саморазвития личности. Ведь в процессе

проектирования и осуществления студентами различных видов социально значимой деятельности открываются богатейшие возможности для восприятия личностью социальных ценностей, овладения опытом общественного поведения, нравственного самосовершенствования, творческой самореализации. «Методические рекомендации отдела идеологической и воспитательной работы в высшей школе РИВШ по организации воспитательной, социальной и идеологической работы в учреждениях высшего образования на 2015 – 2016 учебный год» отмечают: «Участие студентов в реализации социальных проектов является одной из эффективных форм воспитания. Социальный проект можно превратить в реальное дело, если предоставить молодежи возможность проявить инициативу, обеспечить необходимые ресурсы и педагогическую поддержку» [3]. Социальное проектирование, связанное с детализацией, осмыслением, реализацией и рефлексией предстоящей работы с социальными объектами, является эффективным способом стимулирования саморазвития личности средствами разнообразной деятельности студентов, придания ей общественно и личностно значимого характера.

К *социально значимой* мы относим деятельность, результатом которой является освоение социальных ролей, содержанием – общественно значимое дело, а мотивом – общественная значимость, отвечающая в то же время индивидуальным возможностям, стремлениям личности к творческой самореализации, потребности к самосовершенствованию. Д. И. Фельдштейн, раскрывая в своих трудах сущность социально-полезной деятельности учащихся, подчеркивает, что ее содержанием является «общественно полезное дело», а мотивом – «социальная польза, отвечающая потребности в самовыражении личности, творчески относящейся к общему делу» [4, с. 104]. В развернутой социально значимой деятельности реализуются потребности личности в общении, новых взаимоотношениях, познании себя, других людей, окружающего мира. «В деятельности происходит осмысление новых социальных ролей и осмысление их значимости» [5, с. 10]. Как видим, в сущностную характеристику социально значимой деятельности включаются ее мотивы, содержание и результаты.

Роль социально значимой деятельности акцентируется в нормативных документах современной системы образования. В частности, упомянутые выше «Методические рекомендации…» [3] подчеркивают, что «сегодня очень важно вовлекать молодежь в общественно значимую социальную деятельность с целью формирования активной гражданской позиции и получения опыта конструктивного решения социальных проблем». Кодекс Республики Беларусь об образовании среди требований к воспитанию в системе образования выделяет «создание условий для развития творческих способностей обучающихся, включение их в различные виды социально значимой деятельности» (статья 18) [6, с. 20].

Идея творческой самореализации в личностно и социально направленной деятельности заложена в эмблему студенческой лаборатории «Социально-педагогический проект». Каждый из ее участников (как студенты, так и преподаватели) своим карандашом обогащает содержание общей работы, направленной на социально-педагогическую поддержку общества, а также личностное и профессиональное самосовершенствование.

Студенческие проекты, реализуемые в УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», начинаются с молодежных инициатив, вовремя поддержанных кафедрами, факультетами, ректоратом. Ежегодно в нашем университете реализуются более 10 проектов с общим количеством участников творческих групп 350 человек. Так, в республиканском молодежном конкурсе проектов «100 идей для Беларуси» ежегодно принимают участие порядка 15 идей, заявленных в различных номинациях. Участие членов лаборатории в проектах, приносящих реальную пользу людям, государству – наиболее действенный механизм стимулирования нравственного саморазвития личности, формирования у молодых людей нравственного отношения к жизни, истинного патриотизма.

Через проекты СНИЛ «Социально-педагогический проект» и направления работы лаборатории реализуются такие *виды социально значимой деятельности,* как трудовая, учебная, культурно-массовая, художественно-эстетическая. Рассмотрим примеры проектирования и реализации разновидностей социально значимой деятельности и ее влияния на саморазвитие личностных качеств студентов.

Посредством *трудовой деятельности* человек выражает свое отношение к миру, познает действительность, себя, других людей. Труд студенческой молодежи для учреждения образования направлен на укрепление его материальной базы. Обучающиеся приводят в порядок все необходимое для учебно-воспитательной работы, участвуют в ремонте помещений, оборудовании кабинетов, лабораторий. Наиболее значимой инициативой, поддержанной государством, является создание студенческих отрядов с целью привлечения молодежи к общественно-полезному труду, приобретения ими профессиональных навыков. Социальные проекты осуществляются студентами ежегодно в летний период в созданных строительных и педагогических отрядах. Трудовые объединения студентов оказывают помощь в сезонные времена года

аграриям. Так, в октябре 2015 года наши студенты вошли в университетский отряд помощи сельскохозяйственному комбинату «Восток» в уборке урожая моркови. Важными в этой акции оказались дисциплинированность и трудолюбие студентов. При реализации таких проектов обучающиеся приобретают не только профессиональный и трудовой опыт в различных социальных сферах, но и опыт нравственно-практической деятельности.

По типу общественно значимой выстраивается и *учебная деятельность* студенческой молодежи. Социальная и личностная направленность данного вида деятельности закладывается, начиная с мотивационной составляющей, и продолжается в содержательной и в процессуальной ее сторонах. Учебная деятельность представляет собой уникальную возможность включения в коллективную деятельность, в процессе которой в специально организованной ситуации создаются условия для освоения личностью новых отношений, функций, ролей.

Непосредственная подготовка к моделированию социальных проектов студенческой лаборатории осуществляется применением на учебных занятиях *технологии проектного обучения,* ознакомлением с данной технологией на заседаниях лаборатории. На подготовительном этапе осуществляются: выбор и обоснование темы и цели проекта, отбор источников информации, разработка последовательности технологического процесса, мотивация и методическое обеспечение будущего проекта, выявление социальных и индивидуальных мотивов. Технологический этап включает действия студентов по проблематизации, концептуализации, программированию, планированию и организации проекта. Выполняются операции, предусмотренные проектом, определение проблем на основе анализа несоответствия данного предмета желаемому образу, выявление точек несоответствия и причин выявленных затруднений, определение целей и их согласование, разработка концепции проекта, необходимых мероприятий для достижения целей проекта, разработка плана достижения поставленных целей, организация деятельности в соответствии с программой и планом проекта. Завершающий этап представляет собой защиту проекта с представлением его результатов, а также экспертизу проекта независимой комиссией или экспертной группой. Разработка студентами социальных проектов формирует их способности к аналитико-прогностической деятельности, моделированию развивающих пространств в окружающем социуме, координации совместной деятельности социума и учреждения образования. Значимость этих способностей показывает студентам важность умений выявлять, исследовать и формулировать социальный заказ на ту или иную деятельность, анализировать внутренние ресурсы (педагогические, информационные, учебно-воспитательные), ресурсы социума (кадровые, творческие, материально-технические, финансовые) с целью максимального их привлечения в процесс обучения и воспитания.

При организации социально-познавательной деятельности студентов используются активные способы обучения и воспитания, которые, с одной стороны, реализуют задачи масштабного проекта по формированию социальной компетентности обучающихся и, с другой стороны, по своей структуре и результатам превращаются в коллективные социальные проекты. Так, изучение творчества педагогов-классиков превращает практическое занятие в творческий отчет группы по проекту. День рождения выдающегося педагога XX века Василия Александровича Сухомлинского и празднование Дня учителя определили в дальнейшем тему заседания лаборатории «Педагогическое кредо: «Быть настоящим человеком». К выбору данной темы подтолкнули трудности студентов в формулировании своего педагогического кредо, отражающего собственные убеждения и стремления в профессии. Мы исходили из того, что недостаток знаний о будущей профессии, несформированность мировоззрения и равнодушие к самопроявлению, – те «пороки», которые разрушают не только профессиональные, но и жизненные цели личности. В совместном рассуждении были определены пути формирования позитивного образа педагога и его деятельности: изучение положительных примеров педагогической деятельности, упражнения в целеполагании, самовыражении, творчестве. В плане подготовки перед студентами были заранее поставлены задачи: ознакомиться с отдельными трудами выдающегося педагога, определить фрагменты для проигрывания и обсуждения, подготовить для представления свое будущее профессиональное кредо. Главным результатом коллективного погружения в профессию было утверждение наиболее эффективного педагогического кредо, подсказанного В.А. Сухомлинским: «Быть настоящим человеком».

Социально направленной формой организации учебной деятельности студентов являются *тематические семинары*. Так, программа семинара, организованного в рамках шведских социальных проектов «Профилактика наркозависимости – теория и практика» и «Булыжники и розы», включала в себя изучение теоретических аспектов актуальнейшей социальной проблемы наркомании (статистика наркозависимости в г. Гомеле, причины ее возникновения, особенности профилактики). Изучение теоретических положений чередовалось с подвижными играми, упражнениями, которые снимали накопившиеся за время беседы напряжение и усталость. Второй день семинара был организован в

форме тренингов. Студенты перевоплотились в подростков, чтобы в иной социальной роли лучше усвоить приемы работы. Став участниками тренинга, группа подробно познакомилась с двумя темами, которые предлагаются девушкам-подросткам «Уверенность в себе» и «Алкоголь и наркотики». Как отмечали студенты, «было весело, но в тоже время удивительно, насколько самые простые конкурсы, упражнения, подвижные игры, задания сплачивают коллектив группы, дают раскрыться каждому участнику и в тоже время несут в себе огромное количество полезной информации». При знакомстве с формами работы с подростками группы риска проигрывались негативные жизненные ситуации, осуществлялся коллективный поиск вариантов выхода из них. Усвоенные способы работы активно используются студентами при реализации собственных проектов.

Включенное нами в общий проект формирования социальной компетентности студенческой молодежи *практическое взаимодействие с учреждениями* способствует *изучению опыта работы специалистов социальных служб*, в частности, Гомельского городского центра социального обслуживания семьи и детей, Гомельского городского центра коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, Гомельского городского социально-педагогического центра и приюта, Гомельского государственного детского дома, Вспомогательной школы-интерната №5 г. Гомеля, средних школ. Студенты непосредственно в учреждениях знакомятся с их структурой, целями, задачами, особенностями обучающихся, изучают функциональные обязанности работников, личные дела воспитанников, документы, отражающие работу по защите прав ребенка, реабилитационную, коррекционную и профилактическую деятельность специалистов, методические материалы, содержащие ценный практический опыт. Социально-педагогические проекты участников лаборатории реализуются на базе этих учреждений, осуществляющих социальный заказ на решение проблем различных групп риска.

В сложный по подготовке и годовой по продолжительности превращается уже ставший традиционным проект *тематической межуниверситетской предметной олимпиады по основам психологии и педагогики*, опыт проведения которой транслируется в научной и периодической печати с 2012 года [7]. Нами была разработана концепция, технология проведения и содержание этой олимпиады. Мотивирующую, организаторскую, стимулирующую и другую деятельность участников данного проекта отражают названия и характеристика его шагов: решительный, проектировочный, разрешительный, подготовительный, проблемный, реализующий, оценочный, рефлексивный. В первый год олимпиада по основам психологии и педагогики объединила борьбу 9 команд из 4 университетов темой «Саморазвитие личности». В 2013 году состязалось уже 11 команд из 7 высших учебных заведений, в том числе из Минска, Гродно, Мозыря, Брянска (Россия). В настоящее время олимпиада имеет международный статус и показывает итоги студенческих проектов по актуальным проблемам личности, социума, нравственности, творчества, а в этом году – инновации.

Основным видом социально значимой деятельности студентов в лаборатории является *научно-исследовательская деятельность.* Она сопровождает все направления работы студентов в лаборатории, показывает результаты в выступлениях, докладах, тезисах, статьях и других формах представления научного исследования. Следует в то же время сказать, что данный вид деятельности из всех вышеперечисленных изначально наименее понятен студентам, требует специального разъяснения и дополнительного стимулирования. Мотивация студентов к участию в научно-исследовательской работе начинается с использования метода *убеждения* в ходе научных мероприятий, к которым привлекаются студенты уже с первого курса. Приведем текст мотивирующего выступления Л.И. Селивановой, автора данной статьи.

«Студенту о научно-исследовательской деятельности: открытое обращение.

Что такое наука? Наука – это сфера человеческой деятельности, которая направлена на выработку и теоретическую систематизацию объективных знаний о действительности. Основой этой деятельности является сбор фактов, их постоянное обновление и систематизация, критический анализ и синтез новых знаний, которые описывают природные или общественные явления, позволяют построить причинно-следственные связи и прогнозировать. Те гипотезы, которые подтверждаются фактами или опытами, формулируются в виде законов природы или общества. Это сухой язык справочника, объясняющий сущность феномена «наука», но мало привлекающий обычного молодого человека. Попробую рассказать о науке другими словами.

В судьбе современного человека наука может пройти через несколько ступеней роста. Во-первых, наука – это деятельность, которая связана с любым самостоятельным исследованием явлений, процессов живой и неживой природы, исследованием того, что окружает нас, и того, что находится внутри человека (его тела, души, духа).

На второй ступени наука может стать работой. Наше государство достигло того уровня развития, когда эта работа стимулируется материально

(например, осуществляются доплаты за ученые степени и звания). Кроме того, работа ученого становится своеобразным социальным лифтом, является основанием для повышения в должности.

И третья ступень представления науки – это жизнь. Исследование придает ей вкус, особую остроту, когда что-то не выходит, горечь утраты и сладость победы. Страсть исследования лишает сна, потому что научная мысль не дает уснуть, выстраивает цепочки, рождает идеи в тишине ночи. Кстати, не бойтесь этого. Если следить за своим физическим здоровьем, хотя бы делать зарядку и вовремя питаться, жизненных ресурсов хватит на обычную жизнь. Более того, еще великий педагог Константин Дмитриевич Ушинский говорил, что умственная деятельность продлевает жизнь.

Продолжая свою мысль о том, что наука – это жизнь, хочу сказать, что в науке, как в жизни, часто бывают интересные встречи, бурное соперничество, тесные союзы и, к сожалению, расставания. Особую роль играет ученичество и учительство. Ведь, как говорят, Нобелевского лауреата может воспитать только Нобелевский лауреат, потому что наука для него – это образ жизни. Сотрудничество глубочайшей мудрости и рискованной молодости дает ярчайшие и даже великие научные плоды. Именно в этом случае наука становится смыслом жизни. Человек получает личностную стратегию и преданную любовь на долгие годы.

Вы делаете свои первые шаги в направлении научной деятельности, пока еще первой ступеньки в развитии науки в вашей жизни. Желаю вам прочувствовать вкус этой деятельности, самостоятельности и настойчивости в достижении научных результатов, собственных открытий и побед!»

Как видим, данные слова опираются на основные *мотивы научно-исследовательской деятельности* студентов: стремление к исследованию, научному поиску, возможности внести собственный вклад в решение проблем, понимание их общественной и личностной значимости. Авторы учебного пособия «Психология высшей школы» М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, С.Л. Кандыбович отмечают: «Большинство студентов воспринимают участие в исследовательской работе как часть их подготовки к будущей профессиональной деятельности. Вместе с тем научная деятельность студентов – это в известной степени способ самовыражения личности, ее самоутверждения в жизни» [8, с. 142–143]. Добавим, что в результате самоутверждения, одной из форм саморазвития личности, у студентов в ходе научно-исследовательской деятельности появляются ощущения собственной нужности, полезности, удовлетворения достижениями, осознание недостатков, т. е. мотиваторы дальнейшего самосовершенствования.

Метод *примера* научной деятельности применяется при привлечении студентов к участию в *конференциях преподавателей*. Студенты не только наблюдают за демонстрацией научно-методической и научно-практической работы зрелых ученых и соискателей научных степеней, учатся анализировать и рационально использовать информацию, но и получают возможность показать результаты собственных исследований.

Свой первый научный опыт участники лаборатории традиционно представляют на *студенческих конференциях*, университетских, республиканских и международных. Многие наши студенты тщательно выбирают научно-исследовательскую проблему, работают над ней 3-4 года и выходят на серьезную практическую реализацию (проекты, программы), публикуют результаты, получают за них дипломы ежегодного республиканского конкурса научно-исследовательских работ. Продолжают разработку проблемы в магистерских диссертациях. Здесь следует подчеркнуть, что научно-исследовательские проблемы студенческих проектов имеют яркую социальную направленность: социально-правовая защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, многодетная семья и ее влияние на социализацию детей, социальная ответственность родителей, гендерная социализация школьников в условиях современного образования, методика работы социального педагога по профилактике отчуждения подростков от семьи и др.

Ярким достижением СНИЛ «Социально-педагогический проект» является освещение исследуемых вопросов в публикациях периодического *рецензируемого сборника научных статей преподавателей и студентов* «Профессионализм социального педагога: проблемы и пути совершенствования» [9]. Работа над содержанием и макетом сборника приобретает характер проектной деятельности. Статьи, написанные студентами, имеют как теоретический, так и прикладной характер. С одной стороны, в них излагается фактический материал, необходимый для последующей практической деятельности, с другой –статьи служат образцом научно-исследовательского подхода в постановке и разрешении поставленных социальных проблем. Часть сборника представлена работами студентов, которые написаны ими на основе изучения справочной и научной литературы при выполнении курсовых и дипломных работ и в рамках деятельности студенческой лаборатории. В разделе сборника, написанном преподавателями, раскрываются методологические основы профессионализма социального педагога, основные принципы и закономерности социально-педагогических исследований. Обращается внимание на понятийный аппарат научного социально-педагогического исследования и, в частности, уточняются такие понятия, как «воспитание», «социализация», «диагностика», «эксперимент» и др. Авторы стремятся сделать доступными для понимания студентов многие

аспекты организации и проведения научных исследований. В частности, в сборниках показан пример проведения формирующего эксперимента, раскрыта сущность общенаучных, математических и статистических методов, приведены конкретные примеры их использования в социально-педагогическом исследовании. Весьма полезен для проведения студентами диагностических исследований материал о таких методах диагностики, как тестирование, беседа, наблюдение и других.

Выход на практическую реализацию разработанных социально-педагогических студентами проектов обеспечиваются в ходе *культурно-массовой* и *художественно-эстетической* деятельности молодежи, которые помогают осознать общественный и личностный характер человеческих взаимоотношений. Особую роль в данном случае играет организационно-общественная работа, в которой постоянно возникают ситуации, требующие оценок и решений в системе «я и общество», «я и другие люди». Интересным опытом и достижением в организации социально значимой культурно-массовой деятельности студентов лаборатории является проведение *профилактических и реабилитационных мероприятий* в форме игры, сказочной постановки, концерта и других. Досуговые программы для детей включают различные творческие номера, сценки, игры, загадки, сказки. Так, 31 октября 2015 года студенты реализовали игровую программу для воспитанников приюта Гомельского городского социально-педагогического центра. Студенты сначала расшевелили ребят загадками и знакомой подвижной игрой «Морские фигуры». Понравились ребятам игры на внимательность «Что изменилось?», на воображение и развитие творческих способностей «Крокодил. Животные», на координацию «Коленочки», «Три, тринадцать, тридцать пять». Особенно приятным для нас был смех ребят в играх «Прищепки» и «Несмеяна». Завершением встречи стал импровизированный концерт умений ребят. В ходе акции студенты угощали детей конфетами, не только организовывали, но и сами с удовольствием участвовали в играх, общались с ребятами, давали им советы, разбирали споры, тепло обнимали их, брали на руки.

При обсуждении результатов *концертных социально-педагогических акций*, проведенных для воспитанников детского дома, студенты подчеркивают возможности не только проявления творческих способностей, но и душевных качеств: «Казалось бы, простые номера, но столько искренности было вложено в них, столько тепла! Каждый вложил часть своей любви и своего сердца. Дети смотрели на нас, как на настоящих сказочников, которые пришли и подарили каждому улыбку и сладкий сюрприз. И эта улыбка вернулась к нам – это было самой большой наградой за наши старания! Место волшебству и празднику должно быть в каждом сердце, и так важно именно сейчас стать для кого-то волшебником, особенно для тех, кому это очень нужно». Простимулированное нравственное саморазвитие осуществляется в нравственно-практической деятельности студентов и закрепляется в рефлексии осознанными выводами и выражением чувств.

Практическая социально-педагогическая деятельность участников лаборатории, изначально организуемая как направление работы СНИЛ «Социально-педагогический проект», получает продолжение в работе созданного при кафедре педагогики *волонтерского отряда «Созвездие».* Фотоматериалы, отражающие социально значимый опыт студентов, отмечены дипломом и кубком победителя республиканского конкурса «Волонтер года – Доброе сердце» в номинации «Волонтерские дела в фотообъективе». Автор данной статьи, являясь инициатором создания и руководителем студенческого волонтерского отряда «Созвездие», регулярно делится в публикациях и материалах сайта университета замечательным опытом оказания помощи детям-инвалидам, сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, детям из приемных семей, престарелым людям и ветеранам Великой Отечественной войны.

При характеристике *просветительско-агитационной* деятельности участников лаборатории следует выделить следующие аспекты: вовлечение в проектную деятельность студентов и преподавателей факультета психологии и педагогики, других факультетов и университетов; агитационно-разъяснительная работа с учащимися, студентами, педагогами; выпуск стенгазет о деятельности участников проектов; подготовка выпусков факультетской газеты «Инсайт»; опубликование статей в газете «Гомельский университет» о работе участников проектов; информирование общественности о ходе реализации проектов через сайт факультета, периодическую печать; презентация опыта и результатов проектов на семинарах, школе кураторов, педсоветах; подготовка материалов для фотовыставок по социальной проблематике; участие в республиканских научно-практических конференциях; участие в конкурсах воспитательных проектов; публикация материалов научно-методического обеспечения проектов.

Здесь следует отдельно сказать о деятельности лаборатории по возобновлении выпуска студенческой *газеты «Инсайт»,* которая в течение 3-х лет подробно сопровождала работу СНИЛ «СП-проект» и в настоящее время вновь стала факультетской газетой. Как отмечается в методических рекомендациях Республиканского института высшей школы, «в развитии молодежного движения важным направлением остается поддержка имиджа молодежных объединений в университетских СМИ. Необходимо освещать вопросы, про-

блемы, опыт и достижения молодежных общественных объединений, а также актуальные направления реализации молодежной политики в Республике Беларусь» [3]. Создание концепции и структуры газеты, исследование интересующей молодежь проблематики, организация редколлегии, взаимодействие в «пробах пера», подготовка выпусков, презентация номеров и полученного опыта на конференциях, выставках, конкурсах, социальных сетях, – все это превратило студенческую газету «Инсайт» в настоящий социальный проект. Газета помогает осуществлять рефлексию и одновременно популяризацию различных видов деятельности студентов, стимулирует саморазвитие личности.

Заключение. Реализация задачи разностороннего саморазвития личности осуществляется в нашем исследовании посредством разнонаправленной социально значимой деятельности молодежи при разворачивании работы студенческой научно-исследовательской лаборатории «Социально-педагогический проект». Выбранные направления и содержание работы студентов в рамках лаборатории (организационная, научно-исследовательская, практическая социально-педагогическая, социально-полезная, методическая, просветительско-агитационная, социально-досуговая) охватывают все сферы и виды социально значимой деятельности, которая, в свою очередь, является важнейшим средством для саморазвития, профессионального и личностного. В результате профессионального саморазвития существенно углубляются теоретические знания участников лаборатории, их профессиональные навыки по избранной специальности. Личностное саморазвитие выражается не только в совершенствовании интеллектуальных способностей, аналитических, исследовательских умений, но и закреплении устойчивой гражданской позиции, гуманистической направленности нравственных качеств, коммуникативной компетентности.

Список литературы

1. Об утверждении перечня приоритетных направлений фундаментальных и прикладных научных исследований Республики Беларусь на 2011 2015 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 апреля 2010 г, № 585 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа : http://www.bsu.by/Cache/pdf/135923.pdf. Дата доступа : 04.04.2016.

2. Селиванова Л.И. Опыт организации и планирования работы студенческой научно-исследовательской лаборатории / Л.И. Селиванова // Вестник Полоцкого государственного университета. 2014. № 7. С. 12–18.

3. Фельдштейн Д.И. Психология современного подростка / Д.И. Фельдштейн. М.: Педагогика, 1987. 240 с.

4. Рожков М.И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М.И. Рожков, Л.В. Байбородова. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. 384 с.

5. Методические рекомендации отдела идеологической и воспитательной работы в высшей школе РИВШ по организации воспитательной, социальной и идеологической работы в учреждениях высшего образования на 2015 2016 учебный год [Электронный ресурс] // Республиканский институт высшей школы. Режим доступа : http://nihe.bsu.by/index.php/ru/otd-ivr. Дата доступа : 30.03.2016.

6. Кодекс Республики Беларусь об образовании: от 13 января 2011 года. Минск: Нац. Центр правовой информации. Респ. Беларусь, 2011. 400 с.

7. Селиванова Л.И. Предметная олимпиада как форма становления социальной компетентности студенческой молодежи / Л.И. Селиванова, Т.Г. Шатюк // Сацыяльна-педагагічная работа. 2012. № 9. С. 54–60.

8. Дьяченко М.И. Психология высшей школы: учебное пособие / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, С.Л. Кандыбович. Мн.: Харвест, 2006. 416 с.

9. Профессионализм социального педагога: проблемы и пути совершенствования: сб. научных статей. Вып. 6 / редкол.: Ф.В. Кадол (науч. ред.), В.П. Горленко (отв. ред.), Л.И. Селиванова; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель, 2014. 264 с.

Об авторе

Селиванова Лариса Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, *selivanova.larisa2011@yandex.by*

УДК 811(07)

СИСТЕМА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БАКАЛАВРОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Топоркова О.В., Новоженина Е.В., Чечет Т.И.

В статье представлены созданные авторами оценочные средства и критерии оценивания по иностранному языку для бакалавров технических специальностей в соответствии с требованиями ФГОС ВО, позволяющие отслеживать становление иноязычной компетенции на основе компетентностного подхода. Приведены некоторые примеры показателей освоения дисциплины и описаны возможности сочетания традиционных и инновационных способов, видов и форм контроля.
Ключевые слова: *преподавание иностранных языков, мониторинг, компетенция, оценочные средства, критерии оценивания*

SYSTEM ASSESSMENT TOOLS IN THE FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF BACHELORS OF TECHNICAL SPECIALTIES

Toporkova O.V., Novozenina E.V. Chechet T.I.

The article presents the tools and criteria of foreign language assessment developed by the authors for bachelors of technical specialties in accordance with the Federal State Education Standard of Higher Education which allow teachers to monitor the development of foreign language competence taking into consideration the competence approach. Some examples of indicators of mastering the discipline are given and the possibilities of combining traditional and innovative types and forms of control are described.
Keywords: *foreign language teaching, monitoring, competence, tools of assessment, criteria of assessment*

Применение компетентостного подхода не только при организации образовательного процесса в вузе, но и при оценке качества подготовки обучающихся обусловлено реализацией основных профессиональных образовательных программ в рамках федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) [1]. Необходимость формирования компетенций в системе высшего образования была обоснована и доказана многими авторами [2,3,4,5,6]. Диагностика и оценка уровня сформированности компетенций у студентов должна осуществляться на протяжении всего образовательного процесса. «Мониторинг как механизм постоянного контроля качества способствует системному подходу к решению проблемы оценки качества обученности, достигнутого уровня образования» [7, с. 162]. Инструментом доказательства сформированности компетенций являются оценочные средства. Они служат для оценки результатов образования и показателей достижений каждого отдельного обучающегося по индивидуальной образовательной траектории. «Оценка освоения модуля предполагает демонстрацию или подтверждение того, что обучающиеся освоили требуемые компетенции, сформулированные по каждому конкретному модулю, и могут осуществлять все требуемые действия в рамках данной компетенции» [3, с. 133]. Для этого необходимо разрабатывать оценочные средства на основе формируемой компетенции применительно к каждой конкретной дисциплине с учетом составляющих ее дидактических единиц. По мнению Титаренко С.Н., проблема разработки системы оценочных материалов по предмету является одной из самых важных и, в то же время, сложных для решения. Это особенно актуально при создании фонда оценочных средств (ФОС) по дисциплине «Иностранный язык» в технических вузах, так как в условиях ограниченного времени, отводимого для непрофилирующих дисциплин, достичь формирования требуемых компетенций у студентов, не имеющих ярко выраженной склонности к лингвистическому образованию, как правило, гораздо сложнее. Таким образом, проблема разработки оценочных средств, позволяющих осуществлять мониторинг становления формируемой иноязычной компетенции, остается актуальной и в настоящее время.

Согласно ФГОС ВО для оценки результатов подготовки на соответствие требованиям ФГОС ВО необходимо структурирование оценочных средств по компетентностному признаку – на основе определенных стандартами комплексов знаний, умений и владения иностранным языком. Процесс приобретения знаний, умений и навыков существенно изменился с введением компетентностного подхода в систему высшего образования. Главным образом новый подход переориентировал образовательный процесс на создание таких педагогических условий, которые способствовали бы развитию личностного потенциала и подготовке выпускника к продуктивному самостоятельному действию в профессиональной сфере и повседневной жизни [8]. Такая самостоятельность проявляется в сформированных компетенциях. По мнению А.В. Хуторского, «компетенция – совокупность взаимосвязанных качеств

личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [6, с. 58]. Другими словами, компетенция – это не набор ЗУНов, а система самостоятельных действий личности, в которых приобретенная в рамках дисциплины информация находит свое практическое адекватное/соответствующее применение в конкретных профессиональных ситуациях.

В условиях развития современного общества возрастает роль подготовки квалифицированного инженера не только за рубежом, но и в России. Особый акцент в инженерном образовании делается на качественное владение иностранным языком как одним из важнейших инструментов межличностного и межкультурного общения [9, 10]. Логично, что одной из основных общекультурных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВО по дисциплине «Иностранный язык» по техническим специальностям для бакалавров является «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» [1]. Характерно, что она перекликается с аналогичными требованиями ФГОС ВО по гуманитарным специальностям и акцентирует внимание на подготовке студентов-бакалавров к реальной коммуникации в рамках диалога культур. Формулировка компетенции отражает основные требования, предъявляемые к конечному результату по изучению иностранного языка, т.е. планируемые результаты обучения дисциплине, которые должны быть достигнуты бакалавром.

Более детальная конкретизация содержания формируемой компетенции в отношении планируемых результатов обучения дисциплине осуществляется в зависимости от этапа работы над разделом дисциплины, его методического содержания, количества часов, отведенных на аудиторные занятия и самостоятельную работу, от направления и профиля подготовки. Это должно быть обязательно отражено в фонде оценочных средств каждой рабочей программы по конкретному направлению подготовки будущего специалиста. Например, для направления 15.03.04 «Автоматизация технологических процессов и производств», профиля подготовки «Автоматизация технологических процессов и производств» учебный план предусматривает 288 аудиторных и 128 часов самостоятельной работы (в течение 4-х семестров). На изучение темы «Автоматизация производственного процесса» в 4 семестре отводится 12 аудиторных часов (или одна контрольная неделя) и 15 часов для самостоятельного освоения. Поэтому для осуществления своевременного мониторинга формирования требуемой компетенции были запланированы следующие ожидаемые результаты:

– бакалавр знает алгоритм восприятия на слух иностранной речи; специальную лексику по теме «Автоматизация производственного процесса»; особенности синтаксиса, необходимые для составления аннотации текста по теме «Автоматизация производственного процесса»

– бакалавр умеет воспринимать на слух иноязычную диалогическую речь на тему «Автоматизация в быту»; написать аннотацию текста по специальности, применив изученную лексику (не менее 10-12 лексических единиц); практически использовать правила образования таких грамматических структур, как видовременные формы глагола в действительном и страдательном залоге, и соответствующие лексические единицы в рамках изученной темы;

– бакалавр владеет навыками выражения своих мыслей в межличностном и профессионально-бытовом общении на иностранном языке в устной и письменной формах в пределах заданной темы.

Как видно из описания планируемых результатов, необходима разработка конкретных оценочных средств, позволяющих отслеживать процесс становления иноязычной компетенции. Многие разработчики ФОС делят все оценочные средства на традиционные (собеседование, коллоквиум, тест, контрольная работа, эссе, реферат, курсовая работа, зачет, экзамен и др.) и инновационные (портфолио, кейсы, ситуационные задания, мини-проекты, курсовые проекты в командах, деловые, ролевые, оргдеятельностные игры) [11]. Оценивая тот или иной вид работы, необходимо иметь критерии, представляющие собой «правила определения численной и (или) вербальной оценки при сравнении результатов действий, демонстрируемых (полученных) аттестуемым, с эталонными (заданными, планируемыми) параметрами по показателям оценки результата» [12, с.13]. При этом оценочные средства должны давать возможность измерять уровень достижения установленных результатов обучения и быть понятными обучающимся, что наиболее полно и точно можно отразить в критериях оценивания. С этой целью в критериях оценивания каждого оценочного средства должны быть представлены не только «валидные, надежные» [11], но и прозрачные показатели знаний, умений и практического опыта.

Особенностью разработанных нами оценочных средств, используемых для контроля результатов обучения иностранному языку, является сочетание традиционных и инновационных способов, видов и форм контроля. При этом традиционные средства переосмыслены в русле компетентностного подхода, а ин-

новационные средства адаптированы для практического применения иностранного языка в бытовых и профессионально-бытовых ситуациях, в которых может оказаться выпускник, и нацелены на сочетание профессионально-деловой и социокультурной ориентации курса, направленного на расширение кругозора и общей культуры студента.

В ходе исследования было выявлено, что для становления требуемой компетенции наиболее эффективными из традиционных форм контроля являются эссе, контрольная работа, грамматический тест, написание аннотации к тексту, собеседование, сообщение. Используя формы традиционной проверки, которые чаще всего оцениваются на основании процентного количества правильно или неправильно выполненных заданий, либо наличия ошибок, мы старались сделать эти критерии валидными и более прозрачными для самого студента. Опираясь на разработанную систему уровней достижения в изучении языка, описываемых с помощью соответствующих дескрипторов [13], были представлены шкалы и критерии оценивания каждого оценочного средства. Например, при написании эссе на тему «Моя будущая профессия» (3 семестр) максимальные баллы (18-20) студент может получить, продемонстрировав смысловую связность и целостность изложения (деление текста на введение, основную часть и заключение), адекватный теме выбор и диапазон языковых средств, соблюдение стилистических норм, логичность и последовательность выражения своих мыслей, грамматическую правильность (не более 3-4 негрубых ошибок), полное соответствие требованиям с точки зрения объема и оформления (2 печатных листа формата А4, кегль 14, полуторный интервал). Соответственно, уменьшение баллов связано с невыполнением основных составляющих максимальной оценки: целостность изложения, разнообразие языковых средств, стилистика, логика изложения, грамматическая правильность, объем и оформление. Кроме того, так как эссе относят к продуктивным тестам, или тестам с гарантированными показателями, то для них предусматривается так называемый подход «предварительного тестирования», который позволяет определить соответствие критериям [14].

В основные критерии оценивания контрольной работы, грамматического теста, которые предусмотрены в течение каждой контрольной недели, наряду с процентным количеством правильно выполненных заданий, мы включаем: степень необходимости использовать словарь, увеличение предусмотренного для выполнения работы времени досрочная сдача письменного задания, нахождение большего количества правильных ответов в заданиях с множественным выбором. При написании аннотации студент получает высший балл (5), если он продемонстрировал полное выполнение коммуникативной задачи, соответствие объему, четкую структуру и связность текста, точный выбор слов и адекватное владение лексикой и грамматикой в соответствии с жанром письменного задания, объем аннотации – 50-60 слов, грамотное оформление аннотации на листе А4 в печатном виде, допускаются 1-2 негрубые ошибки. Потеря баллов будет также связана с невыполнением условий критериев оценивания по максиму. На наш взгляд, чтобы сэкономить учебное время на занятии, написание эссе и аннотации целесообразнее выполнять во время внеаудиторной работы.

Проследить эффективность формирования иноязычной компетенции у студентов технических специальностей с точки зрения владения иностранным языком, как показывает опыт, возможно с использованием таких инновационных оценочных средств как: деловая/ролевая игра, электронное сообщение, мини-проект, творческие задания различной направленности, презентации с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и портфолио [11,12]. Приведем пример еще одного разработанного нами оценочного средства – ролевой игры «Достопримечательности Лондона» – по итогам изучения темы «Страны изучаемого языка» в первом семестре студентами всех специальностей. Ролевая игра – оценочное средство для проверки продуктивных умений, требующее большей самостоятельности и содержащее элементы творчества. При выполнении ролевой игры, которая проводится со всей группой сразу на занятии, обучаемые становятся участниками иноязычного общения. Время проведения – 20 мин. Роль преподавателя – осуществлять наблюдение за всеми студентами, следить за активностью и результативностью каждого студента во время игры, за временем и т.д. Критерии оценки могут варьироваться в зависимости от роли, вклада участника в игру, темы, цели игры, состава участников. Преподаватель должен заранее сообщить студентам о проведении игры. Так как целью всех игр является тренировка речевого навыка, то оценивание включает в себя обсуждение итогов проведенной игры. Часто это дает возможность дополнительной речевой тренировки. Форма обсуждения зависит от самой игры и сути задания. Могут быть определены наиболее интересные вопросы, идеи, самые артистичные исполнители и т.д., за что можно присудить дополнительный балл-бонус. Сам преподаватель может задать несколько дополнительных вопросов.

Концепция игры «Достопримечательности Лондона» моделирует ситуацию речевого общения во время экскурсии по Лондону. Нескольким гидам предстоит ответить на многочисленные вопросы туристов в процессе увлекательной экскурсии по городу. Во-

просы касаются истории основания Лондона римлянами и исторических мест города: Вестминстерское аббатство, Тауэр, Собор Святого Павла, Букингемский дворец, Трафальгарская площадь, здание Британского парламента. Игра проходит в виде экскурсионной поездки по Лондону с использованием мультимедийного оборудования, либо визуального страноведческого материала. Студенты делятся на две группы: группу гидов (3-4 человека) и группу туристов (5-6 человек). Симуляционная игра дает возможность студентам на практике применить свои коммуникативные, речевые навыки, активизировать пройденный лексико-грамматический материал, способствует развитию навыков вербального общения на английском языке. Критериями оценивания предусмотрено, что наивысшую оценку (5 баллов) студент получит, продемонстрировав активное участие в ролевой игре, полное владение стратегиями ведения диалога, использование различных типов реплик, гибкость в развитии темы общения, использование стратегий сотрудничества, беглость и эмоциональность речи, соответствие социолингвистическим параметрам ситуации, адекватный выбор лексико-грамматических единиц в соответствии с заданной ролью, грамматическую правильность речи (1-2 негрубые ошибки). Несоответствие вышеуказанным критериям повлечет за собой снижение количества баллов.

Неотъемлемой частью учебного процесса по иностранному языку является домашняя самостоятельная работа. На наш взгляд, она представляет собой особый вид контрольно-оценочного средства, которое предлагается студентам на каждом занятии и оценивается с точки зрения его правильности, объема, систематичности с максимальным баллом 10 за каждую контрольную неделю (2 балла за каждое из 5 занятий первой и второй контрольной недель). Критерии оценивания: правильные ответы даны на 90-100% вопросов – 2 балла; правильные ответы даны на 70-89% вопросов – 1,5 бала; правильные ответы даны на 50-69% вопросов – 1 балл; правильные ответы даны менее чем на 50% вопросов – 0,5 баллов, задание не выполнено – 0 баллов. Виды домашнего задания и формы его контроля выбираются преподавателем в зависимости от темы, цели, специфики и этапа изучаемого материала на занятии.

Представленный мониторинг с целью проследить уровень становления формируемой компетенции на различных этапах изучения конкретного предмета, конкретной темы, конкретного ее раздела традиционными и инновационными оценочными средствами невозможен без предварительного тестирования всех студентов перед началом изучения иностранного языка в вузе для выявления исходного уровня владения языком. В этой связи преподавателями кафедры «Иностранные языки» ВолгГТУ были разработаны контрольно-измерительные материалы для входного тестирования. Оно проводится только один раз на первом занятии первого семестра, используется для фиксирования начального уровня подготовленности обучающихся и построения индивидуальных траекторий обучения. Тест состоит из двух частей: использование языка и работа с текстом, предполагает 25 заданий и рассчитан на 40 минут. Такое тестирование является необходимой предпосылкой для успешного планирования и дальнейшего мониторинга формирования иноязычной компетенции. В условиях личностно-ориентированной образовательной среды результаты входного оценивания студента используются как начальные значения в индивидуальном профиле академической успешности студента. Оценивание входного тестирования осуществляется в форме самооценивания при помощи «ответов-ключей», которые преподаватель выдает студентам после выполнения теста. Оценка «зачтено» выставляется, если выполнено 60% заданий.

Таким образом, в процессе исследования авторам удалось разработать оценочные средства, эффективность которых определяется используемыми технологиями контроля результатов обучения с возможностью комплексного оценивания различных элементов учебной дисциплины, формирующих приобретаемые компетенции. Разработанные методические и контрольно-оценочные материалы предназначены для оценивания формирования компетенции на разных стадиях обучения студентов на соответствие (или несоответствие) уровня их подготовки требованиям ФГОС ВО. Представленные оценочные средства позволяют осуществлять своевременный мониторинг становления общекультурной компетенции у студентов на занятиях по иностранному языку с учетом специфики обучения студентов технических специальностей. Кроме того, благодаря критериям оценивания можно отслеживать как достигаемый уровень овладения всей дисциплиной и ее дидактическими единицами в отдельности, так и уровень развития формируемой компетенции.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Бакалавриат. Направление подготовки 15.03.04 Автоматизация технологических процессов и производств (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 марта 2015 г. N 200).

2. Новоженина Е.В. Реализация компетентностного подхода в обучении иностранным языкам / Е.В. Новоженина // Изв. ВолгГТУ. Серия "Проблемы социально-гуманитарного знания". Вып. 6 : межвуз. сб. науч. ст. /

ВолгГТУ. Волгоград, 2009. № 9. С. 110-112.

3. Титаренко С.А. Контрольно-оценочные средства как мера форсированности профессиональных и общих компетенций / С.А. Титаренко // Проблемы и перспективы развития образования: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2013 г.). Пермь: Меркурий, 2013. С. 133-134.

4. Коган Е.Я. Компетентностный подход и новое качество образования // Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию: материалы семинара / Под ред. А.В. Великановой. Самара: Профи, 2001. С. 28–32.

5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.

6. Хуторский А.В. Ключевые компетенции: технология конструирования // Народное образование. 2003. № 5. С. 58-64.

7. Чечет Т.И. Мониторинг качества обучения студентов иностранным языкам в техническом университете / Т.И. Чечет // Изв. ВолгГТУ. Серия "Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе": межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. Волгоград, 2006. Вып.3, №8. С. 162-164.

8. Азарова Р.Н. Проектирование компетентностно-ориентированных и конкурентоспособных основных образовательных программ ВПО, реализующих ФГОС ВПО: метод. Рекомендации / Р.Н. Азарова, Н.В. Борисова, Б.В. Кузов / Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. М.; Уфа, 2008. 81 с.

9. Топоркова О.В. О принципе многообразия в инженерном образовании / Топоркова О.В. // Тенденции и перспективы развития науки XXI века : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18 окт. 2015 г.). В 2 ч. Ч 1. / Международный центр инновационных исследований «Омега сайнс». Уфа, 2015. С. 189-191.

10. Топоркова О.В. Подходы к исследованию инженерного образования: отечественный и зарубежный опыт / Топоркова О.В. // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20 : межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. Волгоград, 2015. № 2 (155). С. 137-140.

11. Методические рекомендации по формированию фондов оценочных средств. Томск, 2012. URL: http://www.enin.tpu.ru/attachments/article/692/fos.pdf (дата обращения 19.03.2015)

12. Методические рекомендации по заполнению макета фонда оценочных средств для проведения текущего контроля и промежуточной аттестации в рамках основной профессиональной образовательной программы федерального государственного образовательного стандарта по специальности среднего профессионального образования. Наб. Челны: НИСПТР, 2013. 50 с.

13. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Страсбург, 2001. МГЛУ (русская версия), 2005. 247с.

14. Caroline Clapham. Principles of assessment URL: https://www.llas.ac.uk/resources/gpg/1398 (дата обращения 31.03.2016).

Об авторах

Топоркова Ольга Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Волгоградского государственного технического университета, *Toporkova.vstu@gmail.com*

Новоженина Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета, *elena.nvzh@mail.ru*

Чечет Тамара Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета, *titsch1@yandex.ru*

УДК 376.43

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Трубина Е.Н.

В статье представлена разработанная модель формирования нравственных представлений средствами музыки у младших школьников с умственной отсталостью. Данная модель предполагает комплекс последовательно сменяющихся этапов. Именно последовательная реализация предложенных этапов модели, позволяет сформировать и закрепить нравственные представления младших школьников с умственной отсталостью.

Ключевые слова: *модель, технологическая карта, нравственные представления, младший школьник, умственная отсталость, музыка.*

MODELING OF FORMATION OF MORAL IDEAS BY MEANS OF MUSIC IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

Trubina E. N.

The article presents a developed model of formation of moral ideas by means of music in primary school children with mental retardation. This model involves a complex series of successive stages. It is the consistent implementation of the proposed stages of the model allows you to create and consolidate the moral representations of younger schoolboys with a mental retardation.

Keywords: *model, routing, moral concepts, junior high school student, mental retardation, music.*

При создании модели процесса формирования нравственных представлений младших школьников с умственной отсталостью мы опирались на следующую трактовку данного понятия: «научная модель – это мысленно представляемая и материально реализованная система, которая адекватно отображает предмет исследования и способна замещать его так, что изучение модели позволяет получить новую информацию об этом объекте» [1, с. 145]. Смысловое содержание категории «модели» дает основание утверждать, что построение ее базируется на системном подходе, согласно которому педагогический процесс, представленный в виде модели, составляет систему, в которой системообразующими компонентами выступают: цель, деятельность педагога, деятельность детей и результат. Переменными составляющими педагогического процесса служат: содержание учебного материала, методы и организационные формы обучения, средства обучения, условия обучения.

При конструировании модели изучаемого феномена мы исходили из того, что для детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью она должна отражать: 1) нравственные требования, предъявляемые обществом; 2) основные средства музыки в формировании нравственных представлений детей данной категории; 3) организацию процесса формирования нравственных представлений средствами музыки; 4) содержание процесса формирования нравственных представлений; 5) основные критерии и показатели уровней сформированности нравственных представлений детей.

На эмпирическом этапе исследования нами была разработана технологическая карта процесса формирования нравственных представлений детей рассматриваемой категории. Данный процесс в условиях специального (коррекционного) образования предполагает реализацию последовательно сменяющихся этапов, которые нашли отражение в предложенной технологической карте.

Каждый этап представляет собой часть образовательного процесса в специальном (коррекционном) образовательном учреждении VIII вида, характеризующийся логической завершенностью, ясными целевыми установками, четким предметным содержанием, конкретным организационно-методическим обеспечением и системой контрольно-оценочных процедур. Для проведения исследования нами была предложена экспериментальная программа, разработанная на основе рассмотренной модели процесса формирования нравственных представлений у младших школьников с легкой и умеренной степенью умственной отсталостью. В связи с этим, технологическая карта процесса формирования нравственных представлений рассматривается нами как комплекс следующих этапов:

Рис. 1. Технологическая карта процесса формирования нравственных представлений средствами музыки у младших школьников с умственной отсталостью

I этап – организационно-подготовительный и II этап – исходно-диагностический – являются компонентами констатирующего этапа эксперимента;

III этап – содержательно-технологический и IV этап – коррекционный – являются компонентами формирующего этапа эксперимента;

V этап – итогово-диагностический и VI этап – планово-прогностический – являются компонентами контрольного этапа эксперимента.

Обратимся к характеристике этапов модели формирования нравственных представлений детей, имеющих нарушения интеллектуальной деятельности.

I. Организационно-подготовительный этап.

На данном этапе рассматривается понятие и дается характеристика умственной отсталости по Международной классификации болезней 10-го пересмотра, а также осуществляется подбор музыкальных произведений для умственно отсталых детей с учетом структуры их дефекта и приводится перечень подобранных музыкальных произведений для этих детей, направленных на формирование их нравственных представлений.

Также нами осуществлялся подбор музыкальных произведений, позволяющих формировать с учетом структуры их дефекта такие нравственные представления детей с легкой и умеренной степенью умственной отсталости как: честность, справедливость, ответственность, дисциплинированность, товарищество, гуманность и взаимопомощь. Большое значение имеет подбор музыкального репертуара. Правильно подобранный репертуар способствует нравственному и эстетическому воспитанию детей, формируя их вкусы и взгляды. В репертуаре должны сочетаться произведения разных направлений, стилей и жанров. Необходимо подбирать музыку таким образом, чтобы она захватывала, увлекала, заинтересовывала детей. Для восприятия музыки детьми с легкой степенью умственной отсталости наиболее подходят для занятий вокальные музыкальные произведения различного характера, а для детей с умеренной степенью умственной отсталo-

сти предпочтительнее использовать на занятиях детские песни простого содержания, в которых очевидна (более ясно выражена) главная мысль произведения.

Формируя представления детей о взаимопомощи и товариществе целесообразно предлагать детям для прослушивания «Песенку друзей» из мультфильма «Веселые путешественники», муз. М. Старокадамского, сл. С. Михалкова; «Веселый ветер», муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача.

С целью формирования нравственных представлений о гуманности, доброте, чуткости, отзывчивости, милосердии можно предложить для восприятия «Песню о доброте» из мультфильма «Приключения поросенка Фунтика», муз. В. Львовского, сл. В. Шульжика; «Улыбку» из мультфильма «Крошка Енот», муз. В. Шаинского, сл. М. Пляцковского и т. п.

Для формирования представлений о таких нравственных категориях как дисциплинированность и ответственность, можно предложить детям прослушать песню «Королевская охрана» из мультфильма «Бременские музыканты», муз. Г. Гладкова, сл. Ю. Энтина; «Учат в школе», муз. В. Шаинского, сл. М. Пляцковского и др.

Информируя детей о справедливости и честности, для прослушивания предлагаются следующие музыкальные произведения песенного содержания: «Рыжий, рыжий, конопатый» из мультфильма «Веселая карусель», муз. Е. Ботярова, сл. Э. Успенского; «По секрету всему свету» из кинофильма «По секрету всему свету», муз. В. Шаинского, сл. М. Танича и т. д.

Музыкальный репертуар для слушания предоставлен на выбор в зависимости от степени подготовленности, личностных особенностей умственно отсталых учащихся, а также может быть изменен в зависимости от местных условий.

В ходе экспериментальной работы большое внимание уделялось диагностированию, целью которого служит выявление, оценивание и анализ процесса формирования нравственных представлений детей в связи с его продуктивностью. Поэтому на данном этапе (подготовительном) исследования нами были подобраны диагностические методики, которые должны быть использованы на последующих этапах экспериментальной работы.

II. Исходно-диагностический этап.

На данном этапе для проверки выдвинутой гипотезы нами была проведена экспериментальная работа на базе начальных классов специальных (коррекционных) образовательных учреждений VIII вида № 15 и № 16 г. Нижний Тагил. Экспериментальная группа (составила 52 человека) состояла из учащихся одного возраста начальных классов С(к)ОУ VIII вида № 15, поскольку их первоначальный уровень сформированности нравственных представлений при опросе, а также в ходе бесед, оказался ниже, чем в С(к)ОУ № 16, следовательно контрольная группа (составила 58 человек) состояла из учащихся одного возраста начальных классов С(к)ОУ VIII вида № 16. Всего в экспериментальной работе на разных ее этапах приняли участие 110 детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью легкой и умеренной степени.

Также на этом этапе описывается, как умственно отсталые дети воспринимают музыку и, как, в частности, у детей с легкой и умеренной степенью умственной отсталости осуществляется восприятие музыки. Кроме того, осуществляется деление умственно отсталых младших школьников на группы по структуре дефекта, исходя из особенностей восприятия музыки. Дети были дифференцированы по степени умственной отсталости (легкая и умеренная), а, следовательно, была выстроена форма работы с ними, учитывая их потребности. Соответственно, нами на музыкальных занятиях осуществлялась фронтальная, групповая и индивидуальная форма работы с данными детьми. Для этих групп детей осуществлялся подбор музыкальных произведений с точки зрения их психологической готовности, то есть отбирались такие музыкальные произведения, которые правильно воспринимаются и понимаются умственно отсталыми детьми. Помимо этого, на данном этапе было проведено определение первоначального уровня сформированности нравственных представлений умственно отсталых детей.

Первоначальный (исходный) уровень сформированности нравственных представлений у испытуемых был выявлен с помощью диагностической методики Л.М. Фридман, Т.А. Пушкиной и И.Я. Каплунович: «Что такое хорошо и что такое плохо?» [2]. Данная методика позволяет установить наличие у учащихся полноты и адекватности представлений о нравственных ценностях; отношение ребенка к общепринятым нормам и правилам поведения; наличие готовности нравственно действовать в повседневной жизни.

III. Содержательно-технологический этап.

Цель данного этапа заключается в реализации содержания программы посредством форм и методов обучения, характерных для специального (коррекционного) образовательного учреждения VIII вида.

В ходе экспериментальной работы отбор форм и методов формирования нравственных представлений исследуемых детей производился с учетом задач образовательного и воспитательного воздействия. Работа осуществлялась в трех основных формах: фронтальной, групповой и индивидуальной. Пьесы, предлагаемые программой, предполагают реализацию следующих методов: дети могут слушать произведение; анализировать музыкальное произведение (беседовать о характере, особенностях формы произведения); пропевать главную тему инструментального

произведения голосом; выполнять индивидуальные или групповые задания творческого характера (рисунки на тему произведения, сочинять небольшие рассказы об услышанной музыке); включать звучание музыкальных произведений в инсценировку сказок, жизненных ситуаций и т. д.

Основные задачи формирующего этапа экспериментальной работы определялись как реализация разработанного системно-целостного процесса по формированию нравственных представлений, используя возможности музыки, осуществления наблюдения за работой экспериментальной группы. Данные задачи решались в рамках программы, в которой изложен разработанный и адаптированный нами целостный методический комплекс по формированию нравственных представлений младших школьников с умственной отсталостью в процессе слушания музыки, основанный на предложенной И. В. Евтушенко концепции технологически последовательных действий, предназначенной для нормально развивающихся младших школьников.

IV. Коррекционный этап.

Коррекционная работа в нашем исследовании имела место на протяжении всего процесса реализации программы по музыке. Цель этапа заключалась в устранении пробелов в знаниях о нравственных ценностях, нормах и правилах поведения, исправлении ошибок, допущенных умственно отсталыми учащимися в ходе формирования нравственных представлений.

Выявить необходимость коррекционной работы нам позволила апробация разработанной программы, в ходе которой умственно отсталые дети экспериментальной группы принимали активное участие: анализ и совместное обсуждение музыкального произведения, рассуждение на темы занятий, участие в инсценировках, рисунки на тему занятий и др.

В ходе реализации программы по музыке нами было установлено, что не все умственно отсталые дети младшего школьного возраста правильно воспринимают главную тему (мысль) прослушанных музыкальных произведений. Некоторые из детей не видят связи между звучащим музыкальным произведением и установочными словами учителя перед его прослушиванием, не понимают того, о чем говорится в том или ином музыкальном произведении и как это соотносится с темой занятия.

После проведения каждого из занятий программы дети были разделены нами на две группы: усвоившие и не усвоившие нравственнее качества, характеризующие формируемые нравственные представления. Заранее мы предполагали, что по той части материала, которая не будет должным образом усвоена большинством умственно отсталых учащихся, необходимо провести занятия со всей группой, причем способ изложения материала может быть иным или оставаться прежним по усмотрению педагога. Основной формой коррекционной работы мы избрали работу в малых подгруппах по 2-3 человека, где ребятам разных подгрупп предлагалось выполнить различные задания игрового характера.

Затем была произведена дополнительная коррекционная работа с теми умственно отсталыми детьми, которые еще не достигли необходимого уровня усвоения материала. В этом случае применялась индивидуальная форма работа педагога с детьми.

V. Итогово-диагностический этап.

Цель данного этапа заключалась в определении эффективности программы формирования нравственных представлений средствами музыки у младших школьников с умственной отсталостью.

Реализации цели способствовало решение следующих *задач:*

1) определение уровня сформированности нравственных представлений у младших школьников с умственной отсталостью после апробации экспериментальной программы;

2) анализ достигнутых результатов детей в процессе формирования нравственных представлений.

Для решения поставленных задач по завершении апробации разработанной программы была проведена итоговая диагностика. Проверка, учет уровня нравственных представлений, умений и навыков в проявлении нравственного поведения, приобретенных умственно отсталыми детьми на предыдущих этапах реализации процесса формирования нравственных представлений, осуществлялись посредством таких диагностических методов, как итоговое тестирование, анкетирование детей, родителей и классного руководителя, беседа и опрос.

Итоговое тестирование после реализации программы по музыке проводилось при помощи диагностической методики Л. М. Фридман, Т. А. Пушкиной и И.Я. Каплунович «Я считаю так». Целью ее было определение уровня сформированности нравственных представлений у младших школьников с умственной отсталостью. Результаты данной диагностической методики мы использовали для последующего сравнения с результатами диагностической методики тех же авторов «Что такое хорошо и что такое плохо?», проведенной на исходно-диагностическом этапе реализации процесса формирования нравственных представлений у исследуемых детей. При помощи анкетирования детей, родителей и классного руководителя определялась динамика воспитания умений и навыков нравственного поведения в отношениях детей между собой и во взаимодействии со взрослыми.

По результатам контрольного исследования мы

установили, что у учащихся экспериментальной группы в результате реализации диагностической методики произошли качественные изменения в уровне сформированности нравственных представлений. По данным контрольного этапа экспериментальной работы в экспериментальной группе увеличилось количество учащихся с репродуктивно-креативным уровнем сформированности нравственных представлений, выявились дети с конструктивно-креативным уровнем сформированности нравственных представлений, а также значительно уменьшилось количество учащихся с репродуктивным уровнем сформированности нравственных представлений. У учащихся контрольной группы изменения в уровне сформированности нравственных представлений минимальны. В контрольной группе конструктивно-креативный уровень сформированности нравственных представлений снизился на 2 % в связи с тем, что некоторые из детей не понимали сущность заданного вопроса в ходе проведения второй диагностической методики.

VI. Планово-прогностический этап.

На данном этапе описываются планы на будущее относительно использования музыкального репертуара в работе с умственно отсталыми детьми с легкой и умеренной степенью умственной отсталости; даются рекомендации по организации и содержанию коррекционных занятий, ориентированных на процесс формирования нравственных представлений средствами музыки у младших школьников с умственной отсталостью. Экспериментальная программа по музыке может быть использована учителями в практике преподавания уроков музыки в специальном (коррекционном) образовательном учреждении VIII вида.

Таким образом, последовательная реализация всех предложенных этапов модели, позволит сформировать нравственные представления средствами музыки у младших школьников, имеющих нарушение познавательной деятельности.

Список литературы

1. Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2007. 318 с.

2. Фридман Г.М., Пушкина Т.А., Каплунович И.Я. Изучение личности учащегося и ученических коллективов / Г.М. Фридман, Т.А. Пушкина, И.Я. Каплунович. М.: Просвещение, 1998. 437 с.

Об авторе

Трубина Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики дошкольного и начального образования Нижнетагильского государственного социально-педагогического института филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета, *elenatrubina2010@yandex.ru*

Правила предоставления рукописей.

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим группам научных специальностей:

07.00.00 – исторические науки и археология;**10.01.00** – литературоведение;**10.02.00** – языкознание;**13.00.00** – педагогические науки. Статьи формируются редакционной коллегией и предоставляются в редакционно-издательский отдел для верстки.

Требования к структуре статей

Статья формируется из отдельных структурных составляющих в следующей последовательности:

1) первая строка: номер УДК;
2) вторая строка: название статьи;
3) пропустив одну строку: фамилия и инициалы авторов;
4) пропустив одну строку: аннотация на русском языке;
5) ключевые слова;
6) пропустив одну строку: основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами;
7) пропустив одну строку: аннотация на английском языке («Annotation»);
8) ключевые слова на английском языке («Keywords»);
9) пропустив одну строку: список литературы;
10) пропустив одну строку: сведения об авторах.

Статьи представляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи. Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал указать фамилии и инициалы авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через один интервал располагается аннотация статьи на русском языке, которая должна не превышать 1200 знаков (с пробелами). В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (7 – 12). Далее через один интервал располагается основной текст статьи с иллюстрациями и таблицами (12 pt).

Пропустив одну строку указывается аннотация и ключевые слова на английском языке. Пропустив одну строку располагается список литературы и ниже через один интервал необходимо указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) – обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

В список литературы включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется либо в порядке цитирования, либо в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Подписи к рисункам, таблицам – шрифт TimesNewRoman (обычный), 12 pt, межстрочный интервал – одинарный.

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Рисунки, выполненные карандашом, не принимаются. Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: фамилия, имя, отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте Журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58 **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru. bgu–rio@yandex.ru

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ /
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России» -40705 годовая

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского».
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать 23.09.2016. Дата выхода журнала в свет 07.10.2016.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 31,75. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**